

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2010 год

Предпосылки и пути образования
Древнерусского государства



Университет Дмитрия Пожарского
Москва, 2012

УДК 94(4) “04/14”

ББК 63.3(5)

Д 73

*Издание подготовлено и издано в рамках работы над проектом
«Возникновение и становление Древнерусского и других государств
Средневековья: компаративное исследование» (№ 12-01-08018) по целевой
программе РГНФ «1150 лет российской государственности»*

*Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН
и Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *И.Н. Данилевский*

Кандидат исторических наук *Е.В. Пчелов*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор),

кандидат исторических наук *А.С. Щавелёв* (ответственный секретарь),

кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*,

доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*,

доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*,

кандидат филологических наук *В.И. Матузова*,

доктор исторических наук *А.В. Назаренко*,

доктор исторических наук *А.В. Подосинов*,

доктор исторических наук *Л.В. Столярова*

Д 73 Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012 — 712 стр.

ISBN 978-5-91244-092-2

Настоящий том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен актуальным проблемам возникновения Древнерусского государства, изучаемым на основе как письменных источников, так и археологических материалов. С использованием методов политической антропологии освещаются основные этапы становления государственности у восточных славян и уровень развития восточнославянских общностей накануне образования государства. Особое внимание уделяется одному из аспектов инфраструктуры Древнерусского государства — формированию системы военно-административных центров, через которые осуществлялась власть. Рассматриваются также пути государствообразования у соседящих с Русью народов. Самостоятельную проблему составляет зарождение письменной культуры и осмысления в ней эпохи образования государства.

УДК 94(4) “04/14”

ББК 63.3(5)

© Авторы статей

© Составление и редактирование

Е.А. Мельникова, А.С. Щавелёв

© Институт всеобщей истории РАН

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке

ISBN 978-5-91244-092-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен, как следует из его подзаголовка, «предпосылкам и путям образования Древнерусского государства» — крайне широкой проблеме, все аспекты которой невозможно осветить в одной книге. Поэтому главное внимание было сосредоточено на трех — наименее освещенных в исторических исследованиях, но успешно разрабатываемых в рамках других, смежных наук — вопросах: состоянии восточнославянских общностей ко времени образования Древнерусского государства; путях восточнославянского политогенеза в сопоставлении с политогенезом соседивших с Русью народов; формировании государственной инфраструктуры Руси, точнее, одной из ее составляющих — системы военно-административных центров, через которые осуществлялась княжеская (центральная) власть.

Большая часть поставленных вопросов не нова и так или иначе исследовалась в советское время¹, однако сложившаяся в 1930-е — 1950-е годы и продолжавшая доминировать в отечественной исторической науке вплоть до 1990-х годов модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего, Руси (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, В.Д. Королюк, Б.Н. Флоря и др.)², жестко определяла направление исследований и тем самым сужала возможные результаты. В соответствии с этой моделью, Древнерусское государство возникло самое позднее в IX в. (предпочтительнее — в VIII в. или еще раньше) как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. Однако даже сторонники этой модели находили затруднительным аргументировать наличие на Руси X и даже XI в. таких основополагающих признаков классовых (в первую очередь феодальной) формаций как феодальный способ про-

¹ Достаточно вспомнить труды И.И. Ляпушкина, П.Н. Третьякова, Б.А. Рыбакова, И.П. Русановой, В.В. Седова, посвященные отдельным славянским, как тогда считалось, «племенам».

² Критику этой концепции еще до придания ей «официального» статуса см. в работах С.В. Юшкова и С.В. Бахрушина.

изводства, основанный на частной (или государственной) земельной собственности, внеэкономическое принуждение, оформившиеся классы и др. (что явилось отправным пунктом для концепции И.Я. Фроянова), и вынуждены были экстраполировать явления, фиксируемые для конца XI–XII в., на предшествующее время. Даже введение понятия «переходный период» (от племенного строя к государственному), принятого в западноевропейской медиевистике (период «варварских королевств», по А.И. Неусыхину), применительно к Древнерусскому государству встретило возражения как нарушающее «чистоту» формационной схемы (Л.В. Черепнин).

Эта модель была едва ли не впервые поставлена под сомнение в 1992 г. в ряде докладов (Н.Ф. Котляра, Е.А. Мельниковой, М.Б. Свердлова) на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства³. С тех пор она практически вышла из употребления, но не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств.

Ныне не подлежит сомнению, что попытки формационного определения политий, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), безуспешны. Однако эти политии обнаруживают черты, свойственные государству (если понимать его не как, прежде всего, репрессивную организацию, а более широко — как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую жизнедеятельность общества)⁴: сильную центральную власть, осуществляющую военные, административные, фискальные и другие функции через аппарат управления, фиксированную территорию и др. Обраще-

³ ВЕДС. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы истории. Тез. докл. М., 1992. См. подробно: Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточно-европейской историографии. Ижевск, 2012.

⁴ См., например, определение государства одним из классиков политической антропологии Г. Классеном: «Государство — это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определенной территории и состоящем из двух основных страт — правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности» (Claessen H.J.M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. N.Y., 1996. Vol. IV. P. 1255.). В политической антропологии выделяется три основных признака государства, отличающих его от вожества: территориальное деление, налоги и формирование аппарата управления, однако эти признаки весьма условны (Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2010. С. 179).

ние к моделям государствообразования, предложенным в политической и исторической антропологии, — введение понятия «вождество» и представлений об эволюции вождеств от простых к суперсложным⁵ — было, безусловно, продуктивным, однако предпринимаемые на их основе реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам, поскольку, в первую очередь, столкнулись с острым недостатком источников, которые позволили бы аргументированно восстановить социальную и политическую структуру восточнославянских общностей и их эволюцию до XI в., особенно в VIII–IX вв. — определяющем периоде в переходе восточных славян к государственному устройству.

Проблема источников в последнее десятилетие встала особенно остро. С одной стороны, резко увеличился объем археологических материалов, существенно пополнивших источниковую базу исследований восточнославянских обществ в VIII–XI вв. Принципиально важную роль для освещения генезиса Древнерусского государства имеют региональные исследования, круг которых сильно расширился. Наряду с всегда имевшими большое значение раскопками городов: Киева⁶, Городища и Новгорода, Ладоги, Пскова, Гнёздова и Смоленска, Суздаля, Чернигова и мн. др., возникновение и ранние этапы истории которых тесно связаны с формированием государства, ныне внимание археологов в большей мере сосредоточилось на широкой округе городских центров: Поволховье и Приильменье (Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий), Черниговщине (В.П. Коваленко, А.П. Моця), Посеймье (В.В. Енуков) и др., и племенных территориях: древлян (Б.А. Звиздецкий), северян (А.В. Григорьев, И.Г. Сарачев), радимичей (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов) и др. Эти материалы формируют принципиально новую картину славянского расселения в Восточной Европе⁷, возникновения и характера социально-политических общностей (В.Я. Конецкий, А.П. Моця, Е.А. Шинаков). Однако археологические материалы еще далеки от сколько-нибудь систематического осмысления и

⁵См.: Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32; Котляр Н.Ф. Древнерусское государство. СПб., 1998; Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. Брянск, 2002 и др.

⁶Публикации М.А. Сагайдака, Г.Ю. Ивакина, В.Н. Зоценко. Новые данные, полученные при раскопках Киева 2000-х годов, как кажется, радикально меняют наши представления о процессах, протекавших в Среднем Поднепровье и тесно связанных с образованием Древнерусского государства, однако они еще не обобщены и далеко не полностью осмыслены.

⁷По данным письменных источников эта проблема была обобщена в кн.: Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

обобщения, что делает крайне затруднительным их использование в исторических исследованиях, которые, как представляется, не могут ныне опираться только на письменные источники.

Это тем более справедливо, что, с другой стороны, традиционные письменные источники находятся сейчас в процессе серьезного пересмотра. Реконструкция ранней, IX–X вв., истории Руси основывается по преимуществу на сообщениях одного единственного источника — «Повести временных лет», место которой в истории летописания определялось до последнего времени в соответствии со схемой А.А. Шахматова (1908 г.), ныне претерпевающей, во-первых, существенные изменения в отношении и датировок отдельных сводов, и — что особенно важно — их соотношения и отнесения к ним тех или иных частей «Повести» (О.В. Творогов, А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк и др.). Во-вторых, общая констатация того, что в основе сообщений «Повести временных лет» лежат устные предания, сменилась систематическим изучением устной традиции, использованной летописцами при воссоздании «начал Руси» (Е.А. Мельникова, А.С. Щавелев). Казавшиеся ранее достоверными известия, используемые как основа для исторической реконструкции последовательных этапов образования Древнерусского государства, оказываются результатом осмысления летописцем XI–XII вв. устных преданий, сложившихся столетием раньше, подвергшихся трансформации в процессе устного бытования и адаптированных летописцем в соответствии с его историософскими представлениями. В-третьих, требует дополнительного источниковедческого и — особенно — лингвистического исследования другой важнейший источник по ранней истории Руси: договоры с X в. Признание того, что сохранившиеся тексты являются переводами конца XI в. с греческого языка (Я. Малингуди, С.М. Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию, но также выдвигает необходимость в более критическом подходе и к текстам в целом. Наконец, далеко не полностью использованы еще возможности, открываемые зарубежными источниками, среди которых особую ценность в контексте проблем образования Древнерусского государства представляют восточные и византийские источники IX–X вв., отразившие процессы эволюции социально-политического строя восточных славян.

Таким образом, в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: историки Древней Руси редко обращаются к новейшим концепциям современной медиевистики и, особенно, политиче-

ской антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, и в еще меньшей степени используют археологические материалы из-за сложности их интерпретации.

Публикуемые в данном томе статьи призваны по возможности компенсировать указанные сложности, представив материалы, которые проливают свет на несколько существенных вопросов восточнославянского политогенеза и частично разрушают сложившиеся и устоявшиеся представления.

Во-первых, публикуемые материалы свидетельствуют о разном уровне развития отдельных восточнославянских общностей⁸. Как правило, раннее восточнославянское пространство рассматривается как некое единство, в котором процессы государствообразования протекали относительно синхронно от Ладоги до Переяславля Южного. Между тем археологические источники с отчетливостью указывают на существеннейшие различия в развитии отдельных восточнославянских общностей, прежде всего стадийные (как, например, между полянами и вятичами), но также и в предпосылках и механизмах процессов государствообразования у различных общностей.

Установление разностадийности социально-политического развития восточнославянских общностей дает новую основу для обсуждения вопроса о центрах возникновения государственности у восточных славян. Среднеднепровский (полянский) моноцентризм, восходивший еще к представлениям летописцев XI–XII вв., сменился в последние десятилетия бицентризмом: к Среднеднепровскому региону добавилось Поволховье, которое ныне в части российской историографии представляется едва ли не как главный регион зарождения государственности у восточных славян. Представленные в сборнике материалы дают основания полагать, что таких центров в восточнославянском мире было не два, а больше: так, выявленная иерархичность поселений в Верхнем Поднепровье вкупе с другими данными как будто указывает на формирование здесь еще одной политики.

Во-вторых, исследования славянских поселений VII–IX вв. в Среднем Поднепровье и к западу и востоку от него рисуют картину бурных военных столкновений, сопровождавшихся уничтожением одних группировок и миграциями других, — в противоположность традиционному представлению о мирных земледельцах, покой которых на-

⁸Ср.: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 300–347.

рушали лишь набег кочевников. Славянские общности оказываются значительно более мобильными и активными, нежели принято считать в историографии.

В-третьих, впервые, благодаря археологическим исследованиям Черниговщины, приобретает зримость процесс так называемого «окняжения» земель киевскими правителями. Основание «дружинных лагерей» — форпостов киевской власти — наглядное свидетельство тяжелой и длительной борьбы, ведшейся первыми киевскими князьями за гегемонию в регионе.

Наконец, и выявление сети «дружинных лагерей» в Черниговской земле, и судьбы поселений в междуречье Днестра и Дона по-новому освещают скандинавское утверждение на территории Восточной Европы: очевидно, что распространенное мнение о в целом мирном расселении скандинавов по преимуществу в (прото)городских центрах, — основанное на материалах некрополей у крупнейших торгово-ремесленных поселений со смешанными этно-культурными традициями, — далеко не всегда оправданно и требует существенных корректив.

Следующий круг актуальных проблем связан с историческим и геополитическим контекстом образования Древнерусского государства. Постепенно преодолевается «русскоцентричный» взгляд на прошлое Восточной Европы, когда главным объектом исследования были восточнославянские общности и Древняя Русь. Как ее возникновение, так и дальнейшая эволюция проходили не в изолированном пространстве. Восточнославянский мир теснейшим образом взаимодействовал с другими народами, населявшими Восточную Европу: финнами и балтами на севере и западе, кочевниками на юге, с уже сложившимися государствами Восточной Европы, прежде всего, с Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. Изучение этих государств, практически прекратившееся в третьей четверти XX в., стоит сейчас в центре внимания историков и археологов Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Харькова, Казани. Однако сколько-нибудь полной картины этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний в Восточной Европе периода образования Древней Руси пока еще нет, и публикуемые в настоящем сборнике статьи вносят существенные дополнительные подробности.

Важным, однако, является исследование не только взаимодействий восточных славян, а затем Древнерусского государства с соседними народами, но и сопоставление путей их политогенеза, сколь бы различными они не были. Особенности и становления Хазарского кага-

ната, и образования кочевых империй дают основания для выявления некоторых сходжений (или закономерностей?) перехода разных народов к государственности и ее форм.

Наконец, одним из важнейших, но также недостаточно изученных факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования у восточных славян, признается их геополитическое положение⁹. Густая речная сеть с единым водоразделом трех крупнейших рек — Волги, Днепра и Западной Двины, соединявших Балтийское, Черное и Каспийское моря, — позволила Восточной Европе занять исключительное положение в средневековом мире после того, как средиземноморская торговля с Востоком была прервана арабскими завоеваниями в VII–VIII вв. и основной трансконтинентальный путь переместился на Балтийское море и реки Восточной Европы. В результате изменения геополитической обстановки на Восточноевропейской равнине создаются экономические и интенсифицируются социально-политические предпосылки возникновения политики в Волховско-Ильменском регионе. Роль геополитических факторов в возникновении и развитии Древнерусского государства освещена пока лишь в самом первом приближении. И эта проблема, как и другие, поставленные в настоящем томе, требует дальнейшего изучения.

Е.А. Мельникова

⁹См. постановку вопроса: *Гутнова Е.В., Новосельцев А.П., Удальцова З.В., Щапов Я.Н.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.

А.М. Обломский

**СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОДНЕПРОВЬЯ В VII в. н. э.***

В последнее время отчетливо проявилась тенденция рассматривать археологические явления на территории Днепровской лесостепи изолированно друг от друга. В частности, в работах В.В. Седова, В.Д. Барана и О.М. Приходнюка древности колочинской и пеньковской культур обычно анализируются исключительно в славянском или славяно-балтском контексте. Указания на контакты оседлого славянского и кочевнического населения, как правило, ограничиваются перечислением элементов степной культуры на раннеславянских поселениях и находок круга так называемых древностей антов в лесостепных ингумациях¹.

Специалисты по степной археологии Р. Рашев и А.В. Комар памятники вроде Малого Перещепино, Новых Санжар, Рябовки-3, которые находятся на территории лесостепи, склонны сопоставлять с древностями степей (что вполне справедливо). При этом их соотношение с лесостепными памятниками специально не рассматривается².

* Статья является существенно расширенным и переработанным вариантом работы, опубликованной: *Обломский А.М.* Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2007. № 1–2. С. 3–12.

¹ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М., 1982. С. 19–34; *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68–94; *Баран В.Д.* Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1.; *Баран В.Д.* Давні слов'яни // Україна крізь віки. Київ, 1998. № 3. С. 50–70; *Приходнюк О.М.* Анти, склавіни та венеди в світлі історичних та археологічних джерел // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001; *Приходнюк О.М.* Відносини східних слов'ян із тюркомовним світом // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.

² *Рашев Р.* Прабългарите през 5–7 вв. Велико Търново, 2000; *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. № 5.

Я хочу обратить внимание на связь между собой различных и весьма своеобразных археологических явлений, зафиксированных на территории лесостепи в период раннего средневековья. В задачи работы не входит анализ хронологии комплексов. На этот счет существует довольно обширная литература, хотя высказанные специалистами точки зрения зачастую и противоречат друг другу. Настоящая статья представляет собой развитие некоторых мыслей, которые были высказаны в монографии «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст» и в ряде моих последующих работ³. Материал лесостепного Поднепровья достаточно сложен, в его изучении имеются территориальные и хронологические пробелы. Он распадается на серию на первый взгляд разнородных элементов, которые, тем не менее, находятся в определенном соотношении друг с другом. При их рассмотрении возникает образ некой ткани. Рисунок этой ткани до конца не ясен, но можно попытаться представить себе его основные контуры. Ниже приводится их описание.

Клады круга древностей антов первой группы. В 1990 г. О.А. Щегловой была опубликована основополагающая статья, где довольно аморфный массив кладов, которые были ранее отнесены условно к древностям антов, разделен на две группы по составу основных категорий и типов вещей⁴. К первой (ранней) группе кладов, эталонным для которых является Мартыновский, относятся также комплексы из Блажков, Малого Ржавца, Хацков, Смородино, Мены, Нижней Сыроватки, Колосково, Углов, Цепляево Первого, Трубчевска, Суджи, Гапоново, Козиевки-Новой Одессы, Великих Будков, Валуек, Куриловки и еще нескольких, известных по грабительским раскопкам⁵. Состав этих кладов довольно стабилен, в наиболее полной форме он

³ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 96–124; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. М., 2009; Обломский А.М. О способе организации гончарного производства на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2; Обломский А.М. Гончарные центры на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

⁴ Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

⁵ Там же; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 53–57. Публикации комплексов см: Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996 Т. V; Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996; Дьяченко А.Г. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславян-

представлен в Мартыновском, Суджанском, Гапоновском, Козиевско-Новоодесском и Куриловском комплексах. Он включает детали парадного женского убора из бронзы и серебра, изделия из свинцово-оловянистых сплавов разного назначения, мужские наборные пояса, отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, некоторые «несерийные» вещи, назначение которых подчас не ясно.

Из металлических деталей женского костюма к украшениям головы относятся пластинчатые венчики в виде лент и височные кольца (односпиральные и повторяющие форму браслетов или гривен с расширенными концами).

Украшениями шеи являются гривны, которые представлены несколькими видами: изделиями из гладкой проволоки или прута с загнутыми в петли концами; предметами с раскованными пластинчатыми орнаментированными гравировкой и насечкой концами; украшениями с фасетированным, покрытым ромбическими гранями дротом.

Нагрудными украшениями считаются фибулы, которые, как правило, составляют пары. Они относятся к группам пальчатых и антропоморфных. Иногда встречаются широкопластинчатые фибулы. Детали ожерелья представлены цепочками, трубочками-пронизками, двуспиральными, умбовидными, трапециевидными подвесками, лунницами, колокольчиками, стеклянными и янтарными бусами.

Известны, также, сплошные литые с расширенными концами (круглыми, овальными, гранеными, сегментовидными) или изготовленные из дрота с расплюснутыми окончаниями с орнаментом в виде так называемой змеиной головки браслеты⁶.

ского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978; Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. 1992. № 1; Приходнюк О.М. Пастырське городище. Київ; Чернівці, 2005; Родинкова В.Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4; Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 1 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 3. С. 96–97; Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 2 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. No 6. С. 110–126; Pekarškaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck, 1994.

⁶Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2000; Щеглова О.А. Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002; Родинкова В.Е. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. М., 2003. [Ч.] II.; Родинкова В.Е. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. М., 2003. Вып. 215; Родинкова В.Е. Днепровские фибулы с

Бляшки и ворворки из свинцово-оловянистых сплавов могли использоваться для украшения одежды и конской узды⁷.

Детали поясной гарнитуры изготовлены из бронзы и серебра (иногда в технике наложения штампованного листа на более мягкую основу). К ним относятся пряжки, наконечники ремней, псевдопряжки, разнообразные накладки. Большинство предметов выполнены в развитии геральдического стиля. Анализ их ареалов показал, что многие изделия имеют локальную днепровскую специфику⁸.

В ряде работ О.А. Щегловой, В.М. Горюновой, И.О. Гавритухина и В.Е. Родинковой, которые цитировались выше, показано, что по происхождению входящие в состав кладов вещи разнородны, ареалы большинства типов весьма широки. Тем не менее, специфический днепровский набор этих предметов формируется к VII в.⁹

Для нашей темы наиболее важна территория распространения именно самих кладов, как области, где происходили военные действия, приведшие к массовому сокрытию дорогих престижных вещей. Этот ареал охватывает лесостепное Поднепровье, частично включая водораздел Днепра и Южного Буга, Днепровское лесостепное Левобережье и бассейн Северского Донца вплоть до р. Оскол, Деснинское Полесье (Рис. 1). Серия находок круга Мартыновского клада известна на Днепровских Порогах¹⁰.

На территории Среднего Поднепровья наибольшая концентрация украшений мартыновского облика (в частности, фибул) отмечена в районе Пастырского городища. О.М. Приходнюк даже считал, что они производились именно там, на Пастырском¹¹. Тем не менее, во время многолетних раскопок этого памятника, проводившихся М.Ю. Брай-

каймай из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (Докл. науч. конф., посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004; *Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антрополомorfных фибул (протые формы) // РА. 2006. № 3.

⁷*Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 16–17; *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

⁸*Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 22–36.

⁹Там же. С. 89–95; *Щеглова О.А.* О некоторых возможностях реконструкции женской одежды. С. 137; *Она же.* «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Междунар. конф., посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (тез. докл.). СПб., 2006. С. 52.

¹⁰*Щеглова О.А.* О двух группах кладов «древностей антов». Рис. 1; *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. Рис. 92.

¹¹*Приходнюк О.М.* Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2000.

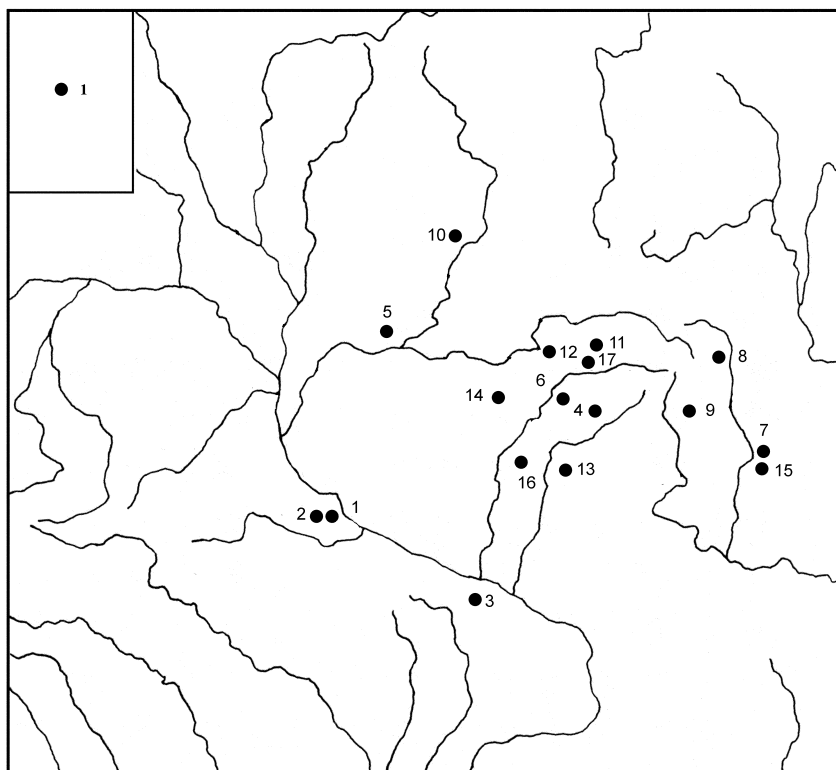


Рис. 1. Клады так называемых древностей антов первой группы по О.А. Щегловой (типа Мартыновки)

1 — Мартыновка; 2 — Малый Ржавец; 3 — Хацки; 4 — Смородино; 5 — Мена; 6 — Нижняя Сыроватка; 7 — Колосково, 8 — Углы; 9 — Цепляево Первое; 10 — Трубчевск; 11 — Суджа; 12 — Гапоново; 13 — Козиевка — Новая Одесса; 14 — Великих Будков; 15 — Валуйки; 16 — Блажки; 17 — Куриловка.

чевским, а затем и самим О.М. Приходнюком, не было обнаружено ни самих вещей мартыновского типа, ни следов их изготовления (см. каталог ювелирных изделий с указанием обстоятельств находки, помещенных в издании¹²). Более того, идея О.А. Щегловой, что в составе так называемых антских кладов первой группы имеются не только комплексы-«ларчики» (семейные сокровища), но и клады ювелиров (например, Трубчевский и Великобудковский¹³), вообще ставит под сомнение наличие в VII в. в Среднем Поднепровье особых юве-

¹²Приходнюк О.М. Пастирське городище. С. 31–60.

¹³Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды. С. 137; Она

лирных центров. По всей видимости, металлические украшения, типа входящих в состав кладов, изготавливались в разных местах региона. Трубчевск, например, находится в Подесенье — довольно далеко от Пастырского городища.

Военные действия в Поднепровье, в которых элита местного общества и обслуживающие ее ремесленники-ювелиры в значительной степени оказались уничтоженными, интерпретируются по-разному: или как нападения хазар на территорию, занятую антами, или как войны между разными группировками славян, приведшие к заселению Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья выходцами из земель, лежащих к западу от Днепра (культурная группа типа Сахновки-Волынцево). По мнению большинства исследователей, это событие (или цепочка событий) происходит во второй половине VII в.¹⁴ При дальнейшем изложении за основу будет взят именно ареал кладов типа Мартыновского, как территория неких общественных организмов, элита которых составляла политическое единство и совместно выступала в войнах второй половины VII в.

По всей видимости, в то же самое время, что и в лесостепной зоне, какие-то военные действия происходили и в Могилевском Поднепровье, где на городищах Кисели, Вежки, Никодимово в слоях пожара с явными следами военного разгрома найдены серии вещей, характерных для антских кладов первой группы¹⁵ или близких к ним.

же. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

¹⁴Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 45; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 144–148; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события; Приходнюк О.М. Военно-политический союз антов и тюркский мир // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Т. VII. С. 157. Оригинальное мнение по поводу даты сокрытия кладов высказал А.В. Комар. Он считает, что клады мартыновского типа можно разделить на две хронологические группы. К поздней из них, синхронной периоду III выделенной им в степях перещепинской культуры (669–698 гг. без «калибровки по историческим событиям»), относятся комплексы из Хацков, Мартыновки и Гапоново, к ранней, соответствующей периоду II степных древностей (643–669 гг.) — все прочие (Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 125–128). Это деление мне представляется искусственным. О.А. Щеглова и В.Е. Родинкова достаточно наглядно показали, что основной состав женских украшений из кладов мартыновского типа един (хотя и имеет локальную специфику). Набор вещей из кладов различается лишь по степени сохранности комплексов и их характеру («семейные сокровища» или «клады ремесленников»). Интересно, что несмотря на «новый взгляд», общая дата сложения вещевых наборов кладов (около середины — второй половины — конца VII в.) у А.В. Комара остается такой же, как и у других исследователей.

¹⁵Седин А.А. Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. V. Магілёў, 1994; Седин А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии // Труды VI Меж-

Памятники колочинской и пеньковской культур. По данным, собранным В.Е. Родинковой и М.М. Казанским, предметы тех типов, которые входили в состав кладов первой группы, неоднократно найдены на поселениях и могильниках колочинской и пеньковской культур, в том числе и в ареале кладов мартыновского круга¹⁶. Гапоновский и Великобудковский клады происходят с поселений колочинской культуры. Таким образом, можно считать установленным, что убор с украшениями, типа происходящих из кладов, носило пеньковское и колочинское население лесостепного Поднепровья, которое большинство исследователей считает раннеславянским, причем пеньковскую культуру устойчиво отождествляют с антами¹⁷. На пражских памятниках северо-западной части Среднего Поднепровья вещи мартыновского круга отсутствуют, а в целом, к западу от Среднего Поднепровья они редки¹⁸. В этнографическом отношении пражское население, очевидно, было иным.

Необходимо отметить, что ареал кладов мартыновского типа значительно меньше, чем территории колочинской и пеньковской культур. Первая из них охватывает север лесостепного Поднепровья, Днепропровского Левобережья и бассейна Северского Донца, южную часть лесного Поднепровья, Подесенье; вторая — лесостепь от Оскола на востоке до Поднестровья на западе¹⁹. Выразительные комплексы пеньковской керамики из Нижнего Подунавья приводят С. Ангелова и Р. Колева²⁰. «Антские» клады первой группы распространены на юго-востоке колочинского ареала и на востоке пеньковского.

Групоположения с вещами мартыновского круга. Особый тип памятников составляют женские ингумации с фибулами, браслетами, ожерельями и другими украшениями, аналогии которым известны в антских кладах первой группы. Эти погребения были как грунтовыми, так и впускными в более ранние курганы. Первые упоминания

дународного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.; *Родинкова В.Е., Седин А.А.* Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004.

¹⁶ *Гавриутухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 155–162; *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I–VII s.a. J.-C.). P., 1999. P. 104–108.

¹⁷ *Приходнюк О.М.* Анти, склавини та венеди.

¹⁸ *Родинкова В.Е.* Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э.: Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13). М., 2010.

¹⁹ *Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001. Рис. 69.

²⁰ *Ангелова С., Колева Р.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», исторически факултет — специалност археология. София, 1995. № 2. Табл. III–V.

о таких захоронениях появились в работах археологов конца XIX — начала XX вв. А.А. Бобринского, Н.П. Авенариуса, В.Е. Данилевича и А.А. Спицына. Сводка этих комплексов на территории лесостепного Поднепровья первоначально была опубликована В.Е. Родинковой²¹. Некоторые объекты фигурируют в изданном по архивным материалам каталоге украшений круга древностей антов, подготовленном Г.Ф. Корзухиной²². Самый яркий комплекс из этой серии случайно найден в 1996 г. в с. Мохнач у Харькова. В свод В.Е. Родинковой он не вошел, поскольку был издан только в 1998 г.²³ В этом погребении обнаружены практически все детали женского убора мартыновского типа: парные пальчатые фибулы, соединенные цепочкой, пластинчатая фибула, височные кольца, ожерелье, браслеты, гривны, пряжка и наконечник ремня от пояса.

Ингумации с украшениями мартыновских типов концентрируются в лесостепном Поднепровье, но известны и за его пределами (например, в Молдавии на могильнике Данчены²⁴), что, очевидно, свидетельствует о миграциях населения. Особого ареала они не составляют, а расположены чересполосно с пеньковскими памятниками, обнаружены пока только в пеньковском ареале и совершенно отсутствуют в колочинском. Все эти захоронения были либо одиночными, либо составляли небольшие могильники до трех погребений (Максимовка, Алексеевка). Несмотря на то, что перечисленные ингумации находятся в ареале пеньковской культуры, случаев, когда на одних и тех же могильниках они обнаружены вместе с пеньковскими сожжениями, не отмечено.

В отношении этнокультурной принадлежности лесостепных ингумаций с вещами мартыновского набора в советской историографии высказывались две противоположные точки зрения. Эти захоронения либо считали кочевническими, либо связывали с кругом пеньковских древностей²⁵. В последнее время к анализу этих комплексов обращались И.О. Гавритухин²⁶, А.В. Комар²⁷, Е.В. Сеница²⁸, автор настоя-

²¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 161–162.

²² Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки.

²³ Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3.

²⁴ Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1996. С. 24–27.

²⁵ Историографию вопроса см.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 122.

²⁶ Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова).

²⁷ Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 126.

²⁸ Сеница С.В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita antiqua. Київ, 1999. Вып. 2.

щей статьи²⁹, М.М. Казанский³⁰. Большинство из этих исследователей склонны рассматривать труположения с мартыновскими вещами, как некое особое археологическое явление. Точку зрения об их кочевнической принадлежности поддержал только А.В. Комар³¹.

По моему мнению, есть основания для утверждения, что эти ингумации связаны с традициями как славянского мира, так и населения степной зоны. С одной стороны, в степных погребениях вещи мартыновского круга не известны: они — типичные лесостепные. В захоронении в Мохначе найден биконический лепной горшок, характерный для пеньковской культуры³². С другой стороны, само это погребение совершено в глубокой яме с обширным подбоем, что может рассматриваться, как степная традиция. Подбойные погребения в украинской степи в раннем средневековье хорошо известны (Христофоровка, курган 7, погребение 12, курган 8, погребение 1; Костогрызово; Новая Одесса, курган 1, погребение 3)³³. К степным чертам можно отнести и обычай совершать захоронения в более ранних курганных насыпях.

Погребения кочевников на территории лесостепи. На территории Днепровского лесостепного Левобережья к VII в. относятся комплексы роскошных престижных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка). Исследователями высказывались мнения о принадлежности их либо болгарской, либо хазарской или другой тюркской знати³⁴, но в любом случае эти комплексы связаны с погребальными ритуалами. На Днепровских Порогах в Вознесенке обнаружены ямы с сожжениями, окруженные каменными ритуальными валами, которое А.К. Амброс интерпретировал как тюркский поминальный храм³⁵.

Известны и менее богатые, а также рядовые захоронения гуннского времени и раннего средневековья. Они весьма разнородны и относятся к разным традициям: ранние (Кантемировка, Воронцовка, Орлик) — к позднесарматской, более поздние (Лихачевка, Рябовка-3, Бабичи) — к тюркской, причем в рамках последней имеются вариации, конкретное

²⁹ Гаверитухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 121–122.

³⁰ Kazanski M. Les Slaves. P. 100–101.

³¹ Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 126.

³² Аксенов В.С. Бабенко Л.И. Погребение. Рис. 4–13.

³³ Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 103.

³⁴ Обзор спорных вопросов об этнической атрибуции и хронологии см.: Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 7–8, 85–92.

³⁵ Амброс А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

этнокультурное определение которых пока спорно³⁶. Достоверно синхронным древностям антов первой группы является лишь небольшой могильник в Рябовке-3 на р. Ворсклице, где найдены детали геральдической поясной гарнитуры³⁷. В верхней части заполнения одного из захоронений находилась передняя часть конской туши, что характерно для погребений соседнего степного Поднепровья³⁸. Показательно, что в двух женских захоронениях Рябовки-3 найдены браслеты с расплюснутыми концами, украшенными стилизованными изображениями змеиных головок³⁹. Такие вещи, хотя и распространены широко, но часто встречаются в кладах мартыновского типа (Козиевский-Новоодесский, Колосковский, Хацковский, Трубчевский)⁴⁰. Это лишь один раз подтверждает наблюдение о связи ингумаций, содержащих вещи мартыновского круга в Поднепровье, со степным миром.

Все погребальные комплексы VII в., связанные по происхождению с культурой кочевников-тюрок, на территории днепровской лесостепи локализируются в пределах ареала пеньковской культуры. В области распространения колочинских памятников они не известны.

Элементы культуры кочевников на славянских поселениях.

Свод их собран в нескольких работах О.М. Приходнюка, М.В. Любичева и В.С. Флёрова. Наиболее ярким проявлением кочевнической культуры являются остатки юртообразных построек на пеньковских селищах⁴¹. На поселении Осиповка в Поорелье найдена костяная накладка на лук⁴². О.М. Приходнюк указывает на некоторые технологи-

³⁶ *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н. э.). М., 2002. С. 80–86; *Обломский А.М.* Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе; *Гавритухин И.О.* Среднеднепровские ингумации; *Комар А.В.* Погребение кочевника начала VIII в. у с. Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Вып. 5.

³⁷ *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993; *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

³⁸ *Орлов Р.С.* Культура кочевников. С. 103.

³⁹ *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Славянское поселение. Рис. 9–11, 15, 16.

⁴⁰ *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки. Табл. 22 (48–51); 51; 104 (1–5); *Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевский клад. Рис. 9 (8).

⁴¹ Селища: Чернечина, Осиповка, Богатое, Будище (*Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 100–101; *Любичев М.В.* Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начала VIII вв. // Древности. 1994. Харьков, 1994. С. 95. Рис. 2; *Флёров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996; *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. С. 26).

⁴² *Приходнюк О.М.* Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990. Рис. 13 (6).

ческие особенности лепной пеньковской керамики Поорелья (примеси шамота в тесте в сочетании с органикой), которые, по его мнению, имели южное кочевническое происхождение. В ареале колочинской культуры кочевнические элементы пока не обнаружены, кроме фигурки человечка из Мощенки с неоднозначной атрибуцией⁴³.

Ремесленные центры. На территории Поднепровья к ним относятся поселки гончаров в Канцирке и Мачухах⁴⁴. Оба этих комплекса находятся в окружении пеньковских поселений, причем в Надпорожье, где расположена Канцирка, найдена серия вещей мартыновского круга (как на пеньковских селищах, так и случайно)⁴⁵.

Тем не менее, по культуре эти гончарные центры совершенно чужды местным традициям. Керамика, которая там производилась, наиболее близкие аналогии имеет на памятниках Северного Кавказа: окрестностей Кисловодска и Минеральных Вод⁴⁶. По сосудам, которые приводятся в издании А.Т. Смиленко, В.Ю. Малашев сделал вывод о синхронности канцирских мастерских тем периодам относительно хронологии эталонного для Кисловодской котловины могильника Мокрая Балка, для которых характерно использование развитой геральдической поясной гарнитуры (IIa — IIIб), что в абсолютных датах по И.О. Гавритухину соответствует концу VI — второй половине VII — началу VIII в.⁴⁷ Это — максимально широкие хронологические рамки канцирского сгустка памятников. Большая часть продукции канцирских мастеров, судя по описаниям, которые приводит А.Т. Смиленко, относится к этапу IIIб Мокрой Балки и, возможно, к несколько более позднему времени, т. е. расцвет гончарного центра датируется второй половиной VII — началом VIII в.

По всей видимости, на финале пеньковской культуры начал работать центр на Пастырском городище, где непосредственных следов производства пока не найдено, но авторами раскопок отмечается повышенная концентрация гончарной керамики, получившей назва-

⁴³ Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации. С. 210–211.

⁴⁴ См. публикация: Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб, 1911. Т. 43. С. 116–118; Смиленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975. С. 118–140.

⁴⁵ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 159–162; Приходнюк О.М. Пеньковская культура. С. 156–158.

⁴⁶ Минаева Т.М. Кераміка балки Канцирки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Київ, 1961. № 13. С. 119–128; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 123.

⁴⁷ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 83, 123; Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001. С. 47–48.

ние «пастырской» (54,75 % от всех форм сосудов)⁴⁸. Как и посуда из Мачух и Канцирки, пастырская керамика не имеет местных днепровских корней. Ее прототипы находят в балкано-дунайском регионе, где близкая к пастырской керамика сформировалась на основе традиций провинциально-римского и ранневизантийского гончарства⁴⁹.

При анализе гончарных центров необходимо ответить на вопрос, кто же был потребителем их продукции?

Отмечу, что в Канцирке исследован не единичный горн, а три производственных поселка с 18-ю гончарными печами; причем ни один из памятников не раскопан полностью. Продукция такого центра должна быть достаточно массовой и расходиться далеко от места изготовления. Тем не менее, по сводке О.М. Приходнюка канцирская гончарная керамика встречена всего лишь на трех пеньковских поселениях (Сушки, Семенки, Будище). Я.В. Володарец-Урбанович и А.В. Скиба добавляют еще четыре (Вовки, Григоровка, Любимовка, Семенки)⁵⁰. При этом она представлена, как правило, единичными черепками и ни на одном из памятников не составляет даже 1 %⁵¹. Подавляющее большинство известной нам канцирской керамики найдено на поселениях в Балке Канцирке и в Мачухах, т. е. в самих гончарных центрах.

Почти вся посуда пастырского типа сосредоточена на Пастырском городище. Как и в случае с канцирской керамикой, находки обломков сосудов, которые можно считать пастырскими, на пеньковских памятниках довольно редки. Такая керамика обнаружена в Сушках, Новоселице, Балке Яцевой, Хитцах, Вильховчике, Семенках, Самчинцах, Тростянце, Селиште и в нескольких других пунктах в виде единичных черепков, но это — по всей территории пеньковской культуры, т. е. не только в Поднепровье, но и в бассейне Южного Буга и в Молдавии. Лишь на поселениях Ханска-1 и 2 в Молдавии ее насчитывается 1,6–1,7 %⁵². На памятниках колочинской культуры гончарной керамики нет вовсе.

Таким образом, изготовленная на гончарном круге пастырская и канцирская керамика антскими племенами лесостепного Поднепровья использовалась лишь в мизерном количестве. По всей видимости, основным потребителем ее было другое население.

⁴⁸ Приходнюк О.М.. Пастырське городище. С. 60.

⁴⁹ Историю вопроса и аналогии см.: Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 63–65.

⁵⁰ Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарный посуд. С. 38.

⁵¹ Приходнюк О.М. Пеньковская культура. С. 35, Табл. VII.

⁵² Там же. С. 35. Табл. VII; Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 63; Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарный посуд. С. 36.

Из захоронений кочевников происходят исключительно лепные сосуды⁵³, что, по всей видимости, объясняется спецификой погребального ритуала. Тем не менее, находки гончарной керамики в комплексах, связанных с культурой кочевников все же известны. Обломки как канцирских, так и пастырских сосудов найдены в объектах второго (позднего) горизонта поселения Стецовка, среди сооружений которого зафиксированы и остатки юртообразного жилища⁵⁴. Канцирская керамика происходит из валов Вознесенского ритуального комплекса⁵⁵. М.М. Казанский обратил внимание на находки обломков сосудов, близких к канцирско-мачухскому кругу, на некоторых памятниках Полтавщины (Полузорье-2, Лаврики, Белоконы, Чередняки, постройка 9 Вовков), которые по набору лепной керамики отличаются от пеньковских. Он интерпретировал эти памятники, как стоябища кочевников⁵⁶.

Жители Пастырского, кроме гончарства, занимались черной металлургией и металлообработкой, изготовлением украшений⁵⁷. Как уже отмечалось выше, там зафиксированы, тем не менее, следы производства не изделий мартыновского круга, а более поздних — второй группы древностей антов по О.А. Щегловой, большинство типов которых, как и пастырская гончарная керамика, по происхождению связаны с территорией Подунавья⁵⁸. Факт наличия на Пастырском городище кладов второй группы и отдельных вещей этого круга, а также инструментов для их изготовления, хорошо согласуется с находками пастырской керамики не только на пеньковских поселениях, но и на ранних селищах последующего периода Сахновки-Волынцева, с которым и связывают «антские» изделия второй группы. Обломки гончарных пастырских сосудов на поселении Александровка-1 в Подесенье

⁵³ Орлов Р.С. Культура кочевников. С. 103.

⁵⁴ Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения у с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 24–25, 32–34.

⁵⁵ Сміленко А.Т. Слов'яни. С. 155.

⁵⁶ Казанский М.М., Серeda Д.В. Поселение пеньковской культуры. С. 24. Сомнения в принадлежности гончарной керамики из этих памятников к канцирскому кругу высказал А.В. Комар. Он считает ее волынцевской (Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 128). Обломки сосудов, действительно, слишком невелики для точного определения. Для прояснения ситуации желательно было бы исследовать раскопками хотя бы одно из поселений, упомянутых М.М. Казанским.

⁵⁷ Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. Київ, 1998. № 3. С. 12–16.

⁵⁸ Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов»; Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 54–57.

Р.В. Терпиловский и А.В. Шекун относят именно к этому горизонту⁵⁹. Фрагмент пастырского горшка происходит из заполнения сахновского жилища 2 поселения Шоссейное на Северском Донце⁶⁰. Пастырское городище, таким образом, возникло где-то на финале пеньковской культуры (хотя по набору керамики и типам построек оно к ней и не относится) и, очевидно, существовало и на сахновско-волынцевском этапе истории лесостепного Поднепровья. Разгром того времени, когда в землю выпали клады мартыновского типа, оно пережило, и было сожжено несколько позже.

Сочетание элементов, историко-культурная модель. Приведенные выше наблюдения показывают, что в ареале кладов мартыновского типа в VII в. существовали две общественные структуры, которые могут быть условно названы пеньковско-кочевнической и колочинской.

Элементы первой из них охватывают пеньковскую часть ареала комплексов типа Мартыновки (практически все Среднее Поднепровье, кроме северной его части, юг Днепровского лесостепного Левобережья и бассейна Северского Донца — Оскола, Днепровские Пороги). Основным компонентом оседлого населения этого региона были носители пеньковской культуры (анты). Здесь же зафиксированы разнообразные элементы степной культуры: юртообразные жилища (в том числе и на пеньковских поселениях), возможно, остатки кочевий, погребальные комплексы кочевников (как рядовых, так и знати), женские ингумации с вещами мартыновского круга и степными чертами погребального обряда, поминальный храм в Вознесенке. Памятники культуры кочевников и смешанные пеньковско-кочевнические расположены чересполосно с пеньковскими поселениями и занимают ту же самую территорию: они известны в нижней и средней части бассейна Ворсклы, в Поорелье, на Порогах, в Среднем Поднепровье.

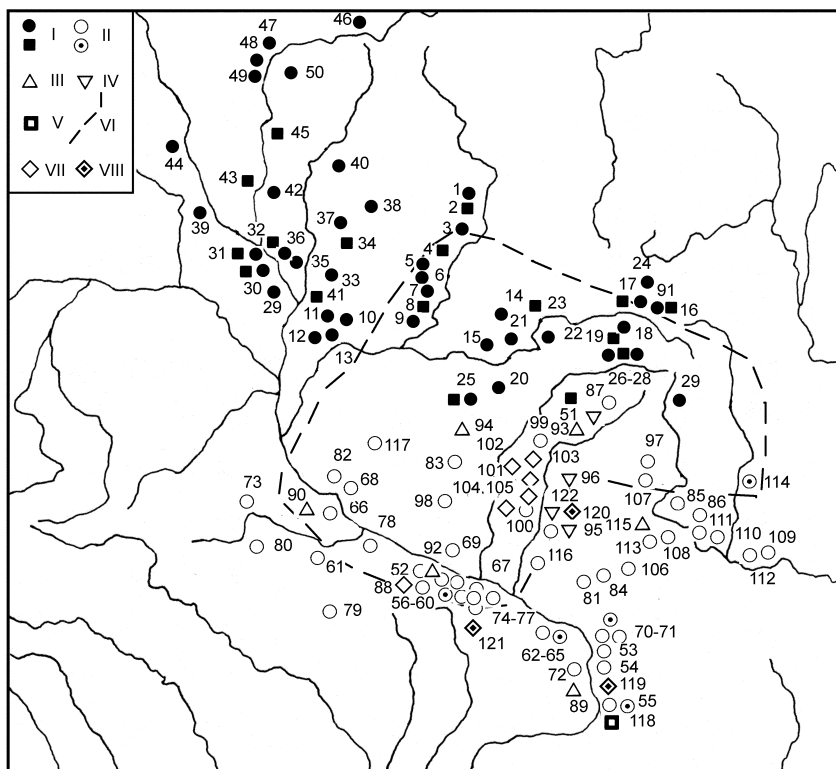
Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что связь кочевого и оседлого пеньковского населения не ограничивалась соседскими контактами, была достаточно тесной и имела форму симбиоза. Маршруты перекочевков степняков охватывали всю пеньковскую территорию в Поднепровье вплоть до ее северных границ, о чем свидетельствует могильник Рябовка-3 на р. Ворсклице. Тюркские по происхождению семьи жили в пеньковских поселках, т. е. в общинах антов. Женские

⁵⁹ Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 — багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996. С. 39–42.

⁶⁰ Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. 1987. № 4. Рис. 6 (1).

погребения-ингумации с мартыновскими вещами, совершенные вне общинных пеньковских кладбищ, вероятно, представляют собой захоронения жен — славянок из тюркских семейств или славянок — рабынь кочевников. Интересно, что эти женщины в имущественном отношении не были однородными. Погребение в Мохначе было довольно богатым, происходящие из него вещи по количеству сопоставимы со средним антским кладом первой группы. В прочих захоронениях найдены лишь отдельные предметы.

В состав общества, следовательно, входили как анты, так и кочевники-тюрки. Каждый из народов имел свою знать. Свидетельством ее наличия у пеньковского населения являются богатые мартыновские клады (Мартыновский, Козиевско-Новоодесский, Гапоновский, Суджанский), у кочевников — наборы роскошных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка). Кочевая знать в этом объ-



единении, очевидно, главенствовала. Ее комплексы — куда более богатые, чем антские.

Проникновение кочевников в лесостепь, по всей видимости, не ограничивалось просто завоеванием пеньковской территории в Поднепровье. Имеются свидетельства попыток создания в регионе баз обеспечения населения. Таковыми являются ремесленные центры (Канцирка, Мачухи, Пастырское), продукция которых, в первую очередь, гончарная керамика, использовалась в большей степени кочевниками и в меньшей — антами (пеньковским населением). Ювелирные укра-

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в лесостепном Поднепровье в VII в.

I — поселения и могильники колочинской культуры, кроме заведомо ранних; II — поселения и могильники пеньковской культуры, кроме заведомо ранних; III — ингумации с вещами круга мартыновскогоклада; IV — погребальные комплексы кочевников; V — поминальный храм; VI — ареал кладов мартыновского типа; VII — кочевья; VIII — ремесленные центры.

1 — Мансурово; 2 — Усох; 3 — Макча; 4 — Кветунь; 5 — Синьково-Дмитрово; 6 — Посудичи; 7 — Случевск; 8 — устье р. Смячь; 9 — Лёвкин Бугор; 10 — Ровчак; 11 — Роище; 12 — Выгоры-1; 13 — Александровка-1; 14 — Некрасово; 15 — Харьковка; 16 — Лебязье-1; 17 — Авдеево; 18 — Казачья Локня (Замошанская дюна); 19 — Княжий; 20 — Великие Будки; 21 — Пески; 22 — Гапоново; 23 — Артюшково; 24 — Каменево-2; 25 — Артоховка; 26–28 — Картамышево-1,2,3; 29 — Шишино-5; 30 — Новый Быхов; 31 — Тайманово; 32 — Нижняя Тошица; 33 — Носовичи; 34 — Демьянки; 35 — Гомель; 36 — Калиновка; 37 — Новые Горомыки; 38 — Золотомино; 39 — Прудок; 40 — Нисимковичи; 41 — Колас; 42 — Ходосовичи; 43 — Колосы; 44 — Щатково; 45 — Воронино; 46 — Близнаки; 47 — Черкасово; 48 — Кисели; 49 — Вежки; 50 — Никодимово; 51 — Бездрик; 52 — Будище; 53 — Васильевка (низовья р. Вороной); 54 — Васильевка (Любимовская Забора); 55 — Васильевка (о-в Кизлевый); 56–60 — поселения и могильник у с. Андрусовка; 61 — Вильховчик; 62–65 — поселения и могильники у с. Волошское; 66 — Григоровка; 67 — Деревка; 68 — Домантово; 69 — Жовнин; 70–71 — поселения и могильник у с. Игрень; 72 — Звонецкое; 73 — Белая Церковь; 74–77 — поселения у с. Пеньковка; 78 — Крещатик; 79 — Беляевка; 80 — Завадовка; 81 — Осиповка; 82 — Сушки-1; 83 — Хитцы; 84 — Чернечина; 85 — Занки; 86 — Задонецкое; 87 — Рябовка-3; 88 — Стецовка; 89 — Алексеевка; 90 — Мартыновка; 91 — Воробьевка-2; 92 — Балаклея; 93 — Березовка; 94 — Поставмуки; 95 — Новые Санжары; 96 — Малое Перещеино; 97 — Фески-3; 98 — Засулье; 99 — Бельск; 100 — Полузерь-1; 101 — Полузерь-2; 102 — Вовки; 103 — Лаврики; 104 — Белокопи; 105 — Чередняки; 106 — Богатое; 107 — Соколово; 108 — Нижний Бишкинь-1; 109 — Виделиха; 110 — Бондариха; 111 — Раковка-1; 112 — Богородичное; 113 — Сухая Гомольша; 114 — Яблонево; 115 — Мохнач; 116 — Прогресс; 117 — Корнеевка; 118 — Вознесенка; 119 — Балка Канцирка; 120 — Мачухи; 121 — Пастырское; 122 — Макуховка.

шения, изготовленные на Пастырском городище, носили славянки, но уже последующей, пост-антской эпохи. Показательно, что население общин ремесленников не имело местного происхождения и было перемещено в Поднепровье с довольно отдаленных от этого региона территорий (с Северного Кавказа и из Подунавья).

Таким образом, в южной части лесостепного Поднепровья в VII в. существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Очевидно, она представляла собой раннегосударственное образование. Похожее соотношение кочевнических и оседлых земледельческих элементов зафиксировано, например, в Аварском каганате⁶¹. М.М. Казанский весьма образно охарактеризовал антскую эпоху, как «степной период славянской истории»⁶².

К сожалению, мы пока не располагаем данными о времени сложения этой структуры на территории юга днепровской лесостепи. Сведения, которые доступны, относятся к периоду использования населением украшений мартыновского набора, т. е. к VII в., причем большая часть вещей происходит из кладов периода разгрома днепровского лесостепного населения. Надеюсь, что прояснить вопрос о начальной дате *славяно-кочевнического раннего государства в Поднепровье* поможет полная публикация по комплексам материалов Балки Канцирки и Пастырского, что пока не сделано. Дискуссия о хронологии и периодизации лесостепных кочевнических комплексов также пока далека от завершения.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, т. е. в ареале колочинских памятников, известны клады мартыновского типа (Гапоновский, Суджанский, Великобудковский, Трубчевский), находки вещей мартыновского круга на колочинских поселениях и в погребениях. Элита колочинского населения (по крайней мере, южной части ареала этой культуры), таким образом, имела тот же престижный убор, что и южные соседи-анты. Какие-либо элементы культуры кочевников (за исключением наконечников стрел, которые в раннем средневековье были интернациональным оружием) и гончарная керамика южных производственных центров здесь отсутствуют. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не

⁶¹ Kazanski M. Les Slaves. P. 67–72; Лукина С.Г. Аварский каганат в системе культурно-исторического взаимодействия эпохи Великого переселения народов (концепция Вальтера Поля) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.

⁶² Казанский М.М., Серeda Д.В. Поселение пеньковской культуры. С. 25.

испытывали. Колочинское общество было этнически монолитным и более однородным в социальном отношении, чем южное. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет.

Тем не менее, в результате войн конца VII в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в равной степени пострадала верхушка как колочинского, так и пеньковско-кочевнического обществ. Судьбы южного и северного населения оказались, практически, одинаковыми: они потеряли культурно-этнографическое своеобразие и растворились в среде пришельцев⁶³. По всей видимости, в войнах конца VII в. южное и северное днепровские общественные образования выступали на одной стороне и в союзе друг с другом против общего врага.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3.

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Ангелова С., Колева Р. Археологически данни за ранното славянско заселване в България // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», исторически факултет — специалност археология. София, 1995. № 2.

Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 1 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 3.

Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 2 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 6.

Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1.

⁶³О колочинских и пеньковских элементах на памятниках волынцевского культурно-хронологического горизонта см.: *Щеглова О.А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. М., 1986. Вып. 187.

Баран В.Д. Давні слов'яни // Україна крізь віки. Київ, 1998. № 3.

Баран В.Д. Процеси східнослов'янського культурогенезу в другій половині I тис. н. е. // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001.

Володарець-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарний посуд VII–VIII ст. на Півдні Східної Європи // Археологія. Київ, 2011. № 2.

Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. М., 2009.

Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. 1992. № 1.

Дьяченко А.Г. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.

Казанский М.М., Середа Д.В. Поселение пеньковской культуры Полузорье-1 на Полтавщине // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. № 5.

Комар А.В. Погребение кочевника начала VIII в. у с. Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Вып. 5.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Т. V.

Лукина С.Г. Аварский каганат в системе культурно-исторического взаимодействия эпохи Великого переселения народов (концепция Вальтера Поля) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конца VII — начала VIII вв. // Древности. 1994. Харьков, 1994.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб, 1911. Т. 43.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.

Минаева Т.М. Кераміка балки Канциркі в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Київ, 1961. № 13.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н. э.). М., 2002.

Обломский А.М. О способе организации гончарного производства на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2.

Обломский А.М. Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.

Обломский А.М. Гончарные центры на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. 1987. № 4.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. Київ, 1998. № 3.

- Приходнюк О.М.* Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2000.
- Приходнюк О.М.* Военно-политический союз антов и тюркский мир // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Т. VII.
- Приходнюк О.М.* Анти, склавіни та венеди в світлі історичних та археологічних джерел // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001.
- Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001.
- Приходнюк О.М.* Відносини східних слов'ян із тюркомовним світом // Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.
- Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевський клад антського времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Рафалович И.А.* Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1996.
- Рашев Р.* Прабългарите през 5–7 вв. Велико Търново, 2000.
- Родинкова В.Е.* Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. М., 2003. [Ч.] II.
- Родинкова В.Е.* Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. М., 2003. Вып. 215.
- Родинкова В.Е.* Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.
- Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3.
- Родинкова В.Е.* Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4.
- Родинкова В.Е.* Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. Вып. 13). М., 2010.
- Родинкова В.Е. Седин А.А.* Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.

Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения у с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Седин А.А. Клад из городища Никодимово // Магіл'ёўшчына. V. Магіл'ёў, 1994.

Седин А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М., 1982.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Синиця Є.В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пенківської культури // *Vita antiqua*. Київ, 1999. Вып. 2.

Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975.

Терпиловський Р.В. Шекун О.В. Олександрівка-1 — багаточислове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.

Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волинцевского типа // КСИА. М., 1986. Вып. 187.

Щеглова О.А. Вещи дунайского происхождения в поздних кладах «древностей антов» // Тез. историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 мая 1990 г.). Чернигов, 1990.

Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2000.

Щеглова О.А. Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на

Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Щеглова О.А. «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международный конф., посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (тез. докл.). СПб., 2006.

Щеглова О.А. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I–VII s.a. J.-C.). P., 1999.

Pekarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck, 1994.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу геополитической и этнополитической ситуации VII в. н. э. в Восточной Европе. Археологические материалы позволяют констатировать, что в южной части лесостепного Поднепровья в это время существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Она представляла собой своеобразное раннее государство. В него входила славянская пеньковская культура, соотносимая с «антами» письменных источников. Доминировала в нем кочевническая элита.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, т. е. в ареале колочинских памятников, сформировалась другая этнопотестарная структура. Элита этого колочинского населения (по крайней мере, южной части ареала этой культуры имела тот же престижный убор, что и южные соседи-анты. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не испытывали. Колочинское общество было этнически монолитным и более однородным в социальном отношении, чем южное. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет.

В результате войн конца VII в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в равной степени пострадала верхушка как колочинского, так и пеньковско-кочевнического обществ. Судьбы южного и северного населения оказались, практически, одинаковыми: оно потеряло культурно-этнографическое своеобразие и «растворилось». По всей видимости, в войнах конца VII в. южное и

северное днепровские общественные образования выступали на одной стороне и в союзе друг с другом против общего врага.

Ключевые слова: VII век, ранние славяне, анты, «древности антов», клады, Пеньковская культура, Колочинская культура, археология, этнополитическая реконструкция.

ABSTRACT

This article analyzes the geopolitical and ethno-political situation in the 7th century AD in Eastern Europe. Archaeological materials allow to state that in the southern steppe Dnieper at this time there was a political structure of mixed Slavic-Turkic population, with its own elite and elements of infrastructure (industrial centers). It was an “early state” (or “complicated chiefdom”). The Slavic Penkovskaya culture correlates with “Antes” in written sources was a part of it. In this “early state” dominated the nomadic elite.

In the northern part of the Dnieper-Donets steppe, in the area of Kolochinskaj culture formed another social and ethnic structure. The elite of this population (at least in the southern area of this culture) had the same prestigious ensemble that their southern neighbors Antes. Direct impact of nomads their not experienced. This society was ethnically more homogeneous and monolithic socially than the south “early state”. No signs of state-formation were found.

As a result of wars at the end of 7th century both societies were destroyed. The fate of southern and northern populations were practically identical: it lost its cultural identity and ethnographic dissolved. Apparently, in the wars of the end of 7th century two societies were on one side and in conjunction with each other against a common enemy.

Key words: 7th century, the early Slavs, Antes, “Antes’ antiquities”, buried treasure, Penkovskaya Culture, Kolochinskaya culture, archeology, ethno-political reconstruction.

Е.А. Шинаков

ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ И В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

IX век, особенно его первая половина, — один из самых «темных» периодов в истории Руси. Это связано с состоянием всех видов источников: в принципе — с проблемой их наличия, достоверности и тенденциозности их информации, степени применимости к конкретному региону и отрезку времени. Но это один из важнейших периодов в русской истории, т. к. именно тогда начинаются те процессы формирования потестарно-политических структур, которые в конце X в. привели к образованию Древнерусской державы этапа раннего государства (в трактовке этого термина К. Поланьи, Г. Классена, П. Скальника, Л.Е. Куббеля, Н.Б. Кочаковой и др.).

Скудность, противоречивость (точнее, способность быть основанием для разнонаправленных интерпретаций), разнохарактерность традиционных (письменных, а в последнее время — и археологических) источников стала общим местом историографии. С точки зрения структурно-процессуалистского подхода, применявшегося в отечественной историографии лишь при исследовании африканских, «восточных», индейских структурированных обществ, но никак не Руси¹, может иметь определенную ценность еще меньшее их количество. Сразу оговоримся, что чисто этно-идентификационный (и этно-

* Данная публикация представляет собой переработанный вариант статьи: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347.

¹ Определенное, да и то скорее внешнее, «терминологическое» исключение представляют некоторые работы Е.А. Мельниковой и Н.Ф. Котляра: *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; *Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X вв. // Там же.

локализационный) подход может играть роль средства, но не главной цели. К последней же можно отнести в первую очередь установление (со степенью вероятности, определяемой информативными возможностями источников) форм, этапов, истоков и тенденций развития конкретных позднеспетарных (а также спетарных, акефальных и спетарно-политических) структур Восточной Европы на потенциально древнерусской территории в синхронном (но не синхростадиальном) срезе.

Главным источником до сих пор остается космографическое введение к «Повести временных лет», часть так называемой варяжской легенды, повести об отдельных князьях Руси и их отношениях со славяно-финскими племенами (особенно — описание «древлянско-го восстания» и его подавления). Основной плюс этой информации — фиксация этнонимов и их точных географических привязок, отчасти версий их расшифровки и генеалогических и топонимических легенд. Характер спетарных отношений реконструируется по скудной терминологии, поведенческим стереотипам лишь для некоторых этноспетарных организмов. Самый же главный недостаток — большое хронологическое расстояние (100–250 лет) между событием или ситуацией (середина IX — конец X в.) и временем его записи (с середины XI в. по начало XII в.). Неизбежна поэтому модернизация социально-политической терминологии и даже прямой перенос некоторых явлений и ситуаций раннего государства рубежа XI–XII вв. не только на хронологически, но и стадиально более ранние этапы политогенеза. Следовательно, необходим текстологический и ситуативный анализ в каждом конкретном случае, вызывающем подозрение в модернизации ситуации или явления.

Авторы летописей не скрывают (чаще подчеркивают) прямые заимствования описаний событий и их датировки из византийских источников (хроник Продолжателей Феофана и Амартола прежде всего), что, впрочем, не затрудняет, а облегчает анализ и придает летописям большую достоверность. Обратная ситуация складывается с реальным или гипотетическим использованием в некоторых случаях библейских стереотипов описания². Кроме того, нельзя исключать (хотя нельзя и постулировать без веских оснований) возможную сознательную тенденциозность древнерусского летописания как составной части ран-

²Барац Г.М. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–X в. М., 1995. С. 25–40.

несредневековой славянской исторической мысли, подверженной этой особенности³.

О событиях ранней русской истории повествуют, в основном, поздние западнославянские историки, в частности, Ян Длугош (XV в.), один из первых создателей «поляно-русской концепции» становления Руси. Однако, даже с учетом того, что он основывался на недошедших до нас русских летописях, созданы они были позднее ПВЛ⁴.

Болгарская литература, при всем ее влиянии на древнерусскую⁵ не содержит в немногих сохранившихся или реконструируемых фрагментах никаких данных о потестарно-политических структурах и процессах Восточной Европы IX–X вв.

В то же время, именно последним посвящены несколько глав труда византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁶. Характер работы (секретная инструкция сыну-наследнику престола) и ее одновременность описываемым реалиям делают ее, пожалуй, самым ценным и достоверным письменным источником по ранним этапам древнерусской государственности. Статус автора и фиксируемые источниками тесные торговые, военные и политические контакты Византии и Руси с большой долей вероятности заставляют отвергнуть предположение о недостатке информации и информаторов. С одной стороны, взгляд как бы «сверху», с точки зрения главы зрелой и древней государственности, обладавшей развитой политической культурой, мог, в принципе, заставить Константина несколько модифицировать потестарно-политические отношения и структуры Восточной Европы, но, судя по контексту, этого не наблюдается. С другой стороны, несколько архаизирующий оттенок мог придать описанию варваров так называемый «армейский расизм» ав-

³Щавелева Н.И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винченца Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; Лантева Л.П. Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII–XIII вв. // ВЕДС. М., 1993.

⁴Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва; Иерусалим, 1997. С. 87; Петрухин В.Я. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // ВЕДС. М., 1997. С. 214.

⁵Из последних специальных работ: Горина Л.В. Византийская и славянская хронография (существовал ли болгарский хронограф?) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991; Турилов А.А. Византийские и славянские пласты в «Сказании инок Христодула» // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

⁶Характеристику зарубежных источников по истории Древней Руси, а также тексты см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1999; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Сост. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. М., 2009–2010. Т. I–V.

тора⁷, однако этому противоречит, как уже говорилось, сам характер труда-инструкции, справочника.

Хазарские источники не столько повествуют о структурах восточнославянских потестарно-политических организмов и взаимоотношениях между ними, сколько по-новому освещают длительность, степень и характер собственно хазарского политического воздействия на некоторые из этих структур (две редакции «Ответного письма кагана Иосифа» и так называемый Кембриджский документ (или «Письмо Шехтера») в сопоставлении⁸.

Аналогичный комплекс сведений (характер скандинаво-славяно-финских [бьярмских] взаимодействий, преимущественно военно-политических) додревнерусской эпохи (или, во всяком случае, до раннего государственного этапа) содержат скандинавские саги и поэзия скальдов. Это, прежде всего, «Отдельная сага об Олаве Святом», «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» и «Бандадрапа» Эйольва Дадааскальда (с пространным пересказом ее в «Саге об Олаве, сыне Трюггви»). Недосток саг — поздняя, в XIII–XIV вв., их запись, — не мог не исказить сведений и не наложить «модернизаторский» отпечаток. Сказывается также не историко-хроникальный, а литературно-эпический их характер⁹. Добавим к этому очевидное влияние отдельных фрагментов русских летописей («Сказания о крещении Руси», например, на «Сагу об Олаве Святом») и византийской (а через нее — античной) литературной традиции (описание сицилийских деяний Харальда Гардрода в одноименной саге).

Знаменитые «Бертинские анналы», кроме одного из первых свидетельств скандинаво-хазарского влияния на восточнославянское общество, не дают ничего для характеристики структуры последнего. Из западноевропейских латиноязычных источников особое значение тесной контаминацией его данных с полуполюгендарными сведениями саг

⁷ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 35–36; *Литаврин Г.Г.* Политическая история Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XIII в. М., 1989. С. 78.

⁸ *Кокорцов П.К.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913. XLVIII. Ноябрь; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы; *Цукерман К.А.* Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

⁹ *Стеблин-Каменский Н.И.* Мир саги. Л., 1971; *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972; *Рыдзева Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // ДГ. М., 1978; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993; *Древнерусские города в древнескандинавской письменности* / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987; *Мельникова Е.А.* К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // ВЕДС. 1990.

имеет «Житие св. Ангария» Римберта, написанное через 20–25 лет после описываемых в нем восточнобалтийских событий и реалий¹⁰.

Анализу восточных (мусульманских) источников в вышеуказанном (структурно-процессуалистском) контексте посвящено несколько работ автора¹¹. Главный вывод, основанный на контент-анализе текстов (в переводах А.П. Новосельцева, А.Я. Гаркави, И.Ю. Крачковского и др.), повторяет лежавший на поверхности еще в XIX в. (Х.М. Френ, А.А. Куник, В.Р. Розен, Ф. Вестберг), но основательно «забытый» с середины XX в.: при описании «русов» и «славян» восточные авторы имеют в виду разные не только в социальном, но и в этническом плане общности. Новое заключается в выводе о более высоком потестарно-политическом уровне развития «славян», чем «русов» в середине IX в., а также в подробном структурно-статистическом анализе обеих общностей. Достоинства восточных источников — в их хронологической одновременности описываемым реалиям и явном отсутствии заинтересованности в сознательных искажениях, недостатки — в неточности и спорности этнических локализаций, возможном получении информации из вторых рук, влиянии стереотипов описания (литературных традиций).

Разнородный и в целом небольшой корпус письменных источников еще более сокращается, если учесть специфику их объекта. А это, прежде всего, — «верхушка айсберга» — «империя Рюриковичей» второй половины IX–X в., потестарно-политический организм, переходный между простыми вожествами и ранней государственностью. Форма этого потестарно-политического организма — в вертикальном плане — двухуровневое государство, верхний («федеральный», «имперский») уровень которого образует правящая военно-торговая корпорация «Русь», нижний — князья, вожди, старейшины отдельных подчиненных ей субгосударств — территориальных вожеств-княжеств и протогородов-государств. В итоге перед нами сложная с точки зрения типологии система разных протогосударственных организмов, обладавших своей спецификой. Верхний, наиболее полно освещенный письменными источниками, уровень власти интересует нас в наименьшей степени, как по вышеуказанной причине, так и по

¹⁰ *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIV вв. // *Славяно-русские древности.* Л., 1988. Вып.1. С. 47–49; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (первая треть XI в.). М., 1994. С. 152.

¹¹ *Шинаков Е.А.* Русы IX — середины X в. (контент-анализ восточных источников) // *Чтения памяти А.В. Арциховского.* Москва; Новгород, 1988; *Он же.* «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990.

тому, что именно политические процессы внутри него связаны с формированием общерусской государственности, а она не является предметом данного исследования¹².

В то же время, процессы самостоятельного развития отдельных суборганизмов, отчасти «вторичного», под влиянием того или иного военно-политического или торгового контрагента Руси, продолжались и в составе этого государства, приводя иногда к полной самостоятельности или возобновлению зависимости от «третьей силы». На периферии Руси формирование вожеств разных типов и их перерастание в более высокие потестарно-политические организмы не прекращалось и в конце IX — X в., стимулируясь или тормозясь вхождением в состав относительно единого государства. Эти процессы фактически остались «за кадром» летописей и иностранных источников, однако не могли не найти отражения в более многозначных, сложно интерпретируемых, но и более объективных данных археологии, нумизматики, эпиграфики.

Опыты комплексного применения данных разных типов источников к истории Руси имеются, как и попытки выхода на уровень социально-политического анализа на базе преимущественно археологических материалов (Б.А. Тимошук, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, Е.А. Мельникова, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, И.В. Дубов). В масштабах всех славянских племен выделяются масштабом обобщающие исследования В.В. Седова¹³.

Методика использования археологических источников с целью выявления признаков («знаков», «сигналов») тех или иных элементов, этапов, линий процесса государствообразования и форм потестарно-политических организмов была разработана автором в 1993 г. Кратко ее суть такова: берутся хорошо изученные по материалам письменных источников и этнографии общества с четко выявленными структурами и процессами, определяются их типовые археологические признаки, проверяется их «работа» на нескольких внешне типологически схожих и синхростадиальных объектах, затем определяется степень выраженности этих признаков в том или ином регионе и микроре-

¹²Поэтому, например, в списке источников не упомянуты такие известные, но посвященные исключительно руси (росам) как народу, произведения, как жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, «Беседы» патриарха Фотия и ряд других.

¹³Следует также отметить его дискуссионные выступления, вызвавшие неоднозначную реакцию, прежде всего, историков-русистов по поводу возможностей археологии в их сфере: *Седов В.В.* Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси // ВЕДС. М., 1998; *Он же.* Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.

гионе Руси. Например, для этапа вожеств только археология (временно без привлечения данных иных нетрадиционных источников) может дать «знаковые» сведения о наличии центров власти (княжеские или племенные «грады»), выявить нумизматические источники (которые далее «работают» отдельно), определить наличие и конфигурацию этнокультурных и потестарно-политических границ, наличие социально-ранговой и (для Руси) — социально-этнической дифференциации внутри регионов, выявить следы этнокультурного и, возможно, политического воздействия соседних государств, наличие путей и пунктов дальней международной торговли («виков»). Для более позднего этапа появления «сложных вожеств» и сложносоставного (в «двухуровневой» форме) варварского государства под эгидой летописной «руси» — археология помогает выявить опорные пункты последней («погосты», «станы»), направления ее продвижения, изменения направления движения монетных потоков и изменения границ между Русью и славянами.

В плане использования археологических источников можно отметить два достоинства и одновременно недостатка последних. В отличие от письменных они абсолютно объективны и непредвзяты, свободны от сознательных искажений, их набор «случаен», что, однако, предполагает возможность многозначных трактовок на уровне исторических обобщений данных археологии. Корпус археологических источников пополняется непрерывно, и новые материалы могут, как дополнить и подтвердить, так и существенно изменить и даже опровергнуть сложившуюся ранее картину. Приходится признать: отсутствие того или иного археологического признака не всегда адекватно отсутствию отраженного им элемента структуры или процесса — многое зависит от степени изученности территорий. Определенную роль играет и качество, и направленность исследований. Однако вышеприведенные факторы еще больше усиливают значение и вес наличия того или иного археологического артефакта, исключая возможность случайности его появления при целенаправленных обследованиях территорий. Другими словами, наличие археологического признака — факт, его отсутствие — не обязательно факт. Наиболее перспективным представляется выделение типов поселений и их археологических признаков, затем «отработка» этого метода на практике посредством целевых археологических исследований.

Нумизматические источники, имеющие — отчасти по способам их получения — отношение к археологии, составляют, однако, отдельный тип, причем, с учетом особой роли международных торговых пу-

тей для государствообразовательных процессов в Восточной Европе IX–X вв., особенно важный и достаточно объективный. Возрастание роли нумизматики связано не только с обнаружением новых материалов, но и (главным образом) с новыми методиками исследования «старых» кладов. Здесь следует отметить, в первую очередь, методы исследования состава клада и их датировок, а также реконструкции монетных потоков, использованные А.В. Фоминым. Важна в данном аспекте контаминация последних с конкретно-политическими событиями, а не факторами торгово-хозяйственного развития. Другой, существенный в данной сфере исследования момент — попытка выделения для части Днепровского Левобережья («хазарско»-северянско-радимичского региона) X в. особой денежно-весовой системы, основанной на обрезанных в кружок дирхемах и «варварских» (хазарско-северянских?) подражаниях последним (А.В. Куза, В.В. Зайцев, Е.А. Шинаков). Границы распространения монет общерусской и «левобережной» систем могут соответствовать этнополитическим пограничьям X в., хотя многозначность нумизматических источников иногда приводит к прямо противоположным интерпретациям содержащихся внутри этих границ потестарно-политических организмов¹⁴.

Эпиграфические источники IX–X вв. находятся в теснейшей взаимосвязи с нумизматическими, т. к. основная часть буквенных, рисуночных и символично-геральдических знаков обнаружена в виде граффити на монетах: они исследовались Е.А. Мельниковой, А.В. Фоминым, В.Е. Нахапетян, И.В. Дубовым. Основные результаты: определение зон культурно-политического влияния в пределах Восточной Европы на ранних этапах ее политогенеза. Попытку достичь аналогичных результатов, но опираясь не на граффити на монетах, а на весовые нормы, их названия и письменные источники предпринимались А.В. Назаренко¹⁵ и О.И. Прицаком¹⁶, в первом случае с акцентом на баваро-германское, во втором — болгаро-хазарское направления связей.

Эмблематика, отчасти представленная в вышеописанном типе источников, приобретает и самостоятельное значение в плане определе-

¹⁴Топография «варварских» подражаний дирхемам совпадает с предполагаемой территорией позднероменского протогосударства (Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вівчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990). Ср. гипотезу о русском каганате: Седов В.В. Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4.

¹⁵Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ. 1994 г. М., 1996; Он же. К вопросу об отражении древнерусского права в договорах Руси с Византией X в. // ВЕДС. М., 1997.

¹⁶Прицак О.И. Два етюди з нумизматики Київської Русі // Історія Русі — Україна. Київ, 1998.

ния возможных истоков одной из этнопотестарных единиц Восточной Европы IX в., а затем «верхнего уровня» складывающейся государственности — летописной «руси». Слабый момент — не всегда происхождение эмблемы, символического знака той или иной общности детерминировано происхождением последней, а может носить случайный, вторичный характер. Определенное значение для уточнения этнопотестарной структуры отдельных вождеств и племенных образований могут иметь их предполагаемые эмблемы-тотемы, отраженные в мелкой пластике.

Не только символические, но и реально-потестарные моменты (объяснение происхождения власти и обоснование права на власть в ранних формах государственности и при ранних линиях государствообразования) могут отчасти прояснить этногенетические, генеалогические и топонимические легенды, отраженные в письменных источниках. Их изучение находится на стыке таких дисциплин, как фольклористика, этнонимика, топонимика, антропонимика, генеалогия. Их данные, в силу специфики источников и объектов исследований, представляются наиболее гипотетическими и в то же время — одними из самых перспективных в силу малого использования подобного рода материалов на широком сравнительно-историческом фоне. Следует отметить попытки уточнения гносеологических корней некоторых русских генеалогических легенд В.Я. Петрухиным¹⁷ и А.П. Толочко¹⁸, а также исследование древнейших славянских легенд и моделей власти, отраженных в них, выполненное А.С. Щавелевым с помощью структуралистских методик¹⁹. Среди фундаментальных исследований по антропонимике и этнонимике до сих пор первенствующее положение занимают работы Г.К. Валеева²⁰ и Г.А. Хабургаева²¹, с существенными дополнениями лишь по северянам²².

В области методики исследования мифов для реконструкции

¹⁷ Петрухин В.Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982; *Он же*. Начало этнокультурной истории.

¹⁸ Толочко О.П. «Князь-робичич» та «король-орач»: східноєвропейські паралелі до давньоруських генеалогічних легенд // Старожитності Південної Русі. Чернівці, 1993.

¹⁹ Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

²⁰ Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

²¹ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

²² Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. VIII.; Щавелев С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Западной России. Москва; Брянск, 1996.

породивших их потестарно-политических реалий существенными представляются некоторые современные, этнологические в первую очередь, исследования, сделанные не на древнерусском материале²³. Интересны также принцип и методика установления степени контаминации между некоторыми типами обрядовых действий, свойств личности и ее «ценности», атрибутов того и другого с конкретными «моделями власти» и ее символами²⁴. В последних работах явно прослеживается последовательное применение сравнительно-этнографического и сравнительно-исторического методов, что позволяет разорвать «замкнутый круг» ограниченности источников и гиперкритического (наряду с полностью доверительным) к ним отношения.

В данном аспекте наиболее существенным является вопрос о степени корректности применения этих методов. Сравняться должны организмы, явления и процессы синхростадиальные²⁵, что отнюдь не обязательно предполагает их хронологическую одновременность и даже близость. Типологическая же однородность не означает обязательных контактов между потестарно-политическими организмами и даже их расположения в одних физико-географических зонах и географических регионах. Наоборот, «подчас общества, очень далеко отстоящие и территориально, и этнически, и хронологически — друг от друга, обнаруживают поразительную близость общественно-политических институтов»²⁶. Недопустимо типологическое сопоставление рядом расположенных, хронологически одновременных и даже достоверно контактировавших друг с другом организмов, если один из них относится к «первичным», а другой — «вторичным» государственным образованиям или «основным» и «периферийным» (по О. Шпенглеру и А. Тойнби) цивилизациям (так называемый «принцип Бэгби»²⁷). Существенны для «чистоты» сравнения является не только стадия развития общества, этап государствообразования, но и фаза

²³ *Окладникова Е.А.* Миф как символ власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993; *Белков П.Л.* «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Там же; *Мельников А.С.* Отзвуки легенды о Палемоне в русском Хронографе // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. Вып. 6–7.

²⁴ *Щепанская Т.Е.* Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских (XIX — начало XX в.) // Символы и атрибуты власти.

²⁵ *Ковалевский М.М.* Генетическая социология. СПб., 1910; *Он же.* Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии // Итоги науки в теории и практике. М., 1914. Т. 10; *Маркарян Э.С.* Об основных принципах сравнительного изучения истории // ВИ. 1966. № 7.

²⁶ *Пауито В.Т.* Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. 1973. № 5. С. 16.

²⁷ *Bagby Ph.* History and Culture. N.Y.; L., 1958.

развития конкретного этапа (становление, расцвет, стабильность, кризис, упадок, переходный период²⁸).

Региональное деление потенциально древнерусской части Восточной Европы IX в. важно прежде всего в природно-хозяйственном и (более гипотетично) — потестарно (политико)-культурном аспектах. Для Днепровского Левобережья автор рассматривал эти аспекты в 1980 г.²⁹ и более четко, но кратко — в 1991 г.³⁰, наиболее последовательно и подробно — в 1996 г.³¹ Среднему Подесенью и отдельным микрорегионам в его составе были посвящены непосредственно полевые исследования автора специально в вышеуказанных аспектах и ряд информационных и аналитико-обобщающих публикаций.

Опыт глобальной историко-географической характеристики Восточной Европы в эпоху Древней Руси был предпринят в предварительной и весьма осторожной форме³². На основе обобщения данных археологической, прежде всего, историографии выделялось четыре зоны: северная (с Новгородом и Ростовом), западная (с Полоцком, Псковом, Волынью, Турово-Пинским княжеством), южная пограничная (Киевское, Переяславское, часть Галицкого княжеств) и юго-восточная (типологически промежуточная) с землей вятичей, частично — северян, Черниговом, Новгород-Северским, Рязанью, Москвой, Брянском. За пределами вышеуказанных зон оказывался «центр» — Смоленщина, земли радимичей, частично дреговичей. Во многом автор следовал укоренившейся в научной литературе традиции деления на Северную и Южную (в целом) Русь, Запад и Юго-Восток, хотя уже и не столь последовательно. Более внимательное рассмотрение материала под углом зрения этнологических концепций потестарности и последовательное сравнение с довольно широким кругом типологических аналогий, в том числе хронологически и территориально отдаленных, заставили автора отчасти изменить взгляды по этому вопросу.

²⁸ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 9–12.

²⁹ Шинаков Е.А. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в. (Депонировано 29.12.1980 в ИНИОН АН СССР. № 6673); *Он же*. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Он же*. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.

³⁰ Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

³¹ Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 1996. № 8.

³² Шинаков Е.А. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск, 1998.

К настоящему времени вариативность регионов, основанных на разных ландшафтно-хозяйственных типах (не путать с хозяйственно-культурными типами), субстратах и направлениях экономических и этнополитических связей с разными формами потестарности и ее властных атрибутов и символики, представляется автору в следующем виде. Сначала дается обобщенная характеристика каждого региона с приведением наиболее близких аналогий. Образно говоря, это торгово-промышленый *Север* с сильной аристократией (о других деталях форм потестарности — ниже), основанной на родовом и «первопоселенческом» признаках и довлеющей в «государстве», «обществом» (в историческом смысле)³³, пронизанном отношениями правового регулирования. В итоге — города (в IX в., конечно, еще предгорода) — республики (с приглашаемыми правителями), господствующие и эксплуатирующие коллективно сельскую округу, и города «второго сорта» (пригороды). В этом аспекте структура их чрезвычайно напоминает более поздний, но синхростадиальный Бенин³⁴.

В *Север* по вышеуказанным показателям можно включать не только Новгород (ранее — Ладогу), но и Ростов с Суздальем³⁵, хотя там подобные тенденции были отчасти переломлены князьями, избравшими новой столицей именно «пригород» Владимир и опиравшимися через голову родовой аристократии на другие слои населения. Псков (отчасти Полоцк) можно отнести скорее к Северо-Западу. Они имели многие признаки города-государства, но не торгово-земледельческой, а полисной, «гражданской» формы³⁶. Разрыв между городом и сель-

³³ Еще К.Д. Кавелин обращал внимание на данный факт новгородской истории, отрицая наличие государственных начал вообще, вплоть до падения Новгорода (*Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России (1847) // Наш умственный строй. М., 1989. С. 37, 39). Нам представляется это особой формой государственности, которая, однако, в изучаемый этап «вождеств» (и «аристократий») в зародышевом виде мало отличалась от эмбрионов иных форм, в том числе в дальнейшем четко монархических и «деспотических».

³⁴ Имеется в виду территориальное устройство, при котором все нити управления сходились в столицу, горизонтальных связей почти не было. Столица разделена на несколько кварталов по числу правящих четырех родов (дворцовый квартал-город) и неаристократических жителей (*Качакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986; *Бондаренко Д.М.* Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993).

³⁵ Экономика последних могла базироваться на автономном земледелии, что роднит их с Бенином и отличает от Новгорода.

³⁶ Предложенная автором типология форм зрелой государственности и этапов политогенеза такова: *акефальное общество* (но не обязательно эгалитарное), *вождество* (не обязательно «монархия»), *общество переходного этапа* («сложные вождества», предгорода-государства, корпоративно-эксплуататорские и т. д. «государства», в том числе «дружинное»), *раннее государство* (почти все признаки государственности могут присутствовать).

ской округой была не столь ярко выраженным, чем в «деспотической» Москве или аристократическом Новгороде³⁷.

Таким образом, позднее, на этапе зрелой государственности, мы имеем нечто среднее между «полисной» формой и территориальным образованием. Дополнительным аргументом в пользу типологического единства Пскова и Полоцка является отсутствие в них древностей, связанных с «восточным путем», а также контаминированных с ним (до событий условно 862 г.)³⁸ древностей скандинавского происхождения (до второй половины IX в., а в Изборске и Полоцке — даже позднее). Последнее, вероятно, может свидетельствовать о «неучастии» восточной торговли в становлении этих городов³⁹ — они имели уже достаточно сложную структуру и до середины IX в.⁴⁰ Дальнейшие процессы можно не учитывать — они могут быть связаны с общерусским государствообразованием.

Впрочем, мы не включаемся в эту дискуссию, имея в виду другие цели. Приведем лишь один аргумент — этническое (а для ранних этапов политогенеза это равнозначно потестарному) сходство населения Поволховья, Ярославского Поволжья и Ростовской котловины, име-

На этапе раннего государства зачастую нельзя определить тип государственности (феодальный, восточно-деспотический, рабовладельческий, капиталистически-торговый) по причине отсутствия одного экономически господствующего класса, чью волю в разной степени исполняют «управляющие». Далее — *зрелая (сложившаяся, завершенная) государственность*, которая кроме вполне четкого типа, может иметь несколько «идеальных» форм: чиновничье-бюрократический и авторитарный (последнее не обязательно); феодально-иерархический; корпоративно-эксплуататорский; «двухуровневый»; общественно-религиозный; кастовый; «классический полис»; земледельческий город-государство; торговый город-государство; сложный (иерархический, «распространившийся») город-государство. Принцип классификации — комплекс признаков при выделении одного ведущего, «дающего лицо». Кроме того, перед нами, собственно, идеальные модели, которые в реальности часто переплетаются. Эта проблема решается введением (в условно-типологическом аспекте, конечно) одиннадцатой формы — сложного (сложносоставного в территориальном плане или сложного в типологическом смысле) государства. Многие из этих форм не только зародились, но и существовали в достаточно завершенном виде и на более ранних этапах политогенеза. Это позволило бы считать их пережиточными, если бы они не возрождались вновь и вновь не только в средневековье, но и в новое время как вторичные, как результат «творчества» более развитых государств.

³⁷В этом плане показательна так называемая «брань о смердах» 1483–1486 гг., показавшая степень готовности даже бедных псковичей встать на защиту своих неотъемлемых гражданских и экономических прав, в том числе права на эксплуатацию несвободных.

³⁸*Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. 1980. Вып. 160.

³⁹Обоснованный в литературе Днепро-Даугавский путь существовал в X–XI вв.: *Музуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // *Історія Русі-України*. Київ, 1998. С. 192.

⁴⁰*Тарасау С.В.* Сацьяльна-гісторычная тапаграфія Полацка X–XVIII ст. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 1997. № 12. С. 233; *Седов В.В.* Работы в Изборске в 1984 г. // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1985.

ющего не только родственные (в масштабах наложившейся на него славянской колонизации) финно-угорские субстраты, но и суперсубстрат — словено-скандинавский, а не кривичский, как считалось ранее, в основном.

Итак, *Северо-Запад*, органично связанный с *Севером*. Влияние — скандинавское, связи — или дальние международные, или с ближайшими прибалтийскими соседями. Роль международной торговли — не причинная, как на *Севере*. Сильные балтский и финно-угорский субстраты. О предполагаемых формах потестарности — речь впереди.

Большой, но компактный и достаточно однородный, с равномерным размещением *Юго-Запад* включает древлян, волынян, хорватов, с возможным тиверско-уличским ответвлением к югу, в лесостепи и гилей вдоль рек. Основа хозяйства — земледелие; международная транзитная торговля не фиксируется письменными источниками⁴¹. Потестарная организация — типичные территориальные «вожества» без признаков тенденций развития к городу-государству, точнее — потестарно-политические институты более высокого (переходного) этапа, но логичные продолжения именно вожеств (княжеско-дружинные).

Мы говорим об этом достаточно уверенно, без сопоставления внешних «знаковых» проявлений этих институтов с более изученными аналогиями не без основания. Дело в том, что, если сведения самой ранней группы восточных источников (Ибн Русте и др.) относятся к восточным славянам, то только к юго-западной их части. Если же с восточными славянами их не контаминировать (а существует обширная чешско-польско-российско-украинская историография, сопоставляющая эти данные с реалиями Великой Моравии, или, по крайней мере, с промежуточной «Великой Хорватией») (Зличанско-Либицкой или Краковско-Карпатской), то даже этот факт показателен. Он как бы связывает политические реалии этих регионов и Юго-Запада восточного славянства и позволяет отчасти рассматривать потестарно-политические институты последних как типологически сходные с первыми⁴².

⁴¹ Впрочем, этими достаточно косвенными данными Й. Херрман, а затем А.Н. Назаренко постулируют наличие транзитного «баваро-хазарского пути»: *Херрман И.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // *Древности славян и Руси*. М., 1988; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // *ДГ*. 1991 г. М., 1994.

⁴² Тем более, что для конца IX в., по крайней мере, четко не доказывается, но в историографии неоднократно постулируется факт не только влияния Великой Моравии на эти племена, но и включения некоторых из них в состав державы Святополка или Краковского княжества (см., например: *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый пра-

Юго-Восток — зафиксированная источниками зона влияния Хазарии. Спорен вопрос о его степени и территориальных границах, но анализ археолого-эпиграфико-нумизматических данных позволяет уточнить этот вопрос. О характере потестарности этой зоны и этапах ее развития — речь впереди, ибо, как раз в решение данной проблемы автору, как представляется, удалось внести некоторый вклад. Предварительно же можно безусловно включить в нее всех северян, вероятно, всех вятичей и, возможно, некоторую часть радимичей.

Остается *Центр* с осью по Днепру. Он наиболее разнороден, а в силу политического значения, хотя и наиболее освещен ПВЛ, но и наиболее «оброс» легендами, что требует самого осторожного и достаточно нового подхода. Сюда включаются поляне на его юге, смоленские кривичи на севере, дреговичи на западной окраине, часть радимичей и земли между ними на западе, смоленскими кривичами на севере, вятичами и северянами на востоке, полянами на юге — так называемое Подесенье.

Начнем с полян. Их генеалогические и топонимические легенды делают их самым древним и сильным племенем. Лишь один раз проскальзывает фраза «По сих же летех по смерти братье сея быша обидимы Древля[на]ми и инеми околними⁴³. Такого рода легенда характерна для потестарных организмов, где степень причастности к власти определяется правами первопоселения (чаще это — земельные протогорода-протогосударства). Кроме того, данные о Кие, Щеке и Хориве могут косвенно отражать наследование от брата к брату, а добавление Лыбеди — еще право женского наследования. Археологические данные на период VIII — первой половины IX в. — отсутствие четкой иерархии городищ и выделение особо крупных, укрепленных и богатых центров, которые можно было бы связывать с князем и дружиной⁴⁴, не позволяют говорить о сложении общепольанской княжеской власти, а вопрос о государстве «ад-Дир» весьма спорен⁴⁵.

витель // ВИ. 1991. № 2–3). Допускается и более позднее влияние Чехии, по крайней мере, культурно-религиозное.

⁴³ПВЛ. С. 11. Именно эти сведения летописи полностью согласуются с данными археологии по второй половине VIII (после пеньковской культуры) — IX в., оставляя полянам узкую полосу Поднепровья между древлянами и северянами.

⁴⁴Более ранняя Пеньковская культура не в счет, ибо речь идет о предгосударственном периоде: даже если часть ее принадлежала полянам, то они явно сильно деградировали.

⁴⁵Точнее, сомнительной является не сама его личность, а время существования государства и этнический характер власти. Упоминания ад-Дира у ал-Масуди, автора X в., не дает никаких оснований для отождествления этого лица и известного по летописи князя Дира второй половины IX в. Возможно, именно этим (отсутствием объединения) объясняется быстрое исчезновение этого этнонима, поглощенного новым — русью.

Крупные и богатые дружинные памятники (некрополь Киева, Лепляво, Шестовицы, «Черная могила») (и черниговские дружинные курганы в целом), во-первых, более поздние, а во-вторых, созданы в основном не «туземцами», а пришлыми русами (о них пока речь не ведется).

Итак, до середины IX в. поляне — конгломерат земледельческих протогородов этапа (но не типа) вожеств. Последняя генеалогическая легенда о пришельце, иностранце, относится к весьма распространенному типу обоснования происхождения власти, особенно в государствах, созданных из отдельных равноправных частей⁴⁶. Но важно и иное: по этой легенде у полян не было княжеской власти со времен Кия, и Дир (с Аскольдом), явные находники-варяги, «стали править всей польской землей».

Дреговичи также сходят со страниц летописи и составляют, судя по названию, объединение по чисто территориальному⁴⁷, а не родственному или сакральному принципу. В последних случаях ранние потестарно-политические организмы более устойчивы. Летописец упоминает у дреговичей «свое княжение». Однако «своего» княжеского стола у них не зафиксировано. Часть их вошла в состав Полоцкой земли, на другой части образовался основанный, по легенде, также находником-варягом престол в Турове. Никакого сопротивления руси дреговичи также не оказали, что косвенно свидетельствует в пользу отсутствия у них политической организации и даже осознания своего этническо-сакрального единства.

Иное дело радимичи. Наряду с вятичами, летописная легенда подчеркивает их «родовое» происхождение в этимологии названия. Возможно, летописец XII в. не совсем верно понял радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их предков (братьев Радима и Вятко) «от лехов» — западнославянских старейшин, т. е. их изначальную знатность, как их приход из Польши, «от ляхов». В таком случае еще более подчеркивается «аристократизм» (а не «монархизм») радимичской потестарной традиции. В их земле не было городов. Гомий, Прупой и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости — опорные пункты с разных сторон их границ⁴⁸. При упоминании присоединения радимичей и ликвидации

⁴⁶Как правило, в одноосновных государствах — монархиях, или там, где есть один господствующий этнос-завоеватель (корпоративно-эксплуататорское) — правитель сакрализуется, и обосновывается его «небесное происхождение» (впрочем, как, например, в Бенине и Хазарии, только для подданных, а не правящей элиты).

⁴⁷Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 196–197.

⁴⁸Вероятнее всего, перед тем (или сразу после того), как Владимир решил ликвидировать ра-

позднее их «мятежа» не говорится ни о каких князьях (как при древлянском восстании, например). Но они выступают против Руси как единое монолитное целое, до середины XII в. сохраняют археологически фиксируемую этнокультурную специфику⁴⁹. Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских «вождеско»-княжеских традиций.

В силу этого, но при доказанном факте этнокультурной (в основе религиозной?) сплоченности радимичей и их организованного сопротивления вторжению войск Волчьего Хвоста, воеводы Владимира Святославича, можно предположить только одну форму потестарной организации⁵⁰ — религиозно-общинную. Возможно, здесь была отдельная каста жрецов, как у кельтов, лютичей, ранов, пруссов, но не исключено и совмещение сакральных и управленческих функций в руках родовой знати, как у поморян. Первый вариант предпочтительнее, ибо поморское общество в качестве дополнительного признака было основано на городах-субгосударствах, которые у радимичей явно не прослеживаются.

Радимичский погребальный инвентарь чрезвычайно богат артефактами, за которыми можно признать скрытое религиозно-символическое назначение. Отметим хотя бы привески-турицы, костяных уточек, разного рода соляные знаки. Именно радимичей христианская летопись ставит на первое место при описании языческих обычаев славян: «радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху... схожахуся на игрища, на плясанье и вся бесовская песни (далее —

димичскую «буферную» зону между владениями своими и Ярополка, о чем говорит и дата — 984 г. Точка зрения о возникновении этих городов в результате самостоятельной колонизации радимичами Посожья (*Метельский А.А.* Становление Посожских городов Смоленской земли // *Старожитності Південної Русі*) представляется спорной в силу специфики и уровня развития радимичского общества. Гомий же, если и возник самостоятельно, то на окраине радимичской территории — как пограничная крепость и торговый центр.

⁴⁹ В фольклорно-этнографических материалах эта специфика прослеживается и в настоящее время. Так, праздник «Радуница», хотя и встречается во многих районах соседних Брянской и Гомельской областей, все же является обязательным атрибутом календарно-праздничных обрядов лишь в тех из них, где ранее проживали радимичи.

⁵⁰ Если только общество радимичей вообще не было еще акефальным, т. е. не имело никаких властных структур кроме, например, периодически собираемого народного собрания. Как показывает пример некоторых народов Северного Кавказа, и в этом случае иногда могло быть организовано длительное и стойкое сопротивление противнику. Даже племени-этнокосу (Ю.В. Бромлей), т. е. первоначальному, еще не социально-потестарному образованию, присуща единая военная организация, а явно «родовое» происхождение радимичей по легенде (от первопретка-первопоселенца) лишний раз свидетельствует в пользу их сплоченности, основанной, возможно, в отличие от дреговичей и полян, еще на кровнородственных связях, отраженных тотемами (бык-тур, например).

подробное описание языческого погребального обряда. — *Е.Ш.*)... Си же творяжу обычая Кривичи [и] прочии погани, не ведуще закона бо- жия, но творяще сами себе закон»⁵¹.

В данной гипотезе есть слабое место — там, где у власти стояли жрецы (у лютичей, пруссов) или жрецы делили власть с «вождями» (князьями, королями), как, например, в Ирландии или на о. Рана, всегда фиксируются святилища «общеплеменного» значения — Ретра, Ромов, Тара, Аркона. У радимичей таковые летописью не упоминаются и археологически пока не вычлняются из другого рода памятников⁵². Впрочем, и поселения их, за исключением Гомия, изучены весьма плохо (основное внимание уделялось богатым курганным древностям). Исследования же последнего, проводимые О.А. Макушниковым, позволяют подтвердить генетическое родство радимичей с северянами и вятичами, т. к. был обнаружен слой роменской культуры⁵³. Тем самым появились новые веские основания для выводов, сделанных ранее на основе анализа сходства и общих роменских корней женских украшений северян, вятичей и радимичей, — о принадлежности роменской культуры всем трем «племенам»⁵⁴. Это сразу, с одной стороны, выводит радимичей на проблематику Юго-Востока, в частности, хазарского влияния. А четко выраженный, в том числе на семантическом уровне, балтский субстрат и гипотетическое потестарное устройство, сближают радимичей с Северо-Западной зоной: в частности, с кривичами (что косвенно отражено и летописью)⁵⁵.

Кривичи однозначно (за исключением мнений Е.А. Шмидта и В.В. Енукова) считаются этносом, имеющим западнославянско-прибалтийское происхождение, с указанием на Висленско-Одерское междуречье, Мекленбург⁵⁶ или, конкретнее, на ареал суковской керами-

⁵¹ПВЛ. С. 11.

⁵²Впрочем, О.А. Макушников пытается выявить таковые (*Макушников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XII века) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990). Однако и они имеют максимум «племенное», а не «федеральное» значение.

⁵³Там же. С. 59.

⁵⁴Это не снимает иных гипотез — Верхнеднепровской (Г.Ф. Соловьева, В.В. Седов) и Висленско-Днестровской (Я. Тышкевич, Г. Ловмянский) о более раннем этногенезе радимичей, хотя бы потому, что славяне-роменцы не являются автохтонами своего региона, а в их украшениях четко прослеживается западнославянское влияние (*Шинаков Е.А.* Население междуречья Десны и Ворсклы).

⁵⁵В этом аспекте идея о тройственном характере роменской культуры иногда дополняется попытками присоединить к ней и кривичей, которые якобы расселялись с юга на север вдоль Днепра (*Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 85–86, 172–173, 179).

⁵⁶*Седов В.В.* Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 14; *Он же.* Славяне в раннем средневековье. М.,

ки⁵⁷. Отмечается сильное западнобалтское промежуточное воздействие⁵⁸. Правда, некоторые исследователи⁵⁹ четко отделяют население Изборска-Пскова от кривичей, что не позволяет однозначно распространить этногенетические (прибалто-славянские и западнобалтские) построения, достаточно обоснованные для первых, на вторых (смоленско-полоцких кривичей), хотя В.В. Седов не менее убедительно доказывает обратное⁶⁰.

Единственной отправной точкой для характеристики потестарной организации кривичей до появления у них ранних городов-протогосударств (Псков — Изборск? — Полоцк⁶¹ — Смоленск) может стать их этническое имя, дополненное возможным этническим истоком их потестарных традиций. Этноним «кривичи» имеет балтское происхождение от «криве», «кривай»⁶². Позволим себе высказать предположение о его связи именно с формой первоначальной потестарной организации кривичей, т. е. до появления у них ранних [прото] городов-протогосударств и фиксируемой летописью княжеской власти (для Изборска и Полоцка — основанной полулегендарными «пришельцами»). Единственно, по нашему мнению, приемлемая этимология слова, сознательно присвоенного латгалами своим славянским соседям, и неосознанно, без понимания семантики, воспринятая русским летописцем, может восходить к западнобалтскому обозначению верховного жреца, обладавшего и высшей административной властью — Криве-Кривайтиса⁶³.

Другое дело, что теократия, стоявшая во главе протогосударства — религиозной общины, не обязательно была абсолютной. Возможна структура типа ирландской, когда «имперский», «федеральный»

1995. С. 216; *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова. С. 15. Разница между взглядами В.В. Седова и С.В. Белецкого — в определении времени и масштабов западнославянско-южнобалтского влияния. По Белецкому, оно хронологически совпадает со скандинавским и приводит к становлению Пскова как раннегородского центра на рубеже IX–X вв. и заменяет здесь латгалов как этникос.

⁵⁷ *Белецкий С.В.* Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища. С. 10.

⁵⁸ *Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995. С. 216.

⁵⁹ *Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

⁶⁰ *Седов В.В.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981 Вып. 166. С. 7–10.

⁶¹ Значение города как центра потестарной организации было так велико, что заменило старое племенное название «кривичи» на новое — производное от топонима («полочане», жители Полоцка и его округи).

⁶² *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет». С. 196.

⁶³ *Кулаков В.И.* Прусы (V–XIII вв.). М., 1994. С. 143, 151.

характер имела корпорация друидов, но в ячейках накинутой ими на всю страну сети помещались отдельные королевства-вожества⁶⁴. Допустим и лютичский вариант⁶⁵, только наоборот: последовательное размещение во времени потестарно-религиозной организации и княжений-вожеств; или прусский: постоянная оппозиция дружины и ее вождей («нобилей») возглавляемому Криве-Кривайтисом религиозному протогосударству⁶⁶. Конкретные культы, объединявшие всех кривичей (да и были ли они?), вряд ли восстановимы, хотя существует предположение, что это был «священный конь» и «богиня-мать» (или «богиня плодородия»)⁶⁷.

«Словене», «Новгород», «Рюриково городище», «Северная конфедерация», «Новгородское государство» — понятия взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые. Вопрос об их соотношении давно является дискуссионным и явно не близок к окончательному решению. Нам важно установить потестарную структуру только словен (хотя и в состав гипотетической «Северной» или Новгородской «конфедерации», позднее Новгородской республики, входили и иные этнические компоненты, зато не все словене) до основания Рюриком (по летописи) Новгорода.

Данных же об этом фактически нет: прослеживается четкая родовая структура («вста род на род», хотя в Новгородской первой летописи — «всташа град на град»). Однако видимых противоречий в этих двух версиях нет — грады могли быть резиденцией правящей верхушки родов или, в зависимости от их размеров, — и всего рода. С учетом более поздней социальной структуры Новгородской республики и гипотезы В.Л. Янина и М.Х. Алешковского об образовании Новгорода можно предположить, что выделялись «благородные» роды, монополия на власть которых, как и у полян, обосновывалась правом первопоселения.

Что касается самого Новгорода, то его политическая история и структура вплоть до XI в. покрыта мраком неизвестности. С уче-

⁶⁴ Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

⁶⁵ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 117–118, 126.

⁶⁶ «... одно место, называемое Ромов... в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали как Папу, ибо как господин Папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле и повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской...» (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Перев. и коммент. В.И. Матузовой. М., 1997. С. 51.

⁶⁷ Модестов Ф.Э. Амулеты-коньки и культ богини плодородия // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1. С. 75–79.

том его топографии и потенциального развития, можно предположительно сопоставить ранние этапы его истории с таким земледельческим городом-государством, как Эдо, «расширившимся» затем до государства-мегаобщины Бенин⁶⁸. Схожи внешне атрибуты обоснования власти-легенды о трех братьях-первоправителях, о приглашении иноземной династии. Схожи территориальное устройство как столицы, так и всего государства. Однако имеются кардинальные различия в социальной структуре и в деталях оформления властных структур, системы правления.

Тем не менее, поразительное сходство внешних символов позволяет с определенной долей уверенности сопоставить довольно хорошо освещенные ранние страницы истории Бенина с политической историей и структурой Новгорода в конце IX — X в. как предположительно синхростадиальные и типологически, если и не однородные, то близкие: поселение «благородной» верхушки нескольких родов в одном центре, причем каждый из них сохранил связи и контроль над определенным участком сельской округи (ср. новгородские пятины и пять концов Новгорода); выбор правителей только этими «первопоселенцами», но не из своего состава; наличие в Эдо «черного» населения, проживавшего между «родовыми» кварталами, и позднее добившегося участия в управлении (башорун — глава ополчения, ср. с новгородским тысяцким); наличие на окраинах «пригородов» и колоний, подчиненных не одному из обладавших властью родов, а непосредственно правителю и его родственникам, а также вожеств-субгосударств (ср. с «пригородами» Новгорода — Псковом, Ладогой, обладавших своими органами управления, и «пермскими» княжествами, платившими дань в Новгород). Впрочем, в этих аспектах Новгород сближается с такими «сложными», первоначально торговыми, городами-государствами древности и средневековья, как Карфаген и Венеция, а также «земледельческая» держава ацтеков этапа «сложных вожеств» с особым статусом столицы. Сходство наблюдается и в характере политических процессов — это внутренние конфликты, разрешаемые путем борьбы, но в конечном итоге — компромиссами и реформами. В этом плане интересны ранние реформы Бенина, предоставившие часть «политических» прав представителям неблагородных родов, и отдавшие под их управление ополчение и часть «колоний». В Новгороде трансформация статуса тысяцкого и представляемых им слоев насе-

⁶⁸ *Бондаренко Д.М.* Привилегированные категории населения Бенина.

ления оказались как бы «за кадром» (исключая события 1088/1089 г., связанные с выбором тысяцкого на вече).

Существенные отличия (кроме социальных): механизм выборов и лишения власти правителя; характерное для потестарных традиций Тропической Африки религиозно-мистическое обоснование и атрибутированное оформление власти, статус монарха и территориальное расположение его резиденции. В Эдо дворец обы всегда находился в центре города, между родовыми кварталами и под их контролем, в Новгороде же аналогичный период был весьма краток (не весь XI в.). В этой связи важен статус Рюрикова городища, особенно на раннем этапе (до конца IX в.). Очевидно, что это резиденция предводителя одной из варяжских дружин и одновременно — торговая фактория-эмпорий⁶⁹, возможно подчиненная первоначально (до середины IX в.)⁷⁰ Ладоге. Однако и это городище, и сама Ладога связаны уже не со «славянской», а с «русской» проблематикой.

Известна точка зрения, что под «ас-сакалиба» восточных источников скрываются не только собственно славяне, но и другие, в первую очередь финно-угорские («чудские») племена Восточной Европы, контактировавшие с русами («ар-рус»). В то же время, по летописной традиции и археологическим данным, эти племена были тесно связаны со словенями, «подвергаясь» колонизации, прежде всего, последних (кривичи и вятичи явно уступали им в этом) и, входя вместе с ними в состав первоначального «Северного объединения»⁷¹, пригласившего русь, а затем отчасти и Новгородской республики (которая делила эту честь с Ростово-Суздальским и Муромо-Рязанским княжествами).

Что касается остальных, кроме «всех кривичей»⁷² и словен в составе гипотетической «Северной конфедерации», или, по крайней мере, летописных событий 859–862 гг.⁷³, то в литературе высказывались неоднократные и обоснованные сомнения в реальности участия в них

⁶⁹ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 190.

⁷⁰ Затем именно Рюриково городище становится столицей одной из трех групп русов (по восточным источникам второй традиции — ал-Истахри, Ибн Хаукаль), причем временно главной. Город Салау (Слава) достаточно убедительно отождествил с Рюриковым городищем Е.Н. Носов (*Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. С. 192).

⁷¹ Впрочем, тот же Е.Н. Носов высказывает сомнение в реальности такого объединения или, во всяком случае, его долговременности и внутреннего равноправия в силу того, что «меря активно ассимилировалась славянами».

⁷² В Новгородской первой летописи именно «все» кривичи не упоминаются, зато можно понять, что к «новгородским людям» относились не только словене, но и кривичи и меря, хотя каждые из них и «свою волость имели» и «каждо своим родом владаше». Но в Ипатьевской летописи (в силу недопонимания и самостоятельного творчества южного летописца?) имеются намеки на самостоятельную политическую роль веси.

⁷³ Даты условны, некоторые данные позволяют удревить эти события на 6–9 лет.

не только не упомянутой в Новгородской первой летописи веси, но и чуди. Текстологически — начиная с А.А. Шахматова, обосновавшего (хотя сейчас это и подвергается сомнению) наибольшую древность сведений Новгородской первой летописи, отразившую данные «Начального свода». Логически — упоминание веси и чуди, а то и мери (Е.Н. Носов, отчасти А.Е. Леонтьев) просто как племен, ассимилируемых словенами и подчиненных Новгороду. Археологически — отсутствие веси на Белом озере до X в.⁷⁴, и неясность этнопотестарного облика чудского в первоначальной основе Юго-Восточного Приладожья⁷⁵. Нумизматически — отрицание наличия сквозного Волжского пути через земли чуди, веси и мери и попадание дирхемов начала IX в. в земли последней из Новгородской округи в силу включения их в среду словенской колонизации или, по крайней мере, влияния⁷⁶.

Остается мерая и, по мнению А.Е. Леонтьева, мурома⁷⁷, обладавшие хотя бы на части своих территорий (в ближайших округах Ростова и Мурома)⁷⁸ зачатками позднепотестарной организации в виде собственной княжеской власти. Если же княжества-вождества и были (летопись упоминает только, что «меря, имела волость свою», то они охватывали лишь небольшие плотно заселенные участки плодородных земель (котловина оз. Неро, например, с ее сапропелем) среди почти пустых лесных пространств, этим княжествам не подчиненных. Особую роль играли также связи с Восточным путем (неважно, напрямую по Волге-Оке или через земли словен), позволявшие правящей верхушке иметь независимый источник избыточного продукта на свое содержание.

⁷⁴ Голубева Л.А. О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. 1965. Вып. 104. Впрочем, позднее Л.А. Голубева указывает на существование в конце VIII — середине X в. на Белом озере ремесленно-торгового поселения веси Крутик, предшественника летописного Белоозера (*Она же*. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. М., 1991. С. 192).

⁷⁵ Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. М., 1973. С. 53–80. Или на Белом озере (*Шрамм Г.* Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 145–150.), или в Юго-Восточном Приладожье (по Н.И. Платоновой, Г.С. Лебедеву, Г.В. Глазыриной: либо «Городище» на Яси, либо Олонец) помещается известная из саг скорее всего для X в., скандинавская колония Алаборг (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 162–165).

⁷⁶ Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. С. 6.

⁷⁷ Хотя мурома и не входила в первоначальное объединение северных племен и ассимилировалась, скорее всего, не словенами, а кривичами и вятичами, но в середине IX в. управлялась из Новгорода, т. к. ею («муромой»), согласно ПВЛ, «обладале Рюрик». Отсутствие в самом Муроме слов ранее XI в. (*Чалых Н.Е.* Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985) известно, т. к. в летописном сообщении 864 г. речь идет о народе, племени, а не о городе (летописец лишь уточняет для современных ему читателей, где проживало, вероятно, уже исчезнувшее к его времени племя).

⁷⁸ Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183.

Мерянское княжество, как эталон и, возможно, наиболее развитый позднеспелый организм финского компонента древнерусской народности, хорошо изучено археологически и дает, прежде всего, географо-топографическую структуру подобного рода и уровня этноспелых⁷⁹ образований. Его поперечник — 20 × 20 км, предполагаемая столица, Сарское городище, находится на его окраине — местном отрезке Волжского пути⁸⁰, остальные неукрепленные, но значительные по размерам поселения, наоборот, от этого пути удалены. Возможно, здесь случай аналогичный Волховскому пути, где «жители небольших лесных поселков не ждали добра даже от незначительных отрядов вооруженных купцов, и поэтому сельское население, конечно, старалось избегать оживленных торговых магистралей»⁸¹. На сам путь по Саре была выдвинута лишь хорошо укрепленная «столица», так что правящая верхушка одновременно могла и извлекать прибыли от контроля над торговой магистралью, и защищать границы своей волости, причем только с одной стороны — транзитного торгового пути. Ситуация в этом предполагаемом мерянском княжестве осложнялась с появлением на его границах уже с начала IX в. славянского (словенского?) населения⁸². Впрочем, вероятно, уже во второй половине IX в. самостоятельная княжеская власть, если она была, ликвидируется, на Сарском городище появляются многочисленные скандинавские вещи,

⁷⁹ *Леонтьев А.Е.* Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 29. Автор исследований А.Е. Леонтьев, вслед за Б.А. Рыбаковым, связывает эту территорию «с предполагаемыми областями славянских малых племен» (*Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма на Руси. М., 1969. С. 27; 70, С. 29). Однако она сопоставима и с типичными для Руси размерами городской волости с 20-километровой зоной вокруг города: жители его округи могли за один день съездить в город и вернуться обратно (*Десярев А.Я.* О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах. Л., 1982). Очень четко это прослеживается в тех волостях, которые имеют выраженные природно-хозяйственные границы. Так, Стародубская волость, совпадающая с одноименным ополем (*Шинаков Е.А.* К вопросу и антропологических границах Стародубского ополья в конце X — XII в. // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. Белгород, 1990), имеет размеры 30 × 16 км, причем его «столица» так же, как и Сарское городище, находится не в центре волости, а на одной из окраин (*Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е.* Стародуб и его округа в конце X—XII вв. Проблемы социальной истории Европы. Брянск, 1995; *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* Стародубское ополье в IX—XII вв. // Археология. 1998. № 2). Сопоставимы эти размеры и с сельской округой тех земледельческих, с сильным влиянием международной торговли, городов-государств, которые имеют ярко выраженные антропогенно-природные границы (оазисные): Мари (40 × 15 км), Дамаск (25 × 16 км).

⁸⁰ *Латишин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 47–48, Рис. 1.

⁸¹ *Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 21.

⁸² *Леонтьев А.Е.* Поселения мери. С. 31.

рядом с ними возникает варяго-русский дружинный лагерь⁸³, в Ростове появляется русский «муж» — наместник Рюрика, затем «великий князь, под Ольгом суще».

Если территориальная структура и внешнеполитическое положение одного из финских позднепотестарных образований достаточно ясно видны на примере «Сарского» княжества, то их внутренняя политическая структура по археологическим материалам «не читается». Здесь на помощь приходит фольклор доживших до нашего времени, но имевших княжескую власть в древнерусскую эпоху и тесно с Русью связанных и плативших ей дань, хотя в ее состав и не входивших, восточно-финских народов, в частности, мордвы-эрзя. У них князь наделяется функциями культурного демиурга, ритуально-магической⁸⁴, редистрибутивной и, вероятно, судебной. Отсутствуют военно-организаторская, фискальная, внутреннего подавления функции. Первый князь (Тюштян) выбирается старейшинами (формально — «народом») из числа «пахарей»⁸⁵. Прямая аналогия с легендами о происхождении династий правителей Чехии и Польши у Козьмы Пражского и Галла Анонима, а также ритуально-символическая «крестьянская» атрибутика и обоснование княжеской власти в Чехии и Карантании является чисто формальной. В этих странах главными функциями князя были как раз военно-фискальные, а в идеологии господствовал аристократизм, идея превосходства князя и дружины над народом. «Крестьянские» генеалогии и атрибутика имеют литературно-княжеское происхождение и явно навязаны «сверху». Функции власти «князя» у эрзя (по легенде) более соответствуют статусу вождя позднепотестарного этапа⁸⁶, чем правителя переходного (в дружинной форме), а тем более раннегосударственного этапа.

Таким образом, среди обширных финских лесов Севера еще до образования Руси встречались на отдельных плодородных участках, через которые к тому же проходили торговые магистрали, типичные вожества, о чем свидетельствует сочетание фольклор-

⁸³ *Леонтьев А.Е.* Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 14–15; *Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В.* Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 7–8.

⁸⁴ Эта функция не была главной, т. к., судя по ПВЛ, у финских народов была самостоятельная корпорация «волхвов», могущих в случае необходимости возглавить народ (события 1024 и 1071 гг. в Суздале и Ростове-Белоозере).

⁸⁵ *Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 180, 185.

⁸⁶ *Бочаров В.В.* Социально-политическое управление и общественные традиции (на примере Тропической Африки) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995; *Соболева Е.С.* Традиции в системе власти на острове Тимор // Там же.

ных, археолого-топографических и нумизматических данных. Однако вожди эти были, вероятно, по своему статусу и функциям (хозяйственно-редистрибутивным и сакральным) ближе к африканско-океаническому типу главы-символа благополучия племени, чем к славяно-индейскому, где вождь выступал прежде всего как военный предводитель⁸⁷, глава дружины. Возможно, совпадает лишь судебная функция.

С юга и юго-запада к мере, муроме и мордве примыкают земли вятичей, которые в большинстве своем, а для IX — начала X в. — полностью, входят в состав Юго-Восточной зоны форм протестарной организации и внешнеполитических воздействий. Именно этой зоне посвящено большинство археолого-исторических работ (в том числе монография) и полевых исследований автора, что и облегчает, и затрудняет (в плане объема) его задачи в данной статье. Поэтому, отсылая читателя к основным концептуально-доказательным работам автора в этой области⁸⁸, остановимся на выводах и краткой характеристике использованных для их получения источников.

Среди последних особое место занимают материалы нумизматики в сочетании с естественно-географическими данными и сведениями письменных источников хазарского происхождения в сопоставлении с известными сообщениями ПВЛ о хазарской дани и военной деятельности в этом географическом направлении Олега, Святослава и Владимира.

В природном отношении Юго-Восточная зона (почти все Днепро-ское Левобережье без Чернигова, Переяславля, Посожья, части Подесенья) характеризуются двумя факторами. Во-первых, наличием степных «языков», вдающихся далеко вглубь не только лесостепей, но и лесной зоны, и зоны ополей на границе последней, дававшей возможность для размещения и действия конницы; Во-вторых, контрастностью зон (степь, лесостепь, ополья, полесья), границы которых зачастую совпадают с хозяйственно-культурными и этнополитическими, что позволяет уточнить последние. Природный фактор воздействовал

⁸⁷ В «Великой хронике» первые единоличные правители Польши прямо названы воеводами, строителями крепостей («Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 56). В этой же функции выступает и легендарный основатель Киева князь Кий, вероятно, защитник племени, после смерти которого поляне «быша обидами Древлянами и инема околними» и платили дань хазарам.

⁸⁸ *Шинаков Е.А.* От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей. Санкт-Петербург; Брянск, 1995; *Он же.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; М., 2009.

по-разному и на разные стороны жизни (хозяйство, политика и т. д.) на разных этапах древнерусской истории Юго-Восточной зоны⁸⁹.

В потестарно-политическом аспекте период конца VIII — начала XI в. (генезиса древнерусской государственности) на Левобережье можно разделить на 5 этапов: конец VIII — начало IX в. — сложение этно-потестарных организмов; IX в. — хазарское господство; конец IX — начало X в. политические изменения, связанные с гегемонией русов; середина — начало второй половины X в. — независимость племен Юго-Востока, возможно, под хазарским протекторатом, связанная с кризисом и временным распадом Руси в 40-е гг. X в.; конец X — начало XI в. — окончательное присоединение Юго-Восточной зоны (за исключением части вятичей) к Руси и начало ее «государственного освоения»⁹⁰. Каждый из этапов характеризуется своим набором археологических и нумизматических артефактов и в той или иной степени отражен в письменных источниках.

Прежде чем перейти к этнопотестарной характеристике первого этапа, мы вынуждены остановиться на этнической предыстории Левобережья и Среднего Поднепровья в целом, связанной с пеньковско-пастырскими, «сахновскими» и киево-колочинскими древностями, этническая характеристика которых известна уже давно (исключая трубчевскую и мужиновскую находки пеньковских артефактов в Брянской области в конце 80-х — начале 90-х гг.⁹¹, однако их интерпретации до сих пор остаются не только противоречивыми, но и зачастую взаимоисключающими).

Анализ непосредственно предшествующих волынцево-роменским древностям артефактов (украшений и жилищ, прежде всего) пень-

⁸⁹ *Ахромеев Л.М.* Генезис, история развития и хозяйственного освоения ландшафтов ополей центральной России. Воронеж, 1985. (Деп. ВИНТИ, № 5540–85, УДК 911.53); *Шинаков Е.А.* Освоение ополей Брянского Подесенья в X–XIII века // Брянские ополья: природа и природопользование. М., 1991; *Он же.* Влияние процесса «государственного освоения» на экосистемы Среднего Подесенья // Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем. М., 1995; *Он же.* Опыт экологической классификации территорий юго-востока Древней Руси // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991; *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* О роли природно-географического фактора в освоении радимичами территорий Полесья // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1995. Вып. 2. Ч. 2.

⁹⁰ В ее основе лежат не столько археологические, сколько историко-нумизматические данные, однако она во многом совпадает с одной из последних, сделанных по комплексу археологических признаков, периодизаций роменской культуры В.В. Приймака: конец VIII — начало IX в.; середина IX — середина X в., середина X — начало XI в., см.: *Приймак В.В.* Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава; Суми, 1997. С. 9–10].

⁹¹ *Падин В.А.* К истории славян Подесенья // Деснинские древности; *Шинаков Е.А.* Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 годах // Слово'яно-руські сторожитності Північного Лівобережжя. Чернигов, 1995. Рис. 1.

ковской культуры показывает их разнородное происхождение: прибалтское в основе (выемчатые эмали, спиралевидные украшения, штрихованная и киевская керамика, столбовые прямоугольные жилища) при сильном провинциально-римско-латенском (гето-ясторфско-кельто-бастарнском в этническом плане) влиянии, выраженном еще в дочерняховской культуре Поянешти — Лукашевка⁹². Постепенно балтская (восходящая, вероятно, к зарубинецко-киевским⁹³ древностям) основа сменяется славянской (срубные полуземлянки с печами-каменками), усиливается тюрко-болгарское и аварское, при сохранении иранского субстратного (круглые жилища, наборные пояса) влияния, связанное, вероятно, с образованием в VII в. Великой Болгарии, а позднее — салтово-маяцкой культуры. Тогда же «проявляется» затухший на некоторое время латенско-гето-германский культурный пласт, имевшийся в пшеворской и черняховской культурах, культуре Поянешти-Лукашевка (антропоморфные фигурки протомартыновского типа, прототипы начальных фибул)⁹⁴. Возможен, по крайней мере на Левобережье пеньковской культуры, повторный импульс из юго-восточной Прибалтики через колочинскую культуру, выраженный в появлении височных колец с «улитковидным» (спиралеобразным) завершением⁹⁵.

Эти латено-германо-балтские по происхождению артефакты семантически и функционально, вероятно, однотипны, однако, стилистически они образуют совершенно независимую и абсолютно оригинальную группу украшений и деталей костюма, выраженную в термине «мартыновские древности»⁹⁶. Последние, вероятно, маркируют разноэтническое военное-политическое образование VIII в., ранее известное под именем «анты» и являвшееся, скорее всего, потестарным суборганизмом Великой Болгарии (как ранее разноэтническая Готская «держава», отраженная черняховскими древностями)⁹⁷.

⁹² Корзюхина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. 41–43; Перхавко В.Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. 1978. № 2. С. 70; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 94–95).

⁹³ Из последних, сравнительно новых интерпретаций зарубинецкой и почепской культур следует отметить отнесение их к германцам: росомонам, либо бастарнам, либо роксоланам-сарматам, либо особым, промежуточным между славянами и западными балтами, народам, сложившимся на поморской базе.

⁹⁴ Славяне и их соседи. Табл. XXII: 27; XXVI: 12; XXXI: 23; LXV: 3, 4; LXXV: 1,2.

⁹⁵ Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958. S. 257.

⁹⁶ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 120, 122.

⁹⁷ Возможно, очень искаженные и смутные реминисценции пребывания германцев-готов

Возможно, под давлением аваров, позднее — в результате болгаро-хазарских войн в Северном Причерноморье некоторые группы смешанного населения антского союза переселяются в Нижнее (ипотешти-кындештская культура) и Среднее («аварская» культура) Подунавье, возвращаются в Юго-Восточную Прибалтику (западно-мазурская, в основе германо-славяно-тюркская⁹⁸ культурная группа), расселяются на Балканах, в том числе и в пределах Византийской империи (особенно показателен в этом плане клад «мартыновских» фигурок из Велентино в Фессалии⁹⁹). Скорее всего, это группа «антского» населения (как нижнедунайская была славяно-германской¹⁰⁰, о чем свидетельствует Иордан и Псевдо-Маврикий, авторы середины VI — рубежа VII в.: «Эти (венеты), происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»¹⁰¹; «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам»¹⁰². Впрочем, данные тексты свидетельствуют лишь об общности «нравов» и происхождения, что, с учетом теории балто-славянского языкового единства и прибалто-славянской языковой общности¹⁰³, существовавшей в Белоруссии, по крайней мере, до середины I тыс. н. э.¹⁰⁴, вовсе не свидетельствуют о славянском языке антов. Анты-пеньковцы могли сталкиваться с византийцами и в горном Крыму, в так называемой Крымской Готии, где выступали союзниками Византии и за-

на Днепре нашли отражение как в предисловии к «Кругу земному» («Великая Швеция» в Восточной Европе), так и в «Саге о Хервёр и конунге Хейдрек» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 151, 154–155, 158).

⁹⁸ Не исключена, впрочем, и герульская принадлежность германских артефактов (в том числе пальчатых фибул) западномазовецкой группы. В начале VI в. «герулы были побеждены в бою с лангобардами» и часть из них «обосновалась на самом краю обитаемой земли». «Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего последовательно прошли через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М, 1960. С. 209).

⁹⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. Рис. 51, 52.

¹⁰⁰ Там же. С. 97–98.

¹⁰¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М, 1960. С. 90.

¹⁰² Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 253.

¹⁰³ Это подтверждается еще и тем, что римские авторы первых веков н. э., в частности, Корнелий Тацит, еще не разделяли славян и балтов, обозначая их сводным именем венедев, живущих между певкинами-бастарнами и феннами «вдоль всего Венедского залива» (Балтийского моря). Эти венедеды и могли продвигаться с бастарнами или — позднее — готами до Среднего Поднепровья, принеся сюда латенскую технику выемчатых эмалей. Возможно, впрочем, что они переняли ее от кельтов уже в этом регионе, независимо от прибалтийских «венедев» (а, возможно, и «феннов»-эстонцев).

¹⁰⁴ Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 114.

щитниками Херсонеса¹⁰⁵. Четкое различие между славянами и антами — в их внешнеполитической ориентации: первые — противники, вторые — союзники Византии. Весьма различны боевые качества и способы ведения войн венетов, склавенгов и антов. Первые «были достойны презрения из-за слабости их оружия... ничего не стоит великое число негодных для войны», вторым удалось разбить «короля» готов Амала Винитария (V в. н. э.), и последнему только обманом удалось захватить в плен их «короля» и старейшин. Кроме того, анты выступали наемниками и даже полководцами Империи, как, например, полководец и флотоводец Дабрагаст.

В общем, анты представляются разноэтничным военно-политическим союзом вначале с преобладанием венето-балтов, с дальнейшим повышением доли ирано-тюркских элементов, при формировании на гето-латено-германской основе (при дополнении балто-иранскими чертами), общей, по крайней мере, для космополитичных верхов союза, культуры «мартыновско-пастырского» облика. Западная часть населения, контактировавшая с Византией и аварами (ипотешти-кымдештская культура), говорила, скорее всего, на славянском языке. Расселение этой части пеньковцев в Среднем Подунавье и в Юго-Восточной Прибалтике, возможно, привело путем подражания одному из типов пеньковских украшений балтского происхождения (кольца со спиралевидными концами) к возникновению типично западнославянских «поморских» височных колец. Впрочем, первые могли возникнуть и путем прямых контактов с балтами.

Главные выводы по этнопотестарным традициям, по крайней мере, юга Днепровского Левобережья (а именно отсюда, судя по всему, расселялись на север и запад славянские племена Юго-Востока — вятичи и радимичи, бывшие, наряду с северянами, носителями роменско-боршевской культуры): привычка входить в крупные иноэтничные надплеменные территориально-политические образования позднепотестарного этапа, подчиняться иноплеменным, в каждый данный момент наиболее сильным правителям; отсутствие племенного сепаратизма и замкнутости, вероятно, достаточная веротерпимость и широта «политического» кругозора знати, ее определенный космополитизм; привычка всего населения к разного рода войнам, всеобщая военная подготовка и вооруженность; наличие значительного количества избыточного продукта в распоряжении знати, т. е. ее независимость от общества; привычка последнего выплачивать дань вышестоящему

¹⁰⁵ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 90.

этно-потестарному организму и участвовать в его военных предприятиях. Контраст с потестарной культурой большинства иных зон Восточной Европы налицо.

В VIII в., при переходе от пеньковской и колочинской культур к одновременно формировавшимся салтово-маяцкой и роменско-боршевской и, как бы контактной между ними и в наибольшей степени отражавшей пеньковско-антские традиции, волынцевской культуре, приоритет переходит к тюркско-болгарской потестарной культуре. Ее, как и иные кочевнические многоэтнические структуры, отличает приверженность к власти одного легитимного рода, привычка инкорпорировать в свой состав иные этнопотестарные суборганизмы, четкие, в том числе ранговые, внешние отличия военно-аристократической верхушки, всеобщая вооруженность народа. Происходит начавшееся еще в конце существования пеньковской культуры усиление роли тюрко-аланского компонента, выраженного так называемой пастырской керамикой¹⁰⁶, в славяно-балтской (или прибалто-славянской) среде, выразившееся в вычленении волынцевской культуры и расширении ее ареала на северо-запад и север, параллельно и как бы «внутри» роменско-боршевской. Начинается естественный синтез славяно-балтских и болгаро-аланских этнокультурных и этнопотестарных традиций, использованный и получивший государственное регулирование позднее, в недрах Хазарского каганата.

Как видим, для потестарной предыстории Юго-Востока важен не столько этнический, сколько «политический» момент. Потестарные традиции смешивались, наслаивались друг на друга, передавались от поколения к поколению, накапливались, но редко прерывались. Для этой зоны археологически и исторически (за исключением анто-готского и анто-аварского конфликтов по Иордану и Феофилакту Симокатте, но их данные к Левобережью отношения, скорее всего, не имеют) не прослеживаются следов опустошительных нашествий, разгрома и уничтожения этносов и, соответственно, их потестарных традиций. Скорее, мы имеем дело со сменявшимися друг друга корпоративно-эксплуататорскими и многогосударственными властными структурами. В этой связи можно высказать предположение, что у наиболее тесно контактировавших с болгаро-аланским миром северян — основных носителей роменской культуры — родовые связи

¹⁰⁶ Лишним доказательством этого является недавно исследованное тенгрианское святилище болгар в Судакe, в заполнении которого встречена не только пеньковская, но и колочинская керамика (*Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // *Старожитності Русі*. Київ, 1994).

если и имели значение, то только в аналогичном, потестарном аспекте, а не в структурообразующем, как у радимичей.

Этническая природа северян чаще всего определяется ранними исследованиями, исходя, в основном, из их названия. Исторические и археологические данные при этом вторичны, подбираются в зависимости от этнонимической гипотезы. Можно отметить четыре главных варианта их происхождения: автохтонно-славянский, восходящий к антам-пеньковцам, черняховцам и даже зарубинцам, с учетом их временного ухода на Север при нашествии готов и возврата оттуда (П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, Д.Т. Березовец и др.)¹⁰⁷; западнославянско-висленский (с «прямой» версией — через Северо-Западную зону вместе с кривичами — «от них же и север» — и через «дунайский котел»¹⁰⁸; иранский (В.В. Седов, Н.М. Багновская); болгаро-дунайский («северии» — одна из потестарных единиц «союза семи племен»¹⁰⁹). Особо следует отметить работы, в которых подчеркивается разноэтнический характер Северянского союза¹¹⁰. Н.М. Багновская включает в него радимичей и вятичей¹¹¹. Косвенно связь с северянами кривичей, с одной стороны, вятичей и радимичей — с другой, вытекает и из сравнительно новой, протобалто-славянской концепции Г.С. Лебедева, отметившего «двойственное» этноязыковое положение этих трех этносов по П.В.Л. Поскольку последняя, действительно, подчеркивает в одном месте генетическое родство кривичей и северян, в другом — сходство на уровне обычаев и обрядов «северян» с радимичами и вятичами, то потестарно-типологически летописных «северян», скорее всего, логичнее поместить между этими двумя группами племен.

Археологически проблема происхождения этнокультурных особенностей поздней потестарности Левобережья замыкается, в основном, на волынцевских древностях, имеющих двойственное: местное (относительно) пастырское и пришлое (салтовское или именьков-

¹⁰⁷ Археологически зарождение северян-роменцев уже в восточноевропейской среде (от культуры Корчак) постулируют также И.И. Ляпушкин и И.П. Русанова, хотя и для более позднего (конец VIII в.) периода, считая неславянской не только пеньковскую, но и наследовавшую ей волынцевскую культуру.

¹⁰⁸ *Щавелев С.П.* Этноним «северяне».

¹⁰⁹ *Трубачев О.Н.* В поисках единства. М., 1992; *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

¹¹⁰ «Анализ погребального обряда показал неоднородность населения роменской культуры, что может быть обусловлено его подосновой (волынцевские памятники несут на себе явные следы нескольких компонентов)... такая неоднородность также проявляется... в домостроительстве» (*Приймак В.В.* Роменська культура. С. 30).

¹¹¹ *Багновская Н.М.* Сложные вопросы этнической истории летописной Северы. С. 23.

ское — среднеповолжское) происхождение¹¹². В.В. Приймак считает возможным говорить для VIII в. о сложном вожестве с центром в Битице, во главе с волынцевским дружинным элементом, но включающем и иноэтнические, в том числе славянские племена с собственной потестарной суборганизацией. Называется даже форма получения правящей верхушкой избыточного продукта и одновременно — главный способ реализации власти — полюдые. В то же время подчеркивается зависимость от Хазарского каганата, хотя этот автор и не рассматривает Битицу, в отличие от Д.Т. Березовца, в качестве опорного пункта хазарского владычества и места дислокации хазарского воинского контингента.

Соглашаясь в целом с абрисом этой концепции, позволим себе некоторые коррективы, связанные с неразработанностью и неточностью внутренней хронологии волынцевских древностей и их верхней границы.

Прежде всего, обратим внимание на характер размещения волынцевских древностей¹¹³, которые, кстати, в территориально-хронологическом плане стыкуются не только с роменскими, но и с сахновскими (полянскими?) на Правобережье¹¹⁴, колочинскими (прибалто-славянскими) в среднем Подесенье¹¹⁵, финно-угорскими (на Верхнем Дону). Кроме достаточно компактного ядра культуры в междуречье Сейма и Ворсклы с центром в Битице и открытым выходом в салтовский ареал, остальные памятники волынцевского типа составляют 6 групп, оконтуривающих предполагаемые, но вполне согласующиеся с реалиями, границы Хазарского каганата: Правобережье в районе Киева, бассейн р. Снов (правый приток Десны), Брянское ополье, верхняя Ока, верхний Дон, среднее Поволжье¹¹⁶. От

¹¹²Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 10; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 194–195.

¹¹³Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. Рис. 56.

¹¹⁴Петрашенко В.А. Волынцевская культура в Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 49.

¹¹⁵Верхнюю границу колочинских древностей в некоторых микрорегионах следует, вероятно, поднять, по крайней мере, до второй половины IX в.: в противном случае образуется хронологическая лакуна в 150 лет между ними и роменскими поселениями, которую немногочисленные волынцевские памятники никак не могут заполнить. Артефактов, подтверждающих данную абсолютную дату, нет, как нет и ее опровергающих. Симбиоз колочинско-волынцевско-роменской керамики в таких поселенческих агломерациях, как Посудици на Вабле или Хотылево (Гасома) в Брянском ополье — косвенное подтверждение первого положения, т. к. роменские лепные сосуды в Среднем Подесенье чаще встречаются совместно с шестовицкой и местной раннекруговой, и в то же время — колочинской керамикой.

¹¹⁶Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168.

основного ядра культуры эти группы отделены роменскими, колочинскими, боршевскими древностями, а то и вообще слабозаселенными либо степными пространствами.

Данная территория на своем западном участке, отчасти и на юго-востоке, совпадает с границами взятой на себя русскими князьями хазарской дани со славян, очерченными по более поздним дружинным камерным захоронениям В.Я. Петрухиным¹¹⁷. В этой же зоне преимущественно встречаются варварские, скорее всего, хазарской чеканки, подражания арабским дирхемам IX в.¹¹⁸, а в X в. к ним добавляется собственная денежно-весовая система, основанная на обрезанных в кружок монетах¹¹⁹, охватывающая земли северян (кроме ранее покоренных русами черниговских), южных вятичей и юго-восточных радимичей. В Хазарии этой системы нет, как, впрочем, и в Киевско-Новгородской Руси. Эти 6 волынецовских групп перекрывают также все возможные водные пути из Черноморско-Каспийского региона на север и их ответвления.

Строительство крепостей на Дону именно с этой целью — для удовлетворения фискально-пошлинных интересов военно-торговой верхушки каганата отметила С.А. Плетнева¹²⁰, однако она не связыва-

¹¹⁷Петрухин В.Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г. М., 1989.

¹¹⁸Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. С. 56; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 189; Кропоткин В.В. Новые материалы по истории денежного обращения Восточной Европы в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 78. Впрочем, варварские подражания дирхемам изредка встречаются и за пределами Юго-Восточной зоны, отражая, возможно, попытки хазар распространить сферу своего экономического влияния и на финские племена Севера. Так, на местном (весском) предшественнике древнерусского Белоозера — городище Крутик — в слоях IX в. обнаружены не только аббасидские дирхемы начала — первой половины IX в., но и подражания им (Голубева Л.А. Литейное дело. С. 149). Эти факты согласуются с предположением А.П. Новосельцева о хазарской экспансии в земли кривичей (Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель). «За это» и географический фактор — от западных границ Брянского ополья, почти наверняка подчиненного в IX в. каганату, до юго-восточных кривичских памятников (правда, более поздних) — менее одного дневного перехода. Есть и иная точка зрения на зону «варварских подражаний» как на «Русский каганат», археологически представленный волынецовской культурой (Седов В.В. Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4).

¹¹⁹Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обращенных в кружок // Кр. тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности». СПб., 1992.

¹²⁰Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 55. Однако, если принять соотношение «Вантита» первой традиции восточных источников с каким-то пунктом или микрорегионом (агломерацией) в земле вятичей, а основания для этого имеются, то в этой торговле под эгидой хазар участвовала и славянская верхушка. Устанавливаются (или сохраняются?) в IX в. культурные связи роменских славян с Великой Моравией и ее южной сферой влияния, о чем свидетель-

ла эту функцию с волынцевскими группами населения по окраинам внешней (славяно-балто-финской) зоны Хазарского каганата. Возможно (и скорее всего) именно этим фактором (а не скудной данью) — контролем над торговыми путями — и объясняется выбор славяно-финских племен — данников каганата, хотя одновременно группы волынцевского населения с внешней стороны как бы оконтуривали земли ранних вятичей, северян, возможно, радимичей до их расселения на Соже. Само же появление волынцевцев, кто бы они ни были в этническом плане, в Юго-Восточной зоне вряд ли связано с государственной политикой переселения покоренных групп населения на окраины государства (Хазарии в данном случае), т. к. сомнительно, чтобы в начале VIII в. (а именно тогда появляется волынцевская культура) ослабленный арабскими войнами каганат мог предпринять подобную акцию, могущую вызвать недовольство, как переселенцев, так и местного населения. Возможно первоначальное бегство¹²¹ каких-то групп (предположительно, ирано-тюркского населения) к своим, уже жившим здесь, пастырским «родственникам» после гибели Великой Болгарии и во время арабских войн на Северном Кавказе. Роль степных поселенцев в славяно-балтской среде могла поменяться на рубеже VIII–IX вв. после внутреннего конфликта, в итоге завершившегося компромиссом хазаро-иудейской торговой верхушки и болгарских степных ханов, допущенных к кормилу власти. В итоге, родственники последних — волынцевцы — могли стать опорой властей каганата во вновь присоединенных (вероятно, с помощью тех же «салтовцев») славянских землях. Кратко их можно назвать «военными поселенцами», выполнявшими, вероятно, и функции сбора дани со славян (от «дыма» или от «рала»).

Не исключена вероятность, что в качестве компенсации того, что болгары-тенгрианцы стояли на ступеньку ниже хазар-иудеев, им могло быть предоставлено право (и обязанность) контроля за «колониями». Подобная практика известна в таких сложных по территориальному устройству государствах, как Карфаген или Бенин: «граждане», но как бы второго сорта, не принадлежавшие к правящим благородным родам, имели привилегию поставлять наместников на окраины

ствуют некоторые типы украшений. Косвенно это говорит и о функционировании «хазаро-баварского» пути через славянские земли (Й. Херрман, А.В. Назаренко). Возможно, его установлению способствовало включение славянских территорий в состав каганата.

¹²¹О характере переселения косвенно свидетельствует изменение погребального обряда от ингумаций салтовцев к кремациям, перенятым у местного населения — у волынцевцев (если только не считать последних прямыми потомками пеньковцев или именьковцев).

государства, где жили вообще «неграждане», к управлению ни в коей мере не причастные.

В данном случае ситуация, возможно, облегчалась и традициями давнего ирано-тюрко-балто-славянского симбиоза на Левобережье, когда болгаро-аланы (или кто бы ни были «волынцевцы») не воспринимались местным населением враждебно, как завоеватели, и тем успешнее могли осуществлять свои функции в пользу центральной власти каганата. Недаром не известно ни одного восстания славян против хазар (эпизод о полянской дани мечами неоднозначен), притом, что антиваряжскими, позднее антирусскими движениями и проявлениями враждебности буквально пестрят страницы летописи. Дата прекращения функционирования Битицкого городища спорна и опирается не столько на археологическое обоснование датировки, сколько на ее связь с потрясениями внутри каганата и основанием в 30-х гг. IX в. крепости Саркел¹²². Разница же в 30 лет (первая либо последняя, по нашему мнению, треть IX в.) археологически вряд ли уловима. Если же принять как гипотезу сосуществование Битицы в середине IX в. как центра сбора хазарской дани с данью варяжской, затем «русской» на севере, то тогда имеет основание сравнение того же В.В. Приймака этого поселения Юго-Востока с таким же центром Севера, опорным пунктом скандинавской колонизации, как Старая Ладога¹²³.

По аналогии с археологически отраженным процессом сбора «варяжской дани» можно реконструировать этот процесс и для хазарской сферы влияния. Возможно, из Битицы назначались наместники (на Севере это были дружинники, затем «князья», а у хазар — тудуны) в отдельные регионы Левобережья, охваченные хазарской данью. Возможно, свидетельством наличия дружины такого наместника в Брянском ополье является «этнически чистый» (как и собственно Волынцевский на Сейме)¹²⁴ могильник у с. Палужье на Десне. Вооружены эти воины (в Битице, по крайней мере) были салтовским оружием и

¹²² *Приймак В.В.* Територіальна структура Межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994. С. 14–15.

¹²³ В данном случае, с учетом расположения рядом с Битицким волынцевским городищем частично синхронного ему роменского можно найти на Севере более удачные примеры «пар городов» (местного и варяго-русского): Рюриково — Новгород, Крутик — Белоозеро, Изборск — Псков, Гнездово — Смоленск, Сарское — Ростов. Хотя вопросы о хронологии, статусе, функциях многих из них достаточно спорны, сама идея о расположении опорного пункта «верхнего уровня власти» рядом с контролируемым им местным административным центром (*Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К истории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4), концентрирующим собранную с подчиненной последнему волости-княжения дань, представляется плодотворной.

¹²⁴ Отличие — в фиксации в Полужье хоть и небольших, но курганов.

снаряжением, хотя, судя по обряду кремации, в религиозно-обрядовом отношении они не могут отождествляться с алано-болгарами.

Что же касается возможного наличия правителей «вождей» славянского или балтского происхождения, то косвенные археологические свидетельства об их наличии относятся лишь к четвертому этапу (с середины X в.).

Третий этап преддревнерусского постаршего развития Юго-Восточной зоны связан с попытками русов (Аскольда и Дира, затем Олега) завладеть южными оконечностями тех путей, северными участками которых они уже владели сто лет. Отсюда в список первых данников Олега на Юге Руси входят те же поляне, северяне, радимичи, покоренные либо силой, либо ее демонстрацией и угрозой применения.

Именно с этими событиями, а не с гражданской войной в каганате, следует, вероятно, связывать гибель Битицкого городища, исчезновение (на Правобережье, в Чернигове, на р. Снов, в Брянском ополье, на р. Псел) или архаизацию (переход от круговой к лепной посуде) и растворение в славянской сельской среде вольтинцевских древностей, закрытие Железницкого (Зарайского) клада¹²⁵.

Поскольку русы, в отличие от хазар, не располагали опытом управления и чиновничьим аппаратом, а также готовым контингентом «воинских поселенцев» в славянской (роменской) среде, они при сборе дани по хазарской системе (от «дыма» или «рала») вынуждены были, вероятно, опираться на местные органы власти, что не могло не усилить последние. Появляются хорошо укрепленные городища, окруженные селищами, посадами или «спутниками» с более богатым и оригинально-местным инвентарем, жилищами разных размеров, хотя и одного (в отличие от предыдущего этапа) типа. Опорных же пунктов верхнего русского уровня власти, в отличие от хазарского (второго) этапа нет вообще (исключение — Чернигов-Шестовица). Об их устройстве и функциях опять же нет никаких свидетельств. Можно лишь предположить, что северяно-вятичская, возможно, отчасти радимичская знать при создании органов управления и сбора уже киевской дани вряд ли могли использовать опыт русов, которые сами находились «в поиске» форм организации власти над обширными землями Юга. Образцом могли послужить системы власти болгаро-аланского

¹²⁵Его расположение — недалеко от северных окраин верхнедонской группы вольтинцевской культуры — может свидетельствовать о целях Олега и его попытке захватить донской путь (что позже удалось Святославу) и земли вятичей ударом не с запада, а с севера, вероятно, из земель уже подвластной Руси муромы либо мери.

(или «волынцевского»?) варианта хазарского типа степной государственности, с ее родовым правлением, иерархичностью уровней власти, развитой денежно-весовой системой, торговлей, всеобщим вооружением народа при наличии привилегированной военной аристократии, воевод, дружины-«гвардии». Схожие, но территориально более отдаленные и опосредованные (и ослабленные) через Юго-Западную зону потестарно-политические импульсы могла дать и Великая Моравия. На многих, особенно окраинных поселениях, сохраняются постволынцевские (Кветунь) и салтовские (Титчиха) артефакты, свидетельствующие о частичном сохранении старых традиций и связей.

Четвертый этап подробно охарактеризован в концептуальной статье А.В. Григорьева¹²⁶. К ее положениям можно добавить открытие связывающей упомянутые в ней позднероменские протогосударственные центры особой, отличной от древнерусской, денежно-весовой системы 30-х — 90-х гг. X в., основанной на обрезанных в кружок по единой норме дирхемах (не только арабских, но и хазарских)¹²⁷. Кроме того, пополнился за счет коренных северянских территорий в междуречье Сейма и Ворсклы список возможных претендентов на роль центров малых племенных княжеств, число которых в этом регионе, вероятно, превысило десяток. Добавим сюда такие окраинные вятичские и северянско-межэтнические предгородские центры, как Титчиха, Супруты, Кветунь, а также, вероятно, Хотылевская агломерация в Брянском ополье. Характерная черта материальной культуры всех этих центров — сочетание лепной роменской и «местной» (не шестовицко-древнерусской и не салтовской) раннекруговой керамики¹²⁸.

Очевидной единой столицы этого предполагаемого северянско-вятичского, отчасти радимичского межплеменного протогосударственного объединения пока не обнаружено. Наибольший сгусток городищ — в ядре северянской территории с географическим центром на верхнем Псле и Суле, затем на восток, север и северо-запад идут слабо заполненные земли вплоть до таких «гигантов», как Титчиха, Супруты, Кветунь, в культурном плане имеющих генетически единый и, вероятно, социально и потестарно однородный с северянскими го-

¹²⁶Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуле Сосниці та її околиць. Чернівці, 1990.

¹²⁷Лишним доказательством их генетической связи с хазарским и алано-болгарским миром являются обнаруженные только на данном типе монет граффити, имеющие аналогии в Саркеле, на Маяцком городище и в I Болгарском царстве (Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1992. М., 1995. С. 173, 176).

¹²⁸Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991.

родищами облик. Последние представляют собой иерархию поселений — от гигантов с мощными укреплениями, посадами, селищами-спутниками и обширными некрополями (религиозными центрами?) до рядовых городищ. Среди первых, все еще, возможно, благодаря своей образцовой изученности (А.В. Куза), выделяется Горналь на Псле, только на котором обнаружены следы собственного монетного чекана¹²⁹ и прототипы украшений поздне- и построменского облика (лучевые ложнозерновые кольца группы IV)¹³⁰, распространявшиеся на землях северян, вятичей, радимичей, а за их пределами — в основном в северо-восточной части Северной зоны.

Судя по Кембриджскому документу и списку данников царя Иосифа, в середине X в., после поражения русского князя Х-л-гу (HLGW) от войск хазарского полководца Песаха, и повсеместных неудач князя Игоря в начале 40-х гг. X в., северяне и радимичи вновь обрели независимость от Киева, а вятичи ее сохранили¹³¹. Находясь между почти распавшейся Древнерусской державой (лишь усилиями Ольги было сохранено ее ядро) и временно вновь усилившимся каганатом, эти племена, во-первых, имели возможность воспользоваться ситуацией, во-вторых, вынуждены были это сделать для самостоятельной защиты от печенегов (в союзе с последними в 60-е — 70-е гг. X в. находились русские князья Святослав и Ярополк). Во внешнеполитическом плане положение этого буферного между Хазарией и отдельными русскими центрами власти (Чернигов и Северо-Восток — Белозеро, Ростов, Муром, а также, вероятно, Ладога, Полоцк, Туров стали независимы от «оси» Киев—Новгород) потестарно-политического организма достаточно ясно. Скорее всего, возможен протекторат каганата¹³² над северянами, вятичами и частью радимичей, объединенными в потестарно-политические организмы конфедеративного типа

¹²⁹ Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские городища. М., 1981.

¹³⁰ Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.

¹³¹ Не исключено, что именно к вятичам можно отнести сообщение Ибн Фадлана от 922 г. о славянах, желающих принять ислам: сами волжские болгары, к которым прибыла миссия последних, уже были мусульманами (по Ибн Русте). Это несколько снижает достоверность аргументов в пользу традиционного отождествления «славян» Ибн Фадлана с болгарами. Возможно, в условиях ослабления Хазарии на рубеже IX—X вв., тем более частично отрезанной от вятичей мадьярами, затем печенегами, вятичская верхушка могла обратиться за помощью против последних, а также русов к тогдашним врагам последних — Шатт-ал-Ислам'у (через Волжскую Болгарию).

¹³² А после захвата его донских центров Святославом в 965 г. — Волжской Болгарии (для вятичей) и (чисто номинально) I Болгарского царства (для северян), с которыми у позднероменской потестарности прослеживаются прямые, возможно под влиянием инкорпорированных в ее состав болгар, культурно-экономические связи. Недаром нападения Святослава и Вла-

(без единой столицы), но уже на новых, более выгодных для последнего, условиях. Об этом свидетельствует резко возросшее богатство правящей позднероменской верхушки, сконцентрированной в отдельных крупных, достаточно далеко друг от друга отстоящих (Горналь, Супруты, Кветунь, Титчиха) предгородских центрах. Они обладают единой (хотя и отличной в деталях), синкретичной по истокам, но уже самобытной культурой (особенно это чувствуется в серебряных деталях женского костюма). Значительная часть восточного серебра из Хазарии уже не проходила транзитом через вятичско-северянско-радимичские земли, а оставалась в руках оседлавшей торговые пути правящей верхушки последней, создавая экономическую основу ее власти. Об этом свидетельствуют не только весьма многочисленные в Юго-Восточной зоне монетные клады X в., семь из которых содержали обрезанные в кружок по местной весовой норме дирхемы, но и результаты «перераспределения» этих средств: мощные, в том числе на каменной основе (Горналь, Каменное, Ницахи, Журавное) укрепления, большие наземные роменские дома (Новгород-Северский, Хотылево и др.), богатый и разнообразный, специфический для данной территории, набор чисто серебряных украшений (по инерции северяне XI — первой половины XII в. также сохраняют эту традицию, как и запасы серебра для украшений). Набор этот отличается чистотой серебра не только от других групп восточных славян, но и от собственно поздне- и построменских сельских поселений, для которых более характерны балтские, скорее всего, по своим корням спиралевидные височные кольца¹³³.

Кроме вполне очевидных на этих примерах функций самообеспечения правящего слоя, последний должен был также организовывать защиту нового потестарно-политического организма от печенегов на южных, от русов (киевских, черниговских, смоленских) — на западных рубежах, обеспечивать нормальное функционирование путей по Дону и Оке. Кстати, возможно, потребность в «обходном» движении потребовалась в связи с угрозой прямому Волжскому пути из Хазарии в Волжскую Болгарию, земли мордвы, мери, веси со стороны печенегов и гузов: и в этом аспекте знать рассматриваемого потестарно-политического организма выполняла своего рода международные обязательства (имея и свою выгоду), поддерживая данный «мост». Инте-

димира на вятичей и радимичей хронологически тесно связаны с походами на Дунайскую и Волжскую Болгарию.

¹³³ *Шинаков Е.А.* Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроуя. Магілеў, 1995. Ч. I.

ресно, что после присоединения юго-восточных северянских и вятичских земель, русы сохранили этот путь, только начинался он уже не в Хазарии, а в Киеве.

О наличии полюдяя прямых данных нет. Однако отсутствие четко выраженного археологически административного центра-резиденции можно объяснить не только конфедеративным устройством. Сопоставление проводится со славянскими державами, находившимися под воздействием и «степных», и германских потестарных (политических) культур, институтов и структур одновременно. Это прежде всего Великая Моравия, возникшая на стыке Каролингской империи с Аварским каганатом. Кочевые ставки последнего, связанные с образом жизни и хозяйства, отчасти религиозными связями государя и подданных, сочетаются с «кочующим» имперским двором, перемещающимся между городами и имениями. В Великой Моравии, в итоге, — аналогичная ситуация (объезд «градов» со всей дружиной, кроме постоянных гарнизонов). Для гипотетичного северяно-вятичского и отчасти радимичского протогосударства в качестве образца мог выступать кочевой образ жизни болгарских ханов и сезонные перекочевки хазарского двора.

Добавим к этим особенностям военно-ранговую дифференциацию болгаро-алан, перенятую, впрочем, судя по данным археологии, не только и не столько северянами¹³⁴, сколько русскими дружинниками (в противовес внутреннему «демократизму» варяжских отрядов). Эту же «ранговость» и ее внешние атрибуты переняла и великоморавская (затем чешская и польская) дружина, скорее всего, от аваров.

Границы этого образования на севере проводятся по верховьям Оки (включая Супруты) и Дона, в пограничную территорию с финно-уграми под властью варяго-русов¹³⁵ попадает (и маркирует ее) знаменитый Железницкий (Зарайский) клад, в котором сочетаются предметы роменско-боршевского, салтовского, муромско-мордовского, приуральского, венгерского, восточного (мусульманского) происхождения. Впрочем, на севере границы не очень четкие из-за проникновения славян в финно-угорские земли по Оке. На Востоке граница совпадает с пределами боршевской культуры и проходит в междуречье Дона и Волги. На Юго-Востоке они размыты островками алано-болгарского населения на Северском Донце, возможно инкорпорированном в со-

¹³⁴Во время кризиса каганата и вторжения печенегов, на рубеже IX–X вв., значительные массы алано-болгар отступили в вятичские леса (*Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984)..

¹³⁵А в середине — второй половине X в., возможно, и Волжской Болгарии.

став данного объединения. Южная — отграничена удобными для защиты от печенегов водными рубежами (верховьями и средним течением Ворсклы, средним течением Псла, низовьями Сулы, где стыкуется с русской крепостью Воишь). Западная граница в деталях «читается» в Подесенье, где иногда между черниговской Русью и позднероменской культурой пролегал несколько десятков километров незаселенного пространства¹³⁶ либо имеются противостоящие друг другу крепости в непосредственном соседстве.

Отсюда начинается особая, переходная между Юго-Восточной и Центральной зонами, территория. Наибольшую сложность по конфигурации представляет северо-западный участок границы от Десны до Ипути и Беседы, в который с юга на глубину до 75 км клином вдается территория «Росии» Константина Багрянородного, характеризующаяся многочисленными кладами «северной» системы, шестовицкой керамикой, предметами вооружения скандинавского происхождения, чуть позднее — камерными захоронениями. Стержнем клина является р. Снов, северо-восточнее его верховий — Стародубское ополье, входившее в состав особой военно-административной единицы Руси — «Сновской тысячи», имеющей выраженные археологически и топонимически поселения «служебной организации». К таковым, вероятно, относится и село Рогове на Судости, разрывающее цепочку роменских поселений на р. Судость. Вероятно, до кризиса «большого полюдья» в середине X в. оно являлось одним из его станов, аккумулировавших дань с северян, радимичей, вятичей и одновременно разделявших их территории. К востоку от «Пути», в расположенных на правом берегу Десны Вара-Судостьском, Трубчевском и Брянском опольях, размещаются «чистые» северяне, несколько «разбавленные» вятичами и радимичами, к северо-востоку — вятичи (на Болве) и кривичи, к западу (на Ипути) — радимичи.

Восточная часть последних, судя по топографии кладов, наличию северянских и вятичских древностей (Пеклино, Ляличи, Людково), относилась к зоне хазарской дани, затем предполагаемому северянско-вятичскому протогосударству. Его юго-восточная (со «Сновской тысячей»), северная и южная границы совпадают с этнокультурными рубежами радимичей конца X–XII в., прохождение западной границы, рассекающей их территорию с севера на юг — тема для дальнейших исследований. Сейчас можно провести границу «диких» (или подчи-

¹³⁶Вероятно, то же самое было и к югу от Десны: естественным пограничьем служили солонцеватые почвы по Удаю (между Сулой и Трубжем), куда затем были поселены переяславские торки и черные клобуки.

ненных Киеву со времени Олега) и «хазарских» радимичей по линии Стародединский клад на р. Остер — Ивановка (Лотаки) на Беседы — район Новозыбкова (безымянный клад). В любом случае, собственно Посожье в восточный регион не входило. Это подтверждается и наличием двух основных групп концентрации курганов с этноопределяющими украшениями, разделенных «пустотой» между Беседью на востоке и Сожем на западе, смыкающихся лишь на юге, в Гомие с его роменским слоем¹³⁷.

Достаточно большая точность определения границ Руси и их совпадение с позднеуроженской культурой и ранними этнокультурными радимичами X в. в междуречье Ипути и Десны базируется не только на археологических и нумизматических, но и современных (XIX–XX вв.) этнографических и лингвистических материалах¹³⁸, а также физико-географическом районировании. В последнем случае автор исходит из неоднократно апробированного полевыми материалами допущения, что этнокультурные и потестарно-политические границы в основном совпадают с микрогеографическим членением и не пересекают единый ландшафтный микрорегион¹³⁹ «поперек».

Значение подобного рода, возможно, излишне скрупулезной для целей нашего исследования, «демаркации» границ в том, что она лишней раз свидетельствует в пользу территориально-политического, а не этнокультурно-регионального характера рассматриваемого протогосударства. Так, на севере в него могли входить финно-угорские элементы (рязанско-окские могильники, зона Железницкого клада), на юге-востоке — алано-болгарские. С одной стороны, в его состав инкорпорировалась лишь часть этнически и, вероятно, религиозно единых радимичей¹⁴⁰, последние, таким образом, оказываются разделенными между Центральной зоной потестарности и Юго-Восточной. С другой стороны, Подесенье и междуречье Десны и Ипути обра-

¹³⁷ Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы.

¹³⁸ Используются данные о зонах материальной культуры (декор наличников и рушников, костюм) (А.Н. Проскоченко, А.М. Дубровский) и членение Брянской области и сопредельных зон Украины (*Батожок Н.И.* Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986).

¹³⁹ Микрорегион (ополье, предополье, предполесье, лесной массив в лесостепи и т. д.) по своим размерам (обычно несколько сот кв. км) в археологическом плане совпадает с группой концентрации памятников, в потестарном — с племенем и городской волостью. Гнезда поселений внутри него (или отдельные поселения, например, для «восточных территорий») могут соответствовать «миру» или погосту. Набор же микрорегионов-волостей может быть самым различным и меняться, как в мозаике.

¹⁴⁰ Возможен, но вряд ли вероятен и иной вариант: расселение радимичей в Посожье из восточной части их территории через Гомий под давлением хазар, затем русов.

зует для X–XI вв. такой сложный этнокультурный¹⁴¹ и потестарно-политический калейдоскоп, что вполне может быть выделено в особый, «буферный» между несколькими зонами регион. Именно в нем, наряду со Средним Поочьем (Супруты), верхним течением р. Псел (Горналь) и курским Посемьем хорошо прослеживается пятый этап — ликвидация независимости северян, радимичей и части вятичей и начало «государственного освоения» их территорий (середина 60-х гг. X в.¹⁴² — середина XI в.). Этот этап хорошо освещен археологически и нумизматическими источниками, находящими полное соответствие в данных летописи, однако относится уже не к истории додревнерусских потестарно-политических организмов, а к процессу создания территориальной базы самого Древнерусского государства. Примечательна лишь длительность и «этапность» данного процесса на Левобережье, в Юго-Восточной зоне, что свидетельствует о силе сопротивления живших здесь «племен» и относительной прочности¹⁴³ созданного ими потестарно-политического организма и его отдельных суборганизмов.

Юго-Западная зона потестарности является славянской, с некоторым влиянием фракийского субстрата в Карпатах. К моменту начала древнерусских государствообразовательных процессов (середина IX в.) она, в отличие от остальных регионов, имела значительные собственные потестарные традиции (государство «Валинана» по ал-Масуди, отождествляемое с «державой дулебов» по В.В. Седову и Н.И. Милютенко, за которым скрывались не только волыняне, но и древляне, дреговичи и даже поляне¹⁴⁴. Принадлежащая им культура

¹⁴¹К уже перечисленным компонентам добавим словенских переселенцев на Болве и балтов, наследников колочинской и носителей тушемлинской культур в промежутках между славянскими этнокультурными группами, а также остатки ирано-тюркского населения на левобережье Десны (особенно в Севском участке лесостепи).

¹⁴²Первый поход (Святослава в 964 г.) проходил, скорее всего, по старому пути «Большого полюдья» по Снови — Вабле — Судости — Десне с выходом на Оку через Болву либо Снежить из Брянского ополья. Либо, если в Чернигове правили независимые от Святослава, хотя и варяго-русские династии, то через Смоленск (Гнездово), далее к Оке либо по «Волжскому пути», либо по Десне к тому же Брянскому ополью.

¹⁴³Достаточно сказать, что оно пережило своего потенциального союзника — Хазарию, и было покорено лишь после нескольких отсекающих и рассекающих ударов трех князей — Святослава, Ярополка и Владимира. И то часть вятичей сохранила независимость до середины XII в., а северяне пользовались любой возможностью для ее восстановления (приход в 1024 г. Мстислава из хазаро-русской Тмутаракани с хазарско-косожской дружиной) и ответные меры Ярослава после его смерти, вызвавшие опустошение северянского Посеймья) и отход их в лесостепь («Восточные территории» и Донец) и леса Севера, а также их искусственное расселение в глубинные растопы государства и пограничные крепости.

¹⁴⁴*Седов В.В.* Восточные славяне. С. 90–93; *Милютенко Н.И.* Древлянская земля в IX–XI вв. // *Старожитності Південної Русі. Чернівці, 1993.* С. 163.

луки-райковецкой, в отличие от роменско-боршевской, имеет прямое генетическое продолжение в общерусской христианской. Второй, более ранний по времени записи, но более поздний по описываемым реалиям пласт сведений принадлежит восточным авторам первой традиции (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, Худуд ал-Алем) сведения которых, по А.П. Новосельцеву, восходят друг к другу с некоторыми дополнениями, а в конечном итоге — к автору 40-х — 50-х гг. IX в. Муслиму ал-Джарми и отражают реалии этого и чуть более раннего времени¹⁴⁵. По вопросу соотношения литературного описания с конкретными реалиями есть разные точки зрения: общеславянские реалии (Ф. Вестберг, К. Кмитович), великоморавские (Дж. Тржештик, Б. Достал), зличанско-хорватские и краковско-хорватские (Й. Маркварт, Т. Левицкий). Мы исходим из уже высказанного допущения, что если эти описания все же касаются восточных славян, то Юго-Западной зоны. Есть два исторических источника по данной проблеме: описание иерархически организованного дружинного государства со столицей (Джарваб), крепостями, наместниками и «правителями по окраинам своих владений», полюдьем и судебными функциями «главы глав»; древности Великой Моравии, в целом перекликающиеся со сведениями первого источника. Перед нами — потестарно-политический организм «среднеевропейской модели».

Археология вносит следующие дополнения в структуру и динамику развития потестарности в Юго-Западной зоне. Четко выделяется три периода этого процесса. Первый из них (VII–VIII в.) характеризуется наличием гнезд поселений с культовым центром и городищем-убежищем. Явственно выделяется лишь один протогород с сильными укреплениями, длинными домами для дружины, предметами вооружения и конской упряжи — городище Зимно на Волини, сопоставимое со столицей легендарной Валинаны, погибшей от нападения аваров. Здесь встречены элементы «единой европейской дружинной культуры».

Второй период (IX в.) наиболее четко прослеживается на хорватской территории (Северная Буковина), отчасти в земле древлян. В Прикарпатье выделяется семь административных центров¹⁴⁶ с унифицированными укреплениями, включающими башни, длинные дома, с развитым ремеслом, обслуживавшим, вероятно, не только общину, но и дружину, также представленную на этих городищах. Среди

¹⁴⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.А. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 392.

¹⁴⁶ Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 30.

них размерами и наличием посада и неподалеку отдельного культового центра (или дружинного лагеря, в зависимости от интерпретации длинных домов), выделяется одно — Добрыновцы на правобережье Среднего Днестра.

Третий период (X — начало XI в.) начинается с пожаров на некоторых хорватских (рубеж IX–X в.) и древлянских (начало — середина X в.) городищах. Их заменяют менее многочисленные, но более сильно укрепленные, хотя и меньшие по размерам «княжеские крепости», зачастую на месте старых «административных центров» (Ровно, например). Парадоксально, но только в X в. возникает общехорватский языческий культовый центр на р. Збруч, состоящий из трех городищ-святилищ¹⁴⁷.

Археологически фиксируемая система поселений IX в., по крайней мере, в хорватских землях («грады» — крепости и столичный город) сопоставляется как с описанием государства славян со столицей в Хорбаде, так и со структурой системы управления Великой Моравией; при наличии формальной столицы (Велеграда) князь с дружиной не жил в ней постоянно, а объезжал «грады», где к его приезду собиралась дань и припасы для прокорма дружины, размещавшейся в специальных «казармах» (длинных домах в данном случае). Даже если Ибн Русте и его последователи писали о Великой Моравии, а не карпатской Хорватии, то в плане организации власти, отраженной в топографии поселений, последняя аналогична первой.

Что касается изменения характера хорватских городищ и пожаров на некоторых из них на рубеже IX–X в., то при всей сложности их интерпретации ясно одно: их вряд ли можно связывать напрямую с присоединением хорватов к Руси. Во-первых, сведения об этом отсутствуют в письменных источниках до 992 г., в том числе у Константина Багрянородного, хотя он пишет о северных хорватах, перечисляет «пактиотов» России, в том числе соседей хорватов «вервианов» (древлян) и «лендзян» (волян?). Во-вторых, с покорением древлян в 883 г. связывается установление фиксируемого покладам рубежа IX–X вв. торгового пути по Припяти на запад через землю волян (лендзян?)¹⁴⁸, в обход княжества хорватов. С учетом целей завоева-

¹⁴⁷ Русанова И.П., Тимоцук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981. С. 59–60. Это косвенно свидетельствует об отсутствии сакрально-магических функций у князей Юго-Запада, т. к. после замены их на Рюриковичей отправление местных культов не только не прекратилось, но и приобрело даже материально более выраженные формы.

¹⁴⁸ Существует точка зрения Н.И. Милютенко о потестарном единстве древлян и волян (а также дреговичей) со времен гибели Валинаны, археологически отображенном пожаром городища Зимно конца VIII в.

ний русских князей того времени (контроль над торговыми путями), завоевание Карпат не было необходимым. Если не предполагать также венгерское вторжение в Паннонию и Великую Моравию или чуть более раннюю экспансию последней (или восстание против ее гарнизонов), а об этом нет никаких свидетельств, то остаются внутренние причины. С учетом результата — строительство княжеских крепостей — можно предположить с наибольшей долей вероятия конфликт княжеской власти «федерального» уровня с племенными князьями-вождями, старшинами-аристократами, самоуправляемыми общинами (в зависимости от формы власти в том или ином гнезде поселений)¹⁴⁹.

Внешнее воздействие могло использоваться лишь в своего рода демагогических целях — необходимости сплоченности под властью одного правителя для отпора внешнему врагу, либо потребностям сбора дани в пользу вышестоящего сюзерена с использованием, возможно, воинских контингентов последнего. Не могло не повлиять на усиление независимости «федеральной» правящей верхушки от «общества» и (правда, возможно, легендарное¹⁵⁰) участие первой в походах Руси на Византию (получение независимого от общества избыточного продукта).

То же самое можно сказать и о Восточной окраине Юго-Западной зоны — земле древлян, за исключением абсолютно точной увязки пожаров и прекращения жизни на некоторых ее городищах с походом Игоря 913 г. либо «мстью Ольги» в 946 г. Именно в связи с последним событием летопись достаточно подробно описывает потестарное устройство княжества древлян с его иерархией представителей власти: «федеральный» князь Мал, возможно, племенные князья («а наши князья добры суть»)¹⁵¹, «лучшие» и «нарочитые» мужи, старейшины градов. Последний термин означает категорию людей, причастных к управлению, глав (иногда даже князей) какой-либо территории или организации, а не возрастную группу, пусть даже в силу авторитета обладающую некоторыми властными функциями («старцы»).

Разность терминов может свидетельствовать о том, что древлян-

¹⁴⁹И.П. Русанова и Б.А. Тимошук выделяют три типа центров таких гнезд (всего свыше 20): городища-административно-хозяйственные центры; городища-убежища; селища-общинные центры (последние — в меньшинстве). В шести случаях первый тип сочетается с городищем-святилищем, в одном — с городищем-убежищем. В одном случае (Бабин) центром гнезда было городище-святилище.

¹⁵⁰Не исключено перечисление в составе войска Олега всех подвластных Руси к XII в. земель с целью придания ореола древности, легитимности этой власти.

¹⁵¹Не исключено, однако, что древлянские послы имели в виду просто предшественников Мала на древлянском княжеском столе.

ская потестарность была достаточно сложной, аналогичной хорватской до событий рубежа IX–X в. В ней могли перекрещиваться старые ветви власти аристократически-родового происхождения, являвшиеся представителями общества (старейшины градов) и стоявшие уже над последними князь Мал и его «мужи» разных категорий (именно они как бы идеализируют древлянских князей при дворе Ольги — «иже распасли суть Деревьску землю»). По сути, это, в иных терминах, отражение патриархального характера власти и отношений реципрокности между ней и обществом. Однако эти слова княжеских мужей — декларация, рассчитанная на внешнего потребителя (Ольгу в данном случае), к тому же легендарного характера.

Однако в сочетании (затем в конфликте) на определенном (обычно переходном от вождества к раннему государству) этапе развития потестарности аристократически-родовых и военно-вождестских тенденций — явление достаточно обычное. Очевидно, разные фазы этого этапа и были представлены во всей Юго-Западной зоне в целом.

Итак, при всем типологическом различии отдельных позднепотестарных и потестарно-политических организмов Восточной Европы IX–X вв., иногда реально, иногда достаточно условно группирующихся в 5–6 зон потестарности, в среднем они соответствуют если не по форме, то по этапу «вождеств». Некоторые из них еще до Древнерусского государства образовывали неустойчивые союзы потестарных организмов, имели княжескую власть, другие оставались на уровне племенных вождеств или даже акефальных обществ, находившихся в сфере влияния различных политических культур, имевших разнонаправленные внешнеторговые связи и формы потестарности. Объединение их к концу X в. в относительно единое и консолидированное государство — заслуга русов (росов, руси), которые к середине — концу IX в. вряд ли сами стояли выше многих своих будущих «пактиотов» — подданных.

ЛИТЕРАТУРА

Ауліх В.В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI–VII ст. в Західній Волині. Київ, 1972.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.

Ахромеев Л.М. Генезис, история развития и хозяйственного освоения ландшафтов ополей центральной России. Воронеж, 1985 (Деп. ВИНТИ, № 5540–85, УДК 911.53).

Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. VIII.

Баранов И.А., Майко В.В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі. Київ, 1994.

Барац Г.М. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913.

Батожок Н.И. Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986.

Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. 1980. Вып. 160.

Белецкий С.В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1980.

Белков П.Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993.

Богомольников В.В. О близости радимичей, вятичей и северян // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Бондаренко Д.М. Привилегированные категории населения Бени на кануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993.

Бочаров В.В. Социально-политическое управление и общественные традиции (на примере Тропической Африки) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974.

Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Вейсберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Февраль. С. 364–412; Март. С. 1–52.

«Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. Москва; Иерусалим, 1997.
- Голубева Л.А.* Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. М., 1991.
- Голубева Л.А.* О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. 1965. Вып. 104.
- Горина Л.В.* Византийская и славянская хронография (существовали болгарский хронограф?) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Григорьев А.В.* О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.
- Григорьев А.В.* О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Григорьев А.В.* Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуте Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.
- Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972.
- Дегтярев А.Я.* О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (первая треть XI в.). М., 1994.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.
- Завадская С.В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XII вв. // ДГ. 1987 г. М., 1989.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Зайцев В.В.* О топографии кладов куфических монет X в., обращенных в кружок // Кр. тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности». СПб., 1992.
- Зоценко В.Н., Моця А.П.* Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца — первой половины II тыс. // From Vananginans to Greeks, Problems of Cultural Interaction in the Medieval World. М., 1996.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М, 1960.
- Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России (1847) // Наш умственный строй. М., 1989.

- Качакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1.
- Ковалевский М.М.* Генетическая социология. СПб., 1910.
- Ковалевский М.М.* Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии // Итоги науки в теории и практике. М., 1914. Т. 10.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка // Открытие Хазарии. М., 1996.
- Коковцов П.К.* Новый европейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913. XLVIII. Ноябрь.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
- Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. 41–43.
- Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.
- Кочуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. М., 1973.
- Кропоткин В.В.* Новые материалы по истории денежного обращения Восточной Европы в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968.
- Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские городища. М., 1981.
- Кулаков В.И.* Пруссy (V–XIII вв.). М., 1994.
- Лаптева Л.П.* Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII–XIII вв. // ВЕДС. М., 1993.
- Латишин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. Вып. 166.
- Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.
- Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Леонтьев А.Е.* Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988.
- Леонтьев А.Е.* Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183.
- Леонтьев А.Е.* Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. 1984. Вып. 179.

- Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В.* Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Литаврин Г.Г.* Политическая история Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XIII в. М., 1989.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Макушиников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XII века) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Маркарян Э.С.* Об основных принципах сравнительного изучения истории // ВИ. 1966. № 7.
- Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Мельникова Е.А.* К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // ВЕДС. 1990.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.
- Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // ВИ. 1985. № 10.
- Метельский А.А.* Становление Посожских городов Смоленской земли // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Милютенко Н.И.* Древлянская земля в IX–XI вв. // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Мишулин А.В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1.
- Модестов Ф.Э.* Амулеты-коньки и культ богини плодородия // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Москаленко А.Н.* Славяне на Дону (борщевская культура). Воронеж, 1981.
- Моця А.П.* Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.
- Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. Киев, 1997.
- Мугуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // Історія Русі-України. Київ, 1998.
- Мыльников А.С.* Отзвуки легенды о Палемоне в русском Хронографе // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6–7.

- Назаренко А.В.* К вопросу об отражении древнерусского права в договорах Руси с Византией X в. // ВЕДС. М., 1997.
- Назаренко А.В.* Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ. 1994 г. М., 1996.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ. 1991 г. М., 1994.
- Нахапетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обнаруженных в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1992 г. М., 1995.
- Новик Т.В., Шевченко Ю.Ю.* Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.А. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // ВИ. 1991. № 2–3.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164.
- Окладникова Е.А.* Миф как символ власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993.
- Падин В.А.* К истории славян Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Панеш Э.Х.* Традиции в политической культуре народов Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
- Паицто В.Т.* Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. 1973. № 5.
- Перхавко В.Б.* Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. 1978. № 2.
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М., 1997.
- Петрашенко В.А.* Волынцевская культура в Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Петрухин В.Я.* К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г. М., 1989.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси: IX–X вв. М., 1995.
- Петрухин В.Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // ВЕДС. М., 1997.
- Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

- Петрухин В.Я.* Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К истории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.
- Поляков Г.П., Шинаков Е.А.* Летописный Рогов // Любецкий 3' изд князів 1097 року в історическій долі Київської Русі. Мат-лы междунар. историко-археологич. конф., посвященной 900-летию I съезда русских князей в Любече. Київ, 1997.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.
- Прицак О.И.* Два етюди з нумізматики Київської Русі // Історія Русі — України. Київ, 1998.
- Приймак В.В.* Протоміські центри роменської культури та їх округа у верхів'ї Ворскли, середній течії Псла та Сейму // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми та перспективи. Суми; Ромни, 1990.
- Приймак В.В.* Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава; Суми, 1997.
- Приймак В.В.* Територіальна структура Межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994.
- Прокопий из Кесарши.* Война с готами. М., 1950.
- Пряхин А.Д.* Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1995.
- Ронин В.К.* Самосознание карантанской и ободритской знати // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.
- Ронин В.К., Флоря Б.Н.* Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. 1953. № 17.
- Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма на Руси. М., 1969.

- Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // ДГ. М., 1978.
- Седов В.В.* Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси // ВЕДС. М., 1998.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов В.В.* Итоги археологического изучения Изборска // Археологическое изучение Пскова. 1983.
- Седов В.В.* Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Седов В.В.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981 Вып. 166.
- Седов В.В.* Очерки по истории и археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В.В.* Работы в Изборске в 1984 г. // АИП. 1985.
- Седов В.В.* Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В.* Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.
- Сенаторский Н.П.* Историко-географический очерк Курского края // Вестн. Курского губисполкома. 1923. № 16–17.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.
- Смирнов А.П.* Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968.
- Соболева Е.С.* Традиции в системе власти на острове Тимор // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
- Стеблин-Каменский Н.И.* Мир саги. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский Н.И.* Примечания к «Старшей Эдде» // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Стороженко А.В.* Очерки Переяславской старины. Киев, 1990.
- Tarasau С.В.* Сацьяльна-гісторычная тапаграфія Полацка Х–XVIII ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 12.
- Тимошук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.
- Толочко О.П.* «Князь-робичич» та «король-орач»: східноєвропейські па-ралелі до давньоруських генеалогічних легенд // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Толочко П.П.* Русь і Хазарія // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Тржешитик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992.

Турилов А.А. Византийские и славянские пласты в «Сказании инок Христула» // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів, 1992.

Флоря Б.Н. Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов // Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X вв. // ВЕДС. М., 1993.

Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Херрман Й. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // Древности славян и Руси. М., 1988.

Цукерман К.А. Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

Чалых Н.Е. Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Шинаков Е.А. «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990.

Шинаков Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 годах // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995.

Шинаков Е.А. Брянский участок пути «Большого полюдья» X века // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.

Шинаков Е.А. Влияние процесса «государственного освоения» на экосистемы Среднего Подесенья // Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем. М., 1995.

Шинаков Е.А. Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил; Брянск, 1993.

Шинаков Е.А. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в. (Депонировано 29.12.1980 в ИНИОН АН СССР. № 6673).

Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Київ, 1994.

Шинаков Е.А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Магілеу, 1995. Ч. I.

Шинаков Е.А. Захоронения I тысячелетия нашей эры на городище у с. Случевск // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н. э. Куйбышев, 1986.

Шинаков Е.А. К вопросу и антропологических границах Стародубского ополья в конце X — XII в. // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. Белгород, 1990.

Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.

Шинаков Е.А. Курганная группа у села Пеклино // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1981.

Шинаков Е.А. Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности // Отечественная и всеобщая история, методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993,

Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 1996. № 8.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; М., 2009.

Шинаков Е.А. Опыт экологической классификации территорий юго-востока Древней Руси // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991.

- Шинаков Е.А.* Освоение ополей Брянского Подесенья в X–XIII века // Брянские ополья: природа и природопользование. М., 1991.
- Шинаков Е.А.* От пращи до скрамасака: На пути к державе Рюриковичей. Санкт-Петербург; Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А.* Подесенья как историко-культурный регион // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Шинаков Е.А.* Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск, 1998.
- Шинаков Е.А.* Русы IX — середины X в. (контент-анализ восточных источников) // Чтения памяти А.В. Арциховского. Москва; Новгород, 1988.
- Шинаков Е.А., Григорьев А.В.* О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вісчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* О роли природно-географического фактора в освоении радимичами территорий Полесья // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1995. Вып. 2. Ч. 2.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* Стародубское ополье в IX–XII вв. // Археология. 1998. № 2.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Миненко В.В.* Радимичи и вятичи на Десне // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск, 1998.
- Шинаков Е.А., Зайцев В.В.* Клады как источник по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993.
- Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В.* Города Черниговско-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.
- Шинаков Е.А., Сарычева Т.Н.* Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993.
- Шинаков Е.А., Шмидт Е.А., Кондрашенков А.А.* История крестьянства Западного региона РСФСР. Воронеж, 1991.
- Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е.* Стародуб и его округа в конце X–XII вв. Проблемы социальной истории Европы, Брянск, 1995.
- Шкунаев С.В.* Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Щавелев С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Западной России. Москва; Брянск, 1996.

Щавелева Н.И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.

Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

Bagby Ph. History and Culture. N.Y.; L., 1958.

Kmietowicz K. Die Titel der Slawenherrscher in der sog. «Anonymen Mitteilung», einer orientalischen Quelle Ende des 9. Jahrhunderts // Folia Orientalia. 1978.

László G. Études archéologiques sur l'histoire de société des Avars // Archeologia Hungaria. Budapest, 1955. T. XXXIV.

Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław, 1977. T. II, cz. II.

Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig 1903.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору потестарной и раннегосударственной специфики восточнославянских, балтских, финских, тюркских и аланских народов накануне образования древней Руси. Исследуются ключевые этнотерриториальные ареалы, где сложились оригинальные системы потестарности, на некоторых территориях наметилась тенденция к формированию государства. При типологическом и стадийном различии отдельных политических организмов Восточной Европы IX–X вв., их можно сгруппировать в 5–6 зон потестарности. В некоторых из них еще до древнерусского государства образовывались неустойчивые союзы потестарных организмов и появлялась княжеская власть. Другие оставались на уровне племенных вождеств или

даже акефальных обществ. Часть находилась в сфере влияния соседей, обладавших зрелой государственностью (Хазария, Моравия) или пассионарной экспансивностью (русы). Отдельное внимание в статье уделяется структуре власти и эволюции общественных отношений на Левобережье Днепра.

Ключевые слова: политогенез, вождество, Русь, раннее государство, славяне, восточнославянские племена, Хазарский каганат, Древнерусское государство, историческая археология, этноисторические реконструкции.

ABSTRACT

The article provides an overview of potestarian and early-state developments of East Slavic, Baltic, Finnish, Turkic peoples, and Alans on the eve of the formation of Ancient Rus'. The study deals with key ethno-territorial areas in some of which original systems of power came into being and in others a tendency to the formation of the state emerged. Despite typological and phased differences of political organisms of Eastern Europe in the ninth and tenth centuries, they can be grouped in 5 or 6 zones. In some of them unstable unions of potestarian organisms consolidated even before the formation of the Old Russian state and the appearance of princely power. Others remained tribal chiefdoms or even acephal societies. Still others developed under the influence of neighbours with mature statehood (Chazaria, Moravia) or passionate effusiveness (Ruses). Special attention is paid to the structure of power and evolution of social relations of peoples inhabiting territories on the left bank of the Dnieper.

Key words: politogenesis, chiefdom, early state, Slavic peoples, East Slavic tribes, the Chazar Chaganate, Old Russian State, historical archeology, ethno-historical reconstruction.

А.В. Григорьев

НАСЕЛЕНИЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА В VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

Славянские земли, лежащие к востоку от р. Днепр, составляли значительную часть территории Древнерусского государства. К ним относятся Северская земля, земли радимичей и вятичей, а также район Верхнего Подонья. Согласно русским летописям, эти образования, а равно и поляне, изначально платили дань хазарам. Ситуация, сложившаяся в регионе в конце IX в., определяется письменными источниками не столь однозначно. Так, согласно русским летописям, северяне (884 г.) и радимичи (885 г.) перешли под власть киевского князя¹. При этом еще в середине X в. каган Иосиф относит эти земли к своим владениям². Не вносят ясности и сообщения Константина Багрянородного, который определяет отношения «славиний» с Киевом словом «пактиоты», что подразумевает договорные и/или даннические отношения³. Очевидно, что нарушение подобного пакта князем Игорем в отношении древлян, привело к его гибели. Согласно сообщению Льва Диакона, Игорь был убит не в битве, а казнен позорным для князя способом⁴.

Неполнота, а порой и противоречивость письменных источников актуализируют необходимость привлечения материалов археологии для реконструкции истории Левобережья Днепра этого периода. Славянские памятники, расположенные к востоку от р. Днепр, можно определить как «культуры роменского типа». Эта культурная общность имеет локальные варианты, такие как боршевский, на верхнем

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

² *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98.

³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 50.

⁴ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57.

Дону⁵, верхнеокский, «вятичский»⁶, «радимичский»⁷ и собственно «роменский», «северянский»⁸. Кроме того, внутри означенных групп памятники сильно различаются в зависимости от их хронологической принадлежности. Наблюдаются отличия и по микрорегионам.

Степень археологической изученности памятников по регионам весьма различна. Наиболее полно представлены материалы Северной земли. Здесь десятки памятников были исследованы археологами. Зачастую вскрытые площади составляли несколько сот, а иногда и тысяч кв. м. Ставшее «эталонным» городище Новотроицкое было раскопано полностью⁹.

Вторым по степени изученности можно считать район Верхнего Подонья «боршевского варианта» роменского культурного ареала. Сотношение этих славянских памятников, с каким-либо «летописным племенем» неоднозначно. Некоторые авторы на основании близости черт материальной культуры были склонны относить их к вятичам. Другие полагали, что местное население составляло отдельное образование, не отмеченное в летописи. Дискуссия не закончена и по сей день¹⁰. В любом случае славянское происхождение памятников и их близость ко всей группе роменского типа не вызывает сомнений.

Ранние поселения вятичей, до последнего времени были исследованы неудовлетворительно. Основное внимание археологов в «лесной земле» было сосредоточено на раскопках курганов¹¹. В последние десятилетия ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Были проведены масштабные работы в междуречье Оки и Дона, в Калужском течении р. Оки, в низовьях р. Осетр¹². Появилась возможность вполне адекватно охарактеризовать материальную культуру местного населения IX–XI вв. В то же время до сих пор сохраняются «белые

⁵ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж, 1981; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995.

⁶ Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.

⁷ Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. (Социально-экономическое и этнокультурное развитие). Гомель, 2009.

⁸ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992; Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

⁹ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА № 74).

¹⁰ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. С. 20–22.

¹¹ Седов В.В. Ранние курганы вятичей // Славяно-русские древности. КСИА. 1973. Вып. 135. С. 10–16; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 12–39.

¹² Григорьев А.В. Славянское население; Прошкин О.Л. Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003. Вып. 4. С. 173–198; Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. 2001. Вып. 212. С. 59–68.

пятна» даже в общем учете памятников. Например, совершенно не исследована территория Орловской области¹³.

Наименее изученной остается земля радимичей¹⁴. В настоящий момент, здесь отмечено лишь 17 памятников роменского типа. Соответственно не разработана и сколько-нибудь приемлемая их типология и периодизация.

Первые достоверно славянские памятники, расположенные к востоку от р. Днепр, датируются VIII в., вероятно второй его половиной (Рис. 1 А). Они определяются по присутствию материалов так называемого волынцевского пласта древностей¹⁵. Для последних были характерны круговые горшки округлых форм с прямым вертикальным венчиком. Сосуды были выполнены из плотной, хорошо отмученной глины и имели качественный, вероятно, горновой обжиг. Их поверхность зачастую была залощена или покрыта пролощенным орнаментом. По технологии изготовления керамика этого типа близка качественной посуде салтовской культуры, но отличается от последней по форме. Помимо указанных сосудов, для комплексов памятников данного периода характерны находки фрагментов причерноморских амфор, орудий труда, конской сбруи и украшений степного облика¹⁶.

Однако керамика волынцевского типа в комплексах большинства исследованных памятников не превышала 5–15%. Основная масса посуды представлена лепными сосудами, получившими затем прямое развитие в керамике IX — начала XI в. Постройки волынцевского периода также не отличаются от позднейших. Необходимо отметить, что в наборе украшений широко представлены изделия характерные для Подунавья¹⁷.

Почти все поселения этого, раннего периода были неукрепленными и располагались на первых надпойменных террасах. Исключение составляет городище-I у с. Битица¹⁸. Оно расположено на высоком коренном берегу р. Псел, имеет сложную систему укреплений и большую площадь (более 5 га, что значительно превышает площадь укреплений синхронного Киева). Выделяется оно и по полученному в ре-

¹³ См.: Археологическая карта России. Орловская область / Под редакцией Ю.А. Краснова. 1992.

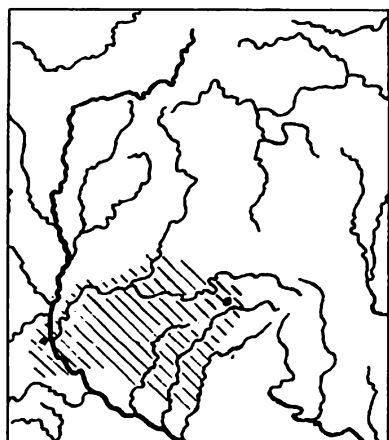
¹⁴ Макушников О.А. Гомельское Поднепровье. С. 22.

¹⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 15–22.

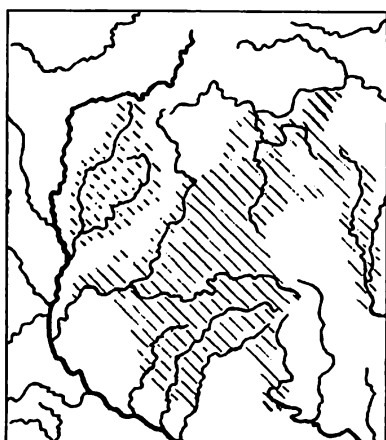
¹⁶ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 16–36; Григорьев А.В. Северская земля. С. 15–22.

¹⁷ Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 81–83.

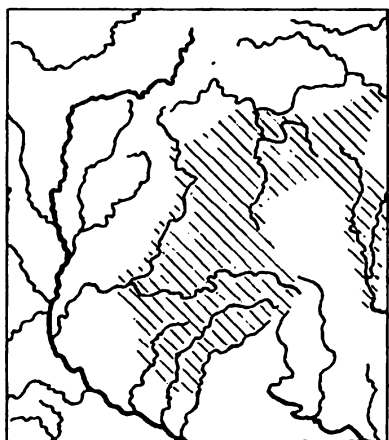
¹⁸ Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. 1959. № XXIX–XXX. С. 58–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 125–133.



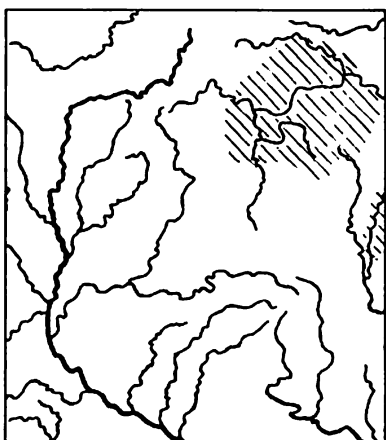
А



Б



В



Г

Рис. 1. Славянские земли подвластные Хазарскому каганату:

А — до начала IX в.; Б — до конца IX в.; В — до 965 г.; Г — территории, сохранявшие автономию от Руси до конца XI в.

зультате раскопок материалу. Большинство жилищ было «подквадратными» с печью в одном из углов, т. е. обычными для славянского населения этого времени, а часть жилых построек представляли собой округлые в плане сооружения. Подобные юртообразные жилища

были широко распространены на соседних степных территориях¹⁹. Качественная круговая керамика, в том числе амфорная, составляет более половины всего комплекса. Широко представлены орудия труда, конская сбруя, предметы вооружения (включая саблю), украшения. Характер памятника позволяет рассматривать его как центр, или один из центров, славянского населения хазарского каганата²⁰.

Памятники с материалами волынцевского типа распространены на территории большей части Северской земли, а также на небольшом участке правого берега р. Днепр. Количество известных ранних памятников невелико. На конец XX в. было известно не более 20 поселений и 4 могильника. Вероятно, эти памятники определяют территорию наиболее ранних данных Хазарского каганата — северян и полян²¹.

Сложившееся положение сохранялось вплоть до начала IX в. В первой четверти этого столетия ситуация резко меняется. В это время гибнет Битицкое городище, с памятников полян и северян исчезает волынцевский материал²². В то же время, с начала IX в., активизируется процесс расселения славян по территориям левобережья Днепра. В течение первой половины столетия они полностью осваивают Северскую землю, вплоть до верхнего течения р. Десны и верховьев р. Северский Донец. Памятники роменского типа распространяются по южной части земли вятичей, включающей Верхнюю Оку и ее притоки, проникают в Верхнее Подонье. Вероятно, к этому же времени относятся и ранние памятники в земле радимичей.

Быстрое освоение больших территорий при увеличении плотности населения вряд ли могло происходить за счет естественного прироста на уже освоенных землях. Логично допустить наличие второй волны миграции из западных регионов распространения славян. В пользу этого предположения говорит и наличие различий в материальной культуре северян, с одной стороны, и вятичей и донских славян — с другой.

Эти отличия прослеживаются в традициях сооружения печей и деталях погребального обряда. В жилых постройках Северской земли вплоть до конца IX в. основным типом отопительных сооружений бы-

¹⁹ Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

²⁰ Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. 2009 (Тр. Гос. Эрмитажа. XLIX). С. 215–216.

²¹ Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50; Григорьев А.В. Северская земля. С. 184–185.

²² Щеглова О.А. Салтовские вещи. С. 81–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 33–34; Григорьев А.В. Северская земля. С. 21–22.

ли печи, вырезанные в специально оставленном или сооруженном материковом останце²³. В постройках верхней Оки и верхнего Дона изначально сооружались печи каменки²⁴.

Погребальный обряд по всему левобережью представлен трупосожжениями совершенными на стороне. Подобный обряд вкуче с почти полным отсутствием инвентаря, крайне затрудняет датировку погребений. Остатки кремации собирались в сосуды (реже просто в виде кучки) и помещались под курганы. Однако в Северной земле урна, как правило, находилась в верхней части насыпи. Т.е. первоначально сооружался небольшой курган, возможно «столп» русской летописи, на поверхности которого устанавливался один или несколько сосудов. Позже курган досыпался²⁵. Вероятно, именно такой обряд — трупосожжение на стороне с последующей установкой урны на кургане — описывают арабские авторы X в.²⁶

В курганах вятичей и в Подонье урны устанавливались непосредственно на древнюю поверхность, после чего возводилось все сооружение. Кроме того, в этих землях отмечается широкое использование «домовин». В курган ставился сруб, в котором и находились остатки кремации. Одна стенка сруба оставалась открытой, что позволяло производить дозахоронения²⁷. Не исключено, что появление этого элемента обряда явилось наследием местного балтского населения, которому как предполагается, принадлежат памятники мощинской культуры²⁸.

Интересно отметить, что количество известных курганных групп во всех регионах значительно меньше количества поселений. Вероятно, это связано с характером погребального обряда. Небольшие размеры курганов, захоронения на уровне дневной поверхности или выше, привели к тому, что при распашке сооружения исчезали бесследно.

Указанные особенности в традициях населения Северной земли, с одной стороны, и других славянских земель междуречья Днепра и Дона, с другой, позволяют предполагать различия в их происхождении.

²³ Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян VIII — начала XI в. // Питання археології Сумщини. Суми, 1990. С. 153–157, табл. I.

²⁴ Винников А.З. Славяне лесостепного Дона. С. 21–23; Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 36–37.

²⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 109–115; Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян.

²⁶ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870. С. 264–265.

²⁷ Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

²⁸ Седов В.В. Ранние курганы вятичей. С. 10–16.

В то же время, большая часть элементов материальной культуры по всему региону необычайно близка. Общими были традиции возведения укреплений, типы жилых и хозяйственных сооружений, керамика, типы орудий труда, вооружения и украшений.

Памятники роменского типа всегда привязаны к большим и малым рекам. На водоразделах они не известны. В научной литературе утвердилось мнение, что культуры данного типа — это «культура городищ»²⁹. Такое определение вполне понятно, поскольку городища имеют яркие внешние признаки, и потому фиксировались исследователями в первую очередь. Однако на современном этапе изучения можно уверенно говорить о том, что большая часть населения проживала на открытых поселениях. Последние либо примыкали к городищам, либо находились на некотором расстоянии от них. Также известны селища никак не связанные с городищами. Площади этих поселений в разы превышают площади городищ³⁰.

Городища и примыкающие к ним селища, как правило, располагались на высоких коренных берегах рек. При этом известны городища находящиеся на первой надпойменной террасе, в частности городище Монастырище у г. Ромны, давшее имя культуре³¹. Селища размещались на разных уровнях относительно рек — от поймы до третьей террасы.

Система укреплений на памятниках роменского типа достаточно универсальна³². Прежде всего, она подразумевала максимальное использование особенностей рельефа местности. Для постройки крепости выбирался либо мыс высокого коренного берега, либо, если это было возможно, останец. Таким образом, большая часть периметра (а в случае останца весь) была труднодоступна для противника. Верхняя часть склона искусственно подрезалась, эскарпировалась, на высоту около 2 м. Склоны городищ практически не исследовались, но все же были отмечены случаи, когда эскарп укреплялся деревянной облицовкой³³. С напольной стороны возводилась деревоземляная стена, при сооружении которой образовывался наружный ров. Отмечаются два способа возведения таких стен. Первый, более архаичный, представ-

²⁹ *Макаренко М.О.* Городище Монастирище // Науковий збірник історичної секції УАН. Київ, 1925. Вип. XIX. С. 5; *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961. С. 59, 309, 310 (МИА № 104).

³⁰ *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 52–58.

³¹ *Макаренко М.О.* Городище Монастирище. С. 6–7.

³² *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 58–76.

³³ *Григорьев А.В.* Укрепления городища у с. Горбово // Архітектурні та ареологічні старожитності Чернігівщини. Тез. докл. Чернігів, 1992. С. 40–44.

лял собой столбы с заложенными за них досками и забутованными землей, вынудив из рва. Вероятно, именно такой способ строительства описан арабским автором X в. По его словам, славяне «выкапывают вокруг этого места ров, а выкопанную землю сваливают в вал, укрепляя его досками и сваями, пока стена не дойдет до желаемой высоты»³⁴. Подобный метод возведения стен был зафиксирован на городищах Опошня³⁵, Донецкое³⁶, Битица П³⁷, Путивль³⁸.

Вторым, более совершенным и более распространенным способом, была постройка ряда срубов, «клетей», забутованных землей. Такие укрепления зафиксированы в различных областях распространения культур роменского типа. В Северной земле это городища Горбово на р. Десне³⁹, Большое Горнальское на р. Псел⁴⁰, Хитцы в Посулье⁴¹ и ряд других. В земле вятичей такая конструкция прослежена на Чертовом городище в бассейне р. Жиздры⁴², на городищах Снедка и Тимофеевка на р. Упе⁴³. Также практически единственным этот тип укреплений был на памятниках Верхнего Дона. Здесь он отмечен на Малом и Большом Боршевских городищах, Воргольском и Архангельском городищах⁴⁴. Наиболее полно в этом регионе были исследованы две линии укреплений городища Титчиха⁴⁵.

Сложность системы укреплений зависела не от времени их возведения, а от продолжительности функционирования крепости⁴⁶. За время существования памятника укрепления усиливались. Со стороны склонов, помимо эскарпа возводилась стена. С напольной стороны

³⁴ Куник А.А., Розен В.Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. С. 48. Т. I.

³⁵ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 134–13. Рис. 24.

³⁶ Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 300.

³⁷ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 134.

³⁸ Сухобоков О.В. Новые исследования древнерусского Путивля // АО 1979 г. М., 1980. С. 342; Он же. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 70.

³⁹ Григорьев А.В. Укрепления городища. С. 40–44.

⁴⁰ Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М., 1972. С. 96; Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. Рис. 20.

⁴¹ Григорьев А.В. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава, 1989. С. 69–72.

⁴² Прошкин О.Л. Чертово городище. Калуга, 2011. С. 65–68.

⁴³ Григорьев А.В., Шеков А.В. Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Тез. докл. конф. Археология юго-востока Руси. Елец, 1998. С. 19–20; Григорьев А.В. Славянское население. С. 27–31. Рис. 6, 7.

⁴⁴ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. С. 62–71. Рис. 3–8.

⁴⁵ Она же. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 129–137. Рис. 45–49, С. 248–250.

⁴⁶ Григорьев А.В. Северская земля. С. 74.

стена расширялась за счет первоначального рва. Новый ров делался глубже, а на месте предшествующего создавался псевдо-эскарп. Таким образом, система обороны унифицировалась по всему периметру и представляла собой стену с эскарпом перед ней. Такие достройки могли совершаться неоднократно. Например, на Большом Горнальском городище они производились три раза, в результате чего, перед стеной с напольной стороны образовалось три псевдо-эскарпа. Края последних были укреплены вертикально установленными бревнами⁴⁷.

Планировка поселений долгое время оставалась загадкой для ученых. Не прослеживалось никакой закономерности в расположении жилых построек⁴⁸. Это обуславливалось тем, что на большинстве памятников, раскопанных большими площадями, не было стратиграфической связи сооружений или она не была зафиксирована.

В результате раскопок стратифицированного поселения у с. Горбово выяснилось, что последовательно существовавшие жилища образовывали компактные группы. Каждая последующая постройка находилась в стороне от предыдущей, не перекрывая ее. При этом она зачастую перекрывала постройку более раннего периода, т. е. на протяжении нескольких, в данном случае четырех поколений жилища строились на ограниченном участке земли. Это может говорить исключительно об усадебном характере застройки⁴⁹. На поселении Переверзево II были зафиксированы границы таких усадеб⁵⁰. Поселения Горбово и Переверзево II, расположенные в границах Северской земли, датируются в целом X в. Подобная планировка была отмечена и на селище IX в. у д. Торхово, находящемся в бассейне верхней Оки. Здесь площади усадеб наиболее раннего периода превышали 500 кв. м, но впоследствии, вероятно в результате дробления, они сокращаются до 250–300 кв. м. Такой же размер, около 300 кв. м, отмечается и на позднейших памятниках⁵¹.

Жилые постройки на раннем этапе расселения, в первой половине IX в., практически не отличаются по всей территории левобережья. Исключение составляют различия в традициях сооружения печей, отмеченное ранее. Все они имеют углубленную в землю часть, размера-

⁴⁷ Там же. С. 71. Рис. 26.

⁴⁸ *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье. С. 234–235; *Сухобоков О.В.* Роменская культура // *Этнокультурная карта территории УССР в I тысячелетии н. э.* Киев, 1985. С. 126.

⁴⁹ *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 77–79. Рис. 27.

⁵⁰ *Узянов А.А.* Переверзевское II городище // АО 1980 г. М., 1981. С. 86; Он же. Памятники роменской культуры на р. Гускарь // АО 1981 г. М., 1983. С. 93.

⁵¹ *Григорьев А.В.* Славянское население. С. 33–34. Рис. 8.

ми от 3×3 до 5×5 м, чаще ок. 4×4 м. Глубины их различны, от 0,20 до 1,00 м и более. Печь располагалась в одном из углов котлована. Известны и дополнительные обогревательные сооружения, вырезанные в виде подбоя в одной из стен котлована. В наибольшем количестве они представлены в Северской земле, но фиксируются и в бассейне верхней Оки.

Наличие котлованов послужило устойчивому определению построек как полуземлянок. Однако малая глубина многих из них и ряд других наблюдений не позволяют принять данное определение. В последнее время большинство исследователей реконструируют эти сооружения как наземные жилища с углубленным полом⁵². В некоторых районах Украины дома с углубленным земляным полом существуют и поныне.

По конструкции все жилые постройки, вне зависимости от региона, делятся на два основных типа. К первому относятся так называемые «столбовые». В них сруб стоял за пределами котлована, а для того чтобы не допустить осыпания стен, последние укреплялись деревом. По углам и по центру стен вкапывались столбы, за которые закладывались доски. Такая система позволяла легко заменить подгнившие части конструкции. Возможно к этому же типу, т. е. к постройкам, в которых сруб стоял за пределами котлована, можно отнести и часть жилищ без столбов или со столбами, количество которых недостаточно для удержания обшивки. Вероятно, в них стены оставались земляными. Интересна группа построек, в которых столбы прослеживались только по центру двух или четырех противоположных стен котлована. Деревянная обшивка в этих случаях исключается, вероятно, столбы служили частью конструкции кровли. Подобные жилища известны исключительно на ранних памятниках Северской земли и отражают наиболее архаичный тип конструкции.

Второй тип построек характеризуется тем, что сруб в них опускался непосредственно в котлован. Размеры котлованов этих построек в среднем несколько больше сооружений первого типа⁵³.

Со временем, становятся заметны территориальные различия в конструкциях жилищ. В северной части земли вятичей, в частности в бассейне р. Упы, поиск новых конструктивных решений отмечается

⁵² *Толочко П.П.* Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981. С. 63–94; *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

С. 68–70; *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 80–102; *Енукова О.Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007.

⁵³ *Григорьев А.В.* Поселение X в. в пойме р. Тускарь // Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конференции. Сумы, 1990. С. 151–161.

уже в середине IX в. Несколько более низкие среднегодовые температуры, с одной стороны, и обилие леса, с другой, вынудили (и в тоже время позволили) изменить устоявшуюся традицию. На этом этапе наблюдается большое разнообразие строительных решений. Многие типы конструкций уникальны. Можно отметить лишь общую тенденцию — желание оторвать жилое пространство от земли. Прежде всего, появляются постройки стоящие непосредственно на уровне дневной поверхности. Далее постройки поднимаются на невысокую подклеть, а под ними выкапываются неглубокие нежилые котлованы. Эти котлованы могли занимать почти всю площадь под домом или только половину, в том числе под печью. Последний вариант получил наибольшее распространение в земле вятичей вплоть до конца XI в.⁵⁴

В Северной земле на рубеже IX–X вв. печи в жилищах отрываются от стен котлована. Они полностью конструируются из глины, зачастую с применением мелких камней. Это позволило на начальном этапе резко уменьшить глубину котлованов, а к концу X в. перейти к постройке двухэтажных жилищ⁵⁵. При этом верхний этаж мог не иметь самостоятельного отопительного сооружения (Новгород-Северский, раскоп X) или быть полноценным жилым помещением с печью (Горбово, Липино). Таким образом тенденция к отрыву жилого пространства от земли, отмечавшаяся в северной части земли вятичей еще в IX в., распространяется и на южные территории.

Остатки многочисленных хозяйственных сооружений, как правило, не могут быть надежно интерпретированы. Исключение составляют зерновые или хлебные ямы. Они имеют характерную форму — узкое горло и сильно расширяющуюся нижнюю часть. Часто стенки ям обожжены. Подобные ямы, появившиеся еще в скифское время, доживают до XIX в. «На юге *зерновой* хлеб хранят в ямах: рытых кувшином, выжженных соломой и засыпаемых землею, это хлебные ямы»⁵⁶. Впервые они упоминаются в статье 39 Пространной редакции Русской правды, которая предусматривает наказание тому, кто «крадет гумно или жито в яме»⁵⁷.

Количество «житных» ям на памятниках близко количеству построек. Это указывает на то, что в период активной жизни одного поколения одна яма соответствовала одному двору. Поскольку ямы

⁵⁴ Григорьев А.В. Славянское население. С. 35–59. Рис. 9–20.

⁵⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 90–96; Енукова О.Н. Домостроительство населения. С. 25–26.

⁵⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. 1955. Т. I. С. 677.

⁵⁷ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 95 (ст. 43 по ПРП. Вып. I. С. 112).

предназначались для посевного зерна, зная их объемы нетрудно вычислить засеваемые площади и уровень благосостояния владельца.

Средние объемы ям в Северной земле и на Дону в IX в. соответствовали 4–6 четвертям зерна, в пересчете на пшеницу. Такое количество необходимо для посева на площади около 9 десятин. В «лесной земле», земле вятичей, объемы ям, а следовательно и обрабатываемые площади, несколько больше. Скорее всего, это говорит не о более высоком уровне развития земледелия, а о худшем качестве земли и, соответственно, меньшей урожайности.

Различия в объемах зерновых ям, а значит и в размерах земельных наделов, позволяют сделать интересные социальные наблюдения. На раннем этапе, во второй половине VIII — первой половине IX в., большинство ям имеют средний, реже несколько меньший объем, т. е. фиксируется определенное имущественное равенство. К концу IX в. на памятниках отмечается значительное расслоение общества. Количество ям малых объемов возрастает до 35–50 %. Соответствующие наделы в 4–6 десятин позволяли лишь прокормиться их владельцам. В тоже время появляются ямы, запас в которых был предназначен для посева на 30 и более десятинах. На протяжении X в. средние размеры ям заметно возрастают. Так, если средний запас зерна на одну условную яму в пересчете на пшеницу⁵⁸ на раннем городище Опошня составлял 0,74 т, на несколько более позднем Новотроицком — 0,79 т, то на поселении X — первой половине XI в. у с. Горбово — 1,03 т. Даже при всей условности наших расчетов такой рост запасов зерна вряд ли можно считать случайным. Более ярким в это время становится и дифференциация ям по объемам. Заметно возрастает процент малых и больших ям, за счет снижения количества средних⁵⁹.

Крупные ямы содержали количество зерна необходимое для посева на площади более 30 десятин. Учитывая, что согласно подсчетам В.И. Довженка, один работник мог за сезон обработать не более 8 десятин⁶⁰, очевидным становится факт привлечения наемной силы.

Из производственных сооружений наиболее бесспорными в плане интерпретации являются металлургические горны. Они известны в северной части земли вятичей, в бассейне р. Упы. Именно здесь, где в XVII в. возникают первые русские железоделательные заводы, имеются выходы железной руды. Конструкции горнов отражают различные

⁵⁸Hütte: Справочник для инженеров, техников и студентов. М.; Л., 1935. Т. II. С. 988. Табл. 10.

⁵⁹Григорьев А.В. Славянское население. Рис. 22.

⁶⁰Довженок В.И. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961. С. 185.

традиции: общеславянскую (поселение Уткино) и степную, салтовскую (поселение Торхово)⁶¹.

Следует отметить, зафиксированные на ряде памятников отдельно стоящие печи. По конструкции в большинстве своем они не отличаются от печей расположенных в постройках. Назначение этих сооружений трактуется неоднозначно. Это могли быть остатки незафиксированных наземных построек, летние печи или печи связанные с производством. Например, печь, исследованная на Донецком городище, использовалась для обжига керамики⁶².

Предметы вооружения и конской сбруи представлены на памятниках роменского типа крайне скудно. Судя по материалам поселений, основным оружием славян левобережья был лук. Наконечники стрел являются наиболее частой находкой на памятниках рассматриваемого периода. Типы наконечников преимущественно общеславянские, но встречаются и трехлопастные, степного облика. Помимо лука широко использовались копья и топоры. Последние, относятся к типам универсальных орудий. Тяжелые топоры с узким лезвием могли употребляться как в качестве орудий труда, так и в качестве оружия. Немногочисленные находки боевых топоров имеют аналогии в материалах салтовской культуры. Достаточно распространенными были копья. Наконечники последних найдены на большинстве хорошо исследованных памятников. Находки сабель, мечей и боевых ножей — единичны. Сабли были найдены на городищах Битица и Донецкое⁶³, меч в качестве случайной находки происходит с городища Хитцы⁶⁴. Фрагмент боевого ножа найден на поселении у д. Торхово. Фрагменты кольчуги фиксировались на Торховском поселении, городище Титчиха и в погребении 2 Волынцевского могильника⁶⁵.

К снаряжению воина можно отнести и детали поясных наборов. Накладки и пряжки были найдены на многих памятниках, но в единичных экземплярах. Подавляющее большинство их имеют аналогии в степных древностях. Детали конской упряжи, как то удила, стремена,

⁶¹ Григорьев А.В. Славянское население. С. 64–67. Рис. 24, 25; Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X в. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2. С. 75–78. Рис. 48.

⁶² Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 306–307.

⁶³ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. Рис. 6; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 107. Рис. 2.

⁶⁴ Мокляк В.О. Меч із Посулля // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Тез. докл. Полтава, 1990. С. 162–163.

⁶⁵ Археологическая карта России. Тульская область. М., 1994. Ч. 2. С. 163; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 138–141. Рис. 52; Березовець Д.Т. Дослідження на території Путівльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. III. С. 248.

сбруйные накладки и пряжки, также отмечены на многих памятниках. Однако повышенной концентрации их нигде не фиксируется. Можно предположить, что вооруженное население было рассредоточено по многочисленным поселкам, не образуя какой-либо обособленной социальной группы или организации⁶⁶.

Исключение из вышесказанного для VIII — начала IX в. представляет городище I у с. Битица, а для IX — нач. X в. Супрутское. На последнем следы пребывания дружины фиксируются особо отчетливо. Этот памятник резко отличается не только от синхронных памятников роменского типа, но и от других поселений Восточной Европы⁶⁷. Изначально поселок занял территорию небольшой, до 0,6 га, площадки городища первых веков н. э. Впоследствии, на протяжении более чем ста лет, площадь его не увеличивалась. Следов синхронных поселений за пределами городища, в ходе многолетних исследований, проводившихся С.А. Изюмовой (1954–1956, 1967, 1969–1973, 1976 гг.), А.В. Шековым (1995, 1996 гг.) и А.В. Григорьевым (1999–2002, 2006, 2007 гг.), обнаружено не было. Не возобновлялись и древние укрепления.

Усадебного характера в планировке поселения не прослеживается. Можно предполагать, что постройки располагались по периметру, оставляя свободной центральную часть поселения. Застройка при этом была весьма плотной⁶⁸. Характерной особенностью поселения являлось полное отсутствие зерновых ям, т. е. население не занималось хлебопашеством. В тоже время отмечено множество случаев находок орудий труда, в том числе в виде кладов. Однако положение наральных серпов и кос в последних, указывает на то, что они были уложены без деревянных частей. Можно предположить, что в данном случае, железные детали орудий труда являлись предметом торговли. На поселении не отмечено следов первичной обработки железа, но фиксируются следы кузнечного производства.

Население поселка было полностью уничтожено во втором десятилетии X в.⁶⁹, что позволяет нам приблизительно реконструировать его количество и половозрастной состав. В изученной раскопками части, которая составляет около половины всей площади поселения, было за-

⁶⁶ Григорьев А.В. Северская земля. С. 140–145.

⁶⁷ Археологическая карта России. Тульская область. С. 214–217.

⁶⁸ Григорьев А.В. Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 22–23.

⁶⁹ Григорьев А.В. Славянское население. С. 139.

фиксировано более 110 костяков. Из них не более 1/6 принадлежало мужчинам активного возраста. Следовательно, можно предположить, что все население не превышало 250 человек, из коих лишь около 40 могли носить оружие. Количество найденных топоров и удил соответствует приведенной цифре. Есть все основания полагать, что на городище размещалась небольшая конная дружина. Основным оружием воинов был топор, но часто использовались и копья, наконечники которых не являются редкой находкой на памятнике. Так же широко применялись лук и стрелы. Помимо многочисленных наконечников стрел, в материалах поселения известны колчаные петли и крючки. Мобильная дружина, расположенная в центре перевалочного узла из Дона в Оку, могла эффективно контролировать все его участки.

Жители поселка активно участвовали в транзитной торговле. На это указывает целый ряд фактов. Во-первых, в раскопах было найдено большое количество предметов торгового инвентаря — фрагменты пяти весов и 23 гири⁷⁰. Во-вторых, количество драгоценного металла (серебра), в виде как монет, так и изделий, значительно превышало его содержание на других памятниках региона. Наконец, вещевой материал указывает на очень широкие внешние связи поселка. С юга происходят сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, а также фрагменты амфор. С мусульманским миром связана находка фрагмента серебряной капторги. В венгерских древностях Приуралья находят аналогии детали седла, сбруйные и поясные бляшки и разделители. С салтовскими древностями связаны многочисленные детали пояса, одежды, конской упряжи и парадных керамических сосудов. Многочисленны украшения балтского и финно-угорского типов. Широко представлены изделия скандинавских мастеров, в том числе уникальные удила, украшенные в стиле *Vorre*⁷¹. Несколько предметов имеют прямые аналогии в Моравии.

Интересно отметить, что предметы различного происхождения зачастую входили в состав одного закрытого комплекса. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать их как импорты. Любимым же украшением супрутских женщин оставались лучевые кольца и серьги «салтовского» типа. Есть все основания полагать, что они изготовлялись на месте. При всем отличие в характере инвентаря, конструкции

⁷⁰ Григорьев А.В. Весы и гири городища у с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2012. Том II. С. 115–128.

⁷¹ Изюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. I. С. 88–108; Мурашева В.В. Супрутский клад (Из раскопок 1969 г.) / Труды ГИМ. М., 2008. Вып. 175.

жилищ, керамика, изделия из железа — абсолютно идентичны комплексам соседних поселений роменского типа.

Украшения на всем пространстве культур роменского типа имеют общий облик. Их можно разделить на две основные группы — импорты и предметы, изготовленные на месте. Собственно славянские изделия представлены небольшим количеством категорий⁷².

Гривны с раскованными окончаниями петель существуют на всем протяжении существования культуры, но представлены единичными находками (Ивахницкий клад, Новотроицкое, Полтава). Дротовые браслеты с утолщенными окончаниями также редки. Не чаще встречаются пластинчатые браслеты со скованной в дрот центральной частью. По образцу таких браслетов изготавливались и перстни, представленные также единичными экземплярами. Плоские части гривен и окончания браслетов иногда украшались зигзагообразной насечкой. Малочисленность известных находок может указывать на невысокую популярность этих категорий украшений у славян левобережья.

Значительно шире представлены головные украшения — серьги и височные кольца. Это не только многочисленные миниатюрные серьги, свернутые из тонкой проволоки, но и более сложные изделия. Последние представлены несколькими основными видами. Простейшие из них, как и миниатюрные проволочные, были кольцевидными, но отличались большими размерами. Их диаметр 2,5–3,5 см, сечение проволоки 2–3 мм. Изготавливались они из серебра и часто входили в составы кладов (Железницкого, Алпатьевского, кладов на городищах Новотроицкое и Титчиха). Время бытования этих украшений определяется концом IX — началом X в.

К раннему виду серег можно отнести предметы так называемого фативижского типа. Они состояли из овальной дужки, имитации привески и различных вариантов украшения с внутренней части дужки. Подобные изделия известны преимущественно на ранних памятниках — Фативижский клад, городище I у с. Битица. Позднейшая находка из Гнездова датируется второй половиной IX в.⁷³ Несколько экземпляров происходит из подъемного материала памятников Курской области⁷⁴. В материалах роменского типа конца IX в. и позже они не известны.

⁷² Григорьев А.В. Северская земля. С. 126–139.

⁷³ Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 1. С. 55. Рис. 17.

⁷⁴ Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. — 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: археология, история. Тула, 2009. Рис. 1 (1–3).

Очень широко были распространены серьги салтовского типа. Композиционно они, несомненно, близки серьгам салтовской культуры и являются подражаниями последним⁷⁵. Однако отличия в технологии производства и обилие находок, позволяют говорить об их местном производстве. Серьги данного типа появляются на памятниках роменского круга на раннем, вольтинцевском, этапе и существуют вплоть до начала X в. Они известны на большинстве хорошо раскопанных памятников этого времени. Позже, в X — начале XI в., находки этих украшений единичны.

Наиболее яркой чертой культур роменского типа могут считаться лучевые серьги или височные кольца (вопрос о способе ношения этих украшений на сегодняшний день не решен). Они появляются в Северной земле и земле вятичей около середины IX в., возможно, несколько ранее. На начальном этапе предметы изготавливались методом литья по восковой модели и имели орнаментацию с обеих сторон. Они максимально копировали кольцо с напаянными пирамидками зерни, т. е. являлись прямым подражанием серьгам Подунавья. К концу IX в. в производстве этих украшений происходят революционные изменения. Они становятся значительно крупнее, при этом орнамент сохраняется только на одной стороне. Предметы изготавливаются сериями до 6 экз. по одной модели, вероятно, свинцово-оловянистой. При этом утрачивается первоначальный смысл украшения — кольца с напаянными пирамидками зерни. Лучи, помимо псевдозерненого орнамента, украшаются иными приемами. Более того, появляются кольца, на внутренней части которых вместо лучей изображаются фигурки птиц⁷⁶.

Распространение указанных украшений в конце IX — начале X в. необычайно широко. Они встречаются не только по всему региону культур роменского типа, но и за его пределами. Во второй — третьей четверти X в. лучевые кольца практически неизвестны. Новый всплеск моды на данные украшения приходится на конец X — начало XI в. При этом из всего разнообразия типов, известных для рубежа IX–X вв., развитие получают лишь два. Один из них становится характерным для Северной земли, другой для земли радимичей. Во второй четверти XI в. складывается оригинальный тип подвесок, так называемого

⁷⁵ *Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара, 1998. С. 213–231.

⁷⁶ *Григорьев А.В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // *Верхнедонской археологический сборник*. Липецк, 2010. Вып. 5.

деснинского типа, в земле вятичей⁷⁷. Кроме того, здесь фиксируются находки колец, характерных для земли северян.

Еще одна группа украшений, импортная, составляла не менее половины всего комплекса. На начальном этапе широко были представлены изделия мастеров византийских провинций. Они отличаются сложностью применяемых технологических приемов: в частности штамповки, пайки, зерни. Некоторое количество этих предметов, часто со следами повреждений, доживает до рубежа IX–X вв. Изделия степного облика представлены перстнями, в том числе со стеклянной вставкой, браслетами, бубенчиками, разного рода подвесками и амулетами. Многочисленны находки предметов финно-угорских и балтских типов. Это всевозможные шумящие подвески, перстни, трапециевидные привески, детали головных венчиков. Начиная со второй половины X в. наблюдается рост количества общерусских украшений.

Из деталей одежды весьма распространенными являются пуговицы, преимущественно степных типов. Следует также отметить фибулы. Чаще всего встречаются подковообразные со спиралевидными окончаниями. Сечение ромбовидное или круглое, материал — железо, реже бронза. Широкое распространение и находки заготовок (Горбово) указывают на их местное производство. Находки салтовских фибул единичны.

Орудия труда представлены сошниками, серпами, косами, ножницами, изредка ювелирным инструментом. В случаях, когда удалось провести металлографический анализ предметов, выяснилось, что большинство из них было изготовлено по салтовским технологиям.

Керамика, в большинстве своем, представлена лепными горшками, выполненными из грубого теста с большим количеством примесей. В качестве отощителей использовался крупный шамот, органика, реже дресва. Стенки сосудов толстые, 1–2 см, обжиг — печной. Убедительной типологии форм горшков до настоящего времени не разработано. Визуально исследователями выделяется 4 или 5 основных форм⁷⁸. Устойчивых различий в керамических наборах памятников различных территорий не наблюдается. Вероятно, это связано с индивидуальностью сосудов домашнего производства. Данное обстоятельство, позволило А.А. Узянову отметить определенные отличия не

⁷⁷ Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 22–24.

⁷⁸ Ляпушкин И.И. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница // МИА. М.; Л., 1958. № 62. С. 32–39. Рис. 18–23; Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье. С. 268–271; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С. 76–79; Сухобоков О.В. Роменская культура. С. 129.

только в материалах соседних памятников, но и в жилых комплексах в пределах одного поселения⁷⁹.

В целом формы лепных сосудов роменского типа можно считать общеславянскими. Наибольшее сходство отмечается с синхронной керамикой правобережья Днепра⁸⁰. Характерной особенностью является широкое распространение орнаментации поверхности сосудов. Орнамент наносился на край венчика, несколько реже на плечики горшков. На раннем этапе наиболее часто использовались различные пальцевые и ногтевые вдавления, защипы. Со второй половины IX в. широкое распространение получают орнаменты, полученные путем оттисков палочки, обмотанной веревочкой, — так называемый веревочный штамп. Комбинации таких оттисков позволяли получать весьма разнообразные, порой причудливые композиции⁸¹.

В X в. на памятниках роменского типа появляется достаточно качественная круговая древнерусская керамика. Ее содержание в комплексе того или иного поселения напрямую зависит от удаленности от территорий Руси⁸². Так, если в Подесенье в конце X — начале XI в. подобная керамика составляла более половины всего комплекса, то по мере удаления от центров производства процент ее значительно снижался. В земле вятичей находки фрагментов древнерусской посуды единичны. Исследования глин, применявшихся при изготовлении древнерусской керамики, показали, что она производилась в различных местах. Химический состав этих глин отличен от состава глины местных лепных сосудов. Эти наблюдения позволяют предположить, что древнерусская керамика на памятниках роменского типа являлась предметом импорта.

В районах, куда качественная древнерусская керамика поступала в ограниченном количестве, со второй половины X в. активизируется производство местной круговой посуды. По формам она зачастую копировала древнерусскую, но по составу теста, степени применения круга и обжигу была близка традиционной лепной. Такая керамика стала ведущей на памятниках вятичей вплоть до начала XII в.

Кроме славянской керамики в материалах памятников присутствуют салтовские круговые горшки и кувшины, причерноморские амфо-

⁷⁹ Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 122–135.

⁸⁰ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя середнього Подніпров'я. Київ, 1992. С. 100–102.

⁸¹ Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа. С. 122–135.

⁸² Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернівці, 1993. С. 76–81.

ры. Количество их столь мало, что данные находки можно отнести к категории импортов.

Особо следует отметить появление в IX в. в междуречье Оки и Дона, а также на верхнем Дону, круговых сосудов, продолжающих традиции волынцевской керамики. На Дону они в единичных экземплярах известны не только на славянских, но и на памятниках салтовской культуры (Саркел, Дмитриевский могильник). На некоторых поселениях бассейна р. Упы, в частности Торхово и Уткино, доля такой посуды более заметна. Можно предположить, что после исчезновения в Северной земле древностей волынцевского типа, часть их носителей переселилась на восток⁸³.

Даже краткий обзор материальной культуры населения, проживавшего к востоку от р. Днепр, позволяет значительно уточнить и расширить наши представления об истории региона. Можно предполагать, что славяне, пришедшие на Днепровское Левобережье вскоре, т. е. уже в середине VIII в., оказались под властью Хазарского каганата. Такая гипотеза была предложена М.И. Артамоновым еще в 1962 г.⁸⁴ Власть эта была достаточно прочной. Она осуществлялась при помощи какого-то из племен, несомненно, родственного носителям салтовской культуры. Администрация, в основе своей иноэтничная, располагалась в крупном укрепленном центре на восточной окраине заселенной славянами территории. Таким центром можно считать городище Битица. Подобная структура позволяет говорить о полном включении региона на данном этапе в состав Хазарского каганата.

Продвижение границы каганата непосредственно к Днепру позволило подчинить своему влиянию и небольшое объединение полян. Вероятно, это произошло одновременно или вскоре после включения в состав каганата Северной земли. Археологически данные события проявились в появлении на правобережье материалов волынцевского типа. Именно памятники, содержавшие волынцевские древности, позволяют достаточно точно определить границы полян этого периода⁸⁵.

Сложившееся положение сохранялось вплоть до начала IX в. В первой четверти столетия ситуация резко меняется. В это время гибнет Битицкое городище, исчезает волынцевский материал с памятни-

⁸³ Григорьев А.В. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавні Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 23–25.

⁸⁴ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 397–398.

⁸⁵ Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50; Григорьев А.В. Северская земля. С. 184–185. Рис. А.

ков полян и северян⁸⁶. Предположение о том, что хазарская администрация была уничтожена русами, высказанное А.В. Комаром⁸⁷, абсолютно неприемлемо. На сегодняшний день не известно ни одного дружинного («русского») памятника, расположенного сколько-нибудь близко от рассматриваемого региона и датирующегося началом IX в. В то же время для взятия такого крупного центра, как Битица, требовались немалые военные силы.

Причины разрушения стройной структуры власти следует искать в событиях, происходивших внутри самого каганата. После реформ Обадия и установления в качестве государственной религии иудаизма в каганате начинается смута⁸⁸. Результатом ее явились не только территориальные потери, но и общее ослабление центральной власти. Вероятно, находившиеся на далекой окраине славяне воспользовались ситуацией для того, чтобы понизить степень своей зависимости.

Изгнав иноплеменную верхушку, славяне, тем не менее, остались под властью хазар. Принципиально изменился характер зависимости. Если для раннего периода можно говорить о полном вхождении территорий в состав каганата, то начиная со второй четверти IX в. — лишь об их вассальной зависимости. Новый центр власти находился уже далеко за пределами славянских земель. В качестве такового можно рассматривать Саркел. Эта крепость была построена сразу после окончания смуты, и, вероятно, основной ее задачей был контроль над племенами — носителями салтовской культуры. Славянские территории, скорее всего, также ориентировались на этот центр. Поэтому неудивительно присутствие славянского элемента в населении крепости уже в начальный период ее существования⁸⁹.

Одновременно с ослаблением хазарского влияния, продолжался процесс славянской колонизации земель лежащих к востоку от р. Днепр. С рубежа VIII–IX и в начале IX в. славянские поселения появляются в земле вятичей, точнее в ее южной части, и в Подонье в земле радимичей⁹⁰. В это время заселяется Верхняя Ока вплоть до устья р. Угры, бассейн р. Упы, низовья р. Осетр. Вероятно, через Упу происходит проникновение славян на Дон. Столь масштабная колонизация не могла осуществляться за счет естественного прироста на-

⁸⁶ Щеглова О.А. Салтовские вещи. С. 81–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 33–34; Григорьев А.В. Северская земля. С. 21–22.

⁸⁷ Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. Київ, 2005. Т. IV. С. 136.

⁸⁸ Артамонов М.И. История хазар. С. 433–439.

⁸⁹ Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. М.; Л., 1959. № 75. С. 268.

⁹⁰ Григорьев А.В. Славянское население. С. 143–145.

селения Северской земли. Вероятно, в это время начинается вторая волна переселения славян из западных регионов. Помимо описанных ранее различий в материальной культуре указанных территорий и Северской земли, интересно отметить распространение в IX в. новых типов украшений. Так, к первой половине столетия относится появление ранних типов лучевых колец (серег) и лунниц.

Наиболее ранние лучевые подвески являлись прямым подражанием сергам, распространенным в провинциях Византии нижнего Подунавья. Трехрогие лунницы имеют прямые аналогии в древностях Моравии. О том, что процесс колонизации верховьев Оки и Дона по времени близок к гибели Битицкого городища и всей соответствующей ему структуры, говорит активное участие в переселении остатков носителей волынцевских древностей.

Для славянских территорий, лежащих к востоку от Днепра, IX в. может быть охарактеризован, как период спокойного и поступательного развития. В это время заметно возрастает количество поселений, увеличиваются их размеры, заметны положительные изменения в хозяйстве. Отношения с центральной властью каганата, вероятно, стабилизировались. Об этом говорят не только многочисленные импорты на славянских памятниках, но и то, что славянское население начинает проникать на территории, занятые памятниками салтовского типа. Следы такого проникновения отмечены на ряде памятников Северского Донца, исключительно славянское поселение изучено в низовьях Дона⁹¹. Наиболее показательным является наличие заметного количества славян в составе населения Саркела. На присутствие славянского населения в хазарских городах указывают и арабские источники⁹².

Славянская колонизация Подонья была выгодна каганату и, скорее всего, поддерживалась последним. Во-первых, таким образом увеличивалась податная база государства («щеляг от рала»), во-вторых — обеспечивался контроль и стабильность по всему Донскому торговому пути. Судя по датировкам многочисленных кладов, время возникновения этого пути относится к началу IX в.⁹³ Поскольку зависимость Северской земли и особенно вятичей и донских славян от Хазарского каганата была изначальной, можно предположить, что такое положение воспринималось населением как данность. Присутствие внешней

⁹¹ *Ляпушкин И.И.* Славянское поселение. С. 337–347.

⁹² *Калинина Т.М.* *Ал-хазар и ат-турк* в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // *Хазары. Евреи и славяне.* Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 108.

⁹³ *Григорьев А.В.* Славянское население. С. 146–152.

власти было неотъемлемой частью всей структуры управления указанными территориями.

Совершенно иная ситуация наблюдается в земле полян. Здесь к моменту подчинения каганату уже сложилась своя система власти. Земля воспринималась исконно своей. Местное население изначально отнеслось к хазарской власти враждебно, свидетельством чему является легенда о полянской дани мечами. Не имея сил к сопротивлению, поляне лишь ждали удобного момента. Поэтому появление русских дружин Аскольда было воспринято как освобождение. Каганат к этому времени уже не обладал достаточными силами для того, чтобы удерживать столь отдаленную территорию.

Таким образом, к концу IX в. хазары утратили позиции на правобережье Днепра, но значительно укрепили их на левом берегу (Рис. 1 Б). В результате роста славянских территорий в зоне влияния каганата оказалась вся Северская земля, земля вятичей и донских славян. Можно предположить, что на протяжении IX в. происходила колонизация земли радимичей. Летопись указывает на действия Олега против радимичей в конце столетия. Не исключено, что именно со стороны радимичей, по р. Сож, произошло проникновение роменских древностей в верховья Днепра, в частности в Гнездово.

Крайне неблагоприятная ситуация для славянских земель и каганата в целом сложилась в конце IX — начале X в. (Рис. 1 В). Печенежское вторжение привело к гибели целого ряда салтовских и славянских памятников⁹⁴. Коммуникации славянских территорий с хазарской метрополией было сильно затруднено. Со стороны Киева Олег нанес удар по Северской земле, в результате которого северяне лишился нижнего, черниговского течения р. Десна, вплоть до устья р. Снов⁹⁵. Продвижение Руси по Снови практически отрезало землю радимичей от всего массива славян Левобережья. В начале X в., вероятно со стороны верхней Волги, была проведена операция по ликвидации славянских опорных пунктов по р. Упе и р. Оке⁹⁶. В результате этого каганат потерял контроль над важным узлом донского торгового пути.

Несмотря на территориальные потери и появление нового центра силы — Руси — славянские земли каганата продолжали активно развиваться. На X в. приходится расцвет культур роменского круга. В это время значительно увеличивается количество поселений, осваивают-

⁹⁴ Григорьев А.В. Северская земля. С. 183–184.

⁹⁵ Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: тез. докл. Чернігів, 1993. С. 98–99.

⁹⁶ Григорьев А.В. Славянское население. С. 162–164.

ся различные ландшафтные зоны, развивается усадебная система застройки, появляются новые типы жилых построек, возникают первые славянские протогорода, такие как Полтава и Новгород-Северский.

Последние резко выделяются из всей совокупности памятников роменского типа. Так поселение, расположенное на территории современного города Полтавы (летописной Лтавы) находилось на южной границе Северной земли в отрыве от синхронных сельских поселений (ближайшее расположено более чем в 40 км). Возникшее еще в IX в., ко второй половине X в. оно значительно разрастается. Площадь его детинца может быть определена в 3 га. Площадь посадов, располагавшихся как на верхней террасе, так и на первой надпойменной, превышала 30 га. При средней площади двора ок. 300 кв. м, на этой территории должно было располагаться более одной тысячи дворов. Очевидно, что при такой концентрации населения пункт не мог существовать исключительно за счет местного сельскохозяйственного производства.

Новгород-Северский располагался на противоположной, северной окраине Северной земли. По своим характеристикам он был близок Полтаве: детинец имел площадь 3 га и посад — более 20 га. Кроме того при раскопках памятника была отмечена производственная зона — смолокурные ямы — и следы каменного строительства. В ряде построек конца X в. во вторичном использовании находилась плинфа с параметрами близкими к плинфе Десятинной церкви в Киеве.

Интересно отметить, что оба означенных пункта не переросли в древнерусские города. Они погибли в результате пожаров в первой половине XI в. Древнерусские города возникают на месте роменских через некоторое время после гибели последних и не имеют с ними какой-либо генетической связи. Древнерусский Новгород-Северский появляется около середины XI в., Лтава — не ранее конца столетия⁹⁷. Характерно, что возникшие на месте роменских поселений древнерусские города на начальном этапе своего существования значительно, в разы, уступали ранним поселениям по площади. К старым границам они приблизились лишь к середине XII в. Наличие городских черт можно предполагать еще на ряде роменских памятников имевших большие размеры и сложную структуру посадов.

Помимо необычайно крупных для своего времени памятников, в X в. появляются поселения, состоявшие всего из одного — двух дво-

⁹⁷ Григорьев О.В., Кулатова И.М. Нові матеріали археологічних досліджень давньоруської Лтави (За розкопками 1990 р.) // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999. С. 44–48.

ров. Обнаружить их крайне трудно, во-первых, из-за малых размеров, во-вторых, из-за труднодоступности мест нахождения. Как правило, эти памятники находились на небольших всхолмлениях в поймах рек. Окружающие заливные луга совершенно не пригодны для земледелия, но оптимальны для животноводства. Раскопки такого поселения у д. Тазово на р. Тускарь показали, что помимо скотоводства здесь занимались добычей болотной руды⁹⁸.

Таким образом, вычлняются две группы поселений, очень большие и крайне маленькие, которые не могли существовать как замкнутый самодостаточный организм. Сам факт наличия таких поселений указывает на существование той или иной формы внутреннего, межпоселенческого обмена. Трудно сказать, какую роль в нем играли восточные монеты. Однако следует отметить, что размер дани в пользу Хазарского каганата приводится в летописи в денежном выражении — «по щелягу от рала»⁹⁹. «Шэлэг», согласно Ибн ал-Асиру, — название дирхема у еврейских купцов, которое, вероятно, бытовало в пределах каганата, в том числе и на подчиненных ему славянских землях¹⁰⁰.

Арабские монеты — достаточно распространенная находка на памятниках роменского круга древностей. Монеты встречаются как отдельными экземплярами, так и в составе небольших кладов, 10–20 дирхемов. «Поселенческие» клады сильно отличаются от «транзитных». Вероятно, они представляют собой сбережения той или иной семьи. Их состав отражает структуру денежного обращения на момент формирования клада, но ни в коем случае не указывает на время выпадения комплекса в слой. Об этом красноречиво говорят «двусоставные» клады, в частности, Супрутский 1972 г.¹⁰¹ Часть его соответствует первому периоду обращения дирхема и, вероятно, сформировалась в первой половине IX в. Комплекс был пополнен в конце IX в. и выпал в слой во время гибели городища в начале X в.¹⁰²

К середине X столетия, вероятно, возникает собственная денежно-весовая система¹⁰³. Дирхемы обрезаются в кружок под определенную весовую норму. Появляются грубые подражания дирхемам. Они из-

⁹⁸ Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь. С. 26–28.

⁹⁹ ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 53.

¹⁰⁰ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 117.

¹⁰¹ Изюмова С.А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 206–210.

¹⁰² Григорьев А.В. Славянское население. С. 139. Рис. 58.

¹⁰³ Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Гос. Эрмитаж. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. Тез. докл. СПб, 1992. С. 27–29.

начально чеканились под размер и вес обрезанных, но имели сильно пониженное содержание серебра. Небольшая серия таких подражаний происходит из слоев Большого Горнальского городища¹⁰⁴. То обстоятельство, что на памятниках роменского типа — за исключением находившегося на торговом пути Супрутского поселения — полностью отсутствуют предметы торгового инвентаря, позволяет предположить, что дирхемы принимались на счет. В пользу этого говорит и появление в период «серебряного кризиса» в начале XI в. не только дирхемов разнообразного качества и времени чеканки, но и медных фельсов. Последние на востоке являлись монетами с «принудительным» курсом.

Во второй половине X в. появляются первые погребения, совершенные с элементами христианского обряда¹⁰⁵. Ингумации в ямах традиционно перекрываются курганной насыпью. По-прежнему присутствует и погребальный инвентарь. Новый тип погребений сосуществует с кремациями на стороне.

Отношения с каганатом, вероятно, также претерпевают некоторые изменения. Общее ослабление метрополии, невозможность напрямую вмешиваться в дела славянских земель, несомненно, способствовали усилению автономности этих областей. В то же время, угроза со стороны постоянно усиливающейся Руси заставляла славян левобережья сохранять контакты с каганатом. Баланс между двумя силами для них был различен. Относительно небольшое объединение радимичей находилось ближе других к территории Русской земли. Ко второй половине X в. оно было практически отрезано от основного славянского массива. Можно предположить, что и в политическом плане оно в большей мере зависело от Руси. Однако летописные известия позволяют утверждать, что даже после похода Владимира в 984 г. радимичи не были полностью инкорпорированы в русское государство: «и платять дань Руси и повозь везуть и до сего дне»¹⁰⁶.

Наиболее сложные отношения с каганатом и Русью были у Северной земли. С одной стороны, они, согласно Константину Багрянородному, являлись «пактиотами» Руси, с другой, по сведениям кагана Иосифа, платили дань хазарам. Вероятно, в этих сообщениях нет противоречия. Северяне могли выплачивать некоторые, скорее всего,

¹⁰⁴ Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 145–147.

¹⁰⁵ Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян. С. 86–87; Енукова О.Н. Поздне-роменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. Липецк, 1992. С. 191–192; Казаков А.Л. Радичевский курганный некрополь // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Тез. докл. Білопілля, 1994. С. 22–24.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 83–84.

символические суммы — летописную «дань легьку» — обоим государствам, сохраняя при этом максимальный уровень автономии. Прослеживаемые археологически границы между Северной и Русской землями, лишний раз подтверждают это предположение¹⁰⁷. Весьма показательны и полное отсутствие упоминаний Северной земли в русской летописи в период с 884 по 1024 г.

Вятичи вплоть до походов Святослава находились вне зоны влияния Руси. Их связь с каганатом была наиболее прочна. Вероятно, именно из земли вятичей в X в. продолжается активное проникновение славян на территорию хазар. Именно в этот период происходит увеличение славянского населения в Саркеле. Возможно, в это же время роменские материалы появляются в Тмутаракани¹⁰⁸.

Поход Святослава на Саркел поставил точку в истории политического влияния хазар на славянские земли. Однако традиции единства этих земель, сложившиеся под властью каганата в течение почти двух столетий, были необычайно сильны. Несмотря на усиление русского влияния, земли, лежащие к востоку от Днепра, еще долгое время сохраняли свою автономию. В конце X в. Владимир неоднократно совершал походы в земли вятичей и радимичей лишь для подтверждения выплат этих территорий в пользу Руси. При наделении городами Святославом и Владимиром своих сыновей, бывшие земли каганата не учитывались, т. е. князь не мог посадить туда своего наместника. Захватив Чернигов, Мстислав Владимирович практически восстанавливает каганат, изменив лишь его столицу. Участие северян в Лиственской битве 1024 г. в качестве самостоятельной вооруженной силы указывает на сохранение ими традиционного внутривосточного устройства. Отношение Руси к Северу хорошо иллюстрируют слова вложенные летописцем в уста Мстислава Владимировича. «Кто сему не рад се лежить северянинъ а се варягъ а своя дружина цела»¹⁰⁹.

Полное включение большей части славянских земель каганата в состав русского государства, вероятно, произошло после смерти Мстислава. Этот процесс ярко отразился в материалах позднероменских памятников — все они погибли в результате пожаров. Однако население этих регионов не было окончательно покорено. Значительная, если не бо́льшая, его часть ушла на северо-восток, в зону неподвластную Руси. Этот процесс хорошо виден по материалам археологии.

¹⁰⁷ Григорьев А. В. Северская земля. С. 202–204.

¹⁰⁸ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 16–20. Рис. 9.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 136.

Если в земле северян и южной части земли вятичей в XI в. наблюдается резкое, в разы, сокращение населения, то в бассейне средней Оки, Москвы, Протвы и Нары происходит столь же бурный его рост. Если в IX в. р. Упа являлась северной границей земли вятичей, то с начала XI в. она становится южным рубежом для большей части вятичского населения. Материальная культура мигрантов тесно связана с культурами роменского типа и является их прямым продолжением. На территориях, лежащих к северу от Оки, появляются северские гидронимы, в частности реки Северка и Десна. Вновь освоенная территория четко соответствует территории вятичей, определенной А.В. Арциховским по материалам курганов XI–XIII вв.¹¹⁰ (см. Рис. 1 Г).

Реакция славянского населения на экспансию со стороны Руси нашла свое отражение и в некоторых деталях материальной культуры. Так, полностью исчезают погребения с элементами христианского обряда. Подкурганые погребения с большим количеством инвентаря еще долго сохраняются в славянских землях. Долее всего, вплоть до XIII в., погребения по языческим традициям известны в земле вятичей. Ренессанс язычества, очевидно, был ответом на давление христианской Руси. При этом язычество становится агрессивным, на что указывает убийство проповедника Кукши с учеником вятичами еще в начале XIII в.¹¹¹

В конце X в. происходит возрождение моды на лучевые кольца. Причем из всего разнообразия украшений, характерного для начала столетия, сохраняются лишь два типа. Они приобретают несвойственную для ранних типов функцию — становятся племенными маркерами. В земле радимичей распространяются подвески, прототипом которых послужили простые кольца с пирамидками псевдозерни без каких либо дополнительных элементов орнаментации. В Северской земле получают развитие кольца, лучи которых имели гладкий бордюр и полуарки в основании. Подобные кольца известны и в земле вятичей. Но здесь в XI в. были наиболее популярны кольца так называемого деснинского типа, а с рубежа XI–XII вв. — лопастные. Кроме того, в Северской земле широкое распространение получают проволочные S-видные кольца, в раннее время неизвестные.

Подчинение поделенной между тремя княжествами земли вятичей началось лишь в конце XI в. В своем Поучении Владимир Всеволо-

¹¹⁰ Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

¹¹¹ Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 494; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1991. С. 142.

дович Мономах в качестве своего «труда» указывает, что «к Ростову идохь сквозе Вятиче». Позже, в конце 70-х гг. XI в., он же «в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и сна его и ко Корьдну ходихь». Подчинение вятичей проводилось не столь радикальными методами. Следы пожаров отмечены лишь на крупных укрепленных поселениях, типа Тимофеевского, впоследствии летописной Волконы¹¹². Рядовые сельские поселения продолжают свое существование вплоть до XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X в. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.

Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995.

Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М., 1972.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870.

Григорьев А.В. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава, 1989.

Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян VIII — начала XI в. // Питання археології Сумщини. Суми, 1990.

Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь // Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конф. Сумы, 1990.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Укрепления городища у с. Горбово // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Тез. докл. Чернігів, 1992.

Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: тез. докл. Чернігів, 1993.

¹¹²*Григорьев А.В., Шеков А.В.* Городище X–XI вв. С. 19–21.

- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Григорьев А.В.* О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавні Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Григорьев А.В.* Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005.
- Григорьев А.В.* О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. 2009. (Труды Гос. Эрмитажа. XLIX).
- Григорьев А.В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5.
- Григорьев А.В.* Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. Т. II.
- Григорьев А.В.* Весы и гирьки городища у с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2012. Т. II.
- Григорьев А.В., Шеков А.В.* Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Тез. докл конф. «Археология юго-востока Руси». Елец, 1998.
- Григорьев О.В., Кулатова І.М.* Нові матеріали археологічних досліджень давньоруської Лтави (За розкопками 1990 р.) // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого Великорусского языка. 1955. Т. I.
- Довженко В.И.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
- Енукова О.Н.* Позднероменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл конф. Липецк, 1992.
- Енукова О.Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007.
- Зайцев В.В.* О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Гос. Эрмитаж. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. Тез. докл. СПб, 1992.
- Изюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Исюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. I.

Казаков А.Л. Радичевский курганный некрополь // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Тез. докл. Білопілля, 1994.

Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.

Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.

Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. М., 2001. Вып. 212.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Київ, 2005. Т. IV.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989 (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Куник А.А., Розен В.Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Т. I.

Лев Диакон. История / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.

Ляпушкин И.И. Славянское поселение на территории хутора Ближня Мельница // МИА. М.-Л., 1958. № 62.

Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. XXIX–XXX. М., 1959.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА № 74).

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961 (МИА № 104).

Макаренко М.О. Городище Монастирище // Науковий збірник історичної секції УАН. Вип. XIX. Київ, 1925.

Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. (Социально-экономическое и этнокультурное развитие). Гомель, 2009.

Мокляк В.О. Меч із Посулля // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Тез. докл. Полтава, 1990.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж, 1981.

- Мурашева В.В.* Супрутский клад (Из раскопок 1969 г.). Труды ГИМ. М., 2008. Вып. 175.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрашенко В.А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя середнього Подніпров'я. Київ, 1992.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л., 1959.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Прошкин О.Л.* Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003. Вып. 4.
- Прошкин О.Л.* Чертово городище. Калуга, 2011.
- Пушкина Т.А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 16.
- Седов В.В.* Ранние курганы вятичей // КСИА. М., 1973. Вып. 135. Славяно-русские древности.
- Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1991.
- Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.
- Сухобоков О.В.* До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Київ, 1977. Вип. 21.
- Сухобоков О.В.* Новые исследования древнерусского Путивля // АО 1979 г. М., 1980.
- Сухобоков О.В.* Роменская культура // Этнокультурная карта территории СССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985.
- Сухобоков О.В.* Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.
- Сухобоков О.В.* Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992.
- Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981.

Узянов А.А. Переверзевское II городище // АО 1980 г. М., 1981.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

Узянов А.А. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО 1981 г. М., 1983.

Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. — 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: археология, история. Тула, 2009.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Hütte: Справочник для инженеров, техников и студентов. М.; Л., 1935. Т. II.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению материальной культуры славянских земель, лежащим к востоку от реки Днепр. К ним относятся земли северян, радимичей и вятичей, а также район Верхнего Подонья, также освоенный славянами. Согласно русским летописям, эти образования, а равно и поляне на правом берегу Днепра, изначально платили дань Хазарскому каганату. С X в. началась экспансия против славян «киевской» Руси. К середине XI в. изучаемые территории вошли в состав Древнерусского государства, а окончательное их интеграция произошла лишь к началу XII в. В статье сделана попытка комплексной реконструкции этнической и социально-политической истории данного макро-региона на основе методов исторической и процессуальной археологии.

Ключевые слова: восточные славяне, северяне, вятичи, радимичи, поляне, Хазарский каганат, Русь, историческая археология, этноисторические реконструкции.

ABSTRACT

The article presents a study of the historical fates of the Slavic population east of the Dnieper, the Severiane, Radimichi, Vyatichi and the Slavs of the Upper Don region based on the investigation of their material culture. According to the Russian chronicles and archaeological data, these “tribes”, as well as the Poliani on the right bank of the Dnieper, were subordinated to, and paid tribute to, the Khazar Khaganate. In the 10th century the expansion of the “Kievan” Rus to the Slavic lands started and its material traces are burned and destroyed fortified sites and prototowns as well as the migration of a part of the Slavic population to the north-east. By the mid-eleventh century the area in the interfluve of the Dnieper and Don populated by the Severiane and Radimichi became a part of the Old Russian state, though the final integration of the Vyatichi occurred only in the beginning of 12th century. The result of this study is a complex reconstruction of ethnic and socio-political history of the macro-region based on historical and procedural methods of archeology.

Key words: Eastern Slavs, Severiane, Radimichi, Vyatichi, Poliane, the Khazar Khaganate, Old Russian State, historical archeology, ethno-historical reconstruction.

А.В. Комар

ПОЛЯНЕ И СЕВЕРЯНЕ

Поляне и северяне долгие столетия составляли классическую оппозиционную пару в трудах, посвященных предыстории Руси. Противопоставление племен: культурное, этнографическое и политическое, историки реконструировали из кратких пассажей летописи, археологи же придавали ключевое значение фактору географическому — разделению Среднего Поднепровья на Право- и Левобережье.

Ситуация неожиданно изменилась во второй половине XX в. После выхода статьи Б.А. Рыбакова «Поляне и северяне»¹ Днепр перестал играть роль естественной границы между двумя племенными союзами, а в дальнейших работах археологов эта пара и вовсе начала приобретать все больше черт симбиотической.

Исследования XIX–XX вв. Первые наблюдения о различиях материальной культуры полян и северян принадлежат Д.Я. Самоквасову. Обратив внимание на сосредоточение в Подесенье и Посемье курганов с кострищами на древнем горизонте или урновыми кремациями, при преобладании ингумаций в ямах в Киеве, исследователь сделал вывод о принадлежности основной части кремационных погребений Подесенья северянам, включая самые богатые «княжеские» курганы Чернигова — Гульбище и Черную могилу².

Позже, по мере накопления нового материала, Д.Я. Самоквасов соотнес с северянами также подкурганые углубленные в материк ингумации в гробах с «короткоголовыми» черепами. Параллельно в бассейнах Сулы и Псла им были выявлены могильники «длинноголового» населения, с ингумациями на уровне древней поверхности в со-

¹Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // СЭ. 1947. № 6–7. С. 81–105.

²Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение в истории // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. Т. I. С. 185–224.

проведении металлических шейных гривен, спиральных колец, венчиков и очелей, не характерных для первой группы, — Горнальский, Глинский. По мнению исследователя, это население принадлежало к переселенцам, при помощи которых Рюриковичи с конца X в. заселяли пограничные города³.

На основании более широкого охвата погребальных памятников IX–XI вв. А.А. Спицин подтвердил наблюдение об относительно низком проценте курганов с кремациями на Киевщине, объединив ингумационные погребения полян в одну группу с волынянами, древлянами и дреговичами, тогда как преимущественно кремационные погребения северян вошли в одну группу с радимичами и вятичами⁴.

Из круга кремационных северянских Д.Я. Самоквасов никак особо не выделил могильники у с. Волокитино с лепными сосудами⁵. Аналогичная лепная посуда преобладала на исследованном в 1901, 1906 и 1924 гг. Н.Е. Макаренко городище Монастырище в г. Ромны, давшем название выделенной культуре — роменской. Исходя из небольшой доли гончарной посуды в комплексах, Н.Е. Макаренко склонялся к «стадиальной», преддревнерусской датировке культуры — VII–VIII вв., хотя допускал ее существование и в IX в., но ранее «славянского курганного периода»⁶.

Параллельно, в 1905 г. А.А. Спицин провел раскопки Большого Борщевского городища в Подонье, а в 1928–1929 гг. П.П. Ефименко исследовал Большое и Малое Борщевские городища, что позволило выделить родственную роменской «борщевскую» культуру вятичей Подонья⁷.

Очевидный архаизм лепного керамического комплекса роменских и борщевских памятников поначалу подвиг Б.А. Рыбакова отнести нижние слои городищ к «антскому» периоду VI–VII вв.⁸ Такая датировка встретила критику со стороны И.И. Ляпушкина, указавшего на наличие в борщевских жилищах монет и украшений X в., а в роменских комплексах — древнерусской гончарной посуды, на фоне карти-

³ Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 41–42, 69–70; *Он же*. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 236–237.

⁴ Спицын А.А. Расселение древнерусских племен // ЖМНП. 1899. № CCCXXIV. С. 301–340.

⁵ Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916. С. 69–71.

⁶ Макаренко Н. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК. 1907. Вып. 22. С. 55–68; *Он же*. Городище «Монастырище» // Зап. Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1925. Т. 19. С. 3–23.

⁷ Отчет Археологической комиссии за 1905 г. С. 82–83; Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. М., 1948 (МИА. № 8).

⁸ Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. Т. 1. С. 319–337.

ны полного отсутствия в них украшений горизонта «антских кладов», что не позволяло опускать нижнюю границу культур далее IX в.⁹

Из новых датировок следовало, что на Днепровском Левобережье IX–X вв. сосуществовали две различные культуры: одна принадлежала населению, использовавшему ремесленную древнерусскую гончарную посуду, а вторая все еще пребывала на стадии преобладания лепной. Эта нарушавшая принципы стадиального подхода картина для Б.А. Рыбакова послужила основанием новой гипотезы — о «культурном превосходстве» полян над северянами. Отталкиваясь от летописного тождества «поляне-русь», а также от явного несоответствия выделяемого полянам ареала на Правобережье Днепра «их исторической роли в образовании Древнерусского государства», Б.А. Рыбаков решительным образом соотнес ареалы древнерусских курганов X в. Черниговщины и Переяславщины с полянами, тогда как северянам выделил курганы бассейнов Сейма, Сулы, Псла с погребениями на горизонте со спиральными височными кольцами и городища с лепной керамикой¹⁰. С присоединением Чернигова, Любеча и Переяславля к полянской территории согласился и П.Н. Третьяков¹¹.

Развивая далее наблюдения Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицина, на основании анализа особенностей распространения погребального обряда по обряду ингумации, отождествление курганов Подесенья с ингумационными погребениями в ямах с «полянами-русью» поддержали Е.И. Тимофеев и И.П. Русанова, реконструировав «полянскую экспансию» и в других направлениях¹².

Независимо гипотезу Б.А. Рыбакова подтвердили и развили антропологи, анализ которых показал близость физического облика древнерусского населения округа Чернигова и Переяславля («поляне черниговские и переяславские») с правобережным населением Киевского Поднепровья («поляне киевские»), при различиях с «северянскими» сериями, близкими облику дреговичей, радимичей и кривичей¹³.

В.В. Седов согласился с Б.А. Рыбаковым, относя треугольник Любеч-Чернигов-Переяславль к ареалу союза полян, хотя и возразил

⁹ *Ляпушкин И.И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. 1947. Т. IX. С. 121–136.

¹⁰ *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне. С. 81–105; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1982.

¹¹ *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953. С. 250.

¹² *Тимофеев Е.И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 56–75; *Русанова И.П.* Курганы полян X–XII вв. М., 1966 (САИ. Вып. Е1–24).

¹³ *Трофимова Т.А.* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья // СЭ. 1946. № 1. С. 91–136. *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

тезису И.П. Русановой о жесткой взаимосвязи распространения обряда ингумации в ямах именно с полянским расселением¹⁴.

П.П. Толочко также связал распространение общих погребальных традиций на Правобережье и Левобережье Днепра с процессами политической и экономической интеграции Древнерусского государства, вызвавшими формирование единой древнерусской культуры, но не поддержал при этом гипотезу о полянской колонизации Нижнего Подесенья, считая Чернигов центром западных северян¹⁵.

В рамках стадийного подхода все могильники IX–X вв. Днепро-вского Левобережья были объединены А.П. Моцей в общее культурное пространство, где с разной скоростью, но все же действовали одни и те же тенденции эволюции древнерусского погребального обряда от кремации до ингумации в яме¹⁶.

Разные темпы эволюции культуры западной и восточной части роменского ареала О.В. Сухобоков объяснял различиями в темпах «огосударствления» племенных территорий, в результате чего одна часть северянского союза (зоны Чернигов-Любеч) оказалась вовлеченной в сферу влияния Руси уже в конце IX в. при Олеге, тогда как включение второй происходило поэтапно в X в., вплоть до восточных походов Святослава Игоревича¹⁷. А.К. Зайцев видел этот процесс более стремительным, относя подчинение восточной части ареала роменцев Руси к концу IX в., тогда как для западной (Подесенья) предполагал их вхождение в зону «Русской земли» уже в середине IX в.¹⁸

Линии ранней инкорпорации северян Подесенья в Древнерусское государство придерживается и Ф.А. Андросчук, обративший внимание в том числе на наличие лепной роменской посуды в древнейших слоях Киевского Подола конца IX в. и синхронной землянки на склонах Строкиевской горы¹⁹.

А.Л. Казаков, развивая идеи Д.Я. Самоквасова, рассматривает генезис древнерусских городов Подесенья через модель развития северянских родо-племенных центров, полагая, что у северян самостоятельно

¹⁴ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

¹⁵ Толочко П.П. Киев и Чернигов в IX–XIII вв. // Чернигов и его округа. Киев, 1988. С. 15–16; *Он же*. Київська Русь. Київ, 1996. С. 241–244.

¹⁶ Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев, 1987; Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990; *Он же*. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993.

¹⁷ Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ, 1992.

¹⁸ Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII веков. М., 2009. С. 47–52.

¹⁹ Андросчук Ф.О. Нормани і слов'яни в Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.

уже в конце IX в. распространяется гончарный круг и налаживается производство гончарной посуды древнерусского облика. В числе «северянских градов» исследователь называет Чернигов, Сновск, Любеч, Новгород-Северский, а также крупный роменско-древнерусский комплекс у с. Радичев²⁰.

Альтернативная концепция катастрофического финала роменской культуры и полного истребления и вытеснения северян русами в конце X или в первой половине XI в. наиболее полно сформулирована А.В. Григорьевым, связывающим распространение на Днепровском Левобережье ингумаций в ямах и на горизонте с расселением новых древнерусских мигрантов²¹.

Рассмотренная линия историографии взаимоотношений культуры северян и древнерусской в IX–XI вв. касается полянской проблемы исключительно через летописное тождество «поляне-русь». Другая историографическая линия также восходит к хрестоматийному летописному тезису, но возникла она в недрах дискуссии о происхождении и ранних этапах культуры северян.

Следуя в русле летописной версии о расселении славян на восток от Дуная, И.И. Ляпушкин отрицал какую-либо генетическую связь роменской культуры Днепровского Левобережья с местными памятниками предшествующего хронологического этапа (которых, по его мнению, попросту не было). Согласно И.И. Ляпушкину, славянское население региона было пришлым, а исходный регион миграции исследователь помещал на Днепровском Правобережье, объединяя роменские памятники единым происхождением с культурой Луки-Райковецкой²².

Другой вариант направления миграции предложен П.Н. Третьяковым, отводившем ключевую роль происхождению орнаментации роменской посуды гребенчатым штампом, которую исследователь связывал с населением западной части бассейна Верхней Оки²³.

Неуклонно пополняющаяся база археологических источников внесла в дискуссию свои коррективы. В 1948–1949 гг. Д.Т. Березовец исследовал могильник и селище у с. Волынцево, содержащие гончар-

²⁰ *Казаков А.Л.* Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 109–115.

²¹ *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

²² *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // МИА. 1968. № 152.

²³ *Третьяков П.Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4. С. 78–90.

ные сосуды с вертикальным венчиком, встреченные ранее Н.Е. Макаренко в 1906 г. при раскопках могильника у с. Малые Будки, а также лепные горшки роменского облика, но без характерной орнаментации гребенчатым штампом. А в 1949 г. у с. Харьевка в горшке волынцевской формы был обнаружен и богатый клад ювелирных изделий²⁴. Сопоставив украшения Харьевского клада и Волынцевского могильника с находками из Пастырского городища и Фотовижского клада, Д.Т. Березовец датировал выделенный им «волынцевский» тип памятников VII–VIII вв. Волынцевские и роменские памятники рассматривались как два последовательные хронологические этапа (VII–VIII и IX–X вв. соответственно) развития материальной культуры северян, сформировавшейся на местной славянской подоснове²⁵.

Концепция Д.Т. Березовца вызвала резкое неприятие у И.И. Ляпушкина. В 1948 и 1953 гг. исследователь произвел раскопки еще одного волынцевского памятника — Битицкого городища; в 1952–1954 гг. — раннероменского Новотроицкого городища, а в 1940 и 1957 гг. — Опошнянского городища, сочетающего элементы обоих типов²⁶. Как и волынцевские комплексы, Опошнянское и Новотроицкое городища включали отдельные предметы салтовского круга, но не содержали древнерусской гончарной керамики, что справедливо было расценено И.И. Ляпушкиным как хронологический признак. В то же время, датируя Битицкое городище VIII–IX вв., а Опошнянское — VIII в., исследователь пришел к выводу о синхронности волынцевских и роменских памятников, предположив, что речь идет о двух различных группах славян, входящих в северянский племенной союз. Для аргументации своего предположения И.И. Ляпушкин обратился к наблюдению Д.Я. Самоквасова о двух группах курганов X в., заключив, что племенная разнородность населения Днепровского Правобережья сохранилась и позже.

Полагая, что лесостепь Среднего Поднепровья в VI–VII вв. была заселена полуседлыми кочевниками-кутригурами, центром которых выступало Пастырское городище с сероглиняной гончарной посудой,

²⁴ *Березовець Д.Т.* Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. 3. С. 242–250; *Он же.* Харівський скарб // Археологія. 1952. Т. VI. С. 109–119.

²⁵ *Березовець Д.Т.* До питання про літописних сіверян // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 28–44; *Он же.* Северяне (перед образованием Киевской Руси). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.

²⁶ *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. 1958 (МИА. № 74); *Он же.* К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 58–83; *Он же.* Днепровское Лесостепное левобережье в эпоху железа. 1961 (МИА. № 104).

напоминавшей салтовскую, М.И. Артамонов отнес к кругу кочевнических и волынцевскую культуру, также опираясь на присутствие в ее керамическом комплексе все той же сероглиняной лощенной гончарной посуды «пастырской культуры»²⁷.

Скепсис И.И. Ляпушкина относительно наличия на Левобережье Днепра славянского населения в VI–VII вв. не подтвердился после выделения в регионе памятников колочинской и пеньковской культур²⁸. Колочинские и пеньковские памятники надежно заполнили «хиатус» между горизонтами римского времени и волынцевской культуры, но вызвали закономерную дискуссию о времени появления последней.

О.В. Сухобоков и С.П. Юренко относили процессы трансформации колочинской и пеньковской культур на Днепровском Левобережье в волынцевскую, вслед за Д.Т. Березовцом, ко второй половине VII в.²⁹ Е.А. Горюнов проводил границу в начале VIII в., обращая внимание на катастрофический финал славянских культур Левобережья, иллюстрируемый массовым выпадением «антских» кладов и появлением в лесостепи ярких кочевнических комплексов из Малой Перещепины, Зачепилки, Макуховки, Мачех. Эти события, отражали хазарское завоевание и вызвали подвижку пеньковского населения на север, в колочинский ареал, с обратным заселением лесостепи Левобережья после оттока кочевников³⁰.

Ввести волынцевскую культуру в контекст полянской проблемы заставило открытие в 1969 г. под Киевом поселения Ходосовка (ур. Ко-закив Яр)³¹. Параллельно, в 1969–1985 гг. исследовалось поселение Обухов II, верхний горизонт которого также принадлежал волынцев-

²⁷ Артамонов М.И. Тюрко-болгары и славяне в Западном Причерноморье // Славяните и средиземноморският свят VI–IX век. София, 1973. С. 267–270; *Он же*. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 276–279.

²⁸ Горюнов Е.А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в VI — начале VIII в. // СА. 1973. № 4. С. 99–112; *Он же*. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

²⁹ Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С. 83–85; Сухобоков О.В., Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 116–125; Юренко С.П. Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 124–135; *Он же*. Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983; Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя.

³⁰ Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 3–10; *Он же*. Ранние этапы истории славян. С. 71–92.

³¹ Орлов Р.С. Розвідка ранньослов'янських пам'яток поблизу Києва // Археологія. 1972. Вип. 5. С. 96–106; Сухобоков О.В. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. 1977. Вип. 21. С. 50–66.

ской культуре³². Открытие узкой полосы поселений волынцевской культуры на Правобережном Поднепровье, в зоне «непререкаемой» локализации полян, автоматически подняло вопрос об их соотношении с северянами.

На основании статистического анализа керамического материала из комплексов VIII–IX вв. Правобережного Приднепровья В.О. Петрашенко отметила высокий коэффициент схожести волынцевских сосудов региона с керамическими комплексами Поросского поселения Сахновка, а также левобережного Волынцевского поселения, предложив объединяющий термин «памятники типа Сахновки-Волынцево». Поскольку Сахновка рассматривалась как памятник раннего этапа культуры Луки-Райковецкой (конец VII – начало VIII в.), сформировавшейся на базе пражской культуры, а на поселении Обухов II волынцевский горизонт подстилался пражским, исследователь вновь обратилась к гипотезе И.И. Ляпушкина о достаточно поздней миграции славян с правого берега на левый, а также о синхронности волынцевских и роменских памятников, отождествив их с полянами и северянами соответственно. В качестве еще одного опорного аргумента было использовано наблюдение о наличии памятников волынцевской культуры в Нижнем Подесенье и на Переяславщине, в то время как роменские памятники исследователь здесь не знала, что, по мнению В.О. Петрашенко, свидетельствовало о прямом перерастании волынцевской культуры в древнерусскую и о тождестве «поляне-русь»³³.

В целостном виде эта гипотеза так и не нашла отклика, но ее отдельные положения были взяты на вооружение новой волной «реанимации» летописной версии о дунайской прародине славян Днепровского Левобережья.

О.А. Щеглова также обратила особое внимание на Поросское поселение у с. Сахновка, подтвердив выводы В.А. Петрашенко о близости его культурного комплекса волынцевским памятникам Поднепровья и, вопреки мнению О.М. Приходнюка, заметном отличии от пеньковской культуры региона. Но при этом априори была принята

³²Кравченко Н.М. Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 74–92.

³³Петрашенко В.О. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII–X вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1982; *Она же*. Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї (за матеріалами Ходосівського поселення) // Археологія. 1989. № 2. С. 32–44; *Она же*. Волинцевська культура на Правобережному Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 47–50; *Она же*. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992; *Она же*. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 181–87; *Она же*. Літописні поляни — міф чи реальність // Археологія. 1998. № 2. С. 53–62.

археомагнитная дата поселения (конец VII — начало VIII в.) и атрибуция памятника О.М. Приходнюком как раннего этапа культуры Луки-Райковецкой в Поросье. Такая сложная комбинация сделала Сахновку наиболее ранним памятником с волынцевскими чертами, позволив предположить, что «сахновский» тип сформировался параллельно культуре Луки-Райковецкой на базе пражской культуры Правобережья Днепра, после чего был перенесен на Левобережье, где носители «типа Сахновки» вступили в контакт с пеньковским и колочинским населением, образовав волынцевскую культуру³⁴. Опираясь на тот факт, что именно с ареалом волынцевской культуры в славянских землях связаны находки предметов салтовского культурного круга, исследователь отождествила его с зоной проживания хазарских данников — полян и северян³⁵.

Гораздо радикальнее осмыслили «переселение носителей типа Сахновки» на Левобережье И.А. Гавритухин и А.М. Обломский, связав массовое выпадение «антских» кладов второй половины VII в. и прекращение существования пеньковской и колочинской культур не с документированным летописью вторжением кочевников-хазар, а с «неизвестными днепровскими войнами», инициированными агрессивными славянами — переселенцами с Правобережья³⁶.

А.В. Григорьев отождествил гипотетических мигрантов со славянским племенем Подунавья «северами», предположив, что какая-то часть этого «союза семи племен» мигрировала на восток после завоевания Болгарии Аспарухом (680 г.). Исследователь предложил также оригинальную трактовку соотношения волынцевской и роменской культур, считая первую всего лишь «пластом инородных древностей», продукцией иноэтничных ремесленников, проживавших в среде населения роменской культуры, или же «импортом» в роменских комплексах раннего этапа³⁷. При этом крайне непоследовательное и проти-

³⁴ Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 15–23; Она же. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII — первой половины VIII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987; Обломский А.М., Щеглова О.А. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 130–133.

³⁵ Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77–83.

³⁶ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 144–148; Они же. Гапоновский клад и малоизвестные события ранне-средневековой истории Поднепровья // АО 1991–2004 гг.: Европейская Россия. М., 2009. С. 308–319.

³⁷ Григорьев А.В. Северская земля. С. 13–23, 146–183.

воречивое использование исследователем термина «волынцевский», «волынцоидный» и т. п. внесло немалую путаницу в терминологию последователей А.В. Григорьева, так и не определившегося с количеством и локализацией «инородных» центров, поставлявших северянам гончарную посуду и другую ремесленную продукцию, а также с принципом «сортировки» элементов закрытых комплексов на «роменские» и «волынцевские».

Еще более усложнил ситуацию В.В. Седов, согласившись с версией о связи появления «дунайских» типов украшений на Левобережье с миграцией славянского населения из Подунавья, но предложив совершенно иной вектор миграции носителей керамических традиций волынцевской культуры, связав их происхождение с переселением населения именьковской культуры Среднего Поволжья. Сам волынцевский ареал при этом был отождествлен исследователем с «Русским каганатом» IX в., а носители культуры, соответственно, с «руссами» письменных источников³⁸.

Версию В.В. Седова в части связи происхождения волынцевского населения с именьковской культурой поддержал О.М. Приходнюк, предполагавший, что пеньковские и волынцевские памятники некоторое время сосуществовали параллельно на Днепровском Левобережье во второй половине VII в., а, следовательно, не могут быть генетически связанными. Салтовские эменты в волынцевской культуре исследователь при этом, развивая предположение М.И. Артамонова, соотнес с кочевниками-савирами, передавшими название ассимилировавшим их славянам в форме «север»³⁹.

С развернутой критикой новых гипотез выступили в серии работ О.В. Сухобоков и С.П. Юренко, указав в том числе на очевидные методические проблемы сравнения культур всего по одному-двум признакам или возведения генезиса культуры с большим ареалом к типу, состоящему всего из одного памятника⁴⁰. Гипотезы о кочевнических

³⁸ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995; *Он же*. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4. С. 3–14; *Он же*. Древнерусская народность. М., 1999; *Он же*. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

³⁹ Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001. С. 112–113.

⁴⁰ Сухобоков О.В. Деякі питання етнокультурної історії Лівобережної України останньої третини I — початку II тис. н. е. // Археологічний літопис Лівобережної України. 1998. № 12. С. 59–65; *Он же*. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних северян // Археологія. 1999. № 2. С. 25–40; Сухобоков О.В., Юренко С.П. До вивчення волинцевських пам'яток // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I — початку II тисячоліття). Суми, 2003. С. 22–47 и др.

истоках Пастырского городища и волынцевской культуры критически разобраны автором⁴¹.

Диапазон разномыслия, наблюдаемый в трудах, посвященных волынцевской и роменской проблематике, несомненно, поражает воображение неподготовленного читателя. Так кем же были «волынцевцы»: полянами, северянами, кочевниками или русами? Автохтонного, «правобережного», «дунайского» или «поволжского» происхождения? Перерастает волынцевская культура в древнерусскую или роменскую, или же не имеет отношения ни к одной из них? Дискуссионны культурные атрибуты памятников и их хронология, происхождение, племенная принадлежность населения и его исторические судьбы, уровень социально-экономического и политического развития, его взаимоотношения с Русью, Хазарией и т. д.

Парадокс, но эту ситуацию вряд ли можно признать связанной с объективной сложностью самого археологического материала, выдвигая на первый план методико-процессуальные и концептуальные особенности каждого из исследований. Спорные моменты чаще всего возникают при использовании «широких датировок», позволяющих позиционировать памятник или событие в удобной для концепции автора точке хронологического диапазона; при подмене хронологии комплексов эволюционно-типологическими рядами; искусственном нарушении целостности комплекса (археологического или культурного) путем изъятия из его состава «нехарактерных», по мнению авторов, элементов.

Ограничивает возможность для подобных маневров лишь комплексная публикация ключевых памятников, из которых, к сожалению, полностью изданными остаются только Новотроицкое и Опошнянское городища, тогда как эталонные памятники волынцевского и позднероменского этапов введены в научный оборот лишь фрагментарно, и поэтому знакомы крайне ограниченному кругу исследователей.

И все же, за последние десятилетия, по крайней мере, в одной из проблем — хронологии волынцевской и роменской культур, произошли важные позитивные сдвиги. О.А. Щеглова разделила славянские «антские» клады VII–VIII вв. по составу на две группы, в которых Харьковский клад занял позицию позднейшего клада второй груп-

⁴¹ *Комар А.В.* Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2004. Ч. III–IV. С. 87–91; *Он же.* Что такое «пастырская культура» // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 2007. Т. 4–1. С. 35–52.

пы первой половины VIII в.⁴² Далее это наблюдение было развито И.О. Гавритухиным и О.А. Щегловой, предложившими даты Харьевского и Фотовижского кладов в рамках второй и третьей четвертей VIII в. соответственно; поясной набор из Фотовижского клада при этом был соотношен не с позднеаварским, а с раннесалтовским кругом древностей⁴³.

Значение салтовских предметов как хронологических индикаторов для волынцевской культуры специально подчеркивалось О.А. Щегловой⁴⁴, но полноценное соотношение славянской и салтовских хронологических шкал с подтверждением абсолютных дат Харьевского и Фотовижского кладов удалось сделать только после выделения раннесалтовского горизонта, хорошо обеспеченного монетными находками⁴⁵. Салтовская шкала позволяет также датировать финал Битицкого и Опошнянского городищ, а выделение древневенгерских памятников типа Субботцев — позиционировать при помощи закрытых кочевнических комплексов также синхронные находки из раннероменских Новотроицкого городища и городища Кудеярова Гора⁴⁶.

Для хронологии позднероменского этапа новые материалы были получены раскопками поселений Горбово, Монастырище, Донецкое, Водяное, посада Лтавы⁴⁷ и др. Эти памятники дают в целом однород-

⁴² Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования Днепровского Левобережья*. Курск, 1990. С. 162–204.

⁴³ Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 133–136.

⁴⁴ Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа. С. 77–83.

⁴⁵ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. Киев, 1999. № 2. С. 111–136; *Он же*. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)*. Самара, 2001. Т. 2. С. 103–117; *Он же*. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. Самара, 2010. С. 169–206; Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // *Stratum plus*. 2011. № 5. С. 143–164.

⁴⁶ Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* Київ, 2004. С. 159–173; Комар А.В. Древние мадьяры Етелькёза: перспективы исследований // *Археологія і давня історія України*. Київ, 2011. Вип. 7. Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. С. 21–78.

⁴⁷ Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI в.; Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище «Монастырище»; Шрамко Б.А., Скирда В.В. Рождение Харькова. Харьков. 2004; Колода В.В., Колода Т.А. Керамика раннеславянского городища Водяное на Харьковщине // *Stratum plus*. 2005–2009. № 5. С. 249–264; Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Приймак В.В. Пізньороменські комплекси з посаду літописної Лтави (за розкопками 1997–1998 рр.) // *Археологічний літопис Лівобережної України*. 2001. № 1. С. 52–76; *Они же*. Дослідження посаду літописної Лтави: Миколаївська гірка. Київ, Полтава, 2008; *Они же*. Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора. Київ; Полтава, 2009. Ч. 1–2; Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Пізньо-

ный набор признаков, выразительно свидетельствующих о включении роменцев X в. в орбиту влияния уже не салтовской, а древнерусской культуры.

Жесткая хронологизация археологических «событий» позволяет представить картину развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья VIII–X вв. в объективной динамике, обозначить абсолютные реперы ключевых культурных изменений с возможностью выхода на сетку событий исторических.

Волынцевская культура. В настоящее время зарегистрировано более 60 памятников волынцевской культуры, правда, только на трети из них производились стационарные раскопки, позволяющие уверенно говорить о наличии комплексов именно этого хронологического горизонта.

На Левобережье Днепра волынцевские поселения обычно перекрывают поселения пеньковской и колочинской культур; на Правобережье — пражской (Обухов II, Киев) и колочинской (Ходосовка-Диброва). У всех трех культур разная подоснова, и ни одна из них на позднем этапе не демонстрирует зарождения всего комплекса наиболее характерных признаков волынцевской культуры (подквадратные полуземлянки с «кубовидными» материковыми печами с вальковатыми сводами, лощенные лепные сосуды с вертикальным венчиком и грубые «мисковидные» сосуды, орнаментацию кухонной посуды щипцами по венчику; бескурганные кремации в урнах с сосудами-приставками и др.) в комбинации, достаточной для аргументации эволюционного пути появления волынцевской культуры.

В то же время, в гипотезах о привнесенном характере культуры из Подунавья (А.В. Григорьев) или Поволжья (В.В. Седов) о комплексном характере сходства не идет даже и речи, а различия исчисляются, без преувеличения, десятками важных признаков.

К сожалению, обряд кремации не позволяет антропологам судить о физическом типе носителей волынцевской культуры, но показания измерений материалов ингумационных погребений северян Днепровского Левобережья X–XII вв. уверенно констатируют общность антропологического типа населения с радимичами и дреговичами, частью кривичей, при заметных различиях с населением Правобережной Украины ареала культуры Луки-Райковецкой (древляне, волы-

роменське житло на посаді літописної Лтави // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. II. С. 122–131.

няне, уличи, тиверцы)⁴⁸. В то время как радимичи в X в. были носителями варианта роменской культуры, родственность северян дреговичам и кривичам объясняется только участием в их формировании общего физического субстрата, которым в нашем случае может выступать лишь население колочинской культуры.

Как уже неоднократно подчеркивалось исследователями, ареал волынцевской культуры точно совпадает с ареалом «антских» кладов 1-й и 2-й групп, а также частично пересекается с ареалом кочевнических погребений последней трети VII — первой трети VIII в. лесостепи⁴⁹ (Рис. 5), располагающихся в зоне расселения летописных данников хазар — северян и полян. В русле предположения Е.А. Горюнова, появление волынцевской культуры на месте трех различных славянских культурных групп следует связывать не с эволюцией какой-либо из указанных культур, а с серьезными подвижками на север пеньковского населения под давлением хазар, с обратным занятием оставленных территорий смешанным славянским населением после оттока кочевников из лесостепи⁵⁰. Именно такая стратиграфическая последовательность (пеньковское поселение — кочевнический могильник — волынцевское поселение) зафиксирована на памятнике Рябовка II в бассейне р. Ворсклы⁵¹.

С волынцевскими памятниками связаны три горизонта кладов, позволяющие выделить три последовательных хронологических этапа развития культуры.

Харьевский горизонт (вторая четверть VIII в.) характеризуется продолжением византийских традиций ювелирных украшений «антских» кладов 2-й группы: пластинчатые фибулы, паянные звездчатые подвески и серьги с шаровидной подвеской, полые граненые браслеты, гривны и венчики с короткими замками⁵².

⁴⁸ *Алексеева Т.И.* Антропологическая характеристика восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 160–169. *Ефимова С.Г.* Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы // Там же. С. 185–204; *Рудич Т.О.* До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України давньоруської доби (за матеріалами з могильника на околиці м. Переяслава-Хмельницького) // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 96–103; *Она же.* Населення Лівобережної України давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. 2009. № 4. С. 16–25.

⁴⁹ *Гаврилухін І.О., Обломський А.М.* Гапоновський клад. Рис. 1, 106; *Комар А.В.* Перещепинський комплекс в контексті основних проблем історії і культури кочевників Восточної Європи VII — початку VIII в. // Степи Європи в епоху середньовіччя. Донецьк, 2006. Т. 5. Рис. 1.

⁵⁰ *Горюнов Е.А.* Ранні етапи історії славян. С. 86–92.

⁵¹ *Обломський А.М. Тертиловський Р.В.* Славянське поселення і кочевницький могильник V–VIII вв. на Ворсклі // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. С. 5–16.

⁵² *Приходнюк О.М., Хардаєв В.М.* Харивський клад // *Archaeoslavica*. 1998. Т. 3. S. 243–278.

В отличие от горизонта Пастырского городища, комплекс украшений Харьевского клада не является «славяно-дунайским». Часть украшений (серьги и подвески головного убора) здесь представлены собственно византийскими типами без какого-либо специфически дунайского посредничества, вторая (браслеты, фибулы, гривны) — развивает типы, уже используемые ранее населением Среднего Поднепровья на этапе горизонта Пастырского городища.

Период формирования Харьевского клада предшествует появлению носителей салтовской культуры в Подонье, соответствуя горизонту Галиат-Геленовка (725–740 гг.)⁵³. На этом этапе у славян Левобережья предполагается сохранение отдельных «архаичных» форм сосудов колочинской и пеньковской культур, но под вопросом появление гончарной посуды, во всяком случае, характерных волынцевских форм.

Вероятность использования гончарной посуды в досалтовский период позволяют предполагать поселения Подесенья Роище и Александровка, демонстрирующие сформированный тип волынцевского жилища, но еще крайне низкий процент характерной орнаментации щипцами по венчику, а также наличие в комплексах округлых гончарных сосудов с лощением, близких по форме не волынцевским, а гончарным сосудам Пастырского городища⁵⁴. Подобного материала для сравнения в настоящий момент, разумеется, мало, но не исключено, что часть ремесленников Пастырского после разгрома городища уцелела и мигрировала на северо-восток.

Истоки самого волынцевского жилища демонстрируют такие памятники как Хитцы II. Заключительный горизонт пеньковского поселения здесь представлен жилищами I, X, XII, с печами в виде материковых останцов с глинобитными вальковыми сводами, но облик их керамического комплекса продолжает пеньковские традиции. Наиболее продвинуто в сторону волынцевских форм набор посуды из жилища XII Хитцов II, который еще содержит пеньковские биконические и тюльпановидные формы, а также фрагменты с наклепными валиками

⁵³ *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы. С. 121–123, 131–33; *Он же.* К дискуссии о хронологии. С. 179–195.

⁵⁴ *Тертиловский Р.В.* Поселение I тыс. н.э. у с. Роище на Черниговщине // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М., 1990. Рис. 7, 6; *Тертиловский Р.В., Шекун О.В.* Олександрівка I — багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996. С. 40–41; *Они же.* Нові дослідження ранньослов'янського поселення Олександрівка I // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 233–236; Рис. 11, 11; 12, 2; *Тертиловський Р.В.* Старожитності другої — третьої чверті тис. н.е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 42–46; Рис. 3. *Приходнюк О.М.* Пастырське городище. Київ; Чернівці, 2005. Рис. 85–93.

под венчиком, но в сочетании с новыми типами широкогорлых горшков с округлыми плечиками, декорированных насечками и пальцевыми вдавлениями по венчику⁵⁵. Синхронные верхнему горизонту Хитцов комплексы известны на Северском Донце — жилища 8, 9 Сухой Гомольши, жилище I Соколово, но с глинобитными печами с применением камня или же печами-каменками⁵⁶.

На Правобережье близкий по облику посуды комплекс — жилище 3 из Будища, включавшее фрагменты сосудов с декором насечками по венчику и валиком, вместе с канцирским гончарным кувшином⁵⁷. Еще один синхронный памятник, сочетающий позднепеньковские полужемлянки с печами-каменками, отдельные сосуды с декором насечками и зашипами по венчику с гончарной посудой пастырского и канцирского производства — поселение Стецовка⁵⁸.

Продукция аланского Канцирского гончарного центра представлена в хорошо датированных кочевнических погребениях перешепинской культуры горизонтов Келегеев и Вознесенки периода 669–725 гг.⁵⁹ Этот период, как и в целом синхронный славянский горизонт Пастырского, предшествует горизонту Галиат-Геленовка (725–740 гг.), на время которого приходится выпадение Харьевского клада.

Приходится констатировать, что на Левобережье горизонт Хитцов (последняя четверть VII — первая четверть VIII в.) предшествует горизонту Харьевки и все же должен рассматриваться как переходной этап от позднепеньковских к волынцевским древностям. Финал этого этапа для бассейна Северского Донца маркирует Зайцевский клад горизонта Пастырского (группа 2 по О.А. Щегловой)⁶⁰. Находки украшений горизонта из Ясиноватой⁶¹ происходят даже с крайней юго-восточной

⁵⁵ Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян. С. 120–123; Рис. 37; 48; 50.

⁵⁶ Любичев М.В. Памятники типа Саховки на Северском Донце // Вісн. Харківського ун-ту. 2002. № 566: Історія. Вип. 34. С. 13–20; Рис. 4–7.

⁵⁷ Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Ранне-славянский мир: материалы и исследования. М., 1990. С. 87–88; Рис. 7.

⁵⁸ Петров В.П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // МИА. 1963. № 108. С. 209–233.

⁵⁹ Комар А.В. Перешепинский комплекс. С. 124–126, 133.

⁶⁰ Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов». Рис. 11; Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. Рис. 8 (в таблице ошибочно приведена пальчатая фибула из Березовки).

⁶¹ Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VIII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 94–95; Рис. 1, 10, 11.

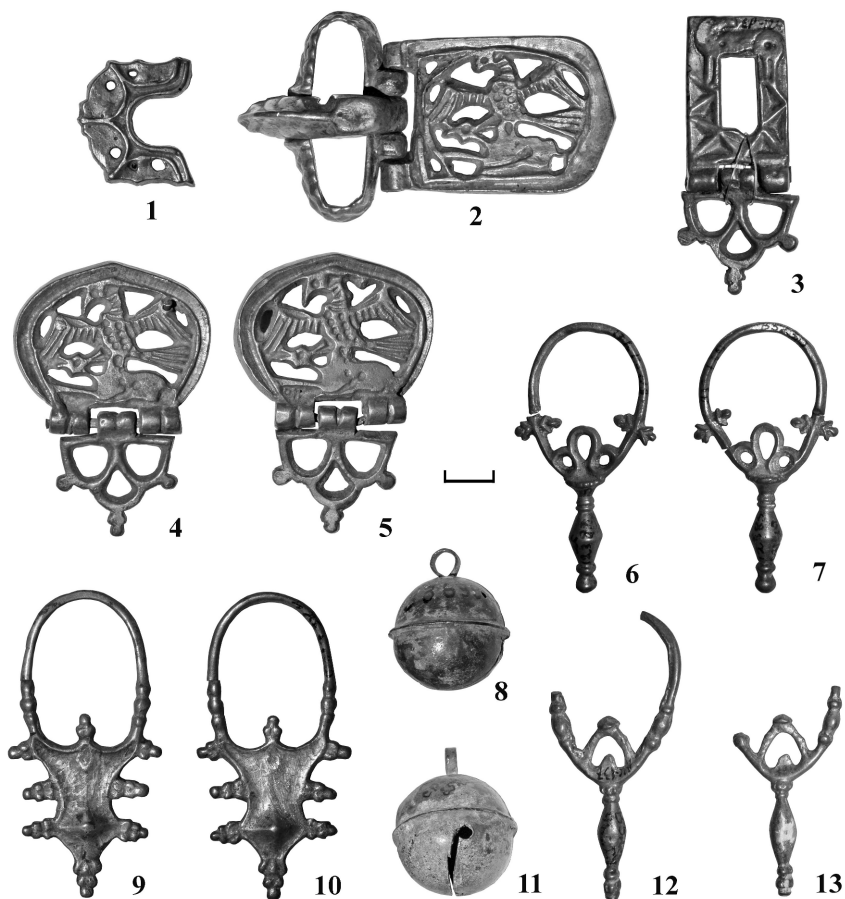


Рис. 1. Украшения волынцевской культуры. 1–13 — Фотовижский клад.

точки пеньковского ареала, свидетельствуя о сохранении отдельных групп населения на своих местах.

В то же время, сам факт сокрытия Зайцевого и Харьевского кладов, сожженные жилища на поселениях Александровка и Роище в Подесенье, могут говорить о второй волне подчинения хазарами славянского населения Левобережья Днепра накануне и в процессе колонизации салтовским населением бассейна Северского Донца и Подонья.

Фотовижский горизонт (третья четверть VIII в.) уже синхронен раннесалтовскому горизонту I (741–775 гг.), а комплекс ювелирных украшений (многочастные поясные наборы, литые звездчатые и

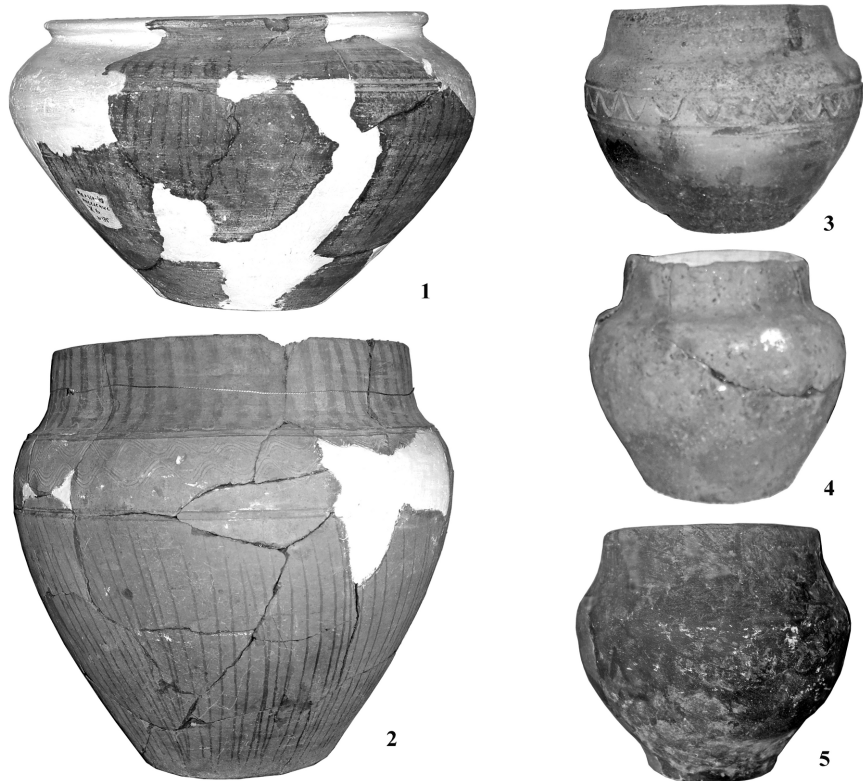


Рис. 2. Гончарные (1–3) и лепные (4, 5) сосуды волынцевской культуры. 1, 2 — Волынцево; 3, 4 — Битица; 5 — Столпяги.

ажурные серьги, кованые пластинчатые браслеты) (Рис. 1) подражает крымско-византийским образцам, оказавшим значительное влияние на материальную культуру Хазарского каганата середины VIII в.⁶²

На данном этапе население волынцевской культуры под салтовским ремесленным влиянием начинает производить характерную гончарную столовую посуду с вертикальным венчиком (Рис. 2, 1–3), но при сохранении всего комплекса лепной кухонной, который приобретает унифицированный вид во всех зонах распространения культуры. Наиболее качественные экземпляры волынцевской гончарной посуды серого обжига, выполнены на быстром круге и украшены декором из пролощенных линий. При нарушении технологии обжига сосуды по-

⁶² Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад. С. 143–162; Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты. С. 123–133; Он же. К дискуссии о хронологии. С. 183–193.

лучали красноватый или оранжевый цвет, который наблюдается также и у сосудов, сделанных на медленном круге. При помощи последнего изготавливались и чернолощенные версии; подправлялись на поворотной доске и лепные лощеные подражания (Рис. 2, 4).

Параллельно с внутренним производством посуды в волынцевской среде распространяются также импорты, преимущественно представленные причерноморскими амфорами, реже — салтовскими кувшинами и горшками.

Битицкий горизонт (775–825 гг.) маркирует финал культуры. Наиболее ярким памятником горизонта выступает Битицкое городище на р. Псел (Битица-1) (пл. 5,6 га) — единственное известное в настоящее время укрепленное поселение волынцевской культуры. Сложная система оборонных линий городища⁶³ обусловлена обновлением в славянское время укреплений скифского периода. Это самое крупное волынцевское поселение: на площадке исследовано 70 полуземлянок и наземных построек, еще 108 углубленных построек зафиксировано электромагнитной разведкой. Только на Битицком городище обнаружены предметы вооружения салтовского круга (сабля, топоры, наконечники копий, дротиков, стрел) и снаряжения коня (стремена, удила), что традиционно заставляет исследователей рассматривать памятник в качестве крупного административного центра с военизированным контингентом, предполагая даже его неславянское происхождение.

Осторожнее следует подходить к оценкам городища как «прото-городского центра». Битица действительно демонстрирует самый высокий процент гончарной посуды в комплексах (50–60%), но орудия труда с городища в основном представлены сельскохозяйственными и деревообрабатывающими, а не ремесленными инструментами⁶⁴. Показателен и тот факт, что на фоне Харьевского, Фотовижского или синхронного Битице Андрияшевского клада⁶⁵ комплекс украшений из кладов и слоя разгрома Битицы относительно беден, что свидетельствует против значительного расслоения общества. Как и на других волынцевских памятниках, в Битице нет находок арабских монет или импортов вне причерноморского и салтовского круга, т. е. поселение не являлось и значительным торговым центром.

Женские украшения горизонта Битицы продолжают развитие ти-

⁶³ Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя. С. 125–133.

⁶⁴ Сухобоков О.В., Приймак В.В., Вознесенская Г.А. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища // Славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. Рис. 3; Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя. Рис. 6.

⁶⁵ Жаров Г.В., Терпиловский Р.В. Скарб срібних прикрас VIII століття з Андріяшівки на Сулі. Київ, 2004.

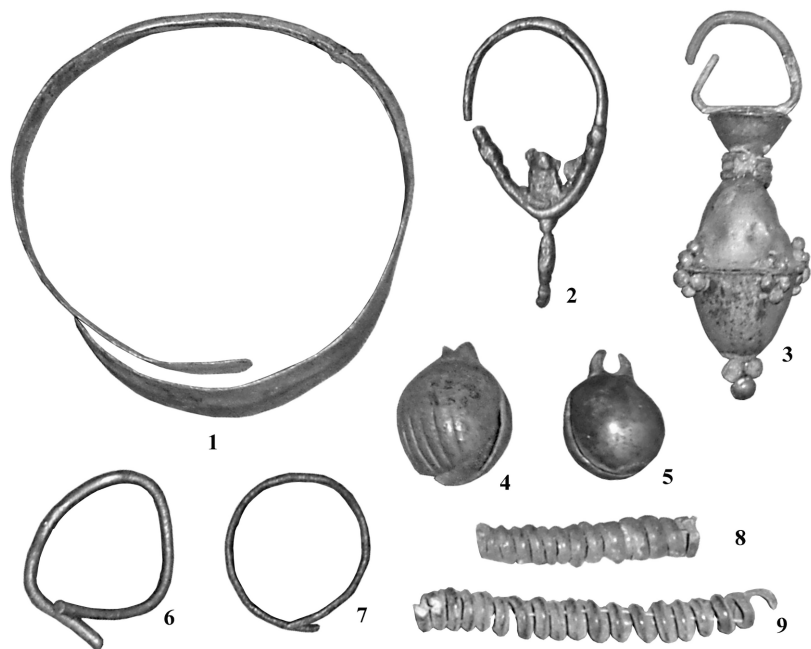


Рис. 3. Украшения волынцевской культуры. 1–9 — Битицкое городище.

пов браслетов и серег Фотовижского клада (Рис. 3, 1, 2), но на этом этапе исчезают звездчатые подвески, паяные серьги имеют уже не сферическую, а «жолудевидную» подвеску (Битица, Обухов II) (Рис. 3, 3); на головных венчиках удлиняются замки, а на пластинчатые браслеты наносится надчеканка (Андрияшевка). Появляются височные кольца, витые пронизки, салтовские типы серег, бубенчики (Рис. 3, 4–9), а также поясные детали среднесалтовского горизонта II (790–835 гг.) (Битица, Ходосовка, Григоровка). Количество салтовских находок на волынцевских памятниках относительно небольшое, при том, что горизонт II является одним из наиболее массовых в салтовском ареале. Косвенно это свидетельствует, что разгром Битицкого городища произошел в начале периода, не позже первой четверти IX в.

Наиболее яркую картину разгрома (пожары, человеческие останки, клады) демонстрируют Битица и Андрияшевка (Мельники 1); спешно брошенные поселения (пожары с развалами сосудов в жилищах) — Столпяги, Шестовица, Гочево 3, Обухов II, Бучак; сожженные жилища — Волынцево, Целиков Бугор, Киев и др. Во всех случаях, когда комплексы включают ювелирные изделия с узкой датировкой (Битица,

Андрияшевка, Обухов II), они не выходят за рамки салтовского горизонта II (790–835 гг.).

В волынцевских комплексах пока не обнаружено дирхемов, но с волынцевским ареалом ассоциируется монетный клад I периода обращения дирхемов из Нижней Сыроватки (младшая монета 812 / 813 гг.). Близкие по дате клады найдены восточнее, на салтовском пограничье в Приосколье — Завалишино (809 / 810 гг.), а также севернее, в Брянском и Орловском Подесенье — Нижние Новоселки (811 / 812 гг.) и Кремлевский (812 / 813 гг.)⁶⁶. Серия кладов периода 815–824 гг. выпадает и в ареале расселения радимичей и дреговичей⁶⁷. Создается впечатление, что финал волынцевской культуры совпадает с самым началом проникновения дирхема к славянам, а возможно, и является прямым последствием появления такого канала.

Ни на одном волынцевском поселении не прослежено его эволюционное развитие в роменский этап. В ряде случаев рядом с волынцевскими поселениями возникают отдельные роменские (например, Волынцево ур. Курган; Битица-2 и др.), но все они относятся к поздне-роменскому горизонту. Обратные попытки вычленив из закрытых комплексов ранне-роменских Опошнянского и Новотроицкого городищ волынцевский горизонт не увенчались успехом; еще более произвольно механическое расширение на VIII–IX вв. даты поздне-роменских памятников.

Одновременное прекращение функционирования волынцевских памятников во всем ареале культуры несомненно связано с масштабными историческими событиями, имевшими катастрофические последствия для населения Днепровского Левобережья и Правобережного Поднепровья, находившегося под культурным и, очевидно, политическим влиянием Хазарского каганата.

Если выпадение клада из Нижней Сыроватки связано с этими же событиями, их следует датировать ок. 813–815 гг., что далеко и от смуты в Хазарском каганате (861–889 гг.), и от даты появления древних венгров в Северном Причерноморье (ок. 835 г.)⁶⁸, с которыми неоднократно ранее исследователи пытались связать разрушения и пожары на волынцевских и роменских памятниках.

Опошнянский горизонт (вторая четверть IX в.) сложно однознач-

⁶⁶ Кротова В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Эпиграфика и нумизматика. 1971. Т. IX. № 12, 59.

⁶⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. Рис. 5, 5–8.

⁶⁸ Кошар А.В. Древние мадьяры Етелькёза. С. 21–38.

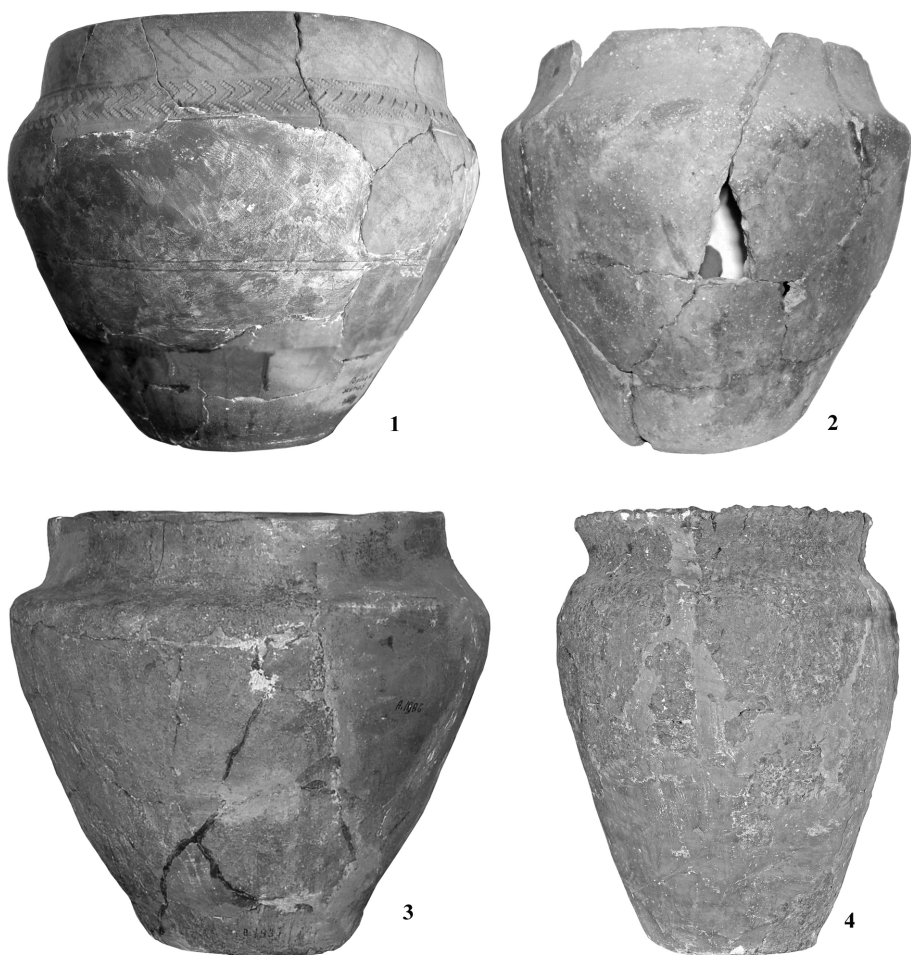


Рис. 4. Гончарные (1) и лепные (2–4) поздневолынцевские сосуды. 1 — Столпяги; 2 — Битицкое городище; 3, 4 — Опошнянское городище.

но отнести к волынцевской или роменской культуре. И.И. Ляпушкин ввел в научный оборот Опошнянское городище как раннероменский памятник⁶⁹, а О.В. Сухобоков и С.П. Юренко определили его как переходной от волынцевской к роменской культуре⁷⁰.

⁶⁹ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). М., 1968 (МИА. № 152).

⁷⁰ Сухобоков О., Юренко С. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава, 1995.

Немногочисленный набор ювелирных украшений памятника аналогичен горизонту Битицы, включая салтовские предметы горизонта II (790–735 гг.), а не следующего горизонта III. В целом сходна и лепная посуда (Рис. 4, 3, 4), но в керамическом комплексе поселения полностью отсутствуют волынцевские гончарные сосуды, что необычно для данного региона. Процент характерной роменской орнаментации гребенчатым штампом и наколами еще резко уступает ранероменскому Новотроицкому городищу.

Появление самой орнаментации гребенчатым штампом, которой уделял ключевую роль в определении истоков роменской культуры П.Н. Третьяков, произошло еще в Битицком горизонте волынцевской культуры. В Волынцево (ур. Стан) и Битице редкие оттиски штампа по венчику и плечикам в основном повторяют декор кухонной посуды салтовской культуры, не образуя еще характерной роменской «гусенички»⁷¹. В то же время, таковая присутствует на гончарном сосуде из Столпяг и лепных подражаниях из Битицы (Рис. 4, 1, 2) и Ходосовки⁷², наглядно демонстрирующих истоки и направление эволюции роменского орнамента.

Не характерна для волынцевских поселений региона топография Опошнянского городища (невысокий мыс в пойме р. Ворскла) и наличие небольших укреплений. Этот признак для О.В. Сухобокова послужил главным основанием для выделения Опошнянского городища из круга волынцевских памятников, но следует отметить, что более яркие «городищенские» по топографии неукрепленные волынцевские поселения известны в северной части ареала культуры (Шестовица, Киев).

По всей видимости, Опошнянское городища возникло сразу же после событий, повлекших исчезновение волынцевской культуры, но через относительно короткий промежуток времени и его ожидал подобный же финал — жилища городища сожжены, а многочисленные развалы сосудов говорят о спешном бегстве жителей.

С данным горизонтом следует связать и происхождение Ивахниковского клада (у совр. с. Яхники)⁷³. Пластинчатые фибулы — дериваты фибул Харьевского горизонта, сочетаются в кладе с головным венчиком и витыми бронзовыми пронизками горизонта Битицы, шей-

⁷¹ Смиленко А.Т., Юренко С.П. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. Рис. 59, 6, 10, 19; Сухобоков О.В., Приймак В.В., Вознесенская Г.А. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища. Рис. 2, 11.

⁷² Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка. Рис. 19/24, 5.

⁷³ Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1908. Вып. 5. С. 203–212; Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М., 1954. № 2.

ными гривнами с расплюснутыми концами замков, близкими роменским Новотроицким горизонтом, салтовским перстнем и бубенчиками, а также, возможно, обломком лучевого кольца. Как и в случае с Опошнянским городищем, мы имеем дело с комплексом, в котором все еще развиваются отдельные элементы волынцевской культуры, но время его археологизации позже момента гибели основной части памятников культуры, что все же позволяет рассматривать Опошнянский горизонт как стартовый в формировании роменской культуры.

Расположение Опошнянского городища и Ивахниковского клада на юго-востоке волынцевского ареала свидетельствует, что остатки волынцевского населения временно нашли убежище в районах, примыкающих к границам Хазарского каганата в бассейне Северского Донца, но ненадолго. Об «антихазарском» направлении акции свидетельствует и красноречивый факт практически полного отсутствия салтовских находок позже первой трети IX в. в бывшем ареале волынцевской культуры от Правобережного Приднепровья до бассейна р. Псел.

Роменская культура. Первый собственно роменский этап представлен *Новотроицким горизонтом* (вторая–третья трети IX в.). Его опорный памятник — исследованное практически полностью Новотроицкое городище⁷⁴.

Традиционно называемое «городищем», Новотроицкое поселение получило такое название лишь благодаря топографии — расположению на отделенном оврагом мысу на берегу р. Псел, тогда как собственно укреплений на нем не зафиксировано. На площадке ок. 0,35 га исследовано 50 построек, но общая площадь памятника первоначально была примерно на половину больше из-за разрушения южной части. На памятнике прослежены два строительных горизонта, причем постройки верхнего гибнут в результате разгрома поселения, сопровождавшегося гибелью части населения городища.

На этапе Новотроицкого горизонта наблюдается резкое падение процента плетнево-глинобитных стен жилищ, доминирующей становится обшивка стен плахами. Более яркие изменения наблюдаются в составе керамического комплекса, а точнее, в декорировании посуды. Доминирующие в волынцевское время защипы и насечки по венчику уступают место гребенчатому штампу, при помощи которого декорировали венчик и плечики сосудов⁷⁵. Вместе с этим, только для Новотроицкого горизонта характерен высокий процент декора врез-

⁷⁴Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое.

⁷⁵Там же. Рис. 19; 24.

ными линиями (прямыми, волнистыми и зигзагами)⁷⁶, который в том числе сочетается и в лепном или подправленном на круге исполнении с новой формой горшка «древнерусского» типа⁷⁷. На раннекруговых сосудах с вертикальным венчиком («волынцоидных») и аналогичных лепных декор также только врезной гребенчатый⁷⁸.

Параллельно происходят изменения в погребальном обряде — на смену волынцевским бескурганам урновым кремациям, часто сопровождавшимся сосудами-приставками, приходит курганный обряд. Попытки выделить подкурганные погребения еще волынцевского времени⁷⁹ пока не увенчались успехом. «Волынцоидный» горшок из Волокитинского могильника с врезным волнистым орнаментом аналогичен экземплярам из Новотроицкого⁸⁰. Ближе к волынцевским гончарный сосуд из кургана II Марьяновки, отличающийся только многорядным глубоким врезным пояском на плечиках⁸¹. Трапециевидные подвески из кургана I того же могильника⁸² аналогичны находкам из Ивахниковского клада, что позволяет отнести погребения к переходному горизонту Опошни.

Изменения обряда более выразительно прослежены на примере бескурганного волынцевского могильника Лебяжье 3⁸³ и расположенного рядом курганного роменского могильника. Самый ранний роменский курган 6 Лебяжьего содержал под насыпью два ямных кремационных погребения, из которых погребение 2 вмещало спиралевидную пронизку (аналогии в Битице, Ивахниках, Новотроицком) и маленькую пряжку, аналогичную пряжкам из погребения 24 Слободзеи, принадлежащего к кругу древневенгерских Субботцевского типа (836–889 гг.)⁸⁴.

Отдельные салтовские предметы, спиралевидные пронизки и трапециевидные подвески горизонтов Битицы и Опошни, на Новотроиц-

⁷⁶ Там же. Рис. 20–23.

⁷⁷ Там же. Рис. 20, 2, 7, 9, 10; 21.

⁷⁸ Там же. Рис. 22–23; 25, 8, 9.

⁷⁹ Григорьев А.В. Северская земля. С. 112–113.

⁸⁰ Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. Рис. 73, № 3712; Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 25, 8.

⁸¹ Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. Рис. 76, № 3700.

⁸² Там же. Рис. 75, № 3993.

⁸³ Тихомиров Н.А. Могильник Лебяжь 3 под Курском // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 164–175.

⁸⁴ Енуков В.В. Роменские курганы у с. Лебяжье на Сейме // Уч. зап. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2011. Вып. 3 (19). Рис. 3, 4, 6; Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинев. 2008. Рис. 9, 13; Комар А.В. Древние мадьяры Етелькэза. С. 56–69.

ком поселении найдены в основном в сломанном состоянии в культурном слое, реже в кладах⁸⁵. Также в сломанном состоянии, но уже в кладе времени разгрома городища, найдены предметы круга Субботцев, свидетельствующие о смене салтовского вектора влияния древневенгерским⁸⁶. Последний также ярко фиксируется в Посемье — поясом из клада на городище Кудеярова Гора, серьгой из Переверзево II и пряжкой из кургана 6 Лебяжьего⁸⁷.

Новая волна византийского влияния отразилась в женских украшениях Новотроицкого, в комплексах которого появляются ранние пяти- и семилучевые подвески, серьги с «гроздевидной» подвеской («волынского» типа) и металлической бусиной⁸⁸. Еще один вектор связей — «северный» — представлен подковообразной фибулой и «усатыми» перстнями с узким щитком, а также ланцетовидным и «гнездовским» наконечниками стрел⁸⁹, хотя последние, впрочем, скорее принадлежали не жителям городища, а нападавшим.

Как уже подчеркивалось, несмотря на выраженные связи с салтовским культурным кругом, ни в одном комплексе волынцевской культуры пока не встречено дирхемов. Наиболее ранним комплексом с дирхемами является денежно-вещевой клад из Новотроицкого городища (младшая монета 818 / 819 гг. чеканки, старшая — 711 / 712 гг.), а в горелом жилище 1 найден и пробитый для ношения дирхем 833 г. чеканки. Сочетание монет в кладе с ломом венгерских и салтовских серебряных вещей прозрачно указывает источник поступления дирхемов к северянам.

Монета 833 г. дает лишь относительную нижнюю границу гибели городища, ведь на середину IX в. приходится серьезный кризис поступления дирхемов и в сам Хазарский каганат, который заканчивается лишь в последней четверти века. Археологическая дата финала Новотроицкого действительно отличается. Ломаное состояние предметов культурного круга Субботцев, соответствующего периоду пребывания мадьяр в Северном Причерноморье (836–889 гг.), серьги «волынского» типа, подковообразная фибула и «усатые» перстни, получившие распространение в Юго-Восточной Европе лишь с конца IX в., — все эти предметы указывают на существование поселения до последней четверти IX в., как и датировал памятник И.И. Ляпушкин.

⁸⁵ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 17, 1, 2, 5, 6, 11–13; 25, 10; 51, 6; 58, 2.

⁸⁶ Там же. Рис. 15; 17, 4.

⁸⁷ Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. Рис. 39, 6, 12; 55.

⁸⁸ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. Рис. 13; 40, 3; 58, 3; 63; 83, 11; 85, 5.

⁸⁹ Там же. Рис. 9, 10, 11; 40, 2; 65, 3; Табл. ХСII, 9.

На этот период приходится выпадение Полтавского клада 1898 г. с младшей монетой 882 / 883 г., а также клада из Погребного (Мирополье) (875 / 876 гг.) в Посемье⁹⁰, в свою очередь, близких по времени летописной дате покорения северян князем Олегом — 884 г.

Памятников Новотроицкого горизонта документировано немного: городища Новотроицкое, Кудеярова Гора и Переверзево II, могильники Лебяжье, Волокитино, возможно, Марьяновка. На четырех из них обнаружены предметы субботцевского круга, свидетельствующие о том, что во второй половине IX в. северянское население Левобережья находилось не столько под влиянием хазар, сколько древних венгров, в период 861–889 гг. уже не подчинявшихся хазарам после смуты в Хазарском каганате⁹¹.

Позднероменский этап (конец IX — первая треть XI в.) обозначился резким увеличением числа памятников. Поселения распространяются бассейнами Десны, Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы, Уды и Северского Донца, демонстрируя выраженный «речной» принцип расселения северян. В этом ареале сегодня известно ок. 250 географических пунктов с находками позднероменских материалов: комплексов из нескольких городищ и селищ, отдельных городищ и неукрепленных селищ, пойменных пунктов, известных только по разведочным сборам, могильников, а также древнерусских памятников с присутствием роменских комплексов.

Наиболее густо заселенным роменским регионом оказался бассейн Сейма⁹², где ведущим типом памятников являются неукрепленные поселения, расположенные на 1-й — 2-й пойменных террасах. В Посемье присутствуют и дюнные пойменные роменские поселения, возможно, связанные с отгонным скотоводством. Городища размерами от 0,1 до 3 га занимают мысовые выступы высокого правого берега; обычно сопровождаются расположенным рядом неукрепленным поселением.

Близкая картина соотношения разных типов поселений наблюдается в верхнем течении Псла, где, впрочем, преобладает сочетание городища и неукрепленного селища. В Среднем Подесенье доля самостоятельных открытых поселений резко падает, а по мере продвижения на юг, в бассейнах Сулы, Ворсклы и Среднего Псла, основным типом роменских памятников становится комплекс из городища

⁹⁰ Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1900. № 90, Прибавление № 29; Янин В.Л. Денежно-весовые системы. Рис. 17, 4, 5.

⁹¹ Комар А.В. Древние мадьяры Етелькёза. С. 31–38, 68–69.

⁹² Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Карта.

и селища или просто городища⁹³. Особо следует выделить роменские посады при древнерусских городищах летописных городов (Ромен, Лтава, Воинь). В бассейне Уды доминируют городища, хотя неукрепленные селища отмечены восточнее на Северском Донце (Гайдары, Червоный шлях)⁹⁴.

В западной части роменского ареала бросается в глаза огромная лакуна между Днепром, Десной и Сулой на месте ядра будущего Переяславского княжества⁹⁵, хотя в волынцевское время здесь представлены поселения (Столпяги). В качестве переселенцев роменцы в конце IX в. вновь появляются и на Правобережье Днепра, в частности, в древнерусских Киеве и Вышгороде.

Сложнее вопрос происхождения роменских материалов Нижнего Подесенья. Волынцевские поселения из Шестовицы, Александровки, Роища традиционно служат основанием для утверждения о непрерывности заселения северянами региона с VIII до конца IX в., когда на смену «племенным центрам» северян здесь приходят древнерусские города. В реальности, все три волынцевские поселения погибли в пожарах еще в VIII — начале IX в., после чего жизнь на них не возобновлялась.

Памятников раннероменского этапа в Подесенье пока не открыто, тогда как позднероменские материалы Любеча, Чернигова и Седнева (Сновска) неизменно сочетаются в комплексах с древнерусской гончарной посудой X в., не оставляя никаких сомнений в том, что северяне составляли здесь часть *древнерусского населения* города, сохраняя при этом свои этнографические особенности.

На позднероменском этапе, по сравнению с горизонтом Новотроицкого, выходит из обихода раннегончарная «волынцоидная» посуда с врезным волнистым декором (но не столовые лепные подлощенные сосуды с вертикальным венчиком и орнаментацией гребенчатым штампом), а ее место занимает древнерусская гончарная и роменские раннегончарные подражания уже древнерусским формам. Также любопытно исчезновение импортных и лепных кувшинов; скорее всего, их место занимает распространившееся в X в. деревянное ведро с железными обручами. В комплексе лепной посуды изменения менее значительны — исчезают лишь высокие раструбовидные горшки

⁹³ Григорьев А.В. Северская земля. Рис. 56; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Карта 1.

⁹⁴ Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков. 1962. Рис. 114; Колода В.В. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиций конца I тысячелетия в Днепровском лесостепном Левобережье // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 108–112.

⁹⁵ Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Карта 1.

волинцевских и раннероменских форм, а вот в орнаментировании на- ступает период расцвета гребенчатого штампа, при помощи которого образуются разнообразные «елочные», «зубчатые», сетчатые, ме- андровые и другие типы орнаментов⁹⁶.

Процент гончарной древнерусской керамики в роменских комплек- сах наиболее высок в междуречье Днестра и Десны, наиболее низок — на востоке Посемья и в бассейнах Упы и Северского Донца. Последний регион не просто соседит, но в X в. даже перекрещивается с салтов- ским ареалом, особенно после занятия роменцами салтовских горо- дищ Мохнач и Коробовы хутора. Если наличие салтовских материалов в роменских комплексах двух последних памятников не удивительно, то присутствие таких находок в слое Донецкого городища и городи- ща Водяное⁹⁷, указывает на явные контакты данной группы северян с Хазарским каганатом.

Крайний северо-западный памятник харьковской группы — До- нецкое городище — погиб в пожаре, причем находка сабли в горелом слое укреплений может свидетельствовать именно о военной акции, судя по подражанию дирхему середины X в., состоявшейся во второй половине X в. В роменских комплексах городища нет древнерусской гончарной посуды, которая появляется на памятнике только в XII в. с новым древнерусским населением. В то же время, роменские ком- плексы Хорошева, Водяного, Мохнача, Коробовых хуторов не только не горелые, но и содержат древнерусскую гончарную посуду конца X — первой трети XI в.

Сожжение Донецкого городища и распространение северян в сал- товский ареал вниз по течению Упы и на Северский Донец несомнен- но связаны с восточными походами Святослава, подчинившего в 60- х гг. X в. остатки северянских данников Хазарии. Эти же события маркируют находки скандинавского вооружения X в. в бассейне Се- верского Донца⁹⁸. Любопытно, что, как и в случае с более ранним Но- вотроицким городищем, военная акция против северян и Хазарии обо- рачивается в конечном итоге значительным расширением роменского

⁹⁶Сухобоков О.В., Юренко С.П. Орнаментація волинцевського-роменського керамічного комплексу // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 161–176; Рис. 2.

⁹⁷Шрамко Б.А., Скирда В.В. Рождение Харькова. Рис. 6, 1; 7; Колода В.В., Колода Т.А. Керамика раннеславянского городища Водяное. Рис. 10, 3, 4, 6.

⁹⁸Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Рис. 144, 1–2; Дедов В.Н., Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбассе // СА. 1987. № 1. С. 262–263.

ареала и числа поселений в регионах, которые, впрочем, до середины XI в. были мирно оставлены их жителями⁹⁹.

Верхняя хронологическая граница роменских комплексов в Нижнем Подесенье не выходит за рамки конца X в., тогда как восточнее и южнее роменские памятники функционируют всю первую треть XI в. Часть роменских городищ еще в конце X в. получают древнерусские гарнизоны, эволюционируя в летописные грады — Глинск, Курск, Лтава (Полтава), Лубен (Лубны), Ничен (Ницаха), Новгород-Северский, Путивль, Ромен (Ромны), Рыльск; другие поселения до середины XI в. прекращают функционирование, очевидно, по мере истощения ресурсной зоны экстенсивными методами хозяйства. И уже тем более, на них нет всего того яркого комплекса погромов, который наблюдается на волынцевском и раннероменском этапах — жилищ с остатками горелых конструкций (обугленные бревна и плахи) и развалами сосудов, кладов в слое поселения, частей останков погибших и погребений на поселении с «нетипичным» обрядом.

Во второй половине X в. урновые кремации в урнах в верхней части насыпи постепенно сменяются в роменской культуре ингумациями на горизонте, продолжающими бытовать в первой половине XI в. Еще Д.Я. Самоквасов заметил различия в антропологическом типе погребений X–XI вв. в ямах и на уровне горизонта курганов, правда, соотнеся с северянами «круглоголового», а не «длинноголового» население. Позже было установлено, что именно роменцы были носителями долихокранного среднешироколицевого типа. В могильниках Каменное и Зеленый Гай физический тип населения не меняется при смене роменских погребений древнерусскими¹⁰⁰. Этот же тип наблюдается в древнерусских могильниках XI–XII вв. Липового, Любеча, Переяслава, женских сериях Чернигова и Шестовицы, правда, при наличии в родах заметной примеси долихо-мезокранного типа, характерного для «полян» Правобережья Днепра¹⁰¹. По мере накопления антропологического материала общий облик древнерусского населения Нижнего и Среднего Подесенья X–XII вв. также сместился ближе к суммарной

⁹⁹ Колода В.В. К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян // Хазары. М., Иерусалим. 2005. С. 342–344.

¹⁰⁰ Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины (по материалам могильника у с. Каменное) // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Киев, 1984. С. 4–26; Покас П.М. До антропології середньовічного населення басейну р. Пселл // Археологія. № 58. 1987. С. 94–99.

¹⁰¹ Рудич Т.О. До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України. С. 96–103; Она же. Населення Лівобережної України давньоруської доби. С. 16–25.

серии северян и уже не позволяет объединять его в одну группу с «полянами» Киевщины¹⁰².

Не вызывает сомнений, что распространение древнерусской культуры на основной части Днепровского Левобережья X–XI вв. происходило не эволюционным или миграционным, а *интеграционным* путем. Процессы интеграции протекали медленнее в Посемье и юго-восточной части северянского ареала, где уже во второй половине X в. сформировалась довольно отчетливая «оппозиция» ремесленной продукции в виде общерусских типов гончарной посуды и ювелирных украшений, поддерживаемая до середины XI в.

Успешнее такая адаптация происходила в Нижнем Подесенье, где в конце IX — начале X в. возникли ряд крупных древнерусских центров, а само северянское население проживало в окружении пришлых групп славянского и скандинавского происхождения. Ни один из памятников региона с роменскими материалами (Чернигов, Седнев, Любеч) не являлся собственно северянским — речь идет о целенаправленном заселении региона уже древнерусской княжеской администрацией, и именно этим путем роменцы в конце IX в. попали также в состав населения Киева и Вышгорода, где их роль просто была менее заметной. В районе же Переяславля в послеволынцевское время с начала IX в. и до конца X в., когда Владимир принял решение основать здесь древнерусский город, населения вообще не наблюдается, возможно, из-за отсутствия рек средних размеров, вдоль которых предпочитали селиться роменцы.

Правобережное Киевское Поднепровье. «Ядро полянского княжения» в преддревнерусское время (VIII–IX вв.) демонстрирует на удивление малое количество археологических памятников (Рис. 5). Поселения волынцевской культуры расположились здесь узкой цепочкой вдоль Днепра, вытянутой с севера на юг от Киева до Канева.

В Киеве два волынцевских объекта обнаружены на площадке Старокиевской горы. Это полуземлянки с «кубовидными» лессовыми печками, исследованные в 1939 и 2009 гг.¹⁰³ Жилище 2009 г. располагалось за линией укреплений Старокиевского городища, возведенных,

¹⁰² Долженко Ю.В. Населення Чернігова і округи за доби середньовіччя (антропологічний аспект) // Археологія. 2010. № 1. С. 42–49; *Он же.* До антропології похованих у Чернігівському Некрополі XI–XIII ст. // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2011. Вип. 26. С. 48–75;

¹⁰³ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 104; Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Маніґда О.В. Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви // АДУ 2009 р. Київ, 2010. С. 169.

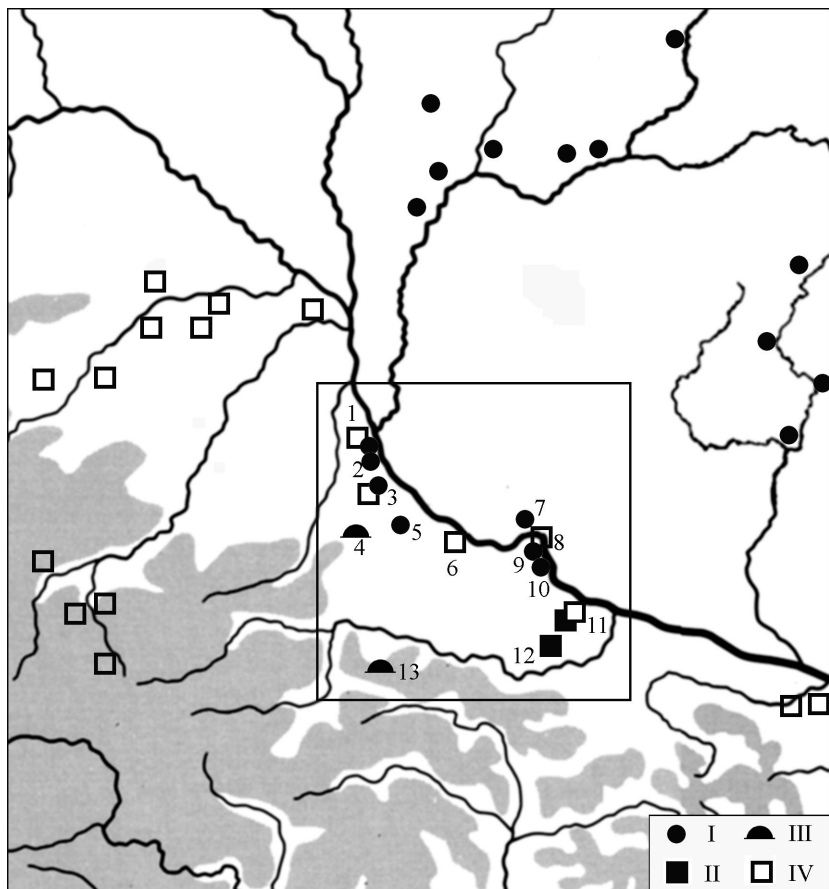


Рис. 5. Среднее Пднeпрoвьe в VIII–IX вв.: I — памятники вoлынцeвскoй кyльтyры; II — памятники типa Сaхнoвкa; III — пoгрeбeния кoчeвникoв; IV — памятники кyльтyры Лyкa-Рaйкoвeцкoй. 1 — Киeв; 2 — Китaeвo; 3 — Хoдoсoвкa; 4 — Oлeнoвкa; 5 — Oбyxoв; 6 — Стaйки; 7 — Стoлпяги; 8 — Мoнaстырeк; 9 — Григoрoвкa; 10 — Бyчaк; 11 — Кaнeв; 12 — Сaхнoвкa; 13 — Жyрaвлeхa.

кaк бyлo yстaнoвлeнo рaскoпкaми 2007–2011 гг., нe в V–VIII вв., a yжe в дрeвнepycкoй пeриoд нe рaнee кoнцa IX в.¹⁰⁴ В стoрeвшeй пoлyзeмлeнкe 1939 г. нaйдeны хaрaктeрныe вoлынцeвскe сoсyды с вeртикaльнoм вeнчикoм и фрaгмeнтa сeрoй гoнчaрнoй пoсyды, тoгдa кaк в кoт-

¹⁰⁴Тaм жe. С. 170–172; *Ивaкин Г.Ю., Кoзyбa В.К., Кoмaр O.В., Ёoлишин Д.Д.* Aрxeoлoгiчнi дoслiджeння тeритoрiї нaвкoлo Дeсятиннoї цeркви 2007 р. // AДУ 2006–2007. Київ, 2008. С. 122–126; *Ивaкин Г.Ю., Кoзyбa В.К., Кoмaр O.В., Мaнiгдa O.В.* Aрxeoлoгiчнi дoслiджeння дiлянок бiля Дeсятиннoї цeркви 2008 р. // AДУ 2008 р. AДУ 2009. С. 91–93.

ловане жилища 2009 г., заполненном славянским культурным слоем только с лепной керамикой, следов пожара не прослежено. Старокиевское поселение на данный момент самое «высотное» из известных волынцевских, но при этом, несомненно, не было укрепленным, а площадь и волынцевского, и предшествующего ему пражского поселений, выходила за границы древнерусских укреплений.

Волынцевский горизонт Киева не является продолжением пражского. Жилище пражской культуры с площадки Старокиевского городища 1971 г.¹⁰⁵ принадлежит к ранней фазе культуры конца V — первой половины VI в. «Ранняя» дата поселения подтверждается находками двух браслетов с круговыми насечками на концах¹⁰⁶, не характерных для горизонта «антских» кладов середины — второй половины VII в. (1-я группа по О.А. Щегловой), при полном отсутствии находок данного горизонта на Старокиевской и Замковой горах.

Украшений наиболее яркого и репрезентативного для славянских культур лесостепи горизонта «антских» кладов 1-й группы в Киеве нет, хотя здесь представлены украшения горизонта кладов 2-й группы конца VII — начала VIII в.¹⁰⁷ Их находки, в том числе и из современных раскопок¹⁰⁸, тяготеют к Львовской площади, где, вероятно, и располагалось поселение данного времени. В любом случае, способ земледелия славян V–IX вв. приводил к довольно быстрому истощению ресурсной зоны, что не позволяло поселениям аграрно-промыслового характера долго существовать на одном месте.

Комплексы с более поздней роменской керамикой с декором «гусеничкой» в Киеве открыты на северной террасе Старокиевской горы — это объект 1958 г., жилище и яма 1965–1966 г.¹⁰⁹, где лепная посуда сочеталась с древнерусской гончарной конца IX — первой половины X в. Фрагменты роменской посуды из нижних слоев Подола на Житнем рынке также найдены в древнерусском контексте и датированы при помощи дендротаты сооружения усадьбы — после 887 г.¹¹⁰

¹⁰⁵ *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982. Рис. 12–13.

¹⁰⁶ *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы и исследования по истории и археологии Таврии. 1996. Вып. 5. Табл. 77, 6; *Андросчук Ф.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. 2004. Т. III. Рис. 2.

¹⁰⁷ *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов». Кат. 2–8.

¹⁰⁸ *Боровский Я.Е., Сагайдак М.А.* Археологические исследования Верхнего Киева 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. Рис. 14.

¹⁰⁹ *Килиевич С.Р.* Детинец Киева. Рис. 14–16; *Толочко П.П.* Древний Киев. Рис. 12.

¹¹⁰ *Толочко П.П., Гуцало К.М., Харламов В.О.* Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. 1976. Рис. 14; *Сагайдак М.А.* Давньокіївський Поділ. Київ, 1991. С. 82; Рис. 44, 1, 2, 4.

В 2009 г. на внешнем крае засыпанного рва Старокиевского городища исследована мусорная яма времени строительства Десятиной церкви, также вмещающая фрагменты роменского горшка, что говорит о довольно длительном сохранении этнографических особенностей северян даже в Киеве.

В то же время, значительный хронологический разрыв между волынцевскими и позднероменскими комплексами Киева, а также наличие в Киеве яркого горизонта второй половина IX — начала X в. культуры Луки-Райковецкой, не позволяют предполагать иной модели появления роменцев в городе в конце IX в. как их намеренного переселения сюда после подчинения северян князем Олегом.

Ближайший к Старокиевскому поселению волынцевский памятник открыт в 9 км к югу в ур. Китаево — ныне в черте г. Киева (разведки В.Н. Даниленко 1969–1970 гг.), где обнаружена часть полужемлянки с «кубовидной» печкой. Еще далее в 12 км к югу у с. Ходосовка расположены два поселения в ур. Диброва и Козакив Яр. По-видимому, более раннее из двух поселение в ур. Диброва, возникшее на месте колочинского поселения, и на котором найдена звездовидная серьга горизонта Харьевки¹¹¹. С раскопанного большей площадью поселения в ур. Козакив Яр¹¹² происходят салтовские украшения первой трети IX в. горизонта Битицы¹¹³, а в керамическом комплексе уже присутствует небольшой процент посуды с декором в роменском стиле гребенчатым штампом¹¹⁴.

Поселение Обухов II располагается в 20 км к югу от Ходосовского на правом берегу р. Стугны¹¹⁵. Здесь открыты комплексы позднепражского периода (жилища № 27, 28), волынцевского времени (жилища № 6, 7, 18, 19, 29–31, 39, 41, 43) и постволынцевского периода (жилище 10). Паяная серьга из жилища 31 времени разгрома Битицкого городища сочеталась в комплексе с горшком с гребенчатым штампом

¹¹¹ Готун І.А., Гаскевич Д.Л., Казимір О.М., Лисенко С.Д., Петраускас А.В., Петраускас О.В. Північна експедиція ІА НАН України: матеріали і дослідження. Київ, 2007. Вип. 1. Поселення між Ходосівкою та Лісниками. Дослідження 2003 р.

¹¹² Орлов Р.С. Розвідка ранньослов'янських пам'яток. С. 96–106; Сухобоков О.В. До питання про пам'ятки волинцевського типу. С. 50–66; Петрашенко В.О. Волинцевська культура. С. 32–44; *Она же*. Пам'ятки VIII–IX ст. Правобережного Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури). Київ, 1997. С. 6–19.

¹¹³ Петрашенко В.О. Волинцевська культура. Рис. 4, 6–9.

¹¹⁴ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка. С. 31; Рис. 19/24, 5; *Она же*. Пам'ятки VIII–IX ст. Правобережного Подніпров'я. С. 17.

¹¹⁵ Кравченко Н.М. Исследование славянских памятников на Стугне. С. 74–92; Кравченко Н.М., Струнка М.Л. Реконструкція інтер'єру слов'янського житла VIII–IX ст. // Археологія. 1984. Вип. 45. С. 80–84; Абашина Н.С. Ранньослов'янські житла поселення Обухів II // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 277–300.

по венчику¹¹⁶. Часть жилищ (№ 6, 7, 30, 39) погибли в пожаре, но также есть и жилище 10, несомненно, постволынцевского горизонта с крючковидной серьгой IX в.¹¹⁷, свидетельствующее о том, что жизнь на поселении продолжалась как минимум до середины IX в.

Группа из двух поселений — Григоровка и Бучак — расположена на значительном отдалении (55–60 км) к юго-востоку от Обуховского поселения, на берегу Днепра, напротив левобережного волынцевского поселения из Столпяг. Ранняя часть Григоровского поселения ушла под воду водохранилища; фрагменты волынцевской керамики собраны лишь из слоя и размыва. Также с поселения происходят салтовские поясные детали горизонта II конца VIII — первой трети IX в., синхронного горизонту Битицы¹¹⁸. На поселении Бучак часть волынцевского поселения сохранилась — здесь исследована погибшая в пожаре полуземлянка с развалами 11 волынцевских горшков¹¹⁹. На противоположном берегу Днепра открыто также практически полностью размытое водохранилищем поселение Столпяги (ур. Горелое)¹²⁰, оторванное на значительное расстояние от основного ареала волынцевских памятников Левобережья (Рис. 5, 7) и связанное с рассматриваемой правобережной группой знаменитым Зарубским бродом.

От волынцевских памятников Левобережья правобережная группа памятников отличается в среднем более вытянутыми пропорциями лепной и гончарной посуды, в чем можно усматривать влияние соседней культуры Луки-Райковецкой. Но механическое зачисление волынцевских памятников Поднепровья к кругу культуры Луки-Райковецкой¹²¹ — откровенная ошибка, вызванная в одних случаях (Ходосовка) наличием на памятнике позднерайковецкого горизонта с печами-каменками, в других (Обухов II) — разве что общим сходством соседних славянских культур¹²², заставляющим обращать особо пристальное внимание на эксклюзивные культурные маркеры.

¹¹⁶ *Абашина Н.С.* Ранньослов'янські житла поселення Обухів II. С. 288; Рис. 8, 1, 9.

¹¹⁷ *Там же.* Рис. 5, 4.

¹¹⁸ *Петрашенко В.А.* Древнерусское село: по материалам поселений у с. Григоровка. Киев, 2005. Рис. 11, 3, 4. *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты. Табл. V; *Он же.* Мадьяры Етелькёза. Рис. 13.

¹¹⁹ *Петрашенко В.О.* Про один керамічний комплекс VIII–IX ст. з Середнього Подніпров'я // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 154–160.

¹²⁰ *Савчук А.П.* Ранньослов'янське поселення поблизу Переяслава-Хмельницького // Археологія. 1983. Вип. 42. С. 88–90.

¹²¹ *Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007. С. 6.

¹²² Согласно статистическим показателям пропорций сосудов, керамический комплекс Волынцево демонстрирует индекс связей с тясминской группой Луки Райковецкой (Луг I) — 67,0; с житомирской — 67,4; в то время как между собой две указанные серии культуры Луки-Райковецкой имеют индекс схожести 74,1; а связи между двумя волынцевскими памятниками

Волынцевский горизонт рассматриваемых памятников Правобережья монолитен в проявлении культурных признаков: материковые или глинобитные «кубовидные» печи, технологичная сероглиняная лощенная гончарная посуда с вертикальным венчиком, широкие горшкиски, лепные подлощенные горшки с вертикальным венчиком, салтовские мужские и женские украшения; при полном отсутствии характерных райковецких черт — печей-каменок, высоких узких горшков с близкими диаметрами дна и венчика, конусовидных «мисок-цедилок», раннекруговой посуды райковецких форм и др.

Правобережная группа появляется в целом синхронно волынцевским памятникам Левобережья — на этапе горизонта Харьевки (вторая четверть VIII в.); и также синхронно прекращает функционирование на этапе горизонта Битицы (первая треть IX в.). Очень похожа и картина финала волынцевских памятников региона. Здесь, разумеется, нет ярких памятников с признаками разгрома, но горизонты пожаров фиксируются в Киеве, Обухове, Бучаке, Столпягах, соответствуя модели спешно брошенных поселений.

Тип Сахновки. Поселение у с. Сахновка (ур. Дивица) располагается на левом берегу р. Рось (Рис. 5, 12) в ложбине между двумя возвышенностями, одна из которых позже была занята древнерусским городищем; исследовалось В.И. Довженком, Н.В. Линкой и О.М. Приходнюком¹²³.

О культурном облике и датировке Сахновского поселения в историографии накоплено редкостное количество заблуждений, причем несложно заметить, что «Сахновка идеальная» никогда не опирается на оригинальные публикации памятника, а системой ссылок или гиперссылок восходит к аналитическим частям работ других исследователей. Так, реконструируемые «Сахновка Пеньковская» и «Сахновка Лука-Райковецкая» восходят к работам О.М. Приходнюка; «Сахновка пражская» — к ранним работам О.А. Щегловой; «Сахновка волынцевская» — к работам В.А. Петрашенко. «Сахновка реальная», пожалуй, содержится только в пыльных ящиках археологических коллекций.

Вводя в научный оборот материалы раскопок 1972–1973 гг., О.М. Приходнюк ориентировался на полученные даты печей жилищ по археомагнитному методу — на тот момент новому и крайне сла-

с разной стороны Днепра — Волынцево и Ходосовкой, составляют 78,8 (см.: *Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка. Табл. 29).

¹²³ *Довженко В.И., Линка Н.В.* Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. 1959. № 70. С. 102–113; Приходнюк *О.М.* Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 101–119.

бо верифицированному достоверно датированными комплексами. Археомангнитные даты для сахновских жилищ были определены в рамках конца VII — начала VIII в., что заставило О.М. Приходнюка рассматривать Сахновку как некий промежуточный горизонт между пражско-пеньковским и лука-райковецким этапами развития славянской культуры (разумеется, в автохтонистской модели непрерывности развития одной группы населения), датировав его второй половиной VII — серединой VIII в.¹²⁴

Именно на археомангнитных датах 70-х гг. XX в. строится дата самого Сахновского поселения, «сахновского этапа» и начальной фазы культуры Луки-Райковецкой в целом и в настоящее время¹²⁵, причем все так же без возможности верификации дат при помощи других надежных хронологических реперов.

К другим выводам пришла В.А. Петрашенко на основании статистического анализа пропорций сосудов Сахновки, не проявивших никаких связей с пеньковской культурой. Анализ, с одной стороны, показал определенную схожесть формы лепной посуды Сахновского поселения с комплексами культуры Луки-Райковецкой из Монастырька, Канева и Киева второй половины IX — начала X в. (индексы 64,1–65,1), а также поселения VIII–IX вв. Луг I (72,5–74,5); с другой — произошло более уверенное объединение Сахновки с волынцевскими сериями VIII — начала IX в. Ходосовки (76,6) и Волынцево (80,6), а также сводной серией из двух поселений рубежа VII–VIII вв. — Пастырского и Стецовки (78,9). При этом в самих комплексах Сахновки были отмечены фрагменты раннегончарной посуды с врезным линейным и волнистым орнаментом, аналогичные посуде культуры Луки-Райковецкой. Такая комбинация связей при самом высоком индексе схожести с Волынцево, заставила предположить дату поселения стадильно между горизонтами Пастырского-Стецовки и Луки-Райковецкой IX–X вв. в рамках VIII в., т. е. синхронно Волынцево¹²⁶.

Реальный переходной горизонт конца VII — начала VIII в. от пеньковской культуры к культуре Луки-Райковецкой для тясминского региона представлен поселениями Стецовка и Будище, где сохраняется довольно представительный набор пеньковских керамических форм,

¹²⁴ Приходнюк О.М. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось. С. 117–118; *Он же*. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980. С. 71.

¹²⁵ Гавришук І.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 136–139; Михайлина Л.П. Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. С. 15.

¹²⁶ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка. С. 34–35, 85–86, 92–95; Табл. 28–29.

но появляются новые элементы декора — насечка по венчику и пальцевые защипы; используется гончарная посуда пастырского и канцирского производства; а в жилищах наблюдается переход от открытых очагов к сооружению печей с применением камня¹²⁷.

В Сахновке на пеньковские (или пражские) формы нет даже намёка, а в качестве хронологического показателя стоит обратить особое внимание на декор посуды. Во всех закрытых комплексах Сахновки находились сосуды, орнаментированные глубокими насечками и защипами по венчику, оттиском гребня по венчику или плечиках, круглыми наколами и гроздевидными пальцевыми нажатиями на плечиках¹²⁸, характерными уже даже не для Волынцевского этапа, а для роменской культуры второй половины IX — начала XI в.¹²⁹ В изученных В.А. Петрашенко коллекциях Правобережного Среднего Поднепровья декор в виде гребенчатого штампа учтен только в Ходосовке, а также в левобережных коллекциях из Волынцево и Новотроицкого¹³⁰. Орнаментация лепной посуды гребенчатым штампом встречается и на посуде культуры Луки-Райковецкой Житомирщины, Побужья, Молдавии, неизменно сочетаясь в комплексах с гончарной посудой IX — начал X в.¹³¹

Время появления раннегончарной посуды Луки-Райковецкой обычно назначается на рубеж VIII–IX вв. со ссылкой на общие мнения классиков о начале гончарства в целом у восточных славян, либо дипломатично определяется широко в рамках «IX в.» с последующей механической привязкой к началу этого века¹³². «Ахиллесова пята» райковецкой археологии — отсутствие хронологизированной колонки закрытых комплексов — именно здесь оборачивается преимуще-

¹²⁷ *Петров В.П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. С. 209–233; *Приходнюк О.М.* Новые данные о пеньковской культуре. С. 87–88; Рис. 7.

¹²⁸ *Довженко В.И., Линка Н.В.* Раскопки раннеславянских поселений. Рис. 5; *Приходнюк О.М.* Раннесредневечное слов'янське поселення на р. Рось. Рис. 3, 4, 6, 4, 7; 7, 6; 8, 6; 9, 2, 5; 10, 9–11; 11, 6, 7; *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. Рис. 36, 2.

¹²⁹ *Сухобоків О.В., Юренко С.П.* Орнаментация волынцевського-роменського керамічного комплексу. С. 161–176.

¹³⁰ *Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка. Табл. 14, 5, 16.

¹³¹ *Гончаров В.К.* Лука Райковецкая // МИА. 1963. № 108. Рис. 2, 3; 12, 4; 15, 6; *Хавлюк П.И.* Славянские поселения VIII — начала IX в. на Южном Буге // АСГЭ. 1962. Вып. 4. Рис. 3, 4–6; *Башилов В.А.* Раннеславянское жилище на поселении у с. Хански в Молдавии // МИА. 1963. № 108. Рис. 3, 6, 9, 10.

¹³² *Смиленко А.Т., Юренко С.П.* Керамика. С. 279–290; *Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка. С. 80–92; *Она же.* Хронологія та походження середньодніпровської кружалної кераміки VIII — початку XI ст. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернівці, 2003. С. 125–130; *Михайлина Л.П.* Хронологія та періодизація старожитностей райковецької культури // Археологічні студії. Чернівці, 2000. Вип. 1. С. 119–129; *Звіздецький Б.А.* Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008. С. 37–41.

ством, ибо возражения оказываются такими же беспочвенными, как и утверждения.

Изменить ситуацию путем введения инокультурных закрытых комплексов позволяют находки грубых подправленных на круге сосудов Луки-Райковецкой в мадьярских п. 4 к. 1 Усть-Каменки и пп. 10, 40 Слободзеи, совершение которых приходится на период пребывания мадьяр в Северном Причерноморье — 836–889 гг.¹³³ Этот абсолютный рубеж полностью соответствует динамике развития керамического комплекса Киева и памятников Правобережного Приднепровья в целом, где комплексы Луки-Райковецкой с раннегончарными сосудами появляются только после финала волынцевского горизонта в середине IX в. Также показателен пример левобережного Новотроицкого городища, где не ранее середины IX в. появляются подправленные на круге сосуды неволынцевских форм, напоминающие одновременно и древнерусские горшки, и укороченные по высоте раструбовидные гончарные сосуды культуры Луки-Райковецкой¹³⁴.

Только в горизонте Новотроицкого (833–884 гг.) у населения Левобережья впервые отмечены «северные» украшения, в том числе железные подковообразные фибулы¹³⁵. Такая же фибула происходит из слоя второго славянского поселения у с. Сахновки в ур. Гончариха, синхронизированного В.А. Петрашенко с поселением в ур. Дивица¹³⁶. Поселение исследовано фрагментарно, но здесь также следует отметить наличие раннегончарных фрагментов с волнистым орнаментом и салтовской эллипсоидной мозаичной бусины VIII–IX вв., в узко датированной кат. 72 Дмитровского могильника происходящей из комплекса горизонта II (790–735 гг.)¹³⁷.

Более отчетливо демонстрирует стык Сахновского горизонта с поздним этапом культуры Луки-Райковецкой еще один поросский памятник — поселение возле г. Канева, ближе к устью р. Роси, исследовавшееся Г.Г. Мезенцевой, Ф.А. Андрощуком, Е.В. Синицей и Р.В. Терпиловским, и введенное в научные оборот под красноречи-

¹³³ *Махно С.В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яніці // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. IX. Рис. 4, 7; *Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П.* Кочевнические древности Нижнего Поднестровья. Рис. 5, 7; 16, 9; *Комар А.В.* Мадьяры Етелькёза. С. 68–69.

¹³⁴ *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. Рис. 20, 2, 7, 9, 10; 21.

¹³⁵ Там же. Рис. 65, 3.

¹³⁶ *Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка. С. 86.

¹³⁷ *Довженко В.И., Линка Н.В.* Раскопки раннеславянских поселений. Рис. 10; *Кухаренко Ю.В.* Раскопки у с. Сахновки // МИА. 1963. № 108. Рис. 2, 4, 7; *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. Рис. 67, 38; 88.



Рис. 6. Лепные (1) и гончарные (2, 3) сосуда культуры Луки-Райковецкой. 1 — Стайки; 2, 3 — Монастырек.

вым названием «Каневское поселение полян»¹³⁸. Памятник сложнее Сахновки, поскольку функционировал более длительное время, а его анализ сопряжен с дополнительной проблемой неудовлетворительного издания раскопок Г.Г. Мезенцевой при лишь фрагментарном введении в научный оборот работ на памятнике последних десятилетий, все еще находящихся в процессе обработки.

Каневское поселение привлекает внимание сосуществованием печей двух типов: каменных и глинобитных на материковых останцах. В комплексе лепной посуды присутствуют одновременно горшки с вертикальным венчиком волынцевской традиции, фрагменты с орна-

¹³⁸ Мезенцева Г.Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965; Синиця Є.В. Комплекс будівлі 6 з Канівського поселення (розкопки 2006 року) // *Vita Antiqua*. 2009. № 7–8; Синиця Є.В., Тертиловський Р.В. Археологічні дослідження пам'яток раннього середньовіччя на території Канівського природного заповідника: історія, здобутки, перспективи // *Археологія і давня історія України*. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології.

ментацией гребенчатым штампом, и сосуды «тясминского» варианта культуры Луки-Райковецкой¹³⁹. Среди гончарной посуды представлены как ранние сосуды середины IX в. и конца IX — начала X в. Луки-Райковецкой, так и сосуды древнерусских форм со сложнопрофилированным манжетом середины X в., выполненных, правда, в грубом толстостенном варианте, как и в горизонте разгрома древлянского Искоростеня¹⁴⁰. По сравнению с памятниками Луки-Райковецкой Житомирщины, впрочем, среди изданных материалов Каневского поселения отсутствуют характерные высокие раструбовидные гончарные сосуды, хорошо представленные в Поднепровье в Монастырьке (Рис. 6, 1, 3). Остается открытым и вопрос, выделяется ли на памятнике «догончарный» горизонт или же все исследованные комплексы в той или иной мере содержали гончарный материал.

По сравнению с Каневским поселением, в Сахновке нет печей-каменок, но и собственно материковых останцовых тоже. Основным типом здесь выступает «кубовидная» печь, сформованная из глея и глинистой массы с включением камней. Как и в керамическом наборе, здесь наблюдается сочетание элементов волынцевской культуры и культуры Луки-Райковецкой. Но в то время, как Каневское поселение продолжает функционировать до X в., а его культурный облик трансформируется в сторону культуры Луки-Райковецкой, Сахновка не выходит за рамки середины IX в.

По-видимому появление Сахновского и Каневского поселений в Поросье обусловлено подвижкой на юг остатков волынцевского населения Правобережного Поднепровья после общего катастрофического финала культуры с последующим смешением в контактной зоне с соседним населением культуры Луки-Райковецкой тясминского варианта.

Памятники культуры Луки-Райковецкой. Ареал культуры Луки-Райковецкой (или райковецкой культуры) в VIII–X вв. охватывают огромное пространство от Днепра до Карпат. В этой зоне ПВЛ насчитывает как минимум семь племенных союзов, и, разумеется, их материальная культура не может не носить региональные различия¹⁴¹. Тем

¹³⁹ Мезенцева Г.Г. Канівське поселення полян. Рис. 35–37; 40–43; 48; 62.

¹⁴⁰ Там же. Рис. 47; 48.

¹⁴¹ Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв.; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв.; Он же. Славяне в раннем средневековье; Смиленко А.Т. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой) // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 106–116; Она же. Союзы племен и археологические культуры // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 307–321; Ти-

более что уже на стадии предшествующей пражской культуры памятники Поднестровья заметно отличались от поселений житомирского Полесья типа Корчак.

В VIII — начале IX в. с волынцевскими памятниками Правобережья соседствовала с запада «древлянская» житомирская группа памятников (тип Райки)¹⁴², тогда как южнее Роси — «уличская» (тясминская) группа поселений (тип Луг I)¹⁴³. Различия между ними заметны на уровне топографии — в «уличской» группе нет городищ и поселений на возвышениях, а также в комплексе раннегончарной посуды и погребальном обряде. В середине — второй половине IX в. памятники культуры Луки-Райковецкой появляются и в Киевском Приднепровье, в том числе в самом Киеве.

Топография распространения славянского культурного слоя во второй половине IX в. в Киеве меняется в сторону максимального охвата края площадок возвышенностей вокруг Замковой горы: Кудрявец — с запада, Детинка и Старокиевская — с юга, Уздыхальница — с востока. Нет данных пока только о наличии поселения на Щекавице — с севера от Замковой горы. Потенциально самое большое поселение этого времени располагалось на самой Замковой горе, полностью обособленной от остального массива Киевских гор и поэтому идеальной для сооружения городища наиболее простым способом эскарпирования склонов с последующим ограждением периметра частоколом.

Топографическая структура Киева второй половины IX в. напоминает славянское «гнездо поселений» в миниатюре, но расстояние от городища в случае отдельных поселений обычно намного значительнее¹⁴⁴. Наблюдаемая в Киеве структура заселения площадок гор населением культуры Луки-Райковецкой более соответствует единому большому поселению, расчлененному рельефом.

На самой площадке Замковой горы райковецкий культурный слой слабый, а комплексы пока не обнаружены¹⁴⁵, но достаточно мощный слой и объекты второй половины IX — начала X в. исследованы в 1932–1940 гг. на северо-западной террасе Замковой горы¹⁴⁶.

моцук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990; *Он же.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995; *Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами.

¹⁴² *Гончаров В.К.* Лука Райковецкая; *Русанова И.П.* Славянские древности VI–IX вв.

¹⁴³ *Березовец Д.Т.* Поселения улочей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108. С. 145–208; *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. С. 47–60 и др.

¹⁴⁴ *Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. С. 159–170.

¹⁴⁵ *Климовский С.И.* Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев, 2005; *Он же.* Перспективи досліджень і нові знахідки на Замковій горі Києва // Історико-географічні дослідження в Україні. Київ, 2006. Вип. IX. С. 93–108.

¹⁴⁶ *Магура С.* До праці про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу (3 приводу

Еще одна землянка исследована В.В. Хвойкой в 1908 г. в западной части площадки Старокиевского городища¹⁴⁷. Судя по сохранившемуся рисунку, жилище представляло землянку со сводчатой глинобитной печкой, под которой был выложен камнями, а затем обмазан глиной с включением развалов раннегончарных горшков. Сосуды представлены обломками лепной и раннегончарной керамики культуры Луки-Райковецкой, а также древнерусской гончарной конца IX — начала X в. При раскопках рва Старокиевского городища 2007–2011 гг. находок лепной райковецкой керамики в заполнении не найдено, что оставляет открытым вопрос, существовала ли землянка ранее сооружения укреплений крепости или же внутри них.

Жилище с раннегончарной посудой конца IX — начала X в. исследовано в 1989 г. В.А. Харламовым на усадьбе Больницы ученых на Кудрявце. Слои с обломками лепной и раннегончарной посуды также открыты В.Н. Даниленко в 1969 г. на горе Детинке и на северных склонах горы Уздыхальницы. Изучение небольшой коллекции из этих раскопок позволило В.А. Петрашенко отнести ее к середине IX — началу X в.¹⁴⁸

Исследованные комплексы культуры Луки-Райковецкой из Киева не включают архаичных раннегончарных сосудов, слегка подправленных на круге, а также с простым подправленным или подрезанным венчиком. Таковые выделены только в слое на северо-западной террасе Замковой горы, демонстрируя исходную точку заселения территории Киева райковецким населением. Его появление в Киеве произошло не ранее середины IX в., и не позже начала X в. носители культуры Луки-Райковецкой растворяются в древнерусской среде города.

Южнее Киева горизонт середины IX в. представлен в Обухове II. В жилище 10 Обухова II найдена крючковидная серьга балканского круга¹⁴⁹, свидетельствующая об усилении «западного» вектора в комплексе украшений. Гончарной посуды Луки-Райковецкой на памятнике нет, что исключает из времени функционирования вторую половину IX в. Жилище в целом продолжает волынцевские традиции (полу-

розкопів на горі Киселівці в Києві 1932 р.) // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. 1934. Кн. 1. С. 53–74; [Козловська В.Є.] Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. // Археологія. 1947. Т. 1. С. 141–152; Шовкопляс А.М. Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве // МИА. 1963. № 108. С. 138–144.

¹⁴⁷ Іванцов І.О. Стародавній Київ. Київ, 2003. С. 76; Козюба В.К. Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907–1908 рр. в садибі М.М. Петровського в Києві // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. Трипілля, 2010. С. 59–78.

¹⁴⁸ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка. С. 17.

¹⁴⁹ Абашина Н.С. Ранньослов'янські житла поселення Обухів II. Рис. 5, 4.

землянка с глинобитной печью), но исчезает гончарная сероглиняная посуда.

В Ходосовке–Козакив Яр собственно середина IX в. под вопросом. В лепной посуде Ходосовки появляются отдельные орнаментальные приемы роменской керамики («гусеничка», наколы)¹⁵⁰, но такие комплексы, как указывалось выше, также могут датироваться и более ранним волынцевским горизонтом Битицы. Поздние же комплексы поселения с печами-каменками уже сочетаются с гончарной посудой культуры Луки-Райковецкой конца IX — первой половины X в. при отсутствии на памятнике раннекруговой посуды середины IX в. На поселении, очевидно, все же существует хронологическая лакуна между волынцевским и позднерайковецким горизонтами.

Только один из исследованных памятников региона перерастает из фазы Сахновки в заключительный этап культуры Луки-Райковецкой — Каневское поселение. Трансформация сопровождается не только изменениями в керамическом комплексе, но и сменой останцовых или глинобитных печей каменками, хотя и при сохранении своеобразия в домостроении¹⁵¹. Такие изменения вряд ли связаны с внутренней эволюцией культуры, их скорее обусловил приток нового населения.

Яркий памятник культуры Луки-Райковецкой во второй половине IX в. возникает в 25 км севернее от Каневского поселения — городище Монастырек¹⁵². Славянское население использовало защитные свойства высокого правого берега Днепра и два городища зарубинецкого времени. Обновление укреплений в IX в. зафиксировано для Западного городища Монастырька. На площадке городища исследованы жилые объекты, также заселенными были расположенное рядом Восточное городище и открытое селище. На обоих городищах выделяются по два близковременных строительных горизонта культуры Луки-Райковецкой.

Нижний горизонт поселения обычно датируется второй половиной VIII в. на основании дирхема 761/762 г. чеканки из жилища 9. В реальности на поселении не было ни одного комплекса без гончарной посуды, а среди самой гончарной посуды практически нет ранних грубых, слегка подправленных на круге сосудов середины IX в.

¹⁵⁰ *Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка. С. 31; Рис. 19/24, 5; *Она же.* Пам'ятки VIII–IX ст. С. 17.

¹⁵¹ *Мезенцева Г.Г.* Канівське поселення полян; *Синиця Є.В.* Комплекс будівлі 6 з Канівського поселення. С. 250–260.

¹⁵² *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.

Комплексы первого хронологического горизонта выделяются только благодаря преобладанию в их составе лепной посуды. Жилища второго строительного горизонта одновременно гибнут в пожаре. В керамическом комплексе 2-го горизонта гончарная посуда преобладает, причем в ее составе присутствуют как характерные высокие раструбовидные горшки «житомирской» группы культуры Луки-Райковецкой (Рис. 6, 2, 3), так и обычные древнерусские формы первой половины X в. Древнерусское влияние в комплексах маркирует не только посуда, но также костяной гребень, браслет и обломок пластинчатого перстня, ланцетовидный наконечник стрелы¹⁵³. Гончарных форм второй половины X в. на памятнике нет, что позволяет сузить дату гибели поселения до второй четверти X в., синхронно древлянскому Искоростеню. Лишь в конце XI в. на месте славянского поселения вновь отстраивается городище — древнерусский город Заруб.

Южнее древнерусского Витичева (в 40 км к северу от Монастырька) у с. Стайки расположено еще одно славянское поселение интересующего нас периода¹⁵⁴. Селище занимает возвышенность, но следов укреплений на нем не отмечено. Из исследованных комплексов материалы IX–X вв. содержит полуземляночное жилище срубной конструкции с печкой-каменкой. Как и жилища 2-го горизонта Монастырька, объект гибнет в пожаре. В керамическом комплексе преобладают лепные сосуды и слегка подправленные на круге (Рис. 6, 1), но на дне объекта обнаружена и древнерусская гончарная посуда первой половины X в., которая и определяет верхнюю дату комплекса. В отличие от Монастырька, демонстрирующего выразительный «древлянский» вектор связей, лепная и раннегончарная посуда из Стаек весьма разнородна и ближе Каневскому поселению, имеющему «сахновскую» подоснову.

В обобщающих работах в перечне славянских памятников IX–X вв. Поросья также традиционно фигурируют городища у с. Пекари и Момоты, но оснований для этого мало. Городище у с. Пекари («Княжа гора») располагается в 6 км южнее Каневского поселения. Судя по отдельным находкам лепной посуды в слое городища и посада¹⁵⁵, древнерусское поселение XII–XIII вв. здесь подстилал слой зарубинецкого времени, а не VIII–IX вв. На городище у с. Момоты подняты всего лишь несколько фрагментов лепной керамики, а укрепления не иссле-

¹⁵³ Там же. Рис. 33, 3; 54, 2, 3, 5.

¹⁵⁴ Петраускас А., Готун І., Квітницький М. Стайки-1 – поселення літописних полян // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 26–36.

¹⁵⁵ Мезенцева Г.Г. Древньоруське місто Родень (Княжа Гора). Київ, 1968. Табл. XV.

довались¹⁵⁶, поэтому ни о дате VIII–IX вв., ни тем более, о времени сооружения городища реальных данных нет.

Единственным из исследованных к настоящему времени славянских поселений Правобережного Среднего Приднепровья VIII–IX вв., перерастающим в древнерусское X–XIII вв., оказывается Киев, хотя и его не обошла стороной смена населения в постволынцевское время.

Славянские комплексы Киева второй половины IX — начала X в. объединяются в одну группу с городищем Монастырек по «высокой» топографии и наличию укреплений; а с поселениями Стайки и Каневское также расположением на высоком плато правого берега Днепра. При этом Каневское поселение и Стайки демонстрируют вероятное участие местного населения — носителей типа Сахновки в формировании райковецких памятников региона, тогда как Монастырек в чертах керамического комплекса и жилищного строительства объединяется в одну группу с древлянскими памятниками Житомирского Полесья¹⁵⁷, да и само поселение гибнет в пожаре в одно время с древлянским Искоростенем. К древлянкой (житомирской) группе культуры Луки-Райковецкой с оговорками тяготеют и поселения второй половины IX — начала X в. на плато Киева. В конце IX в. на склонах Старокиевской горы и на Подоле, а также севернее, в Вышгороде, появляются также роменцы.

Финальный результат смешения различных славянских групп в Правобережном Среднем Поднепровье антропологи фиксируют в виде мезокранного среднелищного типа древнерусского населения региона XI–XIII вв., который занимает как бы промежуточное положение между мезокранным широколицым типом древлян и долихокранным среднелищным типом северян, но на уровне кластерного анализа все же объединяется в группу с населением Днепровского Левобережья¹⁵⁸. Объяснение этого факта весьма вероятно через призму участия в генезисе древнерусского населения Правобережного Приднепровья населения волынцевской культуры VIII — начала IX в., ставшей на Левобережье генетической подосновой северянской роменской культуры IX — начала XI в.

¹⁵⁶ *Кучера М.П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 193–194; *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. С. 80.

¹⁵⁷ *Петрашенко В.О.* Літописні древляни та їх вплив на формування матеріальної культури сусідніх територій // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 219–222.

¹⁵⁸ *Рудич Т.О.* Антропологічний склад населення північних районів України X–XIII ст. (правий берег Дніпра) // *Vita Antiqua*. 2003. № 5–6. С. 202–214; Рис. 1.

Поляне: археология и летопись. Историческая наука прошла путь от полного доверия к сообщениям недатированной части ПВЛ до признания их полностью легендарными или сконструированными самим летописцем.

Невозможность установить подлинность факта приводит к концентрации усилий на поисках вероятных источников заимствования сообщений. Особенно незавидная позиция при этом устных нарративных источников, и существование, и достоверность которых не могут не вызывать сомнений. Не удивительно, что и «Полянское княжение», и даже сами «поляне», с началом критического пересмотра сведений ПВЛ о славянском расселении были объявлены всего лишь литературной конструкцией древнерусского летописца¹⁵⁹.

Источниковая база археологии постоянно расширяется, но традиционно широко используя племенную номенклатуру летописи, археологи редко обращаются к событийной канве повествования недатированной части, а тем более, пытаются верифицировать ее сообщения при помощи археологического материала. Единственное исключение — сюжет об основании Киева, многократно разобранный на предмет соответствия археологическим реалиям¹⁶⁰.

Рассказ об основании Киева помещен в ПВЛ ранее таких событий как приход болгар в славянские земли Подунавья (680 г.) и персидского похода Ираклия 624–626 гг., но после повествования о славянском расселении. Затем летописец вспоминает об аварской осаде Константинополя 626 г., и о насилии авар над дулебами. «По сихъ же летехъ по смрти братъе се, быша обидимы Древлями [и] иными окольними, и найдоща Козаре сидящ на горах сихъ в лесехъ и реша Козари, платите намъ дань»¹⁶¹.

Появление хазар столь далеко на север от степи под Киевом, как и обложение данью из племен Правобережья только полян, неоднократно вызвали сомнения. Их позволяют полностью снять находки в регионе славянских кладов второй половины VII — начала VIII в.¹⁶²,

¹⁵⁹ Коринный Н.Н. Переяславская земля X — первая половина XIII века. Киев, 1992; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995.

¹⁶⁰ Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964; Боровський Я.Є. Походження Києва. Історіографічний нарис. Київ, 1981; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества; Толочко П.П. Древний Киев.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 16, 17.

¹⁶² Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов». Кат. 3; 25–27; 64.

а также кочевнические погребения из Журавлихи конца VII — начала VIII в. и Геленовки (Оленовки) второй четверти VIII в.¹⁶³

Пребывание кочевников в Киевском Поднепровье не было длительным, охватив период от конца VII в. до 30-х гг. VIII в. Находки последующего салтовского периода материальной культуры Хазарского каганата в регионе происходят исключительно с аграрных волынцевских поселений (Ходосовка, Григоровка, Столпяги), поэтому ни о каких «хазарских гарнизонах» в Поднепровье говорить не приходится¹⁶⁴.

Волынцевская культура отражает ареал распространения салтовских импортов в славянской среде Среднего Поднепровья: гончарные сосуды, амфоры, украшения, предметы вооружения и снаряжения коня, орудия труда и др. Ее географический ареал несколько уже, чем описанные ПВЛ границы расселения хазарских данников — полян, северян, радимичей, вятичей, но отдельные сосуды и украшения волынцевского круга известны и в вятичском ареале Поочья и Подонья¹⁶⁵.

Небольшой волынцевский анклав на Правобережье (Рис. 5) объединяет с левобережной частью культуры появление памятников в зоне, где на рубеже VII–VIII вв. фиксируется глубокое проникновение кочевников в лесостепь. Даже сам этноним «поляне», восходящий к древнерусскому «поле» — «степь», может свидетельствовать о выделении данной группы славянского населения Поднепровья именно благодаря его зависимости от хазар («степняков»), в противовес свободным соседям Правобережья — древлянам и уличам.

Следы единовременных пожаров на волынцевских поселениях региона говорят о вероятном вражеском набеге, но синхронность данного события гибели Битицкого городища и ряда других поселений севера волынцевского ареала Левобережья Днепра (судя по показаниям монет кладов, ок. 813–815 гг.) скорее свидетельствует о масштабной

¹⁶³ *Rulikowski E.* Mogila w Helenowce w powiecie Wasylkowskim na Ukrainie w roku 1879 zbadana // *Zbiór Wiadomości do Antropologii krajowej*. Kraków, 1880. T. IV, dl. I. S. 1–8; *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // *Хазары*. М., Иерусалим, 2005. С. 207–218; *Он же.* Погребение кочевника начала VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2006. Т. 5. С. 403–412.

¹⁶⁴ *Golb N., Pritsak O.* *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, New York, 1982; *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды. С. 207–218.

¹⁶⁵ *Никольская Т.Н.* Земля вятичей (к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.). М., 1981. Рис. 10, 4–6; 11, 12, 16; *Винников А.З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII — начало XI века. Воронеж, 1995. Рис. 40, 8–15; *Григорьев А.В.* О финальном этапе волынцевских древностей // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ*, 2004. С. 23–25; *Он же.* Славянское население Оки и Дона. Тула. 2005. Рис. 52, 11–3.

военно-политической акции, резко изменившей зону влияния Хазарского каганата на славянские племена.

Салтовских находок позже первой трети IX в. на Правобережье Днепра нет, вместо этого в 30-х гг. IX в. на политической арене впервые появляются «русы». Именно с приходом в Киев варягов Аскольда и Дира ПВЛ ассоциирует освобождение полян от хазарской дани.

Материальные следы присутствия в Поднепровье IX в. других этносов, впрочем, уводят нас совсем к иному летописному сообщению. С Бучакского поселения происходит литая серьга IX в. с многоярусной подвеской¹⁶⁶, которая ближе не салтовским серьгам, а изделиям круга памятников Субботцевского типа, оставленных древними мадьярами. Самое северное из известных в настоящий момент древневенгерских захоронений Поднепровья открыто в 1899 г. в кургане у с. Бабичи¹⁶⁷, что в 15 км на север от Сахновского поселения и в 14 км на юго-запад от Каневского. Славяне региона несомненно контактировали с мадьярами, возможно, даже действительно достигавшими Киева.

Само свидетельство ПВЛ о появлении мадьяр под Киевом скорее принадлежит к «топографическим» легендам, учитывая существование урочища «Угорское» и «Угорских ворот»¹⁶⁸. Обращенные к югу «Угорские ворота» указывают на возникновение топонима еще в период 835–889 гг., когда путь из Киева на юг действительно вел по направлению к Уграм, как справедливо отмечено летописью, в то время, подобно половцам, практиковавшим кочевой образ жизни.

Загадочное и труднокомментируемое утверждение летописи о том, что поляне «быша обидимы Древлями [и] иными окольними» традиционно рассматривалось как подчеркивание малочисленности полян, библейская параллель и т. п. Наличие в полянском ареале памятников культуры Луки-Райковецкой с «древлянскими» чертами (Киев и более выразительно — Монастырек) заставляет археолога и здесь подозревать отражение какого-то устного нарратива, возможно, народной памяти о принадлежности в IX в. Киева к градам Древлянской земли, в противовес которой летописцу пришлось обратиться к легенде об основании Киева полянами.

Следуя в русле варяжской династической версии происхождения Древнерусского государства, летописец описал захват Олегом Киева

¹⁶⁶ *Петрашенко В.О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян. Рис. 1.

¹⁶⁷ Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899. С. 81; *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов». С. 358; Табл. 3.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25, 26; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 17, 18, 428.

просто как смену правителей. Более существенные изменения фиксирует археология.

Из относительно большого, но потестарного славянского общинного поселения Киев в конце IX в. скачкообразно становится мультикультурным центром, где смешивается население Право- и Левобережья Днепра, Севера и Юга Руси, славянского и скандинавского происхождения. Лепная и гончарная посуда культуры Луки-Райковецкой сменяется гончарной древнерусской. Едва различимые подкурганные погребения с кремациями в урнах сменяются ингумациями в ямах в сопровождении вооружения и предметов «престижной» культуры, демонстрирующих статус погребенного. Все признаки города и социально ранжированного общества появляются в Киеве именно в конце IX в.

Разумеется, если рассматривать включение Среднего Поднепровья в орбиту русского влияния уже в середине IX в., для него неприменима торгово-колониционная модель Ладоги или сходных центров Севера Руси. Начальный этап образования Южной Руси протекал через обычную для раннегосударственных образований модель набегов, «кормления» и наместничества, чем, очевидно, и объяснялся «некняжеский» статус Аскольда и Дира. Ликвидация податной зоны Хазарского каганата на землях полян, северян, радимичей при этом сопровождалась заменой верховного адресата податей — «кагана», новым «каганом русов», независимо от того, понимали ли сами русы смысл присваиваемого ими титула¹⁶⁹.

Поляне несомненно стали «Русью». Со временем. Как и остальные славянские племена, объединенные в Древнерусское государство. Играли ли поляне «особую роль» в его образовании? Археологические данные, которыми мы располагаем на данный момент, говорят, что скорее нет. В VIII–IX вв. в предполагаемом ареале расселения полян не наблюдается ни значительных ремесленных или общинных центров, ни концентрации поселений, свидетельствующих о демографическом потенциале. И только позже, в X–XII вв., действительно происходит констатируемая антропологами инфильтрация носителей мезокранного среднелицевого физического типа («киевских полян») в города Левобережья Днепра, в том числе в Чернигов и Переяславль. Но эти события — уже часть собственно древнерусской истории, не имеющие никакого отношения к предгосударственному периоду.

¹⁶⁹Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ. 1999 г. М., 2001. С. 127–142; Комар О.В. Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернівці, 2003. С. 102–107.

В VIII — начале IX в. «поляне» составляли небольшую локальную группу населения волынцевской культуры, отличаясь от северян лишь расположением за Днестром. После разгрома волынцевских центров и перегруппировки северян на северо-востоке ареала с ядром в Посемье, в середине IX в. на Левобережье Днестра развивается роменская культура. Остатки полян Правобережья, напротив, сдвигаются на юг, в Поросье, где попадают под влияние культуры Луки-Райковецкой «уличского» варианта, формируя синтезные памятники типа Сахновки, как показывает пример Каневского поселения, уже во второй половине IX в. также вливающиеся в культуру Луки-Райковецкой.

Севернее, в Киевском Приднепровье во второй половине IX в. возникают городища культуры Луки-Райковецкой в Киеве и Монастырьке, связанные с притоком нового населения из древлянских земель. Но, овладев в конце IX в. Киевом, князь Олег воссоздает определенный паритет, переселяя в Киев и новообразованный Вышгород группы северянского роменского населения, которые уже к середине X в. сложно вычленишь из массы рядовых жителей города.

Длительный период, до самого конца X в., Киев полностью лишен сельскохозяйственной округи, являясь только политическим, ремесленным и торговым центром. Образованию древнерусского города на месте славянского поселения Киев несомненно обязан своему стратегическому местоположению на пересечении Днестровской и Деснянской речных магистралей, тогда как поляне своим неожиданным возвышением над другими славянскими племенами на страницах истории обязаны именно древнерусскому Киеву.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С. Ранньослов'янські житла поселення Обухів II // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 277–300.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Алексеева Т.И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 160–169.

Андросюк Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні: Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. Київ, 1999.

Андросюк Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. 2004. Т. III. С. 7–47.

Артамонов М.И. Тюрко-болгары и славяне в Западном Причерноморье // Славяните и средиземноморският свят VI–IX век. София, 1973. С. 267–270.

Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 276–279.

Башилов В.А. Раннеславянское жилище на поселении у с. Хански в Молдавии // МИА. 1963. № 108. С. 382–385.

Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. 3. С. 242–250.

Березовець Д.Т. Харівський скарб // Археологія. 1952. Т. VI. С. 109–119.

Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 28–44.

Березовець Д.Т. Поселення уличей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108. С. 145–208.

Березовець Д.Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Боровский Я.Е., Сагайдак М.А. Археологические исследования Верхнего Киева 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 38–60.

Боровський Я.Є. Походження Києва. Історіографічний нарис. Київ, 1981.

Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII — начало XI века. Воронеж, 1995.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // АО 1991–2004 гг.: Европейская Россия. М., 2009. С. 308–319.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 133–136.

Гончаров В.К. Лука Райковецкая // МИА. № 108. 1963. С. 283–315.

Горюнов Е.А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в VI — начале VIII в. // СА. 1973. № 4. С. 99–112.

Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 3–10.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Готун І.А., Гаскевич Д.Л., Казимір О.М., Лисенко С.Д., Петраускас А.В., Петраускас О.В. Північна експедиція ІА НАН України: матеріали і дослідження. Київ, 2007. Вип. 1. Поселення між Ходосівкою та Лісниками. Дослідження 2003 р.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Григорьев А.В. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 23–25.

Григорьев А.В. Славянское население Оки и Дона. Тула. 2005.

Дедов В.Н., Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбасе // СА. 1987. No 1. С. 262–263.

Довженко В.И., Линка Н.В. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. 1959. № 70. С. 102–113.

Долженко Ю.В. Населення Чернігова і округи за доби середньовіччя (антропологічний аспект) // Археологія. № 1. 2010. С. 42–49.

Долженко Ю.В. До антропології похованих у Чернігівському Некрополі XI–XIII ст. // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2011. Вип. 26. С. 48–75.

Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины (по материалам могильника у с. Каменное) // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Київ, 1984. С. 4–26.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

Енуков В.В. Роменские курганы у с. Лебяжье на Сейме // Уч. зап. Електронний научний журнал Курского гос. ун-та. 2011. Вип. 3 (19). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/021--004.pdf>

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. М., 1948 (МИА. № 8).

Ефимова С.Г. Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 185–204.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Скарб срібних прикрас VIII століття з Андріяшівки на Сулі. Київ, 2004.

Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII веков. М., 2009.

Звіздецький Б.А. Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008.

Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Йолшин Д.Д. Археологічні

- дослідження території навколо Десятинної церкви 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. Київ, 2008. С. 122–126.
- Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В.* Археологічні дослідження ділянок біля Десятинної церкви 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ, 2009. С. 91–93.
- Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В.* Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 169–172.
- Іванцов І.О.* Стародавній Київ. Київ, 2003.
- Казаков А.Л.* Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 109–115.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М., Л., 1958. Т. 1.
- Каталог виставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899.
- Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982.
- Климовский С.И.* Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев, 2005.
- Климовський С.* Перспективи досліджень і нові знахідки на Замковій горі Києва // Історико-географічні дослідження в Україні. Київ, 2006. Вип. IX. С. 93–108.
- [Козловська В.С.]* Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. // Археологія. 1947. Т. 1. С. 141–152.
- Козюба В.К.* Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907–1908 рр. в садибі М.М. Петровського в Києві // Науководослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. Трипілля, 2010. С. 59–78.
- Колода В.В.* К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян // Хазары. М., Иерусалим, 2005. С. 338–345.
- Колода В.В.* Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиций конца I тысячелетия в Днепро-Днепровском лесостепном Левобережье // Славяно-русские древности Днепро-Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 108–112.
- Колода В.В., Колода Т.А.* Керамика раннеславянского городища Водяное на Харьковщине // Stratum plus. 2005–2009. № 5. С. 249–264.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. Киев, 1999. № 2. С. 111–136.
- Комар А.В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 103–117.

Комар О.В. Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернівці, 2003. С. 102–107.

Комар А.В. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев, Судак, 2004. Ч. III–IV. С. 87–91.

Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М., Иерусалим, 2005. С. 207–218.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 7–244.

Комар А.В. Погребение кочевника начала VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 403–412.

Комар А.В. Что такое «пастырская культура» // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 2007. Т. 4–1. С. 35–52.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 169–206.

Комар А.В. Древние мадьяры Етелькёза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Київ, 2011. Вип. 7: Мадяри в Середньому Подніпров'ї. С. 21–78.

Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. № 5. С. 143–164.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 159–173.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М., 1954.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы и исследования по истории и археологии Таврии. 1996. Вып. 5. С. 352–435, 586–705.

Коринный Н.Н. Переяславская земля X — первая половина XIII века. Киев, 1992.

- Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Эпиграфика и нумизматика. 1971. Т. IX. С. 76–98.
- Кравченко Н.М.* Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 74–92.
- Кравченко Н.М., Струнка М.Л.* Реконструкція інтер'єру слов'янського житла VIII–IX ст. // Археологія. 1984. Вип. 45. С. 80–84.
- Кухаренко Ю.В.* Раскопки у с. Сахновки // МИА. 1963. № 108. С. 243–250.
- Кучера М.П.* Давньоруські городища на правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 176–197.
- Любичев М.В.* Памятники типа Сахновки на Северском Донце // Вісник Харківського університету. 2002. № 566: Історія. Вип. 34. С. 13–20.
- Ляпушкин И.И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. 1947. Т. IX. С. 121–136.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М., 1958 (МИА. № 74).
- Ляпушкин И.И.* К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 58–83.
- Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М., 1961 (МИА. № 104).
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). М., 1968 (МИА. № 152).
- Магура С.* До праці про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу: (З приводу розкопів на горі Киселівці в Києві 1932 р.) // Наук. Зап. Інституту історії матеріальної культури. 1934. Кн. 1. С. 53–74.
- Макаренко Н.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1908. Вып. 5. С. 203–212.
- Макаренко Н.* Отчетъ об археологических исследованиях в Полтавской губернии въ 1906 г. // ИАК. 1907. Вып. 22. С. 55–68.
- Макаренко М.* Городище «Монастирище» // Зап. Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1925. Т. 19. С. 3–23.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1900.

- Махно Є.В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яніц // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. IX. С. 14–38.
- Мезенцева Г.Г.* Канівське поселення полян. Київ, 1965.
- Мезенцева Г.Г.* Древньюоруське місто Родень (Княжа Гора). Київ, 1968.
- Михайлина Л.П.* Хронологія та періодизація старожитностей райковецької культури // Археологічні студії. Чернівці, 2000. Вип. 1. С. 119–129.
- Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007.
- Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев, 1987.
- Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990.
- Моця О.П.* Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей (к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.). М., 1981.
- Обломский А.М. Терпиловский Р.В.* Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. С. 5–16.
- Обломский А.М., Щеглова О.А.* Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 130–133.
- Отчет Археологической комиссии за 1905 г. СПб, 1908.
- Орлов Р.С.* Розвідка ранньослов'янських пам'яток поблизу Києва // Археологія. 1972. Вип. 5. С. 96–106.
- Петраускас А., Готун І., Квітницький М.* Стайки-1 – поселення літописних полян // Наукові зап. з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 26–36.
- Петрашенко В.А.* Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII–X вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1982.
- Петрашенко В.А.* Древнерусское село: по материалам поселений у с. Григоровка. Киев, 2005.
- Петрашенко В.О.* Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї (за матеріалами Ходосівського поселення) // Археологія. 1989. № 2. С. 32–44.
- Петрашенко В.А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 47–50.

- Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992.
- Петрашенко В.О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 181–187.
- Петрашенко В.О.* Літописні поляни — міф чи реальність // Археологія. 1998. № 2. С. 53–62.
- Петрашенко В.О.* Пам'ятки VIII–IX ст. Правобережного Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997. С. 6–19.
- Петрашенко В.О.* Про один керамічний комплекс VIII–IX ст. з Середнього Подніпров'я // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 154–160.
- Петрашенко В.О.* Хронологія та походження середньодніпровської кружалної кераміки VIII — початку XI ст. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів, 2003. С. 125–130.
- Петрашенко В.О.* Літописні древляни та їх вплив на формування матеріальної культури сусідніх територій // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 219–222.
- Петраускас А., Готун І., Квітницький М.* Стайки-1 — поселення літописних полян // Наукові зап. з української історії. 2008. Вип. 20. С. 26–36.
- Петров В.П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. // МИА. 1963. № 108. С. 209–233.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995.
- Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. 2001. С. 127–142.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Покас П.М.* До антропології середньовічного населення басейну р. Псел // Археологія. № 58. 1987. С. 94–99.
- Приходнюк О.М.* Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 101–119.
- Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980.
- Приходнюк О.М.* Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М., 1990. С. 75–108.

Приходнюк О.М. Фибулы Пастырського городища // Евразійська степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 48–73.

Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.

Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивський клад // *Archaeoslavica*. 1998. Т. 3. S. 243–278.

Рудич Т.О. Антропологічний склад населення північних районів України X–XIII ст. (правий берег Дніпра) // *Vita Antiqua*. 2003. № 5–6. С. 202–214.

Рудич Т.О. До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України давньоруської доби (за матеріалами з могильника на околиці м. Переяслава-Хмельницького) // Наукові зап. з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 96–103.

Рудич Т.О. Населення Лівобережної України давньоруської доби за матеріалами антропології // *Археологія*. 2009. № 4. С. 16–25.

Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966 (САИ. Вып. Е1–24).

Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973 (САИ. Вып. Е1–25).

Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // *ВДИ*. 1939. Т. 1. С. 319–337.

Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // *СЭ*. 1947. Т. 6–7. С. 81–105.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1982.

Савчук А.П. Ранньослов'янське поселення поблизу Переяслава-Хмельницького // *Археологія*. 1983. Вип. 42. С. 88–90.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Київ, 1991.

Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение в истории // Труды III Археологического съезда. 1878. Т. I. С. 185–224.

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Русский каганат IX века // *ОИ*. 1998. № 4. С. 3–14.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Синиця Є.В. Комплекс будівлі 6 з Канівського поселення (розкопки 2006 року) // *Vita Antiqua*. 2009. № 7–8. С. 250–260.

Синиця Є.В., Тертиловський Р.В. Археологічні дослідження пам'яток раннього середньовіччя на території Канівського природного заповідника: історія, здобутки, перспективи // *Археологія і давня історія України*. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ, 2010. С. 226–237.

Смиленко А.Т. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой) // *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев, 1985. С. 106–116.

Смиленко А.Т. Союзы племен и археологические культуры // *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев, 1990. С. 307–321.

Смиленко А.Т., Юренко С.П. Керамика // *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев, 1990. С. 279–290.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен // *ЖМНП*. 1899. № СССXXIV. С. 301–340.

Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Приймак В.В. Пізнороменські комплекси з посаду літописної Лтави (за розкопками 1997–1998 рр.) // *Археологічний літопис Лівобережної України*. 2001. № 1. С. 52–76.

Супруненко О.Б. *и др.* Дослідження посаду літописної Лтави: Миколаївська гірка. Київ; Полтава, 2008.

Супруненко О.Б. *и др.* Дослідження посаду Літописної Лтави: Інститутська гора. Київ; Полтава, 2009. Ч. 1–2.

Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Пізнороменське житло на посаді літописної Лтави // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень*. 2008. Т. II. С. 122–131.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Сухобоков О.В. До питання про пам'ятки волинцевського типу // *Археологія*. 1977. Вип. 21. С. 50–66.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ, 1992.

Сухобоков О.В. Деякі питання етнокультурної історії Лівобережної України останньої третини I — початку II тис. н. е. // *Археологічний літопис Лівобережної України*. 1998. № 12. С. 59–65.

Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // *Археологія*. 1999. № 2. С. 25–40.

Сухобоков О.В., Приймак В.В., Вознесенская Г.А. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища // Славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 92–105.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 116–125.

Сухобоков О.В., Юренко С. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава, 1995.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Орнаментация волинцевського-роменського керамічного комплексу // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 161–176.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. До вивчення волинцевських пам'яток // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I — початку II тисячоліття). Суми, 2003. С. 22–47.

Терпиловський Р.В. Поселение I тыс. н.э. у с. Роище на Черниговщине // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М., 1990. С. 45–74.

Терпиловський Р.В. Старожитності другої — третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 39–48.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка I — багатопарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.

Терпиловський Р.В., Шекун А.В. Нові дослідження ранньослов'янського поселення Олександрівка I // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 215–238.

Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 56–75.

Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М., 1990.

Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.

Тихомиров Н.А. Могильник Лебяжье 3 под Курском // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 164–175.

Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.

Толочко П.П. Киев и Чернигов в IX–XIII вв. // Чернигов и его округа. Киев, 1988. С. 15–21.

Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1996.

Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 19–55.

Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4. С. 78–90.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья // СЭ. 1946. № 1. С. 91–136.

Хавлюк П.И. Славянские поселения VIII — начала IX вв. на Южном Буге // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 116–126.

Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VIII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 93–102.

Шовкопляс А.М. Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киве // МИА. 1963. № 108. С. 138–144.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков. 1962.

Шрамко Б.А., Скирда В.В. Рождение Харькова. Харьков. 2004.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 15–23.

Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII — первой половины VIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77–83.

Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинев, 2008.

Юренко С.П. Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 124–135.

Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. (волынцевская культура). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; New York, 1982.

Rulikowski E. Mogila w Helenowce w powiecie Wasylkowskim na Ukrainie w roku 1879 zbadana // Zbior Wiadomosci do Antropologii krajowej. Kraków, 1880. T. IV, dl. I. S. 1–8.

РЕЗЮМЕ

В статье проанализировано современное состояние проблемы выделения археологических памятников полян и их соотношения с культурами соседних племенных образований — северян, древлян, уличей.

Правобережное Киевское Приднепровье VIII–X вв. не демонстрирует эволюционное развитие одного культурного типа. В VIII — начале IX в. в регионе выделяются памятники волынцевской культуры, занимающей преимущественно Днепровское Левобережье и выступающей подосновой северянской роменской культуры (середина IX — первая треть XI в.). Остатки правобережной группы волынцевского населения в середине IX в. в контакте с населением тясминского («уличского») варианта культуры Луки Райковецкой формируют памятники типа Сахновки в Поросье. Во второй половине IX — первой половине X в. в Киевском Приднепровье возникают городища и поселения житомирского («древлянского») варианта культуры Луки Райковецкой.

Сложнее сценарий культурных изменений в «полянском центре» — Киеве. Волынцевское поселение на Строкиевской горе в середине IX в. сменяется городищем культуры Луки-Райковецкой на Замковой горе и окружающими его неукрепленными поселками на соседних возвышенностях. В конце IX в. возникает древнерусский Подол, а затем и второе городище на Старокиевской горе, на склонах которой, а также на Подоле, поселяется население северянской роменской культуры. В начале X в. остатки «племенных» черт в Киеве постепенно стираются под давлением ремесленной древнерусской культуры.

Ключевые слова: поляне, северяне, древляне, уличи, Древняя Русь, Хазарский каганат, мадьяры, волынцевская культура, роменская культура, культура Луки-Райковецкой, тип Сахновки, Среднее Поднепровье, хронология археологических культур.

ABSTRACT

The paper analyzes the current state of the problem of isolation of archaeological sites belonging to the Poliane and their relationship with archaeological cultures of neighboring Slavic groups — the Severiane, the Drevliane, and the Ulichi.

The right-bank Dnieper area near Kiev does not demonstrate an evolu-

tionary development of cultural types in the eighth to tenth centuries A.D. In the eighth and early ninth centuries the sites of the Volyntsevo archaeological culture are predominant in the region. They occupy mostly the left bank of the Dnieper and serve as substrata for the Romenskaja culture of the Severiane (mid-ninth to early eleventh century). The remains of the right bank Volyntsevo culture population formed the Sakhnovka type monuments in close contact with the population of Tyasmin (“Ulichy”) variant of the Luka-Raikovetskaja culture in the middle of the ninth century. At the second half of the tenth century new hillforts and settlements of Zhytomyr (“Drevlyanian”) variant of the Luka-Raikovetskaja culture appeared in the right-bank Dnieper area near Kiev.

The scenario of cultural changes in the “Polianian center” Kiev is more complex. The Volyntsevo settlement on the Starokievskaja hill was replaced by a hillfort of Luka-Raikovetskaja culture and unfortified settlements of the same culture appeared on the neighboring hills in the mid-ninth century. A new Down-town (Podol) and the second Old Rus’ hillfort on the Starokievskaja hill were built in the late ninth century with the help of newcomers of the Severiane’s Romenskaja culture. The remains of “tribal” traits in Kiev gradually disappeared in the early tenth century under the pressure of the Rus’ culture.

Key words: Poliane, Severiane, Drevliane, Ulichy, Old Rus’, Khazarian Khaganate, Magyars, Volyntsevo culture, Romenskaja culture, Luka-Raikovetskaja culture, Sakhnovka type, Middle Dnieper region, chronology of archeological cultures.

А.А. Горский

О СТАДИИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА РУСЬ

В исторической литературе представления о том, каким было восточнославянское общество накануне образования государства Русь, различаются достаточно радикально. На одном полюсе — суждения о славянском обществе как социуме «без вертикальной иерархии, где нет имущественного неравенства»¹. В отечественной историографии обычны тезисы о том, что у восточных славян шли процессы государствообразования. Как этап на этом пути рассматриваются так называемые «племенные княжения». Этим термином обозначают восточнославянские догосударственные общности, названные во вводной, недатированной части ПВЛ, с того времени, когда в них появляются свои «княжения» (термин летописи). Следующим этапом признается формирование южного и северного протогосударственных объединений: соответственно в Среднем Поднепровье, в земле полян, и на Севере Восточной Европы, в землях словен и части кривичей².

Общим для авторов, пишущих об образовании государства на Руси, независимо от позиций, продолжает оставаться признание, что славяне жили племенным строем. Оно питается классическим представлением (сформулированным в XIX в. Л.Г. Морганом и в популярной форме изложенным Ф. Энгельсом³), что государству в истории того

¹ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000. С. 114. Ср.: «У славян не было (накануне прихода варяжских князей. — А.Г.) ничего, что напоминало бы хотя бы самую рудиментарную форму государственности» (Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 45–46).

² См.: Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972; Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

³ Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934.

или иного народа предшествует родоплеменное общество — основанное на кровнородственных связях. Таким образом, согласно общепринятому мнению, славянские догосударственные общности являлись «племенами»⁴. Поскольку у западных и южных славян прослеживается двухступенчатая структура — небольшие общности со своими самоназваниями составляют более крупные⁵ — ко вторым часто применяется термин «союзы племен», а племенами считаются их составные части⁶.

Автор этих строк некоторое время назад постарался обратить внимание на то, что такой взгляд плохо соотносится с некоторыми чертами этнонимии раннесредневекового славянства. Ход рассуждений сводится вкратце к следующему⁷.

Большинство названий славянских догосударственных общностей, донесенных источниками VII–XII вв., связано с местностью обитания — гидронимом, особенностями ландшафта или дославянским названием местности⁸. При этом большая часть этих «топонимических»

⁴Этот термин применяется так уверенно, что у неспециалиста может сложиться впечатление, что славянские догосударственные общности называются «племенами» в источниках (тем более что слово *племя* — общеславянское и древнее). Но это не так, данный термин появился для их обозначения только под перьями ученых Нового времени. В раннее Средневековье слово *племя* имело другие значения (см.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2000. С. 418–419). Тем не менее историографическая традиция применения к славянским общностям раннего Средневековья этого термина столь устойчива, что порой сбивает с толку даже специалистов. Так, недавно А.П. Толочко всерьез рассуждал о том, что автор ПВЛ из всех терминов, обозначающих в древнерусском языке этнические общности, выбрал слово *племя*, и «последовательно» (!) применял его к общностям восточных славян (*Tolochko O.P. The Primary Chronicle's "Ethnography" Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2008. P. 170–172, 179*). А ведь для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно обратиться к тексту источника: в нем эти группировки не обозначаются ни как «племена», ни через какой-либо иной *terminus technicus*.

⁵Например, общность ободритов состояла из собственно ободритов, вагров, варнов и полабов. О двухступенчатой структуре славянских раннесредневековых догосударственных общностей см.: *Lowmianski H. Początki Polski. Warszawa, 1970. T. 4. S. 33–39*.

⁶В отношении восточных славян допускается, что упомянутые в источниках группировки — это именно «союзы племен», а названия их составных частей («племен») до нас не дошли, за исключением единичных случаев (см.: *Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 263–264*).

⁷Подробно см.: *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160–177; 2-е изд.: СПб., 2011. С. 135–154. См. также: Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 10–14.*

⁸Такие этнонимы составляют около 80 % от числа названий, чья этимология определяется (причем это соотношение неизменно по всем регионам расселения славянства, включая восточноевропейский). При этом неверным оказывается распространенное представление, что к топонимам восходят названия с суффиксом *-ян*, а названия с суффиксом *-ич* связаны с личными именами (патронимами). Лишь единицы из названий на «ичи» могут быть возведены к

названий (около 80 %) фиксируется на территории, колонизованной славянами не ранее VI–VII вв., в ходе происходившего в ту эпоху расселения славян на пространствах Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы⁹. А это значит, что перед нами названия, возникшие на новом месте обитания (коль скоро они образованы от местных топонимов), а не наименования древних племен, переселившихся на новое место. Между тем этноним, самоназвание — важнейший индикатор этнической общности, к которой относится племя в классическом его понимании. Если признать, что в ходе Расселения VI–VII вв. у славян произошла массовая смена этнонимов, то неизбежен вывод, что под новыми именами скрывались не прежние, существовавшие до миграций племена, а новообразования, сложившиеся в ходе Расселения или уже на месте нового обитания из осколков старых племен. То есть надо признать, что в ходе Расселения произошел слом племенной структуры славянского общества. Известные нам славянские догосударственные общности раннего Средневековья, в том числе восточнославянские¹⁰, суть новообразования. Собственно племена, по-видимому, существовали у славян до начала Расселения. Ранее автор этих строк предлагал использовать для обозначения славянских догосударственных общностей раннего Средневековья термины «племенное княжество» и «союз племенных княжеств». Но такая терминология, во-первых, не очень удобна в употреблении (т. к. требует двух-трех слов), во-вторых, благодаря применению определения «племенное», сохраняет иллюзию, что эти общности носили все же родоплеменной характер. Поэтому представляется целесообразным использовать для обозначения славянских догосударственных образований термин, применявшийся к ним в византийских источниках, — «славинии» (Σκλαβηνία, Σκλαβυνία)¹¹. Об-

личному имени, в то же время многие из них восходят к особенностям местности (*дреговичи, конавличы, берзичи, струменичи, езеричи, нижичи, ситичи*).

⁹Это Расселение славян являло собой завершающий этап Великого переселения народов IV–VII вв.

¹⁰В Восточноевропейском регионе к «топонимическим» относятся 7 названий из 9, чья этимология ясна (*бужане, дреговичи, древляне, лендзяне, пищаньцы, полочане, поляне*). Кроме этого, скорее всего, к местностям обитания восходят такие наименования, как *север, уличи и тиверцы*. Не может восходить к эпохе ранее Расселения и принятие общеславянского названия *словене* в качестве наименования группировки, расселившейся на севере Восточной Европы в иноязычном окружении. Неясно время появления лишь таких названий, как *волянские, вятичи, дулебы, кривичи, радимичи и хорваты*.

¹¹См. об этом термине: *Литавин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. В основном он употреблялся по отношению к южнославянским общностям — соседям Византии, но Константин Багрянородный именует «славиниями» и восточнославянские объединения, зависимые в середине X в. от киевских князей, а также западнославянские общности, сосед-

разования, включавшие в себя несколько общностей, имеющих свои самоназвания, можно именовать «союзами славиний».

Хотя в новейшей литературе можно встретить согласие с выводом о разрушении племенной структуры в ходе Расселения славян¹², термин «племя» продолжает использоваться для обозначения славянских, в том числе восточнославянских, догосударственных общностей. В беседах с коллегами приходится слышать, что это не архаизация, что понятие «племенное» всего лишь синоним «догосударственного». Но такой подход входит в противоречие с достижениями современной этнологии.

В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до Нового времени, специалисты по политической антропологии пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom* (от *chief* «вождь»), что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Примечательно, что вождества, по наблюдениям этнологов, возникают не в результате эволюции племен, а как результат объединения нескольких более мелких, чем племя, группировок — общин. Главное отличие сложных вождеств от простых усматривают в том, что первые включают в себя подчиненные простые вождества, а у власти находится правящий клан. Иногда выделяют также стадию сверхсложных вождеств, в которых главенствующей общности подчинены сложные вождества. При переходе от вождества к государству власть на местах переходит от местных знатных родов к наместникам верховного правителя, вместо сбора дани формируется более сложная налоговая система¹³.

Таким образом, с точки зрения современной политической антропологии, вопрос об уровне развития славянских (в т.ч. восточносла-

ствовавшие с Франкским государством в IX в. (*Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1989. С. 44–45, 50–51, 107–109).

¹²См.: *Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // *Средневековая Русь.* М., 2004. Вып. 4. С. 71–72.

¹³См.: *Альтернативные пути к цивилизации.* М., 2000; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

вянских) догосударственных общностей стоит так: они были племенами или вождествами? И если вождествами, то простыми или сложными?¹⁴

Выше было отмечено, что анализ славянских этнонимов раннего Средневековья ведет к выводу, что славянские (в том числе восточнославянские) догосударственные общности — «славинии» — складывались путем дробления племен и формирования новообразований на месте нового поселения из их осколков. Такой путь образования — через объединение нескольких единиц, меньших чем племя, — типичен для вождеств. Но наиболее показательными для решения вопроса о характере «славиний» могут стать сведения о славянской знати. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

IV век. К событиям конца столетия относится сообщение готского историка VI в. Иордана о правителе (*rex*) антов Бозе и его 70 *primates*, захваченных и казненных вместе с ним готским королем Винитарием¹⁵. Антами именовалось объединение части славян, распавшееся в начале VII в.¹⁶ Поскольку источник отстоит от события почти на два столетия, известие носит легендарный характер. Ясно, что у антов был вождь, а вот что представляли собой его «первые», были они наследственной знатью или дружиной Боза, определить затруднительно.

VI век. Упоминания о славянской знати этого периода встречаются у ряда византийских авторов. Менаандр (вторая половина столетия) рассказывает о знатном анте Мезамере, отправленном около 560 г. послом к аварам правителями («архонтами») антов. При этом отмечается, что он являлся сыном Идаризия и братом Келагаста и был челове-

¹⁴ Современная терминология при рассмотрении восточнославянских догосударственных общностей применяется Е.А. Мельниковой, Е.А. Шинаковым, А.Ю. Дворниченко (см.: Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; 2-е изд. М., 2009; Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе VI–IX вв. // *Rossica antiqua*. 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006). Они определяют эти образования как вождества; однако при этом восточнославянские группировки рассматриваются вне общеславянского фона. В большинстве же работ продолжает применяться старое понятие «племя» (см., например: Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002; Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб., 2010; Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010; Петрухин В.Я. «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011).

¹⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1 (I–VI вв.). С. 114–115.

¹⁶ См.: Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 101–133; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 19–28.

ком, имевшим «величайшую силу» у антов¹⁷. Это явно указывает на наличие у антов знати и на наследственный характер ее статуса (черта, свойственная вождеству).

У того же автора в рассказе о посольстве аварского кагана к славянам Дунайского левобережья упоминается славянский предводитель Добрытя и οἱ ἐν τέλει («отборные», «совершенные») народа, а также ἡγεμόνες («начальники», «вожди»)¹⁸. Неясно, идет речь об одних и тех же людях или о разных¹⁹. Во всяком случае очевидно, что Добрытя — главный вождь²⁰, и кроме него существуют иные представители знати.

Маврикий (конец VI в.) говорит о наличии у славян и антов многих вождей (ῥηγῶν), которые соперничают друг с другом²¹.

Феофилакт Симокатта (начало VII в.), повествуя о войнах Византии со славянами Левобережья Нижнего Дуная в конце VI столетия, упоминает предводителей славянских войск Ардагаста и Пирагаста. При этом об Ардагасте сказано, что он имел «подвластную страну»²², а Пирагаст определен как «филарх войска» и «таксиарх» (военный командир)²³. Тот же автор упоминает Мусокия, который определен как «рикс» (восходит к латинскому *rex*), т. е. вождь, правитель²⁴.

VII век. В «Чудесах св. Димитрия Солунского» при описании осад македонскими славянами Фессалоники часто встречаются упоминания представителей знати. Среди них Хацон, названный «экзархом», т. е. предводителем войска²⁵, Первуд, определенный как «рикс» славинии ринхинов²⁶, а также «риксы» (во множественном числе) славинии другувитов²⁷, неопределенные «игемоны» славянских «этно-

¹⁷Свод. Т. 1. С. 316–317 и 328–329, коммент. 16.1.

¹⁸Там же. С. 320–321. Посольство датируется в пределах 60–70-х гг. VI в. (см.: Там же. С. 351). Вероятнее всего — между 568 и 570 гг. (*Литаврин Г.Г.* Известия Менаандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 12–13). Об имени славянского предводителя см.: Свод. Т. 1. С. 349–350.

¹⁹См. различные мнения на этот счет: *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах в VI–XII вв. М., 1985. С. 49–50; Свод. Т. 1. С. 348–349.

²⁰Источник не содержит термина, определяющего статус Добрыты.

²¹Свод. Т. 1. С. 374–375.

²²Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2 (VII–IX вв.). С. 20–21; см. также: Там же. С. 14–15, 18–19, 22–23.

²³Там же. С. 45, 59 (коммент. 122, 124).

²⁴Там же. С. 22–25, 52 (коммент. 65).

²⁵Там же. С. 132–133, 195 (коммент. 99, 100).

²⁶Там же. С. 144–149, 198 (коммент. 131).

²⁷Там же. С. 156–157.

сов»²⁸ и некие ἐκλεκτοὶν («выдающиеся»), исполнявшие функции по слов к императору²⁹.

Франкская «Хроника Фредегара» (третья четверть VII в.), рассказывая о событиях 620–630-х гг. на западном пограничье славянского мира, упоминает правителя крупного объединения Само, а также вождей полабских сербов — Дервана, и славян Карантании — Валлука. При этом Само определен как *rex*³⁰ (т. е. титулом, равным тому, которым именовался король франков), а для Дервана и Валлука применен термин *dux*³¹ (дословно — вождь, позднее значение — герцог). Само, согласно хронике, был не славянином, а франком по происхождению, избранным славянами правителем благодаря своей воинской доблести.

VIII — начало IX столетия. В византийской «Хронике Феофана» у славян юга Балканского полуострова упоминаются «архонты» славиний северов Славун (764 г.) и велегезитов Акамир (799 г.)³².

В Карантании баварский трактат 870 г. «Обращение баваров и карантанцев» называет, рассказывая о событиях середины VIII в., правителя (*dux*) местных славян Борута, наследовавшего ему сына Горазда и племянника Хотимира³³; таким образом, здесь ясно прослеживается передача власти по наследству в рамках одного рода.

Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (середина X в.) говорит о правящих родах у хорватов и сербов (переселившихся на Балканы, по одной версии, в 620–630-е гг., по другой — в конце VIII в.³⁴), из которых происходили их «архонты». И у хорватов, и у сербов им отмечается передача власти от отца к сыну³⁵. В отношении хорватов эти сведения подкрепляют «Анналы королевства франков»: там в начале IX в. упоминаются князь (*dux*) посавских хорватов Людевит, князь (*dux*) далматинских хорватов Борна и его дядя Людемысл³⁶.

Франкские анналы в конце VIII — начале IX столетия упомина-

²⁸ Там же. С. 162–163.

²⁹ Там же. С. 146–147.

³⁰ Там же. С. 366–373.

³¹ Там же. С. 370–371, 394–395 (коммент. 64).

³² Там же. С. 284–285, 288–289.

³³ *Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* Wien; Köln, 1979. S. 42–44.

³⁴ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 375–376 (коммент. 3).

³⁵ Там же. С. 130–133, 136–143.

³⁶ *Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen für Deutsche Geschichte des Mittelalters.* B., 1955. Bd. 5. A. 819, 821, 822. S. 116, 118, 120, 122, 124, 128, 132.

ют правителей полабских славян. Среди них Вышан, *rex* ободритов, и его преемник Дражко, затем сын последнего Чедраг; правители (*rex*) вильцев (лютичей) Драговит, затем борющиеся за власть представители его рода Люб, Челодраг, Милигость, Славомир³⁷. Неоднократно упоминается также у ободритов, вильцев и сорбов и некая нетитулованная знать (*primores, meliores ac praestantiores*)³⁸.

Данные о знати у восточных славян до прихода варяжских князей и утверждения их непосредственной власти на тех или иных территориях Восточной Европы содержатся в древнерусском начальном летописании конца XI — начала XII в.

«Повесть временных лет» во вводной, недатированной части, после рассказа о возникновении Киева отмечает, что по смерти Кия и его братьев, основателей города, у полян стал княжить их род: «И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ». Далее говорится, что такие княжения были и у ряда других общностей: «а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане»³⁹. По прямому смыслу, речь идет о правлении в этих группировках своих княжеских родов⁴⁰. В рассказах Начального свода конца XI в. и «Повести временных лет» об убийстве древлянами Игоря и последующей мести Ольги (945 г.) упоминаются «князь деревский» Мал, другие древлянские «князи», которые «расплодили» (в «Повести временных лет» — «распасли») Древлянскую землю, а также «лучшие» и «нарочитые» «мужи», отправляемые в посольство в Киев⁴¹. В «Поучении» Владимира Мономаха при упоминании войны начала 1080-х гг. с вятичами (еще не до конца покоренными в то время) упоминаются их предводители — Ходота и его сын⁴².

Итак, у славян, соприкасавшихся с Византийской империей и засе-

³⁷Свод. Т. 2. С. 447, 449–451, 454, 467–468; *Annales regni Francorum*. A. 809, 817, 818, 819, 823. S. 92, 112, 114, 116, 118, 132.

³⁸*Annales regni Francorum*. A. 819, 823, 826. S. 106, 116, 132, 144.

³⁹ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 10.

⁴⁰Подозревать летописца в вымысле нет оснований, так как он исходил из монополии на власть Рюриковичей, и упоминание других княжеских династий с этой тенденцией расходилось. Примечательно, что автор ПВЛ и его предшественник — составитель Начального свода — отказывают в княжеском достоинстве Аскольду и Диру, предшественникам Олега и Игоря на киевском княжении (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; НПЛ. С. 107), но за предшественниками Аскольда и Диры это достоинство автором ПВЛ признается. Разумеется, Кий и его братья — фигуры легендарные, но показательны, что устная традиция донесла представление о древности самого института княжеской власти.

⁴¹НПЛ. С. 110–112; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–57. Здесь вымысел абсолютно исключен, так как речь идет уже об «исторической» эпохе; сведения об Ольге и древлянах представляют собой обработанные летописцем дружинные предания.

⁴²ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

ливых Балканский полуостров, вожди и знатные роды фиксируются с VI в., у славян, соприкасавшихся с Франкским государством — с VII столетия. В VIII — начале IX в. у тех и других несомненно существовала практика передачи власти по наследству. Нет оснований сомневаться, что у восточных славян вожди-князья⁴³ также существовали до появления князей варяжских. Другие категории знати упоминаются только в отношении древлян середины X в., но относятся к обществу, еще не подчиненному власти Киева непосредственно, т. е. своим происхождением явно связаны с «доваряжской» эпохой. Возможно, что по уровню развития знати восточные славяне несколько отставали от славян, непосредственно соседствовавших с Византией и Франкским государством, но такое отставание вряд ли было значительным (не на три века явно)⁴⁴. В пользу близости уровня политического развития славян Восточной Европы со славянами других регионов говорит их этнонимия. Почти все этнонимы восточных славян⁴⁵ имеют суффиксы (в то время как названия древних славянских

⁴³ Наиболее раннее упоминание термина «князь», а не его греко- и латиноязычных аналогов — у арабоязычного автора Ибн Хордадбега (середина или вторая половина IX в.): «Владыка славян называется князь» (Bibliotheca geographorum arabicorum. Т. VI. Lugdini Batavorum, 1889. Р. 16–17; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. С. 25; чтение «кназ» — конъектура, но признанная).

⁴⁴ Это отставание могло отчасти нивелироваться благодаря притокам в Восточную Европу в VIII–IX вв. славянского населения из придунайских областей, прослеживающегося по материалам археологии (см.: *Седов В.В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 531–551; *Щеглова О.А.* Волны распределения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурного влияния // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009 (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 49)). Отсутствие археологических признаков существования знати (богатых погребений) у восточных славян в «доваряжский период», на что иногда обращается внимание (*Мельникова Е.А.* Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2011. С. 192), характерно и для ряда других регионов славянства и поэтому не может служить основанием для суждений о времени ее появления. Кроме Руси, богатые захоронения распространены в Моравии и Хорватии (и только с рубежа VIII–IX вв.) — в регионах, где славяне контактировали с аварами. В то же время в Польше известен ряд захоронений дружинников X–XI в., но погребенные в них имеют скандинавское происхождение (см.: *Nadolski A., Abramowicz A., Pokiewski T.* Smentarstko z XI w. w Lutomiерsku. Łódź, 1959; *Ягджейевский К.* Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Kara M.* Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika Wielkopolski. Poznań, 1992. N 3). Поскольку не вызывает сомнений, что знать местного происхождения в Польше была, остается признать, что появление в славянских землях богатых захоронений с оружием было связано с иноземным влиянием — германцев (для Руси — норманнов) или кочевников (для тех и других были свойственны богатство инвентаря и помещение в могилы оружия).

⁴⁵ Значительная часть их (бужане, вольняне, древляне, дреговичи, кривичи, лендзяне, север, уличи) упоминается не только в «Повести временных лет», но и в иностранных источниках IX и X столетий — «Баварском географе» и «Об управлении империей» Константина Багрян-

племен были, скорее всего, бессуффиксными⁴⁶), совпадает с другими регионами и соотношением типов названий⁴⁷.

Таким образом, «славинии» раннего Средневековья имеют явные признаки вожеств, а не племен⁴⁸. Архаизация общественного строя славян этой эпохи, к которой неизбежно ведет применение к ним понятия «племя»⁴⁹, ошибочна⁵⁰. Но на какой стадии находились славянские вожества («славинии») — простых вожеств или сложных? (Напомним, сложные вожества отличаются от простых наличием правящего рода и включением в свой состав нескольких простых вожеств).

У южных славян в VII в. просматриваются односоставные вожества. Сведения «Чудес св. Димитрия» говорят только о временных объединениях славиний Македонии — на время войн с Византией⁵¹. Лишь для упомянутого в Хронике Феофана при описании событий конца VII столетия объединения «семь родов» во Фракии⁵² можно предположить, что это был союз нескольких вожеств. Неясно, было ли односоставным или многосоставным объединение карантанцев (хорутан) в VII–VIII вв. Что касается хорватов, то у них в начале IX в. прослеживается иерархия общностей: в качестве одной из составных частей хорватов выступают гачане со своим князем Борной⁵³. Славиния сербов в IX столетии, согласно Константину Багрянородному, имела сложную структуру: помимо сербов в узком смысле, в нее входили захлумы, неретвляне (паганы), травуянне,

родного (Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 13–16; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–45, 50–51, 156–157).

⁴⁶См.: Буданова В.И., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С. 149–150.

⁴⁷К типу «названия по местности обитания» у восточных славян относятся 77,8% наименований, у славян в целом — 78,6% (см.: Там же. С. 137–146).

⁴⁸Отметим, что слово «княжение», которым автор ПВЛ обозначил этап в развитии организации власти «славиний» Восточной Европы, есть точный древнерусский эквивалент англ. *chieftom* «вожество». То есть древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же словом, что вошло в обиход современных этнологов, только восемью с половиной веками раньше...

⁴⁹Использование термина «союз племен» затемняет дело еще более, т. к. подразумевает, что общности складывались путем объединения нескольких племен. Между тем вожество, как говорилось выше, формируются через объединение более мелких, чем племя, единиц; и у славян в эпоху Расселения прослеживается складывание общностей как раз из небольших группировок — осколков прежних племен.

⁵⁰При учете достижений современной политической антропологии применение понятия «племенной строй» к раннесредневековым славянам неизбежно ведет к выводу о привнесении к ним государственности извне, поскольку, как говорилось выше, племена в государства не перерастают.

⁵¹Свод. Т. 2. С. 124–124, 144–167.

⁵²Там же. С. 278–279.

⁵³*Annales regni Francorum*. A. 819. S. 120.

дукляне и конавличи, имевшие своих правителей (с титулом «жупан») ⁵⁴. У хорватов, сербов и карантанцев как минимум с VIII в. фиксируется передача княжеской власти по наследству в пределах одного рода ⁵⁵.

Что касается сведений о западных славянах, то в VII в. фиксируются общность сорбов, характер которой (одно- или многосоставная) неясен, и княжество (*regnum*) Само. Последнее явно включало в себя зависимые вожества — тех же сорбов с князем Дерваном и (возможно) карантанцев с князем Валлуком ⁵⁶. В конце VIII — начале IX в. у ободритов и вильцев несомненно существовала сложная структура: в состав первых помимо собственно ободритов входили вагры, варны и полабы, в состав вторых — ратары, черепеняне, хижане и доленчане ⁵⁷. При этом в полабском регионе существовали и односоставные образования — далеминцы, гаволяне, руяне и ряд других; возможно, односоставными оставались и сорбы. Наличие правящих, княжеских родов у ободритов и вильцев в конце VIII — начале IX в. несомненно ⁵⁸.

Для восточных славян мы имеем упоминание древлянских князей во множественном числе в речи древлянских послов к Ольге: «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твои аки волкъ восхищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распаши суть Деревьску землю» ⁵⁹. Возможны две версии относительно этих «князей»: 1) подчиненные Малу правители входивших в союз древлян мелких «славиний»; 2) предки Мала — прежние древлянские князья. Но при любой трактовке перед нами признак сложного вожества: при первой — включение в состав объединения простых вожеств, при второй — наследственная власть рода. О наличии таковой говорит и известие о правлении рода Кия у полян. Для некоторых восточнославянских группировок есть данные о многосоставной структуре. Так, полочане, имевшие, по «Повести временных лет», свое княжение, подобное полянскому (т. е., надо полагать, наследственное), являлись подвинской частью кривичей; у другой части кривичей главным центром был Смо-

⁵⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 112–115, 140–153.

⁵⁵ См. выше, примеч. 33, 35.

⁵⁶ См. выше, примеч. 3, 31, а также: Свод. Т. 2. С. 377–379 (коммент. 5).

⁵⁷ См.: Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 201, 206.

⁵⁸ См. выше, примеч. 37.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56.

ленск на Верхнем Днепре⁶⁰. Под 984 г. упоминаются военные действия Владимира Святославича против радимичей, но не всех, а «пишаньцев» — обитавших по р. Пишане; по-видимому, это была составная часть союза радимичей⁶¹. На Юго-Западе восточнославянской территории прослеживается смена этнонимов. В эпоху аварского нашествия (т. е. в VI в.), согласно «Повести временных лет», там проживали дулебы⁶². Баварский географ (третья четверть IX в.) фиксирует в этом регионе два названия, известных также и «Повести временных лет», — бужане и волынiane⁶³. Константин Багрянородный (середина X в.) упоминает здесь лендзян⁶⁴. Наконец, «Повесть временных лет» называет в качестве обитателей района Западного Буга бужан, с ремаркой — «послѣ же вельняне»⁶⁵. Поскольку значительных миграций на данной территории в IX–X вв. по археологическим данным не прослеживается, можно полагать, что источники отразили борьбу славиний бужан, лендзян и волынян за главенство в союзе.

Итак, у южных славян просматривается эволюция от простых вождеств в VII столетии к сложным, превалирующим с VIII в. У западных славян в VII в. тенденция к созданию сложного вождества — княжества Само, по-видимому, прервалась, но как минимум с конца VIII в. сложные вождества явно преобладали. Данные по восточнославянским общностям также свидетельствуют в пользу преобладания у них признаков сложных вождеств. Возможно, они формировались несколько позже, чем у славян южных и тех западных, что соседствовали с Франкским государством, но для IX столетия о сложных вождествах у славян Восточной Европы можно говорить с уверенностью, ибо летописная картина расселения восточнославянских группировок, одним из элементов которой является сообщение о формировании у них наследственных «княжений», относится к периоду до появления варяжских князей, т. е. не позднее середины IX в.

⁶⁰ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11, 20; Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

⁶¹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 264.

⁶²ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12.

⁶³Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 54–55.

⁶⁴Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–45, 156–157. Они локализируются именно на Волинии, а не в Польше, как часто полагают, т. к. Константин упоминает о соседстве лендзян с уличами, древлянами и печенегами (см.: Там же. С. 390, коммент. 55).

⁶⁵ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11. Аналогично говорится о дулебах: «живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне» (Там же. Стб. 12–13).

Складывание государств у славян происходило двумя основными путями:

- 1) Подчинение одним союзом «славиний» (сложным вожжеством) других союзов или отдельных «славиний». По этому типу шло складывание государства в IX в. в Великой Моравии⁶⁶ и в конце IX–X вв. — в Польше⁶⁷ и Чехии⁶⁸;
- 2) Формирование государства в рамках одного союза «славиний» (сложного вожества). Этот путь характерен для Северо-Запада Балканского полуострова (Сербия IX–XI вв.⁶⁹, Хорватия IX–XI вв.⁷⁰), Карантании (VIII в.)⁷¹ и ободритов (X–XI вв.)⁷².

Насколько сходны эти процессы с тем, что просматривается у восточных славян до прихода варяжских князей?

Согласно начальному летописанию, наиболее развитыми были два региона. Во-первых, земля полян с центром в Киеве⁷³. Во-вторых, северная область, где словене, кривичи и финноязычная общность создали объединение, которое и пригласило на княжение Рюрика⁷⁴. Последний факт напоминает переход от сложного вожества к сверхсложному, включающему несколько сложных. Но состав объединения остается неясным. Существует мнение, что речь идет вовсе о жителях трех разноэтничных поселков на территории будущего Новгорода⁷⁵. Если это так, то никакого сверхсложного вожества здесь усмотреть нельзя. Но даже если речь идет о всех словенах (что вероятнее), останется непонятным, кто другие участники объединения? Кривичи — то ли это все носители данного этнонима (то есть жители огромной тер-

⁶⁶См.: *Ратков П.* Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 81–89.

⁶⁷См.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 445–493, 515–532; Т. 5. S. 310–504.

⁶⁸См.: *Ibid.* Т. 4. S. 394–444; *Třeštík D.* Pocátky Přemyslovců. Praha, 1981; *Флоря Б.Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

⁶⁹См.: *Наумов Е.П.* Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв. М., 1985.

⁷⁰См.: *Акимова О.А.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Там же.

⁷¹См.: *Kos M.* L'État slovène en Carantanie // L'Europe aux IX^e–XI^e siècles. Aux origines des états nationaux. Varsoviae, 1968; *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 230–263; *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1978. Zv. 1. S. 347–459.

⁷²См.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 5. S. 280–290, 296–303.

⁷³НПЛ. С. 104–106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9–10, 16–17, 20–21.

⁷⁴НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20.

⁷⁵*Янин В.Л., Аleshковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // ИСССР. 1971. № 2.

ритории, занимавшей верховья Западной Двины, Волги и Днепра), то ли только псковская часть кривичей (заметим, что само по себе существование «псковских кривичей» под вопросом⁷⁶), то ли кривичская группировка на территории словен⁷⁷. Не больше ясности с финноязычной общностью — участником объединения. По Начальному своду это мера, то есть обитатели Верхнего Поволжья⁷⁸. По «Повести временных лет» — чудь⁷⁹. Чудью могли именоваться разные финноязычные народы. И опять-таки неясно, то ли имеются в виду предки эстонцев, то ли финноязычная группировка с территории будущей Новгородской земли. Неясен и характер объединения — то ли это равноправный союз, то ли иерархичный во главе со словенами, у которых после призвания садится главный князь — Рюрик.

Тем не менее при всех неясностях нет оснований сомневаться в наличии двух центров возможного государствообразования. А это сходно с тем, что наблюдается у других славян. Для процессов формирования многих славянских государств свойственно наличие двух центров: княжеств Борны и Людевита в Хорватии (начало IX в.)⁸⁰, Моймира и Прибины в Моравии (первая треть IX в.)⁸¹, чехов и лучан в Чехии (конец IX в.)⁸², вислян и гнезненских полян в Польше (вторая половина IX — середина X в.)⁸³. Вполне вероятно, что землями полян и словен потенциальные центры государствообразования на восточнославянской территории не исчерпывались. Ряд археологов предполагает, что высокого уровня достигли в IX–X вв. прикарпатские хорваты⁸⁴ и северяне⁸⁵. За отсутствием письменных данных делать здесь однозначные выводы сложно. Но вот летописный рассказ о восстании древлян

⁷⁶См.: Горский А.А. Русь. С. 31–32.

⁷⁷Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 7–23.

⁷⁸НПЛ. С. 106.

⁷⁹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19. Чудь названа и в НПЛ, но ее упоминание там выглядит дополнением к основной «триаде»: словене, кривичи, мера; поэтому нельзя исключать, что перед нами дополнение новгородского сводчика, в Начальном своду конца XI в. не читавшееся.

⁸⁰См.: Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности. С. 223–225.

⁸¹См.: Раткош П. Великая Моравия. С. 81–82.

⁸²См.: Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности. С. 100–105.

⁸³См.: Исаевич Я.Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1989. С. 147–153.

⁸⁴Тимоцук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 165–175.

⁸⁵Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000; Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 118–132.

945 г. наводит на вполне определенные суждения. Древлянский князь Мал после гибели Игоря предлагает себя в мужья его вдове Ольге⁸⁶, т. е. рассчитывает встать во главе Руси, занять место, принадлежавшее князю киевскому⁸⁷. Это значит, что древлянская знать мыслила свое общество в той же «системе координат», что русское, не считало киевских князей силой, от которой лучше попробовать отгородиться.

Таким образом, на восточнославянской территории в эпоху, предшествующую появлению варяжских князей, имело место динамичное развитие. С современной научной точки зрения, восточнославянские догосударственные общности были «вождествами»; исходя из тогдашней терминологии, принятой в наиболее развитом государстве раннесредневековой Европы, Византийской империи — «славиниями». Как и у других славян, происходил переход от простых вождеств к сложным и намечалось дальнейшее движение — к формированию государств.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв. М., 1985.

Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160–177; 2-е изд. СПб., 2011.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе VI–IX вв. // *Rossica antiqua*. 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 3. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.

⁸⁶ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56.

⁸⁷Речь идет именно о главенстве Мала, потому что наследнику Игоря — Святославу — древлянами отводится незавидная участь: «створимъ ему, яко же хощемъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

- Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах в VI–XII вв. М., 1985.
- Исаевич Я.Д.* Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1989. С. 147–153.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004.
- Литаврин Г.Г.* Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4.
- Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.
- Мельникова Е.А.* «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб., 2010.
- Мельникова Е.А.* Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2011.
- Морган Л.Г.* Древнее общество. Л., 1934.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
- Наумов Е.П.* Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв. М., 1985.
- Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004.
- Петрухин В.Я.* «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.
- ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Лаврентьевская летопись.
- Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010.

Раткош П. Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Санчук Г.Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.

Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1 (I–VI вв.); 1995. Т. 2 (VII–IX вв.).

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. 6.

Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.

Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000.

Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; 2-е изд. М., 2009.

Щеглова О.А. Волны распределения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурного влияния // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света. СПб., 2009 (Тр. Гос. Эрмитажа. Вып. 49).

Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // ИСССР. 1971. № 2.

Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen für Deutsche Geschichte des Mittelalters. В., 1955. Bd. 5.

Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugdini Batavorum, 1889. Т. VI.

Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1978. Zv. 1.
Kara M. Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika Wielkopolski. Poznań, 1992. N 3.

Kos M. L'État slovène en Carantanie // L'Europe aux IX^e–XI^e siècles. Aux origins des états nationaux. Varsoviae, 1968.

Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1970. T. 4; 1973. T. 5.

Nadolski A., Abramowicz A., Pokiewski T. Cmentarstwo z XI w. w Lutomiensku. Łódź, 1959.

Tolochko O.P. The Primary Chronicle's "Ethnography" Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2008.

Trěštík D. Pocátky Přemyslovců. Praha, 1981.

Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Wien; Köln, 1979.

РЕЗЮМЕ

В статье представлен обзор источников и историографических оценок уровня развития восточнославянских племен накануне и в первый период складывания государства Русь. Привлечены сравнительные материалы из истории западных и южных славян. Поддержано мнение, что восточнославянские племена представляли собой «вождества». На восточнославянской территории в эпоху, предшествующую появлению варяжских князей, имело место динамичное развитие этнополитических структур. Как и у других славян, здесь происходил переход от «простых» вождеств к «сложным» и намечалось дальнейшее движение — к формированию государств.

Ключевые слова: славяне, восточнославянские племена, вождество, древняя Русь.

ABSTRACT

This article provides an overview of sources and historiographical assessments of the development of East Slavic tribes before and during the

first period of formation of Ancient Rus State. The comparative material from the history of the Western and Southern Slavs is involved. The view that the East Slavic peoples were “chiefdoms” is supported. In East Slavic territory in this period preceding the appearance of the varangian princes, there has been a rapid development of ethno-political structures. As with other Slavs, the transition from “simple” chiefdoms to the “complex” ones was going on, planning to move further — to the formation of states.

Key words: Slavic peoples, East Slavic tribes, chiefdom, ancient Rus.

Н.Н. Крадин

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РУСИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Проблема становления государственности на Руси является одним из постоянно обсуждаемых вопросов в отечественной исторической науке. Существует огромное количество книг, сборников и журнальных статей, написанных по данной теме. Однако, несмотря на внушительный объем публикаций, в рассматриваемой теме есть еще немало сюжетов и аспектов, которые заслуживают более тщательного рассмотрения. К их числу относится, например, использование достижений современной политической антропологии. В самом широком смысле политическая антропология — это антропологическая дисциплина, которая изучает процессы формирования и динамики институтов власти и контроля в первобытных, традиционных и посттрадиционных обществах¹.

Одним из направлений данной области является изучение процессов становления государства. Поэтому главная задача статьи — показать, как различные теории и подходы, применяемые политическими антропологами, могут быть использованы при исследовании возникновения государства на Руси. Нельзя сказать, что данная статья является первой работой, написанной в таком ключе. Сравнительные этнографические данные, возможно, впервые были использованы И.Я. Фрояновым в его книге «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории». Впоследствии данный автор еще не раз об-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 12-III-A-11-216 и гранта РФФИ № 11-06-00441а.

¹ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2011; *Он же.* Перспективы политической антропологии // *Полис.* 2011. № 6; *Политическая антропология традиционных и современных обществ.* Материалы международной конференции. Владивосток, 2012.

ращался к разработкам этнологов². Впоследствии данный подход получил развитие в исследованиях его учеников А.Ю. Дворниченко и Ю.В. Кривошеева. Именно акцент на сравнительные исследования позволил вывести обсуждение проблематики генезиса Древней Руси на принципиально новый уровень. Другие исследователи использовали ряд современных теорий политогенеза при изучении Древней Руси³. Однако масштабного проникновения теорий, разработанных в политической антропологии в отечественную русистику, к сожалению, до сих пор не произошло.

В данной статье будут обсуждены некоторые перспективы использования достижений политической антропологии для понимания процессов политогенеза на Руси. В статье будут затронуты такие важные вопросы, как роль и соотношение различных факторов возникновения государственности, роль теории вождества, критерии государственности. Рамки статьи не позволяют остановиться на всех значимых для данной темы аспектах. По этой же причине я не имею возможности упомянуть всех авторов и все точки зрения, выказанные по тем или иным обсуждаемым здесь вопросам. Для этого пришлось бы написать отдельную книгу. Конкретная разработка поставленных задач должна производиться специалистами в данной области и требует не только знакомства с современными теоретическими подходами, но и глубокого знания письменных и археологических источников по рассматриваемой теме. Надеюсь, что данная статья послужит определенным стимулом для разработки поставленных здесь вопросов.

Неоднократно отмечалось, что процесс политогенеза — сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами⁴. Как весьма справедливо

²Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Он же*. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57–93.

³Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989; Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; *Он же*. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua*, 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006; Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; Лузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М, 2009.

⁴Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 169, No 3947; Renfrew C.

заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов⁵. В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных⁶.

Такие предпосылки, как экономический рост, экология, варяжский фактор, религия, влияние Византии, давление кочевников, применительно к Руси традиционно были предметом рассмотрения в отечественной и зарубежной литературе⁷. Здесь будут рассмотрены некоторые другие факторы, имеющие прямое отношение к данной теме. Согласно кросс-культурным данным⁸, можно говорить о сильной корреляции между типом хозяйства (земледелие), плотностью населения и уровнем политической централизации⁹. Это означает, что наличие

The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C. L., 1972; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975; Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979; Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982; Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988; Павленко Ю.Е. Раннеклассовые общества; Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классового образования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. 1; Claessen H.J.M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000; Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007; Карнейро Р. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ.

⁵ Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. P. 130.

⁶ Peregrine P., Ember C., Ember M. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data // Cross-Cultural Research. 2007. Vol. 41, No 1. P. 84.

⁷ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества; Мельникова Е.А. К типологии; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996; Он же. История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996; Пузанов В.В. Древнерусская государственность; Шниаков Е.А. Образование древнерусского государства; Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009.

⁸ О кросс-культурных исследованиях см.: Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. М., 2003. Вып. 3.

⁹ Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классового образования и политогенеза; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005; Крадин Н.Н.

земледельческой экономики, при всех оговорках и конкретных вариациях, рано или поздно может привести к росту населения. Постепенно возрастает конкуренция за ресурсы, что предполагает самые разнообразные следствия — отпочкование и миграцию, потребность в интенсификации сельского хозяйства, увеличение конфликтов и войн, совершенствование организации управления и др. Проблема, как всегда, в деталях: не очень понятно, когда конкретно должен наступить пороговый предел демографической плотности, ведущий к перестройке механизмов управления обществом.

Известно, что древнеславянские поселения VII–VIII вв. располагались на расстоянии 1,5–2 км друг от друга и группировались в гнезда. Дистанция между гнездами была примерно 5–10 км¹⁰. Эти выводы в определенной степени перекликаются с данными письменных источников. Прокопий Кесарийский сообщал, что славяне «живут... в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения... Да и имя встарь у славянов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали „спорами“, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю»¹¹. Численность общин VI–VII вв., по предположению Б.А. Тимощука, составляла 150–200 человек¹². Когда община разрасталась, срабатывал механизм отпочкования. Лишнее население отселялось на другие земли. Все это касается, правда, территории лесостепи, однако, скорее всего, справедливо и в отношении лесной зоны.

Принципиальные изменения в экономике древних славян произошли к концу I тыс. н. э. Для середины I тыс. н. э. была характерна подсечная система. Славяне выращивали просо, ячмень, твердую пшеницу. В последней четверти I тыс. внедряются новые методы агротехники. Появляется новая паровая система земледелия (двух- и возможно трехполье). Были освоены такие новые культуры, как мягкая пшеница, бобы, горох, конопля, озимая рожь¹³. Если в остеологических материалах VI–VII вв. кости диких животных составляли более трети от об-

Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

¹⁰ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 80.

¹¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297–298.

¹² Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 85.

¹³ Седов В.В. Восточные славяне. С. 238; Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 90.

щего количества костей, то в памятниках VIII–IX вв. их процент резко уменьшился. Можно говорить о прогрессе в местной металлургии¹⁴.

Археологические исследования позволяют проследить демографический рост. К сожалению, существует не так много специальных работ, выполненных в русле так называемой «археологии поселений»¹⁵, которые содержат интересующие нас сведения. Для примера воспользуемся работой Б.А. Тимощука, которая посвящена территории юго-западной Руси. Согласно его данным¹⁶ при тотальном обследовании 21 микрорегиона было обнаружено 25 поселений с керамикой пражской культурной традиции VI–VII вв. На этой же территории зафиксировано 125 памятников VIII–X вв., что свидетельствует о бурном демографическом росте (почти в пять раз!). Подобная динамика подтверждается по другим регионам¹⁷.

Тимошук обратил внимание на такие важные черты, как размеры и планировка селищ, место поселения в общей структуре расселения. По его мнению, археологические памятники периода второй половины I тыс. н. э. могут быть разделены на несколько больших групп: 1) маленькие селища до 5 жилищ; 2) небольшие поселения из 6–16 жилищ; 3) большие поселения, которые могут состоять из нескольких групп жилищ; 4) большие поселения со следами ремесленного производства; 5) селища — спутники городищ¹⁸. Кроме этого автор выделяет три типа городищ этого времени: городища-убежища, культовые городища и городища — административные центры¹⁹. По всей видимости, эти последние городища имели протогородские функции.

Представленные данные свидетельствуют о существовании в этот период нескольких уровней иерархии (поселения разной величины и функциональной специализации, городища-убежища и городища-святылища, городища-центры с селищами-спутниками). Это подтверждает возможность существования у славян второй половины I тыс. н. э. вождей.

Теория вожества принадлежит к числу наиболее ярких достижений западной политической антропологии. Вожество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появ-

¹⁴Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 91–92.

¹⁵Об археологии поселений, см., например: Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социологический аспект // КСИА. М., 1990. № 201.

¹⁶Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 86–97.

¹⁷Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // Stratum Plus. 2001–2002. Т. 5. С. 173.

¹⁸Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 14–29.

¹⁹Там же. С. 29–54.

лению государства. Существует ряд работ, в которых подробно раскрыты основные положения теории²⁰. Если суммировать различные точки зрения на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации. Существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений. Наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие. В вождестве существует редистрибуция — перераспределение прибавочного продукта и подарков по вертикали. Власть вождя основана на престижной экономике. Вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный теократический характер.

Нужно только иметь в виду, что по количеству уровней иерархии вождества могли быть «простыми» и «сложными». В простых вождествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Численность населения простого вождества — несколько тысяч человек. Сложное вождество — это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вождеств. Его численность населения измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. По всей видимости, различные древнеславянские «княжения», которые в отечественной литературе по традиции называют «племенами» или «союзами племен», типологически должны соответствовать вождествам различной степени сложности. Однако их классификация — это задача для будущих археологических интерпретаций.

Основными археологическими признаками вождества являются наличие иерархии поселений и развитая стратификация в погребальном обряде. Как соотносятся летописные сведения о различных «княжениях» с конкретным археологическим материалом, могут дать ответ

²⁰Earle T. Chieftdom in archaeological and ethnological perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16; *Idem*. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997; Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

только специальные археологические обследования конкретных регионов (так называемые *survey studies*²¹). Однако опыт изучения других районов мира показывает, что чем больше новые археологических данных, то тем сложнее становится их интерпретировать в рамках простых объяснительных схем. По мере накопления фактического материала археологические интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях. На одном полюсе сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом — классические вожества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немалое число промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими институтами²².

В подтверждение вышесказанного следует процитировать тонкие наблюдения уже многократно цитированного здесь Б.А. Тимошука: «Археологическое изучение восточнославянских гнезд поселений показывает, что селища в каждом гнезде тяготеют к определенному центру... Но эти центры не были однотипными. Среди общинных центров VIII–IX вв., например, встречены городища-убежища, городища-административно-хозяйственные центры, городища-святилища. Ими могли быть и большие селища с развитым ремеслом. На территории некоторых наиболее развитых гнезд поселений VIII–X вв. обнаружены общинные центры довольно сложной структуры. Например, центр Ревнянского гнезда поселений IX в. состоял из двух городищ: убежища и административно-хозяйственного центра; центр Магальянского гнезда — из городища-убежища, крупного селища и ремесленного поселения. В состав общинных центров могли входить поселения с различными функциями, но, как правило, не встречаются общинные центры, в которые входили бы одинаковые в функциональном отношении синхронные памятники»²³.

Согласно мифоэпическим данным (отразившимся в ранней историографии и фольклоре), для древних славян были характерны архетипические представления о вожде как об организаторе хозяйственной и религиозной жизни. Однако обычно такие функциональные характе-

²¹ См., например: *White G., King T. The Archaeological Survey Manual. Walnut Creek (Cal.), 2007.*

²² *Feinman G., Neitzel J. Too Many Types: an Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // Advances in Archaeological Method and Theory. N.Y., 1984. Vol. 7. P. 39102; Fargher L.F., Espinoza V.Y.H., Blanton R. Alternative Pathways to Power in Late Postclassic Highland Mesoamerica // Journal of Anthropological Archaeology. 2011. Vol. 30. P. 306–326.*

²³ *Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 75–76.*

ристики характерны для слабо стратифицированных земледельческих обществ. Князь выступает как пахарь, ритуальный даритель плодородия, щедрый организатор пиров и раздач, хозяин гарема²⁴. Такой образ не очень сильно отличается от характеристики африканского вождя, которого в мирное время занимают только развлечения с женами и употребление алкогольных напитков²⁵.

Разумеется, это не означает, что славяне не воевали друг с другом, с внешними врагами и у них не было военных предводителей. Напротив, византийские источники отмечают воинственный нрав антов и склавинов, с которыми им приходилось вступать в военные столкновения²⁶. Однако источники также отмечают, что первоначально славяне не имели навыков организованного ведения военных действий и обладали только примитивным вооружением, более пригодным для охоты²⁷. Похожим образом описывали славян арабские авторы, спустя несколько столетий. Славяне предстают как жители дремучих лесов, которые мало знакомы с земледелием, но занимаются животноводством и бортничеством. При этом «оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют»²⁸.

Для северогерманского региона была характерна иная архетипическая ситуация. Здесь длительное время сосуществовали и боролись за власть вожди-священники и военные предводители. Ресурсы были децентрализованы, что препятствовало установлению жесткого формального контроля. Военные походы и контроль над торговыми путями были важными каналами достижения высокого статуса и власти²⁹. Не случайно викинги-русы описываются арабскими авторами как народ «плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями». «И эти люди нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отводят в Хазаран и Балкар

²⁴ *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 168–176.

²⁵ *Southall A.* The Segmentary State: From Imaginary to Material Means of Production // *Early State Economics*. New Brunswick; London, 1991. P. 92.

²⁶ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. С. 297.

²⁷ *Свод древнейших письменных известий о славянах.* М., 1994. Т. I (I–VI вв.). С. 279; *Нефёдкин А.К.* Тактика славян в VI в. (по свидетельству ранневизантийских источников) // *ВВ.* 2003. Т. 62. С. 79–91; *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. С. 175.

²⁸ *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Пацуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388–389.

²⁹ *Kristiansen K.* Decentralized Complexity: The Case of Bronze Age Northern Europe // *Pathways to Power*. N.Y., 2010; *Idem.* Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age // *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. N.Y., 2011.

и там продают. И нет у них посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами. И если рождается (у них) сын, извлекают меч, кладут возле него, и отец говорит: „У меня нет ни золота, ни серебра, ни скота, чтобы оставить тебе в наследство. Вот твое наследство, сам себе (все) добудь мечом“. Торгуют они соболем, белкой и другими мехами»³⁰.

Упоминание вместе войны и торговли не случайно. Хорошо известно, что война была одним из важных факторов политогенеза. Еще в XIX в. возникла так называемая «завоевательная» теория происхождения государства, согласно которой государственность возникала только в результате завоевания одного общества другим. В качестве примеров чаще всего приводились завоевания кочевников или викингов. Однако по данным археологии и этнологии известно, что торговля на большие расстояния также является важным компонентом увеличения власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, правитель контролировал редиистрибутивную сеть, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных³¹.

Все вышесказанное справедливо в отношении Древней Руси. Еще классики отечественной исторической науки (например, В.О. Ключевский или Г.В. Вернадский) отмечали большую роль внешней торговли в создании Древней Руси³². Однако по причине внедрения в советскую науку марксизма, эти идеи оказались отвергнутыми. Стала подчеркиваться основополагающая роль внутренних экономических факторов (производящее хозяйство, рост прибавочного продукта). Тем не менее начиная с 1970-х гг. многие археологи и историки справедливо писали о важной роли внешней торговли в древнерусском политогенезе³³.

³⁰ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах. С. 399.

³¹ Webb M. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque, 1975; Ekholm K. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // *The Evolution of Social Systems*. L., 1977; Kipp R.S., Schortman E.M. The Political Impact of Trade in Chiefdoms // *American Anthropologist*. 1989. Vol. 91, No 2; Hall T., Kardulias N., Chase-Dunn C. World-Systems Analysis and Archaeology: Continuing the Dialogue // *Journal of Archaeological Research*. 2010. Vol. 19, No 3.

³² Ключевский В.О. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 114, 128; Вернадский Г.В. Киевская Русь... С. 16, 187–189.

³³ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе; Носов Е.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // *Древности славян и финно-угров*. СПб., 1992; Мельникова Е.А. К типологии; Куртчииков А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // *Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб., 1997; Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище

Поскольку викинги контролировали торговые пути между Балтикой, Византией и Хазарией, то для этого им было необходимо иметь определенное количество опорных пунктов. Именно это обстоятельство (факт «призвания варягов», даже если он имел место, был только поводом) обусловило их постепенное внедрение в славянскую среду.

Археологически это подтверждается распространением в VIII и особенно в IX в. так называемых ОТП — «открытых торгово-ремесленных поселений»³⁴ с разноэтничным населением, многочисленными находками торгового импорта, компонентами дружинной культуры и др. (Ладога, Рюриково городище, Тимерёво, Гнёздово). Рисуемый в источниках образ жизни русов свидетельствует о важной роли в их жизни внешней торговли и дарообмена. Согласно Ибн Русте, «единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]»³⁵.

Принципиально важное значение имело полюдь. Византийский император описывает его следующим образом: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуются „кружением“, а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»³⁶. В условиях отсутствия государственного аппарата это был единственный способ получения дани с зависимых народов. Собирая полюдь, князья и вожди получали пушнину, которая поступала на рынки Византии и арабского Востока.

Для этого времени характерно увеличение поступления дирхемов на территорию Руси, что отражается в находках многочисленных кладов. Клады обычно интерпретируются как свидетельство зарождения частной собственности и товарно-денежных отношений. Однако это не совсем так. Большинство денег не поступало в товарный оборот. Фактически оно изымалось из экономической деятельности и концен-

под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.

³⁴ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники. С. 139.

³⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах. С. 397.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 45–51.

трировалось на страховой случай, часто в загробной жизни. А.Я. Гуревич приводит много примеров из древнескандинавской литературы, которые свидетельствуют о возможности такой интерпретации. В частности, он описывает случай из «Саги об Эгиле», где один из героев, получив смертельную рану, прыгает в пучину, прихватив с собой сундучок со своими сокровищами³⁷. О символическом значении кладов того времени, возможно, дополнительно свидетельствует то, что на многих дирхемах нанесены руны, изображения оружия и кораблей.

Другой важной составляющей полюдя был пир. Во время объезда контролируемых владений предводители руси пировали со своей дружиной и с местными словенскими вождами. Организация массовых застолий требовала больших вложений, что существенно повышало престиж их организатора. Именно на совместных трапезах нередко осуществлялся обмен подарками и завязывались сети коммуникаций. На этих пирах решались важные вопросы внутривосточной жизни, вершились суды, проводились религиозные и другие ритуалы. Наконец, пир являлся универсальным механизмом формирования и поддержания коллективной идентичности³⁸. Древнерусские летописные источники содержат многочисленные сведения о пирах, которые сопровождались массовыми раздачами, как при потлаче³⁹. Мифопоэтическая традиция подтверждает важность данного средства коммуникации в древнеславянском обществе⁴⁰.

Символический обмен дарами позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношении психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздавая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздавались или уничтожались, а, с другой — через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок⁴¹.

Начиная с IX в., происходят важные изменения в структуре древ-

³⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 23–25.

³⁸ Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 692–697.

³⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 137–149; Лукин П.В. Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 134–150.

⁴⁰ Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 170, 206.

⁴¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Са-

нерусских поселений. Если для VI–VIII вв. в основном характерны обычные селища средних и больших размеров, то в IX в. в юго-западной Руси, согласно подсчетам Б.А. Тимощука, резко увеличивается количество «городищ-убежищ» и городищ-административных центров. А с X в. им на смену приходят «городища-святылища» и городища — «княжеские крепости»⁴². По всей видимости, схожие процессы были характерны для всей территории Древней Руси. Согласно летописям, на Руси в IX–X вв. были известны 25 городов. В источниках XI в. упоминаются 64 новых города⁴³. Налицо резкое увеличение укрепленных поселений (более чем в два раза). В X–XI вв. внедряются новые технологии фортификации, требовавшие больших трудозатрат. Укрепления включали, как правило, несколько линий обороны и состояли из земляных валов-платформ со срубами наверху. Срубы дополнительно укреплялись откосами, каменными и кирпичными конструкциями. Внутри этих городищ находились жилища и здания разных типов (дома дружинников вдоль вала, срубные дома элиты, хозяйственные и иные постройки). Как правило, по соседству с городищем располагались поселения ремесленников и земледельцев⁴⁴.

Можно ли говорить о появлении государственности в этот период? В отечественной литературе традиционно этот вопрос решался в соответствии с критериями государства, которые были предложены еще Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Как известно, Ф. Энгельс выделял три главных признака государства: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. На данных признаках основываются в своем понимании древнерусской государственности большинство отечественных специалистов.

В связи с этим важно заметить, что политология и правоведение изучают современные политические институты. Ранние системы власти являются предметом исследования археологов, этнологов-антропологов и историков. Особенно важные теоретические достижения в области изучения происхождения государства были сделаны в рамках такой дисциплины, как политическая антропология. По этой причине весьма досадно, что в наши дни при обсуждении вопроса о

линз М. Экономика каменного века. М., 1999; Годелье М. Загадка дара. М., 2007; Крадин Н.Н. Политическая антропология. Гл. 3.

⁴² Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 67, табл. 1–2.

⁴³ Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 40.

⁴⁴ Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 34, 55–62.

времени появления государственности на Руси историки продолжают пользоваться пресловутой «триадой», в том числе и те, кто читает политико-антропологическую литературу. Так, например, такой известный новатор в рассматриваемой проблеме, как И.Я. Фроянов, пишет: «современной науке известны три главных отличительных признака государства»⁴⁵. С ним полностью солидарен его последователь В.В. Пузанов, который полагает: «Более качественно определены, на наш взгляд, традиционные первичные признаки государства, выражаемые триадой *налоги — публичная власть — территориальное разделение народа*»⁴⁶.

Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Однако если посмотреть вглубь времен, население, территория и независимость — это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и в первобытности. Любая группа охотников и собирателей представляет собой *население*. Любая община проживает на некоторой *территории*, контролирует ее и защищает от непрошенных чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак — политический *суверенитет*, то любое вождество рассматривается в качестве предмета исследования только как *независимая* политическая единица (в противном случае это уже не вождество, а дистрикт сложного вождества). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства — это наличие институтов управления. Разберем этот вопрос более подробно.

Латинское слово *status* начинает употребляться в политических дискурсах, по крайней мере с XIV в. Изначально для него была характерна многозначность смыслов. В Италии термин *stato* понимался как правящая власть вообще и как аппарат этой власти⁴⁷. Во Франции понятие *état* обозначало статус, сословие, объединение сословий («генеральные штаты»), государство, нацию⁴⁸. Подобная терминологическая неразбериха была обусловлена тем, что в тот период в Европе шел процесс строительства наций, а также формирования территориальных властных структур иного типа («национальных государств»). Новые институты власти стали осмысливаться в существующей терминологии (*status, state, l'état, stato, Staat* и др.).

⁴⁵ Фроянов И.Я. Мятный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 21.

⁴⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность. С. 201.

⁴⁷ Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002. С. 39.

⁴⁸ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 75–76, 111–113.

По всей видимости, наиболее рельефно новый контекст данного термина сформулировал Николо Макиавелли. Окончательное же осмысление государства как состояния приходится на период европейского абсолютизма, когда государство начинает восприниматься как искусственный, отделенный от общества и от правителей институт (согласно Т. Гоббсу — «Левиафан»). К середине XVIII в. термин уже прочно вошел в европейскую науку⁴⁹. Однако эта же терминология продолжала использоваться для обозначения сословного деления общества (*status, stato, état, Stand* и др.). Поскольку одновременно в Европе шел процесс формирования наций, сформировалась традиция параллельно использовать данное понятие для обозначения не только структуры общества, но и всего общества в целом («государство» как суверенная единица, «государство-нация», «страна»). В русском языке этимология понятия «государство» более созвучна терминам *царство, империя*, нежели понятию *правительство*⁵⁰.

По этой причине можно говорить о двух смысловых значениях данного понятия: в широком понимании — *государство* как «страна», «нация-государство», которое нередко употребляется в обыденном языке, и в узком значении — *государство* как «правительство», которое чаще используется в специальных научных текстах⁵¹.

С этой точки зрения, когда мы говорим о том, являлась ли Древняя Русь государством, необходимо оговаривать, что мы имеем в виду. Если первое, то несомненно — да — это самостоятельная полития⁵², независимая суверенная страна, возникновение которой можно свя-

⁴⁹ Скиннер К. The State. С. 58–60.

⁵⁰ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 192–196.

⁵¹ Гелднер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 27–29; Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 51; Якобсон В.А. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1997. № 1. С. 6; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 237; Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин: Формирования и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001. С. 245; Коротаев А.В. Социальная эволюция. М., 2003. С. 54–63.

⁵² Данный термин заимствован из английского языка («polity») и введен в русскоязычную антропологическую литературу А.В. Коротаевым в начале 1990-х гг. для обозначения независимых политических единиц. Это гораздо более удачный термин, чем использовавшаяся ранее биологизаторская дефиниция «социальный организм». Необходимость в данном термине очевидна, поскольку далеко не ко всем независимым политическим единицам (например, вожествам) можно употреблять термин «страна» (например, к конфедерации ирокезов или остяцким княжествам). При этом нужно иметь в виду, что Киевская Русь представляла собой «мультиполитию» — более крупную систему, состоящую из нескольких политически субординированных политий разной сложности.

зывать с различными условными и реальными хронологическими событиями: датой «призвания» Рюрика (862 г.), походом Олега на Киев и объединением Северной и Южной Руси (882 г.), введением «погостов» княгиней Ольгой (946 г.) и т. д. Если же мы используем понятие *государство* во втором значении, то необходимо дополнительно уточнить, что мы в данном случае понимаем под «правительством» или «аппаратом управления», поскольку лица, выполняющие управленческие обязанности, есть практически везде — в ирокезском племени, греческом полисе, африканском вожестве.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Исходя из вышеизложенного, лиц занятых управлением необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.)⁵³. Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, в вождествах, только категория специальных функционеров может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Виттфогель: «государство — это управление профессионалов»⁵⁴.

Кроме того, мы можем назвать организацию управления государством только в том случае, если она состоит из большого количества людей. Государство — это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок («габитус» — по П. Бурдьё). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцеля-

⁵³ *Claessen H.J.M.* The Early State: A Structural Approach // The Early State. P. 576.

⁵⁴ *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 239.

рии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, ставке («штабе») — в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. таком аппарате управления, который оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство⁵⁵.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политического антрополога Х. Дж. М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом-африканистом П. Скальником, и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий⁵⁶. Теория «раннего государства» включила достижения неозволюционистской и структуралистской антропологии, а также творчески переосмысленного марксизма⁵⁷. Она оказала значительное влияние и на развитие отечественной политической антропологии

⁵⁵ В советской литературе для подобных обществ использовались термины «дофеодалные общества», «варварские государства», «раннеклассовые общества» и др. В американской антропологии и археологии часто используется понятие «архаические государства». Напомним, что впервые вопрос о выделении данной стадии был поставлен еще в середине прошлого века С. В. Юшковым (*Юшков С. В.* К вопросу о дофеодалном (варварском) государстве // *ВИ.* 1946. № 7. С. 45–65).

⁵⁶ *The Early State.* The Hague, 1978; *The Study of the State.* The Hague, 1981; *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization.* South Hadley, 1985; *Early State Dynamics.* Leiden etc., 1987; *Early State Economics.* New Brunswick; London, 1991; *Ideology and the Formation of Early States.* Leiden, 1996.

⁵⁷ Существует огромная исследовательская литература по данной проблеме. На русском языке в первую очередь следует выделить следующие работы: *Кочакова Н. Б.* Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // *Восток.* 1996. № 4; *Она же.* Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М., 1999; *Бондаренко Д. М.* Концепция «раннего государства»: основные положения и попытка их оценки // *Африка: общества, культуры, языки.* М., 1998; *Крадин Н. Н.* «Раннее государство»: ключевые аспекты концепции и некоторые моменты ее истории // Там же. Кроме того, в журнале «*Social Evolution & History*» были опубликованы два специальных номера, посвященных теории раннего государства (2008, № 1; 2009, № 1). Наконец, важное значение имеет современная саморефлексия основоположников теории: *Классен Х. Дж. М.* Теория раннего государства сегодня // *Политическая антропология*

последней трети XX — начала XXI в. (на Л.Е. Куббеля, А.М. Хазанова, Л.С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение отечественных политических антропологов).

Раннее государство понимается как «централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или возникающих социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, а их основной принцип составляет взаимный обмен услугами...»⁵⁸.

Авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств — *зачаточные* (inchoate), *типичные* (typical) и *переходные* (transitional). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-линейных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалованье из центра; 3) письменно зафиксированный свод законов; 4) появляется специальный аппарат судей, которые уже разбирают большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имеет «точно установленный характер» и осуществляется как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появляются специальные чиновники и лица помогающие им⁵⁹.

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание общества, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти отпадала необходимость в данных функциях «священного царя»⁶⁰. На этой стадии раннее государство трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство («mature state»),

традиционных и современных обществ; *Скальник П.* Концепция раннего государства в антропологической теории // Там же.

⁵⁸ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. P. 640.

⁵⁹ *Ibid.* P. 641.

⁶⁰ *Claessen H.J.M.* Kingship in the Early State // Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde. 1986. Vol. 142. № 1.

в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность⁶¹.

С течением времени возникла необходимость в пересмотре типологии и отказе от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вожеств, а последние подпадают под признаки *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом⁶². Кросс-культурный анализ концепции помог скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал, что именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др.⁶³

Насколько применимы признаки классического («типичного» по Х. Классену) раннего государства к тем или иным этапам истории Древней Руси? Это задача конкретно-исторических исследований. Однако хотелось бы отметить, что на Руси клановые отношения (лестви́чная система) тесно переплетались с личными связями, возникавшими между князьями и их дружинниками. Кормления наместников и сопровождавших их воинских отрядов сосуществовали с денежными пожалованиями и подарками дружине. Также трудно говорить о времени появления фиксированных даней и повинностей. Уже на такой стадии, как вожество, элита пользуется определенным привилегированным доступом к общественным ресурсам и их перераспределению, что далеко не всегда можно выявить по письменным источникам. Известно, что на ранних этапах основным источником доходов варяжской элиты было полюдье⁶⁴. В период правления княгини Ольги делается попытка зафиксировать размеры поборов («оброков») и вводятся места их концентрации («погосты»), хотя касательно внутреннего содержания данных институтов у исследователей существуют разные точки зрения. Позднее появляются различные фиксированные сборы (например, «уроки» при Владимире), которые впоследствии дополняются торговыми пошлинами, судебными штрафами и др.

⁶¹ Существуют другие термины для обозначения подобных сформировавшихся доиндустриальных государств: «аграрное государство», «традиционное государство», «развитое государство». См.: *Gellner E. Plough, Sword and Book. The Structure of Human History.* Chicago, 1988; *Johnson A.W., Earle T. The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State.* Stanford (Cal.), 1987; *Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс.* М., 2007. Кн. 1–3.

⁶² *Skalnik P. Chieftdom: a Universal Political Formation? // Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology.* 2003. Vol. 43, No 1; *Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации.*

⁶³ *Bondarenko D.M., Korotayev A.V. "Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research.* 2003. Vol. 37, No 1.

⁶⁴ *Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории.* М., 1995; *Он же. Полюдье: всемирно-историческое явление.* М., 2009.

Привлечение больших масс населения для строительства монументальных сооружений характерно не только для сложившихся государств, но и для вождеств. Данные археологии свидетельствуют, что на Руси новые виды фортификации, требовавшие больших затрат труда, появляются с X в. (несколько линий обороны, земляные валы-платформы со срубам). Если говорить о трех наиболее важных признаках раннего государства, то необходимо отметить, что письменные законы появляются на Руси с XI в. — краткая редакция Русской Правды. По всей видимости, впервые именно в ней упоминается такая инстанция, как княжеский суд. Тогда же появляются новые термины, обозначающие в терминологии X. Классена общих и специальных функционеров — *тиун*, *огнищанин*, *посадник*. Представляется, что ответ на данные вопросы является в настоящее время одним из наиболее важных для определения времени формирования древнерусского государства.

Вместе с тем необходимо напомнить, что древнерусское государство складывалось при значительной роли дружины, что логично привело Е.А. Мельникову к созданию концепции «дружинного государства»⁶⁵. Значительная роль воинского окружения правителя может быть прослежена в процессе формирования многих раннегосударственных обществ. Дружинники не только составляли отборное воинское подразделение, но и могли выполнять административные, полицейские и даже дипломатические обязанности. В известной степени дружинников можно рассматривать как «эмбриональный» аппарат управления. Однако необходимо иметь в виду, что они не имели четкой функциональной специализации и исполняли поручения от случая к случаю и по мере необходимости.

С начала 1990-х гг. и особенно в новом столетии однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике⁶⁶. Это привело к распространению билинейных и многолинейных теорий. Изначально появилось мнение об альтернативах вождеству — *гетерархии*. Термин гетерархия обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей⁶⁷. Позднее стало ясно, что речь идет об альтернативных вариантах эволюции. Этот подход пример-

⁶⁵ Мельникова Е.А. К типологии.

⁶⁶ Yoffee N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005; Pauketat T. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. N.Y. etc., 2007.

⁶⁷ Crumley C. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From Leaders to Rulers. N.Y., 2001. P. 24.

но в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М.А. Агларов (Кавказ), Ю.Е. Березкин (Передний Восток и Средняя Азия), А.В. Коротаев («горцы»), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйнман и С. Ковалевски (Мезоамерика), Р. Чапмэн (иберийцы) и др.⁶⁸

Исследователи выделили две стратегии, которые могут быть зафиксированы в разных типах общества. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификаций, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Гетерархическую стратегию не следует рассматривать как более эгалитарную в сравнении с иерархией и предшествующую ей. Гетерархия не является менее сложной, чем иерархия. Примером этого могут служить греческие полисы

⁶⁸ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988; Березкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; Коротаев А.В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995; Crumley C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995; Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, No 1; Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же; Уасон П., Балдуа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же; Feinman G.M. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From Leaders to Rulers. N.Y., 2001; Бондаренко Д.М. Гомархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006; Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3; Chapman P. Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. N.Y., 2008.

и более поздние торговые города-государства, которые обладали развитой внутренней организацией и культурой.

Данные положения имеют большую эвристическую ценность для интерпретации процессов политогенеза на Руси. Не случайно в своей концепции «городов-государств» Древней Руси И.Я. Фроянов, следуя Н.И. Карееву, неоднократно проводил параллели с греческими полисами⁶⁹. Гетерархическое общество (корпоративная стратегия) отличается бóльшим распределением богатства между разными социальными группами, что характерно для «городов-государств» Древней Руси. Власть в городах Руси была распределена между несколькими политическими силами — князья, бояре, городская элита. Отсутствуют пышные гробницы и захоронения элиты, резко отделяющие от простых масс. Наличие земледельческих ритуалов плодородия, культы разных богов (Перун противопоставлен Велесу) показывают коллективный характер идеологии, свидетельствуют об отсутствии персонального прославления.

Древняя Русь не представляла собой единого целого. Было бы упрощением видеть на Руси только гетерархические города-республики. Как уже было сказано выше, Русь представляла собой совокупность этнически и культурно близких между собой политий разной степени структурированности: от сложных вожеств до гетерархических протогородских республик. При этом важно отметить, что гетерархическая структура была характерна для общества викингов⁷⁰. Бытование данной системы у скандинавов было обусловлено распределением ресурсов на большой территории и трудностью централизованного контроля над ними. Участие в военных походах являлось важным фактором повышения статуса для молодежи, получения и перераспределения престижных товаров для элиты. Немаловажную роль играл контроль над торговыми путями. Викинги создавали форпосты своего присутствия на славянской территории (вышеупомянутые ОТП). Это дало им возможность распространить влияние на местные славянские вожества и племена, а также наладить контроль над внешними торговыми путями. После известных событий, связанных с походом Олега на Киев, начались процессы формирования единого раннего государства («русской земли»). При этом наличие в со-

⁶⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 218; *Он же*. Мязежний Новгород. С. 25.

⁷⁰ Kristiansen K. The Rules of the Game. Decentralised Complexity and Power Structures // *Socializing Complexity: Approaches to Power and Interaction in Archaeological Discourse*. Oxford, 2008.

ставе древнерусской мультиполитии («федерации земель») гетерархических городских структур (по И.Я. Фроянову «городов-государств») обусловило специфический характер процессов политогенеза на этой территории, несколько отличный от классической модели динамики «раннего государства» Классена. Исторический парадокс «призвания варягов» состоит в том, что викинги принесли на Русь не столько государственность, сколько гетерархическую модель управления, хотя и способствовали, в конечном счете, формированию раннего государства на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

Березкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Бернт М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Бондаренко Д.М. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006.

Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001.

Бондаренко Д.М. Концепция «раннего государства»: основные положения и попытка их оценки // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998.

Бондаренко Д.М., Коротяев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Годелье М. Загадка дара. М., 2007.

Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. М., 2007. Кн. 1–3.

Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социологический аспект // КСИА. М., 1990. № 201.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. М., 2005.

Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua*, 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968.

Карнейро Р. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.

Классен Х.Дж.М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009.

Ключевский В.О. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 1.

Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М., 1995.

Кобищанов Ю.М. Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009.

Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Кола Д. Политическая социология. М., 2001.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

Коротаев А.В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.

Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. М., 2003. Вып. 3.

Коротаев А.В. Социальная эволюция. М., 2003.

Кочакова Н.Б. Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // Восток. 1996. № 4.

Кочакова Н.Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М., 1999.

Крадин Н.Н. «Раннее государство»: ключевые аспекты концепции и некоторые моменты ее истории // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998.

Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2011.

Крадин Н.Н. Перспективы политической антропологии // Полис. 2011. № 6.

Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Материалы международной конференции. Владивосток, 2012.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.

Куббель Л.Е. Очерки постарно-политической этнографии. М., 1988.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Лукин П.В. Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Нефёдкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельству ранневизантийских источников) // ВВ. 2003. Т. 62.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Пловых А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.

Носов Е.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.

Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989.

Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. 1.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.

Прокотий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I (I–VI вв.).

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002.

Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // Stratum Plus. 2001–2002. Т. 5.

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990.

- Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007.
- Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Фроянов И.Я.* К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.
- Шнирельман В.А.* Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Юшков С.В.* К вопросу о дофеодальном (варварском) государстве // ВИ. 1946. № 7.
- Якобсон В.А.* Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1997. № 1.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, No 1.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* "Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research. 2003. No 1. Vol. 37.
- Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169, No 3947.
- Chapman P.* Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. N.Y., 2008.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. The Hague, 1978.
- Claessen H.J.M.* Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000.

- Claessen H.J.M.* Kingship in the Early State // *Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde*. 1986. Vol. 142, No 1.
- Claessen H.J.M.* The Early State: A Structural Approach // *The Early State*. The Hague, 1978.
- Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From Leaders to Rulers*. N.Y., 2001.
- Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, 1995.
- Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization. South Hadley, 1985.
- Earle T.* Chiefdom in Archaeological and Ethnological Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.
- Early State Dynamics. Leiden etc., 1987.
- Early State Economics. New Brunswick; London, 1991.
- Ekholm K.* External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // *The Evolution of Social Systems*. L., 1977.
- Fargher L.F., Espinoza V.Y.H., Blanton R.* Alternative Pathways to Power in Late Postclassic Highland Mesoamerica // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30.
- Feinman G., Neitzel J.* Too Many Types: an Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // *Advances in Archaeological Method and Theory*. N.Y., 1984. Vol. 7.
- Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // *From Leaders to Rulers*. N.Y., 2001.
- Gellner E.* Plough, Sword and Book. The Structure of Human History. Chicago, 1988.
- Haas J.* The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982.
- Hall T., Kardulias N., Chase-Dunn C.* World-Systems Analysis and Archaeology: Continuing the Dialogue // *Journal of Archaeological Research*. 2010. Vol. 19, No 3.
- Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996.
- Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.), 1987.
- Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdoms // *American Anthropologist*. 1989. Vol. 91, No 2.
- Kristiansen K.* Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age // *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. N.Y., 2011.

Kristiansen K. Decentralized Complexity: The Case of Bronze Age Northern Europe // Pathways to Power. N.Y., 2010.

Kristiansen K. The Rules of the Game. Decentralised Complexity and Power Structures // Socializing Complexity: Approaches to Power and Interaction in Archaeological Discourse. Oxford, 2008.

Pauketat T. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. N.Y. etc., 2007.

Peregrine P., Ember C., Ember M. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data // Cross-Cultural Research. 2007. Vol. 41, No 1.

Renfrew C. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C. L., 1972.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Skalnik P. Chiefdom: a universal political formation? // Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology. Vol. 43, No 1.

Southall A. The Segmentary State: From Imaginary to Material Means of Production // Early State Economics. New Brunswick; London, 1991.

The Early State. The Hague, 1978.

The Study of the State. The Hague, 1981.

Webb M. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.

White G., King T. The Archaeological Survey Manual. Walnut Creek (Cal.), 2007.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

Yoffee N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005.

РЕЗЮМЕ

Генезис государства на Руси — один из «вечных», постоянно-дебатируемых вопросов для российских и зарубежных ученых. В статье рассматривается происхождение Древнерусского государства и его особенности с точки зрения новейших теорий политической антропологии. Демонстрируется значимость факторов «войны» и «внешней торговли» для процесса становления государственности. Предлагается рассмотреть применимость концепция «вождества», «гетерархии» и «раннего государства» к проблеме становления Руси как «мультиполитии».

Ключевые слова: политогенез, вождество, Русь, раннее государство, гетерархия, политическая антропология.

ABSTRACT

Origin of State in Russia is one of permanently debatable questions among the Russian and foreign scholars. In this paper, this problem is discussed in the context of recent anthropological approaches. The important role of such factors as foreign trade and war is shown. The significance of such concepts as chiefdom, early state and heterarchy in understanding the political complexity of ancient Russia is considered.

Key words: politogenesis, chiefdom, ancient Russia, early state, heterarchy, political anthropology.

Е.А. Мельникова

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Одна из кардинальных проблем отечественной истории — образование Древнерусского государства издавна отягощена политическими, идеологическими, эмоциональными соображениями, и ее обсуждение в рамках так называемого «норманнского вопроса» сводило ее, особенно в трудах «антинорманистов», к вопросу об этническом происхождении «создателей» или «основателей» Древней Руси (отчего первостепенное значение приобретали этимологии названий *русь* и *варяг*, имен первых русских князей и т. п.)¹. Преодоление этой историографической традиции означало обращение к совершенно иным вопросам: во-первых, углубленному исследованию самого восточнославянского общества накануне и в процессе возникновения государства, особенностей нового политического образования в начальный период и его последующей эволюции, т. е. изучения Древнерусского государств *per se*; во-вторых — изучения восточнославянского общества и Древнерусского государства в контексте тех процессов, которые происходили в окружающем его средневековом мире.

Первое направление целенаправленно и разносторонне развивалось начиная со второй половины XIX в. и особенно интенсивно — во второй половине XX в. силами как историков, так и археологов. Второе же распалось в послевоенной историографии на несколько

* Статья написана в рамках работы над проектом «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» (№ 12-01-08018) целевой программы РГНФ «1150 лет зарождения российской государственности».

¹ Методологическая непродуктивность обсуждения подобных вопросов для выяснения происхождения Древнерусского государства делает бессмысленным и употребление терминов «норманизм» и «антинорманизм». См. подробнее: Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.

более или менее самостоятельных направлений², но ключевой вопрос — об историческом контексте возникновения восточнославянской государственности — остался в стороне. Попытки сравнительно-типологического изучения отдельных древнерусских институтов и явлений с их европейскими аналогами — правовых норм южных славян и прибалтийских народов («Полица» Б.Д. Грекова, «Корчула», «Помезания», правовые памятники ливов В.Т. Пашуто), политических институтов (М.Б. Свердлов, П.В. Лукин, П.С. Стефанович), порядка престолонаследия (А.В. Назаренко), отражения представлений о власти в социогенетических легендах (А.С. Щавелев), формирования системы раннего историописания (Т.В. Гимон, А.А. Гиппиус) показали, что как социально-политическое, так и культурное развитие домонгольской Руси при всех ее самобытных особенностях шло в целом теми же путями, что и развитие других европейских раннесредневековых государств. Это — чрезвычайно важный вывод, особенно после десятилетий утверждения, что Русь, а затем Россия развивались особым, несопоставимым с другими странами образом, как в отечественной (для обоснования политики изоляционизма), так и в зарубежной (с целью показать «незакономерность» возникновения СССР) исторической науке и политологии.

Одним из немногих обращений к историческому контексту возникновения Древнерусского государства³ были работы о становлении предгосударственного образования на северо-западе Восточной Европы (в Волховско-Ильменском регионе) как проявлении процессов, охвативших в VIII–X вв. весь Балтийский регион⁴. Предложенное тогда Г.С. Лебедевым понятие «циркумбалтийский регион» охватывало как южную, северную и восточную Балтику, так и Северо-Западную Русь⁵. Соглашаясь в целом с включением Северо-Западной Руси в систему экономических и политических связей Балтийского региона, я также кратко отметила и более глобальные, общеевропейские про-

²Наиболее продуктивно исследовались и исследуются международные связи Древнерусского государства и его место в системе средневековых государств (В.Т. Пашуто, А.П. Новосельцев, А.В. Назаренко, Е.А. Мельникова и др.).

³Ср. такую попытку в совместном докладе З.В. Удальцовой, Я.Н. Шапова, Е.В. Гутновой и А.П. Новосельцева на XV МКН в Бухаресте: *Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.

⁴*Wikinger und Slawen* / Hrsg. von J. Herrmann. В., 1982; перевод на русский язык с добавлением главы А.Н. Кирпичникова, И.В. Дубова, Г.С. Лебедева «Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени)» в кн.: *Славяне и скандинавы* / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1985.

⁵*Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; перепечатка с дополнениями: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

цессы, которые привели к интенсификации социально-политического развития народов Балтийского региона и Северо-Западной Руси, обращающая особое внимание на роль в этих процессах протяженных систем коммуникаций⁶.

Таким образом, если внутреннее развитие восточнославянского общества во второй половине I тыс. можно ныне полагать более или менее изученным⁷, то не только не исследованным, но и фактически не сформулированным остается и поныне один из центральных для объяснения ранней истории Руси вопрос: в каком историческом контексте возникло и формировалось Древнерусское государство, какие экономические, политические, культурные явления и процессы общеевропейского или евразийского масштаба вызвали к жизни бурное — на протяжении всего четырех столетий⁸ — перерастание восточнославянских племенных структур в государственные или оказали воздействие на их трансформацию. Настоящая статья ставит своей целью, разумеется, не разрешение вопроса о геополитических предпосылках возникновения Древнерусского государства, но скорее попытку наметить возможные пути его решения.

* * *

Еще в 1920-е гг. Анри Пиренн предположил, что средиземноморская цивилизация погибла под ударами не германских варваров, а позже, в результате арабских завоеваний VII в., отделив остатки Западной Империи от Восточной, что вызвало изоляцию меровингской Франкии от Средиземноморья, пресечение цветущей до того времени средиземноморской торговли и привело к упадку городов в Ев-

⁶ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32; *Она же*. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100; *Она же*. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 43–57.

⁷ О насущных задачах изучения истории собственно Древнерусского государства см.: Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 188–197.

⁸ Достаточно напомнить, что у развивавшихся также без тесных контактов с античной цивилизацией скандинавских племен резкое социальное расслоение существовало еще в эпоху бронзы (1500–500 гг. до н. э.), но первые раннегосударственные образования относятся ко времени не ранее VIII в. (в Дании), а средневековые государства возникают во второй половине X — первой половине XI в.

ропе. Последующее возвышение Каролингов происходило на основе совершенно иных экономических связей: «...Шарлеманя невозможно представить без Мухаммеда. В VII в. древняя Римская империя в реальности стала Восточной империей; Империя Карла была Западной империей... Каролингская империя или, скорее, империя Шарлеманя, была строительными подмостками средних веков»⁹. «Тезис Пиренна», во многом определивший изучение экономической истории Европы раннего средневековья в XX в.¹⁰, был впоследствии частично подтвержден археологическим и нумизматическим материалом, частично скорректирован и уточнен¹¹. Теперь не вызывает особых сомнений, что угасание античной цивилизации, сначала в западном, а затем и в восточном Средиземноморье было более длительным и более ранним, чем представлялось А. Пиренну, процессом, облегчившим арабам быстрый захват Переднего Востока, Северной Африки и Пиренейского п-ова и что объем торговых операций в Европе резко сократился уже к началу VII в. Арабские завоевания довершили экономический упадок Средиземноморья, и экономика Западной Европы, лишившейся привычных поставок из Средиземноморья вина и масла, предметов роскоши, золота и значительной части серебра (добыча серебра в Англии обеспечивала по преимуществу внутренние потребности) переживала в VII в. острый кризис.

Важнейшим развитием «Тезиса Пиренна» стало объяснение выхода Западной Европы из экономического упадка в эпоху Каролингов С. Булина¹², который привлек внимание к другому региону Европы — северному, бурное развитие которого приходится на VIII–X вв. На нумизматическом материале С. Булин убедительно показал (а последующие исследователи внесли новые аргументы)¹³, что начиная с VIII в. в Европе формируются две крупные экономические области: на юге, в исламском мире, процветает торговля с востоком, и торговые комму-

⁹*Pirenn A. Mohammed and Charlemagne / Transl. by Bernard Miall. 1937. P. 234–235 (впервые изложено в статье, опубликованной в Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1922. Vol. 1. P. 77–86).*

¹⁰См.: *Lyon B. Henri Pirenn — a Biographical and Intellectual Study. Ghent, 1974.*

¹¹*Lopez R.S. Mohammed and Charlemagne: a Revision // Speculum. 1943. Vol. 18. P. 14–38; Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirene Thesis. L., 1983 и особенно: McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.*

¹²*Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // Scandinavian Economic History Review. 1953. Vol. 1. P. 5–39. (впервые опубликовано на шведском языке в: Scandia. Tidskrift for historisk forskning. 1939. B. 12. S. 181–222).*

¹³См., в частности *Hodges R. Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade AD 600–1000. L., 1982.*

никации связывают Переднюю Азию и Северную Африку с Индией, Шри Ланкой и дотягиваются до Юго-Восточной Азии¹⁴; на севере в Каролингскую эпоху возникает и крепнет североморская торговля¹⁵, которая позднее охватывает Балтику, а затем и Восточную Европу¹⁶. Чрезвычайно существенным было уточнение Ф. Грирсона, что для раннего средневековья речь, скорее, должна идти не столько о торговле, сколько более широко — об обмене, не менее важную роль играли престижные дары, плата наемникам, торговые пошлины и мн. др.¹⁷

Уже в эпоху Великого переселения народов структурирующую европейское пространство роль играли Дунай, отделявший позднюю Римскую империю от варварского мира, и Рейн, служивший границей между римскими провинциями в Галлии и Свободной Германией. Значение Рейна не угасло после распада Римской империи: начиная с VI в. он становится главной торговой магистралью, соединяющей Северную Италию с Северным морем. Находки коптских сосудов и других предметов, а также византийских солидов на Среднем Рейне и даже в Центральной Швеции указывают на то, что между остготами Теодориха и франкской и свейской элитами существовали отношения обмена. Однако в VII в. Прованс также приходит в упадок, и в Европе формируется новая система речных коммуникаций, также опирающаяся на Рейн, но охватывающая реки бассейна Северного моря. Важнейшую роль начинают играть реки Северной Франкии, Сена, Маас и др., в меньшей степени Луара. Новая экономическая зона характеризуется распространением франкских монет середины VII в. с низким содержанием серебра¹⁸ и образованием торговых центров (лат. *emporium*, др.-англ. *wīk*, др.-исл. *vík*). При впадении Сены, Мааса и Рейна в Северное море во второй половине VII в. возникают или оживают основанные еще в римское время эмпории: Квентовик южнее совр. Булони, Домбург на о-ве Вальхерен, Дорестада в устье Рейна¹⁹. Одновременно с ними на другом берегу Ла-Манша появляются Ипсвич в Восточной

¹⁴См. особенно подробно: *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed. P. 123–157.

¹⁵*Ibid.* P. 77–122, а также статьи в: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa* / Hrsg. K. Düwel et al. Göttingen, 1985. Bd. III. *Der Handel des frühen Mittelalters.*

¹⁶*McCormick M.* *Origins of the European Economy.*

¹⁷*Grierson Ph.* *Commerce in the Dark Ages: a Critique of the Evidence* // *Transactions of the Royal Historical Society.* 1959. 5th ser. Vol. 9. P. 123–140. См. также статьи в: *Trade and Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist* / Ed. B. Hårdh. Lund, 1988.

¹⁸*Hodges R.* *Dark Age Economics.* P. 29–39.

¹⁹Ныне Квентовик локализируют у г. Этапль (*Hill D., Barrett D., Maude K., Warburton J., and Worthington M.* *Quentovic Defined* // *Antiquity.* 1990. Vol. 64. P. 51–58). Домбург возник еще в римское время, его расцвет как эмпория начинается после 650 г. и приходится на IX в. О До-

Англии, связанный с Дорестадом, Hamwic (Saxon Southampton), Лондон (Lundenwīc) и др.²⁰ Центральное место в этой сети занимает Дорестада, прежде всего как торговый центр. Но он быстро становится и главным пунктом в Каролингской империи сбора 10-процентных торговых пошлин, а также чеканки монеты, начавшейся ок. 600 г.²¹ Значение Дорестада проявилось в быстром росте его территории — к 800 г. она составляла уже ок. 250 га²². На юго-западном побережье Ютландии разрастается Данкирке, возникший еще в I в. до н. э. как центр производства железа. В VI–VII вв. он достигает расцвета уже в качестве ремесленного и торгового поселения²³. О его участии в североморской торговле свидетельствуют тысячи обломков фризских сосудов и находки фризских скеаттов²⁴. К концу VII в. Североморский регион охвачен, таким образом, единой сетью коммуникаций, которая связывает Рейнскую область и Центральную Европу с юго-восточной Англией и Южно-Западной Ютландией и по которой осуществляется активный обмен по преимуществу предметами, производимыми в каждом из регионом. По Рейну и другим рекам Франкии поступают рейнское вино, жернова, оружие, гребни, сосуды; англо-саксонские вики и Данкирке, видимо, поставляют, в основном, предметы, не оставляющие материальные следы: шерсть, кожи, рабов и т. п., но Англия могла вывозить некоторое количество, хотя и не очень значительное, серебра. Однако меровингская империя не получает по этой сети те товары и в том количестве, которые были необходимы для правящей элиты и уже стали для нее привычными: предметы роскоши, благовония, пряности. Главным же импортом, обеспечивавшим экономическое развитие Франкии было серебро, которое ранее в большом количестве доставлялось с юга из Африки. После крушения европейской экономики франкские монеты VII в. постепенно девальвируются. Резко сокращается приток восточных тканей, сосудов, других предметов роскоши.

рестаде по материалам последних раскопок см.: *Willemsen A.* Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen. Zutphen, 2009.

²⁰*Brisbane M.* Hamwic (Saxon Southampton): an Eighth Century Port and Production Centre // *The Rebirth of Towns in the West, A.D. 700–1050* / Ed. R. Hodges, B. Hobley. L., 1988. P. 101–108; *Russo D.G.* Town Origins and Development in Early England, c. 400–950 A.D. Westport, 1998; *Verhulst A.E.* The Rise of Cities in North-Western Europe. Cambridge University Press, 1999.

²¹*Lebecq S.* The Frisian Trade in the Dark Ages: a Frisian or a Frankish/Frisian Trade? // *Rotterdam Papers*. Rotterdam, 1992. Vol. VII / Ed. A. Carmiggelt. P. 12–13.

²²*Willemsen A.* Dorestad.

²³*Hansen H.J.* Dankirke. Jernalderboplads og rigdomscenter // *Kuml*. 1989. B. 1987–1988. S. 201–240.

²⁴*Thorvaldsen E.* Dankirke. Die Siedlung // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 1983. Bd. 5. S. 47–60.

Если Североморская торговля в VII в. находится в стадии становления, то в Балтийском регионе к этому времени уже существует развитая внутренняя сеть торговых путей с виками в узловых пунктах. Эта сеть начала формироваться еще в бронзовом веке, когда в Скандинавию через Ютландский п-ов и Датские острова начала доставляться в большом количестве бронза из Центральной Европы (запасы меди на Скандинавском п-ове отсутствуют). Начавшееся в середине I тысячелетия до н. э. производство железа в Дании и Средней Швеции привело к радикальному изменению характера торговли и реорганизации торговых путей. Большие запасы и высокое качество руды делали главным его поставщиком север Упланда (Средняя Швеция). «Железный путь», частично водный, частично сухопутный, связывал район Данемур с оз. Меларен, откуда открывался выход в Балтийское море. Он служил основой для формирования внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу²⁵. Отсюда железо начинает доставляться в другие регионы Скандинавии и в Центральную Европу²⁶.

В IV–VI вв. сеть коммуникаций в Западной Балтике приобретает новый стимул²⁷. Ее крупнейшим торговым центром становится поселение Люннеборг (Lundeborg) на о. Фюн (округ Гудме)²⁸, в котором было налажено производство костяных, стеклянных, керамических изделий. Отсюда торговые пути протягиваются вглубь Балтики вдоль юго-западного и юго-восточного побережья Скандинавского п-ова. Путь на запад отмечен торговым центром Каупанг на юге Норвегии и продолжался вдоль западного побережья Норвегии вплоть до Лофотенских островов, где исследована крупная усадьба местного вождя — Борг, поддерживавшего постоянные контакты с Североморским регионом²⁹. На востоке путь вел к о. Борнхольм³⁰, где обнаружена сходная с Боргом усадьба в Сорте Мюль³¹, и далее к о. Эланд, на южной

²⁵ Iron and Man in Prehistoric Sweden / Ed. H. Clarke. Stockholm, 1979.

²⁶ Voss O. Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit. Stockholm, 1971.

²⁷ См. подробнее: Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций. С. 43–57.

²⁸ Nielsen P.O., Randsborg K., Thrane H. Archaeology of Gudme and Lundeborg. Copenhagen, 1994.

²⁹ Borg in Lofoten: A Chieftain's Farm in North Norway / Ed. G. Stamsø Munch, O.S. Johansen, E. Roesdahl. Trondheim, 2003.

³⁰ Larsen K.A. Bornholm i ældre jernalder // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. 1949. S. 1–214; Klindt-Jensen O. Bornholm i Folkvandringstiden // Nationalmuseets skrifter. Større beretninger II. København, 1957; Becker C.J. Hovedlinier i Bornholms oldtidshistorie // Bornholmske samlinger. 1975. S. 1–41.

³¹ Watt M. Sorte Muld. Høvdingesæde og kultcentrum fra Bornholms yngre jernalder // Fram stamme til stat. (Jysk arkæologisk Selskabs Skrifter, XXII). Århus, 1991. B. 2. Høvdingesamfund og kongemagt. P. 89–107.

оконечности которого возникает торгово-ремесленное поселение Экеторп (Eketorp)³², а на восточном побережье каменная крепость — Исманторп (Ismantorp). Отсюда путь разветвлялся на северо-восточный маршрут — к о. Готланд и северный — в Среднюю Швецию, где на о. Экерё в оз. Меларен вырастает крупнейшее поселение того времени Хельгё (Helgö)³³.

Если связи Западной Балтики были традиционно ориентированы на Центральную Европу, то Восточная Скандинавия имела давние контакты с восточным побережьем Балтики³⁴. Начиная с V в. здесь возникают поселения готландцев и свеев: Трусо в устье Вислы и Кауп на границе прусских и куршских земель³⁵, Апуоле и Гробиня — у ливов и латгалов³⁶, Прооза — на территории совр. Таллинна³⁷. К VII в. прокладывается путь вглубь Восточной Европы по Финскому заливу вплоть до Ладожского озера. Главным стимулом, привлекавшим скандинавов на востоке в это время, была пушнина³⁸, которую они, видимо, и добывали сами, и скупали у местного населения. Не случайно древнейшие следы пребывания скандинавов на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риекалла в Ладожском озере — временные стоянки³⁹. Находки из Хельгё свидетельствуют о теснейших восточных связях эмпория: так, в одном из погребений могильника Прооза найдены пуговицы, отлитые в форме, обнаруженной в Хельгё. В балтийскую систему обмена включилась также южно-норвежская область Вик, откуда вывозились высоко ценившиеся, по крайней мере, в Балтийских странах, изделия из мыльного камня (жировика).

Вплоть до второй половины VII в. Балтийский регион не обнаруживает сколько-нибудь устойчивых связей с Североморским, хотя такие товары, как пушнина, вероятнее всего, проникали в Западную Европу, а до Восточной Скандинавии доходили стеклянные сосуды

³² Hagberg U.E. Eketorp. Fortification and Settlement on Öland (Sweden). Stockholm, 1979.

³³ Excavations at Helgö. Stockholm, 1961–1986. В. 1–10; Thirteen Studies on Helgö. Stockholm, 1988.

³⁴ Отдельные, нерегулярные контакты с Восточно-прибалтийскими землями существовали и значительно раньше, но лишь с этого времени они приобретают устойчивый характер.

³⁵ Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. С. 9; *Он же*. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3.

³⁶ Nerman B. Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958; *Idem*. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942. S. 67–72; Седов В.В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 408–409.

³⁷ Деемант К. Раскопки каменного могильника в Прооза // АО 1980 года. М., 1981. С. 378.

³⁸ Callmer J. Verbindungen zwischen ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // JGO. 1986. Bd. 34. S. 357–369; Noonan Th. Why the Vikings First Came to Russia // *Ibid*. P. 321–348.

³⁹ Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15.

из Англии, мечи (позднее также клинки мечей) из Рейнской области, фризские скеатты⁴⁰. Путь, связующий оба региона, огибал Ютландский п-ов с севера, где в Лимфборде возникает поселение Линдхольм-Хёйе, значение которого как стоянки на трансконтинентальном пути возрастает в эпоху викингов⁴¹.

Объединение торговых коммуникаций обоих регионов происходит в VIII в., когда устанавливается переход из одного региона в другой на Шлезвигском перешейке по р. Эйдер и Трене в залив Шлее. Именно здесь возникает, а к IX в. достигает расцвета Хедебю, крупнейший торговый и ремесленный центр Балтики⁴². Как считается, в основании южного (раннего) поселения участвовали фризы. Его кардинальное значение для развития всего Балтийского региона знаменуют не только многочисленные археологические находки, свидетельствующие о его широчайших международных связях, но и разгоревшаяся в конце VIII — начале IX в. борьба между Карлом Великим и правителями Хедебю за влияние и торговые центры в юго-западном углу Балтики⁴³.

Североморская торговля к концу VIII в. сосредоточилась по преимуществу в руках фризов, покоренных франками в 734 г. и вскоре христианизированных⁴⁴. Дорестад, Домбург и другие центры Фризии, но прежде всего Дорестад, который возродился ок. 675 г. и расцвет которого приходится на 770–830-е гг., распространяют свою деятельность в трех направлениях: на юг по Рейну, Маасу, Шельде (фризские монеты ранней чеканки достигают Кобленца и даже Боденского озера), на север в Англию (вплоть до Йорка) и на восток в Балтийское

⁴⁰ Hill D., Metcalf D.M. Scaettas in England and on the Continent. Oxford, 1984; Ljungkvist J. Continental Imports in Scandinavia: Patterns and Changes between AD 400 and 800 // *Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility* / Ed. D. Quast. Mainz, 2009. P. 34–37.

⁴¹ Ramskou Th. Lindholm Høje. Copenhagen, 1960.

⁴² Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 8 Aufl. Neumünster, 1986; Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa / Hrsg. K. Brandt, M. Müller-Wille, Chr. Radke Wachholtz. Neumünster, 2002.

⁴³ Jankuhn H. Karl der Grosse und der Norden // *Karl der Große: Lebenswerk und Nachleben*. Düsseldorf, 1967. Bd. 1: Persönlichkeit und Geschichte. 3. Auflage. S. 699–707; Мельникова Е.А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata. Памяти О.И. Варьяш*. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

⁴⁴ Jankuhn H. Der fränkisch-friesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1953. Bd. 40. S. 193–243; Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // *Speculum*, 1955. Vol. 30. P. 15–36; Lebecq S. The Frisian Trade in the Dark Ages. P. 7–15. В VIII–IX вв. этноним «фризы» в письменных источниках нередко используется как общее обозначение купцов вне зависимости от их этнической принадлежности (см.: Lebecq S. On the Use of the Word 'Frisian' in the 6th–10th Centuries Written Sources: Some Interpretations // *Maritime Celts, Frisians and Saxons* / Ed. S. McGrail. L., 1990. P. 85–90).

море. Основные предметы фризской торговли, производимые по преимуществу в Рейнской области (вино, стеклянные изделия, оружие), распространяются по всему Североморскому и Балтийскому регионам. Эмпории V–VII вв. сменяются новыми, более крупными виками, многие из которых тесно связаны с центральной властью округа. На западном побережье Ютландии место Данкирке занимает расположенный поблизости Рибе⁴⁵, в Средней Швеции Хельгё в IX в. сменяется Биркой, на Готланде вырастают такие центры, как Вестергарн, Павикен, Эстергарн. Наконец, балтийская система коммуникаций замыкается на Северо-Западе Восточной Европы, где в середине VIII в. возникает Ладога. Одновременно на землях поморских славян, балтов и прибалтийско-финских племен появляются такие центры как Рерик (у дер. Groß Strömkendorf на восточном берегу Висмарского залива)⁴⁶, Ральсвик на о. Рюген, Менцлин на нижнем Пене, Волин в устье Одера⁴⁷. В Восточной Прибалтике продолжают развиваться старые торгово-ремесленные поселения Трусо, Кауп, Апуоле, Гробиня⁴⁸, обретает новое значение поселение начала тысячелетия Даугмале в 20 км выше устья Западной Двины⁴⁹. К концу IX в. южное и восточное побережье Балтики усеяно крупными и мелкими поселениями, обслуживающими торговый путь и принимающими участие в торговле.

В значительной части фризские импорты в Восточной Балтике и в Ладоге, как и восточные в Западной Европе — результат транзитной торговли (через Хедобю и Лимфьорд, где найдены как фризские, так и арабские монеты), в которую включились скандинавы. Однако сохранились письменные свидетельства IX в. о присутствии фризов, в том числе купцов, в Бирке⁵⁰, а материалы Старой Ладоги, прежде всего, производство ранних типов костяных гребней, дали основание гово-

⁴⁵ *Jensen S. The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.*

⁴⁶ Локализация Рерика долго оставалась спорной. После археологических раскопок 1990-х гг. его местонахождение считается установленным. См.: *Happ J. Reric, der verlorene Handelsplatz der Wikinger am südwestlichen Zipfel der Ostsee. 2. Aufl. Mensing, 2004.*

⁴⁷ *Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. С. 338–359; Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985. S. 121–138.*

⁴⁸ См. примеч. 36–38.

⁴⁹ *Urtans V. Arheologiskie petijumi Daugmale // Muzeji un kulturas pieminekli. Riga, 1969. 89–96 lpp.*

⁵⁰ *Vita sancti Anskarii auctore Rimberto, XI // Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum / Ed. Georg Waitz. Hannover, 1884 (repr. 1988). Bd. 55. О фризских импортах в Бирке см.: Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraums bis zur Wikingerzeit // Society and Trade in the Baltic. S. 7–54.*

рять о работавших здесь фризских ремесленниках⁵¹. На прямую связь Ладоги с Западной Балтикой указывает планировка этого поселения, близкая топографии Хедебю⁵².

Таким образом, на протяжении VIII в. не только происходит интенсификация франко-фризско-английских торговых контактов, но и начинает формироваться единый регион, от Фризии и Англии до Восточной Балтики, в котором наиболее активную роль играют фризы и скандинавы. Главным явлением этого времени, оказавшим наибольшее влияние на экономику балтийских стран эпохи викингов, равно как и на социально-политическое развитие населявших его народов, было включение в этот регион Восточной Европы.

Пролонгация балтийской коммуникационной системы на восток определяется обычно временем формирования Балтийско-Волжского пути — по древнейшим комплексам Ладоги, которые датируются 750-ми гг.⁵³ Однако образованию крупного торгового центра, каким выступает Ладога уже в древнейших ее слоях, предшествует обычно достаточно длительный период освоения пути: лишь его более или менее регулярное использование вызывает необходимость в появлении постоянных стоянок для купцов, ремонта судов, пополнения запасов, наконец, торговли с местным населением. К концу столетия в состав балтийского региона включаются внутренние области Восточной Европы: трансконтинентальная магистраль — Балтийско-Волжский путь — протягивается от Ладоги к Дону и Средней Волге. Главными вехами формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных поселений таких, как Ладога в нескольких километрах вверх по Волхову, Городище под Новгородом (Рюриково), которое возникло в середине IX в. как военный опорный пункт и контролировало вторую по значению развилку путей от оз. Ильмень. Последующие этапы освоения пути связаны с основанием Сарского городища и Тимерева; наиболее отдаленный от Балтики регион — вятский у поворота Волги на юг — отмечен концентрацией кладов арабского серебра IX в.⁵⁴

По Дону начинает поступать на север арабское монетное серебро. Древнейший клад с арабскими монетами (младшая чеканена в

⁵¹ Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 103–108.

⁵² Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.

⁵³ Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога; Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 50 и далее.

⁵⁴ Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 137.

699/700 г.) найден в Ладоге в слоях 750–760-х гг.⁵⁵, еще несколько кладов дирхемов датируются 770–790-ми гг.⁵⁶, а с начала IX в. монетное серебро достигает Готланда и Средней Швеции⁵⁷. Поток арабского серебра, хотя и переживавший периоды сокращения (в частности, в 860–870-е гг.), ознаменовал формирование единого региона, простиравшегося от Франкии и Англии до Средней Волги и просуществовавший до конца X в., когда импорт арабского серебра и в Скандинавию, и в Восточную Европу прекращается.

Единство «макробалтийского» региона в значительной степени скреплялось присутствием скандинавов во всех его частях и их свободными перемещением на всем пространстве региона: от Ирландии до Волги. Иногда одни и те же лица в разное время оказывались в разных его частях, как, например, некий Асгаут, который «был на западе и востоке» и в память о котором установлен рунический камень в Уббю (Упланд, Швеция)⁵⁸. Олав Трюггвасон воспитывался на Руси и, возможно, посетил Византию, а затем воевал в земле вендов и в Англии, а в 995 г. вернулся в Норвегию.

Показательно движение монетного серебра от одного конца региона до другого, когда восточные монеты оказываются в Англии, а английские и датские монеты — на Руси. Арабские дирхемы поступали в IX–X вв. сначала по Дону, а затем по Волге в Волховско-Ильменский регион и оттуда в Восточную Скандинавию. На Готланде найдено более 80 000 монет, в материковой Швеции — ок. 10 000. Но они достигали, пусть и в небольшом количестве, Дании (ок. 5 000 дирхемов), Норвегии (ок. 400) и даже Исландии (ок. 10)⁵⁹ и Англии⁶⁰. Несмотря

⁵⁵ Кирпичников А.Н. Ладога в первые века ее истории // Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога. С. 58.

⁵⁶ Noonan Th. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Noonan Th. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. Aldershot, 1998. P. 47–117.

⁵⁷ Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947–1958. B. 1–2.

⁵⁸ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. № Б-III.7.26. С. 336.

⁵⁹ Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // Byzantium and Islam in Scandinavia / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76. Почти все датские монеты чеканены в Средней Азии и нередко сочетаются с восточноевропейскими импортами, что безусловно указывает на их поступление через Восточную Европу.

⁶⁰ Каталог арабских монет из собрания Британского музея (часть из них могла попасть в Англию западным путем) см.: Lane-Poole S. Catalog of Oriental Coins in the British Museum. L., 1875–1890. Vol. I–X. С деятельностью викингов определенно связан клад ок. 905 г., найденный в 1820 г. в Cuerdale (Ланкашир) и состоявший из 7500 монет, среди которых англо-саксонские, континентальные, арабские, и около 100 фрагментов серебряных украшений (рубленное серебро), слитки, украшения общим весом ок. 40 кг. Клад попал в Англию из Ирландии после изгнания викингов из Дублина в 902 г. на их пути в Йорк (From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200 / Ed E. Roesdahl and D.M. Wilson. Uddevalla, 1992. P. 323 (No 361).

на незначительность находок арабских дирхемов среднеазиатской чеканки во Франкии и Фризии⁶¹, предполагается, что именно арабское монетное серебро (возможно, в большом количестве поступавшее из Испании, где велась его разработка) позволило Карлу Великому провести реформу монетного дела в начале IX в. и восстановить содержание серебра в денарии, а Дорестаду — стать вторым по значению местом чеканки серебряной монеты в Каролингской империи⁶². Напротив, полубрактеат Хедебю первой и крайне незначительной чеканки (ок. 825 г.) найден у дер. Кислая (Верхнее Поднепровье), более поздней и обширной чеканки (середина X в.) — в кладах из Кейла (Эстония, 20 монет), у дер. Денисы (Украина, многочисленные фрагменты), на поселении в Тимереве (Ярославское Поволжье)⁶³, а английские пенни X в. и чеканки Кнута Великого (ум. 1035) нередко встречаются в кладах Новгородской земли⁶⁴.

Предполагается, что в Скандинавию вместе с монетами проникла и практика использования весового серебра, отчего в кладах присутствует огромное количество фрагментов монет и серебряных изделий (рубленое серебро)⁶⁵. Значение арабской монеты отражают чеканки имитаций как серебряных дирхемов, так и золотых динаров — прежде всего в Волжской Булгарии, но и, например, в Англии короля Оффы (вторая половина VIII в.)⁶⁶.

К редким находкам принадлежат четыре близких по типу кольца со вставками (или только вставки) из полудрагоценных камней с арабскими надписями: в погребениях из могильника у Танеевки (№ 999) поблизости от Булгара на Средней Волге, две вставки в Тимереве в Ярославском Поволжье (X в.) и в Бирке (Средняя Швеция, IX в.); в первом случае на вставке выгравирована арабская надпись «Во имя Аллаха», на одной из вставок Тимерева и вставке из Бирки — «Аллах»⁶⁷. Фризские гребни и сосуды получили широкое распространение от Ладоги до Англии. Показательно женское погребение в Фюр-

⁶¹ См. каталог исламских монет в кн.: *McCormick M. Origins of the European Economy.*

⁶² *Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne.*

⁶³ *Потин В.Н.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // *Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. статей.* Л., 1970. С. 64–80.

⁶⁴ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // *ДГ.* 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170 (там же литература).

⁶⁵ *Sperber E. Balances, Weights and Weighing in Ancient and Medieval Sweden.* Stockholm, 1996. P. 96.

⁶⁶ *Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne.* P. 103.

⁶⁷ *Duczko W. Viking Age Scandinavia and Islam. An Archaeologist's View // Byzantium and Islam.* P. 110–111.

кате (северная Ютландия) с набором предметов, производившихся в разных центрах на юге и юго-востоке Балтики, и двумя небольшими серебряными кольцами, использованными в качестве серег, что свойственно восточнославянскому убору. Уникальные деревянные замки-цилиндры, которыми запечатывались мешки с собранной в Новгородской земле данью, доставлявшейся в Новгород с конца X в., имеют прямые (и единственные) аналогии в скандинавском Дублине⁶⁸.

Приведенные материалы, — а их количество можно было бы умножить, — убедительно свидетельствуют об интенсивных торговых связях⁶⁹, которые объединяют «макробалтийский» регион, просуществовавший три столетия — с VIII по X в. и сложившийся благодаря не деятельности викингов⁷⁰, а ранее эпохи викингов и благодаря той геополитической ситуации, которая возникла в Европе в предшествующие столетия и которая предопределила последующее социально-политическое развитие народов, населявших этот регион.

* * *

Существование «макробалтийского» экономического региона отразилось в представлениях его современников о едином североевропейском географическом пространстве. Героический мир англосаксонских эпических поэм VII–VIII вв. простирается от Фризии и Северо-Западной Франкии до земель финнов, где побывал Видсид (*Widsid*, 76). «Приливом вынесло на финскую землю» геата Беовульфа после одного из его юношеских подвигов (*Beowulf*, 580). В древнескандинавской картине мира пространство структурировано путями, исходящими из Западной Балтики: Северным (*Norðrvegr* откуда произошло название «Норвегия»), Южным (*Suðrvegr*), Восточным (*Austrvegr*) и Западным (*Vestrvegr*)⁷¹, которые кольцом охватывают Европу и смы-

⁶⁸ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62 со ссылкой на: Lang J. T. Viking-Age Decorated Wood. A Study of its Ornamentation and Style. Dublin, 1988. No. DW 29, 30, 42. P. 22, 24–25, 60, 66.

⁶⁹ Наряду с предметами торговли, по этой же сети коммуникаций распространялись новые технологии (например, производство мечей, первоначально сосредоточенное в Рейнских мастерских, продолжилось в Норвегии, а затем и на Руси; скандинавская технология трехслойного пакета была усвоена в Восточной Европе, русская зернь имитируется в Скандинавских странах и т. д.), социально-экономические явления и культурные импульсы (например, литературные сюжеты и мотивы, декоративные стили, но прежде всего христианство).

⁷⁰ Особого рассмотрения заслуживает не ставившийся ранее вопрос, насколько образование этого региона и флуктуации в интенсивности связей внутри него могли послужить одной из причин возникновения эпохи викингов.

⁷¹ Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

каются в Средиземном море — «в греках». Восходящая, вероятно, к глубокой древности, «путевая» организация пространства сохранялась в Скандинавии и в христианскую эпоху и получила отражение как в сагах, так и в ученой литературе XIII–XIV вв. Среди четырех путей-направлений наиболее значимым и часто упоминаемым оказывается Восточный путь, который пронизывает «Восточную половину мира» и стягивает вокруг себя «Восточные страны» (*Austrlönd*)⁷². Второе по значению место занимает Западный путь — по которому устремлялись викинги IX–X вв. в поисках богатства и славы.

Восприятие североевропейского пространства как единого региона было присуще и древнерусскому летописцу начала XII в., который писал:

«По сему же морю (Варяжскому, т. е. Балтийскому. — *Е.М.*) седять варязи семо ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски, Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане...»⁷³.

Таким видел древнерусский летописец начала XII в. северо-запад Европы, известный ему не по авторитетным (византийским) источникам, а по опыту предшествующих поколений. Балтийское море на его ментальной карте выступает организующим европейское пространство центром⁷⁴, от которого отходят, охватывая Европу, две ветви, соответствующие трансконтинентальным путям, — восточная, образованная Балтийско-Волжским путем (маршрут представлен в виде перечня финно-угорских народов, живущих вдоль этого пути или на его ответвлениях), и западная, огибающая Европу и выходящая в Средиземное море (обозначена перечнем западноевропейских народов)⁷⁵. Эта географическая модель имеет ближайшую параллель в древнескандинавской картине мира, пространство в которой структурировано прежде всего восточным и западным путями. Сходство как организации пространства, так и способа его описания, а также центральное

⁷²Джаксон Т.Н. *Austr í Görðum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

⁷³ПВЛ. С. 8.

⁷⁴Мельникова Е.А. Волжский путь на ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории, археологии и филологии. Сб. научных статей в память о 60-летию И.В. Дубова. СПб., 2008. С. 128–136; *Melnikova E. The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Annalist // The Image of the Baltic: A Thousand Year's Perspective*. Visby, 2012. P. 11–22; В картине Европы, представленной ниже как описание «Пути из варяг в греки» (ПВЛ. С. 8–9), таких центров два: Балтийское море и Черное море.

⁷⁵Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 318–344.

место в нем варягов (скандинавов) дало основание полагать, что приведенное выше описание восходит, вероятно, к скандинавской географической традиции, которая сложилась в эпоху викингов — в конце IX–X в., когда скандинавский мир включал территории Англии (Денло, затем Нортумбрия) и Франции (Нормандия) на западе и Северо-Запад Восточной Европы на востоке. Показательно, что в этом описании древнерусского летописца отсутствуют земли вдоль Днепровского пути (как и сам Днепровский путь, которому посвящен отдельный пассаж) — ядро Древнерусского государства его времени, что также соответствует особенностям ойкумены скандинавов, для которых Среднее Поднепровье оставалось мало знакомой и чужой территорией в отличие от Северо-Запада, которое воспринималось ими как «свое», освоенное пространство⁷⁶.

Балтийское (Варяжское) море, по которому «сесть» варяги, является центром европейского пространства, но его границы при ближайшем рассмотрении не совпадают с границами моря как такового (в соответствии с современными географическими представлениями). На востоке варяги «по сему же морю сесть... до предела Симова». Согласно средневековым географическим представлениями о разделении земли между сыновьями Ноя, потомки Сима заселили Азию (Иафета — Европу, Хама — Африку)⁷⁷. К «пределу Симову» летописец в том же географическом введении к ПВЛ, но в разделе, основанном на тексте «Хроники» Георгия Амартола, отнес территории от Месопотамии и Малой Азии до Индии, что полностью соответствовало западно-европейским и византийским географическим представлениям⁷⁸. Уже в оригинальном, не имеющем византийских источников разделе, летописец уточняет, что Волга «идеть на восток в часть Симову»⁷⁹. Очевидно, по его мнению, удел Сима начинался где-то в низовьях или в устье Волги⁸⁰. Тем самым Балтийский регион распространяется им и на речные пути, ведущие в IX–X вв. на восток.

⁷⁶Эта особенность восприятия Восточной Европы скандинавами прямо зависела от характера их деятельности в разные периоды времени (VIII–IX и X вв.) и в разных регионах Восточной Европы. См. подробнее: *Мельникова Е.А.* Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород; СПб., М., 2009. С. 340–347.

⁷⁷*Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 50–83.

⁷⁸*Мельникова Е.А.* Образ мира. Становление и эволюция географических представлений в Европе. V–XIV века. М., 1998.

⁷⁹ПВЛ. С. 7.

⁸⁰*Петрухин В.Я.* Варяги и «предел Симов» // *Петрухин В.Я.* «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 54–59.

На западе Балтийский регион также не ограничивается собственно Балтийским морем, он простирается до «земли Агнянски и до Волошьски»⁸¹, чему соответствует и отнесение к «варягам» «агнян» (англичан) и «галичан» (галлов = франков) далее в этом же разделе и повторно («англияне») — в «Сказании о призвании варягов»⁸².

Таким образом, фактически в описании древнерусского летописца охарактеризовано расселение «варягов» не по берегам Балтийского моря (как заявлено самим летописцем), а их распространение на огромном пространстве северной периферии Европы, лишь одной, хотя и центральной частью которой является Балтика⁸³. Это пространство представляется летописцу (как до него, очевидно, и самим викингам) единым целым, объединенным возможностью попасть из одной его точки в любую другую водным путем. Отсутствие принципиального противопоставления морского и речного путей (хотя навигационные особенности того и другого на практике учитывались, и существовали различные виды кораблей для морских и речных плаваний) и их целостное восприятие наглядно прослеживается в древнескандинавском понятии *Austrvegr*, которые сначала обозначало путь вдоль южного и восточного побережья Балтики (т. е. маршрут морских каботажных плаваний), но по мере продвижения скандинавов вглубь Восточной Европы включало все новые и новые — теперь уже речные — магистрали, пока не поглотило весь путь до Византии: в XIII в. византийские императоры называются «конунгами с Аустрвега»⁸⁴. Но еще и в конце XI в. немецкий клирик Адам Бременский, опираясь, с одной стороны, на античную традицию, а с другой — на актуальную информацию, полагал, что из Хедебю (на юго-востоке Ютландского полуострова) можно на корабле доплыть до самой Греции⁸⁵, и пояснял, что залив, простирающийся от Западного океана на восток, «[местные] жители называют Балтийским, так как он тянется на большое

⁸¹ Значение хоронима «Волошьская земля», равно как и этнонима «вольхва» неоднократно обсуждалось (см. *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 168–186). Наиболее вероятная его интерпретация из др.-сканд. *vallir* и *Valland* — Нормандия и/или земли вдоль юго-восточного побережья Северного моря в отличие от *Frak(k)land*, относимого ко всей Франкии; ср. название кельтского племени *вольки*, откуда средневековое *valli* «валлоны», совр. *Walonreye* «Валлония». См.: *Metzenthin E.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 114–115, 27–28.

⁸² «Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся урмане, ангияне...» (ПВЛ. С. 13).

⁸³ Поэтому, как кажется, предложенный Г.С. Лебедевым для обозначения этого пространства термин «циркумбалтийский регион», в котором основной акцент делается на народах и землях, окружающих Балтийское море, слишком узок.

⁸⁴ *Джаксон Т.Н.* *Austr í Görðum*. С. 39–48.

⁸⁵ *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. IV.1 / Ed. B. Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917.

расстояние через области скифов вплоть до Греции наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»⁸⁶. Аналогичным образом Снорри Стурлусон рассматривает как единое водное пространство весь «Западный путь»: «Известно, что море тянется от Нёрвасунда до самого Йорсаланда. От этого моря отходит на север длинный залив, который зовется Черное море»⁸⁷. Как древнерусскому летописцу, так и ранее скандинавам эпохи викингов, таким образом, все пространство от Нормандии и Англии на западе до, по крайней мере, Средней, а может быть и Нижней Волги⁸⁸ на востоке, полукружьем охватившее Европу с севера, представляется единым регионом.

* * *

Синхронность социально-политических процессов, приведших к образованию скандинавских и древнерусского государств⁸⁹, обнаруживается уже в V в., когда начинается колонизация скандинавскими племенами на западе — Англии (завоевание англами, ютами, саксами, в котором приняли участие и фризы), на востоке — Восточной Прибалтики. На всем пространстве макробалтийского региона — от Квентовика, Дорестада, Ипсвича, Лондона на западе до Ладоги на востоке — практически одновременно возникают (VIII — первая половина IX в.)⁹⁰ или возобновляют бурную деятельности эмпории, основанные еще в римское время и пришедшие в упадок в эпоху Великого переселения народов. В IX–X вв. плотная сеть торгово-ремесленных поселений на всех участках трансъевропейского пути и его ответвлениях охватывает берега Балтийского моря и земли Восточной Европы, лежащие вдоль Балтийско-Волжского пути.

Чрезвычайное значение двух скандинавских эмпориев — Хедebu и Бирки — обуславливает образование вокруг них политий уже в VIII и IX вв. Возникновение первого из них относят к 730-м гг., ко-

⁸⁶ Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви. IV.X / Перевод В.В. Рыбакова. М., 2012. С. 426.

⁸⁷ Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970. С. 11.

⁸⁸ См. Петрухин В.Я. Варяги и «предел Симов». С. 56–57.

⁸⁹ Впервые отмечено: Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67. См. подробно: Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100.

⁹⁰ Славяне и скандинавы. С. 76–78.

гда начинается строительство мощного оборонительного вала с древоземляными конструкциями (Даневирке) к югу от Хедебю⁹¹, но его усиление (несмотря на постоянную борьбу между претендентами на главенство) отмечается франкскими источниками с конца столетия, когда правители Хедебю вступают в непосредственные отношения с Франкской империей. Становление предгосударственной политики в Средней Швеции также, возможно, началось в VIII в.: о конунгах (regis) Бирки, имевших резиденцию вне этого центра (по археологическим данным — в Адельсё), управлявшегося некими *praefecti*, сообщает Римберт в «Житии св. Ансгария»⁹². В конце того же столетия возникают скандинавские политии в Англии Денло, в Ирландии с центром в Дублине.

Наконец, во второй четверти IX в., вероятно, складывается и политическое образование в Ладожско-Ильменском регионе⁹³, которое получило в литературе условное наименование «Русского каганата», на основании сообщения «Бертинских анналов» под 839 г. о посольстве некоего «кагана» к императору Феофилу и упоминания «кагана русов» у Ибн Русте⁹⁴. Члены этого посольства называли себя «росами», но на деле оказались свеонам⁹⁵. Сказание о призвании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона⁹⁶, очевид-

⁹¹ *Andersen H.H., Madsen H.J., Voss O.* Danevirke. København, 1976; *Andersen H.H.* Til hele rigets værn: Danevirkes arkæologi. 2004.

⁹² *Рыбаков В.В.* Из «Жития святого Ансгария» // Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 34.

⁹³ *Мельникова Е.А.* К типологии; *Массон В.М.* Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // Современность и археология. СПб., 1997. С. 34–37. О торговле как основе политогенеза в Ладожско-Ильменском регионе см. также: *Mühle E.* Die städtischen Handelszentrum der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

⁹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. С. 48.

⁹⁵ См. дискуссию последних лет о «Русском каганате»: Бертинские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. V: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко. С. 17–21; *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 95–120 (сокращ. вар.: *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001); *Калинина Т.М.* Восточные источники о древнерусской государственности (к статье: *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19; *Толочко П.П.* Русь изначальная // Археология. 2003. № 1. Однако нельзя исключать возможность того, что росы были посланы отнюдь не «росским» каганом, а хазарским, который как раз в 830-е гг. поддерживал тесные дипломатические связи с Византией.

⁹⁶ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

но, отражает не только (а, может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготевших к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

Ситуацию второй половины IX в. на Северо-Западе Восточной Европы характеризуют восточные писатели X в., сведения которых в рассказах об «острове» народа ар-рус (Ибн Русте, начало X в., «Худуд ал-'алам», ок. 982 г., Гардизи, середина XI в.; восходят к несохранившимся сочинениям IX в.), и о трех видах («джинс») русов, населяющих Восточную Европу — «Славии», «Куявии» и «Артании/Арсе» (ал-Истахри, 930–950 гг., Ибн Хаукал, 950–960 гг.)⁹⁷ позволяют до определенной степени реконструировать социально-политическую организацию и экономические основы раннегосударственного образования, сложившегося в Поволховье.

Население этой политики составляют народ ар-рус, традиционно отождествляемый со скандинавами, и ас-сакалиба — славяне⁹⁸. Экономической основой народа ар-рус является торговля, которая обеспечивается эксплуатацией местного населения, осуществляемой набегами, грабежами и захватом жителей в плен для продажи в качестве рабов. Это насильственное изъятие продуктов для непосредственного потребления и для использования в торговле. Наконец, это более или менее упорядоченный сбор даней в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории. Отголоски даннических отношений славянского и финского населения Северо-Запада со скандинавами нашли отражение также в упоминании «варяжской дани» в «Сказании о призвании варягов», где сборщиками дани, как и у Гардизи, названы сами варяги. Впрочем, не исключено, что сбор даней осуществлялся и местной племенной знатью внутри каждого из племен.

Арабские авторы обращают специальное внимание на организацию торговли, указывая на ее регулярность и стабильность торговых путей, упорядоченность взаимоотношений торговцев с местной

⁹⁷ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III: Восточные источники.

⁹⁸ Наименования «видов русов» сопоставляются с политическими образованиями: «Славия» (от этнонима «словене») в Волховско-Ильменском регионе, «Куявия» (от ойконима «Киев») — в Среднем Поднепровье и «Арса» (если принимать ее отождествление с позднейшим названием города Ростов), — вероятно, в Волго-Окском междуречье. Согласно ПВЛ, Киевскому государству предшествовали два независимых политических образования (в современной отечественной терминологии — «союзы племен», «племенные княжения», «славинии»): в Волховско-Ильменском регионе и в Среднем Поднепровье. Возникновение первого летописец связывает с местными славянскими и финскими племенами и деятельностью варягов («сказание о призвании варягов»), второго — со среднеднепровскими полянами («легенда о Кие»).

властью: выплату правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова русов», то они — важное свидетельство развитых и упорядоченных торговых отношений, которые уже оформлены правовыми нормами⁹⁹ и в которых активное участие принимает центральная власть. Именно наличие в обществе русов потестарных институтов (по меньшей мере, аппарата для сбора пошлин и наказания нарушителей установленных правил торговли) и центральной власти, сосредоточенной в руках «царя» («малика» или «хакана», по Ибн Русте), позволяет говорить о возникновении здесь протогосударства.

В жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в., таким образом, с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Разветвленная сеть рек, впадающих в Ладожское и Ильменское озера и в Волгу, образовала широкую зону, связанную с функционированием пути¹⁰⁰. Наряду с центральными торгово-ремесленными поселениями в узловых местах пути (Ладога, Городище под Новгородом, Городок на Ловати, Крутик, Тимерево, Сарское городище) в этой зоне возникает и множество более мелких поселений, жизнь на которых сопряжена с обслуживанием пути, поставками продовольствия и товаров (пушнины, воска, меда) в более крупные центры и т. п.¹⁰¹ Археологически зону Балтийско-Волжского пути маркируют скандинавские древности, концентрирующиеся в крупнейших центрах и представленные в небольших количествах в более мелких¹⁰².

Функционирование трансконтинентального торгового пути имело,

⁹⁹ Косвенным, но чрезвычайно важным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение местной знатью ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в «Сказании о призвании варягов» условия ряда указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывавший различные сферы жизни (см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов).

¹⁰⁰ Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

¹⁰¹ Носов Е.Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 162–171; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. М., 2005.

¹⁰² Отсутствие карт распространения скандинавских древностей на территории Руси не позволяет сколько-нибудь точно очертить эту зону.

по меньшей мере, два серьезных последствия для местных племенных обществ. С одной стороны, путь, точнее, богатства, проходившие по нему, привлекали племенную верхушку и вовлекали ее в торговую деятельность и ее обеспечение. Материалы как торгово-ремесленных поселений, так и некрополей около них свидетельствуют об их полиэтничном характере: скандинавы составляли лишь часть, иногда не слишком большую населения. Все могильники около торгово-ремесленных центров обнаруживают смешение северных и местных погребальных традиций.

С другой стороны, доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен (или части племен), которые жили в зоне торгового пути: участие в торговле, прежде всего, поставка товаров, усиливало имущественное расслоение, выделение и обособление знати, наконец, обеспечивало близость ее интересов к интересам скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов. Более того, именно местная знать имела наиболее естественный и легкий доступ к этим ресурсам.

Обеспечение безопасности плаваний по реками, особенно в местах, сложных для навигации (пороги, отмели и т. п.), или волоков, и торговой деятельности, равно как создание инфраструктуры пути, в первую очередь, стоянок для ремонта судов, пополнения припасов и, по возможности, получения новых товаров, являлось первоочередной задачей, без решения которой нормальное функционирование пути было бы невозможно. Именно эту задачу и решали скандинавские вожди, установившие к 860-м гг. более или менее устойчивые связи с племенными элитами этого региона: отголоском этих связей является сообщение Повести временных лет о дани, которую взимали с местных племен «варяги-находники»¹⁰³. Не случайно, поэтому, оформление государственных начал на Северо-Западе летописец связал именно с варягами, используя в качестве этиологического предания о происхождении древнерусской правящей династии местное «Сказание о призвании варяжских князей». «Вокняжение» Рюрика, предводителя одного из многих викингских отрядов, (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) стало лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом.

¹⁰³ПВЛ. С. 12.

Возникновение раннегосударственного образования в Ладожско-Ильменском регионе явилось, таким образом, результатом сложных экономических процессов, охвативших практически всю Европу и Переднюю Азию и приведших к формированию «макробалтийского региона», частью которого являлся Северо-Запад Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Перевод В.В. Рыбакова. М., 2012.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 103–108.

Деемант К. Раскопки каменного могильника в Прооза // АО 1980 года. М., 1981. С. 378.

Джаксон Т.Н. Austr í Gögðum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. М., 1994.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко.

Калинина Т.М. Восточные источники о древнерусской государственности (к статье: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19.

Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Ладога в первые века ее истории // *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003.

Кирпичников А.Н. Средневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990.

Кулаков В.И. Трусов и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Массон В.М. Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // Современность и археология. СПб., 1997. С. 34–37.

Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 43–57.

Мельникова Е.А. Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород; СПб., М., 2009. С. 340–347.

Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89–100.

Мельникова Е.А. Волжский путь на ментальной карте составителя «Повести временных лет» // Труды по русской истории, археологии и филологии. Сб. научных статей в память о 60-летию И.В. Дубова. СПб., 2008. С. 128–136.

Мельникова Е.А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata*. Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод комментариев. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32.

Мельникова Е.А. Образ мира. Становление и эволюция географических представлений в Европе. V–XIV века. М., 1998.

Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 188–197.

Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // ДГ. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 318–344.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. № Б-III.7.26. С. 336.

- Мельникова Е.А.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 137.
- Мельникова Е.А.* Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17–20.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- Носов Е.Н.* К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 162–171.
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. М., 2005.
- Петрухин В.Я.* Варяги и «предел Симов» // *Петрухин В.Я.* «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 54–59.
- Потин В.Н.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. ст. Л., 1970. С. 64–80.
- Рыбаков В.В.* Из «Жития святого Ансгария» // Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Седов В.В.* Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Славяне и скандинавы / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1985.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970.
- Толочко П.П.* Русь изначальная // Археология. 2003. № 1.
- Удальцова З.В., Щапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.
- Херрман Й.* Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы / Пер. на русск. язык Г.С. Лебедева под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1985.
- Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001.
- Шаскольский И.П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // ДГ. 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.

Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

Andersen H.H. Til hele rigets værn: Danevirkes arkæologi. 2004.

Andersen H.H., Madsen H.J., Voss O. Danevirke. København, 1976.

Becker C.J. Hovedlinier i Bornholms oldtidshistorie // Bornholmske samlinger. 1975. S. 1–41.

Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // *Scandinavian Economic History Review*. 1953. Vol. 1. P. 5–39 (впервые опубликовано на шведском языке в: *Scandia. Tidskrift for historisk forskning*. 1939. B. 12. S. 181–222).

Borg in Lofoten: A Chieftain's Farm in North Norway / Ed. G. Stamsø Munch, O.S. Johansen, E. Roesdahl. Trondheim, 2003.

Brisbane M. Hamwic (Saxon Southampton): an Eighth Century Port and Production Centre // *The Rebirth of Towns in the West, A.D. 700–1050* / Ed. R. Hodges, B. Hobley. L., 1988. P. 101–108.

Callmer J. Verbindungen zwischen ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // *JGO*. 1986. Bd. 34. S. 357–369.

Duczko W. Viking Age Scandinavia and Islam. An Archaeologist's View // *Byzantium and Islam in Scandinavia* / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998.

Ellmers D. Die Bedeutung der Friesen für die Handelsverbindungen des Ostseeraums bis zur Wikingerzeit // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age*. Visby, 1985. S. 7–54.

Excavations at Helgö. Stockholm, 1961–1986. B. 1–10.

Filipowiak W. Die Bedeutung Wolins im Ostseehandel // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age*. Visby, 1985. S. 121–138.

From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200 / Ed. E. Roesdahl and D.M. Wilson. Uddevalla, 1992.

Grierson Ph. Commerce in the Dark Ages: a Critique of the Evidence // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1959. 5th ser. Vol. 9. P. 123–140.

Hagberg U.E. Eketorp. Fortification and Settlement on Öland (Sweden). Stockholm, 1979.

Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa / Hrsg. K. Brandt, M. Müller-Wille, Chr. Radke Wachholtz. Neumünster, 2002.

Hansen H.J. Dankirke. Jernalderboplads og rigdomscenter // *Kuml.* 1989. B. 1987–1988. S. 201–240.

Happ J. Reric, der verlorene Handelsplatz der Wikinger am südwestlichen Zipfel der Ostsee. 2. Aufl. Mensing, 2004.

Hill D., Barrett D., Maude K., Warburton J., and Worthington M. Quentovic Defined // *Antiquity.* 1990. Vol. 64. P. 51–58.

Hill D., Metcalf D.M. Sceattas in England and on the Continent. Oxford, 1984.

Hodges R. Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade AD 600–1000. L., 1982.

Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirenne Thesis. L., 1983.

Iron and Man in Prehistoric Sweden / Ed. H. Clarke. Stockholm, 1979.

Jankuhn H. Der fränkisch-friesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1953. Bd. 40. S. 193–243.

Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 8 Aufl. Neumünster, 1986.

Jankuhn H. Karl der Grosse und der Norden // *Karl der Große: Lebenswerk und Nachleben.* Düsseldorf, 1967. Bd. 1: Persönlichkeit und Geschichte. 3. Auflage. S. 699–707.

Jellema D. Frisian Trade in the Dark Ages // *Speculum.* 1955. Vol. 30. P. 15–36.

Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // *Byzantium and Islam in Scandinavia* / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76.

Jensen S. The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.

Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet // *Finskt Museum.* Helsingfors, 1939.

Klindt-Jensen O. Bornholm i Folkvandringstiden // *Nationalmuseets skrifter. Större beretninger II.* København, 1957.

Lane-Poole S. Catalog of Oriental Coins in the British Museum. L., 1875–1890. Vol. I–X.

Lang J.T. Viking-Age Decorated Wood. A Study of its Ornamentation and Style. Dublin, 1988.

Larsen K.A. Bornholm i ældre jernalder // *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie.* 1949. S. 1–214.

Lebecq S. The Frisian Trade in the Dark Ages: a Frisian or a Frankish/Frisian Trade? // Rotterdam Papers. Rotterdam, 1992. Vol. VII / Ed. A. Carmiggelt. P. 7–15.

Lebecq S. On the Use of the Word ‘Frisian’ in the 6th–10th Centuries Written Sources: Some Interpretations // Maritime Celts, Frisians and Saxons / Ed. McGrail S. L., 1990. P. 85–90.

Ljungkvist J. Continental Imports in Scandinavia: Patterns and Changes between AD 400 and 800 // Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / Ed. D. Quast. Mainz, 2009.

Lopez R.S. Mohammed and Charlemagne: a Revision // Speculum. 1943. Vol. 18. P. 14–38.

Lyon B. Henri Pirenn — a Biographical and Intellectual Study. Ghent, 1974.

McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.

Melnikova E. The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Annalist // The Image of the Baltic: A Thousand Year’s Perspective. Visby, 2012. P. 11–22.

Metzenthin E. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

Mühle E. Die städtischen Handelszentrum der nordwestlichen Rus’: Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

Nerman B. Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958.

Nerman B. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942.

Nielsen P.O., Randsborg K., Thrane H. Archaeology of Gudme and Lundeborg. Copenhagen, 1994.

Noonan Th. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // *Noonan Th.* The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. Aldershot, 1998. P. 47–117.

Noonan Th. Why the Vikings First Came to Russia // JGO. 1986. Bd. 34. P. 321–348.

Pirenn A. Mohammed and Charlemagne / Transl. by Bernard Miall. 1937. P. 234–235 (впервые изложено в статье, опубликованной в Revue belge de Philologie et d’Histoire. 1922. Vol. 1).

Ramskou Th. Lindholm Høje. Copenhagen, 1960.

Russo D.G. Town Origins and Development in Early England, c. 400–950 A.D. Westport, 1998.

Sperber E. Balances, Weights and Weighing in Ancient and Medieval Sweden. Stockholm, 1996.

Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947–1958. B. 1–2.

Thirteen Studies on Helgö. Stockholm, 1988.

Thorvaldsen E. Dankirke. Die Siedlung // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 1983. Bd. 5. S. 47–60.

Trade and Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist / Ed. B. Hårdh. Lund, 1988.

Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa / Hrsg. K. Düwel et al. Göttingen, 1985. Bd. III. Der Handel des frühen Mittelalters.

Urtans V. Arheologiskie petijumi Daugmale // Muzeji un kulturas pieminekli. Riga, 1969. 89–96 lpp.

Verhulst A.E. The Rise of Cities in North-Western Europe. Cambridge University Press, 1999.

Vita sancti Anskarii auctore Rimberto // Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum / Hrsg. Georg Waitz. Hannover, 1884 (repr. 1988). Bd. 55.

Voss O. Eisenproduktion und Versorgung mit Eisen in Skandinavien vor der Wikingerzeit. Stockholm, 1971.

Watt M. Sorte Muld. Høvdingesæde og kultcentrum fra Bornholms yngre jernalder // Fram stamme til stat (Jysk arkæologisk Selskabs Skrifter, XXII). Århus, 1991. B. 2. Høvdingesamfund og kongemagt. P. 89–107.

Wikinger und Slawen / Hrsg. von J. Herrmann. B., 1982.

Willemsen A. Dorestad. Een wereldstad in de middeleeuwen. Zutphen, 2009.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 95–120.

РЕЗЮМЕ

Наряду с внутренними предпосылками образования Древнерусского государства, такими как рост производящего хозяйства, социальная стратификация и др., важную роль сыграли внешние факторы, прежде всего дальняя торговля на трансконтинентальных путях. В статье

рассматривается формирование в VII–X вв. макро-балтийского экономического региона, простиравшегося от Северной Франкии и Англии до Средней и Нижней Волги. Включение Северо-Запада Восточной Европы в систему североевропейских коммуникаций интенсифицировало социально-политические процессы внутри восточнославянского общества и обусловило активную роль скандинавов в этих процессах.

Ключевые слова: макро-балтийский регион, трансконтинентальная система коммуникаций, эмпории, дальняя торговля, Древнерусское государство.

ABSTRACT

External factors, first of all long-distance trade, played an important role in the emergence of the Old Russian state together with internal prerequisites such as the growth of subsistence economy and social stratification. The formation of the ‘macro-Baltic’ economic region that stretched from the Northern Francia and England to the Middle and Lower Volga in the seventh and eighth centuries and its existence up to the late tenth century is suggested. The inclusion of the North-West area of Eastern Europe in the system of North-European communications intensified social and political processes within East Slavic societies and predetermined active role of Scandinavians in these processes.

Key words: ‘macro-Baltic region’, system of transcontinental routes, emporia, long-distance trade, Old Russian state.

В.С. Нефедов

СМОЛЕНСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И ПОДВИНЬЕ
В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Смоленское Поднепровье и Подвинье — это особый историко-культурный регион, занимающий северо-запад современной Смоленской области. В XI–XIV вв. здесь находилось территориальное и политико-административное ядро Смоленского княжества, а в предшествующий период (конец IX — начало XI в.) регион являлся одним из главных очагов формирования Древнерусского государства. В конце I тыс. по этой территории проходил стратегически важный и очень трудный в эксплуатации участок «Пути из варяг в греки», там же расположен знаменитый Гнездовский археологический комплекс X — начала XI в., включающий в себя остатки первоначального Смоленска. Тем не менее, письменные источники крайне скупо освещают историю Смоленска и его округа в эпоху образования Древнерусского государства. Поэтому археологические и нумизматические данные являются основными источниками по проблеме раннего политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье и политической истории этого региона в конце I и на рубеже I–II тыс.

Смоленское Поднепровье и Подвинье в IX в. Вначале охарактеризуем в общих чертах этнокультурную и социально-экономическую ситуацию в изучаемом регионе накануне древнерусской эпохи. В IX в. эта территория выглядит однородной в этнокультурном отношении, представляя собой восточную часть основного ареала культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (КСДК). Исследователи отождествляют носителей этой археологической культуры с кривичами средневековых письменных источников, поскольку ареал КСДК хоро-

шо вписывается в рамки той территории, на которой жили кривичи по данным «Повести временных лет» и сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹. По нашему мнению, носители КСДК (кривичи) — это группировка восточных славян, расселившаяся на территории северо-восточной Белоруссии и северо-западной Смоленщины не позднее первой половины VIII в. В IX в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье существовала устойчивая система расселения, основанная на ранних формах пашенного земледелия². Ее элементарной ячейкой является комплекс типа «селище — курганный могильник».

В Смоленском Поднепровье и Подвинье пока не удается уверенно выделить какой-либо «племенной центр» или «центры» носителей КСДК, особенно если понимать под таковыми археологические комплексы, включающие укрепленные поселения. Выразительных материалов КСДК на многочисленных городищах Смоленщины не обнаружено, хотя есть данные об эпизодическом использовании этим населением некоторых «городков» более ранних эпох, вероятно, в качестве убежищ. В частности, нет никаких оснований утверждать, что Смоленск возник как «племенной центр» кривичей (понимая под ними носителей КСДК), поскольку ни в Гнездове, ни тем более в историческом центре современного города нет культурного слоя или отдельных комплексов, относящихся к этой культуре. Гнездовский археологический комплекс всецело связан с ранним этапом древнерусской культуры и не имеет прямого отношения к культуре смоленских длинных курганов. К сказанному следует добавить, что материалы погребений КСДК не позволяют охарактеризовать кривичское общество как стратифицированное. Тем не менее, некоторая имущественная дифференциация внутри общин этого населения, по-видимому, имела место: на общем фоне выделяется ряд сравнительно «богатых» погребений с редкими привозными украшениями и даже изделиями из серебра (например, курган 2 в могильнике Цурковка³).

В VIII–IX вв. Смоленское Поднепровье и Подвинье отнюдь не бы-

¹Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 224; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М. 1990. С. 3–4, 151.

²Нефедов В.С. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1996. Вып. 10.

³Шмидт Е.А. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3; Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов //

ло изолированным регионом. Выделяется два основных направления внешнеэкономических связей местного населения. Одним из них, вероятно, являлось «широтное», которое связывало Смоленщину через Среднее Подвинье (где жило то же самое население) с Юго-Восточной Прибалтикой, прежде всего с Латгалией. По этому, условно говоря, Двинскому пути к смоленским кривичам, как можно предполагать, привозили различные украшения из медных сплавов, особенно массивные литые гривны, браслеты и др. Не исключено, что эта торговля распространялась и дальше на восток, в бассейн Оки. Другим важным направлением внешней торговли было «юго-восточное», которое связывало Смоленское Поднепровье с северными районами Хазарского каганата⁴. Оттуда на территорию Смоленщины (возможно, при посредничестве родственных носителям КСДК роменского населения) поступали различные украшения, детали костюма и конской сбруи из медных сплавов, а также стеклянные бусы и, возможно, в небольшом количестве серебро. Можно утверждать, что территория северо-западной Смоленщины являлась периферией зоны экономических интересов Хазарского каганата.

Материалы раскопок смоленских длинных курганов показывают, что привозные изделия распространены в изучаемом регионе повсеместно и довольно равномерно. Это свидетельствует о существовании уже во второй половине VIII — первой половине IX в. развитой сети внутренних путей сообщения и о тесных связях между поселениями смоленских кривичей.

Имеются единичные, но достаточно надежные данные, позволяющие утверждать, что скандинавы проникли в Днепро-Двинское междуречье (но не на левобережье Днепра) и начали там селиться уже в IX в. Известно по крайней мере одно достоверное скандинавское погребение IX в., раскопанное в курганном могильнике Шишкино (Городок) на р. Царевич в бассейне Днепра. Найденные в нем равноплечая фибула, бронзовые пуговицы салтовского круга и набор стеклянных бус подтверждают именно такую датировку комплекса⁵. Еще одним важным источником является широко известный клад у д. Кислая, найденный на селище, культурный слой которого содержит в том числе керамику КСДК. В состав клада с младшей монетой 837/838 г. входил

Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000. С. 192–195.

⁴Нефедов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17.

⁵Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010. С. 502, 505.

так называемый полубрактеат Хедебю⁶, что указывает как минимум на участие скандинавов в формировании этого сокровища, которое, очевидно, поступило в бассейн р. Каспля откуда-то с севера. На сегодняшний день это единственный клад IX в., известный в изучаемом регионе. Можно предположить, что первые группы скандинавов, проникавшие в Днепро-Двинское междуречье и пытавшиеся (иногда успешно) закрепиться там надолго, привлекала не столько перспектива дальнейших вояжей на юг Восточной Европы и в Византию, сколько возможность включиться в торговлю местного славянского населения с Хазарским каганатом.

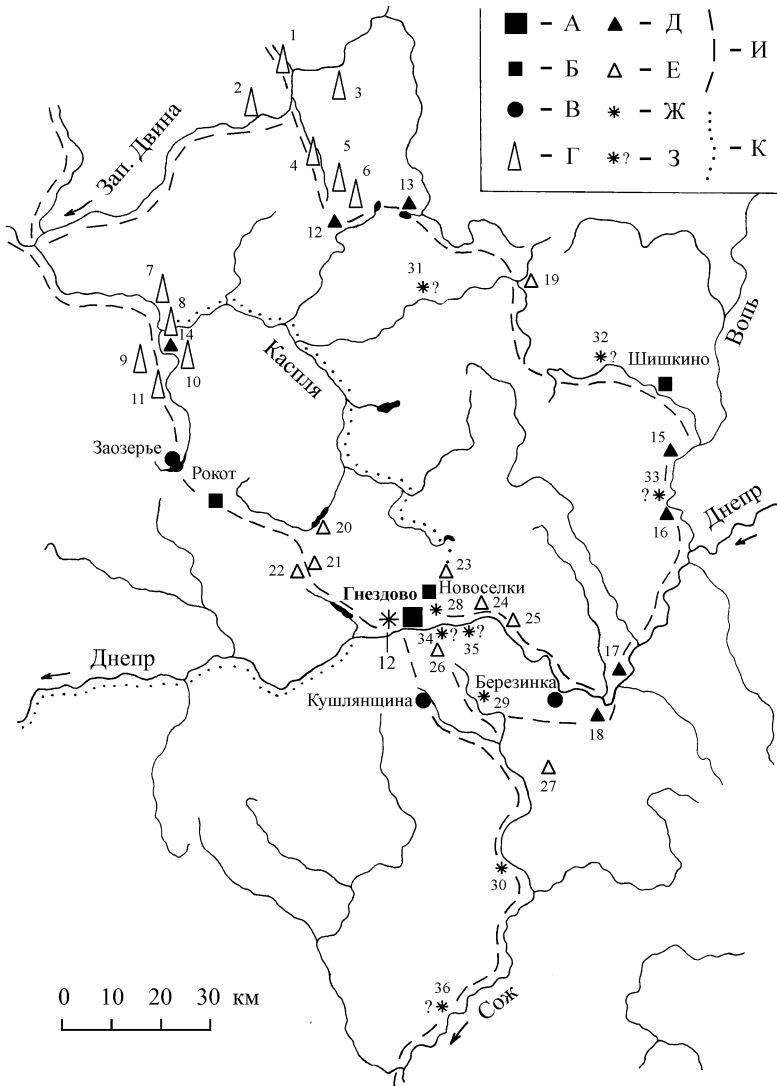
Первый этап политогенеза: конец IX — середина X в. (Рис. 1). В конце IX — начале X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье начала формироваться археологически фиксируемая инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, которые входили в систему «волокового» участка «Пути из варяг в греки». Несомненно, эта сеть коммуникаций складывалась на основе внутренних путей сообщения, существовавших в VIII–IX вв.

При реконструкции конкретных маршрутов транзитных водно-волоковых путей необходимо учитывать несколько признаков⁷. Во-первых, маршруты должны быть органично вписаны в синхронную систему расселения, т. е. на них должны находиться археологические памятники конца I тыс., расположенные не реже, чем в 20–30 км друг от друга (расстояние, не превышающее дневного перехода). Не менее важно, когда населенные пункты маркируют наиболее трудные участки путей: концы сухопутных «волоков», порожистые участки рек и т. д. Во-вторых, археологические материалы поселений и могильников, расположенных на путях, должны содержать свидетельства участия жившего там населения в международной торговле и/или присутствие в его составе инокультурных компонентов. В-третьих, маршруты путей должны маркироваться не только археологическими, но и нумизматическими памятниками — кладами и отдельными находками монет.

Учет совокупности указанных признаков позволяет выделить в Смоленском Поднепровье и Подвинье три основных маршрута военно-торговых путей конца IX — начала XI в.: два в Днепро-

⁶Шмидт Е.А. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 года. М., 1969. С. 63; *Наханетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М. 1994. С. 146, 184.

⁷Лесман Ю.М. «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. Санкт-Петербург; Старая Ладога, 2003. Вып. 6. С. 55–57.



Двинском междуречье и один на левобережье Днепра. Ниже приводим их краткое описание с севера на юг.

1. Р. Усвяча — р. Западная Двина — р. Каспля — р. Рутавечь — волок — р. Клец — р. Удра — р. Лелеква — волок — оз. Купринское — р. Катынка — вверх по Днепру до Гнездова. На этом пути находятся, в частности, крупные скопления памятников конца I тыс. в районе впадения Рутавечи в Касплю и по берегам оз. Купринского — р. Катынка, древнерусские курганы с трупосожжением на р. Лелеква (Волоковая, Гончаренки), а также крупные археологические комплексы Заозерье и Рокот, расположенные на концах волока из оз. Большая Рутавечь в верховья р. Клец.

2. Р. Западная Двина — р. Сертейка — «цепочка» озер и мелких речек в верховьях рек Половья, Ельша и Гобза — волок — р. Царевич — р. Воть — вниз по Днепру до Гнездова. Этот путь изобилует памятниками конца IX — начала XI в. Отметим скопления памятников в Смоленском Поозерье и верховьях Гобзы (в том числе Шугайлово, Слобода (Пржевальское), Рибшево, Русаново (Буризы)), археологический комплекс Шишкино (Городок) на р. Царевич, несколько крупных могильников этого времени по нижнему течению р. Воть (Михейково, Сельцо, Мизиново) и на Днепре между устьем Вопи и Гнездовым [Лопино (Шутовка), Маркатушино, Колодня и др.]. С этим же маршрутом связаны находки кладов восточных монет: Жигулино, Ярцево, Смоленск, Верхне-Ясенная (не датированы).

3. Р. Днепр — р. Сож с несколькими вариантами перехода из одной реки в другую. Два из них начинались на Днепре в районе Гнездова:

Рис. 1. Смоленское Поднепровье и Подвинье в конце IX — середине X в.

А — раннегородской центр; Б — древнерусские «локальные» центры 2-го ранга; В — гипотетические «локальные» центры 3-го ранга; Г — сопковидные курганы: 1 — Горяне, 2 — Смоленский Брод, 3 — Малый Оступ, 4 — Балбаи, 5 — Черная Грязь, 6 — Бакланово, 7 — Шарки, 8 — Силуяново, 9 — Боярщина, 10 — Бор, 11 — Заики; Д — селища / могильники КСДК: 12 — Шугайлово, 13 — Слобода (Пржевальское), 14 — Ковали, 15 — Михейково, 16 — Сельцо (Ярцево), 17 — Лопино (Шутовка), 18 — Арефино; Е — древнерусские селища / могильники: 19 — Русаново (Буризы), 20 — Пилички, 21 — Волоковая, 22 — Гончаренки, 23 — Дивасы, 24 — Вязовенька, 25 — Колодня, 26 — Боровая, 27 — Ямполье; Ж — клады с датированными монетами: 28 — Дубровенка (954–961 гг.), 29 — Сож (952–955 гг.), 30 — Борисково (940/941 г.); З — клады восточных монет не датированные: 31 — Городище (Вержавск), 32 — Жигулино, 33 — Ярцево, 34 — Верхне-Ясенная, 35 — Смоленск, 36 — Стайки; И — главные маршруты военно-торговых путей; К — второстепенные маршруты военно-торговых путей.

а) Днепр — р. Лубня (впадает в Днепр напротив Ольшанского комплекса в Гнездове) — волок — р. Мошна — р. Сож; б) Днепр — р. Боровая или р. Ясенная — волок — р. Сож. Эти маршруты маркируются, в частности, такими памятниками в верховьях Сожа и при переходе из Сожа в Днепр, как Боровая, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Княжое, Светлое и др., а также кладами восточных монет: Сож (952–955 гг.), Борисково (940/941 г.), Барсуки (990-е гг.), Верхне-Ясенная, Стайки (не датированы). Очевидно, существовал еще один переход из Днепра в Сож, начинавшийся значительно выше Гнездова: в) Днепр — р. Ливна или р. Арефинка — волок, примерно совпадавший с трассой Ельнинского тракта XVIII–XIX вв. — р. Сож в районе Сумарокова. На этом маршруте известно несколько памятников конца I тыс., среди которых Плескачи (Станьково), Арефино, Акулы (Пуятинки), Яново, Березинка. Возможно, эта дорога шла от верховьев р. Ливна не только на запад, к Сожу, но и на восток, к истокам рек Десна и Угра.

Кроме перечисленных маршрутов, на севере изучаемого региона уже в X в. проходил Двинский путь, шедший в широтном направлении собственно по р. Западная Двина. Его существование выше г. Витебск достаточно надежно обосновал И.И. Еремеев⁸, хотя достоверные памятники конца I тыс. на этом участке реки единичны. Что же касается традиционно фигурирующих в историографии путей по Каспле (от оз. Каспьянское вниз по течению реки) и по Днепру ниже впадения в него р. Катинка, то их стабильное функционирование в конце I тыс. вызывает серьезные сомнения по причине практически полного отсутствия на них памятников этого времени. Незаселенность верхнего и среднего течения Каспли, а также бассейна р. Березина и примыкающего поречья Днепра в Смоленской обл. в VIII–X вв. объясняется наличием там обширных водно-ледниковых равнин с неплодородными почвами, неблагоприятными для ранних форм пашенного земледелия. Ситуация осложнялась тем, что, например, среднее течение Каспли изобиловало различными препятствиями для судоходства — порогами, каменными грядами и т. д., большинство из которых было ликвидировано только в 1825 г. при расчистке русла реки⁹. Вместе с тем, несмотря на отсутствие археологически фиксируемой инфраструктуры обоих маршрутов, они все же могли эпизодически использоваться в качестве второстепенных транзитных коммуникаций. В частности,

⁸Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии. С. 348–352.

⁹Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 28.

о наличии дороги, подходившей к Гнездову с северо-востока, свидетельствует скопление памятников конца I тыс. в верховьях р. Дубровенка, включая археологический комплекс Новоселки и клад у д. Дубровенка (954–961 гг.). Они могут маркировать путь: р. Каспля — р. Жереспея — р. Лушенка — волок — р. Дубровенка — р. Днепр; вариант: р. Дубровенка — волок — Гнездово. Именно на этом гипотетическом маршруте (на р. Жереспея) найден упоминавшийся клад IX в. у д. Кислая.

Судя по имеющимся данным, в процессе формирования инфраструктуры транзитных коммуникаций, начиная с конца IX — начала X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье постепенно сложилась особая раннегосударственная структура, которая имеет определенные археологические признаки. Кратко охарактеризуем основные из них.

Система расселения в изучаемом регионе не позднее в первой половине X в. приобрела иерархическую структуру, содержащую как минимум 3 или 4 уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в восточной части Гнездовского археологического комплекса — так называемый Центральный комплекс памятников, представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Именно с Центральным гнездовским городищем уместно связывать упоминание «крепости Милиниска» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹⁰. На протяжении X — начала XI в. это было единственное поселение городского типа в Смоленском Поднепровье и Подвинье. В системе основных путей сообщения и их инфраструктуры особая роль Гнездовского комплекса заключалась в первую очередь в том, что он являлся главным узлом этих путей. Этим обстоятельством определялось не только важнейшее значение Гнездова как главного центра раннего древнерусского населения, но и особенности его структуры и топографии. Действительно, весь комплекс вытянут примерно на 6 км вдоль Днепра как главной коммуникационной артерии и одновременно вдоль сухопутной дороги, шедшей по правому берегу реки. Входящее в состав комплекса Ольшанское поселение, по-видимому, контролировало переправу через Днепр к устью р. Лубня, по которой можно было легко попасть в бассейн р. Сож.

Следующий (второй) уровень представлен ранними древнерусскими торгово-ремесленными и военно-административными центрами меньшего масштаба, известными пока только в Днепро-Двинском

¹⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 45.

междуречье. Это археологические комплексы Новоселки, Рокот и Шишкино, состоящие из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника¹¹. Во всех трех случаях городища возникли в более ранние эпохи, причем в Новоселках и Шишкине, в отличие от Рокота, они использовались в конце I тыс. только как убежища и наблюдательные пункты, а население жило у их подножий на неукрепленных поселениях. Площадь селища в Новоселках составляет около 5–6 тыс. кв. м (возможна корректировка в сторону увеличения), городища Рокот и селища Шишкино — около 1,5 га. Материалы исследований этих археологических комплексов дают возможность охарактеризовать их население как полиэтничное, включавшее носителей КСДК и ярко выраженную военизированную скандинавскую «элику», а их культуру как очень близкую культуре раннего Гнездова. Отсутствие на этих памятниках круговой керамики (в Новоселках и Рокоте есть лепные подражания ей) как будто не позволяет датировать прекращение их существования временем позднее середины — третьей четверти X в.

Возможно, удастся выделить третий уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка¹². Эти памятники, в отличие от упомянутых выше, возникли (в рамках последней четверти I тыс.) в VIII–IX вв. как поселения КСДК и продолжали существовать в этом качестве в X в. (про Заозерье и Кушлянщину это можно утверждать определенно). Но, вероятно, уже в первой половине X в. на них появляется древнерусское население, включая скандинавов, что получило отражение в материалах соответствующих некрополей. Можно предположить, что какое-то время в X в. кривичи и древнерусское население проживали там совместно. По-видимому, к этим археологическим комплексам могут быть отнесены не только селища и курганные могильники, но

¹¹ Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4; Нефедов В.С. Новосёлки и Гнёздово // XIV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2001; Нефедов В.С. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 2004. Ч. 1; Нефедов В.С. Археологический комплекс IX–X вв. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье (в печати); Нефедов В.С., Мурашева В.В. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. М., 2008. Вып. 222. С. 98–101.

¹² Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008; Ширинский С.С. Курганы IX — начала XI в. в верховье р. Сож у дд. Кушлянщина и Коцино // Смоленские древности. Смоленск, 2001. Вып. 1. С. 114–133; Ляўданскі А.М. Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археалёгічнай камііі. Менск, 1930. Т. 2. С. 281.

и городища-убежища второй половины I тыс. со слабо выраженным культурным слоем, расположенные неподалеку от неукрепленных поселений, но не вплотную к ним¹³. К сожалению, эти комплексы, за исключением входящих в них могильников, пока плохо изучены. Не исключено, что первоначально именно они являлись своего рода «локальными центрами» в системе расселения КСДК.

На нижнем уровне иерархии находятся «рядовые» памятники сельского типа, масштабы которых, впрочем, различны. Их можно разделить на три культурные группы, свидетельствующие о неоднородности славянского населения изучаемого региона в конце IX–X в. В первых, это селища культуры смоленских длинных курганов и относящиеся к ним могильники, доживающие до X в. В их числе, кроме упомянутых в предыдущем абзаце, Шугайлово, Михейково, Сельцо, Арефино, возможно также Ковали, Слобода (Пржевальское) и некоторые другие. Ко второй группе, вероятно, относятся самые ранние древнерусские сельские поселения, сопровождаемые так называемыми полусферическими курганами с трупосожжением. Появление «сельских» древнерусских курганов в Смоленском Поднепровье принято датировать концом IX — началом X в.¹⁴, а к наиболее ранним относить те, в которых найдена только лепная керамика — Вязовенька, Пилички, Колодня, Русаново и др. Следует отметить, что лепная керамика в древнерусских курганах Смоленщины не может являться основанием для датировок в пределах десятилетий, поскольку она использовалась на этой территории до XI в. включительно¹⁵, однако, наличие в этом регионе древнерусского сельского населения в первой половине — середине X в. весьма вероятно. Наконец, третья группа памятников представлена высокими насыпями, близкими по размерам и топографии новгородским сопкам. Они концентрируются в двух микрорегионах Смоленского Подвинья: в районе впадения р. Рутаветь в р. Каспля (Шарки, Силюяново, Боярщина и др.) и в междуречье Западной Двины и р. Половья, притока Каспли (Горяне, Смоленский Брод, Малый Оступ, Бакланово и др.)¹⁶. К сожалению, раскопки этих кур-

¹³ Акр. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1. С. 73–74, 113; Акр. Смоленская область. М., 1997. Ч. 2. С. 217.

¹⁴ Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // ВМУ. 1975. № 5. С. 28; Енуков В.В. Ранние этапы. С. 115.

¹⁵ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 28.

¹⁶ Нефедов В.С. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 225–231; Еремеев И.И. К вопросу

ганов почти не производились, поэтому их невозможно датировать точнее, чем IX–X вв. Исследование остатков сопковидного кургана у д. Горяне позволило И.И. Еремееву датировать его возведение IX — началом X в.¹⁷

Важно подчеркнуть, что практически все рассмотренные населенные пункты в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей в реконструированном нами виде. Они синхронны в рамках периода от конца IX — начала X в. до середины — третьей четверти X в., причем входящие в эту группу древнерусские памятники являются наиболее ранними на изучаемой территории, а памятники КСДК — самыми поздними на Смоленщине. Наличие наблюдаемой в данном случае сложной иерархии населенных пунктов является одним из важнейших признаков потестарно-политической структуры типа сложного вожества или раннего государства¹⁸.

Показательно распределение серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов между поселениями, занимающими разные уровни иерархии. В Смоленском Поднепровье и Подвинье известно 15 кладов первой половины — середины X в. и 6 недатированных кладов восточных монет, как минимум часть которых скорее всего относится к тому же периоду. Из 21 клада 12 найдено в Гнездове, еще 3 (Верхне-Ясенная, Дубровка, Смоленск) — в его ближайших окрестностях. Еще более контрастна ситуация с находками отдельных арабских и византийских монет в погребениях и культурном слое поселений: кроме Гнездова, где, по последним данным, найдено около 380 экз.¹⁹, они в настоящее время известны только в археологических комплексах второго иерархического уровня (Рокот — около 10, Новоселки — 2, Шишкино — 1). Разумеется, эти статистические данные не следует понимать буквально, поскольку масштабы раскопок в Гнездове и на синхронных памятниках региона несопоставимы. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что раскопки «сельских» могильников конца I тыс., относящихся как к КСДК, так и к древнерусской культуре, пока совсем не дали нумизматических находок.

Серебряные украшения в Гнездове весьма многочисленны (только в составе кладов их около 180, а также несколько золотых), в то время

о южной границе области распространения сопок. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.

¹⁷ Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки. С. 346–347.

¹⁸ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 40–41, 45.

¹⁹ Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От палеолита до средневековья. М., 2011. С. 96.

как на других памятниках Смоленщины конца I тыс. они представлены единичными находками. В частности, среди инвентаря смоленских длинных курганов конца IX–X в. известно всего 5 серебряных украшений, в основном сделанных из низкопробного серебра, причем в древностях этой культуры их число не увеличилось по сравнению с VIII–IX вв.

Эти данные напрямую доказывают колоссальную степень концентрации материальных ценностей на поселениях высоких рангов, прежде всего в Гнездове.

Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений раннегородского и сельского населения изучаемого региона в первой половине — середине X в., насколько они могут быть освещены по археологическим данным. Несомненно, сельские поселения, занимавшие нижний, базовый уровень иерархии, уже в силу своей относительной многочисленности играли важнейшую роль в обслуживании транзитных путей сообщения, от стабильного функционирования которых зависело благополучие раннегородского центра в Гнездове как крупнейшего «перевалочного пункта» на Пути из варяг в греки. Кроме того, гнездовская раннегородская община, насчитывавшая, как можно предполагать, не менее 1000 человек, вряд ли могла прокормить себя самостоятельно — для сельскохозяйственных угодий необходимой площади вокруг Центрального поселения просто нет места²⁰. По-видимому, положение осложнялось еще и тем, что постоянным жителям Гнездова приходилось накапливать запасы продовольствия, значительно превышавшие их собственные потребности, чтобы прокормить не только себя, но и тех, кто прибывал в город извне. В связи с этим необходимо обратить внимание на высокую вероятность сезонных колебаний численности населения Гнездова²¹. Следует подчеркнуть, что география и гидрография военно-торговых путей между средней Ловатью и верхним Днепром практически исключала их использование в летнюю межень и сильно затрудняла таковое даже в половодье (особенно учитывая, что из-за климатических причин и сильной облесенности берегов рек половодья в конце I тыс. были значительно ниже современных). Этот участок Пути из варяг в греки мог активно функционировать только зимой как сухопутный и с серьезными трудностями весной как водно-

²⁰ *Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнездова // *Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 176.*

²¹ *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 12, 15.*

сухопутный²². Следовательно, население Гнездова резко возросло приблизительно в декабре — апреле, т. е. в самое «голодное» время года, что делало его особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона. Интересен вопрос о том, насколько вся эта деятельность была выгодна самим сельским жителям и, в частности, носителям культуры смоленских длинных курганов.

Как отмечалось выше, несмотря на резкое увеличение количества серебра в Смоленском Поднепровье в первой половине — середине X в., в погребениях КСДК оно не стало встречаться чаще, чем в VIII–IX вв. Тем не менее изделий древнерусского и скандинавского происхождения в смоленских длинных курганах найдено довольно много, не менее 70, что указывает на активные связи кривичей с ранним древнерусским населением²³. Подавляющее большинство этих находок составляют, во-первых, ножи группы IV по классификации Р.С. Минасяна²⁴ и наборные односторонние гребни, во-вторых, такие украшения, как литые трехдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетеные цепочки, на которых носили ромбовидные подвески. Вторая группа изделий составляет около $\frac{3}{4}$ всех определимых украшений скандинавского и древнерусского происхождения в смоленских длинных курганах конца IX–X в. На сегодняшний день известно два центра производства трехдырчатых и ромбовидных подвесок: Гнездово и Городок на Ловати²⁵. При этом в материалах Гнездовского некрополя таких украшений нет, что определенно указывает на их производство специально для населения, соорудившего смоленские длинные курганы.

Другим видом товаров, которыми Гнездово торговало с носителями КСДК, по всей вероятности, является стеклянный бисер. При раскопках Центрального Гнездовского поселения найдены тысячи бисерин, особенно много за последние годы, когда культурный слой стали полностью промывать. В то же время в гнездовских курганах бисера мало: по данным В.М. Поповой конца 1970-х гг., бисер присутствует в 7 из 65 погребений с бусами (эти 7 комплексов отнесены к первой

²²Ср.: Микляев А.М. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Новгород, 1992.

²³Нефедов В.С. Смоленские кривичи и Русь: северовропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М., 2011. Т. II. С. 75–76.

²⁴Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1980. С. 72–74. Вып. 21.

²⁵Енисоова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 2000. Псков, 2001. С. 212–215.

половине X в.), составляя в них несколько более 10% от общего количества бус²⁶. В смоленских длинных курганах ситуация иная: бисер присутствует почти во всех достоверных погребениях X в. с бусами, составляя от 50 до 99% всех бус. В некоторых женских погребениях КСДК бисер насчитывается многими десятками и даже сотнями. Складывается впечатление, что он был нужен жителям Гнездова в первую очередь для торговли с сельским населением региона. При этом наиболее сложные в изготовлении и дорогие разновидности стеклянных бус (мозаичные, глазчатые, с металлической прокладкой), а также бусы из полудрагоценных камней, широко представленные в Гнездове и на некоторых ранних древнерусских памятниках более низкого ранга, к носителям КСДК в X в. почти не поступали.

По-видимому, сельское население северо-западной Смоленщины в первой половине — середине X в. получало товары, которые не могло произвести само, в основном через Гнездово и менее крупные древнерусские центры региона, причем эти торговые операции, возможно, были как-то регламентированы.

Судя по имеющимся данным, в окрестностях Гнездова, на расстоянии около 40–50 км по прямой или до двух дневных переходов от него, почти полностью отсутствуют могильники КСДК с погребениями X в., что свидетельствует если не об исчезновении, то о резком сокращении числа населенных пунктов этой археологической культуры вокруг Гнездова в первой половине столетия²⁷. Этот процесс сопровождался древнерусским расселением в окрестностях раннегородского центра. Интерпретировать приведенные факты можно двояко: с одной стороны, как первый этап ассимиляции носителей КСДК древнерусским населением, с другой стороны, как следствие конфликтов, вызванных военно-административным давлением на местных жителей. В связи с этим примечательно, что на Центральном поселении Гнездова к настоящему времени найдено более 60 женских украшений, характерных для КСДК. Хотя в это число входят несомненно бракованные и недоделанные предметы, производившиеся в самом Гнездове (преимущественно трехдырчатые и ромбовидные подвески), а также привезенный из округи ювелирный лом, все же не вызывает сомнений, что кривичи постоянно посещали Гнездово и даже жили там. Однако в Гнездовском некрополе не только не найдено достоверных погребений КСДК, но и практически нет отдельных украшений

²⁶ *Попова В.М.* Гнездовские бусы. Дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М., 1980. Рукопись. С. 51–52, 57.

²⁷ *Нефедов В.С.* Смоленские кривичи. С. 77.

этой культуры. По нашему мнению, такая парадоксальная ситуация может объясняться тем, что носителей КСДК попросту не хоронили в Гнездове, поскольку они не обладали там полноправным статусом и не входили в состав раннегородской общины.

Приведенные данные косвенно подтверждают наличие на изучаемой территории в X в. монополии древнерусской, преимущественно скандинавской «элиты», концентрировавшейся на верхних уровнях иерархии населенных пунктов, на внешнеторговые операции и позволяют предполагать наличие неэквивалентного обмена между нею и сельскими жителями. Такое положение могло иметь место только в условиях использования военно-административного аппарата, направленного в том числе на принуждение зависимых групп населения.

Материалы наиболее крупных древнерусских памятников (в отличие от памятников КСДК) демонстрируют хорошо выраженную социальную стратификацию. Особенно ярко она видна по материалам гнездовских курганов, что многократно отмечалось в литературе. В частности, в некрополе Гнездова выделяется маленькая группа исключительно «богатых» и сложных по структуре скандинавских погребальных комплексов середины — третьей четверти X в., известных как «большие курганы». С наибольшими основаниями к этой группе относятся 6 курганов, четыре из которых расположены в Центральном могильнике [курган 20 (В.И. Сизов, 1885 г.), курган 74 (С.И. Сергеев, 1900 г.), курган Ц-2 (Д.А. Авдусин, 1950 г.), не раскопанный курган громадных размеров, ныне наполовину разрушенный], один — в Днепровском могильнике [курган 86 (С.И. Сергеев, 1901 г.)], один — в Ольшанском могильнике [курган 24/Оль-1 (В.И. Сизов, 1896 г./ И.С. Абрамов, 1905 г. / Д.А. Авдусин, 1950 г.)]²⁸. Кроме необыкновенно больших размеров (высота от 3 до 8 м, диаметр от 25 до 37 м), они характеризуются определенным набором признаков, главные из которых: трупосожжение мужчины в дорогой парадной одежде вместе с одной или двумя женщинами, в том числе в ладье; помещение особенно престижных и сакрально значимых

²⁸ Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. Вып. 28. С. 8–11; Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. 1. С. 105–107; Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 46–48, 50–52; Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 191–192; Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 158–164, 169–174.

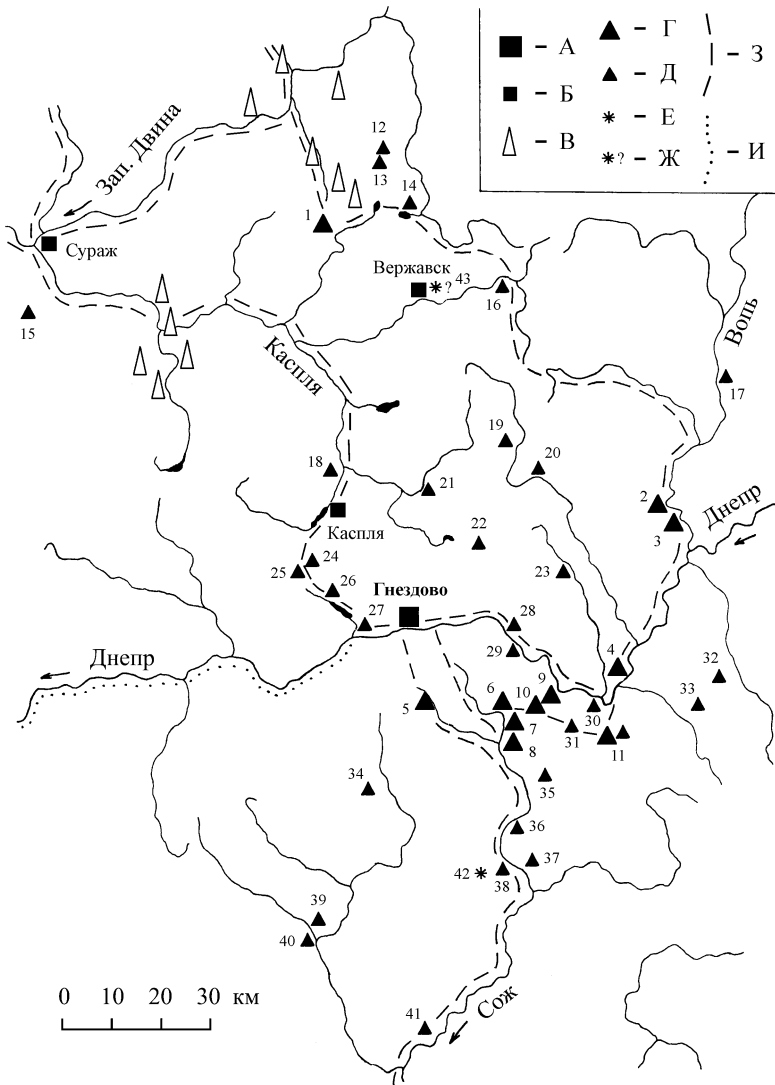
предметов, взятых с погребального костра, а также не бывших в огне, на краю кострища или рядом с ним (в одном случае в яме под кострищем) в определенном порядке; в число этих предметов входят, во-первых, представительный набор оружия и доспехов — меч, щит, копье, скрамасакс, шлем, кольчуга или только часть из них, во-вторых, ритуальная пиршественная посуда — медный котел с костями и шкурой барана или козла, иногда также фаянсовое византийское блюдо, жертвенный нож. Со времен В.И. Сизова²⁹ эти исключительные погребальные комплексы совершенно справедливо сопоставляют с аналогичными «большими курганами» Чернигова — Гульбищем и Черной Могилой.

Не вызывает сомнений, что в «больших курганах» Чернигова и Гнездова были похоронены люди, обладавшие огромной сакральной и военно-административной властью. Некоторые исследователи считают их русскими князьями или членами княжеского рода³⁰. Действительно, более социально престижных курганных погребений на Руси не известно. Видимо, к середине X в. в Гнездове оформилась местная княжеская власть, субъекты которой, как можно предполагать, входили в группу лиц, упомянутых в ПВЛ под 907 г.: «по тем... городом седяху велиции князи, под Олгом суще», хотя в данном случае речь может идти о времени правления Игоря и Ольги, а не Олега. Нельзя исключить, что кто-то из смоленских князей упомянут в преамбуле русско-византийского договора 944 г.

По нашему мнению, археологические данные позволяют утверждать, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье в первой половине — середине X в. сложилась раннегосударственная структура, обладавшая некоторой автономией внутри формирующегося Древнерусского государства. Вместе с тем говорить о независимом княжестве (наподобие Полоцка при Рогволоде) в данном случае нет оснований, поскольку это противоречит нашим представлениям об условиях стабильного функционирования Пути из варяг в греки и о политическом единстве Северной и Южной Руси. Расцвет этого социально-политического организма с центром в Гнездове (Смоленске), прообраза и территориального ядра будущей Смоленской земли, приходится на середину X в.

²⁹ Сизов В.И. Курганы. С. 11.

³⁰ Из последних работ см.: Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 368; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. С. 250–251.



Остается неясным, контролировало ли Гнездово и подчиненная ему поселенческая структура поречье Западной Двины и микрорегионы Смоленского Подвинья, которые были заселены людьми, возводившими монументальные земляные насыпи, подобные новгородским сопкам. Относительно остальной рассматриваемой здесь территории (точнее, проходивших по ней транзитных военно-торговых путей) подобные сомнения представляются излишними.

Второй этап политогенеза: вторая половина X — первая половина XI в. (Рис. 2). Материалы раскопок Центрального Гнездовского поселения позволяют сделать вывод о том, что в третьей четверти X в. в раннегородском центре произошло катастрофическое событие. Исследования пойменной части Центрального селища с хорошо стратифицированным культурным слоем X — начала XI в., «законсервированным» под аллювиальными отложениями XVII–XX вв., позволили выделить на раскопе П-8 несколько строительных периодов (этапов). Сооружения этапа III погибли в пожаре, после которого, в начале следующего этапа IV, были произведены нивелировочная подсыпка и перепланировка исследованного участка. В сооружениях и культурном слое этапа IV появляются керамика, детали поясной гарнитуры и пиррофиллитовые («шиферные») пряслица среднеднепровского происхождения, отсутствующие в более ранних стратиграфических го-

Рис. 2. Смоленское Поднепровье и Подвинье во второй половине X — первой половине XI в.

А — раннегородской центр; Б — княжеские крепости; В — сопковидные курганы (названия памятников см. на рис. 1); Г — древнерусские могильники с «дружинным» и иным социально престижным погребальным инвентарем: 1 — Саки, 2 — Сельцо (Ярцево), 3 — Мизиново, 4 — Лопино (Шутовка), 5 — Кушлянщина, 6 — Сумароково, 7 — Горяны, 8 — Кошино, 9 — Березинка, 10 — Яново, 11 — Плескачи (Станьково); Д — селища / могильники древнерусского сельского населения: 12 — Ярилово, 13 — Шиши, 14 — Слобода (Пржевальское), 15 — Казимирово, 16 — Рибшево, 17 — Капыревщина (Благодатная), 18 — Семеново, 19 — Турье, 20 — Топорово, 21 — Сыр-Липки, 22 — Зыколино, 23 — Мольково, 24 — Волоковая, 25 — Гончаренки, 26 — Старое Куприно, 27 — Катынь, 28 — Колодня, 29 — Маркатушино, 30 — Верхние Немькари, 31 — Акулы (Путятинки), 32 — Левыкино, 33 — Тимошово, 34 — Васильево, 35 — Ямполье, 36 — Вердихово, 37 — Княжое (Акулинки), 38 — Светлое, 39 — Доброселье, 40 — Петрополье, 41 — Городок; Е — клад с датированными монетами: 42 — Барсуки (990-е гг.); Ж — клад восточных монет не датированный: 43 — Городище (Вержавск); 3 — главные маршруты военно-торговых путей; И — второстепенные маршруты военно-торговых путей.

ризонтах³¹. Я.В. Френкель на основе анализа сочетаний бус, датированных по материалам Старой Ладogi и Рюрикова Городища, отнес финал горизонта III к 950-м гг.³² Приблизительно в это же время сгорели и затем были перестроены первоначальные деревянно-земляные укрепления Центрального городища, сооруженные вскоре после возникновения Гнездова, вероятно, во второй четверти X в.³³ Эти данные указывают на то, что в третьей четверти X в. Гнездово подверглось военному разгрому.

По нашему мнению, датировку этого события можно немного скорректировать. С территории Гнездовского археологического комплекса происходит 8 опубликованных кладов, содержащих восточные монеты. Т.А. Пушкина разделила эти клады (тогда их было найдено 7) по датам младших монет на три хронологические группы: 920-х, 940–950-х и 960-х гг.³⁴ Нам представляется более логичным выделить две типохронологические группы: а) 3 монетных клада 923/924–943/944 гг. (находки 1966/75, 2010, 1973 гг.); б) 5 монетно-вещевых кладов 948/949–960/961 гг. (находки 1870, 1993, 1867, 1909, 1885 гг.). Т.А. Пушкина доказала, что первые гнездовские клады, найденные в 1867 и 1870 гг., являются наименее достоверными по составу, в том числе с заведомо неполным или измененным набором монет³⁵. Поэтому, в частности, в кладе 1870 г. с сохранившейся младшей монетой 948/949 г. могли содержаться дирхемы последующих годов чеканки. Кроме того, отмечалось, что клад 1993 г. с младшей монетой 950/951 г. близок по составу и истории формирования его монетной части Звеничевскому кладу с младшей монетой 957 г.³⁶ Из сказанного следует, что клады второй группы хронологически очень компактны, период их окончательного формирования может охватывать менее десятилетия в 50-х — начале 60-х гг. X в.

Таким образом, клады второй группы, содержавшие литые и фи-

³¹ *Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 47, 69–70.

³² *Френкель Я.В.* Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 97–99.

³³ *Пушкина Т.А.* Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 7–8.

³⁴ *Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 411–412.

³⁵ *Пушкина Т.А.* Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 373–374, 376.

³⁶ *Фомин А.В.* Куфические монеты Гнездовского клада // ДГ. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 191–192.

лигранные серебряные украшения скандинавского и южнорусского происхождения и, в отличие от кладов первой группы, представляющие собой сокровища гнездовской аристократии, могли быть сокрыты (точнее, не изъяты из-за гибели их владельцев) в результате одного и того же события. Это катастрофическое событие, по-видимому, и следует понимать как военный разгром Гнездова, который произошел в первой половине 960-х гг. и сопровождался уничтожением высшего слоя гнездовской «элиты». Столь крупная военно-политическая акция могла быть осуществлена только по инициативе киевского князя и, вероятно, имела целью прямое подчинение Смоленска и его округи властям Киева. Нетрудно заметить, что, согласно предложенной датировке, эта акция приходится на первые годы самостоятельного правления Святослава, не отмеченные в ПВЛ какими-либо событиями. В связи со сказанным обратим внимание на гипотезу Н.И. Платоновой, в соответствии с которой 22 «князя» или «архонта» Руси, чьи представители упомянуты наряду с послами Игоря, Ольги и Святослава в русско-византийском договоре 944 г. и протоколах приемов Ольги в Константинополе в 946 или 957 г. и, напротив, не упомянутые в русско-византийском договоре 971 г., были устранены с политической сцены в 50-х — 60-х гг. X в.³⁷ Приведенные данные хорошо согласуются с этой гипотезой.

После разорения раннегородской центр в Гнездове был немедленно восстановлен, на следующие десятилетия приходится его расцвет, фиксируемый по археологическим данным. По-видимому, новая «элита», управлявшая городом и его округой в период господства киевской администрации, представлена богатыми скандинавами, погребенными в камерных могилах, которые в совокупности датируются второй половиной X в. По основаниям столбов из двух камерных погребений Гнездовского некрополя получены дендродаты 975 и 979 гг.³⁸

Большие перемены произошли в это время и за пределами Гнездова. Примерно в третьей четверти X в. перестал существовать целый ряд населенных пунктов, в том числе тех, которые играли важнейшую роль в инфраструктуре военно-торговых путей. Во-первых, это археологические комплексы Новоселки, Рокот и Шишкино, занимавшие в предшествующий период второй сверху уровень в иерархии поселений Смоленского Поднепровья и Подвинья. Во-вторых, это существо-

³⁷ Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 1997. С. 72–73.

³⁸ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 203.

вавшие в X в. поселения культуры смоленских длинных курганов — Заозерье, Шугайлово, Михейково и др. Трудно сказать, действительно ли все эти населенные пункты погибли одновременно (и одновременно ли с разгромом Гнездова) или прекратили существовать в течение 1–2 десятилетий, но несомненно, что инфраструктура транзитных коммуникаций в Днепро-Двинском междуречье в том виде, в котором она сложилась в конце IX — первой половине X в., оказалась разрушенной. Кстати, финал поселения в Новоселках может отмечать клад у д. Дубровка, содержащий около 200 дирхемов, младшие из которых чеканены между 954 и 961 гг.³⁹

На смену «локальным» центрам предшествующего периода в Днепро-Двинском междуречье во второй половине X — начале XI в. приходит система «городков», расположенных в бассейне р. Каспля и, к сожалению, археологически исследованных только разведками. В их число входят Сураж при впадении Каспли в Западную Двину, Каспля при истоке реки из оз. Касплянское и Вержавск в среднем течении р. Гобза. Приблизительная площадь этих городищ, соответственно, 1300, 1800 и 4500 кв. м. В их культурном слое найдена древнерусская раннекруговая керамика, а на Суражском городище — также лепная, характерная для КСДК, но бытовавшая в изучаемом регионе до XI в. включительно⁴⁰. Своими масштабами выделяется Вержавск, который представляет собой археологический комплекс, включающий также селище — остатки древнерусского посада — и курганный могильник. Такая структура комплекса, типичная для более ранних «локальных» центров, могла сформироваться не позднее конца X — начала XI в. По устному сообщению Е.А. Шмидта, на Вержавском городище найден недатированный клад восточных монет. Остатки посадов известны также в Сураже и Каспле. Вержавск и Каспля упомянуты в Уставе 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича в качестве волостных центров⁴¹. Вероятно, такой же статус был у Суража, но в составе Полоцкой земли, хотя в древнерусских источниках он не упоминается. По-видимому, эти укрепленные поселения были основаны как княжеские крепости (но не погосты), осуществлявшие государственный контроль над важнейшими путями и некоторыми ответвлениями от них. Таким образом, в изучаемом регионе впервые появи-

³⁹Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 42.

⁴⁰Нефедов В.С. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 251–252.

⁴¹Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976. С. 141, 143.

лись населенные пункты, которым предстояло играть важную роль в административно-территориальных структурах XI–XIV вв.

Строительство княжеских крепостей в бассейне Каспли, осуществленное если не одновременно, то в течение нескольких десятилетий, свидетельствует о том, что со второй половины X в. или, вероятнее, с последней трети столетия путь по Каспле на всем протяжении реки стал одним из основных в регионе. В то же время с исчезновением Рокота и Заозерья путь по рекам Рутавечь и Клец, очевидно, перестал активно функционировать. «Восточный» вариант пути между Днепром и Западной Двиной в рассматриваемый период продолжал сохранять большое значение. Местоположение Вержавска позволяло ему контролировать участок этого маршрута в верховьях Гобзы наравне с путем по Каспле в ее среднем течении.

Ситуация на левобережье Днепра не претерпела во второй половине X — начале XI в. серьезных изменений. Продолжал функционировать путь по Сожу с установившимися ранее вариантами перехода из Сожа в Днепр; такие важные населенные пункты, как Березинка и Кушлянщина, существуют до XI в. включительно, но уже как древнерусские поселения с присутствием в X в. скандинавов. В верховьях Сожа известен единственный на Смоленщине монетный клад конца X — начала XI в. у д. Барсуки⁴².

Исчезновение в третьей четверти X в. на изучаемой территории культуры смоленских длинных курганов не привело к демографическому спаду. Наоборот, во второй половине X — начале XI в. резко возрастает количество древнерусских неукрепленных поселений. Особенно много их возникло в бассейнах верхнего Сожа и смоленского течения Днепра, что указывает на увеличившийся приток славянского (древнерусского) населения из более южных районов Поднепровья. Древнерусские могильники этого периода, расположенные на военно-торговых путях или рядом с ними, зачастую близки по культуре позднему Гнездову. Таковы Сельцо, Мизиново, Лопино, Березинка, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Яново, Плескачи (Станьково) и др. В некоторых погребениях этих некрополей найдены предметы вооружения и снаряжения всадника, различные привозные изделия (в том числе скандинавские), а также дорогие украшения⁴³. Все это подчеркивает высокий социальный статус погребенных и не

⁴² Лебедев В.П., Галанов В.И. Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2005. Т. 4. С. 423–426, 430.

⁴³ Ляуданскі А.М. Археолёгічныя досьледы. С. 281; Енуков В.В. Ранние этапы. Рис. 44, 45; Енисова Н.В., Нефедов В.С. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под

позволяет считать их рядовыми сельскими жителями. Большинство погребений такого рода концентрируется в верховьях Сожа и на переходах с него в Днепр, что демонстрирует особенно важное значение южного направления торговых и политических связей Смоленского Поднепровья в рассматриваемый период. В целом система расселения в изучаемом регионе по-прежнему характеризуется сложной иерархией населенных пунктов.

Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах прекращения существования Гнездова как раннегородского центра остается пока трудноразрешимым. Впрочем, исследования пойменной части Центрального селища позволяют немного уточнить датировку финала Гнездова. На раскопе П-2 из нижнего горизонта культурного слоя (горизонт 5), представляющего собой заполнение естественной заболоченной ложбины, получена серия дендродат, самая поздняя (и самая надежная) из которых — 1002 г.⁴⁴ Выше залегало три стратиграфических горизонта общей мощностью до 0,5 м, двум верхним из которых (горизонты 3 и 2) соответствуют два строительных периода непосредственно на исследованном участке. Материалы из этих горизонтов типичны для «классического» Гнездова и не указывают на какие-либо существенные изменения в культуре и характере поселения по сравнению со второй половиной X в. Постройки горизонта 2 погибли в пожаре, после которого активная деятельность в этом месте прекратилась⁴⁵. Приведенные данные, по нашему мнению, не позволяют датировать финал раннегородского периода истории Гнездова временем ранее 20-х — 30-х гг. XI в. Безусловно прав был А.А. Спицын, когда относил его к эпохе Ярослава⁴⁶.

В настоящее время нет оснований утверждать, что Центральное Гнездовское поселение переживало на рубеже X–XI вв. и в начале XI в. период упадка. Имеющиеся данные свидетельствуют скорее об очень быстром, возможно, моментальном прекращении существования Гнездова как раннего древнерусского города. Вместе с тем остается неясным, как это произошло: в результате насильственного уничтожения или более или менее мирного «переноса» города на новое место. Финальный пожар, выявленный на раскопе П-2, как будто ука-

Смоленском // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111; *Ширинский С.С.* Курганы IX — начала XI в. в верховье р. Сожа 1.

⁴⁴*Мурашева В.В., Авдусина С.А.* Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 12–13, 26.

⁴⁵Там же. С. 17.

⁴⁶*Спицын А.А.* Гнездовские курганы. С. 8.

зывает на вероятность первого сценария, однако неизвестно, был ли этот пожар тотальным. Надеемся, на этот вопрос помогут ответить результаты новых раскопок в пойменной части Центрального селища и на Центральном городище.

Исходя из высокой вероятности того, что финал Гнездова был все же событием, а не процессом, было бы заманчиво связать его с какими-то действиями в период междукняжеских войн 1015–1026 гг., тем более что один эпизод этих междоусобиц — убийство князя Глеба в 1015 г. — прямо связывался в конце XI — начале XII в. со Смоленском. По-видимому, первоначальный Смоленск перестал существовать после 1021 г., когда, согласно Софийской I летописи, Ярослав передал полоцкому князю Брячиславу города Витебск и Усвят⁴⁷. В результате сформировалась восточная граница Полоцкого княжества в Днепродвинском междуречье, т. е. к Полоцку отошел еще и Сураж вместе с нижним течением Каспли. Возможно, из-за этого стабильное функционирование транзитного пути, проходившего по Усвяче и Каспле, с которым Гнездово было связано наиболее тесно, оказалось под угрозой, хотя Брячислав с 1021 г. и до конца жизни неуклонно следовал наказу своего дяди: «Буди же со мною заодин». Нельзя исключать и того, что между исчезновением первоначального Смоленска и возникновением нового (в 12 км выше по Днепру) прошло довольно продолжительное время. На эту мысль наводит резкое несоответствие масштабов и политического значения первого и второго населенного пункта. Действительно, после учреждения Смоленского княжества в 1054 г. на его престол сажали одного за другим самых младших и быстро умиравших сыновей Ярослава — Вячеслава и Игоря, которые не являлись самостоятельными политическими фигурами. После смерти Игоря (1060 г.) в Смоленске свыше 15 лет вообще не было своего князя⁴⁸. Несмотря на интенсивные раскопки в историческом центре города, Смоленск середины — третьей четверти XI в. не удалось обнаружить ни к началу 1990-х гг.⁴⁹, ни сегодня. Очевидно, «город» того времени (находившийся, надо полагать, уже на современном месте) был довольно скромным поселением, что заставляет сомневаться в его непосредственной преемственности по отношению к раннегородскому центру в Гнездове.

Судя по всему, в первой половине XI в. система расселения и сло-

⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 5. Софийская первая летопись. С. 134.

⁴⁸ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 195.

⁴⁹ Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 7.

жившаяся поселенческая структура в Смоленском Поднепровье и Подвинье не претерпела существенных изменений, что составляет сильный контраст с ситуацией третьей четверти X в. В частности, ранние труположения, появившиеся в сельских курганных могильниках, находятся преимущественно на тех же памятниках, что и древнерусские курганы с трупосожжением (Катынь, Саки, Слобода (Пржевальское), Сельцо, Мизиново, Мольково, Маркатушино, Плескачи (Станьково), Березинка, Кушлянщина и др.). Население продолжало концентрироваться к югу от Днепра и в восточной части Днепро-Двинского междуречья, что, возможно, подтверждает снижение роли Каспийского пути во второй четверти XI в. Очевидно, к этому времени в основном сформировалась территориальная и демографическая основа центральных районов Смоленской земли.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что процесс политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье начался по крайней мере на полтора столетия раньше «официальной» даты образования Смоленского княжества. Сама дата 1054 г. может рассматриваться только как начало третьего этапа этого процесса. Поэтому невозможно согласиться с мнением Л.В. Алексеева о том, что «по сравнению с соседней, также кривичской Полоцкой землей, Смоленская земля вышла на арену истории почти на столетие позднее»⁵⁰. Напротив, отчетливо фиксируемая по археологическим данным раннегосударственная структура сформировалась в регионе уже к середине X в. и интенсивно развивалась на протяжении последующего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2.

Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

АКР. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1–2.

Белоцерковская И.В. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // ВМУ. 1975. № 5.

⁵⁰ Алексеев Л.В. Смоленская земля. С. 255.

- Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.
- Ениосова Н.В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 2000. Псков, 2001.
- Ениосова Н.В., Нефедов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Еремеев И.И.* К вопросу о южной границе области распространения сопок. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010.
- Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнездова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
- Лебедев В.П., Галанов В.И.* Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4.
- Лесман Ю.М.* «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. Санкт-Петербург; Старая Ладога, 2003. Вып. 6.
- Ляўданскі А.М.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Новгород, 1992.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обнаруженных в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994.

Нефедов В.С. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1996. Вып. 10.

Нефедов В.С. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1997. Вып. 11.

Нефедов В.С. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород., 1998. Вып. 12.

Нефедов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000.

Нефедов В.С. Новосёлки и Гнёздово // XIV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2001.

Нефедов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17.

Нефедов В.С. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 2004. Ч. 1.

Нефедов В.С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М., 2011. Т. II.

Нефедов В.С. Археологический комплекс IX–X вв. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье (в печати).

Нефедов В.С., Мурашева В.В. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. М., 2008. Вып. 222.

Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I.

Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 1997.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 5. Софийская первая летопись.

Попова В.М. Гнездовские бусы. Дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М., 1980. Рукопись.

Пушкина Т.А. Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Пушкина Т.А. Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От палеолита до средневековья. М., 2011.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. Вып. 28.

Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.

Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.

Фомин А.В. Куфические монеты Гнездовского клада // ДГ. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. М., 1999. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ).

Ширинский С.С. Курганы IX — начала XI вв. в верховье р. Сож у дд. Кушляница и Кошино // Смоленские древности. Смоленск, 2001. Вып. 1.

Шмидт Е.А. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3.

Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.

Шмидт Е.А. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 года. М., 1969.

Шмидт Е.А. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4.

Шмидт Е.А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск. 2008.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются ранние этапы политогенеза (конец IX — первая половина XI в.) на территории центральных районов Смоленской земли. В IX в. регион был заселен носителями культуры смоленских длинных курганов — кривичами письменных источников. В конце IX — первой половине X в. там сформировалась инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, являвшихся частью Пути из варяг в греки. На основе иерархической системы поселений во главе с раннегородским центром в Гнездове (древний Смоленск) к середине X в. сложилась автономная раннегосударственная структура, входившая в состав Древнерусского государства (первый этап политогенеза в изучаемом регионе). В третьей четверти X в. эта раннегосударственная структура была уничтожена, а регион непосредственно подчинен киевской администрации. В последней трети X — начале XI в. Гнездово под властью киевских наместников продолжало процветать, в Смоленском Подвинье была создана система княжеских крепостей, регион активно заселялся выходцами из более южных районов Поднепровья (второй этап политогенеза). Во второй четверти XI в. Гнездово внезапно прекратило существовать в качестве раннего древнерусского города, но было ли это следствием переноса города на современное место, остается неясным. К этому времени в основном сформировалась система поселений, которая стала территориальной и демографической основой Смоленского княжества в XI в.

Ключевые слова: Смоленское Поднепровье и Подвинье, Гнездовский археологический комплекс, Путь из варяг в греки, культура смоленских длинных курганов, древнерусская культура, политогенез.

ABSTRACT

The article deals with the early stages of state-formation processes (late ninth to the first half of the eleventh century) in the central part of the Smolensk land. In the ninth century the region was inhabited by population belonging to the Smolensk long-barrows archaeological cultures defined as the Krivichis. In the late ninth and the first half of the tenth century there emerged the infrastructure of transit trade communications which constituted a part of the Route from the Varangians to the Greeks.

On the basis of a hierarchically organized system of settlements with Gnezdovo (ancient Smolensk) as its focal urban centre an autonomous early-state structure had developed as a part of the Old Russian state by the mid-tenth century. This early polity was destroyed and the region was directly subordinated to the Kievan administration in the last third of the tenth century. Under the authority of the Kievan governors Gnezdovo continued to flourish. A net of princely castles was created in the Dvina–Dnieper interfluvium and the area started to be settled by newcomers from the southern parts of the Dnieper region. In the second quarter of the eleventh century Gnezdovo suddenly stopped to exist as an early Old Russian town, but whether this was due to its transfer to the modern site of Smolensk remains unclear. By this time the settlement pattern which became the territorial and demographic basis of Smolensk principality in the eleventh century had mainly formed,

Key words: the Dvina and Dnieper Smolensk regions, Gnezdovo archaeological complex, Route from the Varangians to the Greeks, the archaeological culture of Smolensk long barrows, Krivichis, state formation.

А.Н. Бондарь

УКРЕПЛЕННЫЕ ПУНКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДЕСНЫ В КОНЦЕ IX — X в.

Особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что ее функции выполняются главным образом военной организацией, дружиной. Она заменяет органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; выполняет сугубо военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организацию походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер¹.

Основные события, связанные с образованием Древнерусского государства, разворачиваются в конце IX — X в. на территории Южной Руси, в так называемой «Русской земле» в узком смысле. На сегодняшний день ясно, что эта территория начала формироваться вокруг Киева на землях летописных полян². С разработкой данной проблематики встал вопрос о роли Днепровского Левобережья, в частности междуречья Десны и Днепра в процессах становления государственных структур.

Летописные сведения о территории Днепро-деснинского междуречья в конце IX — X в. скупы и фрагментарны. Из них нам известно о

¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 23.

² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 57, 64; Моця О.П. Південна «Руська земля». Київ, 2007. С. 12–34; Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // Щавелев С.П. Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

походе Олега на северян (под условным 884 г.)³, о двух городов Левобережья — Чернигова и Любеча (под 907 г.)⁴, о «перевесях» Ольги «по Десне» (под 947 г.), о полумифическом воеводе Претиче «с того берега Днепра» (под 968 г.)⁵. Вновь земли будущего ядра Черниговского княжества упоминаются лишь в первой четверти XI в. в связи с междоусобными войнами сыновей Владимира (1017 г. — битва при Любече, 1024 г. — битва при Листвене). Отдельные сведения можно почерпнуть из зарубежных источников. К примеру, Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» упоминает Чернигов (Чернигоги) и, вероятно, Любеч (Телеуцы)⁶. На этом данные письменных источников исчерпываются. В сложившейся ситуации археологические источники выходят на первое место и позволяют частично закрыть образовавшуюся историческую лауну.

За более чем столетнюю историю археологических исследований данной территории накопился обширный археологический материал, с помощью которого можно с определенной долей условности реконструировать те социально-политические процессы, которые происходили на землях междуречья Десны и Днепра в конце IX — начале XI в.

Еще перед первыми исследователями встал вопрос об этническом облике населения этого региона в X в. М.С. Грушевский, основываясь на летописных данных и результатах раскопок В.Б. Антоновича и Д.Я. Самоквасова, пришел к выводу, что этот регион в предгосударственный период был заселен представителями племени «северь»⁷. Аналогичное мнение отстаивали Д.Я. Самоквасов и М.П. Добровольский⁸. Лишь в 40-х гг. XX в. Б.А. Рыбаков выдвинул предположение, что часть летописных полян в X в. проживала и на Днепровском Левобережье⁹. А с конца 50-х гг. XX в. началась научная дискуссия по данному вопросу. В ней в разное время приняли участие такие известные исследователи славяно-русских древностей, как А.Н. Насо-

³ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

⁴Там же. Стб. 22.

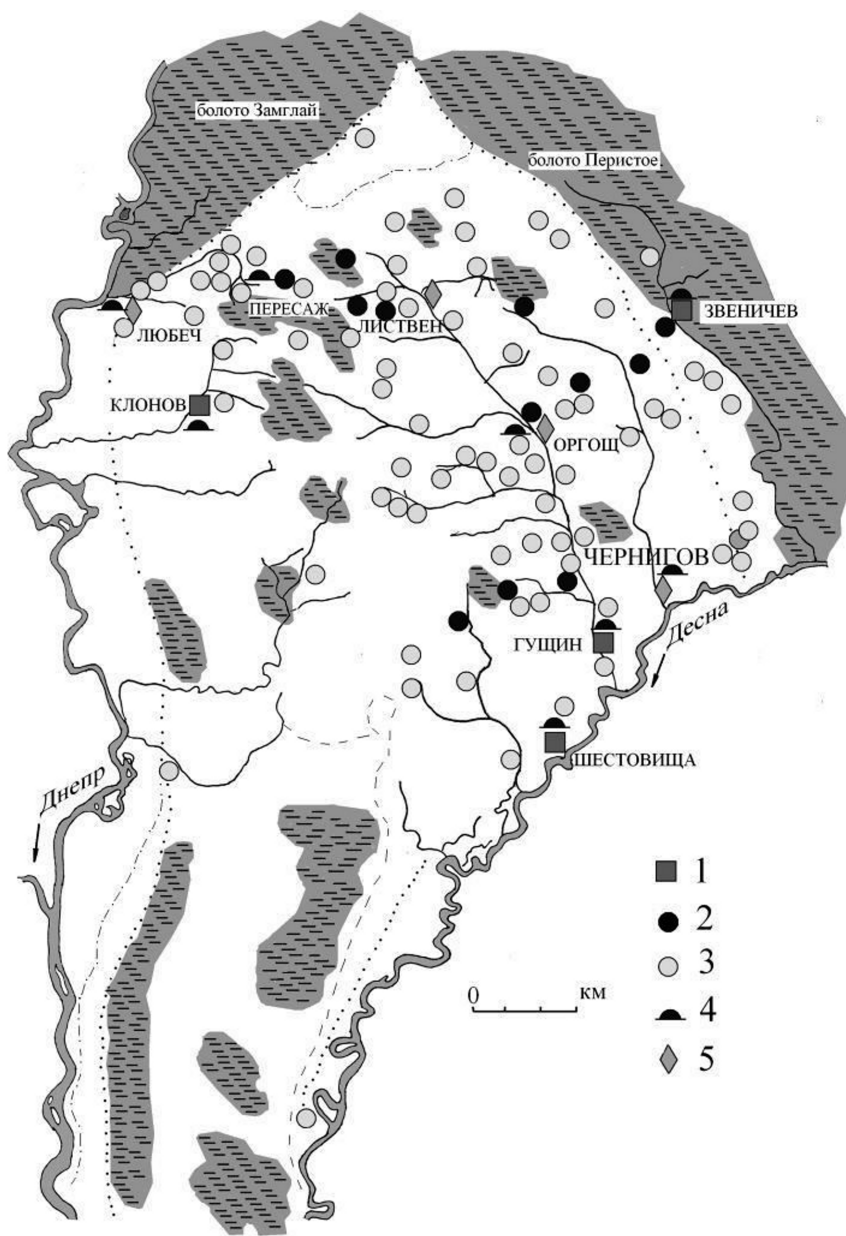
⁵ПСРЛ. Т. II. Стб. 54.

⁶Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 2 / Сост. М.В. Бибиков. С. 159.

⁷Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1. С. 190.

⁸Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городам и могилам. М., 1908; Добровольский П.М. Табаевские курганы (археологическая экскурсия). Чернигов, 1905.

⁹Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № VI–VII. С. 81–82.



нов¹⁰, С.С. Ширинский¹¹, И.П. Русанова¹², А.К. Зайцев¹³, А.П. Моця¹⁴, В.П. Коваленко¹⁵, А.В. Григорьев¹⁶. Мнения ученых часто кардинально расходились. Так, И.П. Русанова, основываясь на погребальном обряде, расширила территорию полян на значительную часть Левобережья¹⁷. В противовес ей А.К. Зайцев, опираясь на труды А.Н. Насонова и свои наблюдения, признавал эту территорию за северянами. Причем, чтобы как-то оправдать кардинальные расхождения в материальной культуре населения Левобережья, он искусственно, на гипотетическом уровне, разделил северян на «западных» и «восточных»¹⁸. По мнению А.В. Григорьева, граница племени северян не доходила до нижнего и среднего течения Десны. Этому вопросу исследователь посвятил целый ряд публикаций, где вполне ясно изложил свою точку зрения, которая основана на материалах распространения древностей роменской культуры¹⁹. В.П. Коваленко, исследуя летописные города Чернигово-Северской земли, сделал попытку связать наиболее ранние этапы их

¹⁰Насонов А.Н. «Русская земля». С. 22, 61.

¹¹Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа // КСИА. 1969 г. Вып. 120. С. 105; Ширинский С.С. Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 г. М., 1968. С. 240.

¹²Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966. С. 5–47 (САИ. Е1–24).

¹³Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–66.

¹⁴Моця О.П. Південна «Руська земля». С. 12–34; *Он же*. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Київ, 1987 С. 106–124; *Он же*. Населения Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ, 1993. С. 103–141; *Он же*. Українці: народ і його земля (етапи становлення). Київ, 2011. С. 53–99.

¹⁵Коваленко В.П. Происхождение летописных городов Чернигово-Северской земли (IX–XIII вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 9–11.

¹⁶Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 98–99; Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993. С. 76–82; Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуле Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990. С. 18–19.

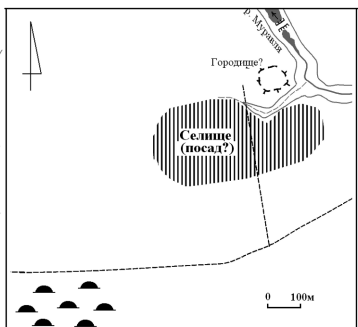
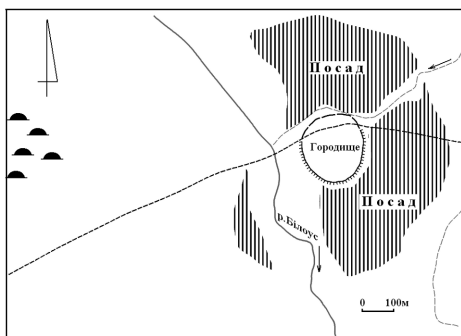
¹⁷Русанова И.П. Курганы полян. С. 25.

¹⁸Зайцев А.К. Черниговское княжество. С. 63–64.

¹⁹Григорьев А.В. О границе Руси. С. 99.

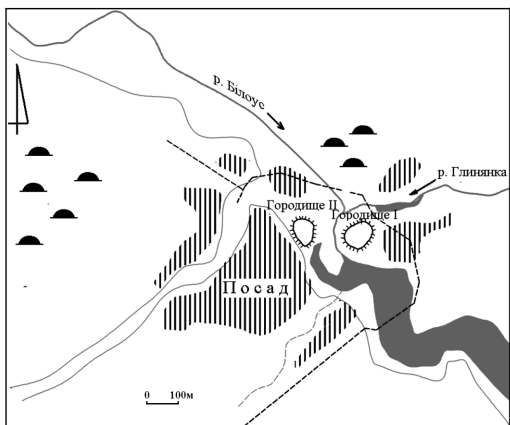
Рис. 1. Карта памятников конца IX — X вв. на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны (по Е.М. Веремейчик и А.В. Шекуну).

1. Городища с культурными слоями конца IX — X в.
2. Сельские поселения с культурными слоями конца IX — начала X в.
3. Сельские поселения с культурными слоями X в.
4. Дружинные курганные некрополи
5. Летописные города

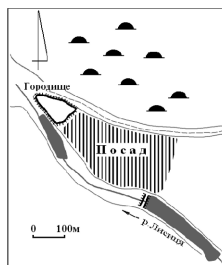


1

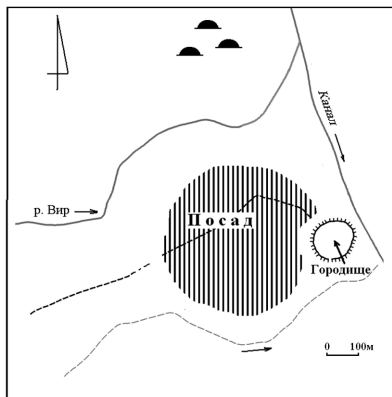
2



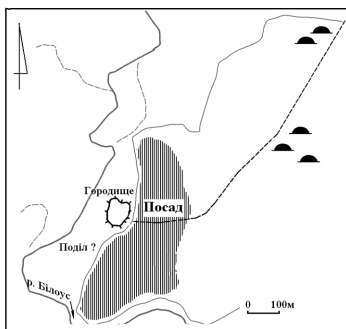
3



4



5



6

существования со славянскими племенными центрами, таким образом вписывая свою концепцию в общепринятую в то время схему²⁰.

Исследования территории нижнего течения Десны и Днепра дают возможность уточнить реконструкцию процесса распространения «киевской государственности» в X в. В центре внимания здесь должен быть ряд укрепленных поселений конца IX — X вв. на территории междуречья Десны и Днепра. К таким поселениям следует отнести археологические памятники древнерусского времени в сс. Выползов, Шестовица, Гушин, Звеничев, Клонов, Малый Листвен (летописный Листвен), Рогощи (летописный Оргощ) и, вероятно, Пересаж (Рис. 1–2). Все они имеют ряд общих социально-топографических признаков, по которым их можно объединить в один тип памятников. Однако их размеры и хронология несколько отличаются. Ученые пока не пришли к единому мнению и о том, как назвать данный тип памятников. Предлагались разные варианты: «открытые торговоремесленные поселения»²¹, «погосты»²², «дружинные лагеря»²³, «вонизированные многофункциональные поселения»²⁴, «раннефеодальные замки»²⁵. Во избежание терминологических споров хочу пояснить, что в данной работе эти памятники будут называться укрепленными центрами начального этапа становления Древнерусского государства.

²⁰Коваленко В.П. Головні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (IX–XIII ст.) // УїЖ. 1983. № 8. С. 120–125.

²¹Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 107.

²²Моця О.П. Погости в системі давньоруських наслених пунктів // Археологічні студії. Київ, Чернівці, 2003. Вип. 2.

²³Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311; Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009. С. 12–85.

²⁴Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009. С. 78–95.

²⁵Брайчевський М.Ю. Аскольд — цар кївський // Михайло Брайчевський. Вибране. Київ, 2009. Т. II. С. 408–410.

Рис. 2. План-схемы пространственно-топографической структуры укрепленных центров конца IX — X в. на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны.

1. Археологический комплекс в сс. Рогощи и Табаевка.
2. Археологический комплекс близ с. Пересаж.
3. Археологический комплекс в с. Малый Листвен.
4. Археологический комплекс близ с. Клонов.
5. Археологический комплекс в с. Звеничев.
6. Археологический комплекс в с. Гушин.

Картографирование укрепленных центров междуречья Десны и Днепра конца IX–X в. показывает, что расположение памятников данного типа носит вполне системный характер и напрямую связано с водными путями. Так, Выползовский и Шестовицкий археологические комплексы расположены на берегу такой водной артерии, как р. Десна. Они контролировали судоходство по ней, также это был кратчайший водный путь из Киева в Чернигов²⁶.

В северной и северо-восточной частях междуречья наиболее ранними являются археологические комплексы в сс. Гушин, Малый Листвен, Рогощи и Звеничев. Неукрепленные поселения на их территории возникают на рубеже IX–X вв.

Территория междуречья Днепра и нижнего течения Десны в географическом плане представляет собой замкнутый анклав. С запада она ограничена р. Днепр, с востока — р. Десна, на севере от Днепра до р. Замглай (притока р. Десны) отрезана болотами Перистое и Замглайское, которые даже в наше время являются довольно серьезными природными препятствиями. Большая ее часть находится в центральном грабене Днепроовско-Донецкой впадины и представляет собой сплошные низины. Грунтовые воды в регионе находятся довольно близко к поверхности (1–3 м)²⁷. В центральной и северной частях междуречья в поймах больших и малых рек имеется значительное количество заболоченных низин. Южная часть этой территории представлена сплошными лесными массивами и заболоченностями. На картах XVIII–XIX вв. эти земли показаны как сплошное слабо заселенное болото, покрытое лесом. В древности северная и центральные части междуречья были также значительно залесены.

Городище в с. Гушин расположено на надпойменной террасе р. Белоус. Размер городищ невелик — 65 × 80 м. Вал опоясывал его по всему периметру. Под насыпью вала была выявлена постройка, существование которой по керамическому материалу можно определить временем не позднее первой половины X в. После гибели постройки сразу над ней возводятся оборонительные сооружения в виде срубной стены. Таким образом, датировать возведение этих фортификационных сооружений можно не позднее середины X в.²⁸ Особенностью данного городища является наличие помимо напольного внешнего еще и

²⁶ Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С. 56–77.

²⁷ Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999. С. 4–5.

²⁸ Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище близ Чернигова // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 46–48.

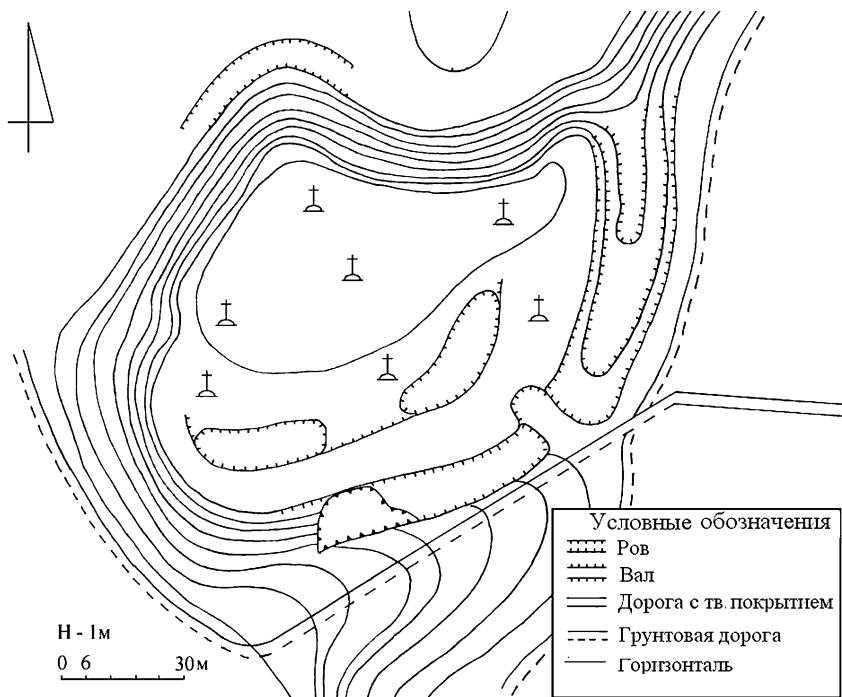


Рис. 3. Городище в с. Гущин (топосъемка автора, 2011 г.).

внутреннего рва (Рис. 3). К городищу с северной, восточной и южной сторон примыкал обширный неукрепленный посад до 9 га²⁹. За посадом, вдоль дороги на Чернигов располагался курганный могильник, который еще в конце XIX в. насчитывал более 120 насыпей³⁰. Вероятно, под городищем в пойме р. Белоус находился так называемый подол³¹.

Остатки летописного Оргоща (упомянут под 1159 г.) представлены комплексом археологических памятников в сс. Рогощи и Табаевка. Городище этого летописного пункта расположено на берегу р. Белоус. В плане оно было овальным, размером 180 × 200 м. Система фортификаций данной крепости почти не зависела от рельефа местности, деревоземляные укрепления (их остатки прослежены в виде валов) опоясывали площадку городища со всех сторон. Современная высота

²⁹ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки на території Чернігівського району у 2011 р. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр». Чернигов, 2012. С. 11.

³⁰ Самоквасов Д.Я. Могильня древности северянской Черниговщины. М., 1916. С. 77; Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гущинское городище. С. 48.

³¹ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки. С. 12.

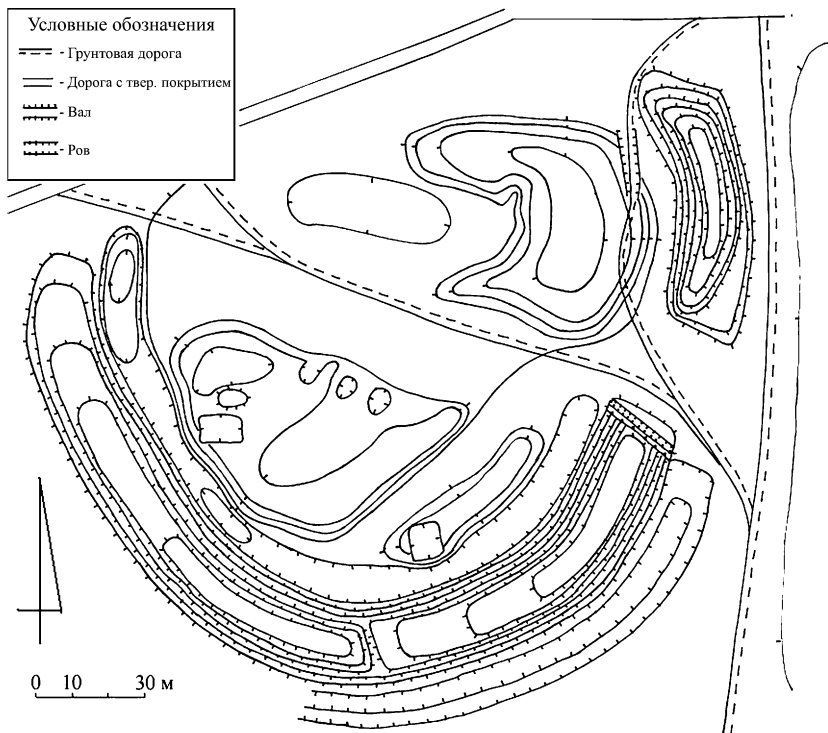


Рис. 4. Городище в с. Рогощи (топосъемка автора, 2011 г.).

валов Оргоща достигает 7 м, а глубина внешнего рва — до 3 м. Так же как и на Шестовицком и Гушинском комплексах, по внешнему краю площадки городища Оргоща проходит внутренний ров (Рис. 4). Что касается оборонительных сооружений, то разрезы валов, сделанные В.П. Коваленко, показали, что насыпь вала имеет три строительных периода³². Первый, вероятно, относится к первой трети — середине X в. и представлен какими-то легкими сооружениями, возможно, частоколом. Во второй половине X в. укрепления полностью перестраиваются. На месте легких фортификаций возводится срубная конструкция, состоящая из городни и примыкающей к ней клетки. Реконструкция этих укреплений показала, что высота стен до боевого помоста составляла 3 м, а при наличии закрытого боевого хода — 5 м (Рис. 5). Третий строительный период относится к XII–XIII вв.³³

³²Коваленко В.П. Отчет о исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 году // Научный архив Института археологии НАН Украины. Чернигов, 1982. С. 22.

³³Бондар О. Спроба реконструкції укріплень літописного Оргощу (за матеріалами дослід-

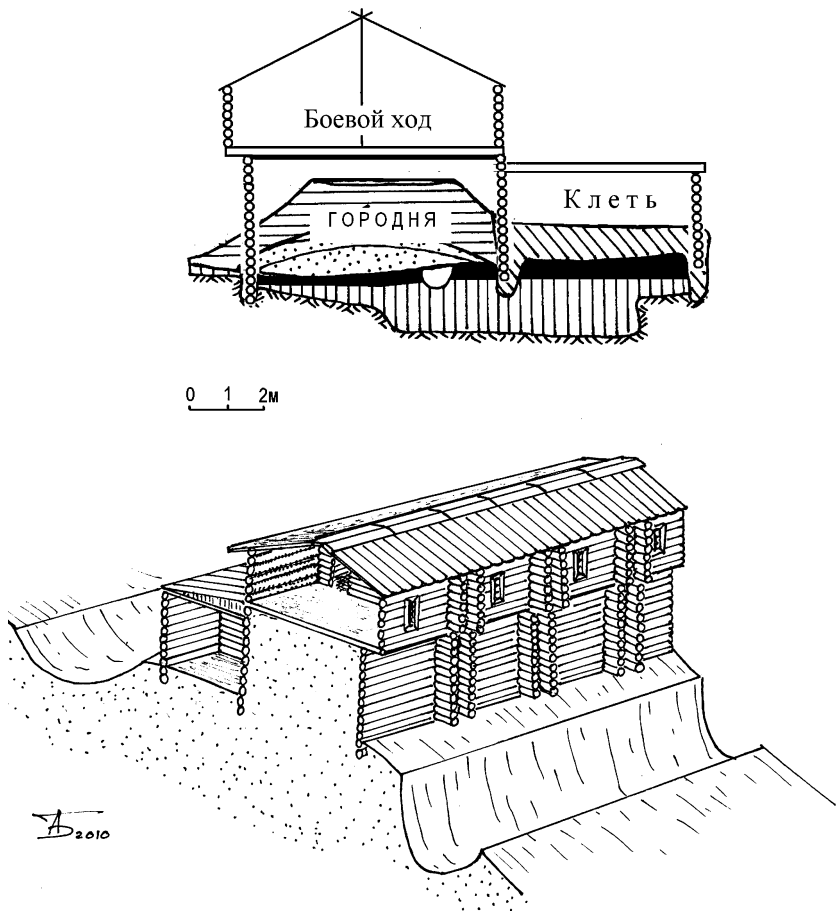


Рис. 5. Укрепления летописного Оргоща во второй половине X в. (реконструкция автора).

С южной, восточной и северной сторон к городищу примыкает обширное селище-посад, размер которого достигает 35 га³⁴. На противоположной стороне р. Белоус находится курганный могильник этого укрепленного пункта, который в конце XIX в. насчитывал более сотни курганов в трех группах³⁵. По наблюдениям А.П. Моци, в древне-

жень 1981 р.) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали ІХ Міжнародної студентської археологічної конференції. Чернігів, 2010. С. 49–50.

³⁴ Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки. С. 13.

³⁵ Константинович Н.А. О курганах Черниговского уезда // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. С. 181–184.

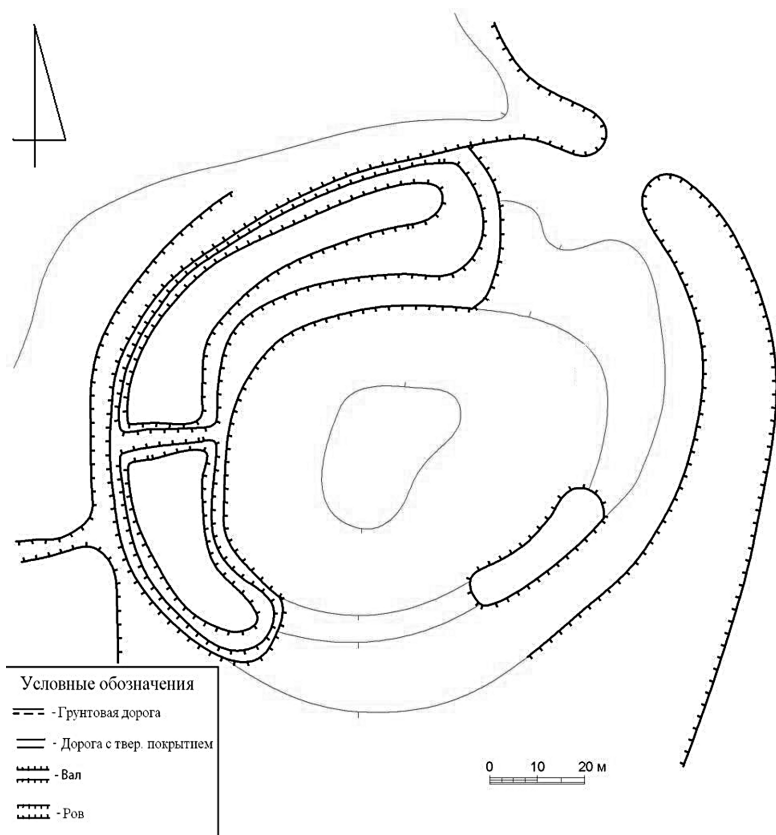


Рис. 6. Городище-I в с. Малый Листвен (топосъемка автора и Е.Н. Осадчего, 2012 г.).

русское время эти три группы являлись остатками одного большого курганного могильника³⁶.

На р. Белоус находился еще один укрепленный пункт X в. – летописный Листвен. В.П. Коваленко и А.В. Шекун локализовали его остатки возле с. Малый Листвен³⁷. Данный археологический комплекс состоит из двух городищ и нескольких неукрепленных селищ-посадов по обоим берегам реки. Существования городища-II хронологически относится к XII–XIII вв., а городища-I — ко второй половине X — началу XI в. Городище-I (Рис. 6) возникло на месте более раннего,

³⁶ Моця А.П. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тез. Черниговской обл. научно-методической конференции, посвященной 90-летию Черниговского исторического музея (декабрь, 1986 г.). Чернигов, 1986. С. 54–55.

³⁷ Коваленко В.П., Шекун А.В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4. С. 62–74.

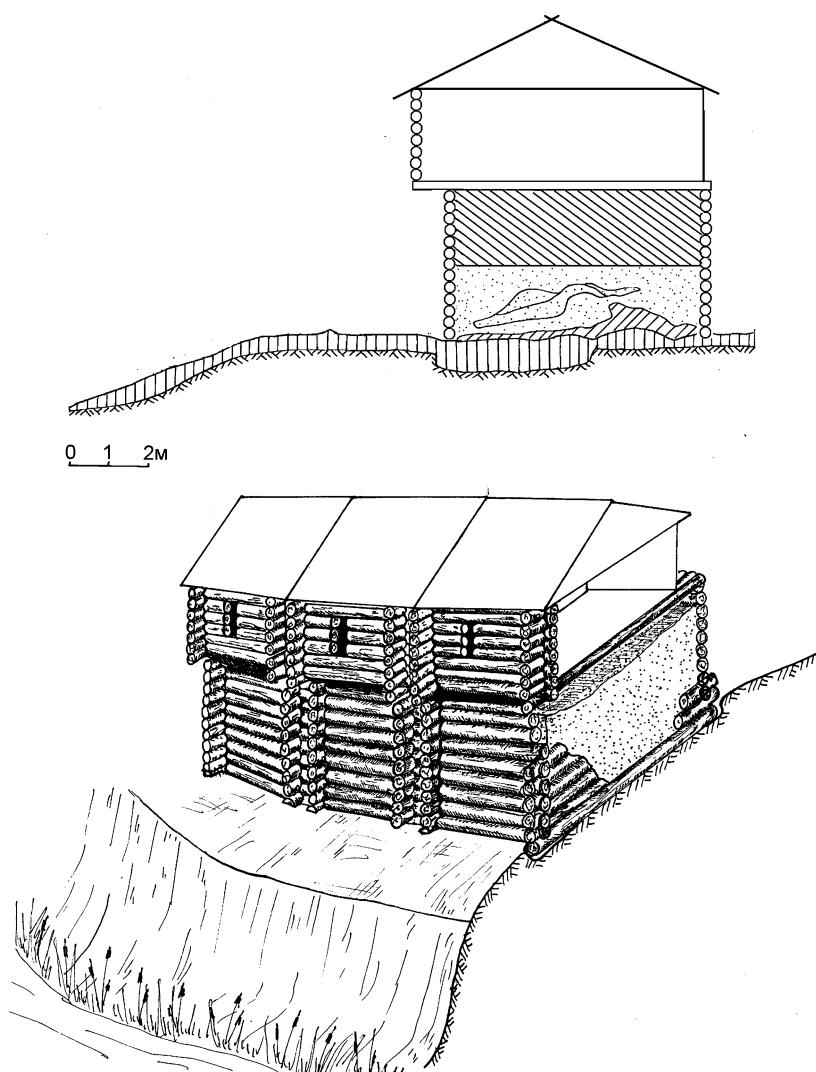


Рис. 7. Укрепления летописного Листвена в конце X в. (реконструкция автора).

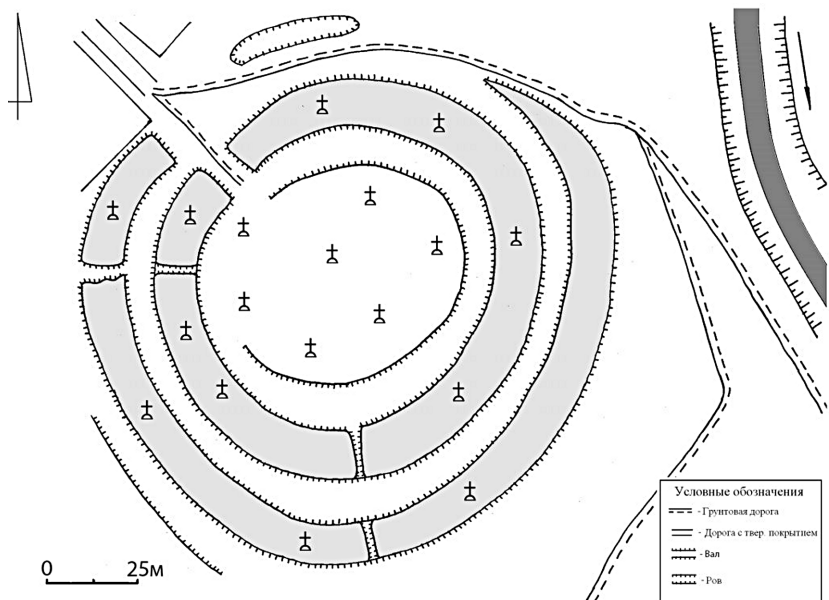


Рис. 8. Городище в с. Звеничев (топосъемка автора, 2010 г.).

вероятно, неукрепленного поселения первой половины X в. Оборонительные сооружения были представлены городней, заполненной грунтом. Примечательна сложность конструкции укреплений, которая состояла из срубов, поставленных перпендикулярно к площадке городища (Рис. 7). Возведение конструкций стен подобного типа требовало длительного времени и большого количества строительных материалов. Однако это оправдывалось с точки зрения долговечности и запаса прочности³⁸. Селища-посады с материалами X — начала XI в. находятся на обоих берегах р. Белоус и на левом берегу р. Глинянки. Общая их площадь составляет до 20 га³⁹. Курганный могильник был представлен, как минимум, двумя курганными группами по обоим берегам Белоуса, но до нашего времени не сохранился.

Еще один укрепленный археологический комплекс X в. находится в с. Звеничев на р. Замглай, являющейся северо-восточной границей междуречья Днестра и нижнего течения Десны. Его городище округлое в плане, а укрепления состоят из двух рядов валов и рвов (Рис. 8).

³⁸ Бондар О.М. Спроба реконструкції. С. 49–50.

³⁹ Шекун А.В. Отчет Черниговской археологической экспедиции. Охранные археологические исследования на территории Черниговской области в 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1990/123. Чернигов, 1991. С. 11–19.

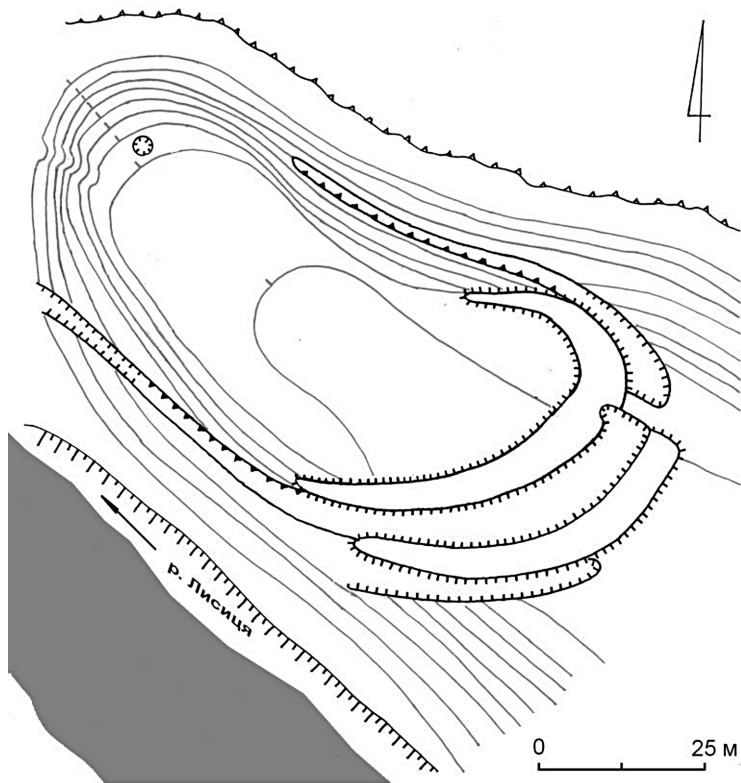


Рис. 9. Городище близ с. Клонов (топосъемка автора, 2010 г.).

Результаты разреза вала В.П. Коваленко и А.В. Шекуна показали, что возникло оно не позднее середины X в., также на месте уже существовавшего с начала X в. неукрепленного поселения⁴⁰. Оборонительные сооружения внутреннего вала были представлены городней и примыкающей к ней клетью. С севера, востока и юга городище было окружено болотом, а с запада к нему примыкал посад площадью около 10 га⁴¹. Курганный некрополь находился на противоположном берегу реки⁴².

Вероятно, позднее всех возникает укрепленный центр на р. Ворзле возле с. Клонов. Городище этого археологического комплекса невели-

⁴⁰ Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60.

⁴¹ Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 63; Бондар О.М. Обстеження пам'яток біля сіл Малий Листвен, Звеничів та Клонів Ріпкинського району Чернігівської області // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава, 2011. С. 43–44.

⁴² Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 60, 62.

ко, всего 0,3 га. В отличие от предыдущих памятников, оборонительные укрепления в виде валов и рвов находятся только с западной стороны, правда склоны мыса, на котором находится городище, эскарпированы почти на всю их длину (Рис. 9). Неукрепленный посад примыкал к городищу с востока, а его площадь равнялась 5,5–6 га. Курганный могильник, состоящий более чем из 200 насыпей, находился на противоположном берегу безымянного ручья⁴³.

Вероятно, к археологическим памятникам данного типа следует отнести и археологический комплекс у с. Пересажа. Он состоит из неукрепленного селища X — первой половины XI в. площадью до 7–8 га и курганного могильника (сейчас уничтоженного), который насчитывал 136 насыпей⁴⁴. Отсутствие укреплений позволило С.С. Ширинскому отнести данный памятник к сельским поселениям⁴⁵. Однако ни на одном сельском поселении данной территории не зафиксировано такого обширного курганного некрополя, так же как и предметов импорта и вооружения, в отличие от Пересажа. А разведочные работы 2011 г. позволили локализовать место вероятного городища (Рис. 2: 2)⁴⁶.

О разнообразной деятельности населения вышеперечисленных археологических памятников свидетельствуют многочисленные артефакты и объекты. Так, на наличие развитого ремесленного производства указывают находки разнообразных инструментов. Деревообрабатывающее дело представлено топорами, резцами для токарных станков, теслами, остатками ведер и др. О косторезном ремесле свидетельствуют заготовки и костяные изделия (стрелы, астрагалы, проколки, вероятно гребни и др.) (Рис. 10). Очень развиты были и вспомогательные промыслы, такие как рыболовство и охота. На данных памятниках присутствует целый ряд находок с ними связанных — рыболовные крючки, блесна, грузила для снастей, а также остатки диких животных и рыб. На Шестовицком комплексе особое место среди промыслов занимало смолокурение, поскольку смола была незаменимым материалом при строительстве и ремонте судов⁴⁷.

⁴³ Моця О.П. Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Київ, 1988. С. 112–118; Бондар О.М. Обстеження пам'яток. С. 44.

⁴⁴ Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа. С. 100.

⁴⁵ Там же. С. 106.

⁴⁶ Бондар О., Богуш О., Кравченко Р. Археологічні розвідки біля с. Пересажа Ріпкинського району Чернігівської області у 2011 р. // Археологические исследования в евровегионе «Днепр». Чернигов, 2012. С. 18.

⁴⁷ Скороход В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX — на початку XI ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2011. С. 13.

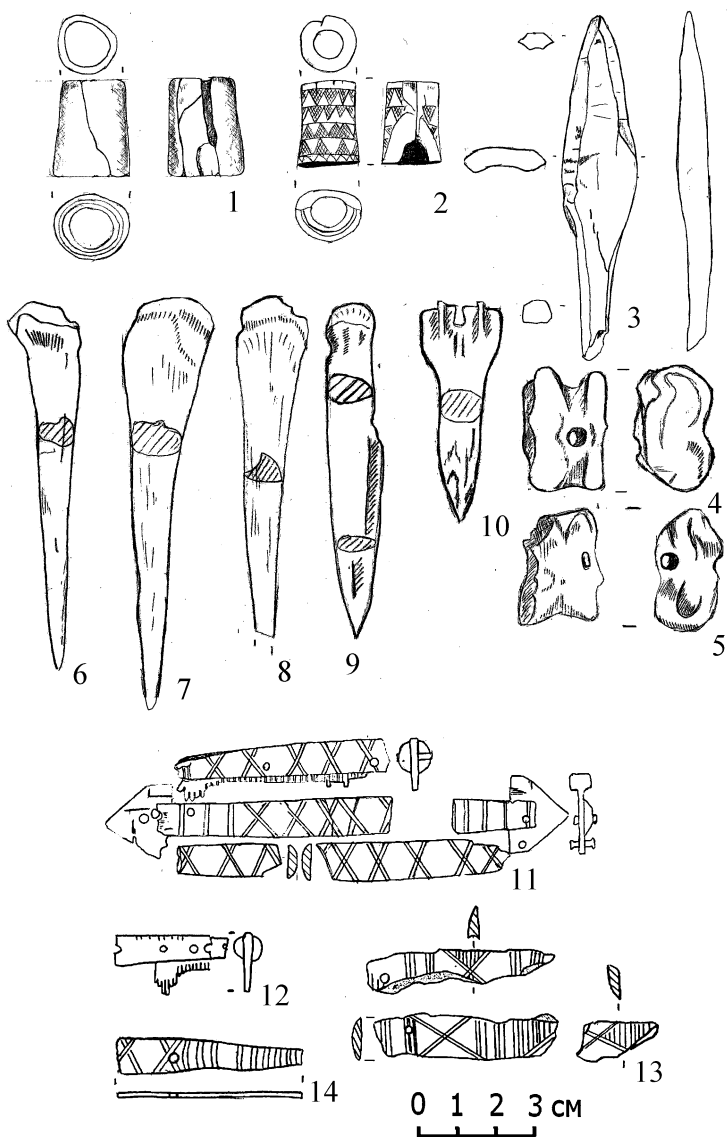


Рис. 10. Костяные изделия X — начала XI в.: 1, 2, 11 — Клонов, 3-10, 13 — Рогощи, 12 — Звеничев, 14 — Табаевка.

Отдельно следует упомянуть и о ювелирном ремесле. В 80-х гг. XX в. Р.С. Орлов, изучая ювелирное дело Южной Руси, пришел к выводу о существовании в X в. Левобережной (Черниговской) ювелирной школы⁴⁸. Детальное изучение материалов из построек на городище Оргоща дало возможность предположительно выделить среди них ювелирную мастерскую. В этой постройке были обнаружены остатки разнообразных мелких нарезок из медного сплава, а главное — фрагмент литейной формы и половинка ювелирного пинцета. Датируется этот комплекс второй половиной X — началом XI в. Также в одном из курганов раскопанных Д.И. Блительдом в Табаевке в 1949 г., обнаружена литейная форма сразу на шесть предметов — лунницу, поясную пряжку, две привески, пуговицу с ушком и поясное кольцо⁴⁹. Эти находки вполне подтверждают версию Р.С. Орлова.

Фрагменты наральников, кос-горбуш, серпов и жерновов в комплексах X — начала XI в. свидетельствуют о том, что население этих центров занималось земледелием. Наибольшее количество находок данной категории выявлено на Шестовицком комплексе, что может иметь два объяснения. С одной стороны, раскопанные площади в Шестовице значительно больше, чем на других памятниках. С другой стороны, у памятников северной части междуречья довольно обширная сельская округа, население которой обеспечивало жителей укрепленных центров всеми необходимыми продуктами сельского хозяйства, в отличие от Шестовицы, где такой округи не выявлено⁵⁰.

Многолетнее изучение данных памятников показало, что одной из основных отраслей экономической деятельности их жителей была торговля. Об этом свидетельствуют предметы импортного происхождения: бусы, византийские браслеты, подвески, морские раковины и пр. Но наиболее весомыми доказательствами являются находки весов, гирек и арабских дирхемов. Так, на археологических комплексах Гущина и Звеничева были выявлены монетно-вещевые клады, которые датируются серединой — второй половиной X в.⁵¹

⁴⁸ Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52.

⁴⁹ Блительдом Д.И. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УССР. Київ, 1955. Т. 5. С. 12–21.

⁵⁰ Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X — начале XI в. на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 25–29.

⁵¹ Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище. С. 47–48; Черненко О.Е. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниця Української культури. Чернігів, 2007. Вип. 9. Спецвипуск 1. С. 60; Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 65–70.

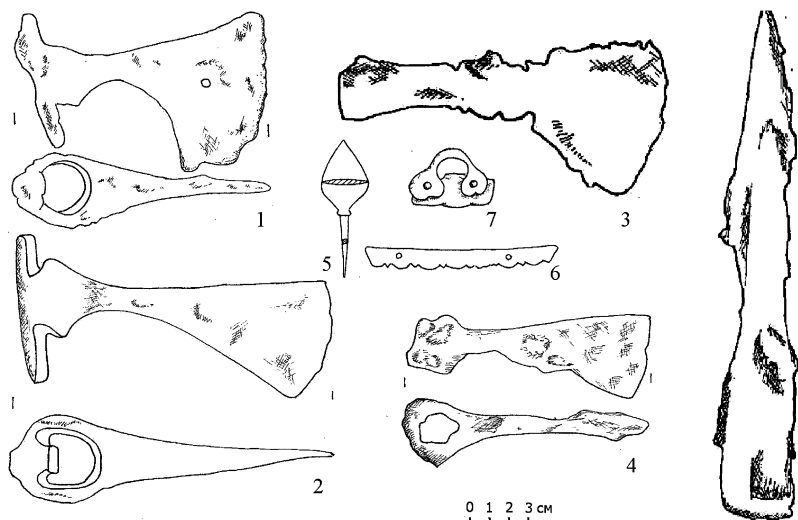


Рис. 11. Вооружение с курганных могильников: 1, 2, 6 — Табаевка, 4, 5 — Клонов, 7 — Звеничев, 3, 8 — Гушин.

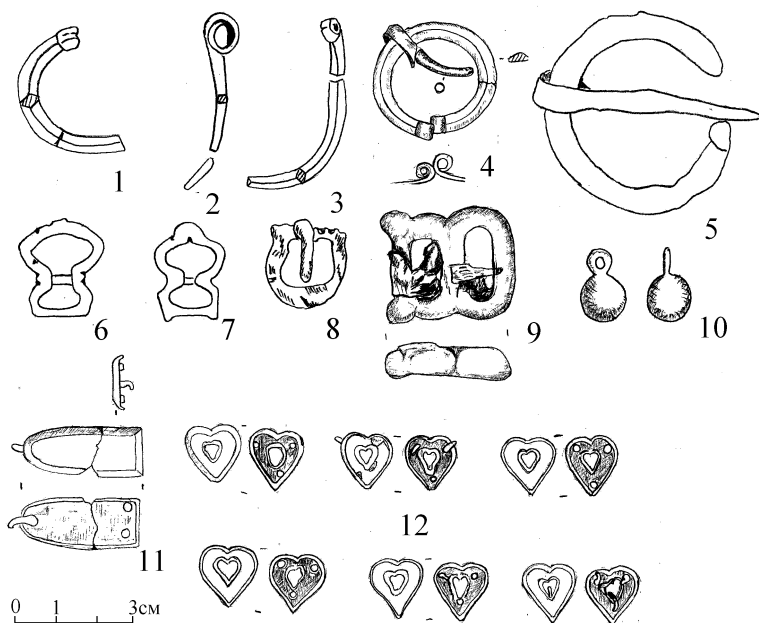


Рис. 12. Предметы дружинного быта: 1-4, 6-8 — Клонов, 5 — Рогощи, 6-12 — Табаевка.

Однако основной функцией подобных поселений было содержание дружинного контингента, что особенно ярко проявляется с середины — второй половины X в. На это указывает значительное количество предметов военного быта и вооружения, которое происходит из могильников, городищ и посадов. Среди раскопанных курганов с вооружением следует отметить «Большой курган» в Гушине. Под насыпью находилось камерное погребение, в котором был похоронен воин в кафтане с бронзовыми пуговицами. При нем был боевой топор, сходный по типу с топорами салтово-маяцкой культуры, копье, нож, сумка, аналогии которой имеются среди скандинавских древностей, серп, горшок и др. Рядом с покойником находился взнузданный конь, по бокам от которого лежали стремяна⁵². Камерные погребения с вооружением в виде топоров были исследованы на могильниках Табаевки, Клонова. Помимо этого в погребениях Табаевки, Клонова, а также Звеничева и Пересажа выявлены наконечники стрел, накладка на колчан (аналогичные накладки присутствуют в Гнездове, Шестовице и Чернигове), широколезвийные ножи⁵³ (Рис. 11). Отдельную категорию находок составляет конская сбруя, детали которой также найдены в значительном количестве. Среди находок, которые представляют воинский быт, значительное место занимают элементы, связанные с наборным поясом: пряжки, накладки, ременные концевики (Рис. 12). В.В. Мурашева связывает наличие подобных элементов костюма с представителями киевской великокняжеской дружины⁵⁴.

Судя по разнообразию погребального обряда на могильниках, население этих укрепленных пунктов было разноэтничным. Здесь присутствует как скандинавский компонент, так и угро-финский, и славянский. Сразу следует отметить, что количество скандинавских элементов на памятниках северной части рассматриваемой территории значительно уступает аналогичному показателю с Шестовицкого комплекса.

Как уже отмечалось, письменные источники мало информативны для данной территории X — начала XI в. Поэтому приходится прибегать к гипотетической историко-археологической реконструкции тех основных процессов, которые происходили в междуречье Днепра и нижнего течения Десны и отобразились в материальной культуре жителей укрепленных поселений в сс. Выползов, Шестовица, Гушин, Ро-

⁵² Самоквасов Д.Я. Могильные древности. С. 77.

⁵³ Моця О.П. Курганный могильник X в. у с. Клонов. С. 113–115; Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів. С. 64; Моця А.П. Табаевские курганы. С. 54–55.

⁵⁴ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 94.



Рис. 13. Вариант реконструкции внешнего вида воина второй половины X в. по материалам курганного могильника в с. Табаевка (рисунок автора).

гощи, Листвен, Клонов, Звеничев и, вероятно, Пересажа. Естественно, данная реконструкция условна.

Еще в VIII в. на территории междуречья Десны и Днепра существовали немногочисленные поселения представителей древностей вольтынецово-сахновского круга. Однако к середине VIII в. все они прекращают свое существование⁵⁵. Судя по археологическим материалам, со второй половины VIII по вторую половину IX в. территория

⁵⁵Петрашенко В.А. Вольтынецкая культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Київ, 1990. С. 47–50; Терпиловский Р.В. Старожитності другої —

остається незаселеною. На розглянутих пам'ятниках древності середини VIII — кінця IX в. відсутні. Трудно сказати, що послужило причиною подібного «запустення» території, однак факт залишається фактом. В.А. Петрашенко, досліджуючи волинцевські древності на Правобережжя, прийшла до висновку, що вони з'являються там синхронно з їх зникненням в междуріччя Десни і Дніпра. Дослідниця зв'язувала це з невідомими нам процесами, що відбулися на території, підвладній Хазарському каганату⁵⁶. Подібні висновки були зроблені і Р.В. Терпиловським⁵⁷.

Але вже з другої половини IX в. на лівий берег починає проникати древнерусська культура. Найбільш ранні артефакти, характерні для неї, фіксуються на укріплених комплексах в с. Виползов⁵⁸ і с. Шестовица⁵⁹.

Окрім південного шляху по Десні, з кінця IX — початку X в., ймовірно, формується і північний. Останній берег своє початок в літописі Любече (вперше згаданий під 882 г.). Цей шлях проходив по рекам Муравле і Белоусу⁶⁰. Саме на берегах цих рек розташовані перші поселення з матеріалами рубежа IX–X вв.⁶¹

Процес будівництва фортифікацій продовжувався весь X в. Так, в північній частині междуріччя до середини X в. укріплюються поселення в Гуштині, Оргощі і Звеничеві. Через Звеничев проходив літописний шлях «в Радимичі»⁶². У нас немає можливості зв'язати ці процеси з діяльністю князя Ігоря. Однак більш ранні літописні повідомлення згадують про те, що Олег, зміцнившись в Києві, почав «городів ставити»⁶³. Ймовірно, укріплені пункти в Виползові і Шестовиці входили до числа цих «городів».

третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 39–47.

⁵⁶Петрашенко В.А. Волинцевська культура. С. 50.

⁵⁷Терпиловський Р.В. Старожитності другої — третьої чверті I тис. С. 45–46.

⁵⁸Коваленко В.П., Скороход В.М. Виповзів — дружинний табір у нижньому Подесенні // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: історичні науки. № 6. Чернігів, 2006. Вип. 73. С. 66–93.

⁵⁹Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологічні дослідження Шестовицького комплексу в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С. 56–65.

⁶⁰Шекун О.В. До вивчення стародавніх водних шляхів Чернігівської землі // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: тез. допов. міжнар. наук. конф.. Київ, 1994. С. 39–40.

⁶¹Веремейчик Е.М. Сільські поселення Чернігівського Полісся кінця IX — першої половини XIII століття // Сільська Русь в IX–XVI століттях. М., 2008. С. 82–90.

⁶²Шекун А.В. Новые данные о летописном пути «в радимичи» // Деснинские древности. Сб. мат-в межгосударств. науч. конф., посвященной памяти М.Ф. Заверняева. Брянск, 2004. С. 28–32.

⁶³ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

В.П. Коваленко сделал попытку реконструировать события конца IX в., основанную на летописном сообщении 884 г. о походе князя Олега на северян. Исследователь пришел к выводу, что основное сражение между дружиной Олега и северянами произошло в летописном Сновске (совр. Седнев). Об этом, по его мнению, свидетельствует слой пожара на северянском городище в ур. Орешня⁶⁴. Однако, как бы ни была привлекательна данная гипотеза, к ней нужно относиться с определенной долей осторожности, поскольку исследованный участок был слишком мал, чтобы делать подобные выводы. Вместе с тем, следует согласиться с В.П. Коваленко, что с первой половины X в. в Сновске возникает уже древнерусская крепость с полиэтничным гарнизоном, а р. Снов становится природным рубежом между молодым Древнерусским государством и территорией северян⁶⁵.

О начале функционирования северного пути нет никаких письменных известий, однако можно предположить, что первые попытки его использования были сделаны после захвата Любеча в 882 г. С середины — второй половины X в. существовавшие укрепления в Шестовице и Оргоше перестраиваются⁶⁶. Возникают новые укрепленные пункты в Клонове и Листвене. Хронология существования этих памятников вполне увязывается с летописными сведениями о реформах княгини Ольги. Еще более обоснованным их существование выглядит во времена Святослава Игоревича. Именно его военные акции 60-х гг. X в., направленные против вятичей и Хазарского каганата, требовали сосредоточения на левом берегу Днепра большого количества дружин, а, соответственно, и мест для их содержания. На наличие княжеской дружины на Левобережье указывает присутствие княжеского воеводы Претича, который пришел спасать княжескую семью во время осады Киева печенегами в 968 г.⁶⁷ В свою очередь, территория нижнего междуречья Десны и Днепра должна была иметь экономический потенциал для содержания значительного числа воинов⁶⁸.

После военных походов Святослава укрепленные пункты междуречья были еще раз использованы во времена Владимира Святославича, в частности, в его кампаниях против радимичей и восточных северян. Прекращение активной военной экспансии со стороны древ-

⁶⁴ Коваленко В.П. Сновськ і «сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин, 2007. С. 31–37.

⁶⁵ Там же. С. 37.

⁶⁶ Скорород В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу. С. 6; Бондар О. Спроба реконструкції. С. 50.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 54.

⁶⁸ Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа. С. 27–29.

нерусских правителей в начале XI в. хронологически совпадает с заиханием жизни на всех вышеперечисленных памятниках.

В данной историко-археологической реконструкции остается открытым вопрос о роли Чернигова. Уже в X в. его опоясывали несколько линий укреплений⁶⁹, а огромный курганный некрополь вокруг города указывает на интенсивность жизни⁷⁰. Археологические данные и письменные источники не могут дать ответ на вопрос о наличии черниговского княжеского стола в X в. Был ли Чернигов в конце IX — X в. одним из центров северян? Скорее нет, поскольку единичные находки древностей роменского круга⁷¹ не дают основания считать этот город племенным центром. Вероятнее всего, Чернигов изначально возникает как один из основных центров Русской земли с общей для нее древнерусской культурой. Однако эта гипотеза требует дальнейшей разработки и проверки.

Таким образом, весь X в. на территории междуречья Днестра и нижнего течения Десны происходили процессы заселения и освоения водных и сухопутных путей. Залогом успешного завершения этих процессов стало существование укрепленных пунктов, таких как археологические комплексы в сс. Выползов, Шестовица, Гуцин, Рогощи, Клонов, Листвен, Звеничев и, возможно, Пересаж. Накопление демографических, экономических и военных ресурсов на этой территории позволило киевским правителям во второй половине X в. развернуть масштабные военные акции против еще не покоренных славянских племен северян, вятичей, радимичей и выйти в бассейны р. Сейма, Сожи, Оки и Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Бліфельд Д.І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1955. Т. 5.

Бондар О. Спроба реконструкції укріплень літописного Оргощу (за матеріалами досліджень 1981 р.) // Середньовічні старожитності

⁶⁹ *Бондар О.М., Ситий Ю.М.* Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави // *Воєнна історія Середньої Наддніпряниці*. Київ, 2012. С. 49–51.

⁷⁰ *Скороход В.Н.* Топографія Чернігова та Шестовиці в X — початку XI ст. (порівняльна характеристика) // *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи*. Чернігів, 2007. С. 125–132.

⁷¹ *Казаков А.Л., Черненко Е.Е.* Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії*. С. 119–123.

Центрально-Східної Європи: Матеріали ІХ Міжнар. студентської археологічної конф. Чернігів, 2010.

Бондар О.М. Обстеження пам'яток біля сіл Малий Листвен, Звеничів та Клонів Ріпкинського району Чернігівської області // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава, 2011.

Бондарь А.Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X — начале XI в. на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012.

Бондар О., Богуш О., Кравченко Р. Археологічні розвідки біля с. Пересаж Ріпкинського району Чернігівської області у 2011 р. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр». Чернигов, 2012.

Бондар О., Терещенко О. Археологічні розвідки на території Чернігівського району у 2011 р. // Археологические исследования в евро-регионе «Днепр». Чернигов, 2012.

Бондар О.М., Ситий Ю.М. Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави // Военна історія Середньої Наддніпряниці. Київ, 2012.

Брайчевський М.Ю. Аскольд — цар київський // Михайло Брайчевський. Вибране. Київ, 2009. Т. II.

Веремейчик Е.М. Сельские поселения Черниговского Полесья конца IX — первой половины XIII века // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008.

Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минувле Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1.

Добровольский П.М. Табаевские курганы (археологическая экскурсия). Чернигов, 1905.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Казаков А.Л., Черненко Е.Е. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Коваленко В.П. Головні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (IX–XIII ст.) // Уіж. 1983. № 8.

Коваленко В.П. Отчет о исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 году // Научный архив Института археологии НАН Украины. Чернигов, 1982.

Коваленко В.П. Происхождение летописных городов Чернигово-Северской земли (IX–XIII вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

Коваленко В.П. Сновськ і «сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин, 2007.

Коваленко В.П., Марченко В.Н. Гушинское городище близ Чернигова // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991.

Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003.

Коваленко В.П., Скороход В.М. Виповзів — дружинний табір у нижньому Подесенні // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: історичні науки. № 6. Чернігів, 2006. Вип. 73.

Коваленко В.П., Шеқун А.В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4.

Коваленко В.П., Шеқун О.В., Фомін О.В. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60.

Константин Багрянородный. «Об управлении империей» // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 2 / Сост. М.В. Бибииков.

Константинович Н.А. О курганах Черниговского уезда // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ, 1993.

Моця О.П. Українці: народ і його земля (етапи становлення). Київ, 2011.

Моця А.П. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тез. Черниговской обл.

научно-методической конф., посвященной 90-летию Черниговского исторического музея (декабрь, 1986 г.). Чернигов, 1986.

Моця О.П. Курганный могильник X в. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Київ, 1988.

Моця О.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Київ, 1987

Моця О.П. Південна «Руська земля». Київ, 2007.

Моця О.П. Погости в системі давньоруських наслених пунктів // Археологічні студії. Київ, Чернівці, 2003. Вип. 2.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.

Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Київ, 1990.

Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966 (САИ. Е1–24).

Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // СЭ. 1947. № VI–VII.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городам и могилам. М., 1908.

Скороход В.М. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX — на початку XI ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2011.

Скороход В.Н. Топографія Чернігова та Шестовиці в X — початку XI ст. (порівняльна характеристика) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Терпиловський Р.В. Старожитності другої — третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // *Щавелев С.П.* Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.

Черненко О.Е. Археологічна колекція Чернігівського історичного

музею ім. В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниця Української культури. Спецвипуск 1. Чернігів, 2007. Вип. 9.

Шекун А.В. Новые данные о летописном пути «в радимичи» // Деснинские древности. Сб. мат-в межгосударств. науч. конф., посвященной памяти М.Ф. Заверняева. Брянск, 2004.

Шекун А.В. Отчет Черниговской археологической экспедиции. Охранные археологические исследования на территории Черниговской области в 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1990/123. Чернигов, 1991.

Шекун О.В. До вивчення стародавніх водних шляхів Чернігівської землі // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: тез. допов. міжнар. наук. конф. Київ, 1994.

Шекун О.В., Веремейчик О.М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.

Шінаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Ширинский С.С. Курганы полян у с. Седнев // АО 1967 г. М., 1968.

Ширинский С.С. Курганы X в. у д. Пересажа // КСИА. 1969 г. Вып. 120.

РЕЗЮМЕ

В X в. в Южной Руси происходило формирование территории «Русской земли». В этом процессе одну из главных ролей сыграли укрепленные поселения в сс. Выползов, Шестовица, Лисвен, Рогощи, Гушин, Звеничев, Клонов и Пересажа. Социальный состав населения этих археологических комплексов был определен благодаря раскопкам на поселениях и могильниках. Поселенцы занимались ремеслами, торговлей, частично были заняты в сельском хозяйстве, но основной функцией данных поселений была военная. Их гарнизоны контролировали водные и сухопутные дороги. Оргощ и Листвен находились на пути между двумя городами Южной Руси — Черниговом и Любечем, а Звеничев замыкал единственный путь «в Радимичи», который проходил через Замглайское болото. Именно воины из этих укрепленных центров участвовали в покорении и включении в Древнерусское государство племен северян, радимичей и вятичей.

Ключевые слова: Русь, укрепленные поселения, военные гарнизоны, ремесло, торговля, пути.

ABSTRACT

In the Southern Rus' the tenth century is characterized by the formation of the territory of the Russian state. Fortified settlements like those excavated in the villages of Vypolzov, Shestovitsa, Listven, Rogoschi, Gushchin, Zvenichev, Clonov and Peresazh played a major role in this process. Social composition of the population of these settlements was defined basing on the materials from necropolises and settlements as consisting of craftsmen, merchants, peasants, but mainly of warriors. Military service was the main function of their inhabitants. They controlled the water and land routes that crossed the surveyed territory. Orgosch and Zvenichev were located between two early cities of Southern Rus', Chernigov and Lyubech, and Zvenichev controlled the only route "to the Radimichi" through the bogs of Zamglay. The warriors of these settlements were involved in subjugation of Slavic tribes of Severyans, Radimichi and Vyatichi to the Kievan princes.

Key words: Rus', fortified settlements, garrisons, craft, trade, routes.

Н.И. Платонова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОГОСТЫ — НОВАЯ СТАРАЯ ПРОБЛЕМА

ВВЕДЕНИЕ

В письменных источниках XV–XVI вв. (в первую очередь, Новгородских писцовых книгах, далее — НПК) погосты выступают как первичная ячейка системы налогообложения и территориального деления Новгородской земли (округа), а центры их («погосты-места») одновременно являются центрами церковных приходов. При этом достаточно отчетливо выступает территориальная специфика данного явления — в законченном, сложившемся виде мы наблюдаем систему погостов только в Новгородчине. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: ведь термин «погост» прекрасно известен как позднесредневековым, так и древнерусским письменным памятникам, причем упоминания о погостах связываются отнюдь не с одной Северной Русью.

Начиная с 1980-х гг. к решению указанной проблемы стало возможным привлечь новый корпус источников — археологические данные, позволившие более предметно представить себе ту самую «сельскую округу» X–XIV вв., которая еще в середине XX в. оставалась для историков чем-то совершенно отвлеченным. Теперь же у нас стали накапливаться ее конкретные характеристики.

Археологические данные эпохи раннего Средневековья, отражающие пространственную группировку, функции и социальные связи между поселениями того или иного региона, несут качественно новую информацию о характере территориального деления этих земель. Изучение факторов, обусловивших формы сельского расселения на определенной территории в тот или иной период, вплотную подводят нас к изучению ее административных структур. Анализ этих структур нельзя считать законченным, пока его результаты не будут переведены

на язык древнерусских социально-административных понятий и терминов. Такие аспекты историко-археологического исследования, как характер расселения (равномерный или очаговый), густота сети поселений, их пространственная группировка, функциональные особенности и т. п., имеют прямой выход на проблему древнерусских погостов.

Отмечу особо: появление этой новой информации вовсе не отменяет необходимости критического источниковедческого анализа всего комплекса древнерусских письменных источников по проблеме, а, скорее, делает его еще более насущным. Первая попытка свести эти данные воедино и рассмотреть в их контексте археологический материал была предпринята автором настоящей статьи в конце 1980-х гг. в рамках комплексного исследования северо-западных земель Великого Новгорода. Его результаты освещены в целом ряде публикаций¹. Однако, в силу ряда обстоятельств, из собственно исторической части работы, посвященной древнерусским письменным источникам, в печать попали лишь незначительные отрывки. Настоящая статья является ее первой, более или менее полной публикацией.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ: ВЗГЛЯДЫ НА СИСТЕМУ ПОГОСТОВ В ОБЩИХ ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Проблема происхождения и функционирования древнерусских погостов привлекала внимание историков еще со времен Н.М. Карамзина². Однако мнения подавляющего большинства исследователей по данному вопросу являлись, скорее, выводами из общих концепций, чем результатом источниковедческой проработки материала. Степень информативности каждого взятого в отдельности известия о погостах сравнительно невелика. Возможность их толкований долгое время оставалась неограниченной в силу разнородности и отрывочности источников.

¹ *Платонова Н.И.* Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173–186; *Она же.* Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 103–108; *Она же.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 68–88; *Она же.* О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195; *Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. С. 165.

Историки «государственной» школы видели в системе погостов древнейшую государственную разверстку Русской земли, а центры погостов считали «станами», местами остановок князей и их мужей в полюдье³. В.О. Ключевский трактовал их с позиций сформулированной им «торговой» теории происхождения Древнерусского государства — как сборные торговые пункты, объединявшие население окрестных сел. При этом он опирался на несомненную близость самого термина к древнерусскому «гость», «гостити», указывавшую, по его мнению, на торговую функцию указанных центров⁴. Определение границ погостов ученый приписывал уже княжеской власти, не отрицая при этом религиозного и административного значения погостов-пунктов, приобретенного ими в ходе дальнейшего развития⁵.

Двойственную позицию занимал в данном вопросе М.А. Дьяконов. Разделяя мнение В.О. Ключевского о первичности торговой функции погостов, он, тем не менее, указывал, что они «еще в дохристианское время» имели значение административных пунктов и округов⁶.

А.Е. Пресняков считал большую роль погостов в торговле надуманной, навеянной мнимой связью слова «погост» с глаголом «гостити». Впрочем, убедительного альтернативного толкования он так и не привел. Представления исследователя о системе погостов как о чисто административном учреждении киевских князей были обусловлены тем, что, по его мнению, основная масса населения Древней Руси жила исключительно натуральным хозяйством, «ничего не продавала, а отдавала даром»⁷.

Попытка примирить разноречивые мнения историков по данному вопросу была сделана С.Б. Веселовским. Суть его взглядов сводилась к тому, что погосты возникали на месте древних мольбищ и первоначально были центрами, куда периодически собирались крестьяне для жертвоприношения и торговли. Посещали их и заезжие «гости» — купцы и княжие мужи. Так погосты очень рано оказались связаны с полюдьем. Позднее за ними закрепилось значение податных, судебных и приходских округов. Разложение указанной системы иссле-

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1–5

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. С. 148. Ч. 1.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910. С. 183–184.

⁷ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси (очерки из истории X–XII столетий). СПб., 1909. С. 162–173.

дователь считал результатом расширения иммунитетных привилегий феодалов⁸.

Концепция С.Б. Веселовского, изложенная во вводной части к работе, посвященной сельским поселениям XIV–XVI вв., не была подкреплена специальным анализом источников о древнейших погостах и носила, в сущности, умозрительный характер. Попытку такого анализа можно найти в работах Н.Н. Воронина, безоговорочно отождествившего погосты северной Руси с территориальными общинами. Причину отмирания этой системы Н.Н. Воронин, подобно С.Б. Веселовскому, видел в разрушении общины вторжением феодальной земельной собственности⁹. Подобные представления явно сформировались под влиянием так называемой «общинной» и «задружной» теорий происхождения Древнерусского государства. Именно у сторонников этих теорий мы находим характерное для Н.Н. Воронина отождествление древнерусской верви с задругой и трактовку погоста, как территориального союза мелких поселков, образовавшегося путем постепенной колонизации окрестных угодий¹⁰.

Признание общинной основы древнерусского погоста (как правило, со ссылкой на Н.Н. Воронина) было характерно и для ряда ученых 1960–1980-х гг.¹¹ Но отметим: самому Н.Н. Воронину обосновать указанный тезис не удалось. Письменные источники оказались привлечены им далеко не полностью, их критический анализ практически отсутствовал. Попытка исследователя опереться в своих выводах на археологические данные потерпела неудачу по причине очень малой изученности древнерусских сельских поселений в 1930–1950-е гг.

Б.А. Романов, выступивший с критикой построений С.Б. Веселовского и Н.Н. Воронина, решительно утверждал, что ни одно конкретное известие источников «не дает никаких намеков на монообщинность... погостов в отношении землепользования»¹². Трактовка погоста-округа как общины и погоста-центра как мольбища вызвала у него резкие возражения. Подобно А.Е. Преснякову, он

⁸ *Веселовский С.Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. (историко-социологическое исследование о типах городских поселений). М.; Л., 1936. С. 13–20.

⁹ *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935. С. 19–20, 27; *Он же.* Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 183–184.

¹⁰ *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1. С. 130; *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. С. 263.

¹¹ *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 34; *Черепнин Л.В.* Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. С. 324–325. Т. I.

¹² *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Труды ЛОИИ. 1960. Т. 2. С. 327–476, 414.

считал административно-фискальные функции погостов первичными и основными. Систему погостов на Руси Б.А. Романов связывал, в первую очередь, с существованием полюдья как архаического, раннефеодального способа сбора дани. Соответственно, и отмирание этой системы в XIII–XIV вв. объяснялось им не столько развитием иммунитета, сколько исчезновением полюдья из управленческой практики¹³.

В работе Б.А. Романова имеется немало примеров тонкого, квалифицированного анализа исторических источников о погостах и оценки содержащейся в них информации. Однако и тут обращение к источникам носило явно выборочный характер. Производилось оно по ходу критического разбора концепций Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского. Основное внимание исследователя занимали погосты Северо-Восточной Руси. В своих рассуждениях он сознательно абстрагировался от материалов северо-западных областей России, лишь вскользь упомянув об их региональной специфике¹⁴. В результате выводы Б.А. Романова нередко оказываются в противоречии с источниками, происходящими с этих территорий. В частности, материалы Псковской земли и Новгородского Северо-Востока недвусмысленно указывают на излишнюю категоричность тезиса об отсутствии даже «наметок» на территориально-общинный характер владения землей жителями одного погоста¹⁵.

Систематический обзор данных о древнейших погостах отсутствует и в капитальном исследовании А.Н. Насонова, посвященном исторической географии Древней Руси. Но по ходу изложения материала в его книге был высказан ряд плодотворных мыслей о сущности погостской системы и характере ее формирования. Не отрицая роли погостов как территориальных центров эпохи раннего Средневековья, А.Н. Насонов был склонен считать, что все они «первоначально... имели значение „становищ“, ...откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная...». Одновременно он подчеркнул пропорциональную зависимость между плотностью населения погоста и его размерами. Новым в трактовке А.Н. Насонова оказалось то, что он прямо заговорил об *эволюции системы* погостов, дроблении их территории по мере роста населения и о том, что «новые

¹³ Там же. С. 345–357.

¹⁴ Там же. С. 344.

¹⁵ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских. 1853. Т. 8. С. 104; *Перельман И.Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 145–146; *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966. С. 16, 59–60.

погосты, как поселения, могли быть совсем иного происхождения, чем погосты-поселения старые»¹⁶.

В дальнейшем взгляды А.Н. Насонова на древнерусские погосты получили продолжение в трудах М.Б. Свердлова, подчеркнувшего историческую эволюцию термина «погост» и обозначаемых им реалий. Первоначально так назывались, по его мнению, специально построенные дворы или села, ставшие традиционными местами остановок сборщиков дани. В дальнейшем погост приобрел значение административного округа, приходского центра, места торговли и т. п. Разногласия историков в определении роли погостов в древнерусской жизни М.Б. Свердлов объясняет невниманием исследователей к быстрому изменению семантики термина и абсолютизацией отдельных сторон одного и того же явления. В своей трактовке причин исчезновения погостской системы в южнорусских землях исследователь идет по стопам С.Б. Веселовского и Н.Н. Воронина, объясняя его широким распространением княжеского и боярского землевладения. Длительное сохранение погостов на севере Руси было обусловлено, по мнению М.Б. Свердлова, непрерывностью процесса внутренней и внешней колонизации, продолжавшегося в этом регионе¹⁷.

Последнее утверждение отчасти восходит уже к иной концепции, сформулированной Б.А. Рыбаковым. Трактовка древнерусских погостов этим исследователем отличалась по тем временам значительной новизной. В противоположность Б.А. Романову и многим другим ученым, связывавшим функционирование системы погостов с существованием полюдья, Б.А. Рыбаков видел в них опорные пункты сбора дани *вне зоны полюдья*. Таким образом, появление погостов связывалось им с начальным этапом окняжения земель и расширением сферы государственного влияния на новые территории¹⁸.

Еще дальше по тому же пути пошел в своих рассуждениях И.Я. Фроянов, резко разграничивший понятия «дань» и «полюдье». Дань, по его мнению, могла собираться лишь с населения с принижённым социальным статусом — представителей покоренных племен или полоняников, посаженных на землю. Именно к этим социальным группам приложимо понятие «смерды». Центрами сбора дани в округе, заселенной смердами, и являлись погосты, не имевшие никакого

¹⁶Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 95–96.

¹⁷Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 62–64.

¹⁸Рыбаков Б.А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 44–47.

отношения к местам остановок князей в полоудье на землях свободных общинников¹⁹.

В работах И.Я. Фроянова встречаются противоречивые суждения по данному вопросу. Так в книге, написанной в соавторстве с А.Ю. Дворниченко, содержится трактовка погостов как центров общин славян-кривичей. По мнению авторов, в грамоте Ростислава Смоленского XII в. отразился, в частности, процесс формирования «микроволости» Вержавляне Великие, состоявшей из девяти погостов, плативших большую дань (1000 гривен). «Очевидно, дань сначала выплачивалась прямо в Смоленск. Постепенно Вержавск объединяет погосты (погосты — скорее всего центры общин) вокруг себя, в него начинает „сходиться“ дань, образуется союз общин во главе с торгово-ремесленной и земледельческо-землевладельческой общиной главного города... По такому пути, собственно, шли все погосты, существование которых отразилось в грамоте. Все они начинали стягивать небольшие волости и проявлять тенденции к превращению в города...»²⁰.

Однако в монографии о Новгороде Великом, опубликованной несколькими годами позднее, И.Я. Фроянов продемонстрировал верность своим представлениям о погостах как административных центрах в землях покоренных неславянских племен. Прочитав известие ПВЛ об «установлении» княгиней Ольгой погостов и даней по Мсте и Луге в 947 г., автор без тени сомнения утверждает: «...Если учесть, что по Луге жила вода, а по Мсте „сидела“ весь, то легко понять, что цель Ольги здесь состояла в получении дани с названных иноязычных племен...»²¹. Увы, профессиональному археологу совсем не «легко» понять эту сокрушительную логику автора, а уж согласиться с его трактовкой населения нижнего/среднего Помостья или верхнего Полужья, входивших в основное ядро Новгородских земель, — и вовсе невозможно. Еще к моменту опубликования книги в 1992 г. подобное суждение успело устареть лет на 20.

В рамках того же подхода, трактующего древнейшие погосты без серьезного анализа самого понятия по источникам, исключительно в русле общих концепций истории Древней Руси, можно рассматривать и известную гипотезу В.Я. Петрухина и Т.А. Пушкиной²². По мне-

¹⁹ Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. Сер. истории. 1966. № 2. С. 62–73; *Он же*. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974. С. 113–126.

²⁰ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 45.

²¹ Фроянов И.Я. Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII века. Л., 1992. С. 128.

²² Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории Древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

нию авторов, исследованные археологами во второй половине XX в. открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП) IX–XI вв. (Гнёздово, Шестовицы, Рюриково городище, Тимерёво и пр.), приуроченные к важнейшим торговым путям и нередко называемые в современной археологической литературе «протогородами», представляют собой «*великокняжеские дружинные погосты*». Их расположение вблизи древнерусских городов, более тесно связанных с прилегающей округой и являвшихся, по мнению авторов, племенными (или «первичными») центрами (Смоленск, Новгород, Ярославль и пр.), трактуется, как противостояние, закончившееся в XI в. экономической победой городов и упадком ОТРП («вторичных центров»).

По справедливому замечанию Е.Н. Носова, такая постановка вопроса предполагает, что «племенные центры» должны быть заведомо древнее «великокняжеских погостов». «В действительности, судя по археологическим материалам, все было наоборот — древнее центры „вторичные“, по В.Я. Петрухину и Т.А. Пушкиной. Если это так, то и все дальнейшие построения исследователей оказываются искусственными...»²³.

Если же рассматривать концепцию авторов с точки зрения проблемы развития древнерусских погостов, то приходится признать: указанный термин был привлечен для обозначения такого явления, как ОТРП, совершенно произвольно. Собственно, какие источники позволяют утверждать, что погосты вообще были «великокняжескими» и «дружинными»? Какие источники говорят о «противостоянии» и экономическом соревновании погостов с крупными ранними городами, подобными Новгороду, Смоленску и Ярославлю? Откуда можно заключить об их упадке, в связи с «интенсивной феодализацией», в XI в.? На мой взгляд, никаких оснований для поддержки указанных тезисов на данный момент нет. Налицо неправомерное отождествление двух совершенно разных явлений в истории Древней Руси — протогорода и погоста.

2. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Параллельно описанному выше подходу в отечественной науке XIX–XX вв. развивалось и иное направление исследований интересу-

²³ Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя: новые материалы и исследования. СПб., 2005. С. 20.

ющих нас материалов. В основу его легли успехи в области историко-географических и статистических методов изучения писцовых книг XV–XVI вв. Начало работам такого рода положил К.А. Неволин, который предпринял первую попытку систематизировать все имеющиеся данные письменных источников о погостах²⁴. Он стал основоположником ретроспективного метода изучения древнерусской административной системы по писцовым материалам.

Картографирование данных НПК и наблюдения над характером границ новгородских пятин и погостов позволили исследователю высказать обоснованное предположение о глубокой древности погостского деления в том виде, как оно было зафиксировано московскими переписями. Напротив, пятинны ученый счел нововведением конца XV в. Свои представления об исконности системы погостов в Новгородчине он постарался обосновать с помощью более ранних материалов. Эта работа оказала огромное влияние на весь последующий ход исследований в данной области.

Параллельно К.А. Невוליным была предпринята попытка установить соответствие погостов-центров, учрежденных князьями, местам «дохристианского богослужения», располагавшимся, по его мнению, на городищах. Здесь автор явно следовал в русле представлений З. Доленга-Ходаковского о городищах как славянских святилищах, «храмах под открытым небом», вокруг которых должны были располагаться урочища, посвященные языческим богам. Стоит отметить: в период, когда К.А. Неволин производил свои исследования, указанная гипотеза являлась вполне актуальной. Русская археология еще не располагала более точными сведениями на этот счет²⁵. Указанная часть концепции К.А. Невוליной — наиболее умозрительная и потому наиболее слабая — была подхвачена целым рядом историков. Но в наши дни она сохраняет лишь историографический интерес.

В русле традиции, созданной К.А. Невוליным, был подготовлен целый ряд работ, вышедших из печати на рубеже XIX–XX вв.²⁶ Все они, как правило, вводили в научный оборот новые данные, осно-

²⁴ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах.

²⁵ *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1991. С. 66–68.

²⁶ *Панков А.А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // *Русский вестник*. 1898. Т. 258. Кн. 11. С. 55–85; Кн. 12. С. 13–34; *Нордман Н.Н.* Географическое положение погостов — округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. (с картой 17 погостов Шелонской пятины) // *Изв. Русского географического общества*. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 529–592; *Сергий (Тихомиров)*. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (с приложением алфавитных списков сел, деревень, починков и пустошей, названных в писцовой книге 1500 г., алфавитного списка помещиков и карт Водской пятины и ее погостов в 1500 г.). СПб., 1905.

ванные на приложении методов картографирования и статистической обработки к изучению НПК. Выводы обычно представляли собой комментарий к карте и таблицам. Исследователи уточняли границы позднесредневековых погостов, давали им характеристики по степени освоенности, людности и т. п.

Ретроспективные выкладки К.А. Неволина относительно древнейших погостов получили продолжение в трудах А.М. Андрияшева, который проанализировал, вкупе с НПК, весь наличный комплекс картографических материалов XVIII–XIX вв. по Шелонской пятине. Предпринятая им локализация сельских поселений XV–XVI вв. отличалась высокой степенью точности²⁷. Обеспечив надежную базу историко-географических фактов, автор с большой вероятностью сумел определить границы каждого погоста-округа. Развивая взгляды К.А. Неволина на происхождение погостского деления, ученый выдвинул в качестве аргумента свои собственные наблюдения над границами погостов, повсеместно обусловленными географическими факторами (непроходимые леса, болота). По его мнению, эти мелкие округа складывались постепенно и органично, в ходе процесса первичного земледельческого освоения местности²⁸. Работа А.М. Андрияшева наглядно продемонстрировала богатые возможности историко-географического исследования, произведенного на базе писцовых материалов.

Впрочем, аргументация автора в пользу древности естественно-географических рубежей между погостами не всегда оказывалась убедительной. Реальная степень заселенности Новгородских земель в древнерусский период была ему неизвестна. В настоящее время сплошное археологическое исследование отдельных регионов ясно показало: формирование границ округов на подобной основе не обязательно свидетельствует об их раннесредневековой датировке. Основные поселенческие ядра разных погостов складывались в различные периоды — от IX–X до XIII–XIV вв. Однако границы округов заведомо поздней стадии формирования зачастую носят столь же несомненный естественно-географический характер, что и границы погостов, локализуемых в областях первоначального земледельческого освоения Новгородчины. Таким образом, построение исторических ретроспекций на основе данных НПК требует большей осторожности.

²⁷ *Андрияшев А.М.* Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Карты погостов. СПб. 1913.

²⁸ *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914. С. XXI–XXII.

Так или иначе, заключения К.А. Неволлина и А.М. Андрияшева о характере позднесредневекового погостского деления Новгородчины и его древнерусских корнях долго являлись последним словом науки по данному вопросу. Дальнейшее изучение НПК пошло по иным направлениям, оставив в стороне проблему формирования той административной системы, которую они зафиксировали в сложившемся виде. Очередная попытка ретроспективного анализа писцовых материалов была предпринята лишь в 1970-х гг. А.Я. Дегтяревым — уже на принципиально иной основе по сравнению с дореволюционными исследованиями²⁹. Помимо карты средневековых деревень XV–XVI вв., в распоряжении автора уже имелась археологическая карта древнерусских памятников Новгородской земли (в основном курганных могильников), давшая обильный материал для сопоставления. Впрочем, попытка ее анализа в работе А.Я. Дегтярева оказалась неудачной. Древнерусские памятники были взяты не дифференцированно — почему и не удалось проследить никаких отчетливых изменений в характере расселения и пространственной группировке населенных пунктов с X по XVI в. Резонному предположению автора, что истоки средневековой системы расселения уходят в древнерусский период, сопутствовали серьезные ошибки в хронологических расчетах. Так, например, формирование древнерусской курганной культуры на Северо-Западе России начинается не в X в., как долгое время считалось, а не ранее второй половины XI в. В методике анализа археологических данных, применявшейся автором, тоже имелись изъяны — картину, сложившуюся к XIII в., не следовало некритически переносить в более раннее время.

Тем не менее общая направленность работы А.Я. Дегтярева была перспективной. Она соответствовала наметившейся в отечественной науке 1970–1980-х гг. плодотворной тенденции — сочетать ретроспективный анализ письменных источников XIV–XVI вв. с изучением данных археологии и топонимии. Соответственно, оживились и попытки ретроспективного исследования системы погостов НПК — уже на принципиально новом уровне. Этому способствовали производство широкомасштабных археологических разведок, картирование раннесредневековых памятников и начало систематических раскопок сельских поселений.

Метод, применяемый в исследованиях такого рода, основан на комплексном использовании данных различных дисциплин, включая ар-

²⁹ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

хеологию, историческую географию, топонимию, эпиграфику и т. д. («комплексное источниковедение»). Разработка метода на современном уровне в значительной степени является заслугой В.Л. Янина. Производилась она уже не столько на базе изучения НПК, сколько на материалах более ранних памятников письменности и археологии Новгорода. В 1980-х гг. в этом ключе была выполнена целая серия работ — самого В.Л. Янина, Е.Н. Носова, С.З. Чернова и др. Тогда, в частности, было показано, что окончательное формирование границ погостов эпохи НПК на землях, ближайших к Новгороду (Поозерье), произошло уже в эпоху позднего средневековья³⁰. Это согласуется с мнением А.М. Андрияшева о существовании здесь ряда позднейших погостов, «раздробивших» территорию более древнего округа³¹.

В последние десятилетия комплексные разработки в данном направлении продолжали неуклонно развиваться. На их материалах можно выделить два доминирующих подхода — историко-археологический и историко-географический (хотя в современных исследованиях они чаще выступают как взаимосвязанные). Как уже говорилось, на рубеже 1970–1980-х гг. проблема погостов и погостского деления территорий привлекла внимание профессиональных археологов, начавших сплошные обследования исторических микрорайонов и раскопки целых серий древнерусских сельских поселений. Археологическая составляющая в таких исследованиях, как правило, преобладает. Реконструкция наиболее ранних, древнерусских этапов истории погостской системы ставилась (и ставится ныне) как одна из первоочередных целей³².

³⁰ Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

³¹ Андрияшев А.М. Материалы. С. XXIV.

³² Харлашов Б.Н. К вопросу о формировании и развитии погостов и писцовых книг в Псковской земле // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практич. конф. Псков, 1986. С. 32–33; *Он же*. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 70–76; *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988; *Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М.* Древнерусский протогородской центр; *Конецкий В.Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 89–116; *Он же*. Проблемы и перспективы микрорегиональных историко-археологических исследований (на примере района низовьев реки Холмовы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новгород, 1995. С. 7–9; *Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 76–81; *Макаров Н.А.* Сельские приходы XV–XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып 3 (URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ril/lov/2.htm>); *Ma-*

Параллельно в 1990–2000-х гг. были продолжены историко-географические исследования позднесредневековых источников — в первую очередь, новгородских. Изначально они строились в традиционном ключе — по классической методике К.А. Неволлина и А.М. Андрияшева. Однако базовый комплекс материалов, положенных в основу, оказался заметно расширен по сравнению с работами начала XX в. Увеличение источниковой базы достигалось, с одной стороны, за счет архивных изысканий, поиска новых письменных и картографических материалов. С другой стороны, важную роль сыграло начало широкого полевого изучения памятников эпохи позднего Средневековья и Нового времени, включившее в себя раскопки и сбор историко-этнографических материалов. На повестку дня встали: более углубленная разработка вопросов средневекового землевладения, проблема связи погостской системы с сетью средневековых коммуникаций, исследование сельского храмового строительства XVI–XVII вв. и др.³³

3. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГОСТАХ X–XIII ВВ.

3.1. Известия о погостах X–XI вв.

Как уже было показано выше, отрывочность данных древнерусской письменности о погостах издавна являлась причиной разноречивых мнений о них, грешивших порою чистой умозрительностью. К сожалению, попыток свести воедино весь массив письменных источников, несущих информацию по данной проблеме, не предприни-

каров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001; Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

³³ Харлашов Б.Н. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000; Селин А.А. Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в. // Церковная археология. Мат-лы 1-й всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания. Вып. 26, ч. 2). Санкт-Петербург; Псков, 1995. С. 120–122; *Он же*. Ивангородская дорога. СПб., 1996; *Он же*. Сельское храмовое строительство в Водской пятине конца XVI — начала XVII вв. // Первые Димитриевские чтения. Мат-лы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. 1996. С. 204–210; *Он же*. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятин. СПб., 2003; Фролов А.А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятин Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; Безус Н.Б. Северные погосты Деревской пятин в конце XV — XVI вв.: расселение и землевладение. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2002.

малось вплоть до конца 1980-х гг., но и то, что было сделано тогда, осталось, по сути, не опубликованным³⁴. В дальнейшем, несмотря на большой размах региональных комплексных исследований в последние десятилетия, новой попытки обобщить эту информацию так и не было предпринято. Между тем необходимость подобной работы очевидна. Накопившийся археологический и историко-географический материал требует сопоставления не с отдельными, вырванными из контекста фактами, а со всем комплексом данных древнерусской письменности о погостах. Это заставило меня сейчас вновь вернуться к этой теме. Отдавая себе отчет в возможной неполноте обзора, я полагаю: он содержит некоторую «информацию к размышлению», небесполезную для коллег.

Древнейшим летописным известием о погостах иногда считается упоминание ПВЛ под 6390 (882) г. о том, что «Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери»³⁵. На основании этого порой делаются далеко идущие выводы о прекращении сбора дани «наездом», организации погостов и строительстве на них укрепленных центров³⁶. Разумеется, закладка крепостей на недавно захваченных землях могла преследовать самые различные цели, в том числе и упорядочение сбора дани. И все же для того, чтобы говорить об отмене дани «наездом», отождествляя Олеговы «города» с погостами, следовало бы точнее представлять себе размеры территорий, контролируемых упомянутыми «городами». В действительности, отход от практики «наездов» был возможен лишь при наличии сложившейся системы поселений — опорных пунктов княжеской власти. Переводить «города» словом «погосты», на мой взгляд, нет никаких оснований. Как будет показано ниже, древнерусские книжники XI–XII вв. хорошо знали значение слова «погост». Однако в данном случае летописец говорит не о погостах, а именно о городах.

3.1.1. Устав кн. Владимира Святославича. Древнейшее достоверное письменное свидетельство о погостах — Устав кн. Владимира Святославича — четко разграничивает эти два понятия. Там говорит-

³⁴ *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы; *Она же.* Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торпец, 1990. С. 103–108.

³⁵ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII в. М., 1978. С. 38.

³⁶ *Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Начальные этапы урбанизации и становления государства (по материалам Древней Руси и Скандинавии) // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 99–108.

ся: «...и по всем городам дал есмь, и по погостам, и по свободам, где крестьяны суть... (выделено мной. — Н.П.)»³⁷.

Цитированный отрывок Устава Владимира присутствует во всех редакциях этого памятника и реконструируется исследователями в составе древнейшего ядра текста, восходящего, по-видимому, к 995 г. (появление «Уставной грамоты Десятинной церкви»)»³⁸. Попытки увидеть тут полный перечень типов поселений, существовавших на Руси при Владимире, подверглись в литературе критике³⁹. Действительно, трудно представить себе, что на рубеже X–XI вв. на Руси были известны только «погосты» и «свободы» и отсутствовали «села». Этому противоречат летописные упоминания о «селах», приуроченные к X в., и распространенность этого понятия в XI в.⁴⁰

С другой стороны, совокупность городов, погостов и свобод явно олицетворяет в данном контексте *всю землю*, на которую распространяется действие Устава. Жители земли недвусмысленно названы при этом «христианами» («крестьяны»). Сочетание этих двух факторов представляется важным моментом. Поскольку указанный фрагмент текста реконструируется в числе тех, что были перенесены в Устав Владимира из Уставной грамоты Десятинной церкви 995 г., из сферы его приложения заведомо следует исключить значительную часть территории Руси, где христианизация происходила позднее. Указанная грамота еще не была общерусским уставом, она лишь подтверждала права и привилегии Десятинной церкви в Киеве. Следовательно, в первоначальном варианте конца X в. фраза «и по погостам, и по свободам, где крестьяны суть» *подразумевала лишь часть* Среднего Поднепровья, а именно — Киевскую землю. Здесь сельское население, безусловно, было крещено уже в первые годы после принятия христианства князем и главным городом. Во всяком случае, Устав Владимира представляет собой весомый аргумент в пользу такого предположения⁴¹.

³⁷ ДКУ. С. 15, 18.

³⁸ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 121–126.

³⁹ Романов Б.А. Изыскания. С. 340.

⁴⁰ Повесть временных лет. С. 74; ПРП. Вып. 1. С. 79; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 31.

⁴¹ Данное предположение, на мой взгляд, вовсе не противоречит тому факту, что на практике сельское население Руси и после крещения продолжало сохранять в быту немало языческих традиций (Рыбаков Б.А. Язычество. С. 456–752). Эти традиции, на которые нередко обращают повышенное внимание археологи, на деле есть просто культурные нормы, сложившиеся на базе предшествующего развития данной группы населения. С переменой религии они, разумеется, не исчезали бесследно: это противоречило бы всем мыслимым закономерностям развития культуры. Они видоизменялись и, самое главное, теряли свои былые идеологические смыслы.

Позднее, в XI–XII вв., по мере дальнейшего формирования текста Устава, упомянутый отрывок мог получить территориально более широкое толкование. Показательно, что в ряде позднейших редакций, созданных в те времена, когда понятия погостов и свобод заведомо не могли охватить *всю* сельскую округу, указанный перечень стал дополняться выражениями: «и по всей земли», «по всей Русской земли», «по своим домом и по селом боярским, и по домом, где суть христиане» и т. п.⁴²

Таким образом, хотя рассмотренный отрывок и не содержит исчерпывающего перечня типов поселений на Руси конца X — XII вв., не следует видеть в нем случайный, заведомо неполный набор терминов. Возможно, они обозначают административно-территориальные единицы — города с их ближайшей округой и сельские округа различного статуса, чья совокупность в определенный период могла охватывать всю землю, уже подвергшуюся окняжению. Но имеется одна деталь, которая заставляет сместить акценты.

Все статьи Устава Владимира, предшествующие рассмотренному нами отрывку, трактуют *о податях и судах*. Именно десятина от всех доходов киевского князя и право суда над некоторыми видами преступлений «даются» отныне церкви в каждом городе, каждом погосте и каждой свободе. Так не будет ли закономерным предположить, что в списке перечислены именно *центры сбора доходов и судопроизводства* — и не упомянуты те виды поселений, которые заведомо не являлись такими центрами (села, веси и т. п.)? Четкое разграничение городов, погостов и свобод объясняется, по-видимому, различным статусом их населения. Если учесть, что с погостами в дальнейшем устойчиво связывались податные функции, а свободы/слободы в средневековых источниках означают поселения на льготе⁴³, их разграничение выглядит оправданным и демонстрирует единый принцип, которым руководствовались составители Устава.

Наиболее беспорным выводом из указанного текста представляется существование погостов как окружных центров на территории основного ядра Русской земли в Среднем Поднепровье не позднее последней четверти X в.

Принадлежность к христианству определяется на духовном и мировоззренческом уровне — точно так же, как ключевым этническим признаком является этническое самоопределение.

⁴² ДКУ С. 46, 74–75.

⁴³ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 13; Романов Б.А. Изыскания. С. 343.

3.1.2. Известия ПВЛ о княгине Ольге и проблема погостов.

Важным свидетельством о погостах X–XI вв. служит сообщение ПВЛ, датированное 947 г. Текст его гласит:

В лето 6455 (947). Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивше, възратися к сыну своему Киеву и пребываше с ним в любви⁴⁴.

подавляющее большинство ученых всегда относились к этому сообщению с доверием. Противоположные мнения высказывались редко, да и продиктованы были, скорее, общими соображениями, чем критическим отношением к данному конкретному летописному отрывку⁴⁵. Между тем при оценке его информативности наибольшее значение имеют как раз не общие соображения о степени достоверности известий X в. в ПВЛ, а то, какое место занимает указанный текст в комплексе сообщений о княгине Ольге — правительнице.

Этот комплекс состоит из двух основных частей. Первая представляет собой былинно-сказочный цикл о мести Ольги за убийство Игоря, происхождение которого из устной традиции не вызывает сомнений⁴⁶. Вторая часть — описание поездки Ольги в Царьград и ее крещения. В этом рассказе какая-то повесть житийного характера, насыщенная цитатами из Св. Писания, тоже оказалась переплетена с устной легендой. На эту последнюю указывает присутствие «бродячих» мотивов сватовства и посрамления императора, дважды обманутого княгиней. Существуют различные мнения о том, как именно происходил синтез церковных и фольклорных источников в этом рассказе, но опять-таки, его былинно-сказочная составляющая несомненна⁴⁷. Двумя описанными циклами, по сути, *исчерпываются все сведения об Ольге-правительнице на протяжении 19 лет* (с момента убийства Игоря в 945 г. до начала активных действий Святослава в 964 г.). Их дополняет лишь приведенное выше сообщение о поездке княгини в Новгород и «уставлении» ею погостов, даней и оброков.

⁴⁴ Повесть временных лет. С. 74.

⁴⁵ Бахрушин С.В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 168–169, 173.

⁴⁶ Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9–150. С. 32–35; Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 29–35.

⁴⁷ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 111–113; Платонов С.Ф. Летописный рассказ Ольги о крещении в Царьграде // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 182–186; Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 56–57.

Немногочисленные известия об Ольге, приуроченные к более позднему времени, носят тот же характер, что и рассмотренные выше. Так, повесть об осаде Киева печенегами, в которой княгиня играет пассивную роль, относится уже к «Святославу циклу» устных преданий, использованных при составлении летописи⁴⁸. Таким образом, комплекс известий об Ольге весьма однороден по происхождению. В содержательной части он почти целиком восходит к устной традиции, частично переработанной книжниками XI в. в жанре церковно-учительной литературы⁴⁹. Безусловно, выпадают из общего ряда лишь известие о дне и часе смерти княгини, основанное, видимо, на краткой церковной записи, и — летописная статья 947 г., тоже не связанная тематически ни с одним из эпических циклов (*saǵ?*), положенных в основу летописных рассказов об Ольге.

Сколько бы десятилетий ни отделяло первоначальную запись этих сказаний от описанных в них событий, фактом является то, что за этот отрезок времени они успели оформиться в сюжетные повествования, обрасти сказочными мотивами. Следовательно, исторические события, лежащие в их основе, попали в летопись, уже будучи «трансформированы по законам жанра»⁵⁰. Насколько серьезной могла быть трансформация, показывает сравнительный анализ летописных и иностранных известий о целом ряде событий X в.⁵¹

Важным свойством дошедшей до нас информации о деятельности Ольги является ее избирательность. Устная традиция сохранила к моменту записи только те сведения, которые вошли в состав сюжетных, передававшихся из уст в уста сказаний о прежних временах. Вероятность длительного бытования в устной передаче каких-то отрывочных, изолированных данных о событиях середины X в. очень мала.

Таким образом, сведения о «реформах» Ольги в Новгородской земле имели шанс сохраниться в устной традиции, лишь будучи включены в состав какого-то более обширного, связного повествования об ее деятельности на севере. Однако ни в ПВЛ, ни в параллельном ей тексте НПЛ нет никаких следов подобного сказания. Что же обусловило

⁴⁸ *Карышковский П.О.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1952. Вып. 9. С. 59.

⁴⁹ *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 111–113; *Он же.* Повесть временных лет. С. 32.

⁵⁰ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 58–59.

⁵¹ *Половой Н.Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. 1961. Вып. 18. С. 85–104; *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // ВВ. 1981. Вып. 42. С. 35–48; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 43–57.

появление известия о старинных княжьих погостах, оброках и данях? На мой взгляд, причина могла быть следующей: на момент составления ПВЛ упомянутые в нем «уставы» княгини Ольги еще не потеряли своей актуальности.

Последнее означает: при включении в летопись указанных сведений, древнерусский книжник опирался на современные ему реалии (скорее всего, конца XI или начала XII в.). Это могли быть местные топонимические предания, приписывавшие Ольге старинные «ловища, знамянья, места и погосты». Стоит отметить: географическая номенклатура и связанный с нею фольклор представлялись летописцам вполне надежным источником. Характерным примером является сообщение ПВЛ о прохождении угров по горам Угорским, сконструированное исключительно на базе данного топонима⁵². Обратим внимание: данная статья не содержит никаких красочных деталей, которые указывали бы на преднамеренное сочинительство. То же следует сказать и о сухом, лаконичном сообщении о походе Ольги к Новгороду и ее «уставах».

Если так, то можно сделать вывод, что, например, на Мсте в XI в., действительно, существовали старинные погосты, основание которых связывалось современниками с деятельностью княгини Ольги. Сходным образом обстоит дело и с летописным упоминанием Луги. Правда, отрывок «и по Лузе оброки и дани» отсутствует в НПЛ, восходящей, по мнению ряда исследователей, к более раннему летописному своду⁵³. Тем не менее можно с уверенностью говорить об их одновременном присутствии в тексте ПВЛ 1110-х гг. Таким образом, отраженные в тексте реалии восходят к достаточно раннему периоду истории Северной Руси, отмеченному активной деятельностью Мономаха и Мстислава Великого. Отметим также, что все списки ПВЛ Ипатьевской традиции дают нам вариант: «по Мьсте *погосты* и дань, и по Лузе *погосты* и дань, и оброки (курсив мой. — Н.П.)»⁵⁴. Данное чтение появилось в их протографе не позднее XIII в.⁵⁵

Если в целом летописная статья 947 г. носит характер припоминания, основанного на топонимических и фольклорных источниках, то это вовсе не значит, что приведенные в ней сведения неверны. Вряд ли следует подвергать сомнению сам факт похода Ольги в Новгород, воз-

⁵² Шахматов А.А. Разыскания. С. 105.

⁵³ Там же. С. 111; Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Вып. XXX. С. 3–25.

⁵⁴ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II: Ипатьевская летопись. С. 50; С. 156–158.

⁵⁵ Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. 1985. Вып. XXXIX. С. 18–277.

можно, связанный с оставлением там на княжении малолетнего Святослава⁵⁶. Причастность княгини к «земельному устроению» Новгородской земли кажется вполне вероятной. Однако специфика источника состоит в том, что ситуация, сложившаяся не ранее конца XI в., спроецирована тут на 100–150 лет назад, а степень надежности допущения нам не вполне ясна. Следовательно, терминологический, понятийный анализ данного известия будет представлять собой, в первую очередь, исследование реалий конца XI — начала XII в.⁵⁷

И все же остается неясным: почему указанное известие о погостах и оброках по Мсте и Луге, основанное на новгородских топонимических преданиях, оказалось столь важным более 100 лет спустя? В чем заключалась его особая актуальность? Не несло ли оно некой смысловой нагрузки, которая была ясна современникам, но впоследствии забыта? Археологическое исследование древнерусских поселений, топографически связанных с центрами средневековых погостов на р. Луге (предположительно — тех самых, которые имела в виду летописная статья 947 г.), заставляют предположить, что дела обстояли именно так.

В частности, раскопки обширного древнерусского поселения на Передольском погосте Шелонской пятины отчетливо показали, что расцвет его падает именно на период около середины X в., т. е. на время правления Ольги. На этом этапе рост Передольского поселения шел очень быстро, почти взрывообразно. Фактически за несколько десятилетий X в. застройка разрастается почти до 9 га (считая вместе территорию городища и посада). Наличие в слое арабских монет и изящных импортных вещей, остатков ремесленной деятельности, наконец — сама интенсивность накопления культурного слоя, долгое время сохранявшего характер типичного «мокрого слоя», насыщенного органикой, указывают на процесс формирования крупного волостного центра X в.

Оценить статус поселения в X–XI вв. помогают такие находки, как обломки княжеской геральдической подвески и золотого ювелирного изделия с эмалью, содержащего фрагмент крестообразной молитвенной монограммы. Последний предмет, скорее всего, представляет собой фрагмент перстня. Аналогии ему в Византии датируются

⁵⁶ *Левченко М.В.* Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в I половине X века // ВВ. 1953. Вып. 6. С. 21.

⁵⁷ *Греков Б.Д.* Киевская Русь // *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 111; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Папуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

VII–IX вв., хотя в древнерусский культурный слой вещь попала явно позднее, не ранее X в.⁵⁸. Изготовление геральдической подвески С.В. Белецкий датировал 988 г., связывая ее с Владимиром Святым⁵⁹. Эти находки могут служить указанием на то, под чьей эгидой шло развитие Передольского поселения на начальном этапе, в X–XI вв. Однако период расцвета оказался недолог. Упадок стал особенно заметен в XII в., когда изменился весь облик посада, заметно сократилась площадь его застройки и, соответственно, население. Исчезло высококвалифицированное местное ремесло и дорогие импортные вещи. Обширный торгово-ремесленный центр, маркировавший собой начало Лужского (водного и «горного») пути из центра Новгородских земель к Финскому заливу, сменяется селом, в 4–5 раз меньшим по площади⁶⁰.

Бурный расцвет Передольского погоста в период княжения Ольги может служить косвенным подтверждением ее активной деятельности в Полужье. А вот упадок его, видимо, стал следствием политических событий в Новгороде XII в. Тогда там пошло открытое «наступление» на княжеские права и привилегии. Первое законодательное оформление эти меры получают при изгнании Всеволода Мстиславича в 1136 г. Но в реальности противостояние князя и Новгорода в указанном вопросе, конечно, началось раньше.

Ростки его могли иметь место еще в конце XI в., когда многолетнее, бессменное княжение Мстислава Владимировича — блестящего военачальника и умного правителя — стало для Северной Руси дополнительным фактором стабильности. Вероятно, оно усилило Новгород даже более, чем хотелось самому князю, наследовавшему после смерти Мономаха киевский стол. Рассмотренное под таким углом зрения, включение в киевскую летопись рассказа об Ольгином «устроении» получает иное освещение. То была *письменная фиксация «старины», лежавшей в основе княжеских владельческих притязаний на земли по Мсте и Луге, особенно актуальная в начале XII в. в виду растущих амбиций новгородского боярства*. Рискну предположить: именно по-

⁵⁸Клева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. междунар. российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009. 89–93.

⁵⁹Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 247, 256, 314.

⁶⁰Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте; Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости; Она же. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.

этому память об уставах княгини не только не исчезла, но даже попала в киевский летописный свод.

3.1.3. Рассказ ПВЛ о мятеже 1071 г. и проблема погостов. Перейдем к другому летописному упоминанию о погостах, связанному уже с событиями второй половины XI в. Это сообщение помещено в ПВЛ под 1071 г. и читается в контексте рассказа о мятеже волхвов в Верхневолжье и Белозерском крае:

«В лето 6579 (1071)... Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко „Ве свеве, кто обилье держить“. И пойдоста по Волзе; **кде приидуча в погость, ту же нарекаста лучшие жены**, глаголюща, яко „Си жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору“. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя... и убивашета многы жены, и имень их отгымашета себе. И придоста на Белоозеро, и бе у нею людей инех 300. В се же время **приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатиноу**; поведаша ему белозерци, яко два кудесника избилла уже многы жены **по Волъзе и по Шексне**... Янь же, **вшед в град к белозерцем**, рече имъ: „Аще не имеете волхву сею, не иду от вас и за лето“. Белозерци же, шедше, яша я и приведоша я к Яневи...». Далее следует рассказ о допросе волхвов, об их препирательстве с Янем Вышатичем, скором суде и расправе: «...Он же рече има: „Аще вас пушю, то зло ми будет от бога; аще ль вас погублю, то мзда ми будет“. И рече Янь повозником: „**Ци кому вас кто родинь убьен от сею? Они же решат: „Мне мати, другому сестра, иному роженье**“. Онъ же рече имъ: „Мьстите своих“. Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе... (выделено мной. — Н.П.)»⁶¹.

Ценность приведенного рассказа состоит в близости, почти синхронности описываемых событий моменту их первичной записи. Уже давно было замечено, что с 1061 г. в ПВЛ «сплошным потоком [идут] записи с дневными датами, тогда, как до этого дневных дат почти нет...»⁶². Появление точных дат свидетельствует о начале фиксации событий по горячим следам. Скорее всего, информация о мятеже волхвов была получена летописцем непосредственно от Яня Вышатича, которого некоторые ученые считают боярином, «державшим киевскую тысячу» при Изяславе Ярославиче⁶³. Упоминание погостов является

⁶¹ Повесть временных лет. С. 188, 190.

⁶² *Алешковский М.Х.* Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 55.

⁶³ *Приселков М.Д.* Киевское государство во второй половине X века по византийским источ-

здесь случайным, попутным, но от того не менее ценным. Речь идет о хорошо известных реалиях, современных рассказчику.

Из контекста ясно, что волхвы, идя к Белоозеру, миновали целый ряд погостов по Волге и Шексне. Само Белоозеро — это не погост, а город; погосты же — более мелкие пункты на Волжско-Шекснинском пути. Рассказ об убийствах женщин проливает неожиданный свет на некоторые их функции.

Волхвы убивают «лучших», причем исключительно женщин, обвиняя их в ворожбе, вызвавшей голод. Родичи этих женщин — мужчины, которых, по логике, следует отнести к категории «лучших мужей», остаются в живых. Через некоторое время они оказываются в свите Яня Вышатича, в числе его «повозников». «Везти повоз» в Древней Руси означало транспортную повинность⁶⁴. Вероятно, к Яню собрались представители тех погостов, что тянули данью к Белоозеру.

Следует особо подчеркнуть, что сам Янь не выезжал из города. Лишь однажды он сделал собственную попытку захватить волхвов, окончившуюся неудачей. Он не собирал специально людей, готовых совершить кровную месть над волхвами. Случайно ли они оказались у него под рукой? Скорее всего, нет. Видимо, «лучшие мужи» здешних погостов были обязаны везти повоз княжескому данщику, который лично не объезжал округу, а «кормился» в Белоозере, наблюдая за подвозом туда дани. Если так, то и сбор ее на местах осуществлялся не им непосредственно, а теми самыми «лучшими мужами». Не удивительно, что события голодного года обернулись против данной прослойки населения, хотя сами по себе убийства носили явно сакральный характер. Это была расправа над злыми колдуньями⁶⁵.

Приведенное летописное сообщение неоднократно рассматривалось учеными с точки зрения истории права, классовой структуры общества, борьбы язычества и христианства на Руси и т. п.⁶⁶ Однако заложенная в источнике информация о порядке сбора дани *по погостам* чаще всего оставалась в тени. Ближе всех к пониманию адми-

никам // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 215–246. С. 18–19; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 62–64.

⁶⁴ Рыбаков Б.А. Смерды. С. 48.

⁶⁵ Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во II половине XI в. // Уч. зап. Вологод. пединститута. 1948. Т. 4. С. 13–36; Фроянов И.Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 19–38.

⁶⁶ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в. и события 1024 и 1074 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 28–33; Брайчевский М.Ю. Движения волхвов в Северо-Восточной Руси в XI в. // Там же. С. 48–61; Фроянов И.Я. Народные волнения в Новгороде в 70-х гг. XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. 1985. С. 61–71.

нистративного уклада Белоозерья в XI в. подошли М.Д. Приселков и М.Н. Мартынов, прямо назвавшие «повозников» сборщиками дани⁶⁷.

Деятельность Яня Вышатича на Белоозере анализировалась в исторической литературе и с точки зрения установлений «Покона вирного». При этом констатировалось: все его действия с начала до конца представляют собой сплошное нарушение норм, зафиксированных в указанном разделе Русской Правды⁶⁸. Однако регламентация деятельности вирника, взимающего *штрафы* (виры и продажи) по месту жительства людей, ответственных за преступление, не может иметь прямого отношения к порядку сбора *дани*. Требования к вирнику — ехать сам-два с отроком и не задерживаться в месте назначения более недели⁶⁹ — звучат бессмыслицей по отношению к Яню Вышатичу, проделавшему путь из Чернигова на Белоозеро, дабы проследить там за сбором и транспортировкой дани со всего края. Видимо, различия в формах взимания вир и даней носили в XI в. принципиальный характер. В отличие от сбора штрафов (вир), осуществлявшегося непосредственно княжескими людьми, дань собиралась на базе погостской организации местных жителей. Этот процесс лишь контролировался приезжими княжескими представителями. Шекнинские и волжские погосты, упомянутые в ПВЛ под 1071 г., представляли собой несомненные территориальные центры. Ответственной за сбор дани являлась верхушка населения, проживавшего в округе («лучшие»).

3.2. Известия о погостах в источниках XII в.

Тремя свидетельствами, приведенными выше, по сути, исчерпываются сведения письменных источников о погостах X–XI вв. как в Северной Руси, так и в Южной. Для первой четверти XII в. мы располагаем лишь отрывочными летописными упоминаниями погостов, в связи с военными столкновениями.

3.2.1. Летописные известия начала XII в. о погостах. В Ипатьевской летописи под 6624 (1116) г. сохранилось упоминание о походе князя Мстислава Владимировича «с новгородцы и псковичи»

⁶⁷ Приселков М.Д. Киевское государство. С. 238; Мартынов М.Н. Восстание смердов. С. 4, 31.

⁶⁸ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 158.

⁶⁹ ПРП. Вып. 1. С. 80.

на чудь в район Медвежьей Головы (Отепя). В этом походе ратники «**погост бещисла възша, и възвратишася въсвои с многом пол[о]ном (выделено мной. — Н.П.)**»⁷⁰. Лаконичность данного известия не мешает сделать важный вывод: в восприятии людей начала XII века, от которых исходили сведения об этом походе, некие реалии, встреченные в землях эстонской чуди, оказались созвучны знакомому понятию «погост».

Что же подразумевалось под ним в данном случае? — Вряд ли рядовое поселение, для обозначения которого в русском языке широко применялся термин «село». Возможно, погостами назывались крупные (укрепленные?) поселки, выделявшиеся на фоне окружающих (городища?). Такое толкование, на мой взгляд, вполне правомерно, хотя в данном контексте «погост» можно понимать и как гнездо поселений, отчетливо отделенное от остальных полосой незаселенных земель. Если так, то древнерусский погост вполне сопоставим с эстонским «кихелькондом» — «основным территориальным объединением у эстонцев XII–XIII вв.» — который, по определению Х. Моора и Х. Лиги, состоял из нескольких сельских общин, территориально сплоченных и отделенных от соседних незаселенной полосой лесов и болот⁷¹.

Другое летописное известие начала XII в. о погостах приурочено к 6615 (1107) г. В Типографской летописи под этим годом говорится: «...приидоша Болгаре ратью на Соуждалъ и обьстоупиша градъ и много зла сътвориша, **воююща села и погосты** и оубивающе многих отъ крестьян. Сущие же людие въ граде не могуче противу ихъ стати, не соущю князю оу нихъ... (выделено мной. — Н.П.)»⁷².

Это известие является вполне достоверным, т. к. отсутствие князя (Вячеслава Владимировича) в Ростовской земле, действительно, имело место в 1107 г. в связи с его участием в походе на половцев⁷³. Вероятно, в летопись данное сообщение попало не раньше 1130-х гг.⁷⁴ А.Н. Насонов считал, что ростовские события Типографской летописи восходят к записям клира Успенского собора в Ростове, которые велись во второй половине XII — начале XIII в.⁷⁵

Таким образом, беглое упоминание погостов в летописи под 1107 г. отражает представления XII в. о составе сельской округи Суздаля. С

⁷⁰ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. Стб. 7.

⁷¹Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин, 1969.

⁷²ПСРЛ. Л., 1921. Т. 24: Типографская летопись. С. 73.

⁷³Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XIII века. М., 1969. С. 119–123.

⁷⁴Кучкин А.В. Формирование. С. 71.

⁷⁵Насонов А.Н. История. С. 122.

учетом рассмотренного выше известия о Яне Вышатиче, упоминавшего погосты по Волге как нечто само собой разумеющееся, следует заключить: подобная ситуация сложилась значительно ранее.

Впрочем, из указанного известия можно сделать довольно ограниченные выводы. Села и погосты упоминаются здесь как населенные пункты, подвергающиеся грабежу. Ни тени другого значения понятия — как округа — не ощущается. Возможно, для описания ущерба, причиненного болгарским набегом, эта сторона дела была безразлична. Упоминание о погостах, наряду с селами, как о главных объектах грабежа, свидетельствует, по-видимому, о многочисленности поселений данного типа в округе Суздаля XII в.

Оба приведенных кратких известия должны рассматриваться в едином комплексе с источниками второй четверти XII в., содержащими целый ряд важных известий о погостах на Руси. Важнейшим из них является Уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленской епископии⁷⁶.

3.2.2. Погосты в уставе кн. Ростислава Мстиславича. Указанная грамота была дана Ростиславом в 1136 г., при поставлении в Смоленск первого епископа. В ней скрупулезно перечислены все источники княжеского дохода, с которых должна следовать церковная десятина. Перечень волостей с указанием норм их обложения, охватывает основное ядро смоленских земель⁷⁷. Разумеется, здесь указаны не все доходные статьи княжеского бюджета. Характерно, что почти все дани приведены в денежном выражении. Лишь в конце перечня особо указаны два натуральных платежа рыбой от Торопца и Жижеца. Однако, помимо того, и Торопец, и Жижец вносят свою дань в гривнах, а упомянутые натуральные платежи не имеют в грамоте точного денежного выражения («от всех рыб, иже идет ко мне, десятину»). Таким образом, вряд ли можно полагать, что начисление платежей в гривнах преследовало целью лишь их количественное определение, в то время как в реальности дани взимались натурой. Вероятно, перечисленные в грамоте волости действительно уплачивали свои доли деньгами (в мехах или серебре)⁷⁸.

⁷⁶ДКУ. С. 140–146.

⁷⁷Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 43–63; Щанов Я.Н. Княжеские уставы. 137–147.

⁷⁸Обращают внимание высокие нормы обложения: Вержавляне Великие — 1000 гривен в год, Торопец — 400 гривен, Врочницы, Хотшин. Жабачев, Воторовичи — по 200 гривен и т. д. Подобные денежные расценки, на мой взгляд, указывают на высокую продуктивность крестьянского хозяйства, явно имевшего устойчивый рынок сбыта. Приведенные цифры мо-

Следовательно, церковная десятина в Смоленске отчислялась не со всех княжеских поступлений, а, в первую очередь, с денежных. Можно заключить, что значительная часть натуральных платежей, несомненно, следуемых князю, не делилась им с церковью. Но и относительно денежных даней оговорено: «...кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья». Вероятно, именно полюдье, как старинный, архаичный вид сбора, доставляло князю основную часть его «корма» натурой, хотя и здесь могли иметь место денежные поступления («на Копысе полюдья четыре гривны»). Весьма правдоподобно предположение Я.Н. Щапова, что система этого сбора имела свои особенности, затруднявшие раздел ее с церковью⁷⁹. Что же касается доли с княжеских вир и продаж, то ее отсутствие следует считать привилегией смоленского князя. Так, например, в Новгороде до появления Устава Святослава Ольговича (1137 г.) десятина от княжеских вир и продаж отчислялась от общего фактического объема ежегодных поступлений (см. ниже).

Стоит особо остановиться на характере употребления понятия «дани» в грамоте Ростислава. С одной стороны, так устойчиво именуется один из видов сбора, доставляющий князю львиную долю его денежных доходов. С другой стороны, наблюдается тенденция к широкому толкованию указанного термина: «...от всех даней смоленских, кроме продажи, и кроме виры...» и т. п. Получается, что, не будь этой оговорки, понятие «всех даней смоленских» могло бы включить и виру, и продажу, и полюдье — как оно включает, по-видимому, «гостиную дань», «передмер», «мыто», «перевоз», «торговое» и т. д. Возможно, это различие широкого и узкого значения понятия дани отражает постепенную его эволюцию в сознании древнерусского общества.

Термин «погосты» упомянут лишь в одном пункте устава, в самом начале длинного списка пожалований: «...у **Вержавлянех у Великих 9 погостъ, а в тех погостех платит кто же свою дань и передмерь истужници по силе, кто что мога. А в тех погостах, а некоторы погибнет, то тии десятины убудет. А в тех погостех во всех сходится дани осмь сот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницах сто гривен, то ти ис того взятии епископу и святеи Богородици сто гривен**» (выделено мной. — *Н.П.*)⁸⁰.

гут служить контраргументом к известным тезисам А.Е. Преснякова и Н.А. Рожкова о том, что «глубины народного производства оставались нетронутыми внешней торговлей» и что «основная масса населения Древней Руси ничего не продавала, а отдавала даром» (*Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 161–162; *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899).

⁷⁹ *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы С. 149.

⁸⁰ ДКУ. С. 141.

Статья о Вержавлянах — самая пространная в грамоте. Только здесь оговаривается, как возможный казус, убывание дани в случае «погибели» хозяйства. В этом случае князь снимает с себя ответственность за недостачу положенных 100 гривен. В ходе дальнейшего анализа статьи возникает целый ряд вопросов. Отчего только здесь указан порядок сбора дани по погостам, с каждого из которых следует около 100 гривен? Чем является область Вержавляне Великие по отношению к этим погостам? Есть ли различия в административном устройстве Вержавлян и прочих территорий, перечисленных в грамоте?

В ответе на последний вопрос большинство исследователей до сих пор были на редкость единодушны. Весь список податных территорий в грамоте чаще всего трактовался именно как список «погостов»⁸¹. В первом приближении такую трактовку можно считать верной, ибо в каждом пункте грамоты почти неизбежно присутствует один и тот же вид обложения — дань (в ее узком значении). Она же составляет 80 % от общей суммы сборов в вержавлянских погостах. Логично предположить, что один и тот же налог на территории одного княжества собирался по единой системе. Указание на характер этой системы и дает нам статья о Вержавлянах.

Но можно ли на таком основании утверждать, что каждая из упомянутых далее территорий представляла собой округу только одного погоста? Вероятно, нет. Более половины списка составляют волости с нормой обложения 10–40 гривен. Но фигурируют и более крупные суммы в 80–200 и даже 400 гривен. Предположение, что каждая из этих обширных, густонаселенных территорий, выплачивавших до 400 гривен в год, на деле тянула в *один погост*, кажется сомнительным (хотя для мелких волосток это вполне допустимо). Здесь мы вплотную подходим к проблеме дуализма погоста и волости в древнерусской административной системе, их одновременного тождества и различия.

Факт перечисления в грамоте Ростислава как бы на одном уровне целого ряда волостей, резко различавшихся по размерам, народонаселению, удельному весу в системе налогообложения и т. п., можно удовлетворительно объяснить лишь в одном случае. А именно — если мы допустим, что система территориального деления русских княжеств исходила из признания тех реально существовавших границ между отдельными волостями, которые складывались в ходе постепенного освоения земель и определялись целым комплексом как географических, так и социально-политических факторов⁸².

⁸¹ *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы. С. 149; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля. С. 97–101.

⁸² Термин «волость» употребляется здесь условно, для обозначения исторически сложив-

Нормы обложения таких исторически сложившихся волостей, как уже было показано выше, колебались на Смоленщине весьма значительно — от 10 до 1000 гривен. Крупная и густонаселенная волость, сохраняя традиционное единство, в податном отношении могла делиться на ряд погостов. При этом стоит отметить: к примеру, в пункте о Вержавлянах названа общая сумма в 1000 гривен, собираемая во всех погостах. А вот точных указаний на нормы сбора в каждом погосте грамота не содержит. Таким образом, как бы ни делилась волость, она рассматривалась княжеской администрацией как единое целое в податном отношении.

Чем же тогда обусловлено упоминание о девяти погостах в Вержавлянах Великих и какова его смысловая нагрузка? Наиболее вероятный ответ я вижу в следующем: согласно данным Л.В. Алексеева, Вержавляне Великие, скорее всего, представляли собой *совсем не компактную область*⁸³. Связи ее населения, скорее всего, были обусловлены общностью исходного центра, откуда шла внутренняя колонизация земель. На это указывает и само название области, применимое, скорее, к населению ее — «Вержавляне». Возможно, именно недостаточная территориальная целостность волости и вероятность обособления в дальнейшем отдельных ее частей и заставили составителя грамоты специально оговорить, что сумма в 1000 гривен исчислена для всех девяти вержавлянских погостов.

Подводя итоги рассмотрению грамоты Ростислава Мстиславича с точки зрения содержащейся в ней информации о погостах, отметим следующее: податные территории Смоленщины упорно называются там лишь собственными именами, без указания их статуса. Наиболее правдоподобным выглядит предположение, что все они представляли собой исторически сложившиеся округа-волости, причем наиболее мелкие, по-видимому, тянули в один погост, а крупные — в несколько. Тем не менее и те волости, которые контролировались одним погостом, в обиходе не назывались «погостами» (в значении округов), а продолжали носить свои исторические названия. «Погостами» могли в отдельных случаях называться более мелкие территориально-податные единицы в пределах крупной волости. Чтобы проверить это предположение, обратимся к материалам новгородских уставных и жалованных грамот второй четверти XII в.

шихся мелких территориальных округов, выступающих в источниках под собственными именами. Они имеют мало общего с позднейшими владельческими и кормленными волостями.

⁸³ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля. С. 57.

3.2.3. Княжеские жалованные грамоты второй четверти XII в. и проблема погостов. Эти грамоты представляют собой уникальный комплекс документов, настолько близких хронологически, что каждая из них значительно дополняет и корректирует другие. Чрезвычайно интересна формула пожалования, содержащаяся в древнейшем из этих документов — жалованной грамоте князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю в Новгороде (1130 г.): «Се азъ Мъстислав Володимирь сын, държа Руську землю в свое княжене, повелель есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами и съ продажами, и вено во[...]кое. Да же который князь по моем княжении почънет хотети отъяти у святаго Георгия, а Бог буди на том и святая Богородица, и ть святыи Георгии у него то отимаеть... А язъ даль рукою своею и осеннее полгодие даровьное, польтретиядесяте гривньъ святому же Георгиеви...»⁸⁴.

Здесь мы сталкиваемся с той же лаконичностью в определении предмета дарения, что и в перечне грамоты Ростислава. Исследователи давно пришли к заключению, что речь тут идет о волости с одноименным центром — селом Буйце, упомянутым в летописи под 1232 г. как один из самых южных пунктов на большой дороге «из Руси» (в данном случае — из Смоленской земли) в Новгород⁸⁵. К.А. Неволин первым локализовал эту волость в окрестностях небольшого оз. Буйцо, в верховьях р. Полы. В.Л. Янину удалось обосновать тезис о расположении здесь, на юге Новгородчины, значительного массива княжеских земель (домена), к которому изначально принадлежала и волость Буйце. По материалам Переписной оброчной книги Деревской пятины 1495 г., она насчитывала в XV в. 95 жилых и 10 пустых мелких деревень «с погостом»⁸⁶.

Точная локализация на местности и самого озера Буйцо, и населенных пунктов, указанных в составе данной волости, стала возможной лишь после детального историко-археологического исследования этой территории Е.Н. Носовым на рубеже 1980–1990-х гг. Лишь тогда появилась возможность предметно, с полным основанием судить и об ее границах, и об особенностях расположения.

«Со времени передачи волости Буйцы в 1130 г. Юрьеву монастырю и до 1495 г. она могла претерпеть некоторые изменения, однако...

⁸⁴ ГВНП. С. 140–141.

⁸⁵ Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. 1990. Вып. 3. С. 110.

⁸⁶ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 240.

основная конфигурация ее территории осталась прежней. Центр волости Буйцы с церковью Покрова Богородицы на погосте находился на одноименном озере изначально, поскольку название последнего дало название и селению на его берегу, и всей тянущей к нему территории... Археологические материалы говорят об освоенности берегов оз. Буйцо и его ближайших окрестностей в древнерусское время»⁸⁷.

Главной особенностью данной территории было ее расположение на важнейшем торговом пути, который связывал Северную Русь с Южной. Этот участок пути являлся одним из ключевых в случае военного конфликта. Население Буйца, безусловно, занималось, в числе прочего, обслуживанием торгового пути, взимая в пользу господина доход с пошлин и платежей при перевозке товаров по сухопутной дороге-волоку. Поэтому испорченное место грамоты — «вено во...кое» — Е.Н. Носов, вслед за И.И. Срезневским, расшифровывает, как «вено волочкое»⁸⁸. Представляется, что на данный момент такое чтение является наиболее обоснованным.

В перечне доходов с Буйца, которые князья передавали монастырю, встречается «дань» в узком значении и архаичное «полюдие даровное». Кроме того, монастырь получал право сбора уголовных штрафов за преступления, совершенные жителями данной волости. Последнее иногда трактуется в смысле предоставления монастырю полного судебного иммунитета в Буйце⁸⁹. Такое заключение преждевременно. Главным доказательством самого существования подобного иммунитета в Новгородской земле служит Новгородская судная грамота (НСГ)⁹⁰. Однако именно этот источник, сформировавшийся в условиях уже развитого феодализма, рисует нам судебный иммунитет в чрезвычайно урезанном виде. Так, в случае воровства, грабежа, разбоя, поджога, убийства вотчинный приказчик обязан был в установленные сроки доставить обвиняемого в Новгород на суд посадника⁹¹. Предположение Л.В. Даниловой, что, возможно, в более ранний период правами суда по этим преступлениям обладал сам вотчинник, построено исключительно на свидетельстве рассматриваемой нами грамоты Мстислава и Всеволода. Однако право получения судебных пошлин еще не равнозначно праву судопроизводства⁹². Более

⁸⁷ Носов Е.Н. Новгородская волость. С. 111.

⁸⁸ Там же. С. 113.

⁸⁹ Янин В.Л. Очерки. С. 241–242.

⁹⁰ Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 55.

⁹¹ ПРП. Вып. 1. С. 217.

⁹² В данном случае речь не идет о компетенции церковного суда. Уставы XI–XII вв. недву-

того, можно предположить, что даже налоговый иммунитет Юрьева монастыря над Буйце был далеко не полным. В XV в. эта волость упоминается в источниках в связи с обложением *черной куной*, причем жители названы «чернокунцами»⁹³. На мой взгляд, А.Л. Шапиро был прав, трактуя Буйце XII в., как кормленую волость, лишь постепенно перешедшую фактически в полное владение Юрьева монастыря⁹⁴.

Вторая жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича, датированная 1134 г., говорит о передаче Юрьеву монастырю еще одного небольшого округа в Деревской пятине: «Се аз князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию **Терпужьский погост Ляховичи с землею и с людьми, и с коньми**, и ловища на Ловати... А то дал есмь святому Георгию во веки...»⁹⁵.

В литературе ранее высказывалось предположение о соответствии Ляховичей грамоты Всеволода десятку Ляховичи в волости Велиля⁹⁶. Первая серьезная попытка историко-географического анализа памятника принадлежит В.Л. Янину. Ему удалось показать, что, в действительности, Ляховичи княжеского пожалования локализируются в Курском присуде Деревской пятины, на р. Ловать. Границы округа Янин реконструировал по материалам переписной оброчной книги Деревской пятины 1495 г., где описана «волость Юрьева монастыря» в Черенчицком погосте. Общая протяженность этой волости с севера на юг составляла, по его подсчетам, около 40 км, с запада на восток — около 20 км. В ее пределах В.Л. Янин и локализовал большую часть топо- и гидронимов грамоты Всеволода⁹⁷.

Некоторое недоумение вызвало у исследователя название округа, пожалованного Юрьеву монастырю — «Терпужский погост Ляховичи». Но этому можно найти вполне логичное объяснение — если рассуждать по аналогии с девятью Вержавлянскими погостами грамоты Ростислава. Безусловно, каждый из них мог иметь и собственное название. Однако ключевым моментом являлась его принадлежность к волости Вержавляне Великие. Поскольку в грамоте Ростислава фигурирует вся эта волость в целом, названия отдельных погостов не при-

смысленно очерчивают круг дел, подлежащих такому суду, и круг лиц, относительно которых церковь пользовалась правом полного иммунитета (служители клира, «пущенники», «прощенники», изгой). Население Буйца вряд ли принадлежало указанным категориям — тем более, целиком.

⁹³ ГВНП. С. 131.

⁹⁴ Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1976. С. 57, 68.

⁹⁵ Янин В.Л. Очерки. С. 77; Он же. Новгородская феодальная вотчина. С. 231.

⁹⁶ Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история. С. 68.

⁹⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 231–239.

водятся. Грамота Всеволода, напротив, говорит о пожаловании только одного погоста Ляховичи. При этом в его названии оговаривается принадлежность его к Терпужской волости.

Уже В.Л. Яниным было отмечено, что на Ловати в 18 км выше Ляховичей находится дер. *Теребыни*⁹⁸. Весьма вероятно, что в данном топониме, действительно, отразилось старинное волостное название прилегающей территории. Это подтверждается данными археологического обследования, согласно которым именно в районе дд. Теребыни, Залучье и Середка находился эпицентр крупного среднеловатского скопления сопок (15 насыпей)⁹⁹. В окрестностях дер. Теребыни расположено средневековое укрепленное поселение — Курское городище¹⁰⁰. Исследования Е.Н. Носова выявили при сопках в Теребынях обширное селище, продолжавшее существовать в древнерусское время, а также жальник с захоронениями XI–XV вв. Поэтому автор без колебаний поместил именно там административный центр волости X–XII вв. (Теребужской, Терпужской)¹⁰¹.

Целенаправленное комплексное обследование показало, что участок побережья Ловати в районе Ляховичей сложен тяжелыми глинами, непригодными для освоения в эпоху раннего Средневековья. В этом состоит его важнейшее отличие от южной части очерченной В.Л. Яниным волости, где имеются значительные скопления сопок, приуроченные к массивам плодородных земель, легких для обработки. Последнее обстоятельство позволило В.Л. Янину охарактеризовать территорию Ляховичей в целом как земледельческую область, богатую пахотными и сенокосными угодьями¹⁰². Однако локализация ее административного центра на окраине, в глухой, безлюдной местности с густыми лесами и обширными верховыми болотами явно противоречит этому утверждению.

Пересмотр данных о границах погоста XII в., произведенный Е.Н. Носовым, убедительно показал, что прежнее мнение о соответствии его рубежей границам волости Юрьева монастыря конца XV в. базировалось на целом ряде допущений, далеко не всегда оправданных. В действительности, территория, описанная в грамоте Всеволода, была значительно меньше и охватывала только северную часть

⁹⁸ Там же. С. 236.

⁹⁹ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // Новгород и Новгородская земля. Л., 1988. Вып. 1. С. 79–81.

¹⁰⁰ Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. 1936. № 1. С. 187–190.

¹⁰¹ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича. С. 99.

¹⁰² Янин В.Л.. Новгородская феодальная вотчина. С. 239.

позднейшего монастырского владения. В XII в. она являлась еще очень мало заселенной. Сам пункт Ляховичи представлял собой, по видимому, сравнительно небольшой поселок, где жили княжеские люди и содержались кони. Его округа характеризуется полным отсутствием каких бы то ни было памятников эпохи раннего Средневековья. Здесь нет поселений с хорошо выраженным культурным слоем, нет и могильников, датируемых ранее XIII–XIV вв. Известия о четырех местонахождениях сопок на данной территории¹⁰³ оказались ошибочными¹⁰⁴.

Аргументы, выдвинутые М.Б. Свердловым против данной точки зрения, имеют в основе чисто умозрительную конструкцию. Согласно ей, «погостная система» являлась «государственной организацией лично свободного сельского населения в Новгородской земле». Следовательно, погост уже по определению не мог оказаться «небольшим селением холопов, которые пасли княжеских коней»¹⁰⁵. Здесь, на мой взгляд, имеет место явная (и очень распространенная) ошибка в самой процедуре исследования. Материал, недостаточно проанализированный на источниковедческом уровне, оказывается основой далеко идущих исторических реконструкций. Затем эти реконструкции рикошетом возвращаются, становясь аргументами против выявления ошибок, против нового анализа источников, на которых они построены.

Следует подчеркнуть: трактовка, предложенная Е.Н. Носовым, всецело основана на новых фактах — археологических и историко-географических. Никакие общие соображения опровергнуть их не могут. А вот конкретные возражения М.Б. Свердлова, касающиеся топонимики и реконструкции границ волостки Ляховичи, были автором детально разобраны и аргументированно отведены¹⁰⁶. Сейчас можно считать доказанным, что «княжеское владение Ляховичи образовалось на основе „заимки“ князем небольшого, глухого, земледельчески не освоенного участка вдоль сухопутной дороги от р. Ловати к р. Поле. На самой же Ловати было основано селение, контролировавшее дорогу и заселенное холопами. На обширной пойме Ловати располагались

¹⁰³ Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 69–70; Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1–8. М., 1970. С. 36.

¹⁰⁴ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича. С. 79–81.

¹⁰⁵ Свердлов М.Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 42.

¹⁰⁶ Носов Е.Н. Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург; Псков, 1997. Т. II. С. 98–99.

удобные выпасы для княжеских коней, на Ловати были рыбные ловища, а в лесах находились охотничьи и бортные угодья»¹⁰⁷.

Особая ценность данного княжеского пожалования заключалась в том, что именно по этому участку территории пролегал кратчайший зимний путь из Новгорода и Руссы на р. Полу и далее к Торопцу, Смоленску и Киеву¹⁰⁸. Таким образом, Ляховичи изначально представляли собой княжескую заставу в начале зимника, контролировавшую этот важнейший путь. Передача его монастырю означала, по-видимому, передачу прав на последующее освоение округа, а также на доходы, связанные с выгодным географическим положением данного пункта.

Таким образом, грамота Всеволода фактически дает нам совершенно иное представление о «погостах» по сравнению с известиями, помещенными в ПВЛ (1071 г.), в Типографской летописи (1107 г.) и т. д. Летописные тексты, уже рассмотренные нами выше, рисуют погосты как поселения, центры волостей, расположенных в сравнительно густо заселенной зоне. Здесь же перед нами лесная княжеская заимка на дальней окраине старинной земледельческой волости. Данный погостский центр обнаруживает значительную специфику по сравнению, к примеру, с более ранним центром в Теребных. В грамоте Всеволода впервые рельефно (хотя еще неотчетливо) выступает двойственность понятия погоста. Здесь это и поселение, и небольшой участок территории, впрочем, еще совершенно не освоенной.

Стоит отметить и другое: Ляховичи, единственный новгородский погост XII в., о котором мы имеем почти исчерпывающие сведения, *не доживает в таком качестве до эпохи писцовых книг*. В XV в. его территория числится уже в более обширном Черенчицком погосте, а сама деревня Ляховичи теряет всякое административное значение. Даже название погоста оказывается прочно забыто: в писцовых книгах он описан просто как «волость Юрьева монастыря»¹⁰⁹.

Третий новгородский документ, важный для нашей темы, — жалованная грамота кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (1134 г.): «Се аз, князь великий Изяслав Мъстиславич, по благословению епискупа Нифонта, испрошал есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославлицы и смерды, и поля Ушкого и

¹⁰⁷ Там же. С. 97.

¹⁰⁸ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. 1950. Т. 20. С. 299.

¹⁰⁹ Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины. С. 617–621.

до Прости... И устроил святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия. А боле в тую землю, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни болярину, ни кому. А хто ловит рыбу, доложа игумена. А смердам витославцам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в гороцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги, ни иною вивирицою, а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи. А хто почнет вступатися в тую землю, и в воду, и в пожни, или князь, или епискуп, иди кто имет силу деяти, и он во второе пришествие станет тяжатися со святым Пантелемоном»¹¹⁰.

Особенностью пожалования Изяслава Мстиславича является то, что в 1134 г. он был не князем Новгорода, а лишь его союзником. Поэтому ему и пришлось «испрашивать у Новагорода» землю для устройства монастыря¹¹¹. Для нас в данный момент особенный интерес представляет фраза, содержащая отрицательные формулы налогового иммунитета монастыря над смердами. Фраза эта, введенная в научный оборот благодаря находке В.И. Корецкого, бросает новый свет на порядок сбора дани в Новгородской земле XII в.

Грамота санкционирует такую же полную передачу всех прав на землю и повинности населения, что и рассмотренная выше грамота на погост Ляховичи. Однако в данном случае нет оснований предполагать, что дар был совершен из личного земельного фонда князя, в то время как для Буйца и Ляховичей такие предположения делались неоднократно¹¹². Таким образом, «Новгород», представленный князем совместно с вечем, имел право распоряжаться земельной собственностью смердов и, по сути, диктовать им, кому они обязаны своими повинностями.

Ряд формул отрицательного типа в грамоте Изяслава до некоторой степени проливает свет на правовое положение витославлицких смердов до совершения пожалования. Требование «не потянути ни ко князю, ни ко епискупу» указывает на князя и епископа, как на главных получателей дани. По-видимому, они и являлись таковыми прежде, ибо епископ, конечно, получал свою десятину от витославлицких податей. Далее в тексте следует указание на городские и сельские (смердби) потуги.

¹¹⁰ *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204–205.

¹¹¹ *Янин В.Л.* Очерки. С. 77.

¹¹² *Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осъминский Т.И. и др.* Аграрная история. С. 67; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 242; *Носов Е.Н.* Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича.

Следует отвергнуть возможную трактовку «городских потугов», как особой, отдельной от князя новгородской городской организации, взимавшей дань с окрестных смердов. В противном случае нам придется признать наличие такой же параллельной организации смердов, получавших дань с других смердов («...не потянути... ни в гороцкие потуги, ни к смердом ни в какие потуги...»). Эти последние можно истолковать как повинности населения, над которыми осуществляла контроль местная территориальная организация — волость или погост. Сложение их со смердов представляло собой полный разрыв всех прежних социальных связей жителей Витославиц с прилегающей округой.

В чем могли состоять общественные обязанности витославицкого крестьянства, которые, с одной стороны, определялись, как «потуги», а с другой — контролировались организацией самих смердов? Видимо, их существование связывалось с наличием таких форм налогообложения, при которых основные труды по сбору и транспортировке (повозу) дани ложились на само местное население. Ее наиболее элементарным звеном являлся погост-округ, в отдельных случаях совпадавший с границами небольшой волости. В связи с этим уместно вспомнить о взаимозаменяемости таких понятий как «погост» и «потуг» и в позднейших новгородско-княжеских dokonчаниях («а кто смерд, пойдет в свои погост», «а смерд потягнет в свои потуг»)¹¹³.

3.2.4. Погосты в Уставной грамоте кн. Святослава Ольговича. Другим новгородским документом, важным для нашего исследования, является Уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г.¹¹⁴ Появление ее преследовало цель упорядочения системы отчисления епископской десятины от княжеских судебных доходов (вир и продаж). Как уже подчеркивалось выше, смоленская грамота, составленная за год до новгородской, не предусматривала таких отчислений вовсе, утверждая лишь право епископа на доходы церковных судов. В отличие от смоленской, новгородская епископия, по-видимому, заявляла права на десятину не только от даней, но и от княжеских вир и продаж. Прецедентом тут, скорее всего, являлась передача «десятой векши от всякого княжа суда» Десятинной церкви в Киеве, нашедшая отражение в Уставе Владимира¹¹⁵. В Новгороде первой половины XII в. эта традиция закрепились, о чем свидетельствует и сама грамота:

¹¹³ГВНП. С. 13, 16, 20, 22, 28, 30, 36, 41, 48.

¹¹⁴ДКУ. С. 147–148.

¹¹⁵Там же. С. 18.

«Толико от вир и продаж десятины зърел, колико днии в руце княжий в клеть его...»¹¹⁶.

М.Н. Тихомировым было предложено читать слово «днии», написанное под титулом, как «дънии», т. е. «дней»: «Здесь, в Новгороде, я... столько от вир и продаж десятины видел, сколько дней в руке княжей и в его казну»¹¹⁷. К этой трактовке присоединился И.Я. Фроянов, сделавший вывод, что «размер десятины зависел от количества дней княжого суда, определенных Новгородом»¹¹⁸. Напротив, Я.Н. Щапов и В.Л. Янин придерживались более традиционного толкования слова «днии» как сокращенного «дании», считая, что «этот термин имеет здесь расширительное значение» и подразумевает именно поступления от вир и продаж¹¹⁹.

Мнение И.Я. Фроянова о невозможности взаимной замены таких понятий, как «дани» и «виры и продажи», действительно, кажется не вполне обоснованным. Оговорка, имевшаяся в грамоте Ростислава: «всех даней... кроме виры, и кроме продажи» и т. п., указывает, скорее, на противоположное. Но все же аргументация М.Н. Тихомирова и И.Я. Фроянова в пользу чтения «дънии» представляется в данном случае весьма основательной.

«Обращаясь к оригинальному тексту грамоты, — замечает И.Я. Фроянов, — находим, что слово „дани“ написано полностью, а „днии“ — под титулом, в Новгородской Синодальной летописи во всех случаях в термине „дань“ ни одна буква не опускается, зато при написании „день“, постоянно отсутствует вторая буква (ь), и слово везде стоит под титулом. В новгородских берестяных грамотах наблюдаются те же правила написания: „дань“ и „днь“»¹²⁰. Представляется, что отказ ведущих современных исследователей от трактовки М.Н. Тихомирова вызван не ошибкой его в переводе данного термина, который, скорее всего, правилен, а неудачей общего смыслового перевода и толкования фразы. На мой взгляд, ни о каком серьезном ограничении права княжеского суда в Новгороде в первой трети XII в., при Мстиславе и Всеволоде, речи еще не шло (а ведь Святослав Ольгович упо-

¹¹⁶ Там же. С. 143.

¹¹⁷ Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19–20.

¹¹⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974. С. 83–84.

¹¹⁹ Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Новосельцев А.П., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство. С. 283–284; Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 157; Янин В.Л. Очерки. С. 81.

¹²⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь. С. 83–84.

минает в этой фразе именно о порядке, сложившемся при его предшественниках). Кроме того, дележ доходов между князем и епископом по дням должен был автоматически исключить необходимость начисления десятины с пошлин, собираемых в княжеские дни. Законной долей епископа считались бы тогда доходы, полученные им в отведенные для него сроки. Точно так же новый порядок, введенный Святославом Ольговичем, предусматривавший компенсацию епископской десятины твердой суммой, ежегодно получаемой «из Онега», естественно, избавил князя от необходимости в дальнейшем высчитывать десятую часть от своих судебных пошлин.

Представляется, что М.Н. Тихомиров, правильно установивший значение термина «дни», был введен в заблуждение лаконичностью древнерусских юридических формулировок. Это отразилось и в его переводе: «...сколько дней в руке княжей и в его казну». В княжескую руку и казну шли, конечно, не дни, а виру и продажи. Соответственно, и смысловой перевод фразы должен быть: «Столько от вир и продаж десятины обнаружил, сколько дней в году они поступают в руку князя и в казну его». Сбор князем вир и продаж по волости не мог быть регулярным, поскольку их количество определялось статистикой уголовных преступлений. Более или менее постоянный характер могла носить только выплата вервью крупной виры в рассрочку, согласно ст. 4 Пространной Правды¹²¹. Однако, по-видимому, немало было и единовременных выплат. Следовательно, количество дней, в которые княжеские люди взимали судебные штрафы и пошлины, являлось каждый год разным. Данный словесный оборот был употреблен составителем грамоты, скорее всего, именно затем, чтобы подчеркнуть непостоянство, нерегулярность в поступлении указанного вида доходов, и, соответственно, выгодность замены ежегодной десятины твердой суммой, вычисленной в среднем. Таким образом, общее понимание данного отрывка Я.Н. Щаповым и В.Л. Яниным представляется мне верным. Суть его сводится к тому, что до появления грамоты Святослава размер судебной десятины в Новгороде не был точно фиксирован. Он «находился в зависимости от размеров дохода самого князя и изменялся вместе с ним»¹²².

Согласно новому уставу, епископ получил: «...за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун, иже выдает Домажиричь из Онега». Далее оговаривается: «Аче не будет полна ста у Домажирича, а семь-

¹²¹ ПРП. Вып. 1. С. 109.

¹²² Янин В.Л. Очерки. С. 81.

десять выдать, а доплаток возьмешь 20 гривен у князя на клети. Урядил есмь аз святой Софии и написал Никола князь Новгородский Святослав: **в Онеге на Волдутове погосте два сорочка, на Тудорове погосте два сорочька, на Ивами погосте с даромь 3 сорочькы**, на Ракуле 3, на Спиркове два, у Вихтуя сорочек, а Пинеже 3, в Кегреле 3, устье Емыце два, устье Ваг два, у Пуите сорочек, у Чюдина подсорочька, у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даромь два, у Вели два, у Векшензе два, на Борку сорочек, в Отмине сорочек, в Тоиме сорочек, у Поме польсорочьиа, у Тотьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць польсорочка, у Валдита два сорочка, на Волоце в Моши два, у Еми скоро, а на мори от чрена и от салгы по пузу, у Тудора сорочек...»¹²³. Этот текст чрезвычайно интересен с точки зрения возможностей реконструкции административно-территориальных структур на Новгородском Северо-Востоке во второй четверти XII в.

В настоящий момент мы не касаемся вопроса о сущности и значении приписок к Уставу о Бежецком и Обонежском ряде, сделанных не ранее второй половины XIII в.¹²⁴ Особый интерес для нас представляет именно тот порядок, что был конституирован Святославом Ольговичем в 1137 г.

Первоначальная локализация областей, упомянутых здесь, была осуществлена А.Н. Насоновым. Он считал «Онегу» тождественной территории Обонежского ряда (западному и южному Прионежью) и отделял ее от территории погостов, перечисленных ниже. Эти последние, по его данным, занимали пространства к востоку и северу от Онежского озера, в том числе в бассейнах Пинеги, Двины, Ваги и Сухоны. Таким образом, сборы с них являлись, по А.Н. Насонову, дополнением к основной сумме в 100 гривен новых кун, доставляемой с территории Обонежского ряда. Подтверждением своей мысли он видел в том, что именно в центре территории Обонежского ряда находилось с. Домажирово — пункт, представлявший собой, по его мнению, древнюю резиденцию «домажирича»¹²⁵.

Я.Н. Щапов, принимая историко-географические выкладки А.Н. Насонова, не был склонен, однако, видеть в «Онеге» территорию Обонежского ряда. Он с полным основанием отождествил ее с заонежскими владениями Великого Новгорода. Эти последние в XII в. делились, по его мнению, на две части — область древнейшей колонизации, включавшую бассейн Онежского озера до р. Онеги

¹²³ ДКУ. С. 148.

¹²⁴ Янин В.Л. Очерки.

¹²⁵ Насонов А.Н. «Русская земля». С. 54.

на востоке (будущая Заонежская часть Обонежской пятины), и территорию к северу от р. Онеги, находившуюся в стадии освоения (Заволочье). На первой из них в середине XII в. уже функционировала централизованная система сбора даней «княжеским чиновником-домажиричем». Погосты же Заволочья располагались на слабо освоенных новгородцами землях и представляли собой «систему ключевых пунктов, которая обеспечивала Новгороду господство над местным населением»¹²⁶.

Важным этапом в разработке проблемы явилась работа В.Л. Янина, доказавшего, что сумма, взимавшаяся в сорочках с погостов Прионежья и Заволочья, *тождественна сумме в 100 гривен новых кун, предназначенных для компенсации епископской судебной десятины*. Таким образом, именно оттуда поступали оборы, выдаваемые «домажиричем из Онега». Этот последний, по мнению В.Л. Янина, имел резиденцию в Онеге, «но управлял также и Заволочьем»¹²⁷. Данное наблюдение является платформой для наших дальнейших выводов.

Главный интерес представляет для нас проблема соотношения волости Онеги и пунктов обора дани, перечисленных в списке. В том, что здесь подразумевалась именно дань, а не судебные доходы, переданные епископу, вряд ли следует сомневаться. Во-первых, налицо неоднократное упоминание «дара», конечно, не представлявшего собой судебную пошлину. Во-вторых, четко определенный, стабильный размер ежегодных взносов с каждого погоста несопоставим с порядком взимания вир и продаж.

То, что ставки с погостов, указанные в грамоте, не могли исчерпывать собой общую сумму даней с этих территорий, было убедительно показано Я.Н. Щаповым¹²⁸. Но сформулированная им альтернатива кажется мне неправомерной. Исследователь видит лишь два возможных варианта истолкования текста. Первое: князь передает епископу *всю* дань с погостов. Такое решение вполне обоснованно оказалось им отвергнуто. Второе: епископии идет десятина от даней, и цифры, определенные в грамоте, «показывают десятую часть даней, собираемых с погостов». К этому варианту и склонился Я.Н. Щапов. Но почему? Где мы имеем указание, что компенсация Новгородской епископии за утрату судебной десятины, возложенная на перечисленные погосты, должна была непременно составлять десятую часть их общего сбора? Почему не двадцатую, не треть? Ведь общая сумма в 100 гривен

¹²⁶ Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 158–160.

¹²⁷ Янин В.Л. Очерки. С. 85–86.

¹²⁸ Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 160–161.

новых кун была вычислена составителем Устава по другим источникам и лишь затем «распределена» по указанным пунктам. Процент, который она составила здесь от общей суммы дохода, в грамоте не оговорен. Что же касается десятины с даней, то она, безусловно, следовала епископу с этой территории, *помимо всех установлений о судебной десятине*, и вообще не являлась объектом рассмотрения в уставе Святослава.

Отчисление в пользу церкви указанной суммы, призванной компенсировать утрату ею десятины от вир и продаж, было возложено на должностное лицо, осуществлявшее в Заонежье сбор *княжеских* доходов. Это означает, что собственных сборщиков епископ в середине XII в. сюда не посылал. Если бы его люди взимали церковную десятину непосредственно в Онеге, то и этот новый сбор оказался бы в их компетенции. Однако он был возложен на «Домажирича», которому, в случае недостачи, предписывалось пополнить епископскую сумму из княжеской доли доходов. Вероятно, и десятина от даней, следуемая епископу, собиралась здесь таким же порядком, с тем лишь отличием, что размеры ее могли слегка колебаться (ср. в грамоте Ростислава: «...а некоторый погибнет, то тии десятины убудет...»). Передача церковным должностным лицам указанных сумм осуществлялась, скорее всего, уже в самом Новгороде. Никаких промежуточных инстанций между Домажиричем, с одной стороны, и епископом и князем, с другой, здесь не указано.

Кто же был этот Домажирич, к которому в середине XII в. стекались дани со всего Заонежья и Заволочья? В литературе не раз высказывалось мнение, что «домажирич» — это испорченное «доможирец» или «доможилец», т. е. «домочадец», управлявший княжескими имениями в Онеге¹²⁹. Открытие В.Л. Янина, установившего тождество ста гривен новых кун «из Онега» всей оговоренной в грамоте сумме епископского сбора с территории от Онеги до Белого моря, заставило меня критически оценить подобную трактовку.

Во-первых, такое понимание термина обязывает нас предположить постоянное, стабильное пребывание «домажирича» в Онеге. Между тем новгородская административная система ни тогда, ни после не знала случаев, чтобы крупные чиновники, «держатели» волостей, сами постоянно в них проживали. Далее, признание того, что обширные пространства новгородского Северо-Востока управлялись в середине XII в. княжеским слугой, «домочадцем», автоматически влечет

¹²⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 109; Насонов А.Н. «Русская земля». С. 69–92; Шапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 162; Янин В.Л. Очерки. С. 87.

за собой вывод, что новгородские князья обладали очень давними, устойчивыми правами на обладание Заволочьем. Тогда как же вышло, что в XIII в. они оказались бесповоротно «отлучены» от этих земель? Древнейшее сохранившееся новгородско-княжеское докончанье 1266 г. зафиксировало в сложившемся виде такой порядок, при котором князю вообще не было доступа на территорию погостов, перечисленных в грамоте Святослава Ольговича («...а волостей ти, княже, новгородьских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими... А се волости новгородьские: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печора... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца...»)¹³⁰. По этим условиям, князь не имел возможности ни управлять указанными волостями, ни содержать своих «мужей» за счет кормов с них, ни увеличивать свои доходы по мере дальнейшего освоения колоний. Этот порядок, конституированный не позднее середины XIII в., обычно противопоставлялся тому, что был зафиксирован в Уставе Святослава Ольговича. Действительно, если видеть в «домажириче» княжеского слугу-управителя, контраст получается разительный. Но не лежит ли в его основе неверное толкование текста?

Упомянутый термин «домажирец-доможилец» вообще неизвестен памятникам новгородской письменности. Попытка увидеть похожее слово в обрывке берестяной грамоты № 149 была признана несостоятельной. В ней упомянут не «доможил», как считалось ранее, а распространенное в средневековом Новгороде мужское имя «Доможир»: «...да Доможирово. 10. ож...»¹³¹.

Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» также показывают: никакого «домажирича» в значении «управителя», «домочадца» в древнерусском языке не существовало¹³². Все упоминания его в юридических и литературных памятниках, за исключением грамоты Святослава, не оставляют сомнений, что перед нами имя собственное, распространенное древнерусское отчество. Таким образом, мифический «домажирец» представляет собой искусственную филологическую конструкцию, обусловленную неверным пониманием термина текста Устава Святослава.

Домажирич, упомянутый в грамоте, скорее всего, был знатным новгородцем, членом боярского рода, основанного неким Доможиром и традиционно взимавшего дани в Заонежье. Коренная новгород-

¹³⁰ГВНП. С. 9–10.

¹³¹НГБ 1977–1983. М., 1986. С. 193–194.

¹³²Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 307.

ская знать занимала прочные позиции на поприще сбора княжеских доходов. Можно также предполагать наличие устойчивых связей отдельных семейств с определенным податными территориями. Кстати, инициатива «новгородских мужей» в деле освоения северных колоний не подлежит сомнению. Прямым подтверждением тому является известный летописный рассказ о Гюряте Роговиче, посылавшем своих «молодцев» в далекую Югру на рубеже XI–XII вв.¹³³

Подобная трактовка снимает все противоречия, указанные выше. Во-первых, тогда из текста грамоты уже не следует, что Домажирич являлся постоянным жителем Прионежья. Устав неопровержимо свидетельствует лишь о регулярности получения им дани «из Онега» и выдаче князю и епископу определенных сумм. Во-вторых, отпадает необходимость считать порядок управления Заонежскими владениями Новгорода в XIII в. результатом каких-то «революционных» перемен. Становится очевидным, что запрет отдавать эти колонии в кормление приезжим «княжим мужам» был подготовлен длительной практикой «держания» их именно новгородскими мужами. Давность этой традиции, несомненно, явилась предпосылкой ее законодательного оформления в XIII в.

Следует присмотреться к перечню погостов, на которых, судя по тексту грамоты, разворачивалась деятельность Домажирича. Сумму в 100 гривен новых кун, собранную на обширных пространствах Новгородского Севера, Домажирич выдавал епископу «из Онега». Могла ли вся очерченная в грамоте территория, простиравшаяся до побережья Белого моря, называться «Онегой»? Сомнительно. Скорее, следует считать ее пограничной новгородской волостью, за пределами которой в XII в. лежали земли с «примученным» населением. Косвенно это подтверждается тем, что территория Восточного Прионежья до р. Онеги числилась в дальнейшем в составе Обонежской пятины, в то время как земли по р. Моше, Ваге, Сухоне, Двине, Пинеге, упомянутые в грамоте, оставались за пределами пятин.

Сбор доходов с этих территорий в первой половине XII в., по видимому, производился наездами из Онеги. Там, в конечном счете, и «сходились дани» с разных областей Заволочья. Поэтому список податных единиц грамоты Святослава, включающий и Онегу, и Заволочье, заведомо неоднороден. Открывает его ряд пунктов, прямо названных в тексте погостами. Это считается, как правило, достаточным основанием, чтобы трактовать *весь перечень* грамоты как «список по-

¹³³Повесть временных лет. С. 244–245.

гостов». Но на деле прямые упоминания погостов связаны исключительно с волостью Онегой: «...В Онеге на Волдутове погосте два сорочка, на Тудорове погосте два сорочка...» и т. д. А вот при перечислении доходов с отдаленных местностей, лежащих за пределами Онеги, погосты не упомянуты напрямую ни разу. Составляющие указанного списка не поддаются однозначному истолкованию. За обозначениями типа «у Вихтуя», «у Чюдина», «у Еми», «в Пинезе», «в Кергеле», «на Борку», «устье Емыце», «устье Ваг» и пр. могут стоять и общины, названные по именам своих старейшин, и территориальные единицы, и населенные пункты, куда являлись данщики. В отдельных случаях они могут означать просто места остановок, удобные пристани, на которых происходили контакты новгородцев с местным населением.

Отсутствие единого принципа в обозначении податных единиц Заволочья выступает очень отчетливо, если сравнить данный список с аналогичным перечнем грамоты Ростислава, охватывающим ядро Смоленской земли. Наиболее вероятной причиной тому можно считать слабую освоенность Новгородского Северо-Востока в первой половине XII в. и отсутствие там единой системы налогообложения. Именно здесь, как мне представляется, лежит ответ на вопрос, почему в тексте грамоты не оговорено, какую долю от общего сбора в этих пунктах составляют 100 гривен новых кун епископского дохода. Видимо, то, что собирали «молодцы» Домажирича в Заволочье в указанный период, вообще не поддавалось фиксации.

Рассматривать порядок сбора дани, стихийно формировавшийся в новгородских колониях XII в., в рамках той погостско-волостной системы, которая уже получила развитие на основной территории древнерусских княжеств, было бы неправомерно. Прямое свидетельство о наличии погостов на территории Онеги еще не дает оснований видеть их и в Заволочье XII в. Источник указывает лишь на то, что дани здесь взимались с ряда общин со старейшинами во главе или иных территориальных общностей, возникших, конечно, независимо от деятельности новгородцев. В дальнейшем на основе таких общностей, действительно, могли сложиться погостские округа. Известия о «погостах» с выраженными чертами общинного уклада на территории Новгородского Северо-Востока выступают в источниках, начиная с XIV в.¹³⁴

Грамота Святослава отражает более раннюю стадию проникновения новгородцев в Заволочье. Податные единицы, фигурирующие в

¹³⁴ГВНП.С. 279–280.

ней, трудно подвести под единое понятие погоста. Такое допущение неизбежно вносит элемент модернизации в наши представления о степени освоенности этих земель новгородской данью в XII в. Ежегодный сбор дани наездом «из Онега» и использование неславянских имен старейшин при обозначении податных единиц указывает, скорее, на то, что постоянного новгородского присутствия в Заволочье середины XII в. еще не было. Тяготение перечисленных регионов к водным путям легко объясняется тем, что именно за этими приречными областями данщики устанавливали контроль в первую очередь. Известия о строительстве здесь новгородских крепостей датируются не ранее XIV в.¹³⁵

3.3. Известия о погостах в источниках XIII в.

3.3.1. «Погосты» в новгородских берестяных грамотах. Наиболее ранней грамотой на бересте, упоминающей погосты, является пространная грамота № 531, датируемая рубежом XII–XIII вв.: «От Ане покло(н) ко Климате. Брате господине, попецалоуи о моем орудье Коснятиноу. А ныне извета емоу людьми: „Како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на дочерь еи, назовало еси състроу мою коровою и дочере блядею. А нынеца Федо(р) приехаво, оуслышаво то слово и выгонало сестроу мою и хотело потяти“. А нынеца, господине брате, согадаво со Воеславомо, молови емоу тако: „Еси возложило то слово, тако доведи“. Аже ти возомолови Коснятино: „Дала роукоу за зяте“, ты же, браце господине, молови емоу тако: „оже боудоу люди на мою сътроу, оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зяте, то ти я во вине“. Ты пако, брате, испытаво, которое слово звело на мя и пороукоу. А боудоу на томо, тебе не сестра, а моужеви не жена. Ты же мя и потени, не зяря на Федора. И даяла моя доци коуны людьми с изветомо, а заклада просила. **И позовало мене во погосто.** И язю поехала, оже онь поехало проце, а река тако: „Азо солю 4 дворяно по гривене събра“ (выделено мной. — *Н.П.*)»¹³⁶.

Текст этой грамоты был обстоятельно прокомментирован издателями¹³⁷, а перевод отдельных спорных мест в дальнейшем уточнен А.А. Зализняком¹³⁸. Несомненно, речь идет о поруке, т. е. ответствен-

¹³⁵НПЛ. М., 1950. С. 355.

¹³⁶НГБ 1962–1976. М., 1978. С. 130–134.

¹³⁷Там же. С. 134.

¹³⁸НГБ 1977–1983 гг. М., 1986. С. 213–214.

ности поручителя за денежную сумму, доверенную третьему лицу. Несостоятельным должником выступает зять Анны, которая категорически отрицает самый факт поручительства за него. Издатели грамоты полагали, что основной причиной конфликта послужило подозрение Коснятина, будто семейство Анны тайно пускает в оборот деньги, доверенные им ее зятю для дачи в рост. Таким образом, он предъявляет иск четверым обвиняемым и грозит прислать четверых дворян взять с каждого из них по гривне серебра.

Анна, ни словом не возражая против виновности своего зятя, отрицает лишь факт «поруки», т. е. своей личной ответственности за доверенную ему сумму. Следовательно, речь идет не об утаивании части прибыли, а именно о невозможности возратить деньги по требованию кредитора. Признание факта поруки сделало бы ее по закону единственным ответственным лицом, а вовсе не одним из четверых. Не случайно Коснятин вызывает на погост только ее, пригрозив четверьмя дворянами. Если бы обвиняемых было четверо, вызваны были бы все. Однако претензии кредитора к дочери Анны носят совсем другой характер. Оскорбления в ее адрес объясняются, скорее всего, подозрениями, что несостоятельность должника произошла в результате самовольных действий его жены, втайне распоряжавшейся деньгами. Возражения Анны сводятся к тому, что, во-первых, сама она не ручалась за зятя и не обязана за него платить, во-вторых, действия ее дочери никому не принесли ущерба, ибо сделки совершались при свидетелях и были обеспечены залогами.

Комментаторы объясняют вызов Анны на погост исходя из нормы, сохранившейся в ст. 25 Псковской судной грамоты. По этой статье вызов на суд считался законным, если повестка (позовница) была предъявлена обвиняемому *на погосте*¹³⁹. Новгородские документы XIV–XV вв. не сохранили аналогичного установления. Однако в берестяной грамоте № 154 (середина XIII в.) описывается судебное заседание, в ходе которого «правщики» допрашивают свидетеля и определяют компенсацию пострадавшей стороне, уплачиваемую на месте. Однако размер виры (государственного штрафа) осужденному предстоит еще выяснить у посадника и сотских. В заключение говорится: «...А то ся деялось седне во Велики день. А то **диялось на погосте, на торге**... (выделено мной. — *Н.П.*)»¹⁴⁰. Таким образом, перед нами как бы заседание суда первой ступени, происходящее на погосте в той округе,

¹³⁹ ПРП. Вып. 1. С. 218.

¹⁴⁰ НГБ 1955. М., 1958. С. 31–33.

где было совершено преступление. Вероятно, такой порядок значительно облегчал производство расследования и поиск свидетелей.

Есть основания предположить, что именно такого суда на погосте ожидала Анна в момент своего обращения за помощью к Климьяте. Если бы ей предстояло судебное разбирательство в Новгороде, целесообразно было бы сразу поехать туда, тем более, что Федор выгнал ее из дому, и она ютилась по чужим людям. Однако она остается на погосте, куда приехала, потому что («оже») Коснятин обещал прислать дворян¹⁴¹. Обвиняемая только одна, а дворян четверо, причем каждому из них следует по гривне серебра. Логично предположить: эти деньги представляют собой штраф, судебную пошлину, взыскиваемую с виновной стороны в пользу должностных лиц. Возможно, перед нами те самые «правщики», которые были упомянуты в грамоте № 154.

Умоляя Климьяту учинить встречный иск за оскорбление, сама Анна продолжает оставаться на погосте. Видимо, на то есть причины. Если, по псковским нормам, обвиняемого, не явившегося на суд после оглашения «позовницы», доставляли туда силой¹⁴², то в Новгородской земле существовала практика бессудных грамот, то есть заглазного признания виновной стороной того, кто не явился на суд¹⁴³. Таким образом, в случае приезда дворян на погост в отсутствие Анны, решение было бы для нее заведомо неблагоприятным. Ей пришлось бы самой уплатить весь долг и 4 гривны штрафа. Не рассчитывая на беспристрастность судей, посланных Коснятином, она обращается к Климьяте с просьбой вмешаться в дело.

Подводя итоги рассмотрению данного источника, следует подчеркнуть, что погост выступает в нем как центр местного судопроизводства. В то же время должностные лица для разбора конкретных дел присылались туда, по-видимому, из Новгорода (во всяком случае, если одной из сторон являлся горожанин). Привлечение грамоты № 154 позволяет конкретизировать функции и права такого суда на погосте. Здесь определялась компенсация материального ущерба потерпевшей стороне и происходила расплата за него. Что же касается более тяжелых преступлений, караемых вирой, то их рассмотрение переносилось в суд более высокой инстанции, в Новгород.

Другое ценнейшее свидетельство о погостах приведено в берестяной грамоте № 211, относящейся уже ко второй половине XIII в. Из всех вариантов разбивки ее текста на слова я принимаю следующий: «На се-

¹⁴¹НГБ 1977–1983. С. 214.

¹⁴²ПРП. Вып. 1. С. 306–307.

¹⁴³НГБ 1955. С. 10–11.

ло Во Еги, вдало есомо 5 гривено вхого. Со цксоса (со искоса?) и **от меча дахо сарати погосту**. 2 гривни возяти было...»¹⁴⁴. Данный вариант, предложенный В.Л. Яниным и А.А. Зализняком, основан на глубоком изучении лингвистических особенностей и техники письма новгородских текстов на бересте. Представляется бесспорным, что речь идет о покупке села Во Еги (или Воеге) за 5 гривен. Однако часть земли, принадлежавшей селу (спорной?), была уступлена покупщиком погосту, который выступает в данном случае как территориальная общность и корпорация, способная распоряжаться земельными угодьями. Данное известие находит прямую аналогию в одной псковской грамоте середины XV в., несомненно, указывающей на территориально-общинный характер владения землей жителями погоста в Лисьях¹⁴⁵. Несмотря на позднюю дату грамоты, ее известия заслуживают пристального внимания. В силу ряда отличий в облике и темпах развития феодального землевладения псковского и новгородского регионов, ситуацию, отразившуюся здесь, можно считать синхростадиальной более раннему этапу развития тех же явлений на новгородской почве. Аналогия с берестяной грамотой № 211 подтверждает это предположение. На сущность погоста как корпорации смердов, основной административно-территориальной единицы Новгородчины, указывает, на мой взгляд, и известная фраза новгородско-княжеских докончаний XIII–XV вв.: «...а кто смерд, то пойдет (потягнет) в свои погост (потуг)»¹⁴⁶.

На протяжении всего периода существования Новгородской республики с 1266 до 1470-х гг. эта фраза о принадлежности смердов к погостам не переставала быть актуальной, демонстрируя важность, которую придавали хозяева города правильному функционированию данной системы. Значение ее отнюдь не умалялось тем, что подавляющее большинство сельского населения Новгородчины давно вступило в отношения зависимости от крупных и мелких феодалов. В указанный период в развитии новгородской системы управления волостями окончательно обозначились тенденции, определившие лицо Новгородской республики в эпоху позднего Средневековья (сугубая централизация, обилие налогов в пользу городской, а не княжеской администрации, резкое сокращение общинного земельного фонда, сращивание государственной и частной собственности на землю, рост отношений по-

¹⁴⁴НГБ 1956–1957. С. 173; НГБ 1977–1983. С. 195, 235–236.

¹⁴⁵Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966. С. 59–60; Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время (развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.). Л., 1980. С. 122.

¹⁴⁶ГВНП. С. 13, 16, 20.

кровительства). Погостская организация на позднем этапе своего существования занимала важное место в системе государственной эксплуатации Новгородских земель. Она заметно отличалась от системы, существовавшей здесь в эпоху раннего Средневековья, в иных условиях. Особенности этого раннего этапа функционирования погостов мы и постараемся сформулировать ниже.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПОГОСТ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Понятие «погост» в памятниках древнерусской письменности при детальном рассмотрении оказывается не столь древним, как казалось ранее. Во всяком случае, ни один текст не называет «погостом» место остановки князей и их мужей в полюдье в IX–X вв. Возможно, даннические отношения племен древлян, северян, радимичей и пр. к киевским князьям в этот период можно считать примерно синхростадийными тем, что установились между Новгородом и населением Заволочья в первой половине XII в. В связи с этим отметим, что и в Заволочье ни одна податная община, ни один населенный пункт XII в. не названы в источниках «погостами».

Устав Владимира Святославича рисует нам погосты как судебные и податные центры на основной территории Приднепровской Руси в конце X в. Возможно, становление этой системы началось на несколько десятилетий ранее. Скорее всего, оно было связано с успехами в деле окняжения земель во второй половине X в., с созданием определенного порядка налогообложения и судопроизводства, помимо архаичного полюдья. Тем не менее известие ПВЛ под 947 г., на мой взгляд, должно привлекаться с осторожностью. Оно, безусловно, отражает какие-то данные о деятельности княгини Ольги по «устройению земли», сохранившиеся в местных преданиях. Но терминология этой летописной статьи принадлежит уже XI в. Древнейшие погосты X–XI вв. предстают перед нами, в первую очередь, как населенные пункты, центры округи. Таково наиболее вероятное значение погостов, упоминаемых в Уставе Владимира и в ПВЛ под 947 и 1071 гг. Нет прямых сведений, что округа таких центров-погостов в указанный период тоже называлась «погостом».

На какой подоснове развилась на Руси погостская система? Вероятно, однозначного ответа тут дать нельзя. Погосты-поселения могли расти на местах бывших княжеских станов, но ту же роль порой при-

нимали на себя старинные местные центры, основанные вовсе не князьями. В любом случае путать само явление с его подосновой не следует. Возникновение сети погостов-центров на Руси соответствует этапу развития государственности, на котором архаичное полюдь, выросшее из общинных пиров, и неприкрытый грабеж «примученных» племен, уступили место регулярному сбору дани по округам. Сбор этот производился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников.

Вероятно, чаще всего погосты X–XI вв. возникали как податные и судебные центры определенных *волостей*, сложившихся гораздо ранее. Такие волости, как правило, носили свои исторические названия и сами в обиходе назывались погостами. Погост в значении округа появляется в источниках не ранее второй четверти XII в. Возникновение этого понятия связано с освоением вширь краинных пространств волостей, с княжескими заимками пустовавших земель и появлением там постоянного контингента княжеских людей. Не исключено, что в ряде случаев округа, тянувшая данью и судом к одному из погостов более крупной волости, сама в XII–XIII вв. начинала именоваться «погостом». Эти территориальные единицы носили двойные названия, включавшие обязательное указание на волость, частью которой они являлись (для новгородских погостов XV–XVI вв. делалось аналогичное указание на пятину).

Таким образом, судя по данным письменных источников, погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной. Они являлись одним из аспектов данной системы, наложившись на нее как на более древнюю основу. Если сеть погостов-центров на каком-то этапе истории была, по-видимому, чрезвычайно широка, то погосты-округа в настоящем смысле слова существовали далеко не повсеместно. Эта картина весьма мало напоминает систему погостов эпохи новгородских писцовых книг, которая представляет собой как бы сплошную сетку, наброшенную на карту Новгородчины.

Исчезновение погостов как административных единиц на большей части территории Руси связано с такими явлениями, как расширение иммунитета, трансформация методов управления черными землями, развитие системы кормлений и т. п. В то же время проникновение христианства вглубь и строительство на погостах церковью создавали и укрепляли новую основу социальных связей населения каждого из таких округов — приходскую общину. В целом ряде регионов это значение погоста оказалось единственным, дожившим до Нового времени.

В Новгородской земле процесс протекал иначе. Вместо исчезновения системы погостов мы наблюдаем тут ее трансформацию, приспособление к новым условиям, в которых погост-округ практически вытеснил волость, превратившись в основную единицу территориального деления. Погосты-места сохранили при этом значение приходских, судебных и податных центров. К XIV–XV вв. относится целый ряд известий о погостах как субъектах права, территориальных общностях населения, выступавших одной из сторон в споре о земле. Наиболее раннее свидетельство такого рода в берестяной грамоте № 211 принадлежит второй половине XIII в.

Вызревание этих функций погостов происходило, скорее всего, исподволь. Определенное влияние могли здесь оказать и более древние общинные и волостные связи населения. Однако в целом черты общинной организации погостов Северной Руси в эпоху позднего Средневековья представляются не реликтом глубокой древности, а продуктом развития общественных отношений XII–XIII вв. На их формирование, несомненно, оказали большое влияние социальные связи населения, определившиеся в результате длительного функционирования погостов как податных единиц. Немаловажными обстоятельствами были и строительство церквей на погостах, начавшееся еще в древнерусское время, и та совершенно особая роль, которую играл новгородский владыка в управлении землями в послемонгольский период. Однако данный аспект проблемы выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время (развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.). Л., 1980.

Алешковский М.Х. Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Андряшев А.М. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Карты погостов. СПб., 1913.

Андряшев А.М. Материалы по исторической географии Новгород-

ской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914.

Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. 1936. № 1. С. 187–194.

Бахрушин С.В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 165–175.

Безус Н.Б. Северные погосты Деревской пятины в конце XV–XVI вв.: расселение и землевладение. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2002.

Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 243–319.

Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1.

Блюменфельд Г.Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884.

Брайчевский М.Ю. Движения волхвов в Северо-Восточной Руси в XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 48–61.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

Веселовский С.Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. (историко-социологическое исследование о типах городских поселений). М.; Л., 1936.

Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

Воронин Н.Н. Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 182–203.

Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. 1950. Т. 20. С. 271–302.

Греков Б.Д. Киевская Русь // *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 13–412.

Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.

Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 27–42.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в. и события 1024 и 1074 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 28–33.

Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910.

Залевская [Платонова] Н.И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 49–54.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I.

Карышковский П.О. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // Кр. сообщ. Института славяноведения. М., 1952. Вып. 9. С. 53–61.

Клеева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. междунар. российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009. С. 89–93.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1.

Концецкий В.Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 89–116.

Концецкий В.Я. Проблемы и перспективы микрорегиональных историко-археологических исследований (на примере района низовьев реки Холовы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новгород, 1995. С. 7–9.

Концецкий В.Я., Носов Е.Н. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 76–81.

Корецкий В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 201–207.

Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 153–168.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1991.

Левченко М.В. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в I половине X века // ВВ. 1953. Вып. 6. С. 11–35.

Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // ВВ. 1981. Вып. 42. С. 35–48.

Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 43–57.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

Макаров Н.А. Сельские приходы XV–XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 3 (URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ril/lov/2.htm>).

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966.

Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во II половине XI в. // Уч. зап. Вологод. пединститута. 1948. Т. 4. С. 13–36.

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. 1985. Вып. XXXIX. С. 18–277.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (по материалам Древней Руси и Скандинавии) // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 99–108.

Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин, 1969.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XIII века. М., 1969.

НГБ 1955 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

НГБ 1956–1957 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

НГБ 1962–1976 — *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

НГБ 1977–1983 — *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. Т. 8.
Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2: Переписная об-
рочная книга Деревской пятины.

Нордман Н.Н. Географическое положение погостов — округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. (с картой 17 погостов Шелонской пятины) // Изв. Русского географического общества. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 529–592.

Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // Новгород и Новгородская земля. 1988. Л., 1988. Вып. 1. С. 79–81.

Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. 1990. Вып. 3. С. 110–114.

Носов Е.Н. Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург; Псков, 1997. Т. II. С. 96–100.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя: новые материалы и исследования. СПб., 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII).

Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII в. М., 1978. С. 21–277.

Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // Русский вестник. 1898. Т. 258, кн. 11. С. 55–85; Кн. 12. С. 13–34.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Перельман И.Л. Новгородская деревня в XV–XVI вв. // Изв. 1948. Т. 26. С. 128–197.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории Древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Платонов С.Ф. Летописный рассказ Ольги о крещении в Царьграде // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 182–186.

Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173–186.

Платонова Н.И. Городища Верхнего Полужья и их связь с погостами // История и археология Новгородской земли. Л., 1987. С. 31–33.

Платонова Н.И. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Платонова Н.И. Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 103–108.

Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 68–88.

Платонова Н.И. О погребальном обряде верхнелужских сопки (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195.

Платонова Н.И. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 322–329 (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX).

Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. 1961. Вып. 18. С. 85–104.

Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси (очерки из истории X–XII столетий). СПб., 1909.

Приселков М.Д. Киевское государство во второй половине X века по византийским источникам // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. истор. наук. 1941. Вып. 8. С. 215–246.

ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ. Л., 1921. Т. 24: Типографская летопись.

Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Тр. ЛОИИ. 1960. Т. 2. С. 327–476.

Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

Рыбаков Б.А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 36–57.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М.Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // НИС. 1993. Вып. 4 (14).

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960.

Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1–8. М., 1970.

Селин А.А. Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в. // Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания. Вып. 26, ч. 2). Санкт-Петербург; Псков, 1995. С. 120–122.

Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1996.

Селин А.А. Сельское храмовое строительство в Водской пятине конца XVI — начала XVII в. // Первые Димитриевские чтения. Мат-лы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. 1996. С. 204–210.

Селин А.А. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Сергий (Тихомиров). Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (с приложением алфавитных списков сел, деревень, починков и пустошей, названных в писцовой книге 1500 г., алфавитного списка помещиков и карт Водской пятины и ее погостов в 1500 г.). СПб., 1905.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1–5.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Вып. XXX. С. 3–26.

Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

Фролов А.А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. Сер. истории. 1966. № 2. С. 62–73.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974.

Фроянов И.Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 19–38.

Фроянов И.Я. Народные волнения в Новгороде в 70-х гг. XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. 1985. Вып. 9. С. 61–71.

Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII века. Л., 1992.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Харлашов Б.Н. К вопросу о формировании и развитии погостов и писцовых книг в Псковской земле // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конф. Псков, 1986. С. 32–33.

Харлашов Б.Н. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 70–76.

Харлашов Б.Н. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000.

Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Пауто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278.

Черепнин Л.В. Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 314–349.

Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1976.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9–150.

Шапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // *Новосельцев А.П., Пауто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 279–352.

Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме появления и развития типа поселений, который обозначался в средневековых источниках как «погосты».

Возникновение сети погостов-центров на Руси соответствует этапу развития государственности, на котором архаичное полюдьё уступило место регулярному сбору дани по округам. Сбор этот производился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников.

Вероятно, чаще всего погосты X–XI вв. возникали как податные и судебные центры определенных территорий («волостей»), которые сложились ранее. Такие волости, как правило, носили свои исторические названия и сами в обиходе затем тоже стали называться «погостами». Погост в значении округа появляется в источниках не ранее второй четверти XII в. Возникновение этого понятия связано с освоением вширь окраинных пространств волостей, с княжескими заимками пустовавших земель и появлением там постоянного контингента княжеских людей. Не исключено, что в ряде случаев округа, тянувшая данью и судом к одному из погостов более крупной волости, сама в XII–XIII вв. начинала именоваться «погостом». Эти территориальные единицы носили двойные названия, включавшие обязательное указание на волость, частью которой они являлись.

Таким образом, судя по данным письменных источников, погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной. Они являлись одним из аспектов данной системы, наложившись на нее как на более древнюю основу. Если сеть погостов-центров на каком-то этапе истории была, по-видимому, чрезвычайно широка, то погосты-округа в настоящем смысле слова существовали далеко не повсеместно. Эта картина мало напоминает систему погостов эпохи новгородских писцовых книг, которая представляет собой как бы сплошную сетку, наброшенную на карту Новгородчины.

Исчезновение погостов как административных единиц на большей части территории Руси связано с такими явлениями, как расширение иммунитета, трансформация методов управления черными землями, развитие системы кормлений и т. п. В то же время проникновение христианства вглубь и строительство на погостах церквей создавали и укрепляли новую основу социальных связей населения каждого из таких округов — приходскую общину. В целом ряде регионов это значение погоста оказалось единственным, дожившим до нового времени.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусский акт, археология, историческая география, топонимика, погост, волость, дань, полюдьё.

ABSTRACT

The article deals with the emergence and development of the specific type of settlement, which is designated in the Old Russian written sources as *pogost*. The appearance of the *pogost's* network in Rus corresponds to the stage of development of the state in which archaic *polyudye* gave way to the regular collection of tributes by county. The collection of tribute in a new form was carried out by local elites, actively involved in the process of class-exploitation of their tribesmen.

Probably most *pogosts* were founded not only on new places, but also in centers, that have been established previously. *Pogost* in the meaning of a district appears in the sources in the second quarter of the twelfth century. The emergence of this concept is associated with the development of marginal areas of townships and with the appearance there of a permanent contingent of princes' people. It is possible that in some cases the district which owned tribute to the court began to be called *pogost* too.

According to written sources, *pogosts* at an early stage did not constitute a system of territorial districts different from *volost'*. They were one of the elements of the system, underlying it as a more ancient structure. The network of *pogost* centers was very wide.

The disappearance of *pogosts* as administrative units in most parts of Rus was connected with such phenomena as the extension of immunity, the transformation of 'black land' management practices, the development of *kormlenie*, etc.

Key words: Ancient Rus', ancient Russian legal act, archaeology, historical geography, place names, *pogost*, *volost*, tribute, *polyudye*.

В.В. Мурашева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГНЕЗДОВА

Данная статья посвящена двум аспектам источниковедения знаменитого гнездовского археологического комплекса — вопросам исторической топографии и хронологии памятника. Общие представления о структуре грандиозного гнездовского комплекса, в целом, сформировались уже к 30-м гг. XX в., была выявлена сложная структура как некрополя, состоящего из восьми групп курганов, так и поселения, составными частями которого являются два городища (Центральное и Ольшанское) и примыкающие к ним селища¹. К исходу XX в. актуальными оказались более частные вопросы — планировка центрального поселения, связь структуры поселения с ландшафтной ситуацией, реконструкция палеоландшафта как такового, как основы для решения вопросов зонирования поселения.

Новым импульсом этим направлениям исследований стало открытие в середине 1990-х гг. культурного слоя на пойменной части поселения, где благодаря перекрывающим его аллювиальным отложениям слой прекрасно сохранился, имеет достаточно внятную стратиграфию, не потревожен никакими позднейшими вмешательствами, что и обусловило его высокую информативную ценность². Итогом изучения древнего ландшафта и палеоклиматических условий функционирования древнего Гнездова стал целый ряд публикаций, в которых изложены основные итоги исследований³, показавших, что русло Днепра

¹ *Лявданский А.Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Смоленск. 2002. Вып. 2. С. 185–209; *Авдусин Д.А.* Главы из монографии «Гнездово» // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. I. С. 7–11 (Труды ГИМ. Вып. 36).

² *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефёдов В.С.* Новое в изучении центрального селища Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 12–27 (Труды ГИМ. Вып. 124).

³ *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.* Палеорельеф высокой поймы Днепра

на протяжении последнего тысячелетия существенно изменило свое местоположение, сдвинувшись на юг. В X в. Днепр располагался гораздо ближе к Центральному Городищу, внутреннее озеро Бездонка соединялось с притоком Днепра Свинцом, а территория высокой поймы была сухой, покрытой лесом и пригодной для жизни.

Часть поселения, расположенная на пойменной части, ограниченной Днепром и его притоком рекой Свинец, имеет гораздо более высокую ландшафтную приуроченность в сравнении с остальными частями поселения, и в значительной степени ориентирована на речной путь. Исследования различных участков показали неоднородную структуру поселения, наличие различных зон: селитебных, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнездова как речного порта. На протяжении времени существования поселка характер использования территории мог меняться.

Центральная часть поселения на пойме, расположенная на гряде между внутренними озерами Камыши и Бездонка, получила условное название «*производственная зона*»⁴. Здесь, недалеко от берега оз. Камыши, на протяжении всего времени существования Гнездова, располагался комплекс кузнечно-ювелирных мастерских. Интересно отметить элементы наследования планировки. Типы горнов менялись с течением времени, гибель некоторых сооружений, возможно, была связана с катастрофическими событиями, однако, мастерская неоднократно возрождалась на том же самом месте. Подобное наследование планировки характерно для ремесленных зон средневековых городов⁵.

Ряд находок (кресаловидная подвеска, свинцовый «идол», фрагмент рубчатой проволоки и др.) и инструментов (свинцовые гирьки, два фрагмента глиняных литейных форм для отливки скандинавских украшений) финального этапа (вторая половина X в.) существования мастерской позволяет связать ее со скандинавской производственной традицией. Однако скандинавская составляющая не исчерпывает

на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123; *Бронникова М.А., Успенская О.Н.* Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнездовского археологического комплекса // Гнездово. Результаты комплексных исследований. СПб., 2007. С. 162–182; *Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А.* 2009. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 132–147.

⁴*Мурашева В.В., Енисосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 31–77.

⁵См., например: *Халиков А.Х.* Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого Города. М., 1976. С. 64–74.

характеристику мастерской. Примечательными в контексте проблемы организации древнерусского ремесла являются находки редких инструментов: первоначальной модели для отливки ременных бляшек волжско-болгарского облика и матрицы для тиснения деталей серег «волынского» типа⁶. И наборные пояса, и серебряные сканно-зерненные серьги, входившие в состав первого убора древнерусской знати⁷, относятся к социально-значимым, престижным элементам костюма. Гнездовские находки еще раз свидетельствуют в пользу того, что в эпоху Средневековья существовали различные механизмы распространения «модных» изделий. Возможен был «импорт» не только готовых изделий, но и ремесленных традиций, носителями которых, вероятно, были странствующие ремесленники, существование которых в эпоху раннего Средневековья документировано материалами различных территорий⁸. Находка матрицы для тиснения серег волинского типа в гнездовской ювелирной мастерской позволяет пересмотреть устоявшееся со времен публикации работы Г.Ф. Корзухиной⁹ мнение о монополии юго-западной Руси на производство первого парадного сканно-зерненного убора знати, составной частью которого являлись серьги «волынского» типа. Становится очевидным, что тисненые украшения могли изготавливаться там, где на них был спрос, в частности на территории верхнего Поднепровья. Таким образом, гнездовскую элиту, основу которой составляли выходцы из Скандинавии¹⁰, обслуживали мастера-ювелиры самого разного происхождения, создавая пестрый набор деталей престижного костюма, состоявшего из элементов, различных по этнической окраске. Это нашло полное отражение, в частности, в составе клада 1993 г.¹¹, где сочетаются элементы сканно-зерненного убора, скандинавская литая подвеска и разделители ремней степного облика.

Кроме производственных сооружений, в центральной части пойменного сектора выявлены многочисленные хозяйственные сооруже-

⁶ Мурашева В.В., Рузанова С.А. Матрица для изготовления серег «волынского типа» из Гнездова // *Образы времени*. М., 2012. С. 128–137 (Труды ГИМ. Вып. 189).

⁷ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 1954. С. 22.

⁸ Енисосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // *Древности Евразии*. М., 1997. С. 302; Енисосова Н.В., Нефедов В.С. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // *Археологический сборник*. М., 1999. С. 64–73 (Труды ГИМ. Вып. 111).

⁹ Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // *КСИИМК*. М., 1946. Вып. XIII. С. 48–49.

¹⁰ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // *Смоленск и Гнездово*. М., 1991. С. 216–217.

¹¹ Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // *ДГ*. 1994 г. М., 1996. С. 171–186.

ния, часть из которых удалось интерпретировать, как склады для хранения зерна¹². Сложнее дело обстоит с выявлением жилых построек — дело в том, что ни в одной из углубленных построек не обнаружено следов отопительных устройств. Многочисленные же каменные очаги возможно и относились к наземным постройкам, однако соотнести их с конкретными сооружениями не представляется возможным. Тем не менее, по аналогии с североевропейскими постройками, некоторые из углубленных сооружений можно интерпретировать как небольшие легкие сезонные жилища. Многочисленные постройки такого рода исследованы на поселении Лёдечёпинге (Швеция), где они считаются временными постройками, использовавшимися во время летнего ярмарочного сезона¹³.

Несмотря на небольшую исследованную площадь, удалось выявить свидетельства усадебной планировки — были зафиксированы две межевые канавки, относящиеся к самому раннему этапу освоения территории. На их месте впоследствии были возведены и неоднократно подновлялись мощные изгороди, расстояние между ними — около 13 м. Возможно, это свидетельство разделения земли на участки-парцеллы: подобная система планировки раннегородских центров хорошо известна по северо-европейским поселениям эпохи викингов, таким, как Риббе, Каупанг¹⁴, Дублин¹⁵ и др. На территории Восточной Европы наличие парцелл зафиксировано в Старой Ладоге¹⁶. Необходимо отметить, что элементы усадебной застройки прослежены и на роменских поселениях¹⁷, однако, на «классических» славянских памятниках межевые канавки не известны, что позволяет отнести гнездовскую систему землепользования к североевропейской градостроительной традиции. Вероятно, ювелирно-кузнечная мастерская на пойме располагалась в рамках одной из крупных усадеб. О состоятельности владельца свидетельствует состав находок, включающих предметы роскоши (фрагменты византийских амфор, тонкостенных стеклянных сосудов).

Устоявшееся представление о Гнездове, как о «ключевом пункте на пути «из варяг в греки» долгое время не получало конкретного

¹² *Мурашева В.В., Енисосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская. С. 46.

¹³ *Ohlsson T.* The Löddeköpinge Investigation I. The Settlement at Vikhögsvägen // *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum 1975–1976*. Lund, 1976. P. 150–156.

¹⁴ *Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Series.* Aarhus University Press, 2007. Vol. 1. P. 192–194.

¹⁵ *Wallace P.F.* The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin, 1992. Part 1–2.

¹⁶ *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // *Викинг и славяне*. СПб. 1998. С. 43.

¹⁷ *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула. 2005. С. 32.

археологического подтверждения. Возможности выявить зоны и комплексы, связанные с обслуживанием речного пути, появились после открытия культурного слоя на пойменной части поселения. Для организации «портового хозяйства» чрезвычайно благоприятна и гидрологическая ситуация: на территории поймы расположено два небольших внутренних озера, одно из которых — Бездонка лежит у подножия Центрального городища. Само расположение озера заставило предполагать, что оно могло быть использовано в качестве небольшой внутренней гавани. Вторым участком, перспективным для исследования в контексте организации портовой системы, безусловно, является древняя береговая линия Днепра. Исследования на обоих участках выявили разнообразные конструкции, которые могут быть связаны с функционированием Гнездова как речного порта, и показали, что «портовое хозяйство» имело сложную структуру и эволюционировало на всем протяжении существования данного раннегородского центра.

Причалы и другие раннесредневековые портовые сооружения варварской периферии Европы представляли собой достаточно примитивные сооружения. На ранних этапах зона причала могла не оформляться никакими дополнительными сооружениями. Самыми примитивными сооружениями были камни и столбы, которые использовались для швартовки судов¹⁸. Более сложным процессом было сооружение различных «твердей» — настилов для удобного подхода к воде через топкие участки¹⁹. Они могли быть использованы не только для подхода к воде, но и для вытаскивания судов.

Несложные конструкции, которые могут быть интерпретированы как «тверди» для подхода к воде выявлены как на северо-восточном берегу озера Бездонка («портовая зона»)²⁰, так и в районе «пляжной зоны» древнего русла Днепра («прибрежная», или «портопроизводственная зона»). Наиболее внятная система дощатых настилов была исследована в районе озера Бездонка. Можно с уверенностью говорить о нескольких уровнях «твердей». Самый поздний из них составлен многочисленными, плотно уложенными не крупными досками, которые подстилаются ковриками («циновками») из бересты, возможно служившими для гидроизоляции. Среди исследованных объектов обращает на себя внимание смолокурная яма. Смола могла

¹⁸ *Elmers D.* Von der Schiffslände zum Hafenbecken // *Jahrbücher der Hafenbautechnischen Gesellschaft* 40. 1983/84. S. 6; *McGrail S.* Early Landing Places // *Conference on Waterfront Archaeology in North European Towns*, Bergen 1983. Bergen, 1985. No. 2. P. 13. No. 2.

¹⁹ *Christophersen A.* The Waterfront and Beyond // *Maritime Topography and the Medieval Town*. Copenhagen, 1999. P. 164. Fig. 7.

²⁰ *Мурашева В.В.* В поисках гнездовского порта // *РА*. 2007. № 1. С. 106–114.

использоваться в разнообразных целях, в том числе для обработки лодок и кораблей, расположение смолокуренного производства вблизи от причала представляется вполне обоснованным.

К наиболее раннему этапу освоения участка относится траншея, вытянутая в направлении от берега озера в сторону террасы. На бортах канавы были зафиксированы остатки деревянной обкладки из тонких бревен и жердей. Данное сооружение может быть интерпретировано как небольшой внутренний «волок» для вытягивания судов на сушу. В составе заполнения канавы была найдена корабельная деревянная уключина — знаковая находка, которую можно считать символом Гнездова, как речного порта. На верхний край уключины с лицевой и оборотной стороны нанесен резной узор в виде стилизованной, «лестничной» плетенки, указывающий на скандинавское происхождение корабельной детали. Необходимо отметить, что набор деревянных деталей, связанных с водным транспортом не ограничивается уключиной — на притеррасном участке поймы, где были найдены первые деревянные поделки гнездовской коллекции, был обнаружен шпангоут²¹ и два фрагмента гребных весел²².

Второй участок (*«прибрежная»*, или *«портово-производственная зона»*), который мог быть связан с приемом и обслуживанием прибывавших в Гнездово судов, расположен в прибрежной части, недалеко от древнего русла Днепра. Структура его оказалась более сложной. Несмотря на то, что в сухом слое прибрежного участка органические остатки не сохраняются, удалось проследить остатки «тверди» — следы обширного сгоревшего настила, доски которого были уложены перпендикулярно древнему руслу Днепра. Безусловным проявлением закономерности можно считать наличие здесь, также как и на берегу оз. Бездонка, смолокуренной ямы. Однако, кроме объектов, аналогичных зафиксированным на берегу озера, были выявлены остатки углубленных построек, структура которых и находки позволили предположить, что они могли использоваться как специальные прибрежные «склады», служившие для временного хранения товаров. В заполнении одного из таких объектов был найден развал амфоры «трапезундской» группы²³ — как известно, амфорная тара исполь-

²¹Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища. С. 23. Рис. 13.

²²Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 11. Рис. 3–4.

²³Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20. С. 149–150.

зовалась исключительно для перевозок товаров водными путями. В структуру прибрежной зоны входил еще один необычный объект — искусственный холм, который сформировался вследствие последовательного сооружения на одном и том же месте больших каменных очагов, которые, судя по составу находок, использовались для кузнечной обработки железа. Сооружение каждого очага сопровождалось специальной подсыпкой так, что здесь со временем сформировался холм, возвышавшийся над днепровским берегом. Возможно, что расположенная здесь кузнечная мастерская была связана с обслуживанием судов, косвенным подтверждением чему является большая концентрация ладейных заклепок и их фрагментов.

Вероятно, торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок мог затапливаться паводками — некоторые стратиграфические горизонты разделены прослойками относительно стерильной негумусированной супеси, в бортах материковых ям прослеживаются следы последовательных «сезонных» затеков²⁴.

Таким образом, полевые исследования показывают, что на раннем этапе оз. Бездонка, расположенное на некотором отдалении от основной водной артерии, активно использовалось в качестве внутренней гавани. Судя по материалам раскопок, прибрежная портовая зона начинает функционировать несколько позже. Вероятно, оз. Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнездова как речного порта, и центр «портовой активности» перемещается на берег Днепра, где выявлена сложная микротопография прибрежной зоны. Весьма примечательно, что на обоих исследованных участках были обнаружены ямы для возгонки смолы, необходимой при ремонте и сооружении судов.

«Слабым местом» в изучении Гнездова остается недостаточная разработанность вопросов хронологии. Исследования погребальных памятников (наиболее фундированные исследования принадлежат Ю.Э. Жарнову)²⁵ позволили выделить «ранний» и «поздний» этап функционирования могильника, однако, курганные древности предоставляют гораздо менее полноценный материал для хронологических построений, чем материал поселения.

²⁴ Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии. С. 144.

²⁵ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения. С. 200–225; *Он же*. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 92–105.

Один из основных и до сих пор не решенных вопросов — время возникновения поселения. На территории поселения наиболее ранние объекты и слои выделяются по составу керамической коллекции — они не содержат фрагментов посуды, изготовленной с помощью гончарного круга. Отдельные слои и объекты (углубленные части сооружений), содержащие исключительно лепную керамику, выявлены как на Центральном городище, так и на территории открытого поселения — на западном селище и на пойменной части.

В центральной части пойменного сектора в заполнении двух синхронных ям неясного назначения²⁶, наряду с многочисленными фрагментами лепной керамики найдена редчайшая для лесной полосы Восточной Европы монета — фолис Василия I (867–886), отчеканенная в византийском Херсоне²⁷. И.В.Соколова относит подобные монеты к первому типу монет Василия I. Монеты этого типа выпускались очень непродолжительное время — с 867 по 869 г.²⁸ Большой соблазн датировать объект, в составе которого найдена монета эпохой князя Олега, однако в заполнении той же ямы обнаружен бронебойный, ланцетовидный наконечник стрелы. А.Ф.Медведев датирует такие наконечники X — началом XI в. Таким образом, несмотря на широкий диапазон датировки наконечника стрелы, отнести исследованный объект к последней четверти IX в. не представляется возможным. К тому же, в примыкающей к ней и синхронной яме была обнаружена монета Юстина I (518–527)²⁹, что безусловно свидетельствует о невозможности использования редких византийских монет для датировки объектов. Вторым участком пойменной части поселения, на котором зафиксированы ранние слои, является участок около оз. Бездонка (раскоп БД-1), однако здесь кроме лепной керамики обнаружено лишь две находки — деревянная уключина и напильник, ни одна из этих находок не дает возможности предложить узкую датировку ранней фазы поселения.

Таким образом, вопрос о времени возникновения поселка до сих пор остается открытым. Вопрос же имеет первостепенное значение в рамках проблемы соотношения письменных и археологических источников. Несмотря на то, что все исследователи признают условность

²⁶ Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская. С. 32.

²⁷ Определение В.В. Зайцева, отдел нумизматики ГИМ.

²⁸ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983. С. 39–40.

²⁹ Мурашева В.В., Довгалою Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.; М., 2009. Т. I. С. 531.

ранних летописных дат, тем не менее, именно на эти даты (хотя и с оговорками) принято ориентироваться.

Получение даты ранних слоев Гнездова должно прояснить вопрос о том, мог ли князь Олег в 882 г. принять власть в городе Смоленске и посадить в нем своего мужа, или могли ли Аскольд и Дир, еще раньше, в 863 г. (по данным Устюжского летописного свода, в соответствии с которым Смоленск празднует в 2013 г. свое 1150-летие) увидеть «град велик и мног людьми». В случае, если древнейшие слои Гнездова будут датированы временем не ранее X в., мы получим весомый аргумент в пользу «перестройки древнейшей русской истории», активным сторонником которой является К. Цукерман. Опираясь на результаты анализа как письменных, так и археологических источников, К. Цукерман «переносит» время появления Рюрика на 890-е гг., а время правления Олега датирует периодом от первого десятилетия X в. до 941 г.³⁰ Представляется, что именно материалы Гнездова могут внести вклад в реконструкцию канвы событий древнейшего этапа русской истории. Учитывая размытость датировок, получаемых на основе анализа артефактов, единственная возможность получения точных дат — результаты дендрохронологического анализа. Поиск материалов для дендрохронологического анализа является одной из важнейших задач полевых археологических исследований Гнездова.

В целом, хорошо стратифицированный слой пойменной части поселения позволяет разделить археологические материалы на три хронологических пласта. Базой для такого деления, наряду со стратиграфическими наблюдениями, является анализ керамической коллекции. Датировки этапов основаны на бусинном материале. После начала промывки слоя на железных ситах бусы стали составлять более половины всех индивидуальных находок и превратились практически в массовый материал. Методика датирования, предложенная Я.В. Френкелем, основывается на распределении бус в слоях «эталонных» памятников (Ладога, Новгород, Рюриково городище). «Тактически» используется сочетание метода «узких дат» с приемом «хронологического зажимания» стратиграфически вычленимых массивов и сооружений через интервалы совместного бытования бус, найденных в перекрывающих и подстилающих слоях³¹. В результате удалось предложить достаточно узкие даты для различных объектов и стратигра-

³⁰ *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. P., 2000. P. 95–120; *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб, 2007. С. 343–351.

³¹ *Френкель Я.В.* Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стек-

фических горизонтов³², которые и использованы при делении истории Гнездова на хронологические этапы.

«Раннее Гнездово» — период существования поселения до появления керамики, изготовленной с помощью гончарного круга. Нижняя дата данного этапа, как уже было отмечено, до сих пор не ясна. На базе исследования погребальных памятников были сформулированы две основные точки зрения на время появления круговой керамики. В соответствии с точкой зрения Е.В. Каменецкой³³, это событие можно относить к концу первой четверти X в.; Ю.Э. Жарнов отодвигает появление круговой керамики в Гнездове ближе к середине X в.³⁴ Раскопки поселения внесли ясность в вопрос о времени начала использования гончарного круга в Гнездове. Самые ранние напластования центральной части пойменного сектора (раскоп П-8), датированы 930-ми гг.³⁵ и содержат круговую керамику, что подтверждает точку зрения Е.В. Каменецкой.

Ранний этап представлен археологическими материалами весьма скудно. Небольшие пятна слоя не дают возможности ответить на вопрос о том, кто в Гнездове «нача первее» жить. Наличие отдельных находок (лучевые височные кольца, височное кольцо «фативижского» типа) IX — рубежа IX–X вв., связанных с роменской культурой говорит как будто о существовании роменского поселения, однако, локализовать этот гипотетический поселок не представляется возможным, а все указанные находки происходят из слоев X в. В то же время из самых ранних напластований около оз. Бездонка происходит корабельная уключина скандинавского происхождения, свидетельствующая о наличии в Гнездове выходцев с севера уже на раннем этапе существования поселения.

«Среднее Гнездово» — ограничивается второй четвертью X в., доля круговой керамики в ранних объектах этого периода в центральной части пойменного поселения колеблется от 4 % до 22 %, в более поздних достигает 87 %. В прибрежной части доля круговой керамики составляет от 20 до 39 %. В этот период возводится вал Центрального Городища, начинается освоение береговой линии Днепра, здесь, как и

лянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 79.

³² Там же. С. 108.

³³ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 114–115.

³⁴ Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 131–132.

³⁵ Френкель Я.В. Опыт датирования. С. 108.

на берегу Бездонки, сооружаются «тверди» для подхода к воде. Финал этого этапа, вероятно, связан с катастрофическими событиями в истории Гнездова. В центральной части пойменного сектора производственные сооружения гибнут в пожаре, затем происходит нивелировка поверхности (разрушенные постройки засыпаются мощным слоем супеси), а затем происходит частичная перепланировка участка. Представляется, что в данном случае археологические материалы дают уникальную возможность реконструировать важные политические процессы, происходившие в Верхнем Поднепровье в середине X в.

На характер произошедших событий указывают заметные изменения в материальной культуре, прежде всего в керамическом материале — появляется высококачественная керамика столичного «среднеднепровского» облика. Немаловажны также и находки ременных накладок, относимых к «черниговскому» (т. е. среднеднепровскому) центру изготовления ременной гарнитуры³⁶ и пиррофиллитовых овручских пряслиц, полностью отсутствующих в нижележащих слоях. Другие материалы гнездовского археологического комплекса, прежде всего, распространение камерного обряда погребения, свидетельствуют об усилении «киевского влияния» после середины X в.³⁷ На возможный насильственный характер этих изменений указывает выпадение целой группы кладов в 950-х — начале 960-х гг.³⁸ Таким образом, археологические источники дают возможность предполагать, что в середине X в., происходит перелом в отношениях между Гнездовом и Киевом — вероятно, можно говорить об установлении прямой зависимости Гнездова от центральной киевской власти. Не исключено, что это связано с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой: жесткие методы Ольги в вопросах достижения цели хорошо известны по истории ее «мести» древлянам.

«Позднее Гнездово» соответствует периоду расцвета раннегородского центра и его гибели — это вторая половина X — начало XI в. Можно предположить, однако, что эпохе максимального процветания Гнездова и расширения территории поселения предшествует недолгий (?) период упадка. Следы катастрофических событий середины X в. читаются не только в центральной части пойменного сектора, где они «археологически» выражены в виде разрушения построек и

³⁶ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 94.

³⁷ Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998. С. 41.

³⁸ Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 413.

последующей нивелировке поверхности, но и в прибрежной части. Свидетельством упадка является мощный (до 20 см) слой аллювия, отделяющий наслоения «среднего Гнездова» от «позднего» и указывающий на временное запустение прибрежной территории. Однако, уже первый из строительных горизонтов, перекрывающих «стерильную» прослойку речных отложений и содержащий «киевскую» керамику (1–1,5%), насыщен объектами, указывающими на прибрежную деятельность намного более разнообразную, чем в эпоху, предшествующую «периоду запустения». Вероятно, на берегу Днепра постепенно концентрируются мастерские, специализирующиеся на ремонте (или даже сооружении) речных судов.

Очевидно, что процесс включения Гнездова в новую структуру управления сопровождался переселением в район Верхнего Поднепровья части подконтрольной Киеву элиты, вместе с которой появились новые черты в погребальном обряде (камерные захоронения). Без специальных исследований трудно определить, была ли высококачественная «среднеднепровская» керамика предметом импорта или ее делали на месте гончары, приехавшие из Южной Руси. Однако можно сказать, что «киевский» импульс способствовал развитию местного гончарства и массовому появлению подражаний «столичной» посуде, отличавшейся лишь худшим качеством теста. После событий 950-х гг. наступает период максимального расцвета Гнездова, обусловленный, вероятно, активным включением его в бурный процесс, связанный со становлением и развитием Древнерусского государства, его военной и торговой активности. Вторая половина X в. — время наиболее интенсивного использования пути «из варяг в греки», что подтверждается значительным увеличением византийских импортов в составе культурного слоя поселения.

Общепризнанной датой конца существования «классического» Гнездова является начало XI в. (жизнь на территории памятника, в тех или иных формах не прекращалась вплоть до настоящего времени). Долгое время для определения поздней даты памятника служила находка в кургане Л-124 фландрского денария, чеканенного в г. Аррасе графом Болдуином IV (989–1036)³⁹. Однако, недавно, в результате нового обращения к материалам кургана была получена иная атрибуция монеты — она намного более ранняя и относится ко времени правления западно-каролингского короля и императора Карла Лысого

³⁹ *Авдусин Д.А.* Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 19; *Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы. С. 415.

(875–877)⁴⁰. Существенную роль для определения времени «финала» Гнездова играет целая серия абсолютных дат, полученных с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализа образцов дерева из слоя переувлажненного притеррасного участка поймы. Радиоуглеродный анализ дает значительный разброс дат: от I до XI в. н. э. Это может объясняться старичным происхождением низины, из песчаной засыпки которой взяты образцы, и не позволяет исключить возможность попадания в нее древесины в период, намного предшествующий Гнездову. Наиболее надежной представляется дата, полученная с помощью дендрохронологического анализа ствола дерева, имевшего наибольший из всех исследованных образцов возраст (134 года). Эта дата — 1002 г. подтверждается результатами радиоуглеродного анализа двух образцов, взятых из разных серий годовичных колец ствола этого дерева. Она позволяет датировать два вышележащих строительных горизонта временем не ранее начала XI в. Анализ материалов притеррасного участка полностью подтверждает тезис о существовании Гнездова как раннегородского центра в начале XI в. Можно констатировать, что характер и набор находок ничем принципиально не отличается от других материалов «классического» Гнездова. Очевидно, сохраняется и полиэтничный состав населения.

Археологические источники не дают ответа на вопрос о том, почему и при каких обстоятельствах огромный — по масштабам X в. — город прекратил свое существование; однако, ряд признаков указывает на насильственный, катастрофический характер этого события. Во-первых, финальный горизонт содержит значительные включения угля (даже с учетом размывания верхней части культурного слоя на пойменной части разливами Днепра). Правда, необходимо учесть, что деревянные постройки, даже добровольно покинутые их обитателями неизбежно обречены на гибель в пожаре. Во-вторых, верхняя кромка напластований гнездовского времени особенно насыщена находками, некоторые из которых, такие, например, как крест-реликварий, сложно представить случайными потерями. Эти обстоятельства косвенно указывают на то, что финал Гнездова вряд ли был мирным.

⁴⁰ *Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю.* Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // *От Палеолита до Средневековья.* М., 2011. С. 96–100.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1999.

Авдусин Д.А. Главы из монографии «Гнездово» // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. I. С. 7–11 (Труды ГИМ. Вып. 36).

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Бронникова М.А., Успенская О.Н. Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнездовского археологического комплекса // Гнездово. Результаты комплексных исследований. СПб., 2007.

Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М., 1997.

Ениосова Н.В., Нефедов В.С. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. М., 1999 (Труды ГИМ. Вып. 111).

Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Жарнов Ю.Э. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб., 1998.

Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Смоленск, 2002. Вып. 2.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции Института археологии (Ленинградское отделение) АН СССР. Архив ИА РАН. 1967. 3501, 3501а.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. Л., 1966.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Мурашева В.В. В поисках гнездовского порта // РА. 2007. № 1.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.; М., 2009. Т. I.

Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3).

Мурашева В.В., Рузанова С.А. Матрица для изготовления серег «волынского типа» из Гнездова // Образы времени. М., 2012. С. 128–137 (Труды ГИМ. Вып. 189).

Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.

Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // ДГ. 1994 г. М., 1996.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 12–27 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От Палеолита до Средневековья. М., 2011.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раско-

пок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого Города. М., 1976.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб., 2007.

Christophersen A. The Waterfront and Beyond // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen, 1999.

Elmers D. Von der Schiffslände zum Hafenbecken // Jahrbücher der Hafenbautechnischen Gesellschaft 40. 1983/84. S. 6.

Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Series. Aarhus University Press. 2007. Vol. 1.

McGrail S. Early Landing Places // Conference on Waterfront Archaeology in North European Towns, Bergen 1983. Bergen, 1985. No. 2. P. 13. No. 2.

Ohlsson T. The Löddeköpinge Investigation I. The Settlement at Vikhögsvägen // Meddellanden från Lunds universitets historiska museum 1975–1976. Lund, 1976.

Wallace P.F. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. 1992. Part 1–2.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. P., 2000.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблемам источниковедения знаменитого гнездовского археологического комплекса: вопросам хронологии и исторической топографии центрального поселения (по материалам исследования пойменного сектора). В результате полевых исследований 1999–2011 гг. на пойменной части посада древнего Гнездова, аналогичной киевскому Подолу, удалось выявить зоны различного характера использования («производственную», «портовую», «прибрежная»). Наличие межевых канавок, относящихся к древнейшим напластованиям, позволяет предположить изначальное деление территории на участки-парцеллы, что находит аналогии в планировке северных раннегородских центров эпохи викингов.

Хорошо стратифицированный культурный слой поселения позволяет разделить историю раннегородского центра на три этапа: «раннее», «среднее» и «позднее» Гнездово. Вехой, отделяющей раннюю

стадию от средней, является начало использования гончарного круга. Рубежом между средней и поздней фазами являются, вероятно, важные политические события, результатом которых явилось подчинение Гнездова (древнего Смоленска) центральной киевской власти, что нашло отражение в материальной культуре.

Ключевые слова: эпоха образования Древнерусского государства, гнездовский археологический комплекс, проблемы топографии и хронологии.

ABSTRACT

The article deals with the problems of Gnezdovo — famous archaeological complex: questions of history and historical topography of the central settlement (based on studies of floodplain sector). As a result of field studies in 1999–2011 it became possible to identify areas of different patterns of use (“production”, “port”, “coastal”) on the floodplain of the ancient tenements Gnezdovo similar to Podol in Kiev. The presence of landmark grooves belonging to the oldest strata suggests the original division of territory into sections (parcels), which is similar to the layout of early northern urban centers of the Viking Age.

Well-stratified cultural layer of the settlement can divide the history of the early urban center in three phases: “early”, “medium” and “late” Gnezdovo. A landmark that separates the early stage of the medium phase, is the beginning of the use of potter’s wheel. Boundary between the middle and late phases is probably important political events that resulted in the subordination of Gnezdovo (the ancient Smolensk) to the central government in Kiev, which is reflected in material culture.

Key words: state formation, Gnezdovo archaeological complex, topography and chronology.

А.А. Фетисов

«ДРУЖИННАЯ КУЛЬТУРА» ДРЕВНЕЙ РУСИ

«Дружинная культура» Восточной Европы X — первой половины XI вв. — исторически значимый социокультурный феномен, сыгравший решающую роль в генезисе Древнерусского государства. Основной археологический источник для его реконструкции — «дружинные курганы» этого периода. Ключевой вопрос в их изучении — критерии их идентификации и выделения из массы синхронных погребений.

Термин «дружинные курганы» весьма распространен и прочно закрепился в историографии. Но что же собственно такое «дружинные курганы» как тип погребальных памятников на сегодняшний день определить довольно сложно. Круг этих памятников не определен четко, а предложенные критерии для их выделения часто произвольны и не всегда имеют строгое обоснование¹.

Те или иные курганы относят к кругу «дружинных», как правило, в связи с присутствием оружия или элементов так называемой «дружинной культуры» (детали поясной гарнитуры, вещи скандинавского происхождения и др.) в погребальном инвентаре. Здесь действует в общих чертах сформировавшаяся историографическая традиция. Показательно в этом отношении определение, данное Ф.А. Андрощуком в 1993 г.: «„Дружинная“ погребальная культура характеризуется следующими признаками: мечи, скрамасаксы, щиты, копья, стрелы, конское снаряжение, костяные острия. Костюм репрезентирован кафтанами или рубахами с бронзовыми пуговицами и скандинавскими фибулами»².

Но эти общепринятые вроде бы критерии — присутствие в погребальном инвентаре оружия и предметов, относимых к «дружинной

¹ В силу спорности критериев идентификации «дружинных курганов» мы будем в дальнейшем давать термины «дружинные курганы», «дружинная культура» и др. в кавычках.

² Андрощук Ф.А. Курганы в раскопках Д.Я. Самоквасова и «дружинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 29.

культуре» — часто оставляют вопросы и сомнения. Любые ли предметы вооружения маркируют дружинное погребение, можно ли выделить устойчивый «дружинный набор» оружия в погребальном инвентаре? Как атрибутировать безынвентарные погребения с оружием? В какой степени относятся к кругу дружинных древностей погребения, не содержащие предметов вооружения, но включающие в то же время те или иные предметы «дружинной культуры»? Можно ли в качестве критериев дружинных курганов (помимо оружия) выделить какие-либо особенности погребального обряда в целом (размер и структура насыпи, фиксируемые по материальным следам ритуальные действия и др.)? Насколько иноэтничные вещи (в первую очередь «скандинавские»), которые считаются самыми яркими маркерами «дружинной культуры», в действительности привязаны только к этой узкой социальной группе — дружинной организации? Являются ли они индикаторами только этой социальной группы?

Не вызывает сомнений лишь сам факт того, что оформившаяся на восточнославянских территориях около конца IX — начала X в. новая социальная структура («дружинная организация») сформировалась как самобытный этнокультурный феномен, значительно повлиявший на сложение культуры Древней Руси. А «дружинные курганы» — наиболее информативный археологический источник для изучения «дружины» этого периода. Анализируя социальную информативность погребений, еще Г.С. Лебедев пришел к выводу, что «группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения, и выразивших это сознание в формах погребального обряда»³.

Работа с материалами погребений и анализ содержащейся в них информации являются, вероятно, наиболее сложной задачей в археологии, поскольку в этом случае мы имеем дело с результатом сознательных действий людей, со своего рода «артефактным текстом», подчиненным определенной (но уже забытой нами) имманентной логике. Характер такой знаково-символической системы определялся социальным статусом покойника и ритуалами погребений, принятыми в данном обществе. В современной науке разработано несколько подходов к реконструкции заупокойных практик, в том числе и направленных на выявление социальных иерархий и маркеров разных общественных страт.

³ *Лебедев Г.С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. № 148. С. 25.

Говоря о социоинформативности погребального памятника и его обряда, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную социальную *реальность*, существующую в обществе, сколько *представление общества об этой реальности*⁴.

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, выделяются два различных уровня, несущих различную историческую информацию.

1. «Признаки явного уровня», трактовавшиеся самим обществом в качестве социальных индикаторов и регламентированные обрядом. Эти признаки как раз и призваны отразить существующие в обществе социальные *концепции*.
2. «Признаки неявного уровня» содержат информацию о градациях общества, не осознававшихся самими его членами⁵.

Предметы вооружения в погребении, безусловно, являются, «признаками явного уровня». Они показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий «символ», социальный маркер дружинного погребения.

Однако не *род занятий*, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в «дружинном погребении». Достаточно вспомнить, например, детские погребения с оружием и предметами «дружинной культуры». Погребенные дети, естественно, не могли являться действующими дружинниками, но, поскольку они по своему происхождению принадлежали к дружинной среде, с ними в погребение клали при захоронении оружие. Также можно вспомнить случаи нахождения в «дружинных курганах» предметов ремесленного производства, культовых предметов, которые, естественно, не демонстрировали род занятий, а являлись определенным символом. Оружие, вероятно, являлось еще и символом, демонстрирующим место погребенного в *имажинарно-мифологической* социальной системе (которая может и отличаться от *реальной* социальной структуры) общества. Поэтому, вероятно, не всегда можно относить небогатые и малоинвентарные погребения с оружием к различным группам «рядовых вооруженных общинников», «ополченцев»

⁴ *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–94.

⁵ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Идеологические представления древних обществ. М., 1980. С. 31–32.

(как это зачастую делалось в советской историографии) или т. п. Именно поэтому только предметам вооружения при определении дружинного погребения можно отводить ключевую роль.

Изучение «дружинных курганов» дает исследователям материал для воссоздания периодизации этапов развития «дружинной культуры» в X–XI вв. Рассматривая погребальные памятники с предметами вооружения, А.Н. Кирпичников почти четверть века назад насчитывал около 600 комплексов IX — начала XI в. «с находками наборов либо отдельных предметов вооружения, характеризующих (с поправками на специфику погребального ритуала) боевое снаряжение профессиональных воинов-дружинников»⁶. В нашу задачу не входят обзор или характеристика обширнейшего материала всех воинских погребений, поэтому ограничимся здесь лишь общими принципиальными наблюдениями, характеризующими этапы развития «дружинной культуры».

Первый этап развития «дружинной культуры» «Руси» — рубеж IX–X вв. — вторая половина X в. — характеризуется достаточным разнообразием форм и типов погребальных традиций. В начале — второй половине X в. воинские захоронения часто сопровождаются разнообразным набором вооружения. Присутствуют практически все типы оружия: мечи, топоры, копья, стрелы, детали луков, оковки и умбоны щитов. Иногда некоторые типы вооружения сочетаются в рамках одного комплекса. В первой половине — середине X в. на памятниках «дружинного характера» фиксируется обряд погребения в ладье либо с деталями лодки⁷. С середины X в. распространяется так называемый обряд погребения в деревянных камерах⁸. Причем, более ранние (по отношению к «камерным») захоронения с лодками известны преимущественно в северной части Восточной Европы⁹ (Юго-Восточное Приладожье, Плакун, Гнездово, Тимерево), в то время как чуть более поздние (по отношению к ладей-

⁶Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 240.

⁷*Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 277–287.

⁸*Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X — начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18. Хронологически из этого ряда выпадает могильник в урочище Плакун, где погребальная камера датируется концом IX в.

⁹В Южной Руси исключение, вероятно, составляет лишь Черная могила, где также найдены ладейные заклепки (*Петрухин В.Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 365; *Щавелев А.С.* Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» (в печати)...). Если такое предположение верно, то это самый поздний случай погребения с лодками.

ным) камерные погребения распространены на всей территории Древней Руси (Плакун, Гнездово, Псков, Тимерево, Среднее Поднепровье, Подгорцы и др.).

В качестве одной из важнейших характеристик «дружинной культуры» первого этапа мы предлагаем выделить особое социокультурное явление, которое условно может быть названо «самодекларация новой социальной группы». Процесс выделения и складывания новых социальных групп всегда сопровождается яркими материальными манифестациями принадлежности именно к этой группе. В основе такой самодекларации лежит стремление группы заявить о себе, как о чем-то отличном от окружающих. Собственно, большая часть материальных проявлений «дружинной культуры» Древней Руси и является выражением этой манифестации. На территории Древней Руси феномену «самодекларации», помимо социального, был придан также значительный этнический импульс — присутствие скандинавских элементов, как одних из наиболее ярких маркеров «дружинной культуры». Как писал еще Л.Е. Куббель: «С самого начала дружина создавалась вне рамок традиции, и объединяли ее члены не родственные и не общинные связи»¹⁰. Полиэтничность «руси» определила эклектический характер ее «дружинной культуры»: сочетание разноэтнических элементов в рамках одного погребения, вещи-гибриды¹¹, включение в комплекс вооружения североевропейских и степных элементов¹².

Окончательное складывание дружинно-княжеской организации как раннегосударственного аппарата управления происходит в конце X — начале XI в., когда она становится, по выражению Г.С. Лебедева, «четко дефинированным слоем», поскольку в этот период материальные проявления «самодекларации» (фиксируемые в погребальных памятниках) исчезают.

Второй этап развития дружинных древностей — конец X — первая половина XI в. — отличается рядом новых черт. В целом, «дружинный» погребальный обряд значительно упрощается. Это можно отметить как в отношении инвентаря, так и в отношении форм и типов ритуальных практик. На этом этапе принципиально меняется набор

¹⁰Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 147.

¹¹Орлов Р.С. Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 151–155.

¹²Кашинов С.Ю. Древнерусский дружинник второй половины X в. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. М., 2004. С. 11.

предметов вооружения в погребальном инвентаре: практически полностью исчезают стрелы (в том числе в погребениях Южной Руси), оружие представлено в основном топорами, редко встречаются копья, практически отсутствуют мечи¹³. В конце X — первой половине XI в. в «дружинных курганах» исчезает то разнообразие инвентаря, которое характерно для предшествующего периода. Воинские погребения малоинвентарны либо безинвентарны (за исключением оружия). Причем, малочисленность либо полное исчезновение погребального инвентаря из обряда невозможно объяснить лишь влиянием христианства. Известен ряд случаев, когда в погребения знати, совершенные по христианскому обряду, помещались заупокойные дары¹⁴. Кроме того, традиция помещать оружие в воинские захоронения существовала еще долгое время в рамках относительно развитого христианства, по крайней мере массово до XII в. включительно¹⁵.

Постепенно, около середины — второй половины X в., исчезают захоронения в ладьях или с деталями лодок. В XI в. исчезает также камерный обряд погребения. В ряде регионов вдали от политических центров он, вероятно, трансформируется в новую разновидность обряда, отражавшую, по всей видимости, погребальные традиции местной племенной знати, воспринявшей предшествующую традицию «Руси». Появляются так называемые «квазикамерные», «камероидные» [Струйское¹⁶, Юго-Восточное Приладожье (Акулова Гора 1)¹⁷, Гочево¹⁸, могильники Правобережья Днепра¹⁹] и малоинвентарные, либо безинвентарные камерные погребения [Пекуново, Рапти-

¹³Исключение составляет могильник Подгорцы (летописный Плеснек), где в нескольких погребениях конца X — начала XI в. мечи входили в состав погребального инвентаря (*Liwoch R.* Wielkie kurhany latopisowego Plesniska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів. 2007. Вип. 11. С. 367–368).

¹⁴*Каргер М.К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 12–21.

¹⁵*Алешковский М.Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1. С. 70–87.

¹⁶*Лесман Ю.М., Олейников О.М.* Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 182.

¹⁷*Кочуркина С.И., Линеvский А.М.* Курганы летописной веси X–XIII вв. Петрозаводск, 1985.

¹⁸*Щавелев А.С.* Камерные погребения Гочеvского могильника (вопросы атрибуции и социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск, 2002. С. 209–213.

¹⁹*Моця А.П.* Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990. С. 99–106.

Наволоок II²⁰, Удрай II, Юго-Восточное Приладожье (Челмужи)²¹]. Эти особенности (исчезновение элитарных обрядов и минимизация погребального инвентаря) связаны, на наш взгляд, с основной характеристикой второго этапа развития дружинных древностей — общей унификацией «дружинной культуры».

Этот процесс дополнительно можно проиллюстрировать целым рядом проявлений материальной культуры. Когда социальная группа («дружинная организация») предстает в уже сложившемся виде, когда ее положение и статусы окончательно определены, яркие элементы, характерные для первого этапа исчезают или нивелируются. В «дружинной культуре» конца X — XI в. это выразилось в исчезновении разнообразного погребального инвентаря и стандартизации набора вооружения в погребениях (преимущественно топоры).

Подобную особенность в развитии воинской материальной культуры отметил Г.С. Лебедев на скандинавском материале: «Во второй половине X в. в связи с наметившейся тенденцией к обособлению военно-дружинной организации, с концентрацией ее общественных функций намечается тенденция к возрастанию утилитарных качеств оружия. Из средства различения воинов разного социального статуса и ранга²² (вооруженный свободный «одальсбонд», — или рядовой викинг, вождь вольной дружины, морской конунг, — или королевский «гирдман», военачальник, ярл и т. д.) меч становится атрибутом сравнительно узкого и в социальном отношении четко дефинированного раннефеодального слоя. Сокращается его семантическая многозначность, возрастают требования к утилитарным, функциональным, боевым качествам»²³.

В это же время теряет свое значение (по крайней мере, по материалам погребений) и другой яркий элемент «дружинной культуры» X в. — наборный пояс, наибольшее распространение которого приходится на вторую половину X в.²⁴ Начиная с XI в. «имеющиеся материалы позволяют с большой долей вероятности утверждать, что на-

²⁰ *Соболев В.Ю.* Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоок II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 185.

²¹ *Кочуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 250–254.

²² *Функции, отмеченные Г.С. Лебедевым для более ранних этапов.*

²³ *Лебедев Г.С.* Этуод о мечах викингов // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991. С. 299.

²⁴ *Мурашева В.В.* Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 91–97.

борный пояс в значительной мере утрачивает свою популярность в дружинной среде»²⁵.

Подобная унификация характерна для определенного этапа развития воинской культуры не только в Древней Руси. А. Педерсен, рассматривая датские погребения с оружием и всадническим инвентарем, также приходит к выводу о сложении фиксированного типа погребений воинов со снаряжением всадника. Такие «всаднические погребения, — пишет А. Педерсен, — производят впечатление высокого уровня стандартизации»²⁶. Для них характерен набор повторяющихся, фиксированных элементов. «Всаднические погребения» встречаются в Дании в фиксированных комбинациях: пара шпор (чаще всего около пяток), удила и пара стремян. Набор оружия мог включать меч, копье, топор²⁷.

Подобная стандартизация, по мнению А. Педерсен, может представлять начало процесса, который позже был выражен законами Кнута Великого в Англии, определявшими, каким количеством лошадей и оружия должен владеть знатный человек. Лошадь и элементы упряжи, в случае с датскими находками, могли не нести в погребении утилитарных функций, а восприниматься как символ статуса. В эту же систему стандартизации могут включаться стремяна и удила²⁸.

Второй принципиальный вопрос, связанный с «дружинной культурой» — численность дружины, численность гарнизонов в пунктах пребывания «руси», прежде всего, в так называемых «открытых торгово-ремесленных поселениях» на торговых путях. В данном случае мы попытаемся определить, можно ли при таком, практически единственном пока абсолютном критерии, как присутствие оружия в инвентаре определить круг погребений профессиональных воинов и построить какие-либо социальные реконструкции для памятников Восточной и Северной Европы.

Вопрос о существовании независимых от киевских Рюриковичей дружин на древнерусских территориях уже давно решен положительно. В советской науке (и отчасти до сих пор) считается, что все проявления «дружинной культуры» в X в. относятся к известным по ранним летописям первым Рюриковичам и их воинским отрядам. Такой подход хорошо виден по историографической работе И.Н. Данилев-

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Pedersen A. Similar Finds — Different Meanings? // *Burial & Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data.* Aarhus, 1997. P. 180.

²⁷ Ibid. P. 181.

²⁸ Ibid. P. 182.

ского²⁹. В настоящее время становится все очевиднее, что до второй половины — конца X в. некоторые торговые (Тимерево, Гнездово) и раннегородские (летописные Полоцк и Туров) пункты могли контролироваться независимыми от Киева воинскими отрядами и их предводителями. Точно так же все более очевидно, что великокняжеское Среднее Поднепровье было не единственным источником и «эпицентром» полиэтничной «дружинной культуры» Древней Руси³⁰.

Результаты последних исследований Гнездова показали, что по крайней мере до 50-х — 60-х гг. X в. этот крупный торгово-ремесленный центр был относительно независим от великокняжеской власти Киева³¹. При этом воинские погребения здесь появляются уже с начала или первой четверти X в.³² Очевидно, здесь размещался самостоятельный дружинный отряд со своим предводителем, контролировавший и обслуживавший важный административный и торговый пункт на ключевом участке Днепровского торгового пути.

Представляется интересным и возможным определить численность дружинных отрядов, находящихся на различных древнерусских памятниках на протяжении X в. Это можно сделать исходя из процентного содержания воинских погребений на относительно полно раскопанных могильниках либо в случаях, когда число раскопанных курганов достаточно для статистической обработки.

Обращает на себя внимание устойчивость процента погребений с оружием для крупных торгово-ремесленных поселений на Днепров-

²⁹ *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 106–109.

³⁰ *Щавелев А.С.* К вопросу о статусе Чернигова, Полоцка и Турова на ранних этапах становления древнерусской государственности // Исторический город в контексте современности. Мат-лы межрегион. научно-практич. конф. Нижний Новгород, 1999. Вып. II–III. С. 30–34; *Хлевов А.А.* Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб., 1999. С. 49–58; *Щавелев А.С.* Чернигов, Полоцк и Туров: особенности политического статуса в раннем средневековье // Малые города России. Мат-лы II Всероссийской научно-практической конф. (1–3 июня 2000 г., г. Рязьск). Курск, 2000. Ч. I. С. 13–16. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 234–247; *Он же.* «Дружинные лагеря» // Стародавні Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311; *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009. С. 44–85.

³¹ *Нефедов В.С.* Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Мат-лы межвуз. научно-практич. конф. Смоленск, 1998. С. 31–42; *Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 70.

³² *Каинов С.Ю.* Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кущинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 62 (Труды ГИМ. Вып. 124).

ском и Волжском путях. Как правило, воинские погребения составляют от 9 % до 13 % по отношению к общему числу раскопанных курганов. Устойчивость этого соотношения для нескольких памятников говорит об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов. Для Гнездова подсчет может проводиться исходя из традиционно присутствующего в последней литературе количества раскопанных насыпей — около 1000³³, что дает, соответственно, около 10 % погребений с оружием на памятнике. Если исходить из выборки курганов, сформированной Ю.Э. Жарновым (788 комплексов), то процент курганов с оружием составит ок. 9 % (69 комплексов)³⁴. Всего же по подсчетам С.Ю. Каинова в Гнездове известно 115 комплексов с оружием в инвентаре³⁵. При этом около 50 погребений Гнездова содержат только стрелы, и в тех случаях, когда здесь присутствуют предметы «дружинной культуры», они включены в круг воинских погребений³⁶.

В Тимерева процент погребений с оружием составляет 12 %, в Ми-

³³Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. С. 5.

³⁴За время исследования памятника появилась вероятность того, что некоторые курганы были раскопаны дважды — до 1949 г. и позже экспедицией Д.А. Авдусина. Негативную роль здесь также сыграли зачастую несовершенные методики раскопок и невысокий уровень ведения полевой документации в дореволюционный период либо депаспортизация материала. Поэтому очевидно, что цифра «около 1000 раскопанных курганов» в данной ситуации достаточно условна. В последние годы встал вопрос о формировании достоверной выборки курганов Гнездова, необходимой для объективной оценки погребального обряда и различного рода статистической обработки. Впервые такую выборку предложил Ю.Э. Жарнов, включив в нее 788 комплексов. Основными критериями его выборки были: исследование курганной насыпи на снос и/или возможность локализации каждого кургана на топографическом плане некрополя. По мнению Ю.Э. Жарнова, «сформированная по такому принципу выборка (788 комплексов) позволяет избежать неоднократного использования при статистическом анализе погребений, раскопанных дважды (до и после 1949 г.)» (*Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 6.* Эту же выборку (788 курганов (793 погребения)) как наиболее достоверную использует в настоящее время и Т.А. Пушкина при анализе материалов Гнездовского могильника. См.: *Пушкина Т.А., Енисосова Н.В., Мурашева В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012. С. 246.* В рамках этой выборки насчитывается 69 комплексов с предметами вооружения, что составляет около 9 % от общего количества курганов выборки. С.Ю. Каинов предложил иной путь подсчета, исключив из выборки Ю.Э. Жарнова все т. н. «поврежденные» курганы (имеющие какие либо вторжения в насыпи или на уровне погребения, но поддающиеся локализации на плане) и курганы, где не зафиксировано погребения, кенотафы, получив 17,6 % (в выборке 346 комплексов). При включении им в выборку неповрежденных курганов, в которых не зафиксировано погребение, этот процент снизился до 13,9 % (в выборке 439 курганов) (*Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. Москва; Архангельск, 2008. Ч. I. С. 201–203.*

³⁵Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке. С. 201.

³⁶Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3. С. 89–98.

хайловском — 11,5%, в Петровском — 12%. Всего в могильниках Ярославского Поволжья по последним подсчетам С.С. Зозули выявлено 85 курганов с предметами вооружения из 714 раскопанных насыпей, что суммарно составляет около 12% воинских комплексов. Среди них 34 кургана содержат в инвентаре одиночные стрелы, не сочетающиеся с другим вооружением³⁷ (что в процентном отношении от общего числа курганов с предметами вооружения сопоставимо с Гнездовом).

Учитывая, что в Гнездове численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек³⁸, можно предположить, исходя из процентного соотношения погребений с оружием, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 50–80 человек. Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX — начало X в.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути. По реконструкции А.В. Григорьева при общей численности населения Супрут около 300 человек здесь находился постоянный дружинный контингент численностью не более 50 воинов³⁹. Сложнее определить численность гарнизонов для Ярославского Поволжья. При том, что в процентном отношении ситуация здесь аналогична Гнездову, Супрутам и Бирке (см. ниже), численность постоянного населения реконструирована только для Тимерево — около 130 человек⁴⁰, что дает довольно странно малую цифру воинского отряда. Единственное объяснение, которое пока можно предложить, это то, что поскольку Тимерево, Петровское и Михайловское — общий центр контроля торгового пути в этом регионе, то, возможно, речь идет о каком-то общем воинском отряде, отраженном в материале этих трех могильников (здесь как раз уместно вспомнить общее мнение об «аристократичности» Михайловского могильника). В таком случае можно также предположить общую численность профессионального воинского отряда до 40 человек.

Аналогичные количественные характеристики имел в X в. и постоянный гарнизон Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнездово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на общеевропейских торговых путях, демон-

³⁷ Зозуля С.С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 337–340.

³⁸ Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования. С. 9.

³⁹ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005. С. 158.

⁴⁰ Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. No 2. С. 114.

стрируют в этом отношении сходство и в социальной организации. В Бирке выделяется отдельный участок поселения, так называемый «Гарнизон» (Garrison), перекрывающий единственный открытый путь от берега к укрепленному городищу (Borg). Археологический материал позволяет интерпретировать «Гарнизон» как местоположение постоянного профессионального воинского отряда — дружины Бирки. В материалах этого участка зафиксированы практически все виды вооружения: наконечники стрел, копий и дротиков, топоры, два навершия мечей, клинок скрамасака и оковки ножен от него, фрагменты кольчужного полотна, пластины ламмелярного доспеха и, возможно, детали шлема. Здесь, помимо укреплений, находилась кузница, основной задачей которой был ремонт оружия и доспеха, и так называемые «воинские палаты». Это длинный дом «треллеборгского типа» с ладьевидными стенами, размеры постройки 9×19 м. Это сооружение и было местом постоянного пребывания воинов. Примечательна судьба этого участка поселения: в период гибели Бирки в конце X в. на «Гарнизон» была направлена основная волна штурма — длинный дом гибнет в пожаре⁴¹, что позволило исследовать его в «законсервированном» состоянии как единовременно погибшую постройку. Материалы «Гарнизона» позволили шведским исследователям реконструировать численность дружинного отряда Бирки. Опорным материалом здесь стало обнаружение вдоль стен «воинских палат» ряда сундуков, в которых воины хранили свое личное имущество и количество костяных гребней и футляров от них и их фрагментов. Численность постоянного воинского отряда Бирки, таким образом, была определена ориентировочно в 40 человек. При этом материалы «воинских палат» отчасти позволяют реконструировать и внутреннюю структуру, «ранжированность» внутри этой дружины, поскольку пространство внутри «длинного дома» разделено на несколько зон в зависимости от статуса проживающих там воинов⁴².

Реконструированная численность дружины Бирки совпадает с размерами гарнизонов ряда английских замков XII в., согласно исследованиям М. Прествича⁴³ и на основании информации из «Больших списков Королевской казны», которые велись с XII в. («Exchequer Pip Rolls») — отряды эти насчитывали от 20 до 60 воинов.

⁴¹ *Hedenstierna-Jonson Ch.* The Birka Warrior. The material culture of a martial society // *Theses and Papers in Scientific Archaeology*, 8. Stockholm, 2006. P. 500–52.

⁴² *Ibid.* С. 61.

⁴³ *Prestwich M.* The garrisoning of English medieval castles // *The Normans and their Adversaries at War*. Woodbridge, 2001. P. 185–200.

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнездову ситуацию, но и в значительной степени подтверждают использованную методику выделения и анализа дружинных погребений. Из примерно 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102⁴⁴. Это дает чуть меньше 10 % воинских погребений на этом памятнике: на это одним из первых указал еще Г.С. Лебедев⁴⁵. Учитывая реконструированную А. Грэслунд численность постоянного населения Бирки в 500–600 человек⁴⁶, можно таким образом говорить о пребывании здесь постоянного дружинного отряда в 50 человек. Эти статистические подсчеты практически полностью совпадают с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т. е. поселенческого слоя), описанными выше, которые дают цифру 40 человек.

Таким образом, результаты исследования «Гарнизона» Бирки верифицируют использованную методику анализа воинских погребений и подтверждают правомерность использованных критериев выделения «дружинных курганов» для древнерусских памятников.

Мы можем реконструировать размеры постоянных дружинных отрядов, необходимых для защиты и обеспечения функционирования торгово-ремесленных поселений Древней Руси. Как видим, размер такого отряда прямо пропорционален численности постоянного населения поселка. Причем, в этих подсчетах речь идет лишь о коллективе профессиональных воинов-дружинников, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); другие социальные группы таких маркеров в погребальном обряде не имели.

Значительно большее число воинских погребений зафиксировано в Шестовице. Д.И. Блифельд относит здесь к числу «дружинных» 30 курганов из 147 раскопанных, что составляет около 20 %⁴⁷. Такой высокий процент воинских погребений, по всей видимости, объясняется социально-политической спецификой этого дружинного лагеря. С известной долей осторожности можно попытаться подсчитать процент погребений, относящихся к дружинной среде в Киеве. По материалам раскопок М.К. Каргера, подобные погребения составляют около 18 %.

⁴⁴ *Thalin-Bergman L.* Die Waffengräber von Birka / Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986. P. 5–10.

⁴⁵ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 116.

⁴⁶ *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Stockholm, 1980. P. 82–83 (Birka IV).

⁴⁷ *Блифельд Д.И.* Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 92–99.

Подсчеты численности военных отрядов на основе процента погребений с оружием на тех или иных некрополях осуществлялись также чешскими исследователями для памятников Великой Моравии. В захоронениях, расположенных на территории великоморавских городов, до трети мужчин имеют военные атрибуты (что сопоставимо с материалами Киева); в раннефеодальных усадьбах этого же времени удельный вес захоронений воинов чуть больше — около 20–40 % (что сопоставимо с шестовицким дружинным лагерем в непосредственной близости от Чернигова)⁴⁸.

О постоянной численности великокняжеской дружины Киева можно судить и по сочинению Ибн Фадлана, посланника багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 920-е гг. Арабский путешественник пишет, что вместе с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников». По данным Константина Багрянородного, гарнизон Саркела, одной из крупнейших хазарских крепостей, состоял из 300 воинов.

В этой связи можно предположить, что пункты, подконтрольные раннегосударственной власти (подобно Шестовице или Саркелу), содержали значительно большие постоянные воинские контингенты, чем «самостоятельные» торгово-административные центры (Гнездово, Тимерево). В этом отношении показательны так называемые «королевские лагеря» Дании (Треллеборг, Фюркат, Аггерсборг), вмещавшие сотни воинов.

Дружины северных конунгов и ярлов по численности, судя по сообщениям саг «Круга Земного», были вполне сопоставимы с описанными воинскими отрядами Гнездова, Бирки или торговом-ремесленного центра Ярославского Поволжья. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл (управляющий достаточно большой областью-фюльком) в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого Харальда состояла также из 50–70 человек: в саге говорится, что вся его дружина смогла составить команду одного «большого и роскошного корабля с драконьей головой» — команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов. Информацию о составе дружин дает описание распространенного в средневековой Скандинавии приема политической борьбы — сожжение противника в доме со всей его дружиной во время пира. Сознвая условность приведенных в «Круге Земном»

⁴⁸ Рутткаи А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 145.

цифр, отметим все же, что в таких эпизодах обычное число сожженных — до 90 человек⁴⁹.

Отряды такой численности были вполне боеспособны для выполнения различных военных акций и политических задач. В этом отношении примечательный сюжет связан с борьбой за Оркнейские острова. По распоряжению ярла Мёра Рёгнвальда, Торф-Эйнар на одном боевом корабле (т. е. также с примерно полусотней воинов) захватил Оркнеи, выбив отряды хозяйничавших там викингов, и остался со своими воинами править островами.

Обращает на себя внимание тот факт, что как при подсчетах постоянных воинских контингентов торгово-ремесленных поселений Восточной и Северной Европы (Гнездово, Бирка), так и в упоминаниях подобных отрядов в письменных источниках (саги), речь идет в большинстве случаев о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно — по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике. В связи с этим же чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге об Олаве Святом» говорится, что «обычно, когда конунги объезжали Упплэнд, с ними было шестьдесят или семьдесят человек» — в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более трехсот⁵⁰. Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать численность отряда в 60–70 человек как определенную *правовую традицию*. Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек⁵¹ (не считая других сопровождающих лиц). Бонды, вероятно недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава «почему у него больше людей, чем *полагается по закону* (выделено нами. — А.Ф.) и чем было у конунгов до него»⁵². Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды — воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода «флаг»).

Наконец, анализ топографии могильников, содержащих «дружинные погребения», позволяет разрешить сложнейший исторический вопрос о времени и этапах формирования великокняжеского домена —

⁴⁹ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 44–58.

⁵⁰ Там же. С. 186.

⁵¹ Напомним, что в данном случае речь идет о событиях второй половины XI в.

⁵² *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 465.

«Русской земли в узком смысле». Археологические материалы существенно уточняют выводы, полученные для X в. А.Н. Насоновым⁵³, Б.А. Рыбаковым⁵⁴, В.А. Кучкиным⁵⁵, И.В. Ведюшкиной⁵⁶ по более поздним, XI–XIII вв., письменным источникам.

В.Я. Петрухин впервые поставил вопрос о связи камерных погребений X — рубежа X–XI вв. с очерченной А.Н. Насоновым территорией «Русской земли». Он отметил, что камерные погребения концентрируются в «ядре» «Русской земли» (Днепровско-Деснинское междуречье и Киевское Поднепровье) и на северо-восточной ее окраине (Левинка и Кветунь)⁵⁷.

В Южной Руси удается выделить ряд «дружинных курганов», которые условно могут быть охарактеризованы как «пограничные» и маркируют границы «Русской земли» (связанные в том числе и с водными путями)⁵⁸. Сеть выделенных пограничных памятников, в целом, совпадает с очерченными А.Н. Насоновым границами «Русской земли» (Рис. 1).

Реконструируя территорию «Русской земли», А.Н. Насонов определяет ее границы следующим образом: на западе она проходит в верховьях Горыни, затем идет на восток через верховья Ужа и средний Тетерев, поднимается по Днепру до устья Сожа, проходит на северо-восток между Ипутью и Сновью, на северо-востоке от междуречья Средней Ипути и Средней Десны спускается на юг до Среднего Сейма, на юго-востоке проходит вдоль Сулы, на юге идет от устья Сулы вдоль Роси (чуть южнее ее), далее — через Средний и Верхний Южный Буг, верховья Збруча, и на западе поднимается к верховьям Горыни. Причем границы эти устойчивы, и, как отмечает А.Н. Насонов, остаются неизменными, по крайней мере, до середины XI в.⁵⁹ Сложение терри-

⁵³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

⁵⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 55–90.

⁵⁵ Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–100.

⁵⁶ Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временный лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // Там же. С. 101–116.

⁵⁷ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 87; Он же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 120.

⁵⁸ Фетисов А.А. Территория «Русской земли» в X — первой половины XI в. по материалам дружинных курганов // Проблемы славяно-русской археологии чернигово-брянских земель. Мат-лы XVIII межвузовской археологической конф. 23–25 апреля 2000 г. Брянск, 2001. С. 30–33; Он же. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // Шавелёв С.П. Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

⁵⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории. С. 41.

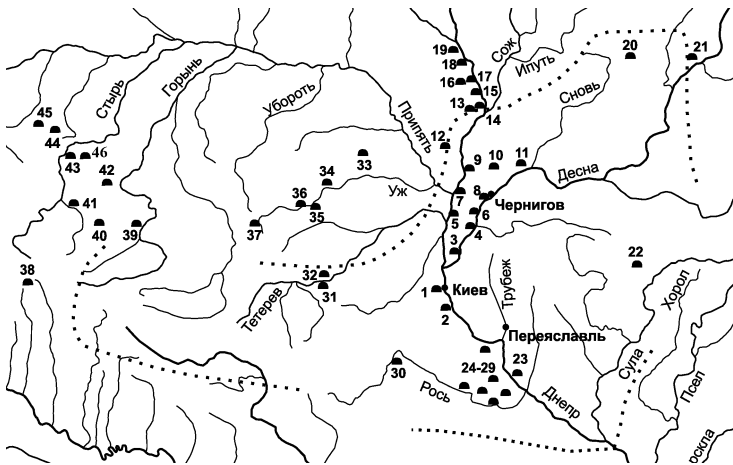


Рис. 1. Погребения с оружием и «камерными гробницами» Южной Руси X–XI вв.

1 — Киев, 2 — Китаев, 3 — Выползов, 4 — Шестовица, 5 — Табаевка, 6 — Гушчин, 7 — Пересаж, 8 — Чернигов, 9 — Любеч, 10 — Клонов, 11 — Седнев, 12 — Микуличи, 13 — Колпень, 14 — Сенское, 15 — Мохово, 16 — Дубовицы, 17 — Заужелье, 18 — Козлово-Курганье, 19 — Гориводы, 20 — Левенка, 21 — Кветунь, 22 — Липовое, 23 — Леплява, 24 — Зеленки, 25 — Бурты, 26 — Краснополка, 27 — Поток, 28 — Липовец, 29 — Кагарлык, 30 — Яблонька, 31 — Быково, 32 — Коростышев, 33 — Овруч, 34 — Сингаи, 35 — Барды, 36 — Коростень, 37 — Андреевичи, 38 — Подгорцы, 39 — Старожуков, 40 — Белев, 41 — Мокрое, 42 — Пересопница, 43 — Теремное, 44 — Горка Полонная, 45 — Усичи, 46 — Ставок. Пунктиром обозначены границы «русской земли» по А.Н. Насонову.

тории «Русской земли» А.Н. Насонов относит уже ко второй половине IX в. Ее границы, как он считает, определились еще в условиях хазарского контроля над частью славянских земель, в условиях, когда этот контроль ослабевал в течение второй половины IX в.⁶⁰

Ядро «Русской земли» — Киев, Чернигов и Днепро-Деснинское междуречье — по материалам «дружинных курганов» X в. фиксируется достаточно отчетливо. К дружинным памятникам здесь, помимо могильников Киева и Чернигова, можно отнести Табаевку, Шестовицы, Клонов, Седнев, Пересаж, Любеч, Гушчин, Звеничев, Выползов в междуречье Днепра и Десны и Китаево под Киевом.

Китаевское укрепленное городище и могильник П.А. Раппопорт датирует временем от IX–X до XIII в.⁶¹ А.П. Моця выделяет в Кита-

⁶⁰ Там же. С. 41.

⁶¹ Раппопорт П.А. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Киев, 1954. № 3. С. 22.

еве четыре камерных погребения, два из которых он датирует X в, и одно — X–XI вв.⁶².

В Гушине известно камерное погребение воина с конем, топором и наконечником копья, исследованное Д.Я. Самоквасовым⁶³. Это погребение также датируется X в. В 1983 г. в гушинской группе был раскопан еще один курган, содержащий наконечник стрелы (ингумация)⁶⁴.

В Седневе из раскопок Д.Я. Самоквасова известны 6 курганов с предметами вооружения в инвентаре⁶⁵. Помимо камерного погребения с копьем и топором, здесь присутствуют три кургана, содержащие по одному наконечнику стрелы, один курган, содержащий 6 наконечников стрел и курган с копьем и наконечником стрелы. Оба седневских копья А.Н. Кирпичников относит к X в. и предположительно к типу III⁶⁶.

В Клонове известен один курган с топором типа III⁶⁷. А.П. Моця также выделяет здесь одно камерное погребение X в.⁶⁸

В Киеве из 125 раскопанных М.К. Каргером погребений к дружинной среде можно отнести 22 (№ 37, 86, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 129, включая камерные женские погребения), что составляет 17,6 % от числа раскопанных курганов.

В Шестовицах Д.И. Блифельд выделяет 30 дружинных курганов⁶⁹, что составляет здесь 20,4 % от 147 раскопанных курганов.

В Табаевке в трех курганах (№ 3, 10, 11) найдены топоры. Все табавевские курганы А.П. Моця датирует X в.⁷⁰ Он также выделяет здесь одно камерное погребение X в.⁷¹ Из предметов дружинной культуры в Табаевке известны также металлические бляшки конской

⁶² Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Матлы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.», 26–28 сент. 1988 г. Киев, 1990. С. 103–104.

⁶³ Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908. С. 193–194.

⁶⁴ Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 288.

⁶⁵ Самоквасов Д.Я. Могилы. С. 201.

⁶⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Т. II. С. 75–76.

⁶⁷ Моця А.П. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993. С. 26, рис. 12.

⁶⁸ Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 103–104.

⁶⁹ Блифельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. С. 92–99.

⁷⁰ Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 124–125.

⁷¹ Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 103–104.

сбруи, типологически близкие черниговским и шестовицким⁷² и поясные наборы⁷³.

В Пересаже из раскопок Н.Е. Бранденбурга из кургана с кремацией X в. известен топор типа I⁷⁴. Из раскопок С.С. Ширина в Пересаже известны в одном кургане — дротик, в другом — колчан и две стрелы (на кострище от колчана сохранилось кольцо с остатками дерева)⁷⁵. Все пересажские курганы С.С. Ширинский датировал X в.⁷⁶

В X в. территория «Русской земли» (анклава русов) по дружинным памятникам фиксируется только в пределах киевского течения Днепра и Днепро-Деснинского междуречья. В IX в. ее нет.

Дружинные погребения на границах «Русской земли», выделенные нами как пограничные, появляются только в конце X — XI в. К ним относятся Левинка и Кветунь в междуречье Десны и Ипути. Они находятся на довольно большом расстоянии от района с концентрацией дружинных памятников междуречья Десны и Днепра и четко маркируют северо-восточную границу «Русской земли».

В Левинке известны два камерных дружинных погребения, в которых из оружия были топоры⁷⁷. В Кветуни из раскопок В.А. Падина известны три дружинных погребения с топорами (курган № 1, 82, 177). Предположительно к дружинному можно отнести и погребение кургана № 142⁷⁸. В девяти курганах Кветуни также встречены камерные захоронения⁷⁹.

Северо-восточная граница «Русской земли», обозначенная Кветунью и Левинкой, является важным регионом: именно в этом направлении (на северо-восток от Сновской тысячи, т. е. от Седнева) проходила экспансия Киевской Руси на территории вятичей и, вероятно, радимичей.

⁷² Орлов Р.С. Південноруський центр художньої меалооброби Х ст. // Археологія. Вып. 44. Київ, 1983. С. 33, 37, 39.

⁷³ Коваленко В.П., Моця О.П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали польового історико-археологічного семінару. Серпень 1993 р. с. Зелений Гай Сумського р-ну Сумської обл. Суми, 1993. С. 17.

⁷⁴ Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб., 1908. С. 197; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 104.

⁷⁵ Ширинский С.С. Раскопки языческих курганов Черниговщины // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 241.

⁷⁶ Он же. Курганы X в. у деревни Пересажа // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 106.

⁷⁷ Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. С. 209.

⁷⁸ Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1 1503; Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1 4328.

⁷⁹ Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995. С. 82–84.

В качестве пограничных памятников северного участка «Русской земли» можно выделить воинские погребения XI в. на Правобережье Днепра севернее устья Сожа (Мохово, Колпень, Сенское, Заужелье, Дубовицы, Козлово-Курганье, Гориводы), которые, возможно, являлись форпостами Руси на Днепровском пути при въезде в пределы «Русской земли».

В Мохово в трех курганах (№ 19, 35, 40, по В.З. Завитневичу) найдены топоры (тип I и тип IV — 2 экз.) и в одном (№ 34) — копье⁸⁰; на могильнике Колпень в кургане № 59 — наконечник копья неопределенного типа, также с этого могильника из случайных находок известны топор и два наконечника копья⁸¹. В Сенском (курган № 65) обнаружен топор неопределенного типа⁸². В Микуличах в трех курганах (№ 112, 116, 121) — топоры (тип IV и III — 2 экз.), в кургане 114 — железные удила с псалями, фрагменты весов и гирька⁸³. В Козлово-Курганье найден топор типа II (А.Н. Кирпичников датирует это погребение временем около 1000 г.⁸⁴). В Заужелье — топор типа IV (курган № 142)⁸⁵. В Дубовицах — топор типа III (курган № 134)⁸⁶. В Гориводах — топор типа III⁸⁷. По характеру обряда и погребального инвентаря эти захоронения относятся к XI в.⁸⁸

По обряду погребения все выделенные случаи — либо ингумации на горизонте, либо ингумации в гробу в могильной яме (исключение составляет погребение на могильнике Сенское, содержащее, по всей видимости, кремацию). Во всех рассмотренных погребениях оружие в инвентаре чаще всего сочетается с ножами и поясными пряжками. Рассматривая погребения Мохово, В.З. Завитневич отметил, что в них присутствуют некоторые виды украшений, имеющие аналогии в курганах Северо-Восточной Руси и не встречающиеся в других могильниках Поднепровья⁸⁹.

Представляется важным, что в ближайшем окружении от указанных памятников (т. е. на окрестных племенных территориях радимичей, дреговичей и северо-запада северянского ареала) погребения

⁸⁰ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, лл. 39 об., 41 об., 42.

⁸¹ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 42 об., 44.

⁸² Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 44 об.

⁸³ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, лл. 51 об., 52, 52 об., 53.

⁸⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 104.

⁸⁵ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 57.

⁸⁶ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 56.

⁸⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 112–113.

⁸⁸ Там же. С. 112–113, 118–119, 129–130.

⁸⁹ Архив ИИМК. Ф. 1, 1890, № 32, л. 42

с оружием неизвестны. Рассмотренные дружинные комплексы также являются хронологическими и территориальными маркерами экспансии Руси на землю радимичей в XI в.⁹⁰

К пограничным памятникам на южной границе «Русской земли» можно отнести могильники Леплява на Левобережье Днепра и Поток, Липовец, Кагарлык, Бурты, Краснополка, Зеленки, Яблоновка на Правобережье в районе Роси.

Леплявское городище может быть отнесено к числу построенных Владимиром «городов» с целью обороны от печенегов в конце X — начале XI в.⁹¹ Ю.Ю. Моргунов определяет Лепляву как дружинный военный лагерь, выдвинутый в степь для защиты Переяславля⁹². Оружие в инвентаре погребений здесь встречено в двух курганах — № 1 и 5 (из раскопок Н.Е. Макаренко⁹³). Это топоры типа I и III. Топор типа I имеет хорошо выраженные салтовские формы, что иллюстрирует славяно-кочевнические контакты в этом регионе. В каталоге А.Н. Кирпичникова к Леплявскому могильнику отнесен еще один топор (тип IV, случайная находка⁹⁴). А.Н. Кирпичников все леплявские топоры датирует XI в.⁹⁵ Погребение с топором в кургане 5 относится к концу X — первой половине XI в.⁹⁶ Возникновение самого Леплявского городища М.П. Кучера и Ю.Ю. Моргунов возводят к концу X — началу XI в.⁹⁷

На правобережье Днепра, в районе р. Рось, к пограничным можно отнести могильники Яблоновка, Поток, Липовец, Бурты, Зеленки, Краснополка, Кагарлык. Яблоновский могильник датируется XI–XIII вв. Р.С. Орлов, А.П. Моця и П.М. Покас считают этот памятник в целом славянским со значительным алано-яским элементом, характеризуя Яблоновку как «дружинный лагерь, аналогичный по сво-

⁹⁰ *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.* С. 282–289.

⁹¹ *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта).* Киев, 1984. С. 12–13.

⁹² *Моргунов Ю.Ю.* О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // *РА. 1999.* № 3. С. 70–71.

⁹³ *Макаренко Н.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // *ИАК. 1907.* Вып. 22.

⁹⁴ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 118.

⁹⁵ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 112, 113.

⁹⁶ *Сарачева Т.Г.* Металлические перстни Днепровского Левобережья // *История и эволюция древних вещей.* М. 1994. С. 90.

⁹⁷ *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья.* С. 12–13; *Моргунов Ю.Ю.* О пограничном строительстве. С. 71.

ему назначению хотя бы более раннему Шестовицкому комплексу под Черниговом»⁹⁸.

На могильниках Поток, Липовец, Бурты, Зеленки, Краснополка и Кагарлык известны кочевнические погребения с оружием и лошадьми (отрубленная голова и ноги коня), многие из которых, вероятно, помещены в камерах⁹⁹. Два копья из Потока и копье из Липовца А.Н. Кирпичников датирует X в., топор из Потока — X — началом XI в.¹⁰⁰ В остальных случаях встречены только копья (I, III и IV типов), время бытования которых имеет широкий диапазон X–XI вв.

Существование здесь кочевнических погребений, содержащих курганы с оружием и захоронением коней, вероятно, можно объяснить использованием отрядов кочевников для обороны южнорусских границ.

Восточную границу «Русской земли» (на западе ареала северян) по материалам «дружинных» курганов можно установить лишь условно. С очерченной по письменным источникам XI–XIII вв. линией границы «Русской земли» предположительно можно связать городище Ромны (летописный Ромен) и находящийся недалеко от него могильник Липовое, содержащий воинские погребения¹⁰¹.

Ближайшие к Липовому погребения с оружием находятся уже за пределами «Русской земли», западнее, на северянских территориях — на Псле и Ворскле (Каменное, Ницаха, Городное, Гочево, Мешково)¹⁰².

Летописный Ромен занимал особое положение в системе памятников северянского ареала: Б.А. Рыбаков, реконструируя торговый путь от Булгара до Киева, считает Ромен одним из контрольных пунктов на этом пути и «главным торговым центром пограничного Посулья»¹⁰³. О.В. Сухобоков предполагает существование в Ромене киевского гарнизона уже с середины X в., считая подобные памятники своеобразными «культурными центрами», из которых осуществлялось продвижение общедревнерусской культуры в племенную северянскую среду¹⁰⁴.

⁹⁸ Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев. 1985. С. 55–56.

⁹⁹ Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб. 1908. С. 16–17, 81–82, 110–114.

¹⁰⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 67, 97.

¹⁰¹ Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 44–45.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 194 (МИА. № 169).

¹⁰⁴ Сухобоков О. Древнерусский Ромен: археология и летопись // А се его сребро: збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 29–30.

Юго-западная граница «Русской земли» в верховьях Тетерева и Случи, по линии, обозначенной А.Н.Насоновым, по погребальным памятникам не прослеживается.

Западная граница «Русской земли» на археологическом материале также прослеживается достаточно условно. На западе «Русской земли» можно отметить только один памятник, содержащий дружинные погребения, причем довольно богатые, — Подгорцы (летописный Плеснек). Здесь присутствуют два «дружинных кургана», содержащих богатые парные камерные погребения (раскопки Т. Земенцкого 1881–1882 гг.). В одном из курганов найдены меч, топор и кольчуга, в другом — меч и топор¹⁰⁵. Оба комплекса датируются концом X — первой половиной XI в.¹⁰⁶

«Древлянская» граница «Русской земли», обходящая с юга территорию расселения древлян, маркируется могильниками Коростышев и Быково на среднем Тетереве. Помимо того, что они лежат на линии границы, очерченной А.Н. Насоновым, эти памятники находятся в значительном удалении от древлянских могильников, лежащих за пределами «Русской земли» и также содержащих погребения с оружием. И.П. Русанова, реконструируя на основе особенностей погребального обряда древлянскую племенную территорию, помещает могильники Быково и Коростышев непосредственно на южной границе распространения древлян¹⁰⁷.

В Коростышеве из раскопок В.Б. Антоновича известно одно погребение (ингумация в могильной яме)¹⁰⁸, с копьем I типа (XI в. по А.Н. Кирпичникову¹⁰⁹). Могильник в урочище «Быковщина» (Быково) содержит три кургана с оружием (№ 58, 60, 61 по В.Б. Антоновичу). В первом (ингумация) найден наконечник копья, во втором (кремация) — три наконечника копий типа I, в третьем (кремация) — стрела и, вероятно, боевой кинжал (длиной 49 см)¹¹⁰. Три копья типа I из кургана № 60 А.Н. Кирпичников широко датировал X–XI вв.¹¹¹

Присутствие в Коростышеве и Быково в основном только копий

¹⁰⁵ Населення Прикарпаття і Волині за дробі розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ. 1976. С. 174.

¹⁰⁶ *Liwoch R.* Wielkie kurhany latopisowego Plesniska. С. 367.

¹⁰⁷ *Русанова И.П.* Территория древлян по археологическим памятникам // СА. 1960. № 1. С. 66.

¹⁰⁸ *Антонович В.Б.* Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. № 11. 1893. С. 57.

¹⁰⁹ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 80.

¹¹⁰ *Антонович В.Б.* Древности Юго-Западного края. С. 43–44.

¹¹¹ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. 1966. С. 70.

типа I позволяет предположить, что на этих пограничных памятниках находились, возможно, какие-то наемные скандинавские дружинники, что еще раз подтверждает правоту отнесения этих памятников к пограничным.

Выделенные пограничные памятники конца X — начала XI в. типологически несколько отличаются от дружинных погребальных древностей X в. Практически все они малоинвентарны или безинвентарны; по обряду погребения — это за редким исключением ингумации в могильных ямах. Оружие в инвентаре этих погребений представлено достаточно устойчивым набором: преимущественно топорами, очень редко встречаются копья (Коростышев, Мохово, Колпень), отсутствуют стрелы (за исключением Яблоновки), мечи есть только на западной окраине «Русской земли» в Подгорцах.

Итак, на основе рассмотренного материала дружинных погребений мы можем уточнить хронологию формирования территории «великокняжеского домена» — «Русской земли». В X в. она фиксируется только лишь в пределах киево-черниговского «ядра» (киевское Поднепровье и памятники Днепро-Деснинского междуречья: Чернигов, Шестовица, Выползов, Гушин, Седнев, Табаевка, Звеничев, Клонов, Пересаж и др.). В конце X — начале XI в. эта территория, по всей видимости, расширяется до границ, реконструированных А.Н. Насоновым, что фиксируется по выделенным пограничным дружинным погребениям (Подгорцы, Коростышев, Быково, группа могильников на Днепре севернее устья Сожа, Левинка, Кветунь, Липовое, Леплява, ряд могильников в бассейне р. Роси). При этом большая часть памятников X в. в Днепро-Деснинском междуречье на этапе конца X — начала XI в. приходит в упадок или исчезает. Так, например, Табаевка и, вероятно, Пересаж на Правобережье Днепра, определяющие границы «Русской земли» в X в., перестают существовать на следующем этапе, когда эта граница отодвигается выше по Днепру, переходя при этом и на Левобережье, что и маркируется воинскими погребениями XI в. (Микуличи и могильники севернее устья Сожа).

Археологические материалы надежно опровергают принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «Русской земли» в IX в. «Домен» киевских князей — феномен, появившийся в X в. Границы «Русской земли», реконструируемые по письменным источникам, сформировались лишь в конце X — первой половине XI в.

Нами было рассмотрено только три аспекта «дружинной культуры» русов — «дружинные погребения», численность их разных отрядов и гарнизонов, топография «киевского ядра» Древнерусского го-

сударства. Совершенно очевидно, что в перспективе изучение дружинных древностей этносоциальной группы «русь» в значительной степени скорректирует «хрестоматийную картину» однолинейного и непрерывного пути формирования Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1.

Андросчук Ф.А. Курганы в раскопках Д.Я. Самоквасова и «дружинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернигів, 1993.

Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. 1893. С. 57. № 11.

Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Бліфельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб. 1908.

Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев, 1984.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Зозуля С.С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Каинов С.Ю. Древнерусский дружинник второй половины X в. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. М., 2004.

Каинов С.Ю. Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2008. Ч. I.

Каргер М.К. Княжеское погребение XI в. в Десятиной церкви // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 4.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Т. II.

Коваленко В.П., Моця О.П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали польового історико-археологічного семінару. Серпень 1993 р. с. Зелений Гай Сумського р-ну Сумської обл. Суми, 1993.

Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X–XIII вв. Петрозаводск, 1985.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. № 148. С. 25.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Г.С. Этюд о мечех викингов // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.

Лесман Ю.М., Олейников О.М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997.

Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // Изв. Археологической Комиссии. 1907. Вып. 22.

Михайлов К.А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3.

Моця А.П. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993.

Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990.

Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

Населення Прикарпаття і Волині за дробі розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ. 1976.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.

Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Мат-лы межвуз. научно-практич. конф. Смоленск, 1998.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–94.

Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. Київ, 1983. Вып. 44.

Орлов Р.С. Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.

Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1 1503;

Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1 4328.

Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Идеологические представления древних обществ. М., 1980.

Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012.

Раппопорт П.А. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Киев, 1954. № 3.

Русанова И.П. Территория древлян по археологическим памятникам // СА. 1960. № 1.

Руткави А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. № 169. Древности Восточной Европы. М., 1969.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.

Сарачева Т.Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Соболев В.Ю. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997.

Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Сухобоков О. Древнерусский Ромен: археология и летопись // А се его сребро: збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002.

Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // *Щавелёв С.П.* Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

Фетисов А.А. Территория «Русской земли» в X — первой половины XI в. по материалам дружинных курганов // Проблемы славяно-русской археологии чернигово-брянских земель. Мат-лы XVIII межвуз. археологической конф. 23–25 апреля 2000 г. Брянск, 2001. С. 30–33;

Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Хлезов А.А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб., 1999.

Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ. 2004. С. 307–311.

Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.

Ширинский С.С. Курганы X в. у деревни Пересажа // КСИА. 1969. Вып. 120.

Ширинский С.С. Раскопки языческих курганов Черниговщины // АО 1966 г. М., 1967.

Щавелев А.С. Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» (в печати).

Щавелев А.С. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции и социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск, 2002.

Щавелев А.С. К вопросу о статусе Чернигова, Полоцка и Турова на ранних этапах становления древнерусской государственности // Исторический город в контексте современности. Мат-лы межрегиональной научно-практич. конф. Нижний Новгород, 1999. Вып. II–III.

Щавелев А.С. Чернигов, Полоцк и Туров: особенности политического статуса в раннем средневековье // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рильск). Курск, 2000. Ч. I.

Gräslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Stockholm, 1980 (Birka IV).

Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and Papers in Scientific Archaeology, 8. Stockholm, 2006.

Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів. 2007. Вип. 11.

Pedersen A. Similar Finds — Different Meanings? // Burial & Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, 1997.

Prestwich M. The garrisoning of English medieval castles // The Normans and their Adversaries at War. Woodbridge, 2001.

Thalin-Bergman L. Die Waffengräber von Birka // Birka II: 2. Systematische Analisen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена «дружинной культуре» Восточной Европы X — первой половины XI вв. — ключевому социокультурному феномену раннего Средневековья Восточной Европы, сыгравшему решающую роль в генезисе древнерусского государства. Исследуется основной археологический источник этого периода — «дружинные курганы». Решается ключевой вопрос в изучении «дружинных курганов» — критерии их идентификации и выделения из массы синхронных погребений. Предлагается методика определения численности дружинных отрядов, располагавшихся на ключевых городских поселениях Руси в X в. Анализ топографии дружинных древностей вокруг Киева позволяет опровергнуть принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «русской земли» вокруг столицы князей Рюриковичей в IX в. «Домен» киевских князей — феномен, появившийся X в. Границы «русской земли», реконструируемые по письменным источникам, сформировались лишь в конце X — первой половине XI вв.

Ключевые слова: дружинная культура, инфраструктура государства, курганы, погребение, оружие, погребальный инвентарь, топография скандинавских древностей в Восточной Европе, численность военных отрядов.

ABSTRACT

The paper concerns the problem of “brigade culture” of Eastern Europe 10th — the first half of 11th c. — the key socio-cultural phenomenon of the early Middle Ages in Eastern Europe, which played a crucial role in the genesis of the ancient Russian state. We investigate the main archaeological source of this period — “Brigade mounds”. The key issue in the study of “druzhina mounds” — the criteria for their identification and isolation from the synchronous mass graves is studied. We propose a method of determining the number of “druzhina units” situated on the key urban settlements in Russia in the 10th century. The analysis of the topography of the “druzhina antiquities” around Kiev can refute adopted in the historiography the A. Nasonov’s conclusion that the formation of the “Russian land” around the capital of Rurikids took place in the 9th century. “Domain” around Kiev — a phenomenon that appeared in the 10th c. The boundaries of the “Russian land”, reconstructed from written sources, formed only at the end of 10th — the first half of 11th century.

Key words: brigade culture, infrastructure of the state, burial mound, obsequies, arms, grave goods, topography of the Scandinavian antiquities in East Europe, the number of military units.

В.Я. Петрухин

ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ*

Памяти Е.А. Рябинина

Проблема взаимодействия с финнов с восточными славянами была поставлена Начальной летописью — «Повестью временных лет» (ПВЛ), утверждавшей, что начало русской истории связано с данью, которую собирали варяги, «приходяще изь заморья, на чюди, на словенехъ, на меряхъ и на всехъ кривичах».

Эта простая по синтаксису фраза подверглась, однако, конъектурным исправлениям в современных изданиях¹, ибо издатели усмотрели в перечне племен-данников белозерскую весь. Соответственно дань брали «на чюди, на словенехъ, на меряхъ и на всехъ[,] кривичах», а призывали варягов не только «чюдь, словене, кривичи и вси», а «чудь, словене, кривичи и весь». Конъектура основывалась на методах шахматовской реконструкции текста начального летописания: в летописной легенде о призвании варяжских князей сказано, что один из призванных братьев — Синеус получил Белоозеро, где (согласно космографическому введению к ПВЛ) сидела весь. И хотя в Новгородской первой летописи (НПЛ), каковую А.А. Шахматов считал коррелятом начальной редакции летописного текста, нет упоминания о варяжской дани со «всех кривичей», а приывают варягов лишь чудь, словене и кривичи, возможности «историцистской» реконструкции текста оказались тогда важнее. Позднейшие издатели настаивали, что перепис-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам», поддержанного решением Научного совета Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ ПВЛ в Лаврентьевской редакции под 859 г.: ПВЛ. С. 148. Ср. Ипатьевскую редакцию: БЛДР. Т. 1. С. 74. Ср. конъектуру *вьсь*, при которой этот народ включается в войско Олега под 882 г. (ПВЛ. С. 14), при том что в Лаврентьевской и Радзивиловской редакциях речь опять-таки идет о «всех кривичах». Нет веси и в многоплеменном войске Олега, идущем на Царьград под 907 г.

чики древних сводов приняли этникон *vesь* за местоимение². Скорее, древние редакторы и современные интерпретаторы текста ПВЛ не поняли значения местоимения: в отношении «всех кривичей» оно имело смысл в контексте космографического введения, где кривичи располагались в обширном регионе у истоков трех трансконтинентальных магистралей — Западной Двины, Днепра и Волги. НПЛ была лишена космографического введения, удаленного при сокращении ПВЛ, и словосочетание «все кривичи» стало непонятным. Столь же неясным и анахронистическим для новгородского летописца было выражение «вся русь» в отношении пришедшей с призванными князьями дружины — он заменил его на «дружину многу и предивну»: ведь русь для новгородца пребывала в Киеве, а не в «заморье». А.А. Шахматов, признававший «заморское» (скандинавские) происхождение имени *русь*, воспринимал его (вслед за летописцем) как обозначение народа и интерпретировал выражение «вся русь» в буквальном смысле: летописец использовал это выражение, потому что знал, что в Скандинавии нет народа русь, стало быть, призванные князья переселили весь этот народ с собой в Восточную Европу³. Между тем от имени «всей руси» был заключен первый договор с греками (911 г.) — речь явно шла о дружине, диктовавшей условия договора⁴.

Финская историческая ономастика позволяет прояснить происхождение и значение имени *русь*. В этом виде оно было воспринято славянами при прибалтийско-финском посредстве: финны именуют Швецию *Ruotsi*, на что указал в XVIII в. еще Г.Ф. Миллер, эстонцы — *Rootsi*⁵, что указывает на участие летописной чуди в передаче шведского наименования славянам: со времен В. Томсена принято считать, что это наименование означало не народ/племя, а дружину «гребцов»⁶, ведь по рекам Восточной Европы невозможно было перемещаться на «длинных» кораблях викингов, приходилось рассчитывать на гребные суда⁷.

²БЛДР. Т. 1. С. 493.

³Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. IX, кн. 4 (репр.: Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.).

⁴См. о договорной лексике: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995. С. 123–125.

⁵Ср. о других прибалтийско-финских языках: Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 217.

⁶Историография вопроса обстоятельно разобрана в недавно защищенной диссертации: Соколов С.В. Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2011.

⁷Ср.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

Только недоумение может вызвать подход к этой этимологии В.В. Седова. «Археолог, — писал он, — не может согласиться с такими построениями. Если *Ruotsi / Rootsi* является общезападнофинским заимствованием, то оно должно было проникнуть из древнегерманского не в вендельско-викингское время, а раньше — до распада западнофинской общности, то есть до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных языков прибалтийских финнов»⁸. Исследователь смешивает здесь позиции археолога и филолога: с точки зрения археолога контакты с германцами на Балтике были постоянными, начиная с неолита — бронзового века⁹ (что соответствует раннему проникновению обозначения шведов — «гребцов» в прибалтийско-финские языки).

Схожие обозначения шведов в прибалтийско-финских языках позволяют предполагать раннюю датировку формирования имени *русь* в славянском (праславянском): эту дату связывают с готской эпохой, перечнем «северных народов» державы Германариха у Иордана, напоминающим перечень народов в космографическом введении ПВЛ. «*Golthescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens*» (Getica 116) и т. д. увязывались с голядью (*Golthescytha*), чудью (*Thiudos*), даже весью (*Vas*), не говоря уж об «очевидных» мере и морд-ве¹⁰. Хотя собственно руси нет в этом списке, контекст провоцирует на поиски места руси рядом с чудью, как в Начальной летописи¹¹, или на поиски синхронного этника, напоминающего имя русь — в том числе пресловутого народа *хрос* Захарии Ритора (VI в.), упомянутого этим

⁸ Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 66.

⁹ Луото Ю. Балтийские контакты в эпоху каменного века в Финляндии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 135–144. См. специально о ранних контактах земель Эстонии / чуди со Скандинавией: Казанский М.М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 330–336; Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006.

¹⁰ Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н. э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 9–15; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV — первой половины VI века в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26–72; ср. анализ в комментарии Е.Ч. Скржинской: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 265–266; а также см.: Korhonen I. The Peoples of Hermanaric, Getica 116. Helsinki, 1975; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чужь // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–50; с естественной остороженностью к множющимся кабинетным этимологиям относился А.Н. Анфертьев, см.: Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 98–160.

¹¹ Ср.: Лебедев Г.С. Русь и чужь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение древней Руси. Л., 1988. С. 79–98.

сирийским компилятором вслед за амазонками среди других монстров края ойкумены¹².

Прибалтийско-финская *весь* / *вепсы* оказалась в центре подобных конструкций в связи с очередной архаизирующей русь «герульской версией» происхождения наименования *русь* у норвежского востоковеда Х. Станга. Естественно, эта версия не обходится без упомянутой безосновательной конъектуры, предполагающей участие вепси в призвании варяжских князей с их русской дружиной; перенесение названия *Ruotsi* на Швецию в этой замысловатой конструкции связывается с «игрой слов», которой занимались эрулы / герулы, возвращаясь в VI в. из Восточной Европы на Балтику через земли славян¹³.

Верифицирующей возможностью обладает при мультипликации подобных этнокультурных конструкций археология. Е.А. Рябинин, проанализировав археологические источники, показал, что «до последней четверти X в. летописная *весь* оставалась в стороне от непосредственных этнических контактов со славянами»¹⁴. Более того, Н.А. Макаров (вслед за А.Н. Башенькиным¹⁵) настаивает, что на берегу Белого озера «небольшая группа (вепских. — В.П.) памятников совершенно не соответствует летописным характеристикам вепси как одного из главных участников событий, связанных со становлением Северной Руси»¹⁶. Впрочем, «главным участником» исторических событий *весь* можно считать, лишь принимая приведенную выше конъектуру, трансформирующую текст летописи. К концу X в. не только *весь*, но и славяне и «небольшое количество скандинавов» стали жи-

¹² Ср.: Максимович К.А. К происхождению этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006; см. продолжающуюся критику этой беспочвенной конструкции: Кулешов Вяч.С. К оценке достоверности этимологий слова *Русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 441–459.

¹³ Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000. С. 65.

¹⁴ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 102.

¹⁵ Отмечая традиционные связи финских памятников Молого-Шекснинского междуречья с Поволжьем (Прикамьем) на протяжении позднего железного века, А.Н. Башенькин (*Башенькин А.Н.* Финно-угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119–131) склоняется в тому, чтобы отнести летописную *весь* к группе поволжско-финских, а не прибалтийско-финских народов. На близость вепси поволжской летописной мере, в том числе в контексте летописи, писал и Н.А. Макаров (*Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 95): в космографическом введении ПВЛ (ПВЛ. С. 8) *весь* действительно упомянута среди поволжских финнов — между муромой и мордой.

¹⁶ Макаров Н.А. «На Белозере седять Вепсы» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 234.

телями Белоозера¹⁷, что, очевидно, нашло отражение в «варяжской легенде» летописи¹⁸.

В исторической интерпретации варяжской легенды А.А. Шахматова занимала фольклорная составляющая, которую он считал самодовлеющей: трех братьев — варяжских князей — должна была призывать «фольклорная» троица племен. То были словене, кривичи и меря, упомянутые в редакции НПЛ — предшествующего ПВЛ Начального свода в конструкции А.А. Шахматова. Далее следует абберрация: поскольку в Начальном своде (НПЛ) говорилось о том, что Синеус сел на Белоозере, а там обитала весь, то составитель ПВЛ включил весь в число призывающих князей племен; дело, однако, в том, что в Начальном своде (в шахматовской реконструкции) не было космографического введения с упоминанием веси, а составитель ПВЛ, знавший из этого введения о веси, сидящей на Белоозере, не включал *весь* в состав призывающих варягов племен — речь в ПВЛ шла о «всех кривичах» или всех племенах, правомочных заключить «ряд» с призванными князьями.

Не меньше манипуляций в шахматовской реконструкции связано с упоминанием чуди: в редакции НПЛ / Начального свода текстолог, видимо, не без основания, считает вставными слова о самоуправлении чуди: варяжские данники — словене, кривичи и меря «своимь родомь владыше, а Чюдь своимь родомь»¹⁹. Но что заставило составителя НПЛ сделать эту вставку? Не иначе как традиция, включающая чужь в число варяжских данников и участников призвания варягов, свойственная всем редакциям ПВЛ. Стало быть, варяжская легенда в редакции ПВЛ была все же первичной по отношению к НПЛ, составитель которой изъяс ненужное в Новгороде космографическое введение к летописи

¹⁷ Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 125. Ср.: Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

¹⁸ Заметим, что народ ису / вису упоминается наряду с народом юра / югра и варангами / варягами у восточных авторов XI–XII вв. Якута и Бируни, ср.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 834; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II. С. 254–255. Особая проблема — отношения вису / веси и волжских болгар: они платили харадж болгарам, согласно данным ал-Гарнати, относящимся к XII в. (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайт. М., 1971. С. 101); о регулярном торговом обмене между вису и тюрками-болгарами сообщает в 920-е гг. Ибн Фадлан (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 138). Традиционными представляются связи Белозерского региона с Поволжьем и Приладожьем (Башенькин А.Н. Финно-угры, балты, славяне и скандинавы) на «балтийско-каспийском пути» [см. обзор: Смокотина Д.В. Балтийско-каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): Опыт исторической реконструкции. Томск, 2012].

¹⁹ НПЛ. С. 106.

си²⁰. Чудь (как и весь) была «на месте» в списке северных народов космографического введения: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра» и т. д.²¹ Фразеологизм «чудь и вси языци» означает, что обобщающий этникон *чудь* относится ко всем финно-угорским народам (это отношение к «чужим» сохранила русская фольклорная традиция)²²; проблемой может показаться то, что вслед за прибалтийской чудью в списке сразу упомянута верхневолжская меря — но в контексте космографического введения все славяне (в том числе словене и кривичи) еще пребывают на дунайской «прародине» и не добрались до северных земель, в отличие от руси, пребывающей рядом с чудью на Варяжском море. В следующем списке племен, «иже дань дают Руси», где перечислены «чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордъва» и т. д.²³, *весь* приближена к племенам, призывавшим варягов, в том порядке, в котором помещаются на столы призванные варяги под властью Рюрика — в Ростове у мери, Белоозере у веси, в Муроме у муромы²⁴.

Три «чудских языка», упомянутые в списке вслед за чудью, — меря, мурома, весь — наряду с самой чудью оказываются подвластными призванным князьям. Племен данников становится не три, а шесть — вместе с расселившимися на севере словенами и кривичами. Не эпическая (фольклорная) память, а государственная (княжеская) традиция о языках, «иже дань дают Руси» («чюдь, меря, мурома, весь» и т. д.)²⁵, лежала в основе летописного повествования. Взаимодействие племен севера Восточной Европы²⁶ позволяет предполагать наличие межплеменной «конфедерации» как некоего предгосударственного образования (с межплеменным центром в Ладоге), призвавшего варяжских князей²⁷. Существенно, что летописная традиция настаивала на конфликтах, разразившихся в «конфедерации» после изгнания варяжских данщиков: «не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ»; «начаша владети сами собе и города ставити [...] и вѣсташа град на град» в редак-

²⁰Ср. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 214; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 69–82.

²¹ПВЛ. С. 8.

²²*Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Русь и чудь.

²³ПВЛ. С. 10.

²⁴Там же. С. 13.

²⁵Там же. С. 10.

²⁶*Башенькин А.Н.* Финно-угры, балты, славяне и скандинавы.

²⁷Ср.: *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011. С. 101–102.

ции НПЛ²⁸. В родоплеменном («варварском») обществе невозможна общая «правда»: сама этнонимия (ср. противопоставление *словене* — *чудь*, владеющие «своим» языком — словом, и «чужие») свидетельствует о неизбежности конфликтов, особенно когда речь должна была идти о распределении получаемых на международных торговых путях богатств. На севере Европы существовала известная всем участникам событий «нейтральная» сила, которая давно проявляла активность на международных путях: то были варяги, которые не пользовались на этих путях даже племенными именами (типа *свеи* — «свои»), а употребляли дружинное наименование *русь* — «*гребцы*». Новгородская летопись замечает, что князь должен быть призван, чтобы «владел нами и рядиль ны по праву»²⁹ — это было основание новгородской (древнерусской) «вечевой» традиции, подчиняющей князя собственному праву: в средневековую эпоху — эпоху становления «самодержавства» этот мотив изымается из сюжета призвания князей³⁰.

Энтузиасты Ладоги как первой столицы Руси придают особое значение ипатьевскому варианту варяжской легенды, согласно которому призванные князья сначала пришли к словенам и «срубили» город Ладогу, где сел старейший Рюрик: Новгород он создал после смерти братьев, передав своим мужам их волости³¹. Ладогу действительно следует считать древнейшим городским центром, где сталкивались интересы этнических общностей Северо-Запада Восточной Европы — балтов, прибалтийских финнов, славян и скандинавов³², но для источникововедения варяжской легенды существенно, что Новгородская летопись, настаивающая на первенстве «новгородский волости» даже перед Киевом, игнорирует пригород, не желая уступать первенства Ладоге³³.

Данные археологии, в том числе немногочисленность в Белоозере веских древностей и отсутствие там древностей IX в., провоцируют на поиски предшественника древнерусского города, каковым в Белозерской округе оказывается поселение Крутик: там обнаружены

²⁸НПЛ. С. 106.

²⁹НПЛ. С. 106.

³⁰Петрухин В.Я. Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел // Славяноведение. 2012. № 2. С. 3–7.

³¹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

³²Ср.: Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003; Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 91.

³³Ладога появляется лишь в переименованном и сокращенном (в сравнении с ПВЛ) рассказе о судьбе наследника Рюрика Олега, который отправляется за море через Новгород и Ладогу, где встречает смерть (НПЛ. С. 108).

материалы, свидетельствующие о ранних контактах скандинавского и финского миров³⁴. Впрочем, материальная культура практически всех упомянутых памятников — Ладоги, Городища и Новгорода³⁵, Крутика и Белоозера — отражает контакты со всеми народами — от прибалтийской чуди до приуральской перми³⁶, которые, по летописи, дань дают Руси. Опираясь на сеть этих поселений и сложившиеся связи, начальная *русь* — княжеская дружина варяжского происхождения — могла контролировать эти пространства, претендуя на дань.

ЛИТЕРАТУРА:

Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 98–160.

Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1.

Башенькин А.Н. Финно-угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119–131

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.

Голубева Л.И., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Казанский М.М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 330–336.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008.

Кулешов Вяч.С. К оценке достоверности этимологий слова *Русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 441–459.

³⁴*Голубева Л.И., Кочуркина С.И.* Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

³⁵*Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 125–133.

³⁶См. выше примеч. 18, а также: Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Лебедев Г.С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение древней Руси. Л., 1988. С. 79–98.

Луото Ю. Балтийские контакты в эпоху каменного века в Финляндии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 135–144.

Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.

Макаров Н.А. «На Белеозере сеять Вось» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

Максимович К.А. К происхождению этнонима *Русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // КΑΝΙΣΚΙΟΝ: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006.

Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV — первой половины VI века в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26–72.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чудь // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–50.

Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 125–133.

ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 1996

Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995.

Петрухин В.Я. Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел // Славяноведение. 2012. № 2. С. 3–7.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н. э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 9–15.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006.

Смокотина Д.В. Балтийско-каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): Опыт исторической реконструкции. Томск, 2012.

Соколов С.В. Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2011.

Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000.

Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II.

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.

Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric, Getica 116. Helsinki, 1975.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме участия финских народов в складывании древнерусской государственности и формировании этнокультурного ландшафта Древней Руси. Рассматриваются этнокультурные контакты скандинавов, славян и финнов. Привлекаются данные письменных источников, прежде всего летописей, археологии, исторической лингвистики и этнографии. В центре внимания — источниковедческий анализ упоминаний финских племен в «Повести временных лет».

Ключевые слова: Древняя Русь, финские народы, славяне, археология, текстология летописей, этнокультурные контакты.

ABSTRACT

The article deals with the participation of the Fennic peoples in the consolidation of Old Russian statehood and the formation of ethno-cultural

landscape of ancient Russia. The author discusses the ethnic and cultural contacts of Scandinavians, Slavs, and Finns basing on written sources, primarily chronicles, archaeology, historical linguistics, and ethnography. The source-critical study of references to Finnish tribes in the *Primary Chronicle* is in the focus of the analysis.

Key words: the emergence of Ancient Rus', Fennic peoples, Slavs, archaeology, textual analysis of the chronicles, ethno-cultural contacts.

С.Г. Кляшторный

СТЕПНЫЕ ИМПЕРИИ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА)

Территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до Юго-Восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира оседлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион. Пока еще не вполне ясны начальные этапы формирования этнокультурного ландшафта степной Евразии, как, впрочем, и его географические границы, менявшиеся в зависимости от изменения климатических условий, от смены длительных периодов увлажненности степей не менее длительными засушливыми периодами. Очевидно только, что в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.) и, в особенности, в эпоху так называемых ранних кочевников или «скифскую эпоху» (I тыс. до н. э.) сложилось поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей евразийской степи, от Причерноморья до Ордоса. В IV–II вв. до н. э. скифское наследие, обогащенное эллинистическим влиянием полисов Понта Эвксинского и Греко-Бактрийского царства, было в разной степени освоено и переработано сарматами в Приуралье и юго-восточной Европе, тохарами-кушанами в Центральной Азии, гуннами во Внутренней Азии и Южной Сибири. Именно в эту эпоху на востоке евразийских степей, в соседстве с шестью китайскими царствами, объединенными в державу (230–221 гг. до н. э.) династией Цинь, обозначился тот тип политогенеза и тот тип кочевнического государственного образования, который в 30-е гг. XX в. сначала Олов Йанзе, а затем французский историк-востоковед Рене Груссе обозначили словами *степная импе-*

рия¹. Сам Груссе, как и его предшественник, не вкладывал в это название какого-либо терминологического значения, обозначив им лишь географическое пространство, названное им «Великая степь», а также ландшафт, в котором возникли государства, созданные кочевыми народами Внутренней Азии. Поэтому следует определиться с термином *империя* применительно к такого рода государствам.

Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие империи распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в ходе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи. Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — латентную или явную данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи².

Важнейшим фактором политогенеза у древних племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредствованное воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II–I тыс. до н. э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н. э. к появлению в северной лесостепи и в горностепной зоне, близкой или прилегающей к долинам

¹*Janse O. L'Empire des Steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. P., 1935. T. IX, N 1; Grousset R. L'Empire des Steppes. P., 1939.*

²Ср.: *Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 188–208.*

названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской. Государственности с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Первоначально, в V–IV вв. до н. э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н. э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином *вождество*, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином *раннее государство*, а применительно к указанному месту и времени — термином *архаичная империя*, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Ранние рассказы о северных соседях Китая запечатлел в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (145–87 гг. до н. э.). Эти сюжеты изложены им отрывочно, несистематично, предельно кратко и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII–VI вв. до н. э., именуется Сыма Цянем *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *«горные жуны»* и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не

сумели объединиться в одно целое»³. Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом»⁴.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. Китайский наблюдатель VII в. до н. э. отмечает, что у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим [т. е. выборным старейшинам и вождям. — С.К.] руководствуясь искренностью и преданностью»⁵. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н. э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк»⁶.

Итак, в VII–V вв. до н. э. для кочевников степей и гор севернее Хуанхэ характерен тот тип социально-политического устройства, который в современной этнологии обозначается термином *вождество*.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403–221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере появляются сильные объединения кочевых племен *юэчжей* и *сюнну*.

Юэчжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских царств в IV–II вв. до н. э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии. Реальная власть

³Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. С. 39.

⁴Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 142–143.

⁵Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. С. 123.

⁶Там же.

юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию и Восточный Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн. Они первыми создали в центральноазиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну»⁷. Более того, сюнну (гунны) находились в политической зависимости от юэчжей и посылали заложниками ко двору их правителя сыновей своего вождя⁸.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен, испытывал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением у гуннов раннего государства. А в первой четверти II в. до н. э. гунны одержали окончательную победу над юэчжами и в ходе последующих войн унаследовали их империю⁹.

Какое же общественное устройство было присуще гуннскому союзу племен?

Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями. Глава государства, *шаньюй*, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском общественном устройстве немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских, и они подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из эфемерного объединения жунских племен VI–V вв. до н. э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с империей юэчжей и другими

⁷Цит. по: *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 237.

⁸Подробнее см.: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Пазырыкская узда. К предьстории гунно-юэчжийских войн // *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 367–382.

⁹О ранних этапах формирования империи гуннов и их общественной и политической структуре см.: *Di Cosmo N.* Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002. P. 161–205; *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002. С. 95–170.

племенными союзами и соседними китайскими царствами. Основатели державы и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Барфилда, не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Т. Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков¹⁰. Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами¹¹.

Не вдаваясь в обсуждение различных оценок политического устройства древних и средневековых кочевых сообществ, я солидаризируюсь с уже высказанным в исследовательской литературе мнением, что «управленческие системы номадных империй как явление сложное и многогранное, не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций»¹². Вместе с тем мне представляется верным наблюдение Дж. Флетчера, считавшего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во все возрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований¹³.

Власть главы государства гуннов, шаньюя, была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Властные полномочия шаньюя определялись его правами и функция-

¹⁰ *Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Oxford; Cambridge (Mass.), 1992. P. 32–45.*

¹¹ *Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 3, 6–37.*

¹² *Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 59.*

¹³ *Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Т. 46, N 1. P. 21.*

ми: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защите и соблюдении культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако, решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья» — были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и, одновременно, командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т. е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частями империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживавшим на ней. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в десять тысяч воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права свободного выбора — власть переходила по наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников, — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составлял контроль над пастбищными землями, проявлявшийся в форме права распоряжаться перекочёвками и, тем самым, распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права контроля целиком зависела от места или иного знатного лица в военно-административной системе, что в свою очередь, определялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать:

- 1) Сообщества кочевых племен Центральной Азии VII–V вв. до н. э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных институтов.
- 2) Коренные изменения в их среде произошли в IV–III вв. до н. э., ко-

гда сложилась новая надплеменная политическая организация — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией.

- 3) Возникшая тогда же имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы позднее нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников.

Насколько изменились структурные особенности степной империи на новом витке евразийской истории, в первой евразийской державе раннего Средневековья — Тюркском каганате? На этот вопрос дают ответ рунические памятники тюрков, прежде всего орхонские и енисейские памятники.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определявшаяся, прежде всего, общим социальным идеалом аристократической верхушки тюрков. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т. е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом *каган*, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа».

Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуи*) был политически организован в эль. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников, хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате даней и податей.

В рунических памятниках имя кагана выступает как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним названия государства («земля Капаган-кагана»). Ради «Тюркского эля» каган должен «приобретать (т. е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела днем». Война и мир,

битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия Тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими на исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране каким-то группировкам иммигрантов (например, согдийцам и китайцам). Главным преступлением народа против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собираение» и «устроение» народа на подвластной кагану территории, т. е. создание политической организации, системы управления¹⁴.

Каган опирался на племенную аристократию — бегов. Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!») — требует Бильге-каган), тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия — знать и народ. Стереотип обращения — *тюрк беглер бодун* «тюркские беги и народ». Наиболее резкое противопоставление знати и народа — в памятниках уйгурской эпохи: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ». Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли особое, наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем, — *айгучи* «советники», *апа таркан* «высшие командиры армии», девять «великих *буюрков*» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства¹⁵.

¹⁴Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 460–489.

¹⁵Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.,

Декларируемой обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды; про Мухан-кагана (553–572) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ», благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью». Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Ильтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!».

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических программах правителей Тюркского эля просматриваются и другие мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган, Таспар (572–581), свою главную заслугу видел в создании новой буддийской сангхи, т. е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде — вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры; но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность в духовной связанности мировой империи, созданной его дедом и отцом. Только жестокая междоусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию¹⁶. В 20-е гг. VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т. е. китайской платы за мир на северной границе, Бильге-каган (716–734) резко меняет политическую линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Он пишет в своей *apologia pro vita sua*, начертанной на погребальной стеле младшего брата: «Я связал свою жизнь и жизнь своего

1986. С. 217–228; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: the Legal Documents and Practical Regulations // *Central Asian Law: an Historical Overview. A Festschrift for The Ninetieth Birthday of Herbert Franke.* Topeka (Kansas), 2004. P. 13–39.

¹⁶*Klyashtornyj S.G., Livshic V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Hungarica.* 1972. T. XXVI, fasc. 1. P. 69–102.

народа с народом табгач!» Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры — он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм. Китаефильская политика встретила столь жестокое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, и ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии — оазисные царства Восточного Туркестана¹⁷. И сын Элитмиша, Бёгю-каган (759–779) обращает свой народ в манихейство. Он не скрывает, что акт выбора новой веры свершен им в результате соглашения с городами-государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара¹⁸.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога — Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарях времен Первого Болгарского царства остается не выявленным, и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского (X в.) содержится текст «Жития епископа Израэля», главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. «страну гуннов» в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. группа тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое го-

¹⁷Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 309–319.

¹⁸Последний сюжет подробнее рассмотрен мною в статье: *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГ. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 120–125.

сударственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именвал «царством гуннов». Автор «Жития», албанский клирик, не скупился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений и скверных дел» идолопоклонников, погруженных, как он пишет, «в языческую грязную религию». Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество пантеона — Тенгри-хан. Среди других — божество Земли-Воды (орхонское *Йер-Суб*), женское божество плодородия, которое албанский клирик, не чуждый классической образованности, называет Афродитой (орхонская *Умай*), «некие боги путей» (древнетюркские *Йол-тенгри*). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз *огуров*), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н. э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию — возникает политизированный общеимперский культ каганской четы, «рожденной на Небе и поставленной Небом», культ кагана и его старшей жены, катун, ставших земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со «священной пещерой предков», с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи — Бумына. Именно после моления в этом храме и «совета» с духом обожествленного кагана-предка Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения социально-культурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления древнетюркской государственности внутри и за пределами центральноазиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура приобрела новые формы, в рамках которых появились качественно иные формы бытия и новые коммуникативные средства — седентеризация и урбанизация части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достиг-

нутого, — письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII–XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включавшую в себе наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем — первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.

Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2.

Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГ. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории гунно-юэчжйских войн // *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.

Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.

Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Oxford; Cambridge (Mass.), 1992.

Di Cosmo N. Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002.

Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Т. 46, N 1.

Grousset R. L'Empire des Steppes. P., 1939.

Janse O. L'Empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. P., 1935. Т. IX, N 1.

Klyashtornyj S.G. Customary Law in Ancient Turkic States of Central Asia: the Legal Documents and Practical Regulations // Central Asian Law: an Historical Overview. A Festschrift for The Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Topeka (Kansas), 2004.

Klyashtornyj S.G., Livshic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Hungarica. 1972. Т. XXVI, fasc. 1.

РЕЗЮМЕ

В V–III вв. до н. э. в Центральной Азии впервые возник особый тип этнополитических формирований, надолго определивший характер политогенеза во всей горно-степной зоне евразийского пространства и существенным образом воздействовавший на политические, социальные и культурные процессы во всей остальной Евразии. В рамках этих этнополитических формирований, не вполне адекватно именуемых «кочевыми государствами», впервые обозначились мощные тенденции к интеграции, по-разному проявившие себя в различных регионах степной Евразии. Там сложились характерные стереотипы взаимоотношений с миром оседлых земледельческих культур и государств, просуществовавшие около двух тысячелетий. Несколько условно можно выделить три группы разных этнополитических формирований, в дальнейшем называемых мною «степными империями».

Ключевые слова: Степная Евразия, политогенез, государство гуннов, тюркский каганат, раннее государство, степная империя, тюркское руническое письмо.

ABSTRACT

A particular type of ethnopolitical formations emerged in Inner Asia in the 5th–3rd centuries B.C. which was to determine the form of politogenesis throughout the whole mountain and steppe zone of Eurasian Space and to have essential influence upon the political, social and cultural processes in the rest of Eurasia for a long time. In the context of these ethnopolitical formations which are not adequately enough referred to as „nomadic states”, some strong tendencies towards political integration became visible. These tendencies later developed in diverse segments of steppe Eurasia. There appeared distinctive stereotypes of interrelations with the world of sedentary and agricultural societies and states which existed for almost two thousand years. Three groups of these early ethnopolitical formations (the so-called „steppe empires”) can be distinguished with a certain degree of probability.

Key words: Steppe Eurasia, Politogenesis, Hsiung-nu State, Turkic Kaganate, Early State, Steppe Empire, Turkic Runes.

Т.М. Калинина

ХАЗАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО — КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ? (ПО СВЕДЕНИЯМ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ)*

Ранняя история хазар не известна. По современным представлениям, хазары входили в состав Западного Тюркского каганата и отделились от него в VII в.¹ В арабо-персидских источниках нет прямых сведений о кочевничестве хазар. Небольшие косвенные свидетельства о хазарах как номадах сохранились в других иноязычных памятниках. Сирийский автор Захария Ритор (Псевдо-Захария) под 555 г. н. э. перечислил 13 варварских народов, обитавших «за Каспийскими воротами», т. е. за Дербентским проходом: «Эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»². Среди них указаны хазары. Имеются эпизоды с описанием приема пищи хазарами в Барда'а (поедание с колен мяса, употребление тыквообразных роговых и деревянных сосудов для «хлебания», питье молока верблюдиц и кобылиц, жир и сало на губах); издевательски обрисовано лицо хакана Джебу в виде тыквы с тюркскими чертами³. Мовсес Каланкатваци, описывая хазирских (т. е. хазарских) воинов в Закав-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» № 12-01-08018. Я благодарю к. и. н., ст. научного сотрудника Института археологии РАН В.С. Флёрова за внимание и существенные поправки к тексту статьи.

¹ *Golden P. Khazar Studies. An Historic-Philological Inquiry into the Jrigins of the Khazars.* Budapest, 1980. Vol. I. P. 50–51; *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2001. С. 220, 221, 240; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 92–97.

² *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 283–287.

³ *Меликсет-Бек Л.М.* Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // *Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь ак. И.А. Орбели.* М.; Л., 1960. С. 115–116; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 213–220; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 113.

казье 20-х гг. VII в., отмечал, что они были прирожденными всадниками, длинноволосыми и широкоскулыми, питались мясом, кобыльим и верблюжьим молоком⁴. Эти данные, издавна приводимые учеными, изображали пришельцев как кочевников⁵.

В ряде грузинских и армянских памятников появление хазар в кавказских землях датируется очень ранним временем. Так, во второй главе сочинения Леонти Мровели, которое является начальной частью грузинского летописного свода «Картлис Цховреба», рассказано о захвате хазарами земель кавказских народов до царствования Александра Македонского⁶. Согласно известию Мовсеса Хоренаци (V в.), хазары пришли в Закавказье во времена царя Валарша, сына Тиграна во II в. н. э. Автор ссылался на сирийского писателя II в. Бардесана, чьи труды не сохранились⁷. Рассказ Мовсеса Хоренаци повторили армянские писатели X–XIII вв.⁸ В «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каганкатваци (VII или X в.) упоминается, что в эпоху царствования сасанидского царя Шапура II (309–379) хазары вторглись в Арран⁹. Все подобные сведения опираются на историческую традицию, сохранившую память о походах скифо-сарматских народов через Кавказ в Переднюю Азию во второй половине I тыс. до н. э. Исследователи считают сведения о вторжении хазар в столь ранние времена безусловным анахронизмом, основой для которого послужили данные об их вторжении в Армению, Грузию и Албанию в более позднее время¹⁰.

Ранние упоминания хазар в арабо-персидских сочинениях тоже связаны именно с Кавказом, где хазары появились в VII в., надеясь на захват территорий. Там они сразу же вступили в борьбу с войсками Арабского халифата. Арабские писатели, рассказывая об этих столкновениях, называют то тюрков, то хазар, что объясняется по-

⁴ *Мовсес Каганкатваци*. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984. С. 78, 81, 89.

⁵ *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники. С. 283–287; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 213–220; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 113.

⁶ *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г. Цулая. М., 1979. С. 25.

⁷ *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с древнеарм. языка, введение и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990. С. 114.

⁸ *Меликсет-Бек Л.М.* Хазары. С. 112–115.

⁹ *Мовсес Каганкатваци*. История страны Алуанк. С. 80–81.

¹⁰ *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Исследования. М., 1887. Ч. 3. С. 18–23; *Меликсет-Бек Л.М.* Хазары. С. 117–119; *Ковалевская В.Б.* Скифы, Индия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестн. АН Грузинской ССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1975. № 3. С. 62–73; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 162–163; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 29–30.

разному: использование имени тюрков вместо хазар — результат анахронизма¹¹; хазары составляли основную часть тюркского войска¹²; хазары в тюркском объединении постепенно выдвинулись на первый план¹³; этноним «хазары» относился к тюркоязычным и местным племенам Северо-Восточного Кавказа¹⁴; хазары вытеснили тюрков и гуннов с Кавказа с конца VII–VIII в.¹⁵; тюрки объединились с хазарами в 652/53 г., по данным Ибн ал-Асира¹⁶. При рассмотрении воззрений арабов на хазар как народ и при анализе хода войн на Кавказе наиболее убедительным кажется мнение, что арабы в целом считали хазар частью тюрков¹⁷.

Ал-Балазури (IX в.) писал, что персидский царь Ковад I (446–531) отвоевал захваченные хазарами земли Аррана¹⁸. Ат-Табари (X в.) сообщал, что персидский царь Ануширван (531–578) нанес поражение вторгнувшимся хазарам и стал укреплять крепости, строительство которых начал Ковад, защищаясь от хазар¹⁹. Ал-Йа'куби (IX в.) говорил, что хазары — это те, кто захватили все земли Арминии, а управляет ими царь, называемый хахан²⁰. Ибн Хордадбех (IX в.) считал, что провинции Арран, Джурзан и Сисаджан до прихода арабов принадлежали хазарам²¹. Подробно повествовали о войнах арабских полководцев с хазарами как названные писатели, так и Ибн ал-Факих (903 г.), Бал'ами (X в.), Халифа ибн Хаййат (X в.), Ибн ал-Асир (1160–1232). Последний пользовался более ранними сочинениями.

¹¹ *Czeglédy K. Khazar Raids in Transcaucasia in 762–764 A.D. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1960. T. XI. Fasc. 1–3. P. 76 etc.*

¹² *Ромашов С.А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 193, 195.*

¹³ *Lüdwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht den schriftlichen Quellen. Münster, 1982. S. 134; Новосельцев А.П. История хазар. С. 86–88.*

¹⁴ *Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 206.*

¹⁵ *Галкина Е.С. Кавказские войны VII–VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). 2006. № 4. С. 14.*

¹⁶ *Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: Миф и история. Иерусалим; М., 2010. С. 56–57.*

¹⁷ *Артамонов М.И. История хазар. С. 161; Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Khazars. Иерусалим; М., 2005. С. 251–258 (Евреи и славяне. Т. 16).*

¹⁸ *Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladorsi, quem e codice leidensi et codice Musei Britannici / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866. P. 194.*

¹⁹ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Cum aliis ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. I. P. 895–896.*

²⁰ *Ibn Wadhîh qui dicitur al-Ja' qûbi. Historiae / Ed. M. Th. Houtsma. Leiden, 1883. T. I. P. 203–204.*

²¹ *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. P. 122; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 108.*

Весьма подробно повествовал о войнах арабов с хазарами на Кавказе Ахмад Ибн А'сам ал-Куфи (X в). Современники ал-Куфи и более поздние арабские писатели (Халифа ибн Хаййат, ат-Табари, Ибн ал-Асир) не слишком доверяли ал-Куфи, т. к. его истории содержат слишком большое количество разговорных фраз и подробностей, которые едва ли могли быть известны писателю, жившему гораздо позже описываемых событий. Такие подробности должны рассматриваться только как литературная обработка известий²². Тем не менее рассказы ал-Куфи о роли хазарского хакана, его подданных, его быте достоверны.

В повествовании ал-Куфи о продвижении арабского командующего Салмана ибн Раби'а к Дербенту в 642/43 г. сказано, что под командованием хакана хазар было 300 000 воинов (цифра преувеличена), сам он находился в Баланджаре, сначала отступил, затем принял бой, в котором был убит Салман ибн Раби'а²³. Хакан здесь явно выступал как главное лицо.

В истории о вторжении арабского полководца ал-Джарраха в Азербайджан рассказано, что такую же главенствующую роль играл сын хазарского хакана Барсбик, воюя с ал-Джаррахом. Ал-Куфи показал типично кочевнический способ обороны Баланджара, использованный хазарами: когда войско ал-Джарраха в 722/23 г. подошло к городу, хазары тесно расставили вокруг крепости более 300 повозок, связав их одну с другой²⁴.

В «Рассказе о выступлении Масламы ибн 'Абд ал-Малика на борьбу с неверными и его войне с ними» содержатся сведения о походах, предпринятых в течение 731–739 гг. несколькими арабскими полководцами, хотя автор объединил известия о них в одну историю²⁵. Ал-Куфи, как ему свойственно, красочно описал битву между Масламой и хазарами, когда хакан, царь хазар, разгневался на слабость своих воинов, подъехал к ним на коне и пристыдил их. Битва между конными отрядами хазар, возглавлявшимися тарханами, и арабами продолжалась, но хазары были разбиты. При этом выяснилось, что хакан находился в повозке и, испугавшись нападения арабского военачальника, прыгнул на коня, привязанного к повозке, и умчался прочь. Повозка

²² Гараева Н.Г. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642–643 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2002. Т. I. Народы степной Евразии в древности. С. 443.

²³ Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоевания. Бейрут, 1991. Т. II. Р. 344–345.

²⁴ Там же. Т. VIII. Р. 236.

²⁵ Гараева Н.Г. Сведения. С. 464. Примеч. 429.

была устлана коврами, над ней возвышался шатер из парчи с золотым набалдашником²⁶. Источники X в. упоминают, что трон и золотой шатер также ставились для хакана хазар²⁷. Подобного рода шатер был у уйгурского кагана, о чем есть свидетельства других источников²⁸. Он был символом ханского достоинства кочевников²⁹. Обычай роскошного убранства жилища хазарского хакана, свойственный дворам владык центральноазиатских кочевых «империй», сохранялся как в период первого появления хазар на Кавказе, так и позднее.

Из Итиля, по сообщению хакана хазар Иосифа, он со своими подданными весной объезжал владения, двигаясь от Волги к Куме, вдоль Восточного Маныча к Дону, по долине Дона — обратно на Волгу, по мере выгорания травы³⁰. Предполагается, что такие выезды царя, будучи традиционно кочевническими³¹, в Хазарии наполнились новым содержанием и, возможно, их следует приравнять к полюдью в складывающемся феодальном обществе³². Это сопоставление сомнительно как из-за недостаточности информации, так и по причине невозможности рассматривать Хазарское государство как феодальное³³. Речь может идти лишь о начальной стадии образования государства, основой которого было покорение соседних народов силами кочевнических войск и их полководцев.

О сохранении традиций центральноазиатских номадных государств свидетельствуют титулы властвовавших в Хазарии лиц. О хакане как главнокомандующем, кроме ал-Куфи, писали историки IX–X вв.: ал-Йа'куби, ал-Балазури, ат-Табари; Халифа ибн Хаййат³⁴.

²⁶ *Ахмад ибн А'сам ал-Куфи*. Книга завоевания. Т. VIII. P. 257–258.

²⁷ *Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhrí* / Ed. M. de Goeje. Leiden, 1870. P. 225; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal...* / Ed. J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. P. 396.

²⁸ *Менандр Византиец*. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпидор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 376–379; *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 355–356; *Kitáb al-Masálik wa'l-Mamálik*. P. 31; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 65; *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С. 23; *Minorsky K.* Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*. Cambridge, 1948. Vol. XII. Pt. 2. P. 275–305.

²⁹ *Асадов Ф.М.* Арабские источники. С. 23, 64. Примеч. 62.

³⁰ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 539–540.

³¹ Там же; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб., 2008. С. 421.

³² *Кобицанов Ю. М.* Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 223.

³³ *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Иерусалим; М., 2011. С. 208–212.

³⁴ *Ibn Wadhíh qui dicitur al-Ja'qûbi*. *Historiae* / Ed. M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. Т. II, P. 194,

Властители тюрков, жителей Тибета и хазар назывались хаканами³⁵. Ал-Мас'уди писал, что верховный хакан (*хакан ал-хавакин*) был главой всех тюрков и считался самым главным среди тюркских правителей, пока не распалась тюркская общность, однако никаких указаний на время, когда существовали такие представления, он не приводит³⁶. Более распространенным было мнение, что титул «хакан» принадлежал верховному владыке тюрков, хазар и токузгузов³⁷. Хазарский хакан назывался *'азим ал-хазар*, т. е. «великий [владыка] хазар»³⁸. Отмеченная источниками (Ибн Фадлан, X в., ал-Истахри, X в., Ибн Хаукал, X в., ал-Мас'уди, X в.) смена функций хакана и шада (бека), когда последний стал главнокомандующим, произошла позднее времени кавказских войн, поскольку, судя по вышеизложенным примерам, тогда хакан был действительным полководцем.

Такими же традиционными, связанными с центральноазиатскими и иранскими обычаями, были титулы подчиненных хакану лиц: шад, бек, тархан, эльтебер³⁹. Известны предводители и руководители войск — Чорпан-Тархан, Хазар-Тархан, более мелкие тарханы-военачальники⁴⁰. Мовсес Каганкатвацци назвал некоего Алп-Илутвера (*эльтебера*), возможно, получившего титул от хакана хазар⁴¹. Неоправданным, на мой взгляд, является возведение упомянутого армянским автором Гевондом (VII в.) *хат 'ирлит 'бера* — вероятно, того же Алп-Илутвера — в ранг особого правителя хазар, являвшегося вассалом хакана: автор этого предположения никоим образом не опроверг иные точки зрения на происхождение и роль этого лица⁴².

Таким образом, свидетельства о хазарах при их появлении на Кавказе — описание воинов как кочевников, упоминание конницы как главной силы войск, коня для хакана, повозок, золотого шатра, трона и повозки для верховного владыки — говорят о сохранении ими кочевнического образа жизни.

375, etc.; Liber expugnationis regionum. P. 207–208, etc.; Annales. T. II. P. 895–896, 992, 1560, 1562; *Халифа ибн Хаййат*. Та'рих. Ан-Наджаф, 1386/1967. P. 364, etc.

³⁵ Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik. P. 16; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 60.

³⁶ Kitâb at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdi... / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 313.

³⁷ *Ал-Бируни*. Асар ал-бакийа. Лейпциг, 1878. P. 101; *Ал-Бируни Абу-р-Раихан Мухаммад ибн Ахмад*. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. М., 1957. С. 112.

³⁸ Liber expugnationis regionum. P. 207.

³⁹ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 239–240; *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 216–218; *Калинина Т.М.* Ал-хазар и ат-турк. С. 43.

⁴⁰ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 118.

⁴¹ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 239–240. Примеч. 369.

⁴² *Семенов И.Г.* Происхождение и значение титула «хазар-эльтебер» // ВИ. 2009. № 9. С. 161.

Захватническая война на Кавказе, в силу обстоятельств осложненная схватками с сильными державами, отмечает первую стадию существования общества пришлых кочевников — кочевание и завоевание соседей, по О. Лэттимору⁴³, хотя «в универсальном плане завоевание являлось лишь одним из конкретных путей возникновения государства, и отнюдь не единственным»⁴⁴.

Следующим этапом процесса политогенеза хазар был переход от активных завоеваний к взиманию дани с оседлых подданных, которые требовали постоянного контроля и нового покорения. В 20-х гг. VIII в. хазары подчиняли алан⁴⁵, хотя степень их зависимости не ясна. Захваты земель Армении, Восточного Закавказья и Грузии не были прочными, арабским войскам удавалось изгонять хазар⁴⁶, поэтому даннические отношения там могли быть лишь спорадическими, как у властителя Кавказской Албании Вараз-Трдата, который выплачивал в конце VIII в. дань и византийцам, и арабам, и хазарам⁴⁷. В некоторых причерноморских городах (за исключением Херсонеса), правила, кажется, хазарские наместники — архонты, они же тудуны, которых упоминает Феофан⁴⁸. В зависимости от Хазарии к концу VIII в. оказалась Готия⁴⁹. О захвате хазарами Крыма писали многие историки⁵⁰, однако подчиненность крымских территорий хазарам рядом исследователей оспаривается⁵¹. Как бы то ни было, набеги хазар на крымские владения Византии сомнению не подлежат, хотя степень зависимости этих земель от хазарских властей остается под вопросом.

⁴³ *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N.Y., 1940. P. 521; *Калинина Т.М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // *Хазары. Миф и История.* Иерусалим; М., 2010. С. 26–28.

⁴⁴ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 251.

⁴⁵ *Annales.* Ser. I. T. II. P. 1437; *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851. Vol. V. P. 79.

⁴⁶ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 179.

⁴⁷ *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979. С. 154.

⁴⁸ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 129–130, Примеч. 344; *Сорочан С.Б.* Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // *Хазарский альманах.* Киев; Харьков, 2007. Т. 6. С. 201–222.

⁴⁹ *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. Л., 1927. Ч. 5. С. 186, 194–196, 199.

⁵⁰ *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. 2-е изд. Киев, 2002. С. 142–158; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 28–35; *Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. Иерусалим; М., 1999. С. 151–170; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 185–189, 226.

⁵¹ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 148; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсонес. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1. С. 325–395; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 91.

Хазары ежегодно совершали набеги на печенегов; в подчинении царя хазар находились буртасы, которые выставляли царю хазар 10 000 всадников⁵². Властитель славян платил дань: от каждого приносилась шкурка соболя; «ас-сакалиба и все, кто соседят с ними, [находятся] в покорности, и он обращается с ними, как с находящимися в рабстве, и они повинуются ему с покорностью»⁵³. «Повесть временных лет» говорит, что поляне, северяне, радимичи и вятичи платили дань хазарам мехами, а археологические материалы подтверждают нахождение под властью хазар этих славянских племен, как и славян лесостепного Подонья⁵⁴. По свидетельствам Ибн Фадлана, сын царя болгар Алмуша был заложником у хакана хазар, а дочь была захвачена хазарским отрядом силой. Алмуш признавал, что находится в зависимости «от иудеев», т. е. властелина хазар, потому и просил возвести крепость от их набегов. У хазарского правителя имелось 25 жен, и все они были дочерьми соседних властителей⁵⁵, т. е. данников хазарского правителя. В краткой и пространной редакциях Письма царя Иосифа говорится о дани с «многочисленных народов»⁵⁶. Исследователи предлагают цифры: 28 и даже 40 подвластных племен⁵⁷, хотя, вероятно, их численность преувеличена. Как справедливо полагал Т. Нунан, для того, чтобы понять экономику Хазарского каганата, необходимо выявить хозяйство каждого региона, входившего в его состав⁵⁸.

Хазария была обширным государством с разным климатом и качеством земель. Существовали сады, виноградники и пашни, а также многочисленные стада, рогатый скот; в Итиле выпекался хороший хлеб. Арабские авторы по отношению к занятиям населения Хаза-

⁵²Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 140.

⁵³Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 146.

⁵⁴Артамонов М.И. История хазар. С. 277; Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003. С. 186–193; Петрухин В.Я. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 166–184; Григорьев А.В. Население междуречья Днестра и Дона в VIII — первой половине XI в. — в настоящем томе.

⁵⁵Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана. С. 142, 146, 147.

⁵⁶Ковалевский П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932. С. 81–83; 98–102.

⁵⁷Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 141; Noonan Th.S. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. Leiden; Boston, 2007. P. 208.

⁵⁸Noonan Th.S. Some Observations. P. 208–209.

рии применяли обычную аграрную терминологию: «поля», «урожай», «пахать»⁵⁹.

В Итиле население обитало в «палатках» из дерева и войлока и каркасных палатках, часть жилищ была сделана из глины; в Самандаре — в каркасных палатках и жилищах из плетеных веток или камыша. Такие жилища свидетельствуют о сохранении кочевых традиций в быту. Возможно, это были юртообразные жилища, существование которых указывает на приспособление кочевников к оседлому быту⁶⁰.

Печенеги были кочевниками, бургасы и булгары — оседлыми земледельцами и скотоводами, славяне были народом земледельческим; верхушка же хазар собирала дань и с оседлого, и с кочевого населения. Отношения скотоводов и земледельцев на протяжении существования Хазарии были неоднородны. В процессе завоевания хазарами степей Восточной Европы жившие там кочевники («праболгары») лишались скота и пастбищ и переходили к оседлому или полуоседлому образу жизни, по предположению ряда историков⁶¹. Такое положение дел некогда рассматривалось как закономерное поступательное движение от таборного кочевания к полуоседлости, а затем и полной оседлости⁶². Однако и сама С.А. Плетнёва писала, что примеры из византийских и «переднеазиатских» источников V–VII вв. о гуннах, печенегах, других народах, и хазарах в том числе, не соответствуют археологическим изысканиям: «здесь (в восточноевропейских степях. — Т.К.) не известно ни одного более или менее выразительного (стационарного) памятника, который можно было бы связать с одним из перечисленных народов»⁶³.

Само хозяйство кочевников включало в себя и земледельческие, и торговые, и ремесленные элементы, на разных стадиях мог превалировать тот или иной тип хозяйства⁶⁴. Образ их жизни и способы ведения хозяйства воспроизводились на протяжении веков, хотя народы в степях были различны⁶⁵. Но о хозяйстве населения Хазарии этого сказать

⁵⁹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. I. С. 140.

⁶⁰ Флёров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 3–7, 60.

⁶¹ Науменко В.Е. К вопросу об образовании Хазарского каганата // Хазарский альманах. Харьков, 2004. Т. 2. С. 64–70; Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X в.). Харьков, 2006. С. 35–36, 83–101.

⁶² Плетнёва С.А. Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. М., 1982. С. 13 etc.

⁶³ Там же. С. 27.

⁶⁴ Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. 2-е испр. изд. М., 2010. С. 9–10.

⁶⁵ Тортика А.А. Северо-Западная Хазария. С. 102–104.

нельзя, во всяком случае — по письменным источникам. С весны по осень жители городов Сар'ш.н, Хаб.н.л' и Итила⁶⁶ жили в степи и ухаживали за посевами, к зиме с урожаем возвращалось обратно⁶⁷. Эти данные интерпретировались как кочевой скотоводческий тип хозяйства⁶⁸. Однако источники не упоминают о выводе в степь скота, напротив, говорят об обработке пашен и сборе урожая. Возможно, арабо-персидские авторы имели в виду традиционный *быт* кочевников, в то время как в *экономике* наблюдался переход к земледельческому хозяйству. Несмотря на обилие археологических работ, не ясно, было ли кочевое скотоводство основой экономики Хазарии, не наблюдался ли скорее обратный процесс: быстрое вхождение немногочисленных пришлых хазар-номадов в общества оседлых земледельцев⁶⁹.

Указанные сведения соответствуют тезису О. Лэттимора о второй стадии развития общества кочевников, где преобладает смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство и взимается дань с оседлых подданных⁷⁰. А.М. Хазанов также полагает, что возникновение государственности у кочевников связано с влиянием соседних земледельческих обществ⁷¹.

Информация письменных источников не позволяет точно разделить вторую и третью стадии формирования государственности. Для третьей фазы было характерным взимание дани центральной властью и военным контингентом с перешедших к оседлости соплеменников и оставшихся в степи кочевников⁷². Взимание дани существовало как на втором, так и на третьем этапах. Ал-Мас'уди зафиксировал существование мусульманской гвардии при царском дворе — выходцев из Хорезма ал-арсийа или ларисийа⁷³. Можно предположить, что этот военный гарнизон использовался и при сборе дани. Возможно, такими функциями, о которых, к сожалению, источники умалчивают, наделались и другие должностные лица рангом ниже хакана (см. выше).

Ритуалы, сопровождавшие выезд правителя (в данном случае шада), были свойственны тюркским традициям. По Ибн Русте, при вы-

⁶⁶В данном случае я не касаюсь проблемы идентификации этих городов.

⁶⁷Kitab al-A'lak an-nafisa. С. 139–140; *Viae regnorum... Descriptio ditionis*. P. 221; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal...* P. 392.

⁶⁸Артамонов М.И. История хазар. С. 539; Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. С. 117.

⁶⁹Флёров В.С. «Города» и «замки». С. 212–217.

⁷⁰Lattimore O. *Inner Asian Frontiers*. С. 252.

⁷¹Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 18–19.

⁷²Lattimore O. *Inner Asian Frontiers*. С. 253.

⁷³Maçoudi. *Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*. P., 1863. Т. III. P. 10–11.

ступлении в поход перед шадом ехал всадник, который вез щит от солнца (или в виде солнца), напоминающий барабан — символ царской власти, в сопровождении звуков бубна⁷⁴. Гардизи изменил текст Ибн Русте: по его сведениям, перед шадом ехал авангард, несущий свечи из воска и светильники⁷⁵. В первом случае отмечены явные тюркские традиции, во втором же ритуал более напоминает иудейские церемонии (ритуальные свечи? менора?). Изменения произошли, по-видимому, после принятия иудаизма верхушкой Хазарии, что и отразилось в информации Гардизи⁷⁶.

По сведениям ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мас'уди, Ибн Фадлана, роль правителя в X в. исполнял бек вместо шада. О причинах замены титула имеется большая литература, не относящаяся к теме данной статьи. Существенно лишь то, что хакан становился лицом сакральным⁷⁷. Священная персона хакана олицетворяла государственное процветание; в случае неудач (голодные годы, поражение в войне) хакан карался смертью⁷⁸. Такое положение дел отражало традиционную двойственность власти, которая существовала у праболгар, мадьяр, уйгуров, тюркютов и в целом была характерна для обществ тюрков⁷⁹. Однако некоторые исследователи полагали — на основании Кембриджского документа, — что дуализм возник после принятия иудаизма или как результат смены правящей династии⁸⁰, хотя эта точка зрения делается все менее популярной.

Более существенна преемственность государственных традиций, передавшаяся от хунну и тюрков к хазарам. Поскольку хазары, как и уйгуры, кыргызы на Верхнем Енисее, кимаки и кипчаки на Иртыше, унаследовали общественное устройство и политическую организацию Тюркского каганата, время существования их объединений названо периодом степных империй⁸¹.

⁷⁴Kitab al-A' lak an-nafisa. P. 140.

⁷⁵Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1983–1984 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 37, 56.

⁷⁶Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 78. Примеч. 20.

⁷⁷Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего средневековья // Хазары. Khazars. Иерусалим; М., 2005. С. 317–325 (Евреи и славяне. Т. 16).

⁷⁸Maçoudî. Les Prairies d'or. Т. II. P. 12–13.

⁷⁹Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. С. 220–224; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 243.

⁸⁰Артамонов М.И. История хазар. С. 384–385; Плетнёва С.М. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 180.

⁸¹Кляшторный С.Г. Миграции и становление тюркской государственности в Центральной Азии // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 108–113.

Однако можно ли рассматривать Хазарский каганат, существовавший в Великой степи достаточно длительный период, как степную империю или как «классическое кочевническое государство с переходом от родовой к территориальной форме управления, с неминуемым ограничением передвижения кочевников и их постепенной седентаризацией»⁸²? Письменные источники, несмотря на приведенные выше сведения о сохранении признаков кочевничества, не дают для этого оснований. Данных о территориальной форме управления и ограничениях передвижения кочевников нет вовсе. Государственное образование под главенством хазар Н.Н. Крадин назвал квазиимперской государственноподобной структурой, которая более или менее определенно характеризовалась шестью признаками⁸³: (1) доминирование клановых связей (в нашем случае — верхушка общества, в которой только один род мог быть царствующим); (2) наличие должностных лиц, существовавших за счет доли собираемой ими редиистрибуции (поскольку имеются сведения о собирании дани, можно предполагать наличие каких-то чиновников, что, добавлю от себя, отнюдь еще не свидетельствует о территориальной форме управления); (3) отсутствие узаконенной правовой кодификации (что подтверждается известиями ал-Мас'уди и Ибн Хаукала о судьях в Итиле отдельно для иудеев, мусульман и язычников, славян и русов, и о праве царя, а не закона, судить); (4) отсутствие специальных судебных органов (существование судий, которыми могли выступать, например, старейшины, еще не говорит о наличии судебных органов, т. е. об институализации судебной сферы); (5) отсутствие строго определенной редиистрибуции, дани и поборов (о режиме взимания дани сведений недостаточно); (6) очень слабое развитие аппарата управления (есть указания только на существование высших правителей хакана и шада [бека] и упоминания титулов чиновников или подчиненных лиц).

Если заменить громоздкий термин Н.Н. Крадина, то можно назвать Хазарский каганат слабо развитым государством со смешанным кочевническим и оседлым населением, пришедшим в упадок из-за неразвитости государственных структур.

⁸² *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII вв. // *Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии.* Донецк, 2006. Т. 5. Хазарское время. Сб. научных работ. С. 235, 237.

⁸³ *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007. С. 81, со ссылкой на Х. Классена и П. Скальника.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Памятники минувших поколений // *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад.* Избранные произведения. М., 1957.

Ал-Бируни. Асар ал-бакийа. Лейпциг, 1878.

Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/653г.), тюрки и Хазарский каганат // *Хазары: Миф и история.* Иерусалим; М., 2010.

Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001

Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.

Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоевания. Бейрут, 1991. Т. II, VIII.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1983–1984 гг.» // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.

Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. Л., 1927. Ч. 5.

Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.

Галкина Е.С. Кавказские войны VII–VIII вв. и возвышение Хазарии // *Восток (Oriens).* 2006. № 4.

Гараева Н.Г. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642–643 и 119/737 гг.) // *История татар с древнейших времен в семи томах.* Казань, 2002. Т. I: Народы степной Евразии в древности.

Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.

Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // *Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти.* М., 1993.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. I.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Khazars. Иерусалим; Москва, 2005. С. 251–258 (Евреи и славяне. Т. 16).

Калинина Т.М. Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары. Миф и История. Иерусалим; М., 2010.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный С.Г. Миграции и становление тюркской государственности в Центральной Азии // ДГ. 2010 г. М., 2012.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестн. Акад. наук Грузинской ССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1975. № 3. С. 62–73.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Ковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Донецк, 2006. Т. 5: Хазарское время. Сб. научных работ.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002

Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 2010.

Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь ак. И.А. Орбели. М.; Л., 1960.

Менандр Византиец. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Исследования. М., 1887.

Мовсес Каганкатвацци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984.

Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990.

Мозаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г. Цулая. М., 1979.

Науменко В.Е. К вопросу об образовании Хазарского каганата // Хазарский альманах. Харьков, 2004. Т. 2. С. 64–70.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10.

Петрухин В.Я. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 166–184.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.

Плетнёва С.М. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Плетнёва С.А. Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. Иерусалим; М., 1999.

Ромашов С.А. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Семенов И.Г. Происхождение и значение титула «хазар-эльтебер» // ВИ. 2009. № 9.

Сорочан С.Б. Византийский Херсонес. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

Сорочан С.Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2007. Т. 6.

Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего средневековья // Хазары. Khazars. Иерусалим; М., 2005. С. 317–325 (Евреи и славяне. Т. 16).

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Во-

сточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X в.). Харьков, 2006.

Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Иерусалим, М., 2011.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Яacobson А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.

Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Cum aliis ed. M.J. de Goeje. Ser. I. Lugduni Batavorum, 1879. T. 1.

Czeglédy K. Khazar Raids in Transcaucasica in 762–764 A.D. // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1960. T. XI, fasc. 1–3.

Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

Golden P. Khazar Studies. An historic-philological inquiry into the origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. I.

Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja‘qûbi. *Historiae / M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. T. I–II.*

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / C. Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851. Vol. V.

Kitab al-A‘lak an-nafîsa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.

Kitab at-tanbih wa‘l-ischraf auctore al-Masûdi... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.

Kitâb al-Masâlik wa‘l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu‘l-Kâsim ‘Obaidallah ibn ‘Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N.Y., 1940.

Liber expugnationis regionum, auctore Imâmo Ahmed ibn Jahja ibn Djâbir al-Beladsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

Lüdwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht den schriftlichen Quellen. Münster, 1982.

Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. II–III.

Minorsky V. Tamim ibn Bahr’s Journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Cambridge, 1948. Vol. XII. Pt. 2. P. 275–305.*

Noonan Th.S. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. Leiden; Boston, 2007.

Viae regnorum... Descriptio ditiois moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / Ed. M. de Goeje. Leiden, 1870.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу информации восточных источников о типе государства хазар. Они содержат немногочисленные подробности, указывающие на кочевые традиции ведения войны и быта хагана на начальной стадии образования государственности, основой которого было покорение соседних народов силами войск номадов. Следующим этапом был переход от активных завоеваний к взиманию дани с оседлых подданных, занимающихся главным образом земледелием. Быстрое вхождение немногочисленных пришлых хазар-номадов в общества оседлых земледельцев могло отличать политогенез у хазар. Хотя частично хазарское государство унаследовало политическую организацию Тюркского каганата, у них не было территориальной формы управления и ограничений передвижения кочевников. Государственное образование под главенством хазар Н.Н. Крадин назвал квазиимперской государственноподобной структурой. Хазарский каганат был слабо развитым государством со смешанным кочевническим и оседлым населением.

Ключевые слова: Хазарский каганат, степная империя, номады, оседлое население.

ABSTRACT

The article presents an analysis of the information preserved in Oriental sources about the type of state of the Khazars. They contain some details that show nomadic traditions of war and Khagan's everyday life at the early stages of state formation. The earliest phase is characterized by subjugation of neighbouring peoples by nomadic troops. The next stage comprised the transition from active conquests to collecting tributes from sedentary subjugated nations mainly engaged in agriculture. Perhaps, the distinguishing feature of politogenesis of the Khazars was fast incorporation of few still nomadic Khazars into the society of dependent settled

farmers. The Khazar state inherited some features of political organization of the Turkic Khaganate but there is no information about territorial governance and restrictions on nomads' migrations. N. Kradin termed the Kaganate 'quasi-Imperial early state'. The Khazar Kaganate was a poorly developed state with mixed nomadic and sedentary population.

Key words: Khazar Khaganate, nomads, settled population, steppe empire.

А.С. Щавелев

ПЕЧАТЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ПАТРИКИЯ И ПЕРЕВОДЧИКА СФЕНА

Проблема переводчиков в византийских канцеляриях, армии и других учреждениях была наиболее полно рассмотрена Р. Гийаном, представившим практически полный их перечень, равно как и список случаев использования их услуг в разных ситуациях¹. Данные Р. Гийана дополняет сводка печатей византийских переводчиков, которую составила В.С. Шандровская². Проблему коммуникации византийцев с варварами на примере описания посольства княгини Ольги сравнительно недавно рассмотрел в своей диссертации А. Филипчук³. Тем не менее,

¹ *Guilland R. Grand Interprète // Guilland R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. XX. L., 1976. P. 17–26.*

² *Шандровская В.С. Печати византийских переводчиков // Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 109–115; См. также: Она же. Печати ἐπί τῶν βαρβάρων в Эрмитаже // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2000. № 31. С. 105–116, 386–388.*

³ *Филипчук А. Руси серед «військ народів» у Византії IX–XI ст.: найманці та союзники. Дисс. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010. С. 10–24. А. Филипчук анализирует данные двух трактатов Константина Багрянородного и делает конспект статьи о печатах византийских переводчиков В.С. Шандровской. Он не использовал работу Р. Гийана и принципиальную для его темы статью Ж. Дагрона (*Дагрон Ж. Формы и функции языкового символизма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 160–193*), где приведена историография проблемы, в свою очередь не учтенная А. Филипчуком. Всё это делает его выводы предварительными и не всегда корректно обоснованными; прежде всего, вызывает сомнение его согласие с распространённым мнением о том, что переводчики княгини Ольги были византийцами. Во-первых, переводчики княгини Ольги получали вознаграждение как участники посольства. Во-вторых, мы знаем тверцев «яже суть толковины» в войсках русских князей из «Повести временных лет» (ПВЛ. С. 415, 601; *Салмина М.А. Толковин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 126–128.*) В-третьих, известен факт, что болгарский предводитель советник хана Кувера Мавр знал славянский, греческий, тюркский (болгарский), и, возможно, латинский языки; так же свободно владел греческим языком князь южнославянского племени ринхинов Первуд (*Иванова О.В. Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин, отв. ред.**

остаётся немало и частных, и более общих вопросов, которые требуют исследования. В данной статье рассматривается печать, на которой есть имя переводчика, скандинавское по происхождению.

Надпись на печати гласит Ὁ ἅγιος Γεώργιος / Κύριε βοήθει Σφένη πατρικίῳ καὶ διερμηνευτῇ τῶν Ἐνκλίνων («Святой Георгий / Господи помоги Сфену патрикию и переводчику англичан»)⁴. Из текста следует, что некий византийский переводчик (ὁ διερμηνευτής) «Сфен» или «Сфени», святым патроном которого был Св. Георгий⁵, обладал титулом патрикия и был «переводчиком англичан»⁶. Печать в изданиях и исследованиях датируется широко и несколько условно — XI–XII вв.

Прежде всего, обращает на себя внимание форма имени⁷. Ясно, что перед нами запись греческими буквами древнескандинавского имени *Sveinn* (др.-шв. *Svaëinn*). Возможны несколько интерпретаций формы этого имени на печати и этнической идентификации ее владельца.

Первый и наиболее вероятный вариант — перед нами форма дательного падежа имени *Sveinn*, что предполагает синтаксис самой фразы: «Господи помоги Сфену патрикию и переводчику англичан». Автор надписи на печати проявил лингвистическое чутье, просклоняв скандинавское имя с основой, оканчивающееся на *-n*, по парадигме третьего склонения существительных на *-v* в греческом языке, что привело к совпадению окончаний датива в греческом и скандинавском (для слов с *-a*-основой).

Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. II. (VII–IX вв.). С. 146–147, 173, 198–199, 208; *Она же*. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византизм между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 62–63). См. также: *Новиков Н.Е.* Константин Багрянородный «О церемониях», Кн. II, гл. 15 // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия И.С. Чичурова. М., 2006. С. 318–363.

⁴ *Zacos G.* Byzantine Lead Seals II / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. Bern, 1984. P. 337. Pl. 69; См. в рецензии: *Oikonomides N.* A propos d'une nouvelle publication de sceaux byzantines // *Revue des Études Byzantines*. 1986. No 44. P. 266. *Шандровская В.С.* Византийские печати переводчиков. С. 113.

⁵ Изучение иконографии святого, изображенного на печати, требует особых профессиональных навыков и возможности работать с печатью *de visu*. Поэтому мы ограничимся ссылкой на фундаментальную аналитическую работу: *Cotsonis J.* The Contribution of Byzantine Lead Seals to the Study of the Cult of the Saints (VI–XII cc.) // *Byzantion*. 2005. Т. 75. P. 383–497. Укажем лишь, что согласно приведенной в этой работе статистике встречаемости святых на печатях, Св. Георгий чаще всего представлен в XI в. и на рубеже XI–XII вв. (*Ibid.* P. 359), что косвенно подтверждает нашу предположительную датировку печати Сфена. С XIII в. печати с изображением этого святого практически не встречаются.

⁶ Известна печать второй половины XII в. другого переводчика «преданнейших англичан» (τῶν πιστοτάτων Ἰγγλίνων) Константина Куртикия, который, судя по патрониму, происходил из армянского рода (*Шандровская В.С.* Византийские печати переводчиков. С. 112).

⁷ *Prosopography of the Byzantine World* (<http://db.pbw.kcl.ac.uk/id/person/155605>); дата просмотра 21.06.2012).

Второй вариант: перед нами греческая передача имени *Sveini* (именит. п.), слабой формы имени *Sveinn*, засвидетельствованной шведскими руническими надписями XI в.⁸ Третий вариант — имя — в сильной форме *Sveinn* в именительном падеже. Так оно зафиксировано в договоре 944 г. русских князей с Византией: «Свѣнь» с конечным ерем. По разъяснению А.В. Циммерлинга «конечные сонорные геминаты... были палатализованными, поэтому они закономерно отражаются в виде палатализованных древнерусских форм...»⁹. Согласно А.В. Циммерлингу, это типичная черта восточноскандинавских диалектов (в том числе древнешведского языка), и, наверное, восточноевропейских варягов. В таком случае одна и та же особенность произношения имени была передана в древнерусском тексте с помощью еря, а в греческой надписи с помощью йоты. Еще одним признаком восточноскандинавских языков может служить корневой монофтонг *-e/æ-* на месте западноскандинавского дифтонга *-ei-*¹⁰. Эти два варианта маловероятны, но теоретически возможны, поскольку надписи на византийских печатях зачастую выполнены не очень грамотно, вместо косвенных падежей в них используется именительный падеж имени или титула владельца.

В любом случае, совершенно излишне прибавлять в именительном падеже даже со знаком вопроса к этому имени сигму, чтобы превратить его в некое «греческое имя» и транслитерировать его как *Sphenis*, как это сделано в «*Prosopography of the Byzantine World*» (см. выше примеч. 7).

Открытый вопрос — дата печати. Издателями и последующими исследователями предлагается максимально широкая условная датировка — XI–XII вв. Поскольку речь идет о переводчике «*τῶν Ἑυκλίμων*»¹¹ нижней границей можно условно считать 1066 г. — завоевание Англии нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем, после чего начался массовый исход англо-саксов в Византию. Отряды англичан появляются в византийском войске с 1081 г., время прибы-

⁸*Petersen L.* Nordiskt runnamnslexikon. 5 revid. utg. Uppsala, 2007. S. 213.

⁹*Циммерлинг А.В.* Имена варяжских послов в «Повести временных лет» // V круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе». Handout доклада. М., 2012. В точно такой же форме это имя фигурирует в берестяной грамоте № 912 конца XI — начала XII века Свѣнь (в форме род. п. — Свѣна) (*Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 246–247).

¹⁰За подробные консультации по вопросам, связанным со скандинавскими языками, я сердечно благодарю Е.А. Мельникову.

¹¹Следует учитывать, что похожие по написанию термины для обозначения англичан и всего английского зафиксированы в письменных источниках, кажется, достаточно поздно: *Trapp E.* Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts. Wien, 1994. Fasz. 1: A — ἀγγροζῶμων. S. 439 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik VI/1).

тия крупных групп эмигрантов из Англии можно определить как конец XI — начало XII в.¹²

Этническая идентификация Свена не очевидна. Его имя, несомненно, скандинавское, но он не обязательно должен быть скандинавом. Возможно, что он — выходец из Англии¹³, чьи предки были переселившимся туда в IX–X, а может быть и в первой трети XI в. скандинавами, поэтому он владел древнеанглийским языком и мог служить переводчиком для англо-саксов. Не исключено, однако, что к новоприбывшим англичанам мог быть приставлен в качестве переводчика скандинав¹⁴, знавший близкий скандинавским древнеанглийский язык, успевший прослужить некоторое, вероятно, немалое, время в Византии и получить титул патрикия. В этом случае печать нужно датировать второй половиной XI — началом XII века. Позже уже вполне могли бы найтись и этнические англо-саксы, число же скандинавов в армии сократилось.

Особую важность имеет названный в легенде печати титул Свена — патрикий. Это титул получали обычно высшие офицеры, но, кажется, неизвестен ни один скандинав (в императорской ли гвардии, или в войске), дослужившийся до него. Наиболее прославленный и известный норманн в византийском войске и при императорском дворе — Харальд Суровый Правитель — имел звания только манглавита и спафарокандидата¹⁵.

Титул патрикия исчезает в начале XII в.¹⁶ после коренной административной реформы Алексея I Комнина (1081–1118). Р. Гийан фикси-

¹²Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. I. С. 355–373; *Vasiliev A.A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century* // *Annals of the Institute of N.P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum)*. Прага, 1937. P. 39–70; *Shepard J. The English and Byzantium. A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh century* // *Traditio*. 1973. No 29. P. 53–92.

¹³В просопографии, составленной по «Книге Страшного суда» (1086 г.), зафиксировано 288 упоминаний этого имени (PASE. Prosopography of Anglo-Saxon England: http://domesday.pase.ac.uk/?pag=14&Text_1=swein&q=1; дата обращения 27.08.2012). Всего в PASE в XI веке зафиксировано около десяти лиц с таким именем: http://www.pase.ac.uk/pdb?dosp=VIEW_RECORDS&st=PERSON_NAME&value=8859&level=1&l1=Swein (дата просмотра 27.08.2012).

¹⁴Или даже точнее — «швед» (варяг?), если принять во внимание возможные восточноскандинавские черты в написании имени.

¹⁵Советы и рассказы Кекамена. Поучение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, перевод и комментарий Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 298–301; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 425–493; *Shepard J. Middle Byzantine Military Culture, Harald Hadrada and Tall Stories* // *Висы дружбы*. Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. P. 473–482.

¹⁶*Patrikios* // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. by A. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. III. P. 1600.

рует последнего патрикия при Никифоре III Вотаниате (1078–1081), а хронисты XII в. вовсе не упоминают патрикиев. Р. Гийан специально отмечает, что печати с этим титулом, условно датируемые XI–XII вв., должны быть отнесены к XI в.¹⁷ Таким образом, датировка печати должна быть сужена до последней четверти XI — начала XII в. При такой ее датировке повышается вероятность того, что Свен был выходцем из Скандинавии, уже успевшим послужить в Византии, а не пришельцем из Англии.

В византийской дипломатии и армии, существовала служба переводчиков, осуществлявшая взаимодействие между носителями разных языков. Эта служба занимала высокое положение в административной структуре, о чем свидетельствует получение переводчиками высших титулов в имперской табели о рангах¹⁸. В качестве переводчиков, как показывает рассматриваемая печать, использовались не только византийцы, но и представители «варваров», в том числе англичанин или скандинав Sveinn¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. I. С. 176–377.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Иванова О.В. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 48–80.

Новиков Н.Е. Константин Багрянородный «О церемониях». Кн. II, гл. 15 // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия И.С. Чичурова. М., 2006. С. 318–363.

¹⁷*Guillard R.* Patrices de Theodora aux Comnenes // *Guillard R.* Titres et fonctions. XIV. P. 14–15, 18.

¹⁸*Oikonomides N.* Les Listes de préséance byzantines des IX^e de X^e siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. P., 1972. P. 117, 312.

¹⁹Именно такие кадры профессиональных переводчиков могли фонетически точно зафиксировать скандинавские и славянские имена в списках князей и их послов договоров Руси с Византией X в. См. об этой проблеме: *Melnikova E.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica scandinavica.* Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. 2004. No 22. P. 5–27.

Повесть временных лет // Подготовка текста, перевод, статья и комментарий Д.С. Лихачева, Б.А. Романова, под ред. В.А. Адриановой-Перетц. 2-е изд. подгот. М.Б. Свердлов. СПб., 1996.

Свод древнейших письменных известий о славянах. / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.).

Советы и рассказы Кекавмена. Поучение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, перевод и комментарий Г.Г. Литаврина. СПб., 2003.

Филипчук А. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. Дисс. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010.

Циммерлинг А.В. Имена варяжских послов в «Повести временных лет» // V круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе». Handout доклада. М., 2012.

Шандровская В.С. Печати византийских переводчиков // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой.* СПб., 2005. С. 109–115.

Шандровская В.С. Печати ἐπί τῶν βαρβάρων в Эрмитаже // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 105–116, 386–388.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1–5.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / Rec. I.I. Reiskii. Bonnae, 1829. Т. 1.

Cotsonis J. The Contribution of Byzantine Lead Seals to the Study of the Cult of the Saints (VI–XII cc.) // *Byzantion.* 2005. Т. 75. P. 383–497.

Guilland R. Titres et fonctions de l'Empire byzantine. L., 1976.

Laurent V. Le corpus des sceaux de l'empire Byzantin. P., 1981. Т. II: L'administration centrale. P. 232–233.

Melnikova E. The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica scandinavica.* Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. 2004. N 22. P. 5–27.

Oikonomides N. A propos d'une nouvelle publication de sceaux byzantins // *Revue des études byzantines.* 1986. N 44. P. 263–267.

Oikonomides N. Les Listes de préséance byzantines des IX^e de X^e siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. P., 1972. P. 117, 312.

Shepard J. The English and Byzantium. A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century // *Traditio.* 1973. N 29. P. 53–92.

The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. New York; Oxford. Vol. III. 1991.

Trapp E. Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts. Wien, 1994. Fasz. 1: A — ἀγγυροζώμιον (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik VI/1).

Vasiliev A.A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // *Анналы института Н.П. Кондакова*. IX. (Seminarium Kondakovianum IX). Прага, 1937. P. 39–70.

Zacos G. Byzantine Lead Seals II / Compiled and edited by J.W. Nesbitt. Bern, 1984.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается печать византийского переводчика патрикия Сфена (Сфени). Он носил скандинавское имя «Sveinn» и был либо выходцем из Англии скандинавского происхождения, либо, скорее всего, скандинавом, возможно, «варягом». Печать датирована нами последней четвертью XI — началом XII в. Именно такие кадры профессиональных переводчиков могли зафиксировать фонетически точно скандинавские и славянские имена в списках послов договоров Руси с Византией в X в.

Ключевые слова: Византия, варанги, англо-саксы, переводчик, печать, культурная коммуникация.

ABSTRACT

The article deals with the seal of Byzantine interpreter Sphen (Spheni), who was a patrician and an interpreter for Anglo-Saxons. He had a Scandinavian name *Sveinn*. We date this seal to the last quarter of the 11th c., or, less likely, the beginning of the 12th century. He was either a native of England of Scandinavian origin, or a Scandinavian. He was one of such professional interpreters who could phonetically accurately fixate Scandinavian and Slavic names in the lists of envoys in Russian treaties with Byzantium of the tenth century.

Key words: Byzantium, Varangians, Anglo-Saxons, interpreter, seal, cross-cultural communication.

Т.В. Рождественская

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА РУСИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Письмо преобразует окружающий мир.

С. Франклин

Вопрос о появлении письменности на Руси до ее официального крещения столь же традиционен, сколь и решается неоднозначно в зависимости от интерпретации общего состояния источниковой базы. Отсутствие полноценных аутентичных источников и письменных свидетельств порождает дискуссии, вплоть до откровенных спекуляций на эту тему. Связь начала письменной традиции с развитием государственных функций, таких, как делопроизводство, законодательная практика, торговля, в том числе международная, не вызывает сомнений. Применительно к ситуации Руси речь идет о периоде IX–X вв., от которого до нас не дошло ни одной рукописной книги, но для которого мы располагаем пусть незначительным, но все же значимым набором артефактов, ставших известными благодаря археологическим исследованиям второй половины прошлого века. Этот период в истории восточнославянской письменности можно назвать *доручкописным*, или *докнижным*. Благодаря успехам археологии эпиграфические памятники этого времени оказываются единственными синхронными источниками изучения письменной традиции, что остается справедливым и для более поздней, «книжной» эпохи, в особенности для первых десятилетий после крещения, от которых не дошло ни одной точно датированной рукописной книги. В недавней монографии С. Франклина обобщается весь накопленный к настоящему времени материал раннего этапа письменности на Руси, которая рассматривается исследователем в широком социокультурном аспекте¹. В обстоятельной рецен-

¹ *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002; рус-*

зии А.А. Гиппиус замечает: «Вынесенный на обложку снимок первой страницы найденного в 2000 г. Новгородского воскового кодекса начала XI в. одинаково воплощает в себе древность восточнославянской письменной традиции и стремительный прогресс новейшей археологии, за полстолетия решительно преобразивший картину ее начального этапа, какой эта картина представлялась на основе традиционных источников»².

Древнейшие свидетельства об использовании элементов графических систем у восточных славян относятся к IX–X вв. Подробный обзор и анализ этих памятников дан А.А. Мединцевой в ее книге, специально посвященной развитию грамотности на Руси в домонгольское время³. Большинство из них связано с территорией Северной и Северо-Западной Руси, но есть и фрагментированные надписи, например, цифровые расчеты на амфорной керамике, найденные на юге — из раскопок в древней Тмутаракани и Саркеле (Белой Веже). Когда начинает активно функционировать трансевропейский путь *из варяг в греки*, когда местное население — ильменские словене и кривичи — оказываются вовлеченными в процесс межэтнических и этнокультурных контактов, когда развиваются торговые связи, в том числе международные, и в ранних городских образованиях на международных путях (Ладога, Рюриково Городище, Гнёздово, Тимерёвское поселение под Ярославлем, Сарское городище — древний Ростов) постепенно концентрируется княжеская власть и развиваются государственные административные функции, тогда появляется необходимость в использовании элементов письма в практических целях. Это такие сферы как торговля, ремесло, сбор дани, обмен, о чем свидетельствуют надписи или даже отдельные буквы на предметах материальной культуры — пряслицах, счетных бирках, керамической таре, костях животных. Примечательно, что следы письменности этого времени относятся к разным алфавитам, к разным этносам и к разным языкам, что связано с пестрым этническим составом населения, которое было вовлечено в круг славянского, балтского, финно-угорского и скандинавского взаимодействия. Для особой контактной зоны, каковую представляла собой территория Руси IX–X вв., характерны находки *скан-*

ский перевод: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

²Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси. (О книге: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950–1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2007. № 1. С. 171.

³Мединцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000. С. 230–255.

динавских рунических надписей (Ладога, Новгород, «Рюриково» Городище)⁴, куфических арабских (на диргемах), греческих (Петергофский клад)⁵ и кириллическо-греческих (надпись на астрагале, найденном на городище Горналь)⁶. Все это свидетельствует не только о знакомстве жителей Руси с этими графическими системами, или даже их элементами, но и о возможности сосуществования их в пределах одного социального коллектива. Что же касается знаменитой гнёздовской надписи, датирующейся началом X в., которую традиционно считали первой кириллической надписью на славянском языке, то, по мнению А.А. Медынцевой, ее графические особенности, имеющие аналогии как в кириллическом, так и в греческом письме, не находят «в настоящее время однозначного объяснения»⁷. Высказывалось также и мнение, что «краткость надписи не позволяет убедительно определить ее языковую принадлежность — древнерусская она или южнославянская» и что «палеографические особенности надписи имеют аналогии как в древнерусском, так и в древнеболгарском эпиграфическом материале»⁸. Более определенно о возможной принадлежности гнёздовского граффито памятникам болгарской, а не древнерусской эпиграфики пишет А.А. Гиппиус⁹. X столетием датируется печать Святослава Игоревича с фрагментами букв с т л. Однако А.А. Медынцева отмечает, что «плохая сохранность и фрагментарность сохранившихся букв не позволяют понять, греческую или кириллическую легенду несла на себе древнейшая русская печать»¹⁰. К кириллическим славянским надписям А.Н. Кирпичников относит расчищенную им надпись на мече: *слав... третьей четверти X в.*¹¹, которую А.А. Медынцева реконструирует как имя Слав(о)м(и)р(ь)¹², однако отмечая при этом, что «собственно кириллических букв, отличных от греческих, в надписи не представлено»¹³. Еще один памятник «клинковой» эпиграфики —

⁴ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁵ Рождественская Т.В. Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 36–39; Медынцева А.А. Грамотность. С. 230–255.

⁶ Медынцева А.А. Грамотность. С. 245.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Рождественская Т.В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб., 1991. С. 25.

⁹ Гиппиус А.А. Социокультурная динамика. С. 185.

¹⁰ Медынцева А.А. Грамотность. С. 245–246.

¹¹ Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды Международного конгресса славянской археологии. М. 1998. Т. 4. С. 246–257.

¹² Медынцева А.А. Грамотность. С. 93–95.

¹³ Там же. С. 94.

надпись **Людота (Людоша) коваль**, которую А.А. Медынцева, вслед за А.Н. Кирпичниковым, склонна датировать концом X — первой половиной XI в. Что касается кириллических надписей на новгородских деревянных цилиндрах (бирках) № 6 и 7, первоначально датированных 970–980 гг. и привлекаемых как свидетельство применения славянского письма в дохристианскую эпоху, то А.А. Гиппиус, вслед за В.Л. Яниным, относит их уже к христианскому времени, рассматривая эти находки в контексте комплекса XI–XII вв. аналогичных бирок, происходящего с Троицкого раскопа¹⁴. Детально обсуждая каждую из находок со следами славянской письменности, А.А. Гиппиус приходит к выводу, что археологические датировки их расплывчаты, и потому задается вопросом: «Достаточно ли этого, чтобы говорить об освоении славянского письма в практических контекстах в эпоху до официального крещения?»¹⁵. Таким образом, достоверно славянские надписи датируются в рамках самого конца X в. и рубежа X–XI вв., а к X в. мы можем отнести лишь надпись на мече **слав...** Малочисленность подобных находок заставляет согласиться с предположением А.А. Гиппиуса о том, что «более реалистично было бы связать древнейшие (до конца X в.) свидетельства «практического использования славянского письма на Руси с начальным распространением на ее землях христианства»¹⁶. Примечательно однако, что надпись на мече X в. с именем **Слав...** (если принять ее славянскую интерпретацию) оказывается связана с военно-дружинной средой, в которой, судя по кладам восточных монет IX–X вв. из археологических комплексов Новгорода, Гнёздова, Киева, Тимерёва и Верхнего Поволжья, бытовала традиция нанесения граффити на монетах — изображений военно-дружинной символики: мечей, ладей, паруса; к ним примыкают монеты со знаками Рюриковичей, а с проникновением христианства появляются изображения креста¹⁷. Эта традиция, по мнению исследователей, интернациональна и находит аналогии как в скандинавском материале, так и среди граффити на территории Хазарского каганата¹⁸. Естественно предположить, что славянское и греческое письмо начинало проникать в практику через христианизирующийся на ру-

¹⁴ Гиппиус А.А. Социокультурная динамика. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 110–119; *Рождественская Т.В.* Воины и корабли в древнерусской эпитафике // Труды по русской истории. Сб. ст. в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 264–275.

¹⁸ Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 146.

беже X–XI вв. слой княжеской дружины и обеспечивающих ее быт ремесленников.

Вместе с государственной христианизацией появляются древнейшие русские монеты — *златники и сребреники* Владимира, Ярополка и Ярослава Мудрого с надписями на них — кириллическими славянскими: **Владимир на столе, а се его сребро, Ярославле сребро**¹⁹. Вследствие официального крещения Руси возникает новая культурная и языковая ситуация, определяющая роль в которой принадлежит древнеславянской (кирилло-мефодиевской) письменной традиции. Постепенно формируется меняющаяся «графическая» среда (термин С. Франклина), подробно рассмотренная С. Франклином²⁰. И если в начальный, «дописьменный» период используются в прагматических целях лишь отдельные элементы разных графических систем, что отражает этнокультурные контакты на восточнославянской территории разных этносов (скандинавского, славянского, греческого, тюркского), то в христианскую эпоху происходит качественное изменение ситуации. Вхождение новокрещеной Руси в круг византийско-славянской христианской культуры способствовало быстрому распространению письменности как части этой культуры. К первой трети XI в. относится, как известно, деревянная Новгородская Псалтырь с текстами псалмов на ее восковых страницах, демонстрирующая процесс освоения и усвоения церковнославянского богослужебного языка. Употребление славянской письменности в надписях на древнейших русских монетах как знака независимой государственной власти, с одной стороны, и первый церковный псалтырный текст с признаками русификации, с другой, являются отражением единого процесса.

Не вызывает сомнения связь письма на воске с пергаменным письмом древнейших славянских рукописей. Вместе с тем, особенности орфографии («одноеровая» с ъ графика) и палеографии Новгородской Псалтыри на восковых страницах находят аналогии и в древнеболгарских эпиграфических памятниках X–XI вв.

В последние десятилетия XX в. К. Попконстантиновым был частично введен в научный оборот эпиграфический комплекс из раскопок монастыря IX — начала XI в. в с. Равна (г. Провадия, Варненский округ), посвященного Богородице²¹. Наличие более 300 разнообразных надписей-граффити на остатках стен построек (греческих, сла-

¹⁹ Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.

²⁰ Франклин С. Письменность. С. 43–226.

²¹ Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост през IX–X в. // Старобългарска литература. 1985. 17. С. 39–69.

вянских глаголических и кириллических, праболгарских рунических, надписей «смешанного» типа — греческо-кириллических), рисунков крестов, монограмм, животных, фрагментов орнаментов, находящихся аналогии в украшениях глаголических рукописей, свидетельствует о существовании здесь в эпоху царя Симеона монастырского скриптория, одного из ранних центров славянской письменности «золотого» века, в котором насельники монастыря обучались не только грамоте (найдено несколько греческих и кириллическо-греческих аббедари-ев), но и переводческому делу (двуязычная греческо-кириллическая надпись, воспроизводящая 3-й стих 53 псалма, греческая надпись, цитирующая 13–16 стихи 144 псалма и др.)²². Это реальное свидетельство усилий царя Симеона по распространению славянской письменной культуры. В 1957 г. был открыт скальный монастырь около с. Мурфатлар (Румыния, Басараб), где на остатках стен шести церковных зданий и построек X в. обнаружено более ста праболгарских рунических и «руноподобных» знаков, кириллических, глаголических, греческих надписей и букв, а также около 1000 рисунков²³. Все они относятся к христианскому времени и свидетельствуют о распространении славянской письменности в полиэтничной (праболгарской, славянской, греческой) монашеской среде. Соотнесенность надписей с археологической средой определяет их датирующие возможности, что имеет самостоятельное значение для датировок рукописных памятников на одном из ранних этапов развития славянской письменности. Наиболее близкие аналогии в орфографии и палеографии текстов псалмов на страницах деревянной Новгородской Псалтыри выявляются, прежде всего, в надписях на оловянных подвесках-амулетах X–XI вв. с апокрифическими заговорами от *трясавиц* и *нежити*. Большинство этих амулетов найдены на территории Северо-Восточной Болгарии (районы Преслава и Добруджи), т. е. там, где после смерти первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия их ученики продолжают развивать традиции славянской письменности. В некоторых из этих надписей, в частности, в надписи X в. на амулете из Силистры, использована, как и в новгородской псалтыри, одноерова (ъ) система²⁴. Можно предпола-

²² Попконстантинов К., Костова Р. Скрипторият в Равненския манастир: още веднъж за украсата на старбългарските ръкописи от IX–X вв. // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване. Medieval Christian Europe: East and West. Tradition, Values, Communication. София, 2002. С. 719–725.

²³ Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост. С. 68–69.

²⁴ Публикуя текст этой надписи, К. Попконстантинов и В. Константинова отмечают, что «по своим палеографическим особенностям в целом оловянный амулет демонстрирует удивительное сходство с письмом Енинского апостола (аналогична графика м, в, д, т, с, ъ, ъ, ч, ч,

гать связь этих графических навыков, приемов письма и орфографии с определенным кругом памятников древнеславянской богослужебной и апокрифической книжности.

Итак, если на Руси в дохристианскую эпоху в княжеско-жреческой и торгово-военной среде торгово-ремесленных и военно-административных центров с их полиэтничным (славянским и неславянским) населением использовались знаки иноязычных и иноэтничных алфавитов (скандинавского рунического, греческого, славянского кириллического, на юге — куфического), скорее всего как магические знаки и знаки собственности, то с Крещением распространение кириллической письменности и церковнославянской книжной культуры приобретает государственный статус. В частности, об этом свидетельствует и одна из древнейших датированных надписей — надпись 1068 г. на Тмутараканском камне, сообщающая о государственной акции князя Глеба Святославича²⁵. Выходя за пределы церковных и монастырских скрипториев с профессиональными книжниками и писцами, грамотность, как показывают памятники эпиграфики, проникает в разные социальные слои древнерусского общества. Об этом свидетельствуют владельческие надписи и подписи мастеров — литейщиков, ювелиров, древоделов, бочаров, косторезов и камнерезов, живописцев, иконников и др. Согласно классификации, предложенной А.А. Медынцевой, выделяется, с учетом способа начертания и категорий вещей, несколько групп такого рода надписей, во-первых, надписи: 1) на амфорах-корчагах; 2) на пряслицах; 3) на серебряных платежных слитках; 4) на литейных формочках; 5) на стенах зданий; 6) на плинфах и строительной штукатурке. Во-вторых, надписи на предметах прикладного искусства: 1) светского предназначения (оружие; драгоценная утварь); 2) предметах христианского культа (ковчеги, оклады икон, церковные сосуды; на крестах, иконках, змеевиках); в-третьих, надписи на дереве; в-четвертых, монументальные надписи (на мозаиках, фресках, на каменной резьбе, а также на камнях и крестах²⁶. С развитием в XI в. церковного каменного строительства появляются и надписи-граффити на стенах храмов. Естественно, что границы между рубриками этой классификации не являются жесткими.

Многочисленные граффити — надписи и рисунки XI–XV вв. — сохранились в настоящее время на древних участках церковных стен в

ж)»: Попконстантинов К., Константинова В. За два амулета с апокрифни молитви от X в. // Палеославистика и эпиграфика. В памет на проф. Иван Гъльбов. Велико Търново, 1988. С. 29.

²⁵Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.

²⁶Медынцева А.А. Грамотность. С. 14.

Киеве, Новгороде, Старой Ладогe, Полоцке, Галиче Волынском, Пскове, Владимире, Старой Рязани. В Киеве граффити обнаружены в Софийском соборе, в Михайловской церкви Выдубицкого монастыря, на стенах Зверинецких пещер и Ближних пещер, в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры, в церкви Спаса на Берестове, в Кирилловской церкви²⁷. В Новгороде — в Софийском соборе²⁸, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и соборе Рождества Богородицы в Антониевом монастыре, в церкви Спаса на Нередице, в церкви Феодора Стратилата на Ручью, в церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах), в церкви Николы на Липне, в церкви Успения на Волотовом поле, в церкви Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке, в церкви Рождества Богородицы Снеготорского монастыря в Пскове и в других древнерусских храмах²⁹. Подавляющее большинство памятников древнего зодчества пострадали от поздних перестроек, разрушений в 1920–1930-е гг. и особенно жестоко в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Поэтому многие надписи выявлены и продолжают выявляться в последние десятилетия в процессе реставрации и расчисток фрагментов древней живописи. Их прочтение сопряжено со значительными трудностями, связанными с состоянием древней штукатурки, выбоинами и утратами. Топография надписей показывает, что практически любая поверхность стен, столбов и лестничных башен могла служить «писчим материалом» для грамотных людей самых разных социальных слоев.

Согласно классификации памятников эпиграфики, предложенной С. Франклином, в зависимости от того, как соотносится вид письменности с предметом, на который нанесен текст, граффити на церковных стенах относятся к так называемой «третьичной» письменности (письменности *третьего разряда*), т. е. к текстам на поверхности, специ-

²⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

²⁸ *Щепкин В.Н.* Новгородские надписи graffiti // «Древности». Труды Московского археологического общества. М., 1902. Т. XIX, вып. III. Наиболее полное издание см.: *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. Из других храмов Новгорода см.: *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

²⁹ *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV веков. С. 81–95; *Она же.* Древнерусские надписи; *Она же.* Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живога. М., 2006. С. 45–55; *Она же.* Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // *Царевская Т.Ю.* Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 339–382; *Калечыц І.Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011.

ально не предназначенной для письменности, в отличие от рукописей, берестяных грамот, цер (это письменность *первого разряда*), или надписей на печатях, монетах, крестах-энколпионах, мемориальных крестах, иконах, фресках, предметах церковной утвари, миниатюрах в рукописях (это письменность *второго разряда*)³⁰. Данная классификация удачно отражает функцию и прагматику каждого типа надписей, однако, как и любая другая, она не может полностью охватить весь имеющийся в нашем распоряжении материал, поскольку границы между рубриками неизбежно пересекаются. Так, богослужебные надписи-граффити, цитирующие тот или иной литургический текст, являются отражением основной литургической функции храма, что позволяет считать их текстами пограничного характера. Вряд ли поэтому можно полностью согласиться с мнением С. Франклина, согласно которому граффити на церковных стенах функционально не связаны со своим «писчим материалом». Библейские, гимнографические и литургические цитаты, которые воспроизводили на стенах храмов в составе росписей мастера-живописцы, а в личных записях в виде граффити прихожане и священнослужители, молитвенные возгласы и автографы прихожан так или иначе иницированы литургической традицией. Проявлению этой традиции на вроде бы не предназначенном для письма материале способствовало само литургическое пространство храма.

Естественно, что подавляющее большинство сохранившихся и вновь выявляемых граффити составляют формулы «Господи помози Х» и «Х писал», например: *Г(оспод)и помози рабоу своему Петрови* (XII в., София Киевская)³¹; *Г(оспод)и помози рабоу своему Нъжятъ Иваничоу* (XI в., София Новгородская)³²; *Г(оспод)и помози рабоу своему Матфѣю* (XIII в., церковь Спаса на Нередице)³³; *Стефанъ п(ь)саль* (XI в. Софийский собор)³⁴ и т. п., причем обе эти формулы могут быть представлены в одном тексте. Акт произведения надписи на церковной стене, во время богослужения, выполнял заместительную функцию молитвы и покаяния. Встречаются тексты с эмоциональным возгласом, например: *Охъ мн(ѣ), не осоуд(и) мене, с(вя)ты(и) (О)ноуфрши, се направи мя на путь истъньныи, съпаси д(у)шу грѣшъну* (София Киевская, XII в.)³⁵, *Охъ мѣне грѣшъникуу, недостоиномуу*

³⁰ Франклин С. Письменность. С. 131.

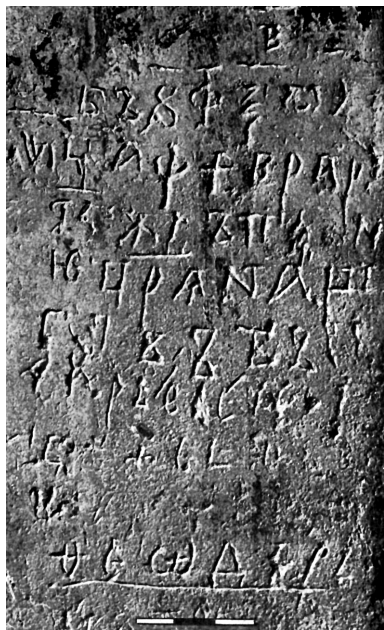
³¹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи. С. 31, № 106.

³² Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 67.

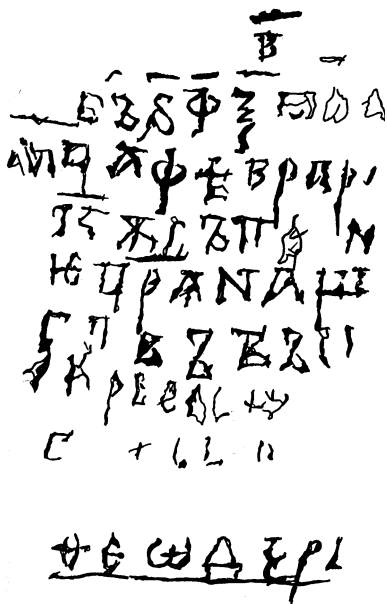
³³ Рождественская Т.В. Древнерусские надписи. С. 87.

³⁴ Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 53.

³⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи. № 69; Зализняк А.А. К изучению древнерусских



а. Фото



б. Прорись

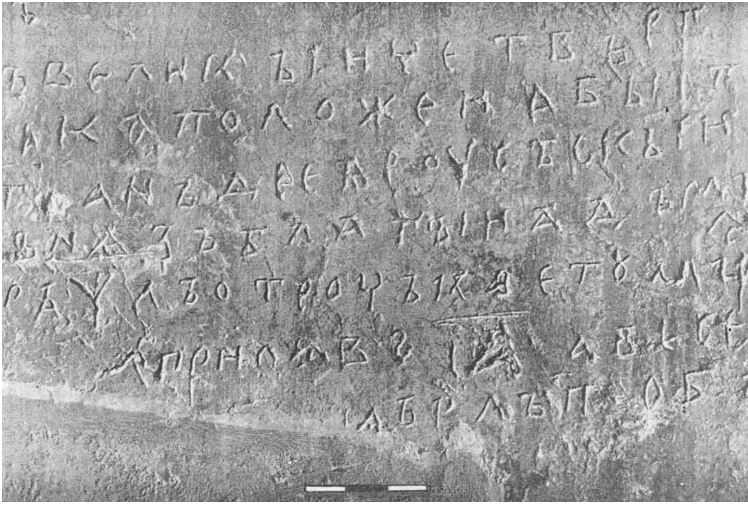
Рис. 1. Надпись XI в. о смерти князя Ярослава Мудрого: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. Табл. IX, 1 (фото); табл. X, 2 (прорись).

«Въ л(ето) 6562(1054) м(еся)ца февраля в 20-ый (день) успение царя нашего, в воскресенье, в неделю мученика Феодора»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 269.

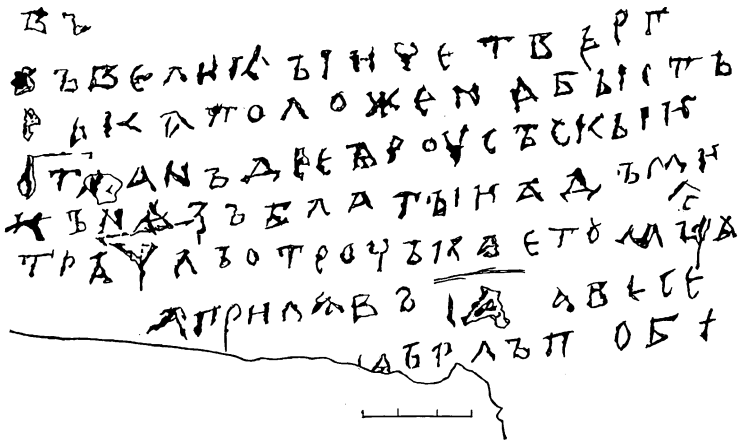
рабу твоему, помилуй, Г(оспод)и, и отведи мя от мук(ы) вечное, и(зъ)бави ... и от напаст(и. Ам)инь (София Киевская, XI в.)³⁶. Большинство таких стандартных надписей — это автографы. Нельзя, однако, исключить и того, что надпись с «господи помози» могла быть сделана не тем человеком, чье имя названо, а кем-то другим. Оставляя на стене автограф *X писал*, создатель надписи говорит о себе в третьем лице. Примечательно, что воеводе князя Всеволода Ярославича Ставру Городятиничу, оставившему в конце XI или в начале XII в. на стене киевской Софии две надписи, понадобилось особо подчеркнуть авторство своего обращения к Богу за помощью: *пс(а)ль Ставьрь*

надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттис А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 269.

³⁶Там же. С. 271.



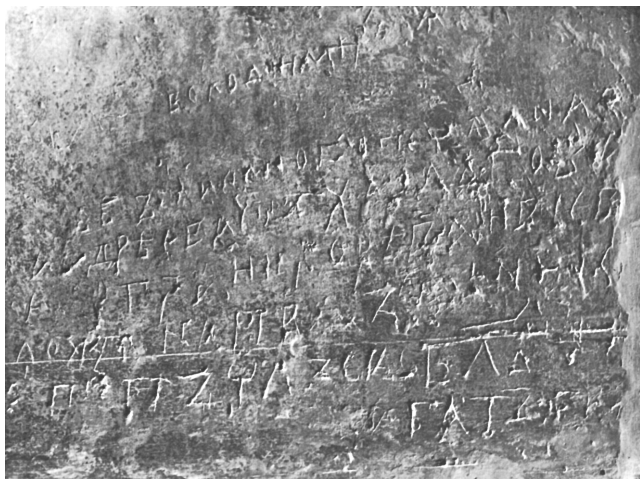
а. Фото



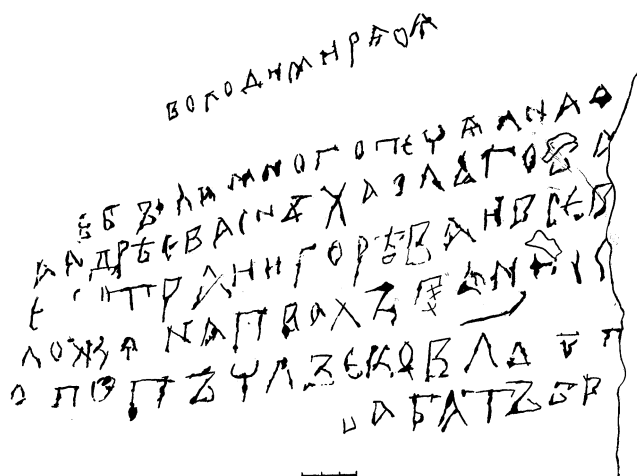
б. Прорись

Рис. 2. Надпись о погребении в раке в 1093 г. князя Всеволода (в крещении Андрея) Ярославича: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. Вып. I. Табл. V, VI.

«Въ великий четвергъ рака положена бысть. То Андрей русский князь благий. А Дмитрий писалъ, отрочекъ (дружинничек. — *Т.Р.*) его, месяца апреля в 14-й день. А умеръ в среду по обеде (пополудни. — *Т.Р.*)»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 262.



а. Фото



б. Прорись

Рис. 3. Надпись XII в. о посещении Софии Киевской княжескими особами: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Табл. IX, X.

«Володимирия сде была многопечальная Андреева сноха Ольгова сестра и Игоревя и Всеволожа на праздникъ. А попь писалъ Савль, богать грехы»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 284.

*Городятиничъ и Г(оспод)и помози рабу своему Ставърови недостоину рабу твоему*³⁷.

Помимо многочисленных молитвенных и богослужебных надписей, цитирующих фрагменты церковной службы, что вполне естественно на церковных стенах, нам известны надписи «летописного» характера о заметных событиях в жизни прихода, храма, города, а среди них несколько, упоминающих имя того или иного князя. В них сообщается либо о смерти и погребении князя, либо о его посещении храма, либо о какой-то княжеской акции. Так, в киевском Софийском соборе имеется известное датированное граффито о смерти князя Ярослава Мудрого: *Въ л(ѣто) 6562 м(еся)ца фѣв(р)аря 20 усьп(ени)е ц(а)ря наш(е)го въ вѣс(кръсен(ие) въ н)ед(ѣлю) (моу)че(Ника) Феодора*³⁸ (Илл. 1), о погребении князя Андрея-Всеволода Ярославича в раке³⁹ (Илл. 2). В надписях называются и имена тех, кто не делал надписей самостоятельно, но чье присутствие в храме было достойно упоминания, — это прежде всего князь, члены его семьи, его ближайшее окружение. Так, в Софии Киевской сохранилась надпись XII в. о посещении собора «на праздникъ» князьями Игорем, Святославом, Олегом и вдовой Владимира Андреевича Дорогобужского, которых С.А. Высоцкий отождествил с персонажами «Слова о полку Игореве»⁴⁰ (Илл. 3). На стене лестничной башни Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря надпись первой половины XII в. сообщает о том, что «князь был на Федоров день Мстислав» (Илл. 4). Нижняя дата надписи ограничена 1119 г. — временем закладки собора. Речь идет, скорее всего, о сыне Владимира Мономаха Мстиславе Владимировиче, который, будучи с 1125 г. великим князем киевским, присутствовал в новгородском соборе в день памяти своего небесного патрона⁴¹. Никаких летописных свидетельств о приходе в Новгород этого князя после 1117 г., когда он был отозван отцом в Киев, не известно. Судя по месторасположению граффито на стене при выходе на лестничную площадку, ведущую на хоры, где во время богослужения

³⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 56–57.

³⁸ *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 268–269. Указание на год смерти того или иного персонажа является факультативным. Значительно важнее было указание календарного дня смерти, а часто и имени святого, поминание (память) которого приходилась на этот день. Ведь цель таких надписей — ежегодное поминание в церкви во время богослужения.

³⁹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 18–24; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 258–262.

⁴⁰ *Высоцкий С.А.* Киевские граффити. № 307. Исправленное чтение см.: *Янин В.Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. М., 1992. № 2. С. 30.

⁴¹ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи. С. 59–62.



Рис. 4. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. Надпись первой половины XII в. с именем князя Мстислава: «**Коназь были на Феодорово днь Мстисласво**» («Князь был на Феодоров день, Мстислав»).

располагалась княжеская семья, автор надписи (как свидетельствует орфография — новгородец) мог входить в ближайшее окружение князя. Исключительный интерес представляет еще одна надпись «летописного» характера XI в. в новгородском Софийском соборе, принадлежащая Николе — «пришельцу из Киева-града от своего князя Ярослава», который идентифицируется с известным по летописным источникам боярином князя Ярослава Мудрого Микулой Чудином⁴². Эту надпись в строгом смысле слова можно отнести к паломническим, в которых авторы подчеркивают факт своего прихода в храм или называют место жительства или города, откуда они пришли. Есть основания предполагать, что многие надписи без этих сведений, но содержащие в себе формулу «Господи помози» либо автографы, так или иначе могли принадлежать паломникам. Во всяком случае паломнический статус авторов специально не оговаривался. Видимо, для паломника было достаточным, достигнув цели своего путешествия, просто оставить свое имя на стене святыни, обратиться к Богу за помощью и прощением грехов, тем самым получить желаемую Благодать.

⁴² *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 114–124; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 275–276.

С деятельностью князей связаны и две надписи — два юридических документа: надпись XII в. из Софии Киевской о покупке княгиней *Всеволожей Бояней земли* стоимостью в 70 гривен собольих⁴³ и надпись первой половины XIII в. из церкви св. Пантелеймона в Галиче, сделанная «в княжение Мстиславле, в державу Игнатову» о предъявлении иска некоему *Ляху* и о закрытии князем судебного разбирательства⁴⁴. И та, и другая надписи были сделаны на тех участках стен, которые не входили в общий объем храма, однако выполненные для памяти, они освящались авторитетом церкви.

Роль церкви в формировании и развитии грамотной среды несомненна. Среди авторов и персонажей граффити⁴⁵ значительную часть составляют духовные лица — архиепископ, священники, дьяки, попович, пономарь, проскурница, жена «писца иконного». Богослужебные граффити, цитирующие тексты Св. Писания и церковных служб, по всей вероятности, принадлежат священнослужителям. Они сохранились в Софии Киевской (цитаты из Октоиха), Софии Новгородской (*аз(ъ) ж(е) въз(е)селюся, Господи*, Пс. 103. 14)⁴⁶, в других храмах Новгорода — в церкви Спаса на Нередице (фрагменты великопостной службы Шестого часа, начала XIV в., слова *ирмосов* службы на Успение пресв. Богородицы, XV в.), в церкви Феодора Стратилата (фрагменты запричастного стиха, XV в.), на столбе жертвенника церкви Успения на Волотовом поле (фрагменты начала XV в. *священнических возгласов* службы Всенощного бдения, стихира и тропарь *утрени* Великого Пятка)⁴⁷. На фрагментах древней штукатурки из раскопок начала XX в. церкви св. Климента в Старой Ладоге сохранился текст конца XII — начала XIII в. литургической песни «Ныне силы небесные с нами невидимо служат» (Литургия Преждеосвященных даров)⁴⁸. На стене Мартирьевской паперти Софии Новгородской сохранилась надпись начала XIII в.: *и пак(ы) ти рекоу, о доуше моя: чемоу лежиши, чемоу не възстанеши, чемоу не молиши ся Господу своему днь и (но)чь, зьло видоучи, а добра не видоучи, чоужемоу доброу завидоучи, а сама*

⁴³ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 60–71, № 25.

⁴⁴ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи. С. 126–134.

⁴⁵ Под «автором» мы понимаем того человека, кем сделана надпись. Он может оставаться безымянным, но может себя назвать. Прежде всего, это относится к надписям типа «X писал это».

⁴⁶ *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 146–148; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 277–278.

⁴⁷ *Рождественская Т.В.* Язык и письменность средневекового Новгорода: богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008.

⁴⁸ *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения). Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994. С. 16–17.

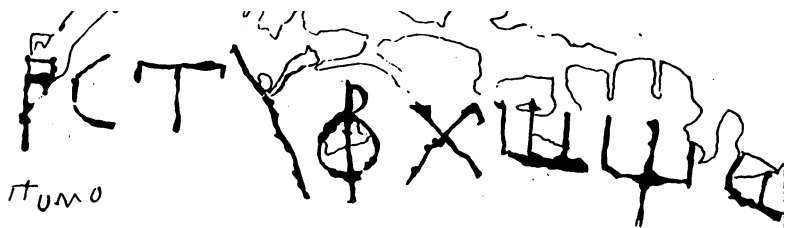


Рис. 5. Фрагмент азбуки XI в.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 268–269, табл. III, 2 (прорись)

*добро не творячи?*⁴⁹ Этот текст с аллюзиями на покаянные каноны Андрея Критского и Романа Сладкопевца не находит точных параллелей в богослужебных сборниках, но скорее имеет отношение к жанру покаянных стихов, русская рукописная традиция которых датируется не ранее конца XV–XVI в. В надписи из Мартирьевской паперти начала XIII в. мог отразиться один из ранних этапов сложения этого жанра⁵⁰. Анализ библейских и гимнографических цитат на стенах храмов в сопоставлении с рукописной традицией обнаруживает ряд разночтений, которые могли быть связаны как с разными редакциями этих текстов, так и с особенностями приходского богослужения⁵¹.

Помимо принадлежащих к духовному сословию, на стенах храмов оставляли граффити и светские лица — княжеские отроки и дружинники. Не поддается определению социальный статус авторов большинства надписей типа «X писал». Подавляющее число надписей сделано мужчинами. Авторы покаянных и молитвенных надписей, обращенных к Богу, к св. Софии, к святым (помоги, спаси, помилуй) часто называют себя привычными в быту нехристианскими именами, чем значительно расширяют известный нам состав древнерусских имен (*Витомир, Воинег, Дадята, Нежата, Перенег, Радко, Сводька, Своята, Святонег, Сновид, Фарьман, Хотко, Чудил* и др.). Ряд надписей выполнены орнаментированными почерками, часто сопровождаются рисунками крестов, человеческих фигур, элементами орнамента.

⁴⁹ *Рождественская Т.В.* Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 234–239; уточненное чтение см: *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // ДР. 2011. № 2. С. 39–42, 49–50.

⁵⁰ *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники. С. 18.

⁵¹ *Афанасьева Т.И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004. С. 32–55; 123–127; *Турилов А.А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 321.

Некоторые из них выдают руку опытных художников, профессионально владеющих этим мастерством. В Софии Новгородской сохранились автографы художников *Стефана*, *Сежира* и *Олисея*, принимавших участие в росписи собора⁵². Ряд надписей оставлены людьми, не слишком искусственными в книжном письме, хотя и привыкшими к грамоте как к культурному явлению повседневности. На стенах многих церквей обнаружены фрагменты кириллических азбук *а, б, в, г, д...* и т. д. Для истории русского письма исключительный интерес представляет кириллическая азбука XI в. необычного состава, открытая С.А. Высоцким на стене Софии Киевской и состоящая из 27 букв, из которых только 4 славянских — *в, ж, ш, щ*⁵³ (Илл. 5). Происхождение ее дискуссионно: С.А. Высоцкий считал ее ранним вариантом письменности, которую использовали в христианских общинах на Руси до официального Крещения; другие исследователи (Т.А. Иванова) видели в ней ученический и не вполне удачный опыт овладения кириллицей; В.Л. Янин, включив эту азбуку в контекст азбук на бересте, назвал ее «азбукой неполного состава». В совокупности с другими азбуками в берестяных и эпитафических источниках, азбука из Софии Киевской свидетельствует о вариантности кириллической азбуки в ранний период русской письменности и о приспособлении славянского алфавита к восточнославянской фонетической системе⁵⁴.

Многочисленны и разнообразны на стенах храмов и рисунки-граффити (Илл. 6). Наиболее распространены изображения *крестов*, зачастую сплошь покрывающие участки древней штукатурки. Крест символизировал и замещал собой молитвенный возглас или покаянную формулу. Все это свидетельствует не только об упражнениях в письме, но и об особом, сакрализованном отношении к письменному слову и грамоте в целом. Видимо, неслучайно в XII в. некий *Далята* написал на стене Софии Новгородской «*Далята писал слова*»⁵⁵, а *Лазорь* в начале XIV в. на столбе новгородской церкви Спаса на Нередице трижды процарапал *Лазорь писал грамоту*⁵⁶. Эти примеры показывают, что некий киевлянин *Далята*, как и новгородец *Лазорь*, сознательно подчеркнул свое владение грамотой как особое умение. По-видимому, те, кто воспроизводил на стенах церквей, а также и на полях рукописных книг начальные буквы славянской азбуки (как глаголицы, так и

⁵² *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 32–61.

⁵³ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 12–23, № 100.

⁵⁴ *Медынцева А.А.* Грамотность. С. 80.

⁵⁵ *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 259, № 158.

⁵⁶ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи. С. 81–82.



a. Церковь Спаса на Нередице. Новгород. Воин. XIV в.



b. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Буквицы. XV в.

Рис. 6. Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов.



c. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Павлин.
XV в.



d. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Всадник.
XV в.

Рис. 6. Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов.

кириллицы), демонстрировали не только свое знание грамоты, но и свою причастность к христианской письменной традиции, проявление личного благочестия.

Примечательно, что немного ниже надписи *Даляты* на стене дважды прочерчена орнаментированная буква **В**, формы которой находят аналогии в инициалах древнерусских рукописей XI–XII вв. Если *Далыта* являлся автором не только надписи, но и этих рисунков, то можно предположить, что он имел отношение к книжному письму.

Та или иная степень владения «авторов» граффити навыками книжного письма может быть определена по палеографическим и графико-орфографическим признакам. Среди граффити встречаются как надписи, сделанные красивым уверенным почерком с соблюдением норм стандартной орфографии, так и надписи, сделанные небрежно, с пропуском букв, с неровными строками, имеющие отклонения от нормативной орфографии. Палеографические и графико-орфографические особенности надписей показывают, что многие из авторов владели приемами книжного письма и нормами церковнославянского языка. Язык древнерусских надписей-граффити в целом традиционен, однако в ряде случаев (более всего это относится к новгородским надписям) в надписях отражаются диалектные черты, «бытовые» графические системы. Живые явления древнерусской речи в значительно меньшей степени отразились в текстах на церковных стенах, чем в берестяных грамотах, что вполне объяснимо: этому препятствовала специфика жанра надписи на церковной стене, функционально и тематически так или иначе связанного с богослужением, поминанием и покаянием. Такие граффити, созданные в литургическом пространстве храма, обращены, как правило, к Богу или святым, и в них используются устойчивые формулы церковнославянского книжного языка. Берестяные грамоты, напротив, всегда имеют конкретных адресатов, и их создание связано с конкретными житейскими ситуациями. Поэтому они, в отличие от большинства граффити, ярче отражают восточнославянский диалектный уzus.

В Софии Киевской, в Софии Новгородской, в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря обнаружены и глаголические граффити, и граффити «смешанного» типа — кириллическо-глаголические⁵⁷. Все они датируются XI — началом XII в. В большинстве это

⁵⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 37, 41, 52, 126–127.; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 25–32; *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб., 1991. С. 76; *Она же.* Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. дфн Румяна Павлова.* София, 2003. С. 338–345.

фрагменты молитвенных формул (*господи, помози, спаси, помилуй*). В 2010–2011 гг. А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым обнаружены новые глаголические граффити на стенах Мартирьевской паперти Софии Новгородской и на фрагментах древней штукатурки из раскопок новгородской церкви Благовещения на Городище⁵⁸. Это важное свидетельство того, что, хотя глаголица на Руси и не имела широкого распространения (мы не располагаем ни одной глаголической рукописью, написанной русскими книжниками⁵⁹), налицо знакомство с ней не только профессиональных книжников, но и какого-то количества прихожан, относившихся, по-видимому, к высокому социальному слою.

Древнерусский храм предстает, таким образом, своеобразным памятником письменности, соединившим разновременные и разножанровые тексты. Как свидетельства функционирования письменности и уровня грамотности древнерусского общества, надписи-граффити содержат не только историческую информацию, подчас уникальную, но и сведения о развитии письма, о графико-орфографических навыках авторов, о знакомстве их с глаголической азбукой, о степени владения ими церковнославянским языком, о влиянии местного диалекта, о репертуаре богослужебных и литературных текстов, воспроизводившихся по памяти, наконец, о языковой и книжной культуре жителей древнерусского города.

Краткий обзор эпиграфических источников демонстрирует широкое бытование церковнославянской языковой культуры в повседневной жизни средневекового города. Эта культура создавала почву для формирования грамотной городской среды. Одновременно с расширением функций богослужебного языка, грамотность подвергается на практике десакрализации, проникает в быт и получает в нем широкое распространение. Она становится неотъемлемой частью городской культуры не только в среде духовенства, но и в разных социальных слоях средневекового города.

Взаимосвязь на Руси государственных функций и письменности в широком смысле была обусловлена тем, что письменная традиция у восточных славян изначально развивалась как следствие крещения и христианизации страны. Введение письменности на своем

⁵⁸ Гиппиус А.А., Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити Софийского собора. С. 49–50. Выражаю сердечную признательность А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву за предоставленный материал.

⁵⁹ Для XI–XIII вв. известно лишь восемь кириллических рукописей преимущественно северорусского происхождения с глаголическими «вкраплениями» отдельных фраз и букв: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984 (№ 30, 31, 41, 45, 50, 105, 176, 306).

языке при помощи славянского алфавита одновременно с усвоением византийско-христианских традиций способствовало тому, что кириллическая письменность закрепила за славянским языком на Руси статус государственного.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева Т.И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.

Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I.

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976.

Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950–1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2007. № 1.

Гиппиус А.А., Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // ДР. 2011. № 2. С. 39–50.

Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.

Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI.

Калечыц І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011.

Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.

Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост през IX–X в. // Старобългарска литература. 1985. 17. С. 39–69.

Попконстантинов К., Константинова В. За два амулета с апокрифни молитви от X в. // Палеославистика и епиграфика. В памет на проф. Иван Гълъбов. Велико Търново, 1988.

Попконстантинов К., Костова Р. Скрипторият в Равненския манастир: още веднъж за украсата на старбългарските ръкописи от IX–X вв. // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване. Medieval Christian Europe: East and West. Tradition, Values, Communication. София, 2002. С. 719–725.

Рождественская Т.В. Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.

Рождественская Т.В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб., 1991.

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

Рождественская Т.В. Эпиграфические памятники Древней Руси. X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения). Дисс. ... д-ра. филол. наук. СПб., 1994.

Рождественская Т.В. Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 234–239.

Рождественская Т.В. Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Slavica Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д-р Румяна Павлова. София, 2003. С. 338–345.

Рождественская Т.В. Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 45–55.

Рождественская Т.В. Воины и корабли в древнерусской эпиграфике // Труды по русской истории. Сб. ст. в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 264–275.

Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 339–382.

Рождественская Т.В. Язык и письменность средневекового Новгорода: богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.

Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

Щепкин В.Н. Новгородские надписи graffiti // «Древности». Труды Московского археологического общества. М., 1902. Т. XIX, вып. III.

Янин В.Л. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. М., 1992. № 2.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору и анализу древнейшего пласта древнерусской письменности «докнижного периода», прежде всего, разнообразным (разноязыковым) памятникам эпиграфики. В статье также обобщены данные о комплексах граффити древнерусских храмов, отражающих повседневную («бытовую») практику использования письменности. В статье собраны практически все новые данные о находках граффити последнего времени и предложены новые интерпретации известных надписей. Отдельное внимание уделено анализу социокультурных функций письменных практик на Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, становление письменности, графические системы, эпиграфика, древнеболгарские надписи, кириллица, глаголица, граффити.

ABSTRACT

The paper presents an overview of the oldest stratum of Russian written records before and soon after the official Christianization of Rus and the introduction of Cyrillic writing. The paper provides the exhaustive analysis of

epigraphic texts, especially of complexes of graffiti in Pre-Mongol churches, which reflected the everyday practice of writing in Old Rus. Almost all new findings of graffiti are collected and discussed and new interpretations of well-known inscriptions are suggested. Special attention is paid to the analysis of socio-cultural functions of writing practices.

Key words: Ancient Rus', emergence of writing, writing systems, graphic systems, epigraphic data, ancient Bulgarian inscriptions, Cyrillic alphabet, Glagolitic alphabet, graffiti.

П.С. Стефанович

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ» ИЛИ ORIGO GENTIS RUSSORUM?

«Сказание о призвании варягов» (далее — Сказание) — текст, который выделяют в разных летописях и который в том или ином виде содержит рассказ о том, как некоторые народы («племена»), обитавшие на севере Восточной Европы, пригласили в качестве правителей трех варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. Значение этого относительно небольшого текста для исторического самосознания народов России, Украины и Белоруссии трудно переоценить. Ему принадлежит одно из центральных мест в исторических построениях и представлениях о зарождении Древнерусского государства.

Вместе с тем Сказание является и одним из самых спорных текстов в историографии, посвященной истории Руси. В литературе обсуждались самые разные аспекты истории этого произведения и исторической информации, в нем заключенной, но едва ли можно найти хотя бы один, даже самый незначительный вопрос, в трактовке которого в науке достигнуто единство. Одна из дискуссионных, но в то же время важнейших проблем — текстологическая: на какой собственно текст мы опираемся, пытаясь реконструировать историческую реальность, которая стояла за описанными в нем событиями? В летописях обнаруживаются существенные расхождения, а ученые не могут предложить последовательного, всестороннего и однозначного объяснения этих расхождений и решить, какое чтение в том или ином случае надо считать первоначальным и/или достоверным.

Обычно историки опираются на текст, представленный в списках «Повести временных лет», главными и древнейшими из которых являются списки Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (далее — Лавр и Ипат). Однако уже давно выяснено, что этот текст не является первичным и имеет явные следы редакции, а кроме того, в редакциях самой

ПВЛ существуют разночтения. Наибольший вклад в разъяснение неоднородности и непервоначальности Сказания по ПВЛ внес А.А. Шахматов, который убедительно обосновал идею, что ПВЛ предшествовал другой летописный свод, отразившийся в Новгородской Первой летописи младшего извода (далее — НПЛ мл.) и условно названный им «Начальным сводом» (далее — НСв). Редакции ПВЛ были составлены во втором десятилетии XII в., а Начальный свод был создан в середине 90-х гг. XI в. Эта идея хотя и получила признание в науке, однако в силу ряда причин не заставила исследователей полностью отказаться от текста ПВЛ как вторичного и опираться в их исторических построениях на НПЛ мл. Одной из этих причин был тот факт, что и текст НПЛ мл. обнаруживает непоследовательности и неясности. Как их объяснить — на этот вопрос в науке давались разные ответы. Сам А.А. Шахматов здесь не был вполне последователен, но в принципе он исходил из того, что летописному своду, который отразился в НПЛ мл. (т. е. НСв), предшествовали более ранние этапы летописания, а значит, текст, дошедший до нас, в каких-то частях восходит к более древним временам. Со времени публикации его работ в науке, в целом, утвердился взгляд, что в некоем первоначальном виде Сказание было написано существенно раньше НСв и ПВЛ, а текст НПЛ мл. следует воспринимать как итог уже некоторого развития летописания в течение XI в.

Настоящее исследование ставит целью рассмотреть текст Сказания по НПЛ мл., исходя из фундаментальной идеи Шахматова о НСв как своде первоначальном по отношению к ПВЛ. Сказание в НПЛ мл. помещено наряду с другими рассказами и отрывками в одну, сравнительно обширную статью 6362 г. Внутри этой годовой статьи НПЛ мл. Сказание находится совсем в другом контексте, нежели в ПВЛ. И этот контекст заставляет понимать Сказание несколько иначе, чем это традиционно делается на основе ПВЛ. Это понимание Сказания с опорой на его летописный контекст в НПЛ мл. обосновывается и подтверждается также сопоставлением Сказания и текстов, сопровождающих его в статье 6362 г., с рассказами, которые бытовали в историографии других народов раннесредневековой Европы (преимущественно германских, но также кельтских и славянских) и которые в науке объединяются обычно под условным «жанровым» названием *Origo gentis*. Целью этих рассказов было сообщение о происхождении (*origo*) того или иного народа (*gens*). Такую цель, очевидно, имел перед собой и автор первоначального Сказания, собираясь рассказывать об образовании государства Руси.

Исследование построено следующим образом. Вначале рассматриваются подробнее идеи Шахматова и их развитие в современных работах, затем дается сопоставление тех фрагментов текста НСв и ПВЛ, в которых содержится Сказание, и в заключение предлагается новое понимание Сказания в летописном контексте по НПЛ мл.

Принципиальным рубежом в истории изучения Сказания стали две работы А.А. Шахматова — статья «Сказание о призвании варягов» (1904 г.) и затем книга «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (особенно глава XIII) (1908 г.). Главной новацией в подходе А.А. Шахматова было признание того, что в НПЛ мл. отразился текст НСв, предшествующий ПВЛ и первоначальный по сравнению с ней. Такой взгляд заставлял смотреть на Сказание (впрочем, как и на все раннее летописание) в кардинально иной перспективе, нежели это делалось ранее. До А.А. Шахматова на вариант Сказания, представленный в НПЛ мл., практически не обращалось внимания, и историки основывали свои суждения об истоках Древнерусского государства именно и только на ПВЛ.

В ПВЛ Сказание изложено под 6370 (862) г. Ему предшествует сообщение 6367 (859) г. о власти «заморских» варягов над рядом народов («племен») на севере будущей России и власти хазар над народами на юге. Основными элементами Сказания по ПВЛ являются следующие сообщения: изгнание варягов этими северными народами, а затем призвание теми же народами-«племенами» других варягов во главе с Рюриком, Синеусом и Трувором, которые назывались русью; смерть Синеуса и Трувора и распространение единоличной власти Рюрика над определенной территорией; уход от Рюрика двух варягов «не племени его» Аскольда и Дира на юг и обоснование их в Киеве. Последний элемент текста — перемещение Аскольда и Дира — обычно рассматривался отдельно от рассказа о приходе Рюрика, зато к этому рассказу присоединяли предыдущее сообщение 6367 г. о властвовании варягов и хазар над «племенами» на севере и юге.

Ученые XVIII–XIX вв. обращали внимание на очевидные неясности, недоговоренности и противоречия в рассказе ПВЛ — например, несоответствие городов, в которых обосновались княжить Рюрик, Синеус и Трувор, перечислению «племен», их призвавших, а затем городам, которые Рюрик после смерти Синеуса и Трувора «раздая мужем своим», или непоследовательное именование «русью» то некой (не определенной точно) части варягов, то всей Русской земли с указанием, что новгородцы в то же время почему-то происходят от варягов. Замечены были также расхождения в отдельных, хотя и весь-

ма существенных по смыслу, чтением между списками ПВЛ по разным летописям. Из них самое известное — где сел Рюрик: по некоторым летописям в Ладоге, по другим — в Новгороде¹. Уже в 1874 г. Н.П. Ламбин, предпринимая одну из первых попыток реконструкции некоего первоначального текста «о происхождении Руси», который лежал в основе ПВЛ и включал Сказание, писал: «Что рассказ о начале Руси и хронология его не ладят между собою, что они написаны не за раз, не в одно время и не одним лицом, а разными, что годы поставлены после в рассказе уже написанном, готовом и вовсе не согласованном с годами, которые стоят сами по себе, особняком, и только затрудняют понимание смысла и связи, — все это очевидно для каждого»².

В попытках решить эти неясности ученые стали сопоставлять ПВЛ с другими данными летописей и нелетописными источниками и выдвинули самые разные догадки и теории уже в XVIII–XIX вв. Основными вопросами были происхождение варягов, руси (как народа) и Руси (как государства), хронология событий и суть отношений, в которые вступили призванные варяги и туземцы. Едва ли кто-то из серьезных ученых воспринимал все Сказание в целом как прямое отражение действительно случившихся событий, но по-разному решался вопрос, возможно ли и в какой мере найти в Сказании или в его деталях некое достоверное зерно или отдельные достоверные факты. Указания на предания и вымыслы позднейших летописцев стали общим местом уже в XVIII в. Высказывалось мнение о новгородском происхождении легенды, причем относительно позднего времени — вплоть до XIII в. Уже в XVIII в. был поставлен вопрос о литературных соответствиях в историографических традициях других народов, и были подобраны первые аналогии³.

А.А. Шахматов попытался преодолеть неясности и противоречия комплексным анализом летописи и реконструкцией первоначального текста, который должен был быть более ясным по сравнению с представленным в ПВЛ. Опорой для него стала, как уже говорилось,

¹См., например: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989 (1-е издание: СПб., 1816). Т. I. С. 241–242; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III. С. 87; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. I // *Соловьев С.М.* Сочинения. Книги I–XXIII. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.). Кн. I. С. 293–296.

²*Ламбин Н.П.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1873. Ч. CLXXIII, № 6. С. 240.

³Наиболее ясно и последовательно: *Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Перевел Д. Языков. СПб., 1809. Ч. I. С. 349 и след. (перевод с оригинального издания на немецком языке 1802 г.).

НПЛ мл., где Сказание изложено не только в существенно ином виде, нежели в ПВЛ, но и в совсем ином контексте. Сказание здесь помещено в статью 6362 г. Статья озаглавлена «Начало земли Русской», она начинает хронологическое повествование и содержит, кроме того, рассказы о Кие, Щеке и Хориве, первом походе руси на Константинополь, хазарской дани, завоевании Киева Игорем и Олегом и обосновании Игоря в Киеве. Сказание здесь помещено непосредственно после сообщения о приходе Аскольда и Дира в Киев (а не до того, как в ПВЛ) и перед рассказом о походе на Киев Игоря и Олега (в ПВЛ этот рассказ приведен в летописной статье, датированной 20 годами позже).

Насколько можно судить по прижизненным публикациям А.А. Шахматова и опубликованным после его смерти незаконченными работам, он продолжал размышлять над текстом Сказания и сопровождающими его летописными статьями до самой смерти. В чем-то его взгляды могли и меняться. Но, пусть и с некоторой долей упрощения, можно выделить две разные попытки ученого реконструировать первоначальный текст — в статье «Сказание» и в книге «Разыскания».

Статья начиналась с доказательства «непервоначальности» Сказания в варианте ПВЛ. Главным основанием для этого тезиса служили явно противоречивые высказывания ПВЛ о руси и варягах в Сказании и во вводной недатированной части («Введении»). Обращаясь к НПЛ мл., А.А. Шахматов находил там не только непосредственный источник текста ПВЛ, осложненного последующими правкой и вставками, но и указания на то, что также и в НПЛ мл. текст Сказания и сообщений, примыкающих к ней, не первоначален. Опираясь на свои предшествующие изыскания, А.А. Шахматов предлагал исходить из следующей схемы развития раннего летописания: «В Новгороде, по-видимому до 1043 г., был составлен рассказ о древних судьбах этого города в связи, конечно, с южными событиями, имевшими характер общерусский. В середине XI в., быть может, еще во времена Ярослава, этот рассказ вошел в соединение с южными сказаниями и преданиями и образовал вместе с ними Древнейший летописный свод, отличавшийся от последующих сводов, между прочим, отсутствием каких бы то ни было хронологических определений, по крайней мере, в древнейшей своей части. В конце XI в. в Выдубицком монастыре составлен был памятник, который называем Начальным Киевским сводом; в основание его положен предшествующий летописный свод, дополненный вставками, между прочим, хронографических статей и хронологических определений, заимство-

ванных из Палеи. Начальный Киевский свод был главным, основным источником ПВЛ»⁴.

В статье А.А. Шахматов также выделял две редакции ПВЛ, представленные Лавр и Ипат, отмечая различия между ними в тексте Сказания. Главное различие касалось местопребывания Рюрика после призвания. Ипат указывала Ладогу городом, где вокняжился Рюрик. В Лавр сообщение о местопребывании Рюрика явно механически пропущено, но в том, что там должен был быть указан Новгород, А.А. Шахматова убеждало наличие этого указания в НПЛ мл. «Ладожскую версию» Ипат он объяснял как правку редактора, который сам бывал в Ладоге и там познакомился с местными сказаниями о древности города. Таким образом, именно свидетельство НПЛ мл. давало возможность выбрать вариант Лавр как более древний по сравнению с вариантом Ипат⁵.

А.А. Шахматов предлагал реконструкцию Сказания в том виде, который оно имело в редакциях ПВЛ, отраженных в Лавр и в Ипат, а также реконструкцию Сказания по НСв и в «первоначальном виде», «т. е. том виде его, в котором оно вышло из-под пера новгородского книжника первой половины XI в.»⁶. Важно учитывать два обстоятельства при оценке этой реконструкции. Во-первых, А.А. Шахматов совсем не считал, что НПЛ мл. прямо отражает НСв. Напротив, его мнение было, что списки НПЛ мл. донесли до нас текст НСв после контаминации со сводом, близким по составу Новгородской 4-й летописи, — «сводом 1448 г.» (т. е. сводом, который позднее получил в науке название «Новгородско-Софийский»). А этот свод, составление которого относится к первой половине XV в., имел обширные заимствования из ПВЛ. Таким образом, свою задачу А.А. Шахматов видел в том, чтобы освободить текст НПЛ мл. от позднейшего (опосредованного) влияния чтений и сведений ПВЛ. Во-вторых, тесно связанным со Сказанием ученый считал сообщение о водворении князя Игоря в Киеве после убийства Аскольда и Дира, где снова говорилось о прозвании населения под властью князя «русью». Сопоставление двух упоминаний о прозвании русью давало материал для суждений о смысле и логике первоначального текста, а указание сообщения об установленной Игорем дани в 300 гривен оказывалось важно для А.А. Шахматова хронологическими отсылками.

⁴ Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003 (1-е изд.: 1904 г.). Т. I, кн. 2. С. 199.

⁵ Там же. С. 189, 200.

⁶ Там же. С. 207–209.

На протяжении текста Сказания к влиянию Новгородской 4-й летописи (= «Новгородско-Софийского свода») на НПЛ мл. А.А. Шахматов относил два элемента. Во-первых, вставку упоминания чуди среди племен, которые «призвали» варягов «володеть и княжить». Во-вторых, переделку исходных слов НСв «и от тех варяг, находник тех, прозвашася словене варягы» во фразу: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля» (в «первоначальном виде» Сказания, по А.А. Шахматову, этих слов вообще не было). Эти два элемента объяснялись тем, что в этих местах сводчик «Новгородско-Софийского свода» следовал ПВЛ. В ПВЛ чужь попала вследствие соображений, которыми сводчик согласовывал данные Сказания с данными «космографического» «Введения» ПВЛ: по ареалам расселения, указанным в «Введении», логичнее было представить среди «призывающих племен» не мерю, а именно чужь (ср.: «чужь, иже преседят к морю Варяжскому»). И именно составителю ПВЛ было свойственно «норманистское» понимание руси как варяжского (скандинавского) народа, которое он проявил и во «Введении», и в правке Сказания⁷.

Вставки киевлян в «первоначальное» новгородское Сказание А.А. Шахматов определял следующим образом. Вначале «въ времена же Кыя и Щека и Хорива» — это «переходная фраза», которая связывала Сказание с предшествующим киевским рассказом. Слова «новгородьстии людие» здесь тоже вторичны, потому что далее упоминание новгородцев содержится во вставке. Эта вставка объяснялась тем, что «киевлянин не всегда мог различить словен и варягов в княжеских дружинах, двигавшихся с севера», — поэтому он и выдвинул теорию происхождения словен от варягов. Эту теорию киевский сводчик развил и в сообщении об обосновании Игоря в Киеве, вставив слова «и оттоле [прочии] прозвашася русию»⁸. Наконец, слова «кождо своимь родьмь владеаше» А.А. Шахматов считал противоречащими указанию выше на «волость» и приписывал той же руке, которая в самом начале статьи 6362 г. НПЛ мл. писала «живяху кождо с родом своим».

Эти соображения о сложносоставном характере летописного текста ясно показывают, что уже в этой статье у автора видны вполне определившимися и общая оценка эволюции начального летописания, и методы анализа и «расслоения» текста по пластам древних сводов. В «Разысканиях» разработка этих методов лишь получила несколько

⁷ Там же. С. 226–228.

⁸ Слово «прочии» присутствует только в одном из списков НПЛ мл. (Комиссионном), и А.А. Шахматов считал, что оно было вставлено только на этапе ПВЛ.

иное направление, но надо иметь в виду, что совсем не обязательно — более правильное.

Сильной стороной предложений А.А. Шахматова для реконструкции истории текста Сказания является сравнение ПВЛ и НПЛ мл. и признание непервоначальности текста самой НПЛ мл. — это означало, что НСв предшествовали другие летописи. Среди слабых, с точки зрения текстологии и композиции, сторон отмечу две. Во-первых, в восстановлении летописного рассказа, предшествовавшего НСв, ученому приходится прибегать к чисто гипотетической реконструкции без опоры на сохранившийся текст. Это относится, прежде всего, к предположению о словах, которые якобы должны были быть в НСв: «и от тех варяг, находник тех, прозвашася словене варягы». Во-вторых, относя указания о руси к творчеству составителя ПВЛ, который руководствовался «преданием о варяжском происхождении имени „русь“», А.А. Шахматов получил в итоге «первоначальное Сказание», лишенное вообще всяких упоминаний этого имени. В результате мы остаемся в полном недоумении: летописное повествование, объединенное в НСв в статью 6362 г., говорило о варягах, словенах и прочих народах, но почему-то так и не сказало, сообщив уже даже и об утверждении Игоря в Киеве, о том, что ожидается как одна из главных его тем, — происхождение руси.

С учетом предложенной реконструкции рассказа о призвании варягов А.А. Шахматов дает к нему краткий исторический комментарий⁹. По его мнению, в основе «первоначального Сказания», записанного в Новгороде, лежало «народное предание, а также некоторые сказания, а быть может, и исторические песни. Трудно было составителю записи помирить в одном согласном целом все то, что сохранилось в народной памяти и появилось в народной фантазии. Пришлось прибегнуть к сочинительству, к произвольной группировке лиц и событий». Отмечая черты легенды и вымысла (эпическая троица братьев, пришедших на княжения, само «призвание», ориентированное на реалии XI в., и т. д.), А.А. Шахматов, тем не менее, видел в Сказании и отражение достоверных исторических событий. Он полагал, что приглашение варягов было совместной акцией трех племен словен, кривичей и мери (упоминание чуди он считал поздней вставкой) ввиду угрозы с юга, из Киева, где укреплялось государство, основанное ранее первой волной скандинавов, получивших прозвание «русь». Варяги появились на севере в этой ситуации «не в качестве даньщиков и насильников, а

⁹ Шахматов А.А. Сказание. С. 214–224.

в качестве наемной дружины, военной силы, призванной для защиты северных племен от южнорусского государства», и «доказательство» этому А.А. Шахматов видел в первую очередь в указании на «дань, наложенную в пользу варягов Игорем», — «эта дань была вначале просто выговоренною варягами платой». Покинув Новгород, отправившись «второй скандинавской волной» на юг и закрепившись там, варяги сохраняют за собой и обязанность блюсти безопасность пригласивших их племен, и эту «вначале выговоренную плату».

В «Разысканиях» А.А. Шахматов меняет и оценку Сказания вместе с окружающим его летописным контекстом, и историческую интерпретацию. Основные идеи у него, впрочем, остаются прежние. Применительно к текстологии: ПВЛ — это более поздняя переработка НСв; относительно истории: государственность на юге предшествует государственности на севере и вызывает там призвание варягов. Главной задачей этого труда было проследить развитие летописания до НСв и последовательно вычленив ряд предшествующих сводов. Схема летописания теперь представлялась А.А. Шахматову в другом виде. По сравнению со статьей «Сказание о призвании варягов» он внес существенные изменения в эту схему. Составление «Древнейшего Киевского свода» было теперь отнесено к 1039 г., и таким образом, он оказывался древнее «Новгородского свода 1050 г.». Независимо от новгородского свода ученый предполагал также возникновение еще одного киевского свода в 1073 г. Каждый из этих сводов существенно переработал «Древнейший Киевский». Соединение новгородской и киевской линий летописания произошло в НСв, который ученый датировал временем «около 1095 г.», и текст был снова сильно переработан. Места НСв и ПВЛ в этой схеме оставались прежними.

«Расслоение» текста, проведенное в «Разысканиях» с такой тщательностью, что в пору было бы говорить об «атомизации», привело А.А. Шахматова к созданию крайне сложной картины трансформации летописных рассказов об основании Киева, призвании варягов и деятельности Олега и Игоря. Поскольку ученый не имел текстов для сравнительного анализа летописания до НСв, но с другой стороны, предполагал, что сохранившиеся летописи, и особенно НПЛ мл., донесли до нас тексты после многократной переработки в течение XII–XV вв., эта картина не могла не получиться во многих звеньях гадательной и спорной.

А.А. Шахматов фактически отказался от подхода, примененного в статье «Сказание о призвании варягов», согласно которому для выявления первоначального текста Сказания достаточно было в сохра-

нившемся тексте НПЛ мл. лишь удалить вставки, только в одном-двух местах предположив правку/замену предшествующего текста. Теперь он буквально в каждой фразе видел именно переработку, часто двукратно многоступенчатую, и контаминацию. Это в полной мере относится к Сказанию и повествованию, служащему ему контекстом, и прекрасно видно в предложенных им реконструкциях «Новгородского свода 1050 г.» и «свода 1073 г.» (обе реконструкции помещены в приложениях к «Разысканиям»). Текст Сказания, известный по НПЛ мл., здесь разбит на две части, одна из которых возводится к «Древнейшему Киевскому своду» (начало о взятии дани варягами), а другая — к «Новгородскому своду 1050 г.» (рассказ о призвании). Части были объединены, по мнению А.А. Шахматова, только в НСв, причем они были не просто «подогнаны» друг к другу и отягощены вставками, но были и сами изменены. В примыкающих рассказах предполагаются многочисленные переработки первоначального текста «Древнейшего Киевского свода». Наиболее существенная из них и в то же время наименее обоснованная с точки зрения реально сохранившихся текстов — это якобы первенствующая роль Олега в захвате Киева после смерти Рюрика в первоначальном рассказе. Такую роль Олегу приписывает ПВЛ; в НПЛ мл. же, в которой, по мысли самого А.А. Шахматова, отразился более ранний НСв, главной фигурой выступает не Олег, а Игорь. По мнению исследователя, составитель ПВЛ, имея перед собой только текст НСв, в данном случае якобы ориентировался на «народные предания», рисовавшие Олега в качестве самостоятельного правителя. Предпочтение как в этом случае, так и в некоторых других, текста ПВЛ как более достоверного и/или первоначального и недоверие к НПЛ мл. оборачивается против самой главной и убедительной идеи ученого, что НПЛ мл. донесла более первоначальный текст, чем ПВЛ.

В то же время А.А. Шахматов еще сильнее развил другую мысль, высказанную в статье «Сказание о призвании варягов», — что в НПЛ мл. нельзя видеть непосредственного отражения НСв, а напротив, следует подозревать исправления и дополнения позднейших сводчиков (главным образом, новгородских) и влияние позднейших сводов, включивших в свой состав в том или ином виде ПВЛ. Именно такими исправлениями и влияниями А.А. Шахматов пытался, например, объяснить загадочные слова в конце Сказания: «и от тех варягъ, находникъ техъ, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска». В результате он представлял эволюцию этих слов таким образом:

Древнейший Киевский свод:

И отъ техъ варягъ прозвашася новъгородьци варягы, прежде бо беша словене

Новгородский свод 1050 г.:

И отъ техъ варягъ, находникъ техъ, прозвашася варягы, и суть новъгородьстии людие до дньшняго дьне отъ рода варяжьска

НСв:

И отъ техъ варягъ, находникъ техъ, прозвашася варягы, и суть новъгородьстии людие до дньшняго дьне отъ рода варяжьска, прежде бо беша словене.

Достаточно сравнить эти варианты с сохранившимися текстами в НПЛ мл. и списках ПВЛ, чтобы увидеть, как сильно отличается от них предложенная реконструкция. Удивительнее всего даже не то, что А.А. Шахматов странным образом допускает невнятную тавтологию вариантов «Новгородского свода» и НСв («от варяг прозвашася варягы»), а то, насколько далеко в его реконструкции отстоит восстановленный вариант НСв от текста НПЛ мл., в котором НСв прежде всего и должен был бы отразиться. Для такой реконструкции А.А. Шахматову приходится прибегать к изоощренной, но едва ли оправданной схеме влияния ПВЛ на НПЛ мл. через ряд промежуточных звеньев (позднейших сводов)¹⁰.

Несмотря на многочисленные сомнения и претензии, которые вызывают реконструкции А.А. Шахматова с текстологической точки зрения, во многих отдельных случаях его наблюдения и выводы представляются меткими и вполне убедительными. Это относится, например, к выделению вставок фрагментов, восходящих к Хронике (Продолжателя) Георгия Амартола, вскрытию неоднородности рассказа о хазарской дани, наблюдению о несогласованностях в рассказе о походе Игоря и Олега на Киев (что выдает переработку некоего первоначального текста) и др. Особенно стоит отметить одну существенную поправку, которую внес А.А. Шахматов в реконструкцию древнейшей летописи по сравнению со статьей «Сказание о призвании варягов» и которая потом будет иметь большое значение в историографии.

В «Разысканиях» А.А. Шахматов изменил взгляд на происхождение слов «и оттоле прозвашася русию» в сообщении о том, как утвердился Игорь в Киеве после устранения Аскольда и Дира. Теперь он считал эти слова первоначальными и относил к «Древнейшему Киевскому своду». Он не признавал, что в исходном виде Сказания (и даже в НСв) о руси говорилось где-то до этого места, и именно в этих словах видел обозначение «начала земли Руской» — т. е. русью

¹⁰ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908). Т. I, кн. 1. С. 209–210.

прозвались именно южное (днепровское) население и государство. Такая текстологическая реконструкция придавала убедительность ранее высказанной идее о противостоянии «варяжского севера и русского юга». В сущности, только это противостояние и рассматривалась теперь А.А. Шахматовым в качестве достоверного ядра сведений, сообщаемых начальным летописанием. Все остальное ученый считал народными преданиями и «комбинациями» летописцев.

Оценивая труды А.А. Шахматова в целом, следует всегда помнить, что он сам свои реконструкции воспринимал далеко не как окончательные, а лишь как рабочую гипотезу. Результаты собственных исследований летописей он, конечно, учитывал, но они не служили ему единственным и даже основным аргументом для исторических заключений. Более того, А.А. Шахматов, как уже говорилось, допускал, что отдельные сведения или чтения и в НПЛ мл., и в списках ПВЛ, и в летописях, донесших «Новгородско-Софийский свод», могут восходить к древнейшим слоям летописного текста, а также что на каждом этапе, вплоть до ПВЛ, вносились сведения из устных преданий. Это позволяло предполагать не только в НПЛ мл., но и в ПВЛ отражение каких-то достоверных фактов. В итоге, в своих исторических построениях по истории IX–XI вв. А.А. Шахматов часто руководствовался далеко не только выделенным им текстом «Древнейшего Киевского свода», но и данными НПЛ мл. и ПВЛ (разумеется, отметая те, которые носили не просто вторичный, но и ошибочный характер), не говоря уж о других данных, в первую очередь лингвистических, которыми он активно пользовался, будучи сам лингвистом. Тем не менее во всех работах он твердо придерживался высказанной им идеи о «борьбе между варяжским севером и русским югом»¹¹.

Труды А.А. Шахматова в дальнейшем оказывали сильное влияние на отношение исследователей, занимавшихся историей Древней Руси, к Сказанию. Однако влияние это было неоднозначным, и разные его идеи воспринимались очень по-разному. В любом случае, под воздействием работ А.А. Шахматова, показавших сложную историю древнерусского летописания, в литературе все более усиливался скепсис в отношении сведений древнейших летописей. Если выяснялось, что сохранившиеся тексты — вторичные и далеко отстоят от некоего пер-

¹¹ См.: *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1). Пг., 1915. С. XXV и сл.; *Он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1. С. 70–71; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени // *Шахматов А.А.* История русского языка: Избранные произведения. М., 2004. Кн. 1. С. 57–58 (1-е изд.: 1919).

воначального текста, вид которого чрезвычайно трудно определить, то вставал закономерный вопрос, можно ли вообще доверять этим текстам. В легендарности рассказа о призвании варягов не сомневались и критики Шахматова (например, М.С. Грушевский¹²), и те, кто присоединился к его выводам — например, А.Е. Пресняков, А.Н. Насонов и Д.С. Лихачев. Большинство ученых восприняло также главный текстологический тезис А.А. Шахматова об отражении в НПЛ мл. НСв, который предшествовал ПВЛ. Вместе с тем, высказывалось много сомнений относительно всей схемы древнейшего летописания, предложенной А.А. Шахматовым, и особенно относительно существования некоего новгородского свода середины XI в.¹³

В советской историографии, написавшей на своих знаменах лозунг борьбы с «норманизмом», сведения Сказания, утверждавшего происхождение руси от варягов, расценивались как баснословные и ничтожные по их историческому значению. Задачей советской науки стало доказательство того, что племена, призвавшие варягов, уровнем развития были не ниже пришедших скандинавов и не были ничем им обязаны. Происхождение Древнерусского государства однозначно связывалось с Южной Русью и даже точнее — средним Поднепровьем, где, задолго до появления норманнов на Севере, сложилось среди славянских племен государство руси. Для поддержания этого тезиса использовались не только текстологические изыскания А.А. Шахматова, но и лингвистические исследования, предлагавшие те или иные альтернативы более или менее общепринятой со времен А.А. Куника и В. Томсена и наиболее вероятной этимологии слова «русь» от скандинавских

¹²М.С. Грушевский начал писать фундаментальную историю Украины, когда А.А. Шахматов только начал публиковать свои изыскания. 1-е издание 1-го тома «Истории Руси-Украины» появилось еще за 6 лет до выхода статьи «Сказание о призвании варягов» — в 1898 г. В 3-м издании М.С. Грушевский учитывает летописные исследования А.А. Шахматова, но категорически не приемлет его «норманизма» (т. е. признания, что русь — это изначально скандинавы) и, хотя и соглашается с идеей о начале летописания в Киеве в 1030–1040-е гг., совсем по-другому, нежели А.А. Шахматов, представляет себе развитие этого летописания до ПВЛ — см.: *Грушевський М.С.* История України-Руси. Київ, 1991. Т. I. Експурс I. С. 579–601 (репринт 3-го, исправленного и дополненного издания: Київ, 1913; 1-е: Львів, 1898). В совершенной легендарности рассказа о призвании варягов и других летописных рассказов до середины X в. он не сомневался ни в 1-м издании «Истории Руси-Украины», ни в последующих.

¹³Ср. такие сомнения: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 22–46, 52–57; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 89, примеч. 1; с. 93, 158–160. Ср. также: *Likhachev D.S.* The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-writing from the Second Half of the XIth to the Beginning of the XIIth Century // *Varangian Problems, Report on the First International Symposium on the Theme "The Eastern Connections of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages,"* Moesgaard — University of Aarhus, 7th–11th October 1968 (Scando-Slavica. Supplementum I). Copenhagen, 1970. P. 176–181.

корней. На тезис работали также археологические исследования, которые демонстрировали относительно высокий уровень хозяйственного и демографического развития славянского населения южной Руси. Летописный рассказ о призвании варягов в советской историографии неизменно связывался с «норманнской проблемой», и в послевоенное время это делало практически невозможным объективное исследование как текста, так и исторических обстоятельств, стоящих за ним. Изложение приблизительно одних и тех же взглядов относительно Сказания, выдержанных в официальном русле «антинорманизма», с незначительными нюансами, находим в работах ряда советских авторов¹⁴.

Идеологизация проблемы привела к тому, что объективные серьезные исследования предпринимались уже не в СССР, а за его рубежами¹⁵. С другой стороны — признание основополагающих догм позволяло пренебрегать строгой методологией, особенно в сфере летописной текстологии. В исторических интерпретациях летописи у многих авторов мы видим произвольные и малообоснованные построения. Это характерно, прежде всего, для работ Б.А. Рыбакова, который проявлял критическое и недоверчивое отношение к Сказанию, зато поздним и явно недостоверным известиям про Бравлина, Гостомысла и Вадима оказывал полное доверие. Вместо применения текстологических аргументов Б.А. Рыбаков пускался в гадательные рассуждения о летописи Аскольда и Диры или летописи Остромира¹⁶.

Отсутствие строгих текстологических критериев и принципов наблюдаем у А.Г. Кузьмина, взгляды и приемы которого критиковались серьезными учеными¹⁷. В статье, специально посвященной Сказанию, А.Г. Кузьмин пришел к выводу, противоречащему всей логике шахматовской теории, что «первоначальным вариантом варяжской легенды является та запись, которая читается в Ипатьевской и Радзивилловской летописях», т. е. «ладожское предание»¹⁸. Ту же самую манеру «потре-

¹⁴См. обзор советской историографии: *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 4–7.

¹⁵Указать надо, прежде всего, на работу Х. Ловмянского: *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М.Е. Бычковой; под ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. М., 1985 (перевод оригинального издания: *Lowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957).

¹⁶Именно к «летописи Остромира» («новгородское боярское летописание») Б.А. Рыбаков относил происхождение Сказания, связывая его с новгородской «феодально-республиканской идеологией»: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 199. Ср. также: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 296–315.

¹⁷Ср.: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. 1972. № 4. С. 48–49, 51–58; *Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194–203.

¹⁸*Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей

бительского отношения к источнику»¹⁹ легко заметить в небольшой статье О. Прицака — ученого из совсем другого «лагеря». Автор, сопоставляя три летописных варианта Сказания (НПЛ мл., ПВЛ по Лавр и Ипат), в каждом из них видит древние достоверные данные и, выбирая эти данные, восстанавливает некое первоначальное произведение. В итоге у него получается довольно своеобразная картина. В частности, по мнению О. Прицака, призвание исходило не от «племен»-народов, а от городов. Городами этими были Ладога (представлявшая, по его мнению, главным образом, чудь), Белоозеро (= весь) и Изборск (= словене)²⁰. Поверить в эту картину сложно просто потому, что нельзя принять авторскую методику подбора сведений, выглядящих с некоторой (априорно принятой) точки зрения *как будто бы вероятно*, из разных летописных текстов.

В западной историографии вплоть до самых последних работ господствует настороженно-недоверчивое отношение к идее о «южной» руси, независимой от скандинавского влияния и присутствия. Во всех работах, затрагивающих раннюю историю Древнерусского государства, подчеркивается скандинавский «след» в ранних известиях латинских, греческих и арабских источников о руси IX в. Правда, не решаясь следовать реконструкциям А.А. Шахматова (или сознательно отвергая их), на анализ летописи пока никто не решался. Зато большое значение придавалось и придается археологическим данным (разумеется, помимо лингвистической теории о скандинавском происхождении самого слова «русь»), которые свидетельствуют о проникновении скандинавов с Балтийского моря на Восточноевропейскую равнину с середины VIII в. (древнейшие слои Ладоги). Закономерным, хотя в чем-то и утрированным итогом этой тенденции стала работа английских историков С. Франклина и Дж. Шепарда. В части, посвященной древнейшей истории (написанной, в основном, Дж. Шепардом), авторы пытаются опереться вообще главным образом на археологию. Летописные данные приводятся только по ПВЛ, термин «Начальный свод» авторам неизвестен, а имя А.А. Шахматова упоминается в книге лишь однажды и вне проблем летописной текстологии. Во всем прочем, кро-

страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 53. Ср.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. Особенно гл. 5.

¹⁹Об этом отношении писал М.Д. Приселков: «...историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда» (Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 36 (1-е изд.: 1940); ср. в «Предисловии» Я.С. Лурье к переизданию этой книги — с. 28–29).

²⁰*Prisak O.* The Invitation to the Varangians // HUS. 1977. Vol. I/1. P. 15–17.

ме факта обоснования скандинавской династии на севере, летописное Сказание признается легендарным²¹.

Русскоязычная наука последних двух-трех десятилетий, в основном, отошла от крайних оценок советской историографии. За Сказанием признается обычно историческая достоверность, и это признание сочетается, как правило, с признанием важной роли скандинавов в становлении Древнерусского государства²². Однако, в отличие от С. Франклина и Дж. Шепарда, наши авторы настаивают именно на призвании и даже договоре на определенных условиях. Даже если торговля и/или война определяются как ведущие факторы в государственном объединении, акцент делается на том, что в этой торговле и/или войне принимали участие все народы, обитавшие на территории Восточной Европы, а не только скандинавы.

Такой подход наиболее последовательно развит в работах Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина — написанных как каждым из авторов по отдельности, так и совместно. В оценке Сказания авторов объединяет идея, развитая ими первоначально в нескольких совместных публикациях, что текст Сказания по ПВЛ воспроизводит исторически достоверный «ряд», т. е. «соглашение представителей местной власти с группой скандинавов, поставленной этим соглашением в зависимость от местного общества». Подтверждения этой идеи авторы находят в самом сюжете призвания, в отдельных выражениях Сказания, которые отражают, по их мнению, «пласт славянской правовой терминологии, имеющей архаичные истоки (в обычном праве)», а также в некоторых исторических аналогиях²³.

Нетрудно заметить в этих суждениях возрождение старой теории

²¹ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Перевод Д.М. Буланина и Н.Л. Лужецкой. СПб., 2000. С. 54–87, 151 и след. (1-е изд. на англ. языке: *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus: 750–1200*. L.; N.Y., 1996). С. 54–87, 151 и след.

²² Ср., например: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 103–135; *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 37 и след.

²³ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 229; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 55. Ср., например: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 102–121; *Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 64–66. К работам Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина близка также статья Н.Н. Гринева, который считает, что «соглашение с княжеским родом» на древнешведском языке, записанное «младшими рунами» и хранившееся в «великокняжеском архиве», было занесено в летопись в 1060–70-е гг.: *Гривев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 36–41.

договора между туземцами и иноземцами, которую развивали в середине XIX в. славянофилы (И.Д. Беляев и др.). Впрочем, теперь эта теория совершенно оторвалась от своей исходной славянофильской почвы. Напротив, указанные авторы придерживаются точки зрения о скандинавском происхождении имени «русь» и «военно-дружинной» концепции формирования древнерусского государства. Не останавливаясь сейчас на этой стороне их взглядов, отмечу их позицию по проблеме соотношения летописных вариантов Сказания и смежных с ней известий. Возражая, прежде всего, советской «официальной» историографической линии, Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин считают, что Сказание имеет не книжно-«искусственный» характер, а черты «устного предания», возникшего «во второй половине IX в.» и донесшего до летописи историческое «зерно истины». При этом В.Я. Петрухин пишет просто о «фольклорных истоках» (не уточняя, впрочем, что это вообще значит применительно к историко-культурной ситуации Древней Руси X–XI вв.), а Е.А. Мельникова возвращается к идее А. Стендер-Петерсена о некоем «варяжском предании»²⁴. В.Я. Петрухин относит запись Сказания к работе летописцев конца XI — начала XII в. (считая суждения о сводах XI в. «совершенно гипотетическими»), а Е.А. Мельникова полагает, что некая «героическая сага» под условным названием «Деяния Рюрика» (содержавшая сюжет «призвания» и условия «ряда») была записана в киевский свод конца 1030-х гг.²⁵ Тем самым Е.А. Мельникова обнаруживает большую готовность принять шахматовскую схему летописания, и это придает ее логике больше убедительности, потому что трудно допустить, что предание с изложением «ряда» второй половины IX в. дожило до летописи конца XI — начала XII в. В то же время и в ее собственных работах, и в совместных с В.Я. Петрухиным конкретные текстологические наблюдения А.А. Шахматова воспринимаются скорее критически. Так, например, в Сказании оба автора первоначальными считают упоминания руси, которые А.А. Шахматов относил к добавлениям «норманистски» настроенного составителя ПВЛ (а Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухину они как раз важны как прямое свидетельство скандинавского происхождения руси), а также доверяют отсутствующему в НПЛ мл. списку городов, розданных Рюриком своим «мужам». В рассказе о захвате Киева Игорем с Олегом историки тоже склонны усматривать большую достоверность ПВЛ и т. д.

²⁴ См.: Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934 (Acta Jutlandica VI, Aarsskrift for Aarhus universitet; VI). S. 52–75.

²⁵ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 104–111; Мельникова Е.А. Рюрик. С. 60–75.

В.Я. Петрухин, теоретически вроде бы признавая существование «некоего Начального свода», вообще сомневается в текстологической возможности его выявления. Свои исторические построения автор основывает на ПВЛ либо, если вообще обращает внимание на альтернативные сведения и чтения НПЛ мл., рассматривает обе летописные традиции как равноправные. В ряде работ В.Я. Петрухин, критикуя А.А. Шахматова, пытается доказать старый тезис, что «Предисловие» к НСв было создано в Новгороде в начале XIII в., а вся начальная часть НПЛ мл., по его мнению, несет сильный отпечаток «переделок» новгородских летописцев XII–XV вв.²⁶ Любопытно (хотя и в высшей степени поучительно), что, отказывая в древности «Предисловию» и признавая в конце концов как лучше всего сохранившийся вариант Сказания по ПВЛ в «Ипатьевской» («ладожской») версии, В.Я. Петрухин неожиданным образом сходится с А.Г. Кузьминым, с которым в общей оценке роли норманнов кардинально расходится. Само собой разумеется, что той «южной руси», о которой писал А.А. Шахматов, в истории Древней Руси, написанной В.Я. Петрухиным, места не находится. Из современных авторов подход В.Я. Петрухина в оценке Сказания близок более всего А.Н. Кирпичникову, который принимает мысль о первичности варианта Ипат и идею о первоначальном «ряде» между призванным конунгом и местным населением²⁷.

Особняком стоят работы И.Я. Фроянова, который решительно возражает против возможности некоего договора и подчеркивает архаичность социальных отношений эпохи, которую описывало Сказание. По его мнению, был не договор, а силовой захват власти конунгом, приглашенным для ведения войны, с устранением «старейшин» во главе с «князем словен» Вадимом, о котором повествует Никоновская летопись. Смысл призвания как договора народа и правителя Сказание получило только в конце XI в. в условиях подъема «общин» Киева и Новгорода. Тогда оно было сильно исправлено и дополнено. Первоначальное же Сказание (которое содержало сведения о Вадиме и пр.) И.Я. Фроянов, следуя Б.А. Рыбакову, относит к новгородскому своду середины XI в.²⁸ Работы И.Я. Фроянова, хотя и содержат иногда удач-

²⁶ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 69 и сл., 102 и сл. Ср. также, например: *Петрухин В.Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. Т. 57. 2006. С. 33–41.

²⁷ Впрочем, автор идет дальше, используя также данные Никоновской летописи и Татищева («Иоакимовской летописи»): *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов». Легенда и действительность // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Мат-лы к чтению. СПб., 1996.

²⁸ *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 75–106.

ную критику советской историографии и интересные соображения, в целом малоубедительны не только и даже не столько из-за своеобразной концепции историка об общинном устройстве древнерусского общества. В конце концов, согласиться придется с любой самой неожиданной и нетрадиционной теорией, если она подтверждается данными источников, выверенными и согласованными между собой. Но в том-то и проблема, что, как и в работах некоторых других историков (и особенно археологов), у И.Я. Фроянова мы сталкиваемся с принципиальными недостатками в методике анализа источников и прежде всего летописей. Осознание всей сложности истории летописания ведет этих авторов не к углубленному текстологическому анализу, а позволяет им произвольно «выдергивать» подходящие к авторской концепции сведения из источников самых *разных, но равнозначных* в их глазах — от НПЛ до В.Н. Татищева.

Большое значение для данной работы имеет цикл статей А.А. Гиппиуса, посвященных начальному летописанию. За исключением одной статьи, посвященной обоснованию принадлежности «ладожской версии» Сказания «3-й редакции» ПВЛ²⁹, текст Сказания он прямо не затрагивает, однако его соображения о сложном составе ПВЛ и НСв с точки зрения развиваемой им методики «лингвотекстологической стратификации» летописи имеют то или иное отношение и к предмету данной работы.

Одна из последних статей А.А. Гиппиуса выросла отчасти из полемики с В.Я. Петрухиным по поводу «Предисловия» к НСв. А.А. Гиппиус, развивая тезис А.А. Шахматова, находит новые аргументы в пользу отнесения этого текста к НСв 1090-х гг.³⁰ Главная же идея этой статьи состоит в том, что «Предисловие» к НСв заменило «космографическое» (развивающее библейский сюжет «расселения народов») введение к своду 1070-х гг. (А.А. Гиппиус придерживается датировки 1072 г.), которое потом вошло в состав «Введения» ПВЛ. «Предисловие» к НСв, по мнению ученого, было «ориентировано на модели византийской хронографии и апокалиптики» и делало акцент не на происхождении и расселении народов, а на «начале земли Руской».

²⁹ Гиппиус А.А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 213–220.

³⁰ Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006, особенно с. 81–92. Ср. также: Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // РЯНО. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Вне зависимости от решения проблемы введения к «Начальной летописи», статья А.А. Гиппиуса важна тем, что новыми аргументами подтверждаются важные элементы шахматовской схемы: во-первых, отражение в НПЛ мл. НСв и, во-вторых, неоднородность НСв, которая заставляет предполагать этапы летописания, предшествовавшие ему³¹. Вместе с тем Гиппиус существенно корректирует схему А.А. Шахматова. С одной стороны, он по-другому определяет этапы летописания до НСв. Этому последнему, по его мнению, предшествуют только «Древнейший свод» конца X — начала XI в. и свод 1072 г. (таким образом, новгородскому своду середины XI в. автор места не находит)³². В этом пункте схема упрощается. Однако, с другой стороны, она у А.А. Гиппиуса и усложняется, т. к. он находит контаминацию разных летописных источников не только на этапе НСв (как у А.А. Шахматова), но и на этапе ПВЛ. Именно к этому ведет его гипотеза, что космографическое введение, читаемое ныне в ПВЛ, было взято составителем ПВЛ из «свода 1072 г.»³³. К этой интересной, но спорной мысли нам еще придется вернуться.

В схеме развития древнейшего летописания, предложенной А.А. Шахматовым, наиболее подробно и тщательно разработана была им часть, касающаяся трансформации текста от НСв к ПВЛ и далее от 1-й ее редакции до 3-й. В этой разработке ученый исходил из мысли, что текст ПВЛ в начальной части (до статьи 6523 г.) основан на НСв и вторичен по отношению к нему. Однако последовательный анализ этого текста, проведенный А.А. Шахматовым в «Разысканиях», показал, насколько неоднозначными могут быть оценки отдельных летописных статей, сообщений или чтений. Этот анализ выявил

³¹Об этом же идет речь в более ранней статье: *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *RL*. 2001. Vol. 25, N 2. С. 147–181.

³²К некоторым уточнениям методики «лингвистической стратификации» текста и определения этапов летописания А.А. Гиппиуса побудила критика со стороны О.Б. Страховой (*Страхова О.Б.* Рекоша дружина Игореви... К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI, N 2. С. 217–258). В ответе О.Б. Страховой А.А. Гиппиус подтвердил схему летописания, предложенную в статьях 2001 и 2006 гг., лишь переименовав «Древнейший свод» в «Древнейшее Сказание» или «Сказание о русских князьях», которое заканчивалось крещением Владимира (*Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игореви... — 3. Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII, N 2. С. 262–273).

³³Мысль, что практически на каждом этапе развития «Начальной летописи» сводчики могли обращаться не только к летописи непосредственно предшествующего этапа, но и другим, более древним (т. е. о контаминации на каждом этапе), А.А. Гиппиус высказывает также в тезисах, посвященных летописным рассказам о крещении Руси: *Гиппиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // *ДР*. 2008. № 3. С. 20–23.

главную проблему: можно ли видеть в НПЛ мл. непосредственное отражение НСв или же текст в этой летописи испорчен позднейшими добавлениями и исправлениями (и даже испорчен безнадежно, как утверждают некоторые ученые)? Ведь даже если в целом признавать первичность НСв по НПЛ мл. перед ПВЛ, в тех или иных отдельных деталях и местах можно выразить сомнение, где лучше отразился более ранний и первоначальный текст — в ПВЛ или НПЛ мл. Почву для этих сомнений подготовил сам А.А. Шахматов, который в «Разысканиях» для восстановления и свода 1070-х гг., и более ранних прибегал не только к отдельным чтениям, но и к целым эпизодам и отрезкам текста как из ПВЛ, так и из НПЛ мл.

Впервые после А.А. Шахматова сравнение ПВЛ и НПЛ мл. в части до 1015 г. произвел О.В. Творогов³⁴. Его обзор, затрагивая, между прочим, Сказание и «сопутствующие» ему тексты, подтвердил в принципе шахматовскую гипотезу о НСв, однако он касался преимущественно текстологических вопросов и особенно проблемы отражения хронографических источников в НСв и ПВЛ. Основной своей задачей Творогов считал демонстрацию на тех или иных «сопоставимых фрагментах», что соответствующий текст НПЛ мл. не мог быть составлен как правка (сокращение) ПВЛ. Этим он и ограничивался и не задавался, например, вопросом, на какой именно текст опирался составитель ПВЛ, и тем более не пытался решить указанную проблему испорченности/сохранности НПЛ мл. или выявить внутреннюю логику текста НПЛ мл. (= НСв). Показательно, что О.В. Творогов в сравнении летописей вообще отталкивается от текста ПВЛ, а не НПЛ мл. К тому или иному отрывку ПВЛ он подбирал соответствующий фрагмент НПЛ мл., а не наоборот; поэтому часть сведений НПЛ мл., отсутствующих в ПВЛ, вообще осталась за рамками его исследования. Ученого интересовал собственно текст ПВЛ, а не НПЛ мл.

Отчасти продолжая работу О.В. Творогова, отчасти имея в виду высказывания современных историков, которые в тех или иных конкретных случаях отдают предпочтение ПВЛ перед НПЛ мл., я ставлю задачу доказать, что составитель ПВЛ опирался именно на тот текст, который представлен в НПЛ мл. в статье 6362 г., и показать методы, которыми он пользовался при переработке этого текста. Среди этих

³⁴Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. XXX: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26. В другом ракурсе, на меньшем объеме текста и не строго текстологически такого рода сравнение присутствует также в недавней работе: Шайкин А.А. Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2008. Т. LVIII. С. 607–626.

методов выявляется очевидное историческое конструирование, поэтому мне приходится уделять внимание большее, чем до сих пор делалось, фактическим сведениям ПВЛ, дополнительным по сравнению с НСв. Обзор соотношения текста, который вошел в статью 6362 г. НПЛ мл., по этой летописи и по спискам ПВЛ, предлагается с уточнением уже высказанных в историографии соображений и разбором аргументов современных критиков А.А. Шахматова.

Все рассказы и сообщения, из которых состоит летописная статья НПЛ мл. 6362 г., озаглавленная «Начало земли Руской», в ПВЛ распределены между недатированным «Введением» ПВЛ (рассказы об основании Киева полянами и о хазарской дани) и первыми статьями 6360–6390 гг.: от «начала прозывания» Русской земли при императоре Михаиле до захвата Киева Олегом (остальные известия). Оставим в стороне «Введение», в котором использованы особые источники и которое, возможно (если принять гипотезу А.А. Гиппиуса о «двух летописных началах»), частично восходит к некоему предисловию свода, предшествовавшего Начальному (1070-х гг.). В статьях же 6360–6390 гг., как увидим, нет никаких фактических сведений, которые убедительно объяснялись бы как остаток некоей предшествующей летописи помимо НСв, сохраненного НПЛ мл. Все поправки и добавления, которые здесь есть по сравнению с текстом в НПЛ мл., можно ясно, просто и непротиворечиво объяснить как результат привлечения составителем ПВЛ новых нелетописных источников, на которые он сам и ссылается, — Хроники (Продолжателя) Георгия Амартола и русско-византийских договоров, а также как плод некоторых его собственных догадок и соображений.

«Логичку преобразований», по которой составитель ПВЛ «раскидал» куски текста статьи 6362 г. НСв согласно новым замыслу и хронологии обновленной им летописи, удачно выразил А.А. Гиппиус: «Заимствовав из Начального свода идею отчета исторического существования Русской земли от воцарения Михаила III, составитель ПВЛ вычислил правильную, как ему казалось (в действительности же — опять [как и в НСв. — *Л.С.*] ошибочную), дату начала этого царствования — 6360 г., под которой и поместил составленную им хронологическую статью. Поход руси на Царьград, имевший место, согласно его источнику, „в 14-е лето Михаила цесаря“, он отнес к 6374 г., сделал его предводителями Аскольда и Дира, а их самих — боярами Рюрика. Вследствие этих текстуальных перемещений рассказы об основании Киева и хазарской дани, в Начальном своде условно синхронизированные с походом руси, лишились этого хронологического репера, отой-

дя в недатированную часть нового свода»³⁵. Как в хронологических расчетах, так и в сообщениях о походе руси на Царьград и крещении болгар ПВЛ опирается на Хронику (Продолжателя) Георгия Амартола, переводные хронографы, а также, вероятно, «Сказание о преложении книг на славянский язык»³⁶.

Автор ПВЛ сделал Аскольда и Дира боярами Рюрика, очевидно, развивая мотив восхваления династии Рюрика, свойственный начальному летописанию, — только если в НСв они были самочинно воняжившимися в Киеве, но все-таки независимыми варягами, то в ПВЛ для вящего оправдания их последующего устранения они были поставлены (с понижением статуса) в зависимость от Рюрика. Из-за этого пришлось переделать и относительную хронологию событий: в НСв приход Аскольда и Дира в Киев предшествовал «призванию» варягов в Новгород, а в ПВЛ они, бояре Рюрика, появляются в Киеве уже после обоснования Рюрика на севере. В этом случае само «призвание» должно было случиться до похода Аскольда и Дира на Царьград.

Привязка «призвания» именно к 6370 (862) г. была результатом самых приблизительных прикидок составителя ПВЛ. Вычислив дату похода Аскольда и Дира (6374 г.), он, видимо, просто положил три года на то, чтобы им обустроиться в Киеве и «совокупить многих варяг», а на четвертый год они уже могли, по его представлениям, отправиться на завоевания. Выходило также, что между «началом прозывания» Русской земли и «призванием варягов» прошло ровно 10 лет (6360 vs. 6370). Приблизительно таким же образом получилась датировка статьи о взимании дани варягами с северных народов, а ха-

³⁵ *Гунпиус А.А.* Два начала. С. 85.

³⁶ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. I, кн. 1. С. 595 и след.; ПВЛ. С. 395–396, 405–406, 411–414, 594, 598. Нет окончательной ясности в том, какими хронографическими источниками пользовался летописец (например, неизвестно, где говорилось о походе руси именно «в 14 лето Михаила цесаря»), но сам факт, что он опирался именно на такого рода источники, не подлежит сомнению. В науке со времен дискуссий А.А. Шахматова и В.М. Истрина существуют разногласия и по вопросу о том, как использовалась в начальном летописании Хроника (Продолжателя) Георгия Амартола. Работы О.В. Творогова и Т.В. Анисимовой склоняют скорее к точки зрения, что автор НСв имел доступ к Хронике только через особую хронографическую компиляцию (по В.М. Истрину: «Хронограф по великому изложению»), а полный текст Хроники был использован позднее в ПВЛ: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 46 и след.; *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. С. 258–266. Возражения Т.Л. Вилкул мне не представляются убедительными (см.: *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV, N 2. С. 56–116), и я придерживаюсь далее этой точки зрения, не вдаваясь, впрочем, в детальное ее обсуждение.

зарами — с южных: статья датирована просто тремя годами раньше «призвания» (6367 г.).

Не менее условны даты смерти Рюрика и захвата Киева Олегом — 6387 (879) и 6390 (882) гг. По остроумной догадке А.А. Шахматова, датировка первого из двух этих событий объясняется просто тем, что летописец положил на правления Игоря и Олега по 33 «эпических» года³⁷. Эта догадка выглядит вполне вероятной в свете подобных указаний писателей раннесредневековой Европы о годах жизни или правления древних князей или королей. Так, например, в «Легенде Кристиана» сообщается о годах жизни первых чешских князей: Борживой якобы жил 35 лет, Спитигнев — 40, а Вратислав — 33³⁸. Разумеется, эти числа, приведенные писателем конца X в., лишь очень приблизительно соответствуют реальной хронологии чешской истории конца IX — начала X в.

По А.А. Шахматову, составитель ПВЛ отталкивался от казавшейся ему достоверной (и в самом деле близкой действительности) даты смерти Игоря (6453 [945] г.), которую он нашел в НСв³⁹, и получалось, что принятый им расчет по 33 года на одного правителя подходит к уже известным ему датам похода Аскольда и Дира и русско-византийского договора, заключенного от имени Олега (6420 [912] г.). Более того, приурочивая вокняжение Игоря к концу 6420 — началу 6421 г. (6453 минус 33), летописец получал еще и совпадение с началом правления византийского императора Константина, о дате восшествия которого на престол (6421 г.) он узнал из Хроники Амартола⁴⁰. Таким образом, русская и византийская истории продолжали удачно «синхронизироваться», как это и было намечено в первой статье 6360 г. 6453 минус дважды по 33 получается 6387. Захват Киева датирован снова просто прибавкой трех лет — получилось 6390 г. (ср.: «начало прозывания»

³⁷ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода. С. XXXIII. Ср. в ПВЛ под 6420 г. в конце рассказа о смерти Олега специальное замечание: «и бысть всех лет княжения его 33».

³⁸ *Legenda Christiani / Kristiánova Legenda. Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily / K vydání připravil, přeložil a poznámkami opatřil J. Ludvíkovský. Praha, 1978. S. 26, 28.*

³⁹ В действительности Игорь погиб, видимо, не в 945 г., а в 946 или 947 г. А.В. Назаренко, опираясь на анализ произведений Константина Багрянородного, считает, что Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г., а значит, если учитывать, что его несчастный поход «в дань» к древлянам состоялся осенью, не ранее осени этого года: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 261–263. Ср., впрочем, возражения А.Ю. Карпова: Карпов А.Ю. Книгиня Ольга. М., 2009 (Сер. «Жизнь замечательных людей»). С. 296–297.

⁴⁰ Не исключено, что это обстоятельство было первично в расчетах составителя ПВЛ. Привязав начало правления Игоря к началу правления Константина, летописец получил 33 года, а затем уже, обратив внимание на эту «красивую» цифру, применил ее для «положения числа» лет правления Олега. Сути дела это не меняет.

Русской земли — 6360 г., а «призвание» — 6370 г.; таким образом получился шаг, кратный десяти). Поход Аскольда и Дира пришелся за 16 лет до прихода Олега в Киев (6374 vs. 6390), а начало правления Рюрика — за 17 лет до его смерти (6370 vs. 6387). Вышло тоже неплохо: как раз половина тридцатитрехлетнего срока (16 или 17 лет).

Вот и весь нехитрый расчет. За ним стоит хронология событий, полученная составителем ПВЛ из НСв (в основном условная, т. е. по последовательности событий, и только применительно к смерти Игоря — точная) и из переводных греческих хроник, дата договора Олега с греками и вполне прозрачная «историческая реконструкция» самого летописца⁴¹. И нет никакой нужды прибегать для объяснения древнейших датировок ПВЛ к хронологии поздних летописей (явно вторичной), к допущениям (чисто гипотетическим) о счете летописи разными эрами и т. п.⁴²

Обратимся к самим летописным сообщениям.

Рассказы об основании Киева и о хазарской дани переданы в ПВЛ (во «Введении») без существенных отличий от НПЛ мл. Есть небольшое сокращение в рассказе об основании Киева (о нем специально см. ниже) и только мелкие разночтения, которые ничего не могут сказать о первичности или вторичности рассказов в целом.

Явно искусственного происхождения не только датировка статьи ПВЛ 6367 г., но и ее содержание⁴³. Первая ее фраза «имаху дань варязи изь заморья на чюди и на словенех на мери и на всѣхъ кривичѣхъ»

⁴¹ Анализ хронологии ПВЛ, который предприняла И. Сорлэн, привел французскую исследовательницу к тем же выводам: *Sorlin I. Les premières années byzantines du Récit des temps passés // Revue des études slaves. 1991. Т. LXIII, fasc. 1: Rus' de Kiev et Russie Moscovite. Culture et société. P. 9–18, см. особенно с. 10–12. Ср. также вывод С.В. Цыба: «...нет никаких причин хотя бы приблизительно доверять хронологии русских летописей в описании событий IX — первой половины X в. Единственным основанием для построения историко-хронологических выводов становятся в такой ситуации показания иностранных источников» (*Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период. С. 71; см. также: С. 67–76*). На условности летописной хронологии делает особый акцент К. Цукерман: *Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков. С. 343–351.**

⁴² *Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 164–165; Кузьмин А.Г. Начальные этапы. С. 253–263, 294–295.* Стоит заметить еще, что этот хронологический расчет в одном элементе (отсчет правления Олега от смерти Рюрика, а не от вокняжения его в Киеве) не соответствует выкладкам, которые содержит статья 6360 г. ПВЛ, основанная на «Летописце вскоре» патриарха Никифора. Есть основания думать (вставной характер выкладок, доведенных «до смерти Святополчи»; расхождения с летописями, отразившими «Новгородско-Софийский свод», и др.), что эти выкладки статьи 6360 г. представляют результат правки позднейших редакторов ПВЛ (по Шахматову, это вставка 2-й редакции ПВЛ: *Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 596*).

⁴³ Далее везде ПВЛ цитируется по Лавр. с исправлением очевидных ошибок по другим спискам (эти исправления даются в квадратных скобках), и только в отдельных особо важных случаях приводятся или обсуждаются варианты других списков.

содержит явную механическую ошибку: вместо «и на всехъ кривичѣхъ» должно читаться «и на вси и на кривичехъ»⁴⁴. Финский народ весь (современные вепсы) упомянут ниже в статье 6370 г. дважды, причем один раз в большинстве списков ПВЛ снова спутан с местоимением «весь/всѣ». Эта фраза ПВЛ передает текст НПЛ мл. с единственным добавлением как раз веси в список народов, призвавших варягов (в НПЛ мл. весь не упоминается). По предположению А.А. Шахматова, составитель ПВЛ знал, что в районе Белоозера (упомянутого в Сказании по НСв как место обоснования Синеуса) жили вепсы, и сделал соответствующую вставку⁴⁵. В ПВЛ весь упоминается, кроме статей 6367 и 6370 гг., только еще во «Введении» в списке народов: «на Бѣлѣозерѣ сѣдять весь»⁴⁶. Археологические поиски следов веси в этом районе увенчались успехом лишь в относительно недавнее время: А.Н. Башенькин убедительно связал с всею выявленный им ареал распространения финно-угорских древностей середины I — начала II тысячелетий н. э. в юго-западном Белозерье в бассейнах рек Суды и Мологи⁴⁷. При этом оказалось, что и древний город Белоозеро (у истока Шексны из озера), и другие поселения по Шексне и берегам Белого озера если вообще и принадлежали к области расселения веси, то только к ее периферии, и ни один из них не мог быть значительным центром этого «племени»⁴⁸. Это обстоятельство выдает ретроспективный и более или менее искусственный характер «исторической реконструкции» составителя ПВЛ.

Таким образом, в данном случае составитель ПВЛ имел в виду факты, известные ему и современникам: он просто знал, что около озера Белого живет весь (вепсы) и связал с ней упоминание города Белоозера в Сказании. Однако, указывая в следующей фразе среди данников хазар не только полян (что было естественным выводом из рассказа о хазарской дани), но и северян и вятичей, он опирался, разумеется, уже

⁴⁴ Поправка предложена С.М. Соловьевым (*Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. Примеч. 151. С. 292*), принята А.Ф. Бычковым (*Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. [Издан А.Ф. Бычков]. СПб., 1872. С. 18–19*) и А.А. Шахматовым.

⁴⁵ *Шахматов А.А. Сказание. С. 226.*

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10.

⁴⁷ *Башенькин А.Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда, 1989. С. 3–21; Он же. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 3. С. 3–29. Ср. об этом же с учетом данных топонимики: *Макаров Н.А. Весь и славяне на Белом озере // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 188–198.* Благодарю за консультацию С.З. Чернова.*

⁴⁸ *Макаров Н.А. Весь и славяне. С. 190; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 119–120.*

не на современные ему реалии, а частично на сведения НСв и частично, видимо, на историческую память. О том, что вятичи платили дань хазарам, говорится в статье 6472 г. НПЛ мл., сообщающей о походе Святослава на хазар⁴⁹. О северянах же в НПЛ мл. нет вообще ни слова. Помещение их под власть хазар и надо объяснять силой памяти о прошлом, державшейся еще в начале XII в. С исторической и археологической точек зрения не может быть сомнения в том, что северяне, как и вятичи, если и не все, то по крайней мере большей частью находились в той или иной зависимости от Хазарии в какие-то периоды в течение VIII–X вв. О северянах, вятичах и, возможно, каких-то других славянах как своих данниках говорит хазарский правитель Иосиф в письме испанскому еврею Хасдаю ибн Шафруту (ок. 960 г.)⁵⁰. Волынцевская и роменская археологические культуры VIII–X вв., которые ученые возводят к северянам, обнаруживают тесную связь и даже «взаимопроникновение» с салтово-маяцкой культурой (связанной несомненно с Хазарией⁵¹) на Левобережье Днепра, в бассейнах Северского Донца и Дона⁵².

Третья фраза этого сообщения ПВЛ снова отсылает нас к НСв, где сказано, что до их изгнания варяги собирали дань «от мужа по бѣлѣи вѣверици»⁵³. Правда, в ПВЛ единицей обложения указан «дым», а не «муж». Но это указание взято из рассказа о хазарской дани, где говорится о дани с полян «от дыма мечь». Составитель ПВЛ просто совместил два сообщения НСв о разных даях (с полян в пользу хазар и со словен, кривичей, мери и чуди в пользу варягов) в одно чисто механическим образом: норма дани взята из одного сообщения («по

⁴⁹НПЛ. С. 117.

⁵⁰Ковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 99.

⁵¹Ср. последнюю обобщающую работу по этому поводу: Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

⁵²См. две интерпретации волынцевской и роменской культур, расходящиеся в разных существенных пунктах, но общие в признании факта связи этих культур со славянами, находившимися в том или ином взаимодействии с хазарами, в том числе и в подчинении им: Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 50–90; Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже СПб., 2009. С. 214–221 (Труды Государственного Эрмитажа; Т. XLIX).

⁵³О том, что надо читать именно «по белеи веверици», а не «по беле и веверици», см.: Стефанович П.С. Как правильно читать: «по белеи веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Вторые Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат-лы к междунар. науч. конф. М., 2011. С. 12–16.

белеи веверици»), единица обложения (от «дыма») — из другого⁵⁴. В целом, статья представляет собой наглядный образец комбинации составителем ПВЛ доступных данных НСв (с перетасовкой и переработкой) с дополнительными (легко верифицируемыми) сведениями. Целью данной «комбинации» было дать внешне целостную картину даннического подчинения народов Восточной Европы: северных — варягам, южных — хазарам.

В летописях группы «Новгородско-Софийского свода», где ПВЛ совмещалась с НСв, мы видим дальнейшее развитие принципов контаминации и реконструкции. Эти летописи в первой части известия передают полностью указание НСв «от мужа по белеи веверице», а во второй развивают текст ПВЛ, указывая норму дани «по беле векшице от дыма»⁵⁵. «Белая векшица» появилась здесь как параллелизм к «белой веверице» — летописец, очевидно, хотел согласовать два своих источника и общую картину налогообложения на Севере и на Юге. Далее на различия в тексте Сказания и «сопутствующих» ему сообщений между, с одной стороны, летописями «Новгородско-Софийского свода» и, с другой стороны, ПВЛ и НСв я не буду обращать специального внимания, т. к. практически все они не существенны и объясняются как следствие контаминации НСв и ПВЛ в этих летописях.

Такие же «коррекционно-комбинаторские» методы работы просматриваются и в статье 6370 г., где помещена основная часть Сказания из НСв (с момента изгнания первых варягов). Главная правка произошла из-за нового взгляда составителя ПВЛ на происхождение руси, который прекрасно опознал и обозначил А.А. Шахматов еще в статье «Сказание о призвании варягов». «Отличие» между версией НСв и «1-й редакцией ПВЛ», писал он, «состоит в отождествлении варягов и руси. Первая версия говорила о призвании варягов, вторая — о призвании варяжского племени руси»⁵⁶. Правда, это отождествление просматривается, хотя нечетко, и в словах НПЛ мл. «и от тех варяг, находник тех, прозвашася русь...». А.А. Шахматов не мог этого не заметить, и поэтому в статье он расценил эти слова как более позднее влияние ПВЛ через «Новгородско-Софийский свод», а в книге «Разыскания» — вообще как результат неоднократной правки на разных этапах летописания (см. выше). На мой взгляд, в таких конструкциях нет необходимости. Вне зависимости от того, что и как говорилось о ру-

⁵⁴Ср. такой же ход мысли: *Пчелов Е.В.* Какую дань «имаху» «варязи изъ заморья»? // ВЕДС. XXIII. М., 2011. С. 239.

⁵⁵См., например: ПСРЛ. Т. 42. С. 25.

⁵⁶*Шахматов А.А.* Сказание. С. 215.

си в некоем первоначальном древнейшем летописном тексте (этого вопроса я здесь не касаюсь), текст ПВЛ вполне объясняется как обработка точно того текста, который мы видим в НПЛ мл.

Придерживаясь своего особенного представления о варягах-руси, составитель ПВЛ сначала вставил пояснение по поводу того, к кому именно отправились посланники «племен», решивших призвать иноземного «князя»: «ид[о]ша за море къ варягомъ, {къ руси, сице бо ся звахуть [т]и варязи [русь], яко се друзии зъвуться [свие], друзии же урмане, анъглиане, друзии гъте, тако и си}. Рѣша {русь, чюдъ, словѣни и кривичи вся⁵⁷}: земля наша велика...» и т. д.

Ср. в НПЛ мл.: «идоша за море к варягомъ и ркоша: земля наша велика...» и т. д.

Во вставном характере слов, выделенных фигурными скобками, сомневаться не приходится⁵⁸. Упоминание руси в списке приглашающих народов (после слова «рѣша») надо расценивать как очевидную опisku, возникшую как раз в том месте, где вносилась правка. Возможно, правильнее в Радзивиловской и Московской Академической летописях, где мы видим: «реша руси», т. е. слово «русь» употреблено в дательном падеже. Именно так думал А.А. Шахматов и соответствующим образом восстанавливал исходный текст ПВЛ⁵⁹. На мой взгляд, такого же рода (механическую) ошибку надо предполагать в пропуске мери в списке «племен». Ведь упоминания мери есть не только в НПЛ мл., но и в ПВЛ выше — в разобранный статье 6367 г. — и ниже — в той же статье 6370 г. в сообщении о раздаче Рюриком городов своим мужам⁶⁰.

Теми же воззрениями составителя ПВЛ надо объяснять исправление «пояша с собою дружину многу и предивну» (НПЛ мл.) в «пояша по собѣ всю русь» в сообщении о приходе Рюрика и братьев⁶¹. Современные критики А.А. Шахматова считают, что вариант ПВЛ первичен,

⁵⁷Во всех списках ошибочно «вся» или «и вси». Правильно: «и всь» (ср. выше о весивесах).

⁵⁸Наблюдение об этой вставке высказал еще А.А. Потебня в 1879 г., трактуя ее как «очевидную» «глоссу составителя летописного свода»: *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. Варшава, 1880. Т. II: Этимологические и другие заметки (Из «Русского Филологического вестника», 1879). С. 16. Не будучи знаком с НПЛ мл., он выделял «глоссу» со слов «сице бо ся зваху...» и т. д. А.А. Шахматов ссылался на это наблюдение, внося поправку относительно того, с какого слова начинать вставку, с ранних работ до последних как на одно из самых очевидных свидетельств вторичности текста ПВЛ по сравнению с НПЛ мл. (см., например: *Шахматов А.А.* Сказание. С. 188).

⁵⁹*Шахматов А.А.* Сказание. С. 597.

⁶⁰А.А. Шахматов думал, что меря была пропущена сознательно составителем ПВЛ, который вместо нее ввел в число приглашающих чюдъ: Там же. С. 226.

⁶¹Там же. С. 228. Ср.: *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 234.

т. к. они находят выражение «вся русь» в независимых источниках, а именно в русско-византийских договорах и рассказе Константина Багрянородного о полюдье «росов» в сочинении «Об управлении империей»⁶². Однако это словосочетание не представляет собой какой-то идиомы или специфической формулы, которая не могла бы появиться под пером разных авторов независимо друг от друга и от их источников. И даже если допустить формульность этих слов, то непонятно, почему их употребление в договорах и у Константина (в греческих текстах, независимых от летописи) должно свидетельствовать в пользу первичности чтения ПВЛ перед НПЛ мл.? Если уж делать такие (вообще-то натянутые) допущения, то вопрос вообще надо решать способом, ровно противоположным тому, который предлагают Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин: надо как раз думать, что введение в летопись переводов договоров и подтолкнуло составителя ПВЛ к фразе «попяша по себе всю русь»⁶³.

Константин дает своего рода этнографическое описание обычаев варварских народов как некоей *curiosité*. Описывая «зимний и суровый образ жизни росов», он сообщает о порядке полюдьи: «когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется „кружением“...» и т. д.⁶⁴ В сущности, мы имеем здесь дело с совсем иными литературной традицией и исторической ситуацией, сам текст никак не связан с древнерусской книжностью и тем более летописью — одним словом, императорский трактат тут просто ни при чем. Из работ Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, собственно, и неясно, что вообще заставило их сопоставить трактат с ПВЛ. Вероятно, сказалась историографическая традиция — выражения ПВЛ и Константина сопоставляли некоторые исследователи в подтверждение тезиса, что слово «русь» могло выступать не этнонимом, а обозначением некоей «социальной категории». Однако это совсем другая проблема, не имеющая отношения к вопросу о первичности НСв/ПВЛ⁶⁵.

В тексте Сказания ПВЛ допускает еще два существенных отступ-

⁶² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды. С. 224–225; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов». С. 53; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 105.

⁶³ Именно так рассуждает О. Прицак: *Prütsak O. The Invitation*. P. 18–19.

⁶⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51.

⁶⁵ Эта проблема — спорная, и доводы сторонников тезиса о «социальном» значении слова «русь» далеко не всегда выглядят убедительно. По крайней мере, у Константина Багрянородного слово *ῥῶς* выступает только как этноним, см. об этом: *Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la Rōsia au X siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète* // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du*

ления от НПЛ мл. Во-первых, ПВЛ опускает замечание, что первоначальное изгнание варягов произошло из-за их «насилия». Очевидно, для составителя ПВЛ оно стало излишне. Его уже не интересовало, по каким причинам были изгнаны варяги, бравшие дань. Важнее было, что пришла *русь*. Во-вторых, в НПЛ мл. говорится, что изгнавшие варягов «племена» начали «города ставити», а потом, когда у них начались усобицы, «всташа град на град». ПВЛ опускает сообщение о строительстве городов, а вторую фразу переделывает так: «вста род на род». Эта переделка, по-видимому, развивала заложенную в НСв идею о «родовом» строе древних «племен» (см. в первой фразе статьи 6362 г.: «живяху кождо с родом своим»), и надо согласиться с теми, кто считает, что в данном случае составитель ПВЛ «руководствовался своими представлениями о характере до-государственного общества и, кроме того, вероятно, хотел подчеркнуть глубину охватившего его беспорядка»⁶⁶.

Далее тексты списков ПВЛ в одном важном пункте расходятся. Списки Ипат, Радзивилловской и Московской Академической летописей говорят, что Рюрик, старший из трех пришедших на русь братьев-варягов, сел княжить в Ладоге и только после смерти Синеуса и Трувора он «сруби город над Волховом, и прозваша и Новьгород»⁶⁷. В Лавр здесь пропуск, и где сел Рюрик, просто не сказано, так что в тексте зияет явная смысловая и стилистическая «дыра». Что было в Троицкой летописи, мы не знаем. В издании ПВЛ Х. Чеботарева и Н. Черепанова, которые, как известно, пользовались Троицкой для подведения вариантов, в примечании против этого места сказано: «въ *Три. ркп.* къ слову *Рюрикъ* прибавлено: *сгъде Новьгородъ*»⁶⁸. Однако Н.М. Карамзин, у которого тоже в руках был этот манускрипт, пишет, что в нем указание о местопребывании Рюрика, как и в Лавр, «пропущено», «но вверху приписано над именем Рюрика: *Новг...*»⁶⁹. М.Д. Приселков, предпочитая свидетельство Карамзина, считает, что пропуск был и в

Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. P., 2000. С. 344–354, особенно примеч. 55.

⁶⁶Флоря Б.Н. Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западно-славянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 45, примеч. 10. (Studia balkanica; 20).

⁶⁷См. в Ипат.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

⁶⁸[Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811] (листы невышедшего издания, которое готовилось Обществом истории и древностей российских в Москве; использовался экземпляр из библиотеки М.П. Погодина в Музее книги РГБ, шифр Н-373). С. 50, примеч. (к). Курсив авторов.

⁶⁹Карамзин Н.М. История. Т. 1. С. 241, примеч. 278. Курсив автора.

Троицкой, и в Лавр (восходя к их общему протографу), а в Троицкой этот пропуск был восполнен позднейшим редактором оригинала⁷⁰.

Схема А.А. Шахматова подразумевала, что ПВЛ претерпела три редакции, вторая из которых отразилась в Лавр и Троицкой, а третья — в Ипат, и что предшествующим ей этапом летописания был НСв, отразившийся в НПЛ мл. В пропуске Лавр А.А. Шахматов видел индивидуальную особенность ее или ее протографа (если трактовать свидетельство Н.М. Карамзина в том смысле, как это делал М.Д. Приселков). Изменение 3-й редакции ПВЛ он убедительно объяснял как следствие правки ее составителя, бывавшего в Ладоге (что следует из ряда статей Ипат, прежде всего 6622 [1114] г.) и знакомого с местными преданиями, «выставлявшими старшинство Ладоги перед Новгородом»⁷¹. Недавно А.А. Гиппиус заново рассмотрел этот вопрос, разобрал аргументы А.А. Шахматова и его критиков, и укрепил точку зрения о вторичности «ладожской версии». Первично указание о Новгороде, читаемое в НПЛ мл.; и оно было, вероятно, в архетипе Лавр, т. е. в более ранней редакции ПВЛ по сравнению с отразившейся в Ипат и опосредованно в Радзивилловской и Московской Академической летописях⁷².

После распределения трех братьев по соответствующим городам НПЛ мл. и ПВЛ приводят слова, над которыми много бился А.А. Шахматов и смысл которых до сих пор неясен ученым:

Таблица 1

НПЛ мл.	ПВЛ			
	по Лавр.	по Троиц. ⁷³	по Радз. ⁷⁴	по Ипат. ⁷⁵
и от тѣх варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася русь, и от тѣх словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжъска	от тѣхъ прозвася Руская земля, новгородьци ти суть людье новгородьци от рода варяжъска, преже бо бѣша словени	и от тѣхъ прозвася Русьская земля, а новгородци от рода варяжъска, преже бо бѣша словѣни	и о[т] тѣхъ варягъ прозвася Рускаа земля, Новгород, тии суть людие новгородци от рода vareжска, преж бо бѣ [словѣне — по Мос.-Акад.]	и от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля

⁷⁰ Приселков М.Д. История русского летописания. С. 127; *Он же*. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956 г.). С. 58.

⁷¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 531–532.

⁷² Гиппиус А.А. Новгород и Ладога.

Снова оставляя за скобками проблему объяснения этого места по НПЛ мл. (= НСв), замечу только, что и здесь текст ПВЛ вполне объясняется как переработка текста, представленного в НПЛ мл. В сущности, единственный новый элемент, который вносит составитель ПВЛ в этот фрагмент, — это пояснение «преже бо беша словене». Разумеется, нельзя принимать в расчет явно ошибочное повторение слов «новгородци» (в Лавр) и «новгороци» (в Радзивиловской) — это либо механическая ошибка переписчика, либо внесение глоссы на полях, пояснявшей, что речь здесь идет о новгородцах⁷⁶. Этот дефект восходит, очевидно, к архетипу списков ПВЛ, а редакции Троицкой и Ипат представляют уже позднейшие исправления его, исходившие из общего смысла текста.

Пояснение «преже бо беша словене» нет никаких препятствий приписать руке составителя ПВЛ. Как можно предположить, утверждение НСв о принадлежности новгородцев к «роду варяжскому» должно было быть неожиданным для составителя ПВЛ (как, впрочем, и для любого читателя НПЛ мл.), потому что выше текст не давал никаких поводов к такому повороту мысли. Он попытался внести какую-то логику в повествование, согласовывая текст со своими прежними сообщениями: ладно, пусть теперь новгородцы стали варягами, но прежде-то они были словене, как и сообщалось выше. Этим пояснением устанавливалась связь с двумя сообщениями «Введения» ПВЛ о словенах и Новгороде. «Введение» сначала говорило, что «словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ», а затем, что словене «почаша держати княженье» «свое в Новѣгороде»⁷⁷. Однако сколько-нибудь сносно восстановить логику повествования такое пояснение не могло — противоречие оставалось все равно слишком явным. Вероятно, именно по этой причине составитель редакции ПВЛ, представленной Ипат, решил избавить своего читателя от недоумений радикальным сокращением всего фрагмента и оставил только то, что соответствовало главной мысли ПВЛ: русь получила свое наименование от варягов. То, что вариант Ипат связан именно с версией ПВЛ, а не НСв (НПЛ мл.), очевидно — вне зависимости от того, пропущено ли в Лавр и в Тро-

⁷³[Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811]. С. 51; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 58.

⁷⁴ПСРЛ. Т. 38. С. 16.

⁷⁵ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

⁷⁶Такую мысль высказывал еще Н.П. Ламбин: *Ламбин Н.П.* Источник. С. 53.

⁷⁷ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10.

ицкой слово «варягъ» по ошибке (что скорее) или оно было вставлено в «3-й редакции» ПВЛ.

Слово «находники» в соответствующем фрагменте НПЛ мл. составитель ПВЛ применил чуть дальше, после известия о смерти Синеуса и Трувора. Здесь он, прежде чем перейти к рассказу об Аскольде и Дире (который он, как уже говорилось, переместил из времени *до* призвания на время *после* него), завершил рассказ о призвании варягов-руси сообщением о том, какими областями «обладаше Рюрик». Этого сообщения нет в НПЛ мл., но его характер не заставляет предполагать каких-то особых источников в распоряжении составителя ПВЛ. Логика изложения вполне соответствует той, которая была применена только что в пояснении про новгородцев: сначала сообщается о городах, куда Рюрик посадил своих «мужей», — эти «мужи» и называются «находници варязи», — а потом поясняется, кто там был «перввии насельници». Фактические сведения, сообщаемые при этом, происходят из «припоминания», как выразался А.А. Шахматов, т. е. из исторической памяти. Возможно, летописец ориентировался также на некие остатки прошлого, видимые еще в то время, когда он жил, а также, вероятно, он прибегнул и к посильной исторической реконструкции.

К реконструкции составителя ПВЛ надо, конечно, отнести само сообщение, что Рюрик «раздая мужемъ своимъ грады» (Лавр) или «раздая мужемъ своимъ волости и города рубити» (Ипат). Практика посылки князьями бояр в качестве посадников в центры административно-финансовых округов (по «городам» и «волостям») с определением соответствующего корма хорошо известна по данным XII в. и последующего времени. Несомненно, из этой практики как из чего-то само собой разумеющегося исходили летописцы начала XII в. Для них само установление княжеской власти над некоей территорией автоматически подразумевало посылку туда княжеских агентов. Подозревать, что так происходило в предшествующее время везде и всегда (тем более в IX в.), у нас нет никаких оснований⁷⁸.

Под власть Рюрика ПВЛ приводит помимо уже названного Белозера еще Полоцк, Ростов и Муром, причем указывает тут же, какие народы жили вокруг этих центров: весь, кривичи, меря и мурома. Изборск уже больше не упоминается, и это показательно — составитель

⁷⁸Ср. мнение, что сообщение о «раздаче городов» донесло аутентичную информацию: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов». С. 51. Авторы пишут, что «раздача городов» — это один из элементов «ряда», и ее можно рассматривать как «раздачу ленов, т. е. права на сбор дани». Княжеские посадники (в Новгороде) впервые упоминаются в летописи в рассказе о борьбе Ярополка и Владимира Святославичей (НПЛ. С. 125).

ПВЛ явно не понимал, какое отношение имеет этот городок, имевший в его время локальное значение, к древнейшей истории Руси. Появление в этом списке, помимо веси с ее «историческим» центром Белоозером, также кривичей с Полоцком и мери с Ростовом понятно: раз выше среди народов, призвавших варягов, были упомянуты меря и кривичи, значит, теперь они и должны были составить области, которыми «обладаше» Рюрик. Во «Введении» ПВЛ, обозначая области расселения народов, подвластных Руси, мерю размещала на Ростовском и Клевшине озерах, а также «по Оцѣ рѣцѣ, гд[ѣ] потече в Волгу». Областью расселения кривичей указывались верховья Волги, Днепра и Двины, «их градом» указан Смоленск, а река Полота, на которой стоит Полоцк, была обозначена как область «полочан»⁷⁹. Ясно, что поскольку Полота — приток Двины, речь идет приблизительно об одном и том же регионе, и все же ввиду этих данных «Введения» в Сказании ожидалось бы появление именно Смоленска как центра кривичей, а не Полоцка. А.А. Шахматов объяснял эту странность данного фрагмента Сказания по ПВЛ тем, что о захвате Смоленска НСВ говорит несколько позже в рассказе о походе Игоря и Олега на Киев⁸⁰. Составитель ПВЛ оставил это сообщение, уточнив, что Олег, «прияв» этот город, «посади мужь свои» там. Очевидно, если кривичи «призывали» варягов, а Смоленск был захвачен только Олегом, значит, Рюрик мог посадить своих посадников только в Полоцк. Такое объяснение представляется наиболее естественным. Можно еще заметить, что если бы составитель ПВЛ считал, что именно Смоленск был главным кривическим городом (а не Полоцк), он мог бы убрать упоминание о взятии его Олегом. Раз он этого не сделал, значит, в его глазах оба города — Смоленск и Полоцк — были примерно равнозначными «историческими центрами» кривичей. Наконец, можно еще думать, что сообщение о «раздаче городов» Рюриком и фрагменты о кривичах и полочанах во «Введении» относятся к творчеству разных авторов, поскольку, как уже говорилось, есть основания видеть во «Введении» шивку самых разных по происхождению текстов⁸¹.

Стоит отметить, что само по себе соотнесение кривичей со Смо-

⁷⁹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11.

⁸⁰Шахматов А.А. Сказание. С. 226–227.

⁸¹Ср.: Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995. С. 50–63. А.А. Горский считает, что один летописец одной частью кривичей — «полочанами» — обозначал их всех, а другой автор, работавший позже, уже писал собственно о кривичах (с. 55). Опираясь на археологические данные, историк предполагает, что наименование, использованное первым автором, отражает более раннюю ситуацию главенства «племенного княжества» с центром в Полоцке (С. 58–59).

ленском и Полоцком, которое произведено в ПВЛ, подтверждается археологическими данными. Действительно, этот регион выделяется некоторыми специфическими чертами, в частности, ему приблизительно соответствует ареал распространения культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв., памятники которой фиксируются в верховьях Двины, Днепра и Немана. Однако в науке остается спорной этническая принадлежность этих древностей, а значит, и самих кривичей. Славянский элемент среди них как будто присутствует, но был ли он или стал ли он в какой-то момент еще до конца X в. преобладающим, остается неясным⁸².

Труднее понять, какие причины могли быть у составителя ПВЛ отнести к «государству Рюрика» мурому. Муром как «язык» указывается в списках народов «Введения» рядом с мерей и весью (это и отметил А.А. Шахматов⁸³), но вряд ли одно это обстоятельство было достаточным основанием для упоминания ее в Сказании: список этот довольно длинный — почему из него взята именно мурома? Да и вообще зачем, собственно, надо было увеличивать область, подчиненную Рюрику? Вероятно, сказались какие-то представления летописца либо об историческом единстве этих трех народов, либо о путях включения финно-угорских народов в сферу влияния скандинавов, с которыми летописец связывал образование государства Руси. По современным, главным образом, археологическим данным ясно, что все три народа были вовлечены уже в IX в. в транзитную торговлю между Балтийским и Каспийским морями. В районе, указанном в летописи как область расселения мери, зафиксированы крупные поселения и даже городские центры (Сарское городище), где наблюдается взаимодействие финно-угорской и скандинавской материальных культур. По течению Оки открыты представительные финно-угорские могильники и немало кладов арабских монет IX–X вв.⁸⁴ Но эти данные не позволяют точно определить, что именно имел в виду летописец, упо-

⁸²Ср., например: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 158–166; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. С. 21 и след, особенно 45; *Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990; *Бузов В.А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. 1996. № 1. С. 122–131.

⁸³*Шахматов А.А.* Сказание. С. 227.

⁸⁴См.: *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники. С. 108–113; *Гришаков В.В., Зеленев Ю.А.* Муром VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990; *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 149–235; *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 388–402. Особенно важен коллективный труд: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР)*. М., 1987, о

миная о муроме. Во всяком случае, видеть в этом упоминании «свидетельство», «трансформированное», но сохраненное «исторической памятью», «об основных направлениях военно-политической экспансии Рюрика и Олега»⁸⁵, слишком рискованно.

На этом «Сказание о призвании варягов» как таковое заканчивается. Статью 6370 г. ПВЛ продолжает рассказом о приходе Аскольда и Дира в Киев. Зачем составителю ПВЛ потребовалось поместить этот рассказ именно сюда и сделать Аскольда и Дира боярами Рюрика, уже говорилось выше. Приписав в статье 6374 г. предводительство в походе руси на Константинополь (в действительности состоявшемся в 860 г.⁸⁶) Аскольду и Диру, составитель ПВЛ удачно решил противоречие, которое получилось в НСв из-за вставки известия об этом походе из Хронографа. В НСв рассказ о походе «руси» оказался впереди Сказания, которое впервые вводило в повествование эту русь, появившуюся только после призвания варягов из-за моря. В греческих хрониках, откуда летописцы черпали сведения о походе, никаких личных имен среди «росов», напавших на греков, не упоминалось, и имена Аскольда и Дира стали вноситься в русские копии хронографов в сообщения о походе 860 г. уже в XV в. под влиянием летописи⁸⁷. Никаких фактических сведений, новых по сравнению с НСв, составитель ПВЛ в рассказ об Аскольде и Дире не внес. Рассказ этот построен на переработке краткого сообщения НСв об Аскольде и Дире с некоторым распространением его и «подгонкой» под новое развитие повествования.

Статья 6362 г. НПЛ мл. после Сказания рассказывает еще о захвате Киева Игорем и Олегом. Этот рассказ есть и в ПВЛ, в статье 6390 г., но с существенными отличиями, важнейшее из которых состоит в том, что главная роль в этом событии приписывается не Игорю, как в НСв, а Олегу. Олег превращен из воеводы Игоря, как в НСв, в самостоятельного князя «от рода» Рюрика, причем сам Рюрик перед смертью передает «княженье свое Олгови» и поручает ему своего сына Игоря (об этом сообщает новая статья ПВЛ под 6387 г.). А.А. Шахматов

муроме см. раздел Л.А. Голубевой (С. 81–92). В самом Муроме древнерусские слои фиксируются с X или даже скорее XI в., а до этого — финно-угорские древности с VIII в.

⁸⁵ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. С. 115.

⁸⁶ Свидетельства источников о походе 860 г. собраны в работе: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

⁸⁷ Летописец Еллинский и Римский / Изд. О.В. Творогов. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 455; СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование. С. 173–184, особ. 175. В Никоновской летописи мы имеем дело уже с вторичными заимствованиями из хронографов сведений о «росах», в которых нельзя видеть следы каких-то русских летописей, — см.: *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.

это превращение объяснял тем, что составитель ПВЛ ориентировался на «южные (киевские) предания», в которых Олег фигурировал в качестве самостоятельного князя (следы этих преданий надо видеть в легенде о смерти Олега от укуса змеи, вставленной в ПВЛ), и на договор руси с греками 911 г., заключенный от имени «Олга, великого князя рускаго». Все остальные отличия ПВЛ от НПЛ мл. вполне можно объяснить как плоды «историко-литературного» творчества составителя ПВЛ. Так, в указании «племен», которые Олег взял с собой с севера («варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ [правильнее, как в Троицкой: весь] кривичи»), видим повтор списка народов, «призвавших» варягов, с добавлением самих варягов. Взятие Любеча, не упомянутого в НПЛ мл., надо объяснить тем, что город, как и Смоленск, лежал на пути Олега из Новгорода в Киев, и составителю ПВЛ его взятие казалось настолько же естественным, как и взятие Смоленска (ср. упоминание Любеча среди городов, которым причитались «уклады» после похода Олега на Византию, согласно рассказу ПВЛ в статье 6415 [907] г.⁸⁸). Упоминание, что Олег якобы идет «в греки», развивающее сюжет хитрости с «потаенными» воинами в ладьях, окажется вполне естественным, если вспомнить описание ПВЛ пути «из варяг в греки». Наконец, за известной фразой о Киеве, которую ПВЛ вкладывает в уста Олега: «се буди мати градомъ русским» (калька с греческого), не стоит ничего, кроме идеи летописца о «столичном» статусе Киева наподобие Константинополя. Заключительное сообщение о даях, которые возлагает Игорь (Олег по ПВЛ), обосновавшись в Киеве, также было переделано составителем ПВЛ на основе НСв⁸⁹.

Это простое и убедительное объяснение соотношения ПВЛ и НСв (НПЛ мл.) А.А. Шахматов предложил в статье «Сказание». В «Разысканиях» он предположил, что в своде 1070-х гг. Олег выступал тоже, как и в ПВЛ, в качестве самостоятельного князя и действовал единолично, но в соотношении НСв и ПВЛ он оставался при прежнем мнении: вторая опиралась на первый. То, что Олег и в ПВЛ оказался в той же роли, в какой он выступал в своде 1070-х гг., А.А. Шахматов объяснял не влиянием второго на первую, а просто тем, что составитель ПВЛ был знаком с теми же киевскими преданиями, которые представляли Олега независимым правителем, да к тому же получил в свое распоряжение русско-византийские договоры. Иными словами, А.А. Шахматов не связывал возвращение ПВЛ к освещению роли Оле-

⁸⁸ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.

⁸⁹Об этом сообщении см. подробнее: *Стефанович П.С.* Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.

га, свойственному своду 1070-х гг., с обращением составителя ПВЛ к какому-либо дополнительному летописному источнику помимо НСв.

В.Я. Петрухин и Е.А. Мельникова указывают на два важных обстоятельства, которые могли бы помешать принять шахматовское объяснение соотношения НПЛ мл. и списков ПВЛ⁹⁰. Во-первых, ряд неясностей текста, представленного в НПЛ мл. (а точнее, в некоторых ее списках), свидетельствуют как будто против его первоначальности. Во-вторых, предположение А.А. Шахматова в «Разысканиях», что самостоятельность Олега в ПВЛ соответствует содержанию летописи, предшествовавшей НСв, подталкивает к идее, что этой мысли составитель ПВЛ обязан не некоему «преданию», а как раз этой самой летописи, которая, получается, была в его распоряжении. В таком случае версии НПЛ мл. и ПВЛ надо рассматривать как равно вторичные по отношению к древнейшему тексту, причем, хотя каждая из них сохранила что-то от первоначального варианта и прибавила что-то от себя, все-таки ближе к нему версия ПВЛ. Именно к этой точке зрения склоняется в последней работе Е.А. Мельникова, указывая на свод 1070-х гг. как общий источник НСв и ПВЛ со ссылкой на статью А.А. Гиппиуса 2006 г., которая предполагает смену летописных введений от свода 1070-х гг. к НСв и затем к ПВЛ⁹¹.

Из этих двух аргументов второй может «работать» только при условии, что мы имеем применительно к каким-то другим местам летописи доказательства обращения составителя ПВЛ к своду 1070-х гг. Как увидим чуть ниже, соображения А.А. Гиппиуса применительно к вводным частям НСв/ПВЛ таких доказательств на самом деле не дают. Пример же с Олегом базируется на чисто гипотетическом предположении А.А. Шахматова о том, что *могло* читаться в своде 1070-х гг.

Первый аргумент не имеет прямого отношения к вопросу о соотношении НСв и ПВЛ и поэтому не может поколебать тезис, который отстаивал А.А. Шахматов и который теперь я пытаюсь подтвердить — а именно, что текст ПВЛ объясняется как пересказ текста, который мы видим в НПЛ мл., с вполне понятными и объяснимыми дополнениями или поправками самого составителя ПВЛ. Признание некоей неясности или даже порчи в тексте НПЛ мл. совсем не влечет за собой автоматически пересмотр соотношения НПЛ мл. и списков ПВЛ

⁹⁰ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 142 и сл.; Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение. С. 54–56.

⁹¹ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение. С. 56–57. Точки зрения, что «НПЛ и ПВЛ восходят в этом эпизоде к общему источнику (или очень сходным)», придерживается и А.А. Шайкин, хотя он готов признать, что в отдельных деталях не ПВЛ, а НПЛ мл. «ближе к первоначальному источнику»: Шайкин А.А. Олег и Игорь. С. 610–611.

как текстов первичных и вторичных, соответственно. Те новации, которые дает ПВЛ в данном случае, сами по себе не дают никаких оснований предполагать здесь следы некоей древней летописи. Главная из этих новаций — первенствующая роль и княжеский статус Олега — легко объясняется тем, что составитель ПВЛ исходил из русско-византийского договора 911 г.⁹²

Таким образом, сравнительный обзор текстов, вошедших в статью НПЛ мл. 6362 г., с их «репликами» в списках ПВЛ приводит к выводу, что составитель ПВЛ на этом отрезке летописи опирался в своей работе именно на тот текст, который мы видим в НПЛ мл. и который А.А. Шахматов предложил считать отражением Начального свода — летописного свода, составленного в начале 1090-х гг. Во всяком случае, никаких фактов, противоречащих этому выводу, обзор не выявил. Это вполне соответствует основной идее Шахматова о соотношении НСв и ПВЛ, которую он разрабатывал не только в «Разысканиях», но и во многих других работах по летописанию вплоть до последних дней жизни.

Проведенный обзор показывает не только первичность текста НСв (= НПЛ мл.) по сравнению с ПВЛ, но также и то, что составитель ПВЛ не пользовался *никакими другими* летописными источниками, кроме НСв. Именно этот второй пункт был в последнее время подвергнут сомнению. Речь идет об упоминавшейся выше гипотезе А.А. Гиппиуса, что в «своде 1072 г.», предшествовавшем НСв, читалась некая вводная часть, которая была опущена составителем НСв, но восстановлена в ПВЛ. Если предполагать именно такой ход событий, то надо допускать, что у составителя ПВЛ все-таки была в распоряжении летопись, которая предшествовала НСв и была в нем существенно переработана. Если составитель ПВЛ счел возможным опустить Предисловие к НСв и вернуться к версии введения, опробованной в «своде 1072 г.», то теоретически допустимо, что таким же образом он мог поступить и в других местах «Начальной летописи». Именно в таком направлении выдержаны некоторые высказывания А.А. Гиппиуса в указанной статье. Так, в одном из примечаний автор готов допустить, что «составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г.»⁹³. Посколь-

⁹² Пользование составителем ПВЛ данными договоров 911 и 944 гг. для исторических реконструкций убедительно продемонстрировал еще С.В. Бахрушин: *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 29–33.

⁹³ *Гиппиус А.А.* Два начала. С. 84–85, примеч. 25.

ку в недатированное «Введение» ПВЛ входят, среди прочего, и тексты, которые в НСв помещены уже в датированную часть, а именно рассказы об основании Киева и хазарской дани из статьи 6362 г., то напрашивается вывод, что и другие тексты, вошедшие в эту статью НСв, а может быть, и в последующие, могли быть использованы в ПВЛ не по НСв, а по «своду 1072 г.». Важность вопроса, затронутого этим замечанием А.А. Гиппиуса, заставляет детальнее рассмотреть его аргументы.

Интересный тезис А.А. Гиппиуса о разных «началах» «Начальной летописи», отталкивающийся от мысли А.А. Шахматова о введениях к двум редакциям НСв (которую тот высказал в одной из ранних статей, но затем не развил⁹⁴), вне сомнения, позволяет убедительно решить некоторые недоумения, которые вызывает явно многослойный текст «Введения» ПВЛ, а кроме того найти объяснение происхождению той странной и очевидно обрубленной фразы, которой начинается статья 6362 г. НПЛ мл. (первая после «Предисловия»): «(В лѣто 6362. Начало земли Рускои.) Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstech и странах, владѣюща кождо родомъ своимъ». Следуя путями, проложенными А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским и О.В. Твороговым, А.А. Гиппиус ищет начало этой фразы как раз во «Введении» ПВЛ, а именно в словах: «и тако разидеся словѣньский языкъ»⁹⁵, завершающих рассказ о расселении народов после вавилонского столпотворения. Восстановленная фраза должна была, таким образом, выглядеть так: «И тако разыдеся словѣньскыи языкъ / и живяху къждо с родьмъ своимъ на своихъ мѣstechъ и странахъ, владѣюще къждо родьмъ своимъ». Логично допустить, что если начало разорванной фразы завершает рассказ о расселении народов, то этот рассказ должен был читаться в той летописи, где фраза читалась целиком и не была еще «обрублена». Такую летопись А.А. Гиппиус предлагает видеть в «своде 1072 г.», а не в особой редакции НСв, тем самым корректируя изначальную мысль А.А. Шахматова⁹⁶.

Выдвинув этот тезис, А.А. Гиппиус обращает внимание далее на еще одну фразу в начале статьи 6362 г. НСв⁹⁷. После рассказа об основании Киева летописец делает следующее замечание о полянах: «бяху

⁹⁴ А.А. Шахматов высказал эту мысль в статье 1900 г. (*Шахматов А.А. Начальный киевский летописный свод и его источники // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 183*), но позднее не возвращался к ней, т. к. отказался от самой идеи двух редакций НСв.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6.

⁹⁶ *Гиппиус А.А. Два начала. С. 87.*

⁹⁷ Там же. С. 78–79.

же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочии погани». Это замечание А.А. Шахматов выделял как вставку составителя НСв еще в той же ранней статье и позднее не отказался от такого определения его происхождения⁹⁸. В НПЛ мл. очевидная параллель этим словам содержится в «Речи Философа» — тексте, явно вторичном по отношению к первоначальному ядру летописи: «и по дяволю научению ови рощениемъ вероваша и кладяземъ и рѣкамъ» (в ПВЛ немного в ином варианте: «и по дьяволу учению ови рощенье[м], кладеземъ и рѣкамъ жряху») ⁹⁹. Замечу, кстати, что в «Речи Философа» эти слова приходятся как раз на конец рассказа о «размещении языцев» после вавилонского столпотворения. Похожим образом сформулированные комментарии о язычестве руси находим также в «Предисловии» НСв («куда же древле погани жряху бесомъ на горах») и в статье о 6488 (980) о язычестве Владимира («и жряху имъ наричюще ихъ богы...» и т. д.; параллель в «Речи Философа»: «и приводяху сыны и дщери своя...» и т. д. ¹⁰⁰). К этому ряду примыкают замечания в конце рассказа о походе Олега на Царьград (статья 6430 г.) («и бяху людие погани и невѣгласи») и в заключении к повести о варягах-мучениках (в статье 6491 г.) («и бяху бо тогда челоуѣци невѣгласи и погани») ¹⁰¹.

Вполне правдоподобным выглядит, что все эти летописные фрагменты если и не принадлежат руке одного редактора, то, во всяком случае, вторичны по отношению к первоначальному тексту. Два из этих фрагментов надежно выделяются в своих контекстах как вставные. Указанная фраза в рассказе об основании Киева и замечание в рассказе о походе Олега явно противоречат предшествующим повествованиям, героизирующим, соответственно, полян и Олега. Смысл внесения этих замечаний раскрывает А.А. Гиппиус в связи с общей идеологической тенденцией составителя НСв: они отражают «универсалистски-христианский взгляд на дохристианское прошлое, то есть, по существу, ту же византийско-христианскую историческую перспективу». «В отношении полян» вставной пассаж «выполняет функцию, аналогичную той, какую вставки из Хронографа выполняют в отношении руси, представляя ее на заре ее истории как врага христианского мира. В эпически героизирующее изложение своего источника, рисовавшего

⁹⁸ Шахматов А.А. Начальный киевский летописный свод. С. 183; Шахматов А.А. Разыскания. С. 359.

⁹⁹ НПЛ. С. 137; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 91.

¹⁰⁰ См.: Шахматов А.А. Сказание. С. 284.

¹⁰¹ НПЛ. С. 103, 109, 131. Ср. также о летописных замечаниях в рассказах о варягах-мучениках и об Олеге: Лукин П.В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // ДР. 2009. № 4 (38). С. 94–95.

полян изначально „мудрыми и смысленными“, а русь в лице ее вождя Олега — „мудрой и храброй“, Начальный свод внес „снижающие“ акценты, оттенив тем самым величие божественного промысла, за сто с небольшим лет сделавшего из варваров и невегласов новых людей христианских»¹⁰².

Рассуждая о вставной фразе о «поганстве» полян, А.А. Гиппиус обращает также внимание на то, что эта фраза отсутствует в рассказе ПВЛ об основании Киева, который заканчивается как раз словами, предшествующими ей: «... и нарицахся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего д(ь)не», а дальше начинается полемика составителя ПВЛ с теми, кто считает Кия «перевозником»¹⁰³. Допуская, что «составитель ПВЛ с его «полянским патриотизмом» мог, конечно, опустить эти слова своего источника как несоответствующие проводимой им тенденции», А.А. Гиппиус в то же время считает странным, что «исключенными» оказались в таком случае «слова, которые в самом Начальном своде являются вставкой». Именно это наблюдение и дает далее автору основания для предположения о том, что «составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г.», где этих вставных слов не должно было быть¹⁰⁴. Далее это предположение, высказанное мельком в сноске, автор не развивает, и единственным текстологическим аргументом в его пользу остается указанное наблюдение.

Однако, на мой взгляд, этот аргумент не выглядит убедительным. Действительно, фраза выглядит в НСв явно вставной, а в ПВЛ она отсутствует. Но надо принять во внимание и то, что в ПВЛ текст, представленный в НПЛ мл., вообще на этом отрезке сильно перекроен и переложено многочисленными добавлениями. Причем тот смысловой отрывок, который эта фраза заканчивает, — о Кие, Щеке и Хориве и полянах — поставлен в ПВЛ совсем на другое место по сравнению с НПЛ мл., и сразу после него следует не сообщение о походе руси на Царьград, как в НПЛ мл., а собственные рассуждения составителя ПВЛ о Кие. Т. е. эта фраза приходится как раз на место «шва», каковыми размашисто кроил летописное «полотно» составитель ПВЛ. Было бы как раз совершенно естественным, что неподходящая ему по замыслу и общей идее фраза тут и была опущена. То, что она явно не подходила, признает и сам А.А. Гиппиус, отмечая «полянский патриотизм» ПВЛ. Добавим к этому и прорицание апостола Андрея о рас-

¹⁰² Гиппиус А.А. Два начала. С. 79.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9.

¹⁰⁴ Гиппиус А.А. Два начала. С. 85, примеч. 25.

цвете христианства «на горах сих», которое приводится летописцем чуть выше в рассказе о путешествии апостола по Днепру. Изначальная неорганичность замечания о язычестве полян в этом контексте чувствовалась бы еще сильнее.

Впрочем, все это рассуждения общего характера. Куда важнее тот факт, что все-таки отзвук этой фразы обнаруживается во «Введении» ПВЛ. Уже в конце «Введения» летописец описывает языческие обычаи славянских «племен» и завершает это описание следующим образом: «си же творяху обычая кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собе закон». Совпадение слов «прочии погани» и само положение их в заключении смыслового отрывка (далее следует обширная вставка из Хроники Георгия Амартола о «законе») отсылает нас к выпавшей, но, очевидно, известной составителю ПВЛ, фразе о «поганстве» полян. Описание языческих обрядов кривичей и прочих «племен» подсказывает и еще одну причину, почему сводчик ПВЛ опустил эту фразу. В описании он ведет речь об обычаях брачных и похоронных, но не о почитании озер, колодцев и растительности, как в том фрагменте, совпадающем с «Речью Философа», — очевидно, об этом ему ничего известно не было, и поскольку он занялся специально вопросом о поганских нравах древних славян, он просто удалил этот противоречащий фрагмент, хотя и использовал потом один его элемент (слова «прочии погани»). Таким образом, то обстоятельство, что фраза, вставленная в первоначальный текст на некотором этапе начального летописания, на очередном этапе правки была исключена, является совпадением. Но в этом совпадении нет ничего такого уж удивительного и невозможного: именно вставной и неорганичный характер этой фразы и стал причиной ее сложной судьбы. Да в конце концов, не допускает ли и сам А.А. Гиппиус такую «зигзагообразную» судьбу текстов для того раздела «Начальной летописи», которому он и посвятил свою статью?

Наконец, *the last but not the least*, надо отметить, что удаление фразы в ПВЛ не стало последним «зигзагом» ее судьбы. В летописях, отразивших «Новгородско-Софийский свод», эта фраза стоит на полагающемся ей месте в конце рассказа об основании Киева, хотя сам этот рассказ передан уже внутри «Введения» ПВЛ, целиком скопированного в «Новгородско-Софийский свод»¹⁰⁵. Здесь возможны два объяснения: либо составитель «Новгородско-Софийского свода» использовал ПВЛ в какой-то (ранней) редакции, где эта фраза еще не

¹⁰⁵ПСРЛ. Т. 5. С. 4; Т. 42. С. 22.

была удалена, либо он контаминировал летопись типа НПЛ мл. (новгородскую владычную летопись) с ПВЛ. Поскольку рассказ передается уже внутри «Введения» ПВЛ, первый вариант представляется более естественным, не говоря уже о том, что трудно придумать причину, почему бы летописцу XV в. вдруг так понравились эти слова, что, не видя их в летописи, содержащей ПВЛ, он аккуратно скопировал их из летописи типа НПЛ мл. В этом случае не может быть уже никаких сомнений, что составитель первоначальной редакции ПВЛ опирался именно на НСв, а не на какую-то предшествующую летопись, и удалена фраза была одним из редакторов ПВЛ. Схема А.А. Шахматова, обращавшего внимание на отличия ПВЛ по «Новгородско-Софийскому своду» от других списков ПВЛ, предусматривала такую возможность: она бы объясняла удаление фразы как правку «2-й редакции» ПВЛ.

Некоторым косвенным текстологическим аргументом в пользу тезиса о контаминации НСв и «свода 1072 г.» в ПВЛ может быть предложение А.А. Гиппиуса «состыковать» слова «Введения» ПВЛ «и тако разыдеся словѣньскыи языкъ» и первые слова статьи 6362 г. НСв «и живяху къждо с родъмь своимь на своихь мѣстѣхъ и странахъ...». Если думать, что во введении к «своду 1072 г.» читался рассказ о расселении народов именно в том виде, как он читается сейчас в ПВЛ, в том числе и с этими словами о «словенском языке», то тогда получается, что сводчик ПВЛ и копировал именно введение к «своду 1072 г.», поскольку оно отсутствует в НСв (= НПЛ мл.). Однако, хотя это и возможный, но всего лишь *один из* возможных вариантов развития событий. Дело в том, что, хотя фраза «и живяху къждо с родъмь своимь на своихь мѣстѣхъ и странахъ» бесспорно отсылает к сюжету о расселении народов, в качестве ее начала можно подобрать самые разные слова как из «Введения» ПВЛ, так из других произведений, где в том или ином виде излагается этот сюжет¹⁰⁶. Совершенно необязательно, например, предполагать, что в «своде 1072 г.» должно было что-то читаться о расселении именно славян (в соответствии с той вставкой, которую мы видим в ПВЛ о расселении славян и к которой А.А. Гиппиус и «привя-

¹⁰⁶Иметь в виду надо, прежде всего, конечно, хронографические источники, но не обязательно только их — тот же рассказ о разделе Ноевых братьев по «жеребьям» происходит, как выяснено, из апокрифической «Книги юбилеев», соответствующий отрывок которой читается и в Изборнике 1073 г. (28 ответ Анастасия Синаита), см.: *Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. N.S. 1982. Vol. XV.* Хотя С. Франклин и О.В. Творогов и допускают, что «Книга юбилеев» могла отразиться в «Хронографе по великому изложению» или каком-то подобном (Там же. С. 10; Летописец Еллинский. Т. 2. С. 140–141), но это всего лишь чисто абстрактное предположение, потому что начало этого Хронографа по сохранившимся памятникам не восстанавливается.

зывает» фразу статьи 6362 г.) — вполне достаточно было бы сообщения, основанного на некоем источнике, о разделе сыновей Ноя и «размешении языцев» после вавилонского столпотворения. Не случайно последние слова рассказа ПВЛ о вавилонском столпотворении¹⁰⁷ тоже прекрасно подходят в качестве начала обрубленной фразы статьи 6362 г. НПЛ мл., ср.: «по размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ приаща с(ы)н(о)ве Симови вѣсточныя страны, а Хамови с(ы)н(о)ве полуденьныя страны, Афетови же приаща западь и полунощныя страны / и живяху къждо съ родомъ своимъ...» и т. д. Если же признавать, что вводные замечания к «своду 1072 г.» восходили к такого рода источнику, то уже нет никакой необходимости считать, что составитель ПВЛ опирался не на тот же или аналогичный источник, а непосредственно на «свод 1072 г.».

Трудно судить о содержании введения к «своду 1072 г.» хотя бы просто потому, что неясны содержание и направленность самого свода. Много трудностей с библейскими, хронографическими и другими источниками НСв и ПВЛ. Крайне сложна структура «Введения» ПВЛ. В этой ситуации допущения о контаминации в ПВЛ текстов предшествующих летописных сводов могут быть только чисто теоретическими. Но даже и в случае, если признать, что составитель ПВЛ, действительно, в недатированном «Введении» использовал введение «свода 1072 г.», из этого совершенно не следует, что на протяжении остального текста он должен был продолжать переписывать эту летопись. Как раз наоборот, логичнее предполагать, что, перейдя к датированной части, он предпочел бы опираться на НСв, а не на «свод 1072 г.» по той простой причине, что в последнем, по всей видимости, еще не было хронологической сетки, а в первом она уже была. Хотя, как мы видели, составитель ПВЛ предложил свои собственные расчеты хронологии древнейших событий, в каких-то датировках он явно опирался на НСв (начиная с даты смерти князя Игоря, 6453 г., и до статьи 6523 г. большинство дат НПЛ мл. и списков ПВЛ вообще совпадают) или по крайней мере исходил из похожих принципов (например, привязывая «начало» руси к правлению императора Михаила).

Таким образом, у нас нет препятствий не только для того, чтобы считать текст НСв первичным по отношению к ПВЛ, но и для того, чтобы утверждать, что составитель ПВЛ в тексте, следующем за недатированным «Введением» и снабженным хронологической сеткой, не использовал никакие другие летописные источники, кроме НСв. По

¹⁰⁷ПСРЛ. Т. 1. Стб. 5.

крайней мере, это можно утверждать относительно статей ПВЛ за 6360–6390 гг. Эти выводы заставляют теперь оценивать место Сказания в «Начальной летописи» принципиально иным образом, поскольку в НСв оно находится совершенно в другом контексте, нежели чем в ПВЛ, причем именно этот контекст и оказывается более близким к древнейшей летописи. В ПВЛ Сказание было вырвано из связного и сравнительно обширного повествования, составившего статью 6362 г. в НПЛ мл., и поставлено в отдельную годовую статью. Между тем это повествование, как легко увидеть даже из беглого знакомства со статьей НПЛ мл. 6362 г., имело свою логику, и Сказание было его органичным элементом. Встает вопрос, каким образом можно представить эту логику и каким образом следует оценивать суть Сказания в контексте этого повествования?

Разумеется, ответ на этот вопрос сильно затруднен тем обстоятельством, что текст статьи 6362 г. НПЛ мл. даже в случае, если признать его прямым отражением НСв, явно несет следы редакционного вмешательства, а значит, не является первоначальным. Такие следы легко разглядеть, например, во вставном рассказе о походе руси на Царьград при императоре Михаиле и «матери его» Ирине. Этот рассказ происходит из Хроники (Продолжателя) Амартола, и в НСв попал из какого хронографического источника, которым пользовался составитель НСв¹⁰⁸. Вставной характер этого фрагмента ясен и из получившегося разрыва связного изложения истории полян, и из-за немотивированного упоминания руси, о которой выше ничего не говорилось.

Согласно выводам упоминавшейся выше работы А.А. Гиппиуса, которые развивают, но в то же время и корректируют наблюдения А.А. Шахматова и других ученых, переработка составителем НСв предшествующих летописей включала внесение хронологической «сетки» в до тех пор недатированный текст, а также заголовков о «княжениях» представителей династии Рюриковичей. А.А. Гиппиус связывает эти изменения с обращением составителя НСв к хронографическому источнику, откуда были почерпнуты также рассказы о нападениях руси на Царьград в правление Михаила (в статье 6362 г.) и Романа (статья 6428 г.). «Обе инновации неотделимы одна от другой, — справедливо замечает автор, — поскольку сами первые даты, 6362 и 6428, имеют хронографическое происхождение». Заголовки, в том числе и заголовок статьи 6362 г. «Начало земли Руской», имеют прямые аналогии в хронографах (ср. «Начало царства Царяграда»),

¹⁰⁸Ср. выше примеч. 36 с указанием литературы о Хронике и хронографическом источнике НСв.

«Начало царства крестьянского» и т. п.). По смыслу заголовок статьи 6362 г. хорошо укладывается в «имперско-эсхатологическую перспективу» НСв¹⁰⁹. В совсем недавней работе А.А. Гиппиус также подтверждает наличие вставки, читаемой в тексте НПЛ мл., в некий первоначальный рассказ о «хазарской дани». Этот рассказ, согласно выводам исследователя, имел изначально совсем не тот смысл, который придала ему эта вставка и с которым обычно он воспринимается современными учеными. Оригинальный смысл этого сюжета состоял в том, чтобы рассказать не о подчинении полян хазарам, а, напротив, о том, как первые смогли дать отпор претензиям вторых на господство¹¹⁰.

Очевидны также следы порчи первоначального текста в тех местах, которых я уже успел коснуться выше, анализируя соотношение НСв и ПВЛ, — во фрагменте о «прозвании» руси от варяг, а также в рассказе о захвате Киева Игорем и Олегом. А.А. Шахматов, а вслед за ним и другие ученые обращали внимание на разного рода несоответствия по тексту НПЛ мл. в списке тех народов, которые, согласно Сказанию, «призвали» варягов «княжить и владеть»¹¹¹. Трудности возникают и в некоторых других местах статьи 6362 г. НПЛ мл. Если придерживаться принципов реконструкции начального летописания, заложенных А.А. Шахматовым, все это надо считать свидетельством того, что НСв предшествовали другие летописи и что некий первоначальный текст, который просматривается в статье 6362 г. НПЛ мл., был существенно осложнен и искажен правкой, по крайней мере, составителя НСв, а вполне вероятно, и каких-то редакторов, работа которых предшествовала его работе. В отсутствии возможностей сравнения независимых летописных традиций этот оригинальный текст с трудом поддается выявлению, и трудно найти здесь надежные опоры для исторических интерпретаций.

Тем не менее, несмотря на эти вставки и вмешательства позднейших редакторов в первоначальную летопись, текст статьи 6362 г. НПЛ мл. позволяет, на мой взгляд, представить, хотя бы приблизительно, общий смысл того ее отрезка, который вошел в статью 6362 г. НПЛ мл. и включил Сказание. Для такого понимания этой части «Начальной летописи» многое может дать сравнение сюжетов и идейного содержания Сказания и текстов, непосредственно с ним связанным в

¹⁰⁹ Гиппиус А.А. Два начала. С. 78–79, 81.

¹¹⁰ Гиппиус А.А. К хазарской дани // ВЕДС. XXIII. М., 2011. С. 49–55. Ср. наблюдения А.В. Коптева, соответствующие выводам А.А. Гиппиуса: Коптев А. The Story of “Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian *Primary Chronicle* // Scando-Slavica. 2010. Vol. 56, N 2. P. 189–212.

¹¹¹ Шахматов А.А. Сказание. С. 203–204.

рамках статьи 6362 г., с аналогичными произведениями в средневековой литературе Европы.

Сравнение Сказания и его летописного контекста с литературными памятниками и преданиями устно-фольклорного характера в других культурах уже предпринималось в историографии, и были выявлены самые разные сходства и параллели. Едва ли не каждому сюжету летописания до конца X в. (а также многим мотивам и образам и в последующем летописании) находится та или иная аналогия, нередко в скандинавской традиции, но далеко не только в ней — и в славянской, и западноевропейской, и в античной, и в восточной (даже если оставить в стороне «библейзмы») ¹¹². Разумеется, все эти многочисленные совпадения нельзя толковать как случайности. Образные и сюжетные аналогии древнерусского летописания и произведений или преданий других культурных традиций иногда можно расценивать как прямые или не прямые заимствования, иногда как «бродячие» топосы и сюжеты, иногда как литературные формы, возникшие независимо в схожих культурно-исторических условиях. Так или иначе, историческая информация проходила определенную обработку при «встраивании» и «прилаживании» к неким ментальным, культурным, идеологическим и литературным моделям. Такие модели в средневековой историографии в самом деле выявляются, побуждая ученых говорить о «мифологизации истории» ¹¹³. Главным образом, речь идет о фольклорных и идеологических моделях, из которых наиболее известные и неоднократно исследованные на разных материалах — эпонимическая модель в фольклоре и династическая в литературе и историографии ¹¹⁴.

На мой взгляд, яркие аналогии, которые позволяют понять смысл Сказания и его связь с «соседствующими» с ним летописными текстами, обнаруживаются в сочинениях, которые в науке условно объединяют в жанр «*Origo gentis*». Эти сочинения, сохранившиеся в раз-

¹¹² Наиболее полный обзор этих аналогий представлен в работе: Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 159–236.

¹¹³ Ср.: Banaszkiwicz J. Podanie o Piascie i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986. S. 13 (развивая мысль М. Элиаде).

¹¹⁴ См., например, обсуждение и этих, и других моделей: Kersken N. Geschichtsschreibung im Europa der «nationes» // Nationalgeschichtliche Gesamtdarstellungen im Mittelalter. Köln etc., 1995. S. 791–821. На раннесредневековом славянском материале: Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры. Sofia, 1991. С. 35–42). (Studia balkanica; 20); Třeštitk D. Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem českým». Praha, 2003; Banaszkiwicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 2002.

ных историографических традициях Европы, призваны были рассказать о происхождении (*origo*) того или иного народа (*gens*). Интерес к истории того или иного народа вызывался, разумеется, тем, что он оказался способным создать некое политическое объединение, достаточно сильное и известное для того, чтобы о его истории специально рассказывать. Отмечая истоки «жанра» в античной литературе, обычно открывают ряд средневековых *Origines gentium* историей готов Иордана-Кассиодора (середина VI в.), а заключают рассказом Саксона Грамматика о происхождении данов (конец XII в.). Создавались эти произведения сходным образом: как позднейшая реконструкция событий на основе преимущественно устной традиции, но также литературно-книжных сведений и представлений и даже вещественно-документальных свидетельств. Во многом аналогичны были и исторические условия, вызывавшие их к жизни¹¹⁵.

В западной медиевистике нескольких последних десятилетий активно исследуются и обсуждаются эти *Origines gentium*, отчасти в связи с интересом к вопросам этногенеза раннесредневековых народов Европы, отчасти в русле «нарративно»-«герменевтического» подхода. Большую роль здесь сыграли работы немецкого историка Р. Венкуса и австрийского историка Х. Вольфрама, а позднее стимул этим исследованиям придало выступление американского историка У. Гоффарта, который высказал сомнения не только в исторической достоверности этих повестей, но и в их важности для становления «национального» самосознания в Средние века и даже в самом существовании жанра — по его мнению, все эти повести — не более чем поучительно-развлекательная литература, где-то с сатирическими элементами, где-то больше напоминающая любовный роман и т. п.¹¹⁶ Между У. Гоффартом, его учениками и последователями («Йельская школа»), и Х. Вольфрамом и другими учеными «Венской школы», развивавшими подход Р. Венкуса, развернулась дискуссия. Кажется, сегодня эта дискуссия уже зашла в тупик, потому что, несмотря на известную ценность «критического заряда», который несут высказывания и наблюдения У. Гоффарта и его учеников, его «школа» в целом не смогла предложить нечто позитивное в осмыслении *Origines*. Р. Венкус и Х. Вольфрам, безусловно, правы в том, что произведения этого

¹¹⁵См. детальный обзор источников, литературы и исследовательских проблем в статье под редакцией Х. Вольфрама: «*Origo gentis*» // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. В.; N.Y., 2003. Bd. 22. S. 174–210.

¹¹⁶См.: *Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton, 1988.

«жанра» вносили важный вклад в процессы этнической и политической (само-)идентификации народов средневековой Европы, а также легитимизации их политических образований, и что где-то и в чем-то они могут отражать реальные исторические процессы и даже события. Из этого не следует, что надо принимать все сообщения *Origines* за чистую монету, не учитывая их опоры на устную и литературную традиции, их тенденциозности и т. д. — отрицать эти факторы никому сегодня и не придет в голову¹¹⁷.

В недавнем сравнительно-литературном исследовании немецкого историка А. Плассмана наиболее известные произведения этого «жанра» Западной Европы были сопоставлены с «Польской хроникой» Галла Анонима и «Чешской хроникой» Козьмы Пражского¹¹⁸. Исследовательница выделяет два «топоса», которые оказываются в тех или иных форме и мере общими практически для всех *Origines*: во-первых, приход (переселение) народа на ту территорию, которую он занимал в момент составления истории, и, во-вторых, некоторый «первоначальный акт-подвиг» (*primordiale Tat*), который народ или его лучшие представители должны были совершить для окончательного «обретения родины» — преодоление каких-то препятствий, успешная битва или поединок, часто с применением особой хитрости и даже предательством или преступным нарушением законов чести и гостеприимства, и т. п. Во всех из них в той или иной форме обнаруживают свое действие также механизмы самоидентификации и — легитимизации. Как правило, это противопоставление «своего» народа неким (агрессивным)

¹¹⁷ Ср., например, высказывания того же Вольфрама: «The tribal sagas are not chronologically and historically reliable records. They had been subject to the ever-changing oral tradition until they, or rather fragments of them, came to be written down. When this happened, if at all, tribal sagas became literature following the antique genre *origo gentis* with all its traditions, topoi, and biases» (*Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3, part I. P. 26*). В последнее время много шума наделали работы одного из учеников В. Гоффарта Ф. Курты, который попытался применить подход своего учителя к славянским (преимущественно южнославянским) материалам. Как часто бывает, там, где много шума, на проверку оказывается мало толку — основные идеи и аргументы Ф. Курты не выдерживают критики. См. обсуждение его книги (*Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001 [Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series]*) в российском издании: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2 (4)*, особенно в статье С.А. Иванова «„В тени юстиниановых крепостей“? Ф. Курта и парадоксы древнеславянской идентичности» (С. 5–12).

¹¹⁸ *Plassmann A. Origo gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. В., 2006*. Исследовательница в целом исходит из взвешенных оценок в духе Х. Вольфрама, отмежевываясь от «постмодернистских» крайностей В. Гоффарта и предлагая небольшой, но ценный историографический обзор дискуссий вокруг *Origo gentis* — понятие, литературные черты, оценка исторической достоверности и т. д. (С. 13–27).

соседям (или тем, кто первоначально жил на «обретенной родине»), поиск и обретение народом своего имени, некие фигуры — носители идентичности (первопредки, основатель правящей династии или она сама в целом и т. д.) и др.¹¹⁹

Древнерусская «Начальная летопись», помимо естественного для большинства *Origines* прославления своих предков (ср. в летописи: «мудры и храбры» и т. п.), содержит по крайней мере два характерных и общераспространенных мотива: приход-переселение и обретение имени. Оба мотива не только присутствуют в Сказании (приход варягов и «прозвание» русью), но и, что очень показательно, развиваются с эволюцией летописания (в одной интерпретации в НСв, в другой — в ПВЛ) — очевидно, потому, что их главный смысл — установление этнополитической идентификации — задевал каждого нового редактора-летописца и подталкивал его к собственным высказываниям и правке. Однако внутри всей группы *Origines* выделяются несколько таких, которые со Сказанием объединяют дополнительные черты сходства. Эти черты связаны с развитием сюжета переселения: дополнительно указывается, что приход-переселение возглавляли несколько братьев и что переселение произошло в результате добровольного призвания одним народом другого. Об этих сходствах много писалось¹²⁰, и именно здесь было отмечено самое яркое совпадение Сказания с произведением иной культурной традиции. Имеется в виду почти дословное соответствие призыва, с которым словене с прочими «племенами» обратились к варягам, тому приглашению, которое отправили, согласно «Деяниям саксов» Видукинда Корвейского, бритты саксам, ср.: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами», «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*» («обширную и бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти»)¹²¹.

¹¹⁹ Там же. S. 360–369.

¹²⁰ Больше всего материала обобщил К.Ф. Тиандер, который, правда, трактовал его несколько односторонне. Он пытался выявить особое архаическое «переселенческое сказание» скандинавского происхождения, отражение которого находил в самых разных произведениях средневековой литературы (*Тиандер К.Ф.* Скандинавское переселенческое сказание // *Тиандер К. [Ф.] Датско-русские исследования*. Пг., 1915. Вып. III. [Зап. Историко-филологич. Ф-та имп. Петроградского ун-та. Ч. СХХIII]). Сегодня ясно, что указание многих *Origines* на происхождение того или иного народа из Скандинавии — «литературный мотив» (за которым лишь в редких случаях может стоять и некая реальность), см.: *Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions*. P. 26–28.

¹²¹ *Widukind I. VIII // Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxoniarum libri tres / Die Sächsengeschichte des Widukind von Korvei. Fünfte Auflage in Verbindung mit H.-E. Lohmann neu*

В литературе предпринимались разные попытки объяснения этой известной параллели, но те из них, которые предполагают более или менее случайное совпадение, пускай в рамках неких типологически сходных и родственных форм, малоубедительны. Так, высказывалась идея о сходных «политических условиях», репродуцирующих похожие литературные формы¹²², или мысль о некоем «общем эпическом фонде „переселенческих сказаний“», который сформировался в эпоху Великого переселения народов»¹²³. Указывалось на то, что Видукинд использовал в этом пассаже библейские выражения¹²⁴. Однако, если учитывать аналогию между двумя произведениями в сюжете и отсутствие какого-либо библейского подтекста в летописи, совершенно ясно, что такого рода дословные совпадения в совершенно аналогичном контексте могут быть объяснены только либо как прямые заимствования, либо как передача одного и того же вполне определенного источника. Заимствование отпадает, т. к. у нас нет никаких оснований предполагать знакомство древнерусского летописца с сочинением Видукинда (писавшего в конце 960-х — начале 970-х гг.). Очевидно, надо вести речь об их общем источнике. Вряд ли это был какой-то письменный текст¹²⁵. Видукинд опирался на письменные источники, в том числе в рассказе о заселении саксами Британии делал заимствования из «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного (731 г.), который в свою очередь опирался на сочинение Гильды Пре-

bearbeitet von Paul Hirsch. Hannoverae, 1935 (MGH. Scriptorum. Bd. 60). S. 9; *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / Перевод Г.Э. Санчука. М., 1975. С. 68.

¹²² *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях. С. 166.

¹²³ Такую мысль высказывает В.Я. Петрухин: *Петрухин В.Я.* Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 104. Что это за «эпический фонд» и почему и как из него «выдергиваются» только определенные сюжеты и мотивы, автор никак не разъясняет.

¹²⁴ На этом делает акцент автор недавней работы, где обращается внимание на интересную параллель в сюжете призвания между древнерусской летописью и древнеирландской легендой о происхождении ирландских королей, изложенной в произведении под названием «Поучение Морана» (*Николаев Д.С.* Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // *Именослов. История языка. История культуры*. М., 2012. С. 188–189). Увлеченный анализом обнаруженной им параллели, Д.С. Николаев объявляет, что ни одна из предложенных ранее в историографии «параллельных версий легенды о призвании варягов не является параллельной в сколько-нибудь точном смысле слова». В отсутствие хоть какого-то разбора этих других «версий» вывод представляется голословным и поспешным. А между тем, прежде чем сопоставлять «Поучение Морана» с летописью, автору следовало бы объяснить хотя бы его соотношение с другой ирландской легендой, изложенной у Гиральда Камбийского, — о призвании «остманов» (см. ниже).

¹²⁵ Такое предположение выдвинул В.А. Пархоменко, но оно так и осталось ничем не подкрепленной гипотезой (*Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманнском завоевании» и происхождении Руси // *Историк-марксист*. 1938. № 4. С. 107–108).

мудрого (середина VI в.). Но в рассказе Видукинда есть существенные отличия от изложения сюжета Бедой, не находящие аналогий и в других памятниках¹²⁶. С другой стороны, вся стилистика Сказания и окружающего его повествования не дает ни малейшего намека на то, что автор древнейшей летописи располагал какими-то письменными источниками, а напротив, заставляет думать, что он опирался на устную традицию. За последние полтора столетия в науке не были приведены какие-то соображения, не позволившие бы согласиться с А.А. Куником, который, впервые в русскоязычной историографии обратив внимание на эту параллель, определял общий источник Видукинда и летописи как некую «северо-западную сагу»¹²⁷.

Тезис об этом общем источнике можно подкрепить другими косвенными соображениями. Во-первых, если отодвигать создание Сказания к началу XI в., то оказывается, что его автор вполне мог быть младшим современником Видукинда; но во всяком случае их разделяло едва ли более полувека. Пространство, разделяющее авторов, не могло быть преградой для фольклорно-литературных связей. Корвейское аббатство на реке Везер в Нижней Саксонии (сегодня в границах земли Северный Рейн-Вестфалия ФРГ) имело давние и тесные связи с Севером. Достаточно указать на то, что у истоков аббатства стоял святой Ангарий, просветитель Скандинавии. Влияние скандинавов при киевском дворе и в X в., и в правление Ярослава, как хорошо известно, было очень значительным, но нелишним будет здесь напомнить о политических связях Руси и северной Германии (Нижней Саксонии) в XI в.¹²⁸

Во-вторых, в литературе было указано на то, что мотив добровольного призвания был присущ не только «Церковной истории» Беды и «Деяниям саксов» Видукинда, но и по крайней мере еще трем произ-

¹²⁶Рассказ Беды см.: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англосаксов / Перевод В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 21. Известие Гильды совсем краткое, и из исторических деталей упоминаются только сам факт добровольного призвания бриттами саксов и прибытие саксов на трех кораблях (*Гильда Премудрый*. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Перевод, вступ. статья и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003. С. 265–266).

¹²⁷*Куник А.А.* Несторово сказание о призвании Варяго-Руссов, объясняемое сказанием о призвании Англо-Саксов // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. VI [Книжка I–II]. Приложение № 2: *Погодин М.[П.]* Г. Геденов и его система происхождения Варягов и Руси, [с замечаниями С. Геденова и А. Куника]. С. 63. Справедливости ради надо заметить, что первенство в этом наблюдении принадлежит не ему, а польскому историку Вацлаву Александру Мачеевскому (Мачеевскому): *Maciejowski W.A.* Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846. S. 34. А. Куник на В. Мачеевского не ссылался.

¹²⁸*Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь.

ведениям, отсылающим уже к норманнам¹²⁹. Два из них были тесно связаны друг с другом и рассказывали об одном и том же: монахи итальянского монастыря Монтекассино Амаат из Монтекассино (*Amatus Casinensis* или *Amatus de Montecassino*) и Лев Остийский (*Leo Ostiensis* или *Leo Marsicanus*) писали в конце XI в. в своих хрониках о появлении норманнов в городе Салерно в начале XI в.¹³⁰ Третье произведение «История и топография Ирландии (*Topographia Eibernica*)» принадлежало перу Гиральда (Геральда) Камбрийского (*Giraldus Cambrensis*), который, находясь в Уэльсе, в 1188 г. описывал завоевание норвежцами («остманами») Ирландии. Помимо добровольного приглашения норманнов местными жителями (горожанами Салерно под предводительством Гвемара III или ирландцами, соответственно) в их процветающую страну, у монтекассинских монахов и Гиральда говорится также о нескольких братьях, пришедших по приглашению. Рассказ Гиральда более всех похож на древнерусское Сказание (Ирландия у него называется «прекрасной страной» (*terram optimam*), названы три брата и три города, ими основанные и др.). В русском переводе он выглядит так: «О прибытии остманов. Прошло немного времени, и из Норвегии и северных островов потомки тех, кто остался от прежних переселенцев, то ли каким-то неведомым образом, то ли из рассказов своих предков узнавшие об этой прекрасной стране, прибыли на остров уже не с военным флотом, но на торговых кораблях. Тут же заняв морские гавани Ирландии, с согласия правителей страны они возвели там несколько городов. А поскольку народу ирландцев присуща, как мы говорили, врожденная праздность в сочетании с полным нежеланием плавать по морю или утруждать себя торговлей, то с общего

¹²⁹Ср. уже у Шлёцера: *Шлёцер А.Л.* Нестор. С. 349 и сл. Ср. подробно: *Tuander K.Ф.* Скандинавское переселенческое сказание. С. 26–27, 59–63; *Stender-Petersen A.* Die Varägersage. S. 63–65.

¹³⁰Лев Остийский писал свою хронику, как предполагают, около 1099–1103 гг., и она сохранилась в оригинале. См. эпизод приглашения (II, 37) по лучшей публикации: *Chronica Monasterii Casinensis / Die Chronik von Montecassino / Hrg. von H. Hoffmann.* Hannoverae, 1980. S. 237 (MGH. Scriptores. T. XXXIV). Лев опирался на труд Амата. Хроника Амата сохранилась только в переводе на старофранцузский язык XIV в., который местами передавал оригинальный текст с существенными искажениями, но, видимо, рассказ о приглашении норманнов в Салерно был передан адекватно. См. этот рассказ (I, 19) в переводе Хроники на английский язык с необходимым научно-справочным аппаратом: *Amatus of Montecassino. The History of the Normans / Translated by P.N. Dunbar, revised with introd. and notes by G.A. Loud.* Woodbridge, 2004. P. 50. Как доказывает издатель перевода Г.А. Лауд, Амаат сам происходил из Салерно и писал между 1078 и 1086 гг., скорее около 1080 г. (*Ibid.* P. 11). В рассказе о норманнах в изложении Льва присутствует отсылка к одному эпизоду «Истории лангобардов» Павла Диакона (см.: *Historia Langobardorum*, II, 5), но влияние последней не затронуло самого сюжета оригинального рассказа, заимствованного, по всей видимости, из Амата.

согласия всего королевства они сочли полезным допустить в некоторые области своей страны какой-нибудь другой, способный взяться за это народ, чье основное занятие — торговать с разными странами. Их предводителями были три брата, а именно Олаф, Сигдрик и Ивар. Сначала они возвели три города: Дублин, Уотерфорд и Лимерик. В Дублине стал править Олаф, в Уотерфорде Сигдрик, в Лимерике — Ивар. И понемногу с течением времени от них пошло строительство городов по всей Ирландии»¹³¹.

Если у Гиральда можно еще подозревать ориентацию на рассказ о призвании бриттами англосаксов у Беды (хотя речь идет о разных народах и событиях, и детали расходятся)¹³², то итальянцы уж точно опирались на независимые источники. Надо объяснить совпадение мотивов в этих разных произведениях тем, что в основе их лежали устные сказания, распространенные в среде норманнов и составленные по одному типу.

Таким образом, древнерусское Сказание излагает мотив переселения в такой версии, какой находятся аналогии у германских народов Севера Европы и в среде норманнов, осевших в разных местах Европы (переселение народа во главе с несколькими, как правило, тремя, братьями по приглашению другого народа). По-видимому, эта версия общераспространенного мотива возникла в Северной Европе (первую ее фиксацию в письменности можно возводить к середине VI в.), а затем с экспансией норманнов распространилась там, где были значительными их присутствие и влияние. В известных на сегодняшний день письменных изложениях этого предания переселяются, получив приглашение, англо-саксы, норвежцы и норманны из Нормандии (по происхождению это были, видимо, в основном датчане и норвежцы). Варяги, призванные словенами, вполне вписываются в этот ряд (археология и лингвистика свидетельствуют, что скандинавы, расселившиеся на Восточноевропейской равнине в IX–X вв., в том числе и в Поволховье, происходили преимущественно из восточной Швеции). Одна яркая аналогия, собственно текстуальное совпадение — указание на обширность и плодород-

¹³¹ *Giraldus*. *Topographia Hibernica*, *Distinctio III*, [Cap. XLIII]: *De Ostmannorum adventu*: Giraldi Cambrensis *Topographia hibernica* // Giraldi Cambrensis opera / Ed. by J.F. Dimock. L., 1867. Vol. V. P. 186–187; *Гиральд Камбрийский (Уэльский)*. *Топография Ирландии* (отрывки из части III) // *Хроники длинноволосых королей / Перевод с лат., статьи, сост. Н. Горелова*. М., 2006. С. 238–239.

¹³² Такие подозрения высказывает В.Я. Петрухин в мельком брошенном замечании, не подкрепленном, впрочем, никакими доводами: *Петрухин В.Я.* Становление государств. С. 89, примеч. 16.

ность земли в Сказании и «Деяниях саксов» — заставляет предполагать, что автор Сказания использовал то предание, какое отразилось у Видукинда, или очень близкое ему. Возможно, это было то же предание об англо-саксах, но может быть, и какое-то другое, где речь шла о приглашении и переселении другого народа, которое сначала Видукинд приспособил к своему рассказу, а затем и древнерусский автор (или кто-то в его среде) к своему. Но факт состоит в том, что в обоих произведениях явно просматривается одна фольклорно-нарративная модель и что эта модель «северогерманского» происхождения.

В данном случае я ограничусь только одним главным выводом из этих наблюдений, а именно — сам по себе сюжет призвания по добровольному приглашению не оригинален, и его распространенность и повторение в разных условиях и применительно к разным народам говорят о его «модельно-архетипическом» характере, а значит — легендарности. Видеть в нем отражение реальных событий было бы, по меньшей мере, наивно — ведь никто же не воспринимает всерьез, например, решение «всего королевства» Ирландии пригласить «остманов» для торговли и строительства городов. Да и о какой реальности может идти речь, если просто вдуматься в слова об «обилии» земли словен и вспомнить природно-климатические условия Новгородской земли, всегда страдавшей от недостатка хлеба и находившейся под угрозой голода — воспринятые буквально, эти слова звучат едва ли не насмешкой. Разумеется, легендарность *сюжета* не исключает достоверности отдельных фактов, изложенных с *его помощью* или рядом, но вне прямой связи с ним, — но совершенно неоправданно было бы выстраивать с опорой на текст Сказания теорию некоего договора между туземцами и пришельцами, как это делают некоторые современные ученые (см. выше в обзоре историографии).

В сопоставлении Сказания с другими *Origines* надо обратить внимание еще на один из результатов исследования А. Плассманн. Как показано в ее работе, второй выделенный ею «топос» (после «топоса» переселения) — «первоначальный подвиг» — в *Origines* часто представляется в виде рассказа о победе благодаря хитрости, особенно военной (ср., например, у того же Видукинда о победе саксов над тюрингами). Между тем этот сюжет мы находим и в древнерусской летописи в повествовании, сразу следующем за Сказанием, — с помощью хитрости Игорь взял Киев. Самому приему, примененному Игорем (скрытие воинов тем или иным образом и выдача себя за мирных людей), находятяся разные аналогии и в истории, и в литературе

(начиная с Троянского коня)¹³³. Отмечая это обстоятельство как еще одно свидетельство в пользу в целом легендарного характера начала летописного повествования, я хотел бы в данном случае подчеркнуть значение этой параллели для понимания замысла и композиции всего этого повествования. Обычно историки, вслед делению первоначального текста по годовым статьям в ПВЛ, рассматривают отдельно рассказы о призвании варягов и о взятии Киева Игорем (Олегом). Однако аналогии в «топосном» развитии сюжета между летописью и европейскими *Origines* указывают на то, что оба эти рассказа тесно связаны между собой и составляют части единой по замыслу повести.

В самом деле, посмотрим на текст статьи 6362 г. НПЛ мл. с точки зрения композиционной взаимосвязи отдельных сюжетов. Несколько фраз в конце статьи об установлении даней Игорем, о женитьбе его на Ольге и рождении Святослава лишь развивают главное сообщение об утверждении князя в Киеве. В начале статьи отдельный сюжет составляет рассказ о Киеве и полянах, который заканчивается появлением Аскольда и Дира. Далее повествование, перемещаясь в другой «хроно-топ», как бы уходит в сторону и возвращается в Киев Аскольда и Дира после рассказа о призвании варягов. Сообщение о захвате Киева сплетает две распущенные в начале нити повествования и служит кульминационным пунктом всей статьи 6362 г. Таким образом, три «опорные точки» повествования — основание Киева, приглашение Рюрика с братьями, утверждение Игоря в Киеве — образуют своего рода композиционный каркас начальной части летописи, заключенной в НСв в рамках статьи 6362 г. В венчающем всю конструкцию торжественном заключении — «и оттоле (прочии) прозвашася русью, и седе Игорь княжа в Киеве» — находит логическое завершение все то, что было намечено рассказом до того и ожидается как его кульминация: говорится об окончательном имянаречении народа/государства (*gens*), о городе, которому было суждено стать центром этого государства, и о приходе династии, его возглавившей. В сущности, мы имеем дело с одной повестью, которую было бы правильно называть не «Сказанием о призвании варягов» (это только часть повести), а «Сказанием о происхождении Руси» или древнерусской *Origio gentis russorum*¹³⁴. С точки зрения фольклорно-

¹³³ Орлов А.С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Варшава, 1906. С. 160 и сл.; Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях. С. 176–178.

¹³⁴ Надо отметить, впервые понятие «origo gentis» применил к древнерусской «Начальной летописи» Я. Банашкевич еще в 1989 г. (*Banaszkiewicz J. Slavonic Origines Regni: Hero the Law-Giver and Founder of Monarchy (Introductory Survey of Problems)* // АРН. Wrocław etc., 1989. Т. 60). Однако он имел в виду ПВЛ (и, в частности, те места, которые читаются только в ней, — например, «Введение») и только один сюжет — вокняжение у полян Кия.

легендарной подоплеки этой повести бросается в глаза и определенная закономерность в использовании ее автором устных традиций. Если корни рассказа о «призвании варягов» — «северогерманские», то корни эпонимической легенды, которая излагается в части, посвященной основанию Киеву и полянам, несомненно славянские¹³⁵. Случайно или неслучайно, но такой параллелизм — рассказ о происхождении центра государства славянский, рассказ о происхождении династии «северогерманский» — подчеркивает и композицию всего *Origo gentis russorum* (два подхода, подготавливающие кульминацию), и исторический симбиоз разных традиций в этом государстве. Возможно, есть какая-то закономерность и в том, что сюжет третьей части этого текста — рассказа о захвате Киева — не обнаруживает каких-то однозначных и явных связей с той или иной фольклорной или литературной традицией.

В итоге, как мы видим, сопоставление с похожими произведениями помогает обнаружить логику летописного повествования. Если в других литературных традициях обнаруживаются похожие топосы, сюжеты и мотивы, то логично ожидать, что их определенное сочетание и в «Начальной летописи» не было случайно, а вытекало из единства замысла и формы. Содержательная связь рассказов об основании Киева, «призвании» варягов и захвате Киева Игорем, очевидно, ощущалась составителем НСв, который включил их все в одну годовую статью, и надо предполагать, что эти рассказы, связанные между собой сюжетно-образно и композиционно, восходят к некоему первоначальному летописному сочинению. Сказание в таком контексте — не центр и не самостоятельное произведение, а лишь элемент более обширной повести.

В проведенном исследовании акцент был сделан на текстологическом анализе. Важнейший вывод этого анализа состоит в признании текста, представленного списками ПВЛ, как вторичного по сравнению с текстом НПЛ мл. и восходящего напрямую к последнему. Этот вывод, подтверждающий главный тезис А.А. Шахматова об отражении в НПЛ мл. «Начального свода», опирается на сравнительный анализ текста на протяжении начальных известий вплоть до рассказа о захвате Киева Игорем (Олегом по ПВЛ). Предположительно вообще надо исходить из такого соотношения летописей с ПВЛ и НПЛ мл. вплоть до статьи 6523 г. с рассказом о смуте после смерти Владимира Свято-

¹³⁵См. последнее исследование этой легенды с учетом различий версий НСв и ПВЛ: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007, особенно с. 116–117, 167–168.

славича Святого. Если считать, что составитель ПВЛ опирался *именно и только* на тот текст, который мы видим сегодня в статье 6362 г., тем самым отпадает один из главных доводов в пользу того, что текст НСв дошел до нас в НПЛ мл. с существенными искажениями, главным образом, вследствие редакторской работы летописцев XII–XV вв., сверявших и правивших его по другим сводам с ПВЛ. В сущности, текст НПЛ мл. — это и есть текст НСв, который предшествовал ПВЛ и который был сильно переработан в ПВЛ.

Пока трудно говорить об этапах летописания, которые предшествовали самому НСв, хотя едва ли можно сомневаться в самом существовании этих этапов, потому что в тексте НПЛ мл. обнаруживаются явные перебои, разрывы и швы, которые можно объяснить только как следствие правки и дополнения некоего первоначального сочинения — как бы его ни называть: «Древнейший свод», «Сказание о русских князьях» и т. д. Но далеко не всегда такие перебои однозначно фиксируются, а главное, даже если они и заметны, очень трудно восстановить более ранний текст из-за отсутствия параллельных источников. Работа по восстановлению этого первоначального «ядра» «Начальной летописи» — чрезвычайно сложное и тонкое дело, которое требует применения методов разных дисциплин, и насколько вообще осуществима эта работа, покажет будущее. Но уже сегодня, в частности, благодаря настоящему исследованию, ясно, что более простая и осторожная реконструкция первоначального текста, предложенная Шахматовым в ранней статье «Сказание о призвании варягов», оказывается и более экономной и убедительной, чем сложные схемы эволюции текста от свода к своду, которые он предлагал позднее в знаменитой книге «Разыскания о древнейших русских летописных сводах».

Текстологический анализ заставляет пересмотреть принятые в историографии оценки Сказания с разных точек зрения. Ведь от того, какой характер тот или иной текст имел в качестве литературного произведения и в какой контекст был включен, во многом зависит и оценка тех фактических сведений, которые он содержит. Этот аспект был лишь затронут в данном исследовании, когда речь шла об аналогиях в сюжетах и топосах между Сказанием и теми сочинениями средневековой историографии, которые объединяют в жанр *Origo gentis*. Для меня эти аналогии были важны в данном случае для того, чтобы продемонстрировать органичность Сказания в контексте статьи НПЛ мл. 6362 г. и чтобы осмыслить его как часть более обширной повести, условно названной мной «*Origo gentis russorum*».

В то же время фиксация этих аналогий не должна вести к выводу, что все сведения этого текста сугубо легендарны и не отражают реальности. Напротив, мне представляется очевидным, что многое из этих сведений находит опору в исторических реалиях Восточной Европы IX–X вв., и в историографии об этом справедливо писалось. Главной целью данной работы было показать, что для исторических интерпретаций надо опираться в первую очередь на текст НПЛ мл., а не ПВЛ, и понимать его не изолированно, а как часть более обширного текстового фрагмента, законченного и единого в его замысле и литературном оформлении.

Именно с этой точки зрения (пожалуй, впервые в историографии последовательно развитой применительно к Сказанию) в статье НПЛ мл. был выделен текст, идейно-содержательно и сюжетно-композиционно связанный в цельное и законченное сочинение, частью которого было Сказание. В основных чертах это сочинение можно более или менее уверенно и надежно установить и в сохранившемся тексте НПЛ мл., хотя, на мой взгляд, более ясно его первоначальные контуры должны проступить после «чистки» этого текста от вторичных напластований на древнейшее «ядро» начального летописания. Сочинение это рассказывало об образовании народа и государства Руси с центром в Киеве и во главе с варяжской династией Рюриковичей. Оно состояло из трех частей: 1) ранняя история Киева и полян, 2) происхождение династии (собственно «призвание») и 3) – кульминационная часть — утверждение этой династии в Киеве. Содержание этого сочинения, некоторые его сюжетные ходы и идеи ставят его в ряд аналогичных произведений европейской историографии, которые объединяют в жанр *Origo gentis*.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амата в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 15–35.

Башенькин А.Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. V–XIII вв. // *Культура Европейского Севера России.* Вологда, 1989. С. 3–21.

Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-

Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 3. С. 3–29.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Перевод В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Перевод Г.Э. Санчука. М., 1975.

Вилкул Т.Л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV, N 2. С. 56–116.

Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Перевод, вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *RL*. 2001. Vol. 25, N 2. С. 147–181.

Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер*. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус А.А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // *У истоков русской государственности*. С. 213–220.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы... — 3. Ответ О.Б. Стреховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII, N 2. С. 248–287.

Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *РЯНО*. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус А.А. К хазарской дани // *ВЕДС XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза*. М., 2011. С. 49–55.

Гиральд Камбрийский (Уэльский). Топография Ирландии (отрывки из части III) // *Хроники длинноволосых королей* / Перевод с лат., статьи, сост. Н. Горелова. М., 2006. С. 221–240.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // *ДГ*. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 50–63.

Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // *Сложные русские государственности*. С. 214–221.

Гринева Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 31–43.

Гришаков В.В., Зеленов Ю.А. Муром VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990.

Грушевський М.С. История України-Руси. Київ, 1991 (репринт 3-го, испр. и доп. изд.: Київ, 1913; 1-е изд.: Львів, 1898). Т. I.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кри-вичей. М., 1990.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989 (1-е изд.: СПб., 1816). Т. I.

Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., 2009.

Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Легенда и действительность // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Мат-лы к чтению. СПб., 1996.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991 (1-е изд.: 1989 г.).

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 42–53.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Куник А.А. Несторово сказание о призвании Варяго-Руссов, объясняемое сказанием о призвании Англо-Саксов // Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. VI [Кн. I–II]. Приложение № 2: *Погодин М.[П.]* Г. Геденов и его система происхождения Варягов и Руси, [с замечаниями С. Геденова и А. Куника]. С. 58–64.

Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1873. Ч. CLXXIII, № 6. С. 225–263; № 7. С. 53–119.

Летописец Еллинский и Римский / Изд. О.В. Творогов. СПб., 1999. Т. 1: Текст; СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

- Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194–203.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М.Е. Бычковой; под ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. М., 1985 (перевод кн.: *Łowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa 1957).
- Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // ДР. 2009. № 4 (38). С. 73–96.
- Макаров Н.А.* Вещь и славяне на Белом озере // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 188–198.
- Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 г.: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 47–75.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 219–229.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 261–308.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Орлов А.С.* Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Варшава, 1906.
- Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. 1938. № 4. С. 106–111.
- [Повесть временных лет. Издали Х. Чеботарев и Н. Черепанов. М., 1804–1811] (листы невышедшего издания, которое готовилось Обществом истории и древностей российских в Москве; использовался экземпляр из библиотеки М.П. Погодина в Музее книги РГБ, шифр Н–373).
- Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 13–410.

Петрухин В.Я. Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 33–41.

Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 81–150.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III.

Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Варшава, 1880. Т. II: *Этимологические и другие заметки*. (Из «Русского Филологического вестника», 1879).

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996 (1-е изд.: 1940).

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956).

Пчелов Е.В. Какую дань «имаху» «варязи изь заморья»? // ВЕДС XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 236–240.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 159–236.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. XLIX).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1 // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.). Кн. I.

Стефанович П.С. Как правильно читать: «по белеи веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Вторые Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат-лы к междунар. науч. конф. М., 2011. С. 12–16.

Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб. 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.

Страхова О.Б. Рекоша дружина Игореви... К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI, N 2. С. 217–258.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. С. 99–113.

Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. XXX: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26.

Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.

Туандер К.Ф. Скандинавское переселенческое сказание // *Туандер К.[Ф.]* Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. III (Зап. Историко-филологич. ф-та имп. Петроградского ун-та; СХХIII).

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

Тржешитик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). Sofia, 1991. С. 35–42.

У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987 (Археология СССР).

Флоря Б.Н. Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западно-славянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). Sofia, 1991. С. 33–53.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Перевод Д.М. Буланина и Н.Л. Лужецкой. СПб., 2000 (1-е изд. на англ. яз.: *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus: 750–1200. L.; N.Y., 1996*).

Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–15.

Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. С. 343–351.

Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период.

Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. 1972. № 4. С. 46–64.

Шайкин А.А. Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2008. Т. LVIII. С. 607–626.

Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I, кн. 1; СПб., 2003. Т. I, кн. 2.

Шахматов А.А. Начальный киевский летописный свод и его источники // Там же. Т. I, кн. 2. С. 175–184 (1-е изд.: 1900 г.).

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003 (1-е изд.: 1904 г.). Т. I, кн. 2. С. 185–231.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I, кн. 1 (1-е изд.: 1908 г.).

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка Пг., 1915. (Энциклопедия славянской филологии; Вып. 11.1).

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводн. часть. Текст. Примечания // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I, кн. 2 (1-е изд.: 1916 г.). С. 527–977.

Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1.

Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени // Шахматов А.А. История русского языка: Избранные произведения. М., 2004 (1-е изд.: 1919 г.). Кн. I. С. 3–60.

Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные / Перевел Д. Языков. СПб., 1809. Ч. I; СПб., 1816. Ч. II (пер. с ориг. изд. на нем. яз. 1802 г.).

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Amatus of Montecassino. The History of the Normans / Transl. by P.N. Dunbar, revised with introd. and notes by G.A. Loud. Woodbridge, 2004.

Banaszkiewicz J. Podanie o Piaście i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986.

Banaszkiewicz J. Slavonic *Origines Regni: Hero the Law-Giver and Founder of Monarchy (Introductory Survey of Problems)* // APH. Wrocław, 1989. T. 60. P. 97–132.

Banaszkiewicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 2002 (1-е изд.: 1998).

Chronica Monasterii Casinensis / Die Chronik von Montecassino / Hrg. von H. Hoffmann. Hannoverae, 1980 (MGH. Scriptores. T. XXXIV).

Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001 (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series).

Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. N.S. 1982. Vol. XV. P. 1–27.

Giraldi Cambrensis Topographia Hibernica // Giraldi Cambrensis opera / Ed. by J.F. Dimock. L., 1867. Vol. V.

Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

Kersken N. Geschichtsschreibung im Europa der «nationes». Nationalgeschichtliche Gesamtdarstellungen im Mittelalter. Köln, 1995.

Koptev A. The Story of “Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian *Primary Chronicle* // Scando-Slavica. 2010. Vol. 56, N 2. P. 189–212.

Legenda Christiani / Kristiánova Legenda. Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily / K vydání připravil, přeložil a poznámkami opatřil J. Ludvíkovský. Praha, 1978.

Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. P., 2000 (Réalités byzantines; 7).

Likhachev D.S. The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-writing from the Second Half of the XIth to the Beginning of the XIIth Century // Varangian Problems: Report on the First International Symposium on the Theme “The Eastern Connections

of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages". Moesgaard — University of Aarhus, 7th–11th October 1968. Copenhagen, 1970. (Scando-Slavica. Supplementum I). P. 170–185.

Maciejowski W.A. Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846.

Plassmann A. *Origo gentis.* Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. B., 2006.

Pritsak O. The Invitation to the Varangians // HUS. 1977. Vol. I, N 1. P. 7–22.

Reallexikon der germanischen Altertumskunde. B.; N.Y., 1968/73–2008. Bd. 1–35. 2 Registerbände.

Sorlin I. Les premières années byzantines du *Récit des temps passés* // Revue des études slaves. 1991. T. LXIII, fasc. 1: Rus' de Kiev et Russie Moscovite. Culture et société. P. 9–18.

Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la *Rôsia* au X siècle d'après le *De administrando imperio* de Constantin Porphyrogénète // Les Centres Proto-urbains russes. P. 337–355.

Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934 (Acta Jutlandica VI, Aarsskrift for Aarhus universitet; VI).

Trěštik D. Mýty kmene Čeceů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem českým». Praha, 2003.

Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxonicarum libri tres / Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei / Fünfte Auflage in Verbindung mit H.-E. Lohmann neu bearbeitet von P. Hirsch. Hannoverae, 1935 (MGH. Scriptorum. Bd. 60).

Wolfram H. *Origo et religio.* Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3, part I. P. 19–38.

РЕЗЮМЕ

Автор исследует текст «Сказания о призвании варягов» по древнейшим сохранившимся летописям, опираясь на теорию А.А. Шахматова, согласно которой в начале Новгородской 1-й летописи младшего извода отразился свод (так называемый «Начальный свод»), восходящий к 1090-м гг. и предшествующий «Повести временных лет», созданной в 1110-е гг. Автор приходит к выводу, что в этой летописи «Сказание» сохранилось в более древнем и исправном виде, чем в летописях, донесших до нас «Повесть временных лет». Он показывает,

как составитель «Повести временных лет» перерабатывал тот текст, который мы видим в Новгородской 1-й летописи младшего извода, изменяя хронологию, реконструируя ход событий согласно своим историческим представлениям, дополняя текст по новым источникам и т. д. Исследование контекста, в котором «Сказание» помещено в этой летописи, позволяет автору по-новому оценить содержание этого произведения древнейшей литературы Руси и обнаружить в нем аналогии сочинениям средневековой европейской историографии, известным под названием *Origo gentis* («происхождение народа»).

Ключевые слова: история Древней Руси, происхождение руси, варяги, древнерусские летописи, «Повесть временных лет».

ABSTRACT

The author explores the text of “The Legend of the Calling-in of the Varangians” in the oldest Russian chronicle codices. He relies on the idea (proposed once by A.A. Shakhmatov), which considers the first section of the First Novgorodian Chronicle of younger redaction as a compilation dating back to the 1090s and thus preceding the famous “Tale of By-Gone Years” (originated in the 1110s). The author concludes that the text of the “Legend” preserved in the Novgorodian Chronicle is older and more correct than that in the codices containing “The Tale of By-Gone Years”. He demonstrates how the compiler(s) of “The Tale of By-Gone Years” revised the text preserved in the Novgorodian Chronicle changing its chronology, revising the narrative, enriching it with additional data etc. He pays a special attention to the context of the “Legend” in the Novgorodian Chronicle and suggests a new understanding of its concept and content searching for analogies in medieval historiographical works of the genre *Origo gentis*.

Key words: Early Russian history, origins of Rus, Varangians, Old Russian chronicles, “the Tale of By-Gone Years”.

Т.В. Гимон

СОБЫТИЯ XI — НАЧАЛА XII в. В НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЯХ И ПЕРЕЧНЯХ*

Наряду с «Повестью временных лет» (далее: ПВЛ) к числу важнейших источников по ранней истории Киевской Руси относится Новгородская I летопись (Н1) старшего и младшего изводов, а также Новгородско-софийская группа летописей (НСГ): Новгородская Карамзинская (НК), Софийская I (С1) и Новгородская IV (Н4). В этих памятниках, несмотря на их несомненное родство с ПВЛ, зачастую приводятся иные даты или версии событий, даются дополнительные в сравнении с ПВЛ детали, иногда присутствуют уникальные сообщения, касающиеся не только Новгорода, но и других русских земель, включая Киев.

В том что касается событий IX — начала XI в., вероятно, прав А.А. Шахматов, считавший, что в новгородском летописании отразился Начальный свод — киевская летопись 1090-х гг., более ранняя, нежели ПВЛ¹. В настоящей работе я сосредоточусь на тексте новгородских летописей за XI — начало XII в., ситуация с которым, на мой

* Выражаю самую искреннюю признательность В.Ю. Аристову, Ю.А. Артамонову, М.М. Бубновой, Т.Л. Вилкул, А.А. Гиппиусу, А.А. Горскому, М.Г. Дубровину, Е.А. Мельниковой, С.М. Михееву, А.Е. Мусину, А.В. Назаренко, Л.М. Орловой-Гимон, Л.В. Столяровой и А.С. Щавелеву за ценные замечания. Все летописи в статье цитируются по последним томам серии ПСРЛ, что специально всякий раз не оговаривается. Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12–31–08018 «Возникновение и становление Древнерусского и других государств Средневековья: компаративное исследование».

¹ Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 24–31; 2003. Т. 1, кн. 2. С. 380–412, 429–464; Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26; Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181; Он же. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 59–60; Он же. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // RL. 2002. Vol. 26. P. 72–74. См., впрочем, работы исследователей, не согласных с шахматовской идеей о Начальном своде, отразившемся в Н1мл.: Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный

взгляд, существенно более сложная. ПВЛ, Н1 старшего извода (Синодальный список, Син.), Н1 младшего извода (Н1мл.) и НСГ дают четыре совершенно разных повествования о событиях XI в., между которыми много пересечений, но очень много и несовпадающих, а иногда и прямо противоречащих друг другу фрагментов. Кроме того, особый — пусть краткий, но зато оригинальный — вариант рассказа о событиях XI в. дают перечни (киевских и новгородских князей, новгородских епископов, посадников), читающиеся в составе Н1мл. и в других рукописях. Как соотносятся все эти тексты? На какие источники они опирались? Насколько достоверны их сообщения? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Большинство исследователей до сих пор склонялись к гипотезе о новгородском своде XI в. как об источнике всей или почти всей уникальной (в сравнении с ПВЛ) информации новгородских летописей и перечней (хотя высказывались и иные идеи). Насколько убедительна эта гипотеза, выдерживает ли она критику? Велось ли в Новгороде летописание до 1110-х гг. (когда началось регулярное пополнение новгородской владычной летописи, НВЛ²)? Эта статья, следовательно, будет в значительной мере посвящена ранней истории новгородского летописания (и шире — историописания), но в какой-то мере придется обратиться и к летописанию Киева.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

О том, что в Новгороде в XI или даже в конце X в. велось летописные записи, которые отразились в ПВЛ и в более позднем новгородском летописании, говорили уже многие ученые XIX в. Они обращали внимание на сообщения о Новгороде в ПВЛ и новгородских сводах и

свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35; *Она же*. Повесть временных лет и Хронограф // Там же. 2003. Vol. 11. P. 56–116; *Ostrowski D.* The Načal'nyj svod and the Povest' vremennykh let // *RL*. 2007. Vol. 31. P. 269–308; *Толочко А.П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165; *Аристов В.Ю.* Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // *УІЖ*. 2011. № 6. С. 172–182; и др.

²См.: *Гунтус А.А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 345–364; *Она же*. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005. М., 2006. С. 114–251; *Гимон Т.В.* Как велась новгородская погодная летопись в XII веке? // *ДГ*. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 316–352.

особенно — на известие НСГ под 1030 г., выдающее авторство новгородца, жившего в XI в.: «...бьяше ученикъ его Ефремъ, [и]же ны учаще»; иногда опирались также на сведения В.Н. Татищева и цитируемую им Иоакимовскую летопись³.

А.А. Шахматов в своих «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» уделил немало внимания новгородскому летописанию, которое занимало важное место в шахматовской реконструкции истории сложения Начальной летописи. Выводы, к которым пришел ученый, таковы. В 1017 и 1036 г. в Новгороде составлялись летописи, которые около 1050 г. вошли в состав новгородского летописного свода. Инициаторами составления свода были князь Владимир Ярославич и епископ Лука Жидята, а поводом послужило окончание строительства каменного Софийского собора. Этот свод, согласно Шахматову, представлял собой переработку киевского Древнейшего свода 1039 г., дополненную новгородским материалом (впрочем, окончание Древнейшего свода — текст за период правления Ярослава — был передан в новгородском своде лишь в отрывках). В дальнейшем, по мнению Шахматова, новгородский свод середины XI в. несистематически пополнялся новыми записями. На протяжении второй половины XI в. такое пополнение производилось четырежды. После 1108 г. летописание в Новгороде стало вестись систематически, из года в год.

Новгородский свод середины XI в. послужил, согласно А.А. Шахматову, источником как для киевского Начального свода 1095 г. (и через него отразился в ПВЛ), так и для более поздних новгородских сводов — через посредство новгородского свода 1167 г. По мнению Шахматова, фрагменты, восходящие к новгородскому своду середины XI в., можно найти в большом числе дошедших до нас источников: в ПВЛ, Син., Н1мл., НСГ и других русских сводах XV–XVI вв., наконец, в перечнях новгородских князей и епископов⁴. Шахматов завершил свое исследование реконструкцией текста новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г.⁵

Многие исследователи, приняв эту схему А.А. Шахматова за основу, вносили в нее те или иные модификации. Так, И.М. Троицкий, сделав к этой схеме ряд частных поправок, пытался восстановить идею

³См., например: *Соловьёв С.М.* Соч. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен, т. 3–4. С. 97–98; *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868. С. 50–58, 61–65; *Сенигов И.П.* Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева. М., 1887. С. 3–41; и др.

⁴*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 128–182, 275–280, 328–353.

⁵Там же. С. 431–449.

логию создателя новгородского свода XI в., связав ее с процессами становления Новгородской республики⁶.

Б.А. Рыбаков считал, что новгородский свод был составлен не в 1050 г., а позже — в 1054–1060 гг. Ученый видел в нем два пласта — авторский и редакторский, причем авторский, по мнению Рыбакова, отличался выраженной антикиевской тенденцией и весьма негативно отзывался о Ярославе Мудром. Ученый считал этот свод сугубо светским и связывал его появление с деятельностью посадника Остромира. В своей характеристике содержания и тенденций «Остромировой летописи» Рыбаков основывался на шахматовской реконструкции текста новгородского свода 1050 г., внося в нее частные поправки⁷.

А.Г. Кузьмин, вслед за Шахматовым, также возводил сообщения как ПВЛ, так и новгородских летописей о Новгороде XI в. к раннему новгородскому летописанию. В отличие от Шахматова, однако, Кузьмин предположил, что в Новгороде XI в. существовала не одна, а две летописные традиции: «светская хроника (повесть) княжения Ярослава» (вслед за Б.А. Рыбаковым, Кузьмин считал, что она могла быть связана с «посадничьими кругами») и церковные записи, связанные с епископской кафедрой. Первый из этих источников, согласно Кузьмину, доходил до 1050-х гг. и не имел абсолютной хронологии, второй — продолжал вестись и позже (или частично был заполнен ретроспективно, уже в XII в.) и содержал точные даты. В ПВЛ был использован только первый из этих источников, а в новгородских летописях и перечнях отразились оба⁸.

А.А. Зимин предложил датировать новгородский свод XI в. не 1050 г. (как это делал Шахматов), а 1052–1054 гг. (правление в Новгороде Изяслава Ярославича) и атрибутировать его «княжеской канцелярии Новгорода». Основанием для этих поправок послужил круг тем, которые затрагиваются в известиях за середину XI в., возводимых к новгородскому своду⁹.

В.А. Кучкин, вслед за А.А. Шахматовым, привел список уникальных известий С1–Н4 за IX–XI вв. о Новгороде и Южной Руси¹⁰. По мнению Кучкина, «даже если подойти суперкритически к выявленному А.А. Шахматовым материалу XI в.» и часть известий отнести

⁶Троцкий И.М. Возникновение Новгородской республики // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 4. С. 271–291; № 5. С. 349–374.

⁷Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 193–206.

⁸Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 362–382.

⁹Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 140–141 (время работы А.А. Зимина над этой монографией — 1950–1970-е гг.).

¹⁰Кучкин В.А. «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...» // RM. 1995. Т. 8, 1. P. 87–101.

на счет дополнений новгородских редакторов XIV–XV вв., «все равно останется материал, явно свидетельствующий о летописных записях XI в. (особенно по 1019, 1021, 1032, 1054, 1060, 1061, 1068 и 1078 гг.)»¹¹. Кучкин указывает еще на ряд известий С1 и Н4, которые не были учтены Шахматовым и которые тоже могут восходить к летописи XI в. Ученый считает эту летопись владычным сводом, соединившим новгородский материал с киевским, смоленским и псковским. Кучкин допускает возможность датировки этого свода 50-ми или 60-ми гг. XI в. и говорит о том, что он был продолжен приписками до середины 90-х гг. XI в. — в любом случае этот свод «был старше Начального свода середины 90-х гг. XI в. и тем более Повести временных лет»¹².

С.Н. Азбелев, соглашаясь с шахматовской гипотезой о новгородском своде середины XI в., ставит вопрос о более раннем тексте — летописи Иоакима, составленной около 1017 г. Азбелев, с одной стороны, соглашается с наблюдениями Шахматова, приведшими его к мысли о существовании такого текста, а с другой — использует труд В.Н. Татищева, в источнике которого — несохранившейся Иоакимовской летописи — видит отражение летописи 1017 г.¹³

Н.И. Милютенко последовательно разбирает известия за XI в., читающиеся в составе НК1 (который она, вслед за Г.М. Прохоровым и А.Г. Бобровым считает первоначальным вариантом НСГ). Подход Милютенко заключается в последовательном вычленении в НК1 фрагментов, восходящих к иному, отличному от дошедших до нас ПВЛ и Н1, источнику. Такие уникальные известия НК1, равно как и новгородские сведения за XI в. Н1, ПВЛ и перечней князей и епископов, Милютенко возводит к новгородскому своду XI в., который она датирует 1078 г. и который был, по ее мнению, продолжен новыми записями при Мстиславе Владимировиче¹⁴. По мнению исследовательницы, создатель НК1 пользовался не оригиналом свода 1078 г., но его переработкой, возникшей после 1167 г.¹⁵ Милютенко также разделяет мысль Шахматова о том, что новгородскому своду XI в. предшествовала более ранняя летопись 1017 г.¹⁶

Все упомянутые исследователи взяли шахматовскую идею новго-

¹¹ Там же. С. 101.

¹² Там же. С. 101–102.

¹³ Азбелев С.Н. К изучению Иоакимовской летописи // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

¹⁴ Милютенко Н.И. Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 586–606.

¹⁵ Там же. С. 605–606.

¹⁶ Там же. С. 593.

родского свода середины XI в. за основу и модифицировали ее лишь в деталях (например, предлагая иные, чем Шахматов, датировки этого свода или уточняя его состав). Однако высказывались и совсем другие мнения — например, о том, что новгородского свода XI в. вообще не было или в Новгороде в это время существовали какие-то иные, нежели летописный свод, формы исторических записей.

В.М. Истрин сомневался в новгородском происхождении большинства известий ПВЛ, которые Шахматов возводил к новгородскому своду XI в.¹⁷ Д.С. Лихачёв писал о том, что новгородские известия ПВЛ имеют не письменный, но устный источник, и возводил их к рассказам Вышаты¹⁸. Высказывали (без развернутой аргументации) сомнения в реальности древнего новгородского свода М.Н. Тихомиров¹⁹, Х. Ловмянский²⁰, А.В. Поппэ²¹, П.П. Толочко²², К. Цукерман²³.

Некоторые исследователи писали о том, что в Новгороде в ранний период, возможно, делались исторические записи, однако не в той форме, в какой это предполагал Шахматов.

Так, С.В. Бахрушин и М.Х. Алешковский независимо друг от друга высказали мысль о том, что в Новгороде в XI или начале XII в. составлялись исторические тексты, напоминавшие дошедшие до нас в рукописях XV в. перечни архиепископов и князей. Бахрушин обратил внимание на то, что в списке новгородских князей имеются сведения за XI в., не находящие себе параллели в летописях. По мнению ученого, «может быть, мы тут имеем отрывок таких кратких, лишенных дат записей, которые могли существовать параллельно летописным записям и даже предшествовать им. Такой же характер носит и список новгородских епископов...»²⁴.

¹⁷Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1924. Т. 27. С. 54–55, 57–61.

¹⁸Лихачёв Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Изв. 1945. С. 201–224. См. также: Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 93, примеч. 1.

¹⁹Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 63.

²⁰Łowmiański H. Z nowych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego // Kwartalnik Historyczny. 1953. R. 9, Nr 3. S. 239 (ученый указывает на сравнительно слабый интерес к Новгороду в ПВЛ); Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 126 (автор соглашается с выводами Д.С. Лихачёва).

²¹Poppe A., Jakubowski W. Latopisarstwo Nowgorodu Wielkiego // Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. T. 1. S. 27; Поппэ А.В. А.А. Шахматов и спорные начала русского летописания // ДР. 2008. № 3 (33). С. 80.

²²Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 176–177.

²³Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 187.

²⁴Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // Бахрушин С.В. Труды по

М.Х. Алешковский полагал, что в Новгороде в конце XI или, скорее, в начале XII в. была составлена краткая «летопись владык», напоминавшая по форме более поздние перечни архиепископов. Именно к ней Алешковский возводил те из уникальных сообщений НСГ, которые касаются новгородских епископов; остальные же известия этой группы летописей, включая некоторые сообщения о Новгороде, ученый относил к источнику южнорусскому²⁵. Забегая вперед, скажу, что данный взгляд (к сожалению, подробно Алешковским не обоснованный) представляется мне весьма близким к истине.

По мнению А.В. Поппэ, «по крайней мере с пятого десятилетия XI в. ...в Новгороде велись анналистические записи (*zapiski rocznikarskie*), а с 1108 г. — регулярные анналы (*regularny rocznik*)»²⁶. Примерно о том же пишет П.П. Толочко: в середине XI в. в Новгороде имела «не регулярная погодная летопись, но записи, ведшиеся от случая к случаю»²⁷. Первый же новгородский свод обрывался, согласно Толочко, на статье 1074 г., но был составлен, вероятно, уже в 1116 г.²⁸ По мнению С.М. Михеева, в Новгород в 1070-х гг. попала рукопись Древнего сказания (самого раннего, согласно исследователю, памятника киевского историописания), в продолжение которого в Новгороде была проставлена годовая сетка за XI в., причем под некоторыми годами (1066, 1069, 1077 и др.) были сделаны краткие записи о событиях. Тогда же, в конце 1070-х гг., по Михееву, в Новгороде начали составляться перечни князей и епископов²⁹.

Еще одна идея — в самом общем виде высказанная А. Накадзава — заключается в том, что уникальные сообщения НСГ о Новгороде XI в. суть материалы, взятые, «вероятно, из архива владычной канцелярии»; впрочем, исследователь не уточнил, а каких именно типах документов может идти речь³⁰.

Высказывалась и идея о том, что некоторые из сообщений о новгородских событиях XI в., содержащихся в более поздних новгород-

источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 19–20.

²⁵ Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 157–159; *Он же*. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 118–120, примеч. 5.

²⁶ Poppe A., Jakubowski W. *Latopisarstwo*. S. 27.

²⁷ Толочко П.П. Русские летописи. С. 179.

²⁸ Там же. С. 175–182.

²⁹ Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? М., 2011. С. 129–135 (исследователь обновляется в том числе и на моих соображениях).

³⁰ Накадзава А. Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма, 2006. С. 264–265.

ских сводах, в действительности являются более поздними «подделками», а не подлинными записями XI в. Чаще всего такая мысль звучала в отношении сообщений Н1мл. о строительстве Софийского собора (В.Л. Янин, С.И. Сивак, Д.А. Петров)³¹. Т.Л. Вилкул предположила, что все сообщения Н1мл. о новгородских событиях XI в., отсутствующие в Син., являются плодом творчества сводчика XV в. и привела ряд соображений в пользу этого³².

Наконец, в целом ряде работ затрагивался вопрос о южнорусских известиях за XI в. в составе НСГ, которые зачастую более подробны, нежели соответствующие фрагменты «классической» ПВЛ. Эту литературу удобнее будет упомянуть в разделе 6 — там, где речь пойдет об НСГ.

Такова, в целом, историография интересующего нас комплекса вопросов, которые, на мой взгляд, нуждаются в дальнейшем исследовании. Попробую сформулировать принципы такого исследования.

Главная особенность рассматриваемого материала состоит в том, что сведения приходится собирать, так сказать, по крупицам. Что-то находим в Син., что-то в Н1мл., что-то в ПВЛ, что-то в НСГ, что-то в перечнях и т. д. Проще всего сказать, что все это — «осколки» большого новгородского свода XI в., разбросанные судьбой по разным летописным и околотописным памятникам.

Однако будет ли такое предположение лучшим из возможных? Не лучше ли посмотреть пристально на каждый из этих «осколков» отдельно и попытаться определить его место в том летописном своде, в котором он сохранился, обстоятельства и время его включения туда, наконец, то, насколько случаен каждый раз состав известий, составляющих такой «осколок». А затем следует постараться выяснить источник этих известий — всякий раз отдельно для каждого памятника. Иначе говоря, нужно попытаться проследить судьбу каждой группы сообщений о ранней истории Новгорода и в итоге выяснить, когда, в какой форме и в составе какого памятника они впервые могли появиться.

Все ли сообщения действительно восходят к новгородскому летописанию XI в. или какие-то из них могли возникнуть позже? Или, может быть, в XI в., но за пределами Новгорода, например, в Киеве? Как могли выглядеть те тексты, которые все же были созданы в Новгороде в XI в.?

³¹ См. подробнее ниже, в разделе об Н1мл.

³² Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. С. 22–28.

В исследовании будут рассмотрены следующие источники: 1) ПВЛ; 2) новгородские перечни; 3) Син.; 4) Н1мл.; 5) НСГ. Остальные источники (такие, например, как Тверской сборник [Тв.] и другие поздние летописи и хронографы) пока останутся за рамками моего рассмотрения, хотя привлечение их к исследованию на следующих этапах, конечно, необходимо. Что касается так называемой Иоакимовской летописи — несохранившегося источника В.Н. Татищева, содержащего уникальные сведения о ранней истории Новгорода, — то ее подлинность в высшей мере сомнительна³³, и потому она в настоящей работе рассматриваться не будет.

Применительно к перечням и Син. я постараюсь провести комплексный анализ всего их текста за XI — начало XII в. и максимально полно определить их источники и этапы сложения. Объем статьи и сложность материала не позволяют сделать то же применительно к другим источникам — Н1мл. и НСГ. Поэтому, говоря о них, я ограничусь анализом лишь их уникальных (точнее, отсутствующих в более ранних сводах) известий за XI — начало XII в. Вопросов соотношения этих текстов друг с другом я буду касаться лишь пунктирно, не претендуя на то, чтобы здесь их разрешить.

Речь в этой статье пойдет в основном о летописных статьях 1017–1114 гг., хотя иногда придется затрагивать и текст за более ранний или более поздний период. На данном этапе исследования я абстрагируюсь от сложных вопросов, связанных с изучением летописных рассказов о борьбе Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным и гибели Бориса и Глеба (в ПВЛ это статьи 1014–1019 гг.; в Н1–1015–1016 гг.)³⁴. Это ограничение вынужденное, однако, как кажется, оно хорошо тем, что позволяет работать с более простым для анализа материалом (а в дальнейшем выводы могут быть сопоставлены с тем, что дает анализ статей за 1010-е гг.). В приложении к статье, уже после подведения основных итогов, я коснусь вопроса о «правде и уставе» Ярослава и о времени включения в летопись Русской Правды.

³³См.: Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. Москва; Киев, 2005. С. 196–245; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 76–93.

³⁴Этим статьям, наверное, посвящена более обширная литература, нежели всему остальному тексту летописей за XI в., включая даже две монографии: Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957; Михеев С.М. «Святополкъ съдѣ в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.

2. НОВГОРОДСКИЕ ИЗВЕСТИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Новгородским известиям ПВЛ³⁵ посвящен целый раздел в моей статье в следующем томе ежегодника³⁶, поэтому здесь позволю себе повторить лишь самое основное.

Как уже было сказано, А.А. Шахматов полагал, что новгородский летописный свод середины XI в. был использован создателем киевского Начального свода 1095 г., и этому использованию мы обязаны большим числом рассказов о Новгороде в ПВЛ. Согласно Шахматову, цепь этих сообщений заканчивается известием 1066 г. о нападении Всеслава на Новгород; последующие упоминания ПВЛ о Новгороде имеют, по Шахматову, уже южнорусское происхождение³⁷.

Обоснованные сомнения на этот счет высказали В.М. Истрин и Д.С. Лихачёв. Оба ученых подчеркивали, что все или почти все сообщения о Новгороде, читающиеся в ПВЛ, могли быть записаны и в Киеве, иногда — со слов новгородцев или людей как-то связанных с Новгородом³⁸. Лихачёв, кроме того, обращал внимание на связь некоторых новгородских сюжетов ПВЛ с устной исторической традицией и высказал гипотезу о том, что информантом летописца был Вышата, сын новгородского посадника Остромира, бежавший в 1064 г. в Тмутаракань, где находился в это время летописец (по гипотезе Шахматова) Никон³⁹. Против вывода Лихачёва и в защиту гипотезы о новгородском своде XI в. выступил Б.А. Рыбаков⁴⁰, однако его аргументация не представляется убедительной⁴¹.

На мой взгляд, В.М. Истрин и Д.С. Лихачёв совершенно правы: текст ПВЛ не дает оснований для гипотезы о новгородском своде XI в. Большинство сообщений ПВЛ о Новгороде тесно связаны с основной сюжетной линией ПВЛ — рассказом о судьбах киевского княжения, династической историей Киевской Руси. В ряде случаев логично предположить, что информация о Новгороде была получена киевским

³⁵Здесь и далее имеется в виду «классическая» ПВЛ, т. е. общий текст пяти списков: Лаврентьевского (Лавр.), Радзивилловского (Радз.), Московско-Академического (М.-А.), Ипатьевского (Ипат.) и Хлебниковского (Хлебн.).

³⁶*Гимон Т.В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // ДГ. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2012 (в печати).

³⁷*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 128–136.

³⁸*Истрин В.М.* Замечания. Т. 27. С. 54–61; *Лихачёв Д.С.* «Устные летописи». С. 201–213.

³⁹Там же. С. 208–212, 224.

⁴⁰*Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. С. 195–196.

⁴¹См.: *Гимон Т.В.* Янь Вышатич.

летописцем от информанта-новгородца или человека, знакомого с новгородской устной традицией (под 970, 980, 1014–1018, 1063 гг.; под 947 г. — может быть, от псковича), однако ниоткуда не следует, что она была *записана* в Новгороде⁴².

В то же время гипотеза Д.С. Лихачёва о Вышате как об информанте летописца Никона не представляется мне убедительной. Думаю, что таким информантом, скорее, был сын Вышаты Янь, о котором в ПВЛ под 1106 г. прямо сказано: «...от негоже и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь». Янь Вышатич, вероятнее всего, консультировал создателя киевского Начального свода 1090-х гг. Если Янь действительно был внуком новгородского посадника Остромира⁴³, к его рассказам может восходить часть известий ПВЛ о Новгороде. Впрочем, я бы не стал настаивать на том, что все (или хотя бы большинство) сообщений ПВЛ об этом городе как-то связаны с Янем⁴⁴.

Как бы то ни было, текст ПВЛ, на мой взгляд, не дает оснований для реконструкции ни новгородского свода XI в., ни каких-либо еще новгородских записей.

3. НОВГОРОДСКИЕ ПЕРЕЧНИ

Своеобразным источником по ранней истории Руси являются новгородские перечни светских и церковных иерархов. Разные редакции этих перечней читаются в составе коллекций в рукописях XV в.: в статье 989 г. Н1мл. (по Комиссионному и Академическому спискам середины XV в. — далее: Ком., Акад.), перед летописным текстом в Ком., в статье 887 г. НСГ и в ряде других рукописей (чаще всего — в летописях или в виде приложения к ним). В дошедшем до нас виде коллекции перечней сформировались уже в XV в. (и большинство перечней доведено до этого времени), однако некоторые из них имели, по-видимому, существенно более древние протографы⁴⁵.

Ниже речь пойдет о перечнях киевских и новгородских князей, новгородских епископов и новгородских посадников. Возможно, очень ранний протограф (конца XI или начала XII в.) был также у

⁴² Там же.

⁴³ Ряд исследователей выступают против отождествления Вышаты, отца Яня, и Вышаты, сына Остромира, однако мне кажется тождество этих двух Вышат все же вероятным (см.: Там же).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См. обзор перечней и ссылки на основную литературу: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 285–291.

перечня «Кто колико княжил»⁴⁶, а протографы XII в — у списков русских епископий и митрополитов⁴⁷, однако, поскольку эти перечни не содержат уникальной информации о событиях XI — начала XII в., в данной статье я их касаться не буду.

Мои соображения о ранних протографах перечней князей и епископов были опубликованы недавно в виде отдельной статьи⁴⁸. Однако, в отличие от предыдущего раздела, здесь возник ряд новых соображений, появилась новая (или не учтенная мною в статье 2011 г.) литература, и потому мне придется почти полностью повторить свои рассуждения, внося в них необходимые поправки и дополнения.

Перечни киевских и новгородских князей читаются подряд, один за другим, в следующих рукописях: в статье 989 г. Ком. и Акад.⁴⁹, в составе коллекции перечней перед летописным текстом в Ком.⁵⁰, Летописи Авраамки (ЛА)⁵¹ и Тв.⁵² Перечень киевских князей доведен только до XII в., а список новгородских князей заканчивается или Василием Дмитриевичем (как в статьях, предшествующих Ком. и ЛА), или Василием Темным (как в статье 989 г. Ком. и Акад.). В.Л. Янин датирует составление перечня новгородских князей (и в целом коллекции перечней, скопированной перед летописным текстом Ком.) 1423 г.⁵³

Поскольку дальше придется очень детально говорить об этих перечнях, приведу их текст (список киевских князей — полностью, список новгородских князей — в части за XI–XII вв.)⁵⁴. Сразу обозначу в текстах границы участков по С.М. Михееву (знаком *///*) и на мой взгляд (знаком *|||*) — ниже все это будет прокомментировано:

⁴⁶См.: *Щавелев А.С.* К датировке протографа перечня князей «Кто колико княжил» // ВЕДС. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 332–337.

⁴⁷*Щапов Я.Н.* Восточнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1. С. 51; *Зимин А.А.* Правда Русская. С. 45.

⁴⁸*Гимон Т.В.* Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // Новгородика-2010: Вечевой Новгород: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 20–22 сентября 2010 г. В. Новгород, 2011. Ч. 2. С. 65–77.

⁴⁹ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 160–163.

⁵⁰Там же. С. 469–471.

⁵¹Там же. М., 2000. Т. 16. Стб. 312–315.

⁵²Там же. М., 2000. Т. 15, 1. Стб. 15–16 (здесь читается перечень киевских князей и только начальная часть перечня новгородских князей).

⁵³*Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ. 1980. М., 1981. С. 158–160.

⁵⁴Цит. по статье 989 г. Ком. (сверено по рукописи: СПБИБИ РАН, Ф. 11. № 240. Л. 68 об.–70 об.; воспроизвожу публикацию: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 595–597).

А се по святомъ крещении, о княжении киевстѣмъ. По крещении паки пръвѣи князь крестияныи Володимиръ; по смерти же его Святополкъ оканныи; по изгонении его Ярославъ, брат Борисовъ и Глѣбовъ, сынъ Володимиръ. И преставися Ярославъ, и ошаста 3 сынове его: вятшии Изяславъ, а среднии Святославъ, меншии Всеволод. И раздѣлиша землю, и взя болшии Изяславъ Кыевъ и Новѣгород и иньи города многы киевскыя во предѣлах; а Святославъ Черниговъ и всю страну восточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволожье. И убиша Изяслава на рати; и сѣде брат его в Кыевѣ. /// По преставлении же Всеволожи Святополкъ сѣде на столѣ, братанъ его, сынъ Изяславль; /// по преставлении же Святополци Володимиръ Великыи, сынъ Всеволожъ; /// и по немъ сынъ его Мъстиславъ; а по смерти Мъстиславль брат его Ярополкъ; и по смерти Ярополци Всеволод, сынъ Олговъ; и потомъ Вячеславъ съ Изяславомъ; по смерти же Изяславль Юрги Володимиричъ; и потомъ Изяславъ Давыдовицъ, и прогнаша и, и сѣде Ростиславъ Мъстиславич.

А се в Новѣгородѣ: пръвѣи князь по крещении Вышеславъ, сынъ Володимиръ; и по немъ брат его Ярославъ, и володѣше землею; и идя къ Кыеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сеи грамотѣ ходите». И по преставлении Володимировѣ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мъстислава; и побѣдиша на Черехи; бѣжа къ Кыеву, и по взятѣи города преста рать. И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша Чюдь; /// а Святополкъ сѣде на столѣ, сынъ Изяславль, иде Кыеву. И присла Всеволод внука своего Мъстислава, сына Володимира; и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову, а Давыдъ прииде к Новугороду княжить; /// и по двою лѣту выгнаша и. И прииде Мъстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣтъ; иде Кыеву къ отцю, и сѣдѣ на столе отнѣ; а в Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода. /// И сѣдивъ Всеволод 20 лѣтъ, и выгнаша и, и введоша Святослава, сына Олгова. И тѣ сѣдѣ два лѣта, и выгнаша и, и введоша Ростислава Юрьевича, внука Володимира. И тѣ сѣдѣ лѣто и 4 мѣсяци, и бѣжа из города; и введоша Святослава, сына Олгова, опять. И тѣ сѣдивъ год и бѣжа из города; и введоша Ростислава опять, сына Юрьева. И по малѣ временѣ прииде Святополкъ, и показаша путь Ростиславу; а Святополкъ сѣде на столѣ. И сѣдѣ лѣто, и абие позва его брат Изяславъ в Русь, а сына своего присла Ярослава. И тѣ сѣдивъ лѣто, и выгнаша его новгородци, и введоша Ростислава Мъстиславлича, и сѣдивши лѣто одно, иде в Русь, оставивъ Давыда, сына своего, и тому показаша путь по немъ, и введоша Мъстислава Юрьевича. И сѣдѣ 2 лѣта и мѣсяць, и выгнаша и, и введоша Ростислава опять и—Смоленска. И посади сына своего Святослава, и самъ иде Кыеву на столѣ; и выгнаша Святослава, и введоша Мъстислава, Юрьевъ внукъ, Ростиславича. И тѣ сѣдивъ год, и выведе его строи волею, и введоша и опять Ростиславича Святослава; /// и бѣжа из города; и введоша Романа Мъстиславица, Изяславль внукъ; /// и потомъ сѣде Рюрикъ Ростиславицъ; и потомъ сѣде Юрги Андрѣевич; а по Юрьи Святославъ Мъстиславич, Юрьевъ внукъ; а потомъ отецъ его Мъстиславъ Безокуи; а потомъ красныи Ярославъ, внукъ Юрьевъ; а потомъ опять Безокуи, и тѣ преставися; и введоша с Торжъку брата его Ярополка, и по семь Бориса Романовича;

и по Борисѣ вьиде отець его Романъ Ростиславич, потомъ брат его Мьстиславъ Храбрыи Ростиславлич, и по Мьстиславѣ Володимирь Святославиць, и потомъ отець Святославъ, Олговъ внукъ; по Святославѣ Ярославъ Володимирич, своякъ Всеволожь; по семь Мьстиславъ Давыдовиць; по семь опять Ярославъ; и по семь введоша Ярополка Ярославича, Олговъ внукъ; по сем введоша опять с Нового торгу Ярослава Володимирица, своякъ Всеволожь; по семь введоша Святослава, сынъ Великого Всеволода, внукъ Юрьевъ...

А.А. Шахматов обратил внимание, что перечень киевских князей доведен до Ростислава Мстиславича (1159–1167), а в списке новгородских князей на сообщения о событиях 1160-х гг. приходится заметная стилистическая граница. Согласно ученому, первоначальный перечень новгородских князей заканчивался словами «и введоша и опять Ростиславича Святослава» (знак ||| в тексте выше); до этого список почти всегда указывает продолжительность княжений, после этого — почти никогда (два исключения — уже в послемогольской части перечня). На том основании, что в статье 1049 г. Н1мл. сказано: «...идеже нынѣ поставиль Сотьке церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ» (а это произошло в 1167 г.), Шахматов сделал вывод, что около 1167 г. в Новгороде был составлен летописный свод, создателю которого и принадлежит авторство перечней⁵⁵.

А.А. Гиппиус, согласившийся с этими соображениями, расширил датировку свода до 1167–1170 гг. — опять же исходя из наблюдений над формуляром перечня князей⁵⁶. По мнению Гиппиуса, граница в перечне новгородских князей проходит чуть позже, чем полагал Шахматов, — после слов «и бѣжа из города; и введоша Романа Мьстиславица, Изяславъ внукъ» (знак /// в тексте выше). Гиппиус полагает, что после этих слов «список приобретает характер простого перечисления имен», тогда как до этого говорится об остоятельствах смен князей, — и датирует перечень временем «не позднее лета 1170 г.»⁵⁷.

Мне представляется, что Шахматов точнее определил границу в перечне новгородских князей: указания на срок правления действительно надолго исчезают после сообщения о вокняжении Святослава; напротив, обстоятельства смен князей после 1160-х гг. пусть изредка, но указываются. Особенно красноречиво то обстоятельство, что не указан срок княжения самого Святослава — а он правил в Новгороде целых шесть лет. Мне кажется поэтому наиболее вероятным, что перечень был составлен в княжение Святослава, т. е. между 1161 и 1167 гг.

⁵⁵ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 144, 179.

⁵⁶ Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. С. 46–48.

⁵⁷ Там же. С. 47.

Последнее, как и писал Шахматов, хорошо согласуется с тем, что перечень киевских князей доведен до Ростислава Мстиславича (ум. 14 марта 1167) — кстати, отца Святослава⁵⁸.

Против идеи о раннем протографе княжеских перечней выступили Т.Л. Вилкул и А.П. Толочко, полагающие, что оба перечня были целиком составлены в XV в.

Начну с аргументов Т.Л. Вилкул⁵⁹. Ее возражение (1) состоит в том, что в перечне новгородских князей не упоминается новгородское княжение Изяслава Ярославича, которого нет и в летописях, но о котором мы узнаем из приписки Остромирова евангелия 1056–1057 гг. Но, по-моему, тот факт, что создатель перечня не вспомнил о княжении этого князя в 1050-х гг., никак не может противоречить датировке перечня 1160-ми гг. (и даже 1090-ми гг., о которых пойдет речь ниже). Наоборот, важнее то, что значительная часть сведений перечня за XI в. вообще не находит себе параллелей ни в каких летописях, о чем пойдет речь ниже. С возражениями (2) и (3) (показывающими зависимость перечня новгородских князей от Н1 в известиях за конец XI и середину XII в.) я согласен, однако они никак не противоречат датировке перечня 1160-ми гг.: книжник этого времени вполне мог использовать летопись (тем более, что он, по Шахматову и Гиппиусу, как раз и был летописцем). Возражение (4) апеллирует к сложному соотношению известия перечня новгородских князей о Ярославовой грамоте и схожих сообщений Н1мл. под 1016 г. и НСГ под 1036 г. На мой взгляд, «Ярославли грамоты» составляли столь важную часть новгородской устной традиции, а соотношение между их упоминаниями в разных источниках столь неоднозначно, что строить на этом выводы о дате создания перечня было бы неправильно⁶⁰. Кроме того, Т.Л. Вилкул объясняет приходящийся на 1160-е гг. стилистический рубеж в перечне новгородских князей «усталостью компилятора» и не склонна придавать ему решающего значения. Однако *совпадение* этой границы по времени с окончанием перечня киевских князей и строи-

⁵⁸Новгородский свод 1160-х гг. был, вероятно, составлен (или завершен) чуть позднее, поскольку церковь Бориса и Глеба была только *заложена* весной 1167 г., а в статье 1049 г. говорится «идеже нынѣ поставиль». Как справедливо пишет А.А. Гиппиус, перечни могли быть составлены в ходе подготовки материалов для нового свода (Там же. С. 46). Даже если они уже в это время находились в составе статьи 989 г. (как в Н1мл.), ясно, что эта статья должна была редактироваться раньше, чем статья 1049 г., где упоминается Борисоглебская церковь.

⁵⁹Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. Р. 34, примеч. 128. Возражение (5) касается перечня архиепископов, о котором пойдет ниже.

⁶⁰Наоборот, выводы о «Ярославлих грамотах» должны основываться на текстологических изысканиях — ср. в приложении к этой статье.

тельством церкви Бориса и Глеба, о которой в Н1мл. сказано «идеже нынѣ поставиль», заставляет все же соглашаться с гипотезой Шахматова о создании обеих перечней в 1160-е гг.

А.П. Толочко выдвинул следующие аргументы в пользу создания всех перечней в XV в.⁶¹

1) Перечень киевских князей доведен до 1160-х гг. не потому, что он составлялся в это время, а в силу калейдоскопичности перемен на самом киевском великокняжеском столе после 1160-х гг. Составитель перечня «мог просто бросить это занятие, сообразив, какие его ожидают трудности впереди». Или же, если этот составитель основывался только на новгородской летописи, он просто не смог продолжить перечень дальше из-за «исключительной фрагментарности» известий Н1 о Киеве.

Соглашусь с тем, что в последней трети XII в. фиксация смен киевских князей в Н1 перестает быть систематической. Однако последним известием о смене киевских князей перед большим перерывом является запись под 1174 г. о вокняжении в Киеве Романа Ростиславича, тогда как перечень обрывается раньше и доведен, как уже говорилось, до Ростислава Мстиславича (1159–1167). Более того, сравнение перечня с текстом Н1 за XII в. показывает, что перечень вообще не был основан на новгородской летописи. Период 1132–1167 гг. освещен в перечне так: «...а по смерти Мъстиславѣ брат его Ярополкъ; и по смерти Ярополци Всеволод, сынъ Олговъ; и потомъ Вячеславъ съ Изяславомъ; по смерти же Изяславѣ Юрги Володимиричъ; и потомъ Изяславъ Давыдовиць, и прогнаша и, и сѣде Ростиславъ Мъстиславич». В сообщениях Н1 за те же годы — намного больше сообщений о сменах киевских князей. В Н1 упоминаются два киевских князя, которых в перечне нет (Игорь Ольгович, Мстислав Изяславич), говорится о повторных княжениях тех, кто в перечне упомянут лишь однажды. Более того, сам порядок перечисления князей в перечне никак не выводится из летописного текста. Например, из Н1 следует, что после смерти Ярополка в 1138 г. киевским князем стал Вячеслав, тогда как в перечне преемником Ярополка назван Всеволод Ольгович; такие примеры можно продолжать. Сведения Н1 об истории киевского княжения XII в. тоже неполны, но все же они более полны и точны, нежели сведения перечня. Перечень, таким образом, никак не выводим из текста Н1. Вряд ли он мог быть составлен и в XV в.: в таком случае книжник основывался бы или на тексте Н1, или

⁶¹ Толочко А.П. Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009. С. 69–70, примеч. 150.

на какой-то из летописей НСГ, где история киевского княжения излагалась полнее.

Отсюда, на мой взгляд, следует вполне определенный вывод: перечень киевских князей составлен не в XV, а в XII в., без опоры на какой-либо летописный текст, по припоминаниям его составителя. По крайней мере, это относится к заключительной части перечня — сообщениям за XII в. Почему составитель перечня в 1160-х гг. «припомнил» именно этих киевских князей и именно в такой последовательности, — вопрос интересный, однако его рассмотрение находится уже за рамками задач этой статьи, посвященной летописным известиям за XI — начало XII в.

2) Наблюдение Шахаматова о том, что в списке новгородских князей на 1160-е гг. приходится стилистический шов, А.П. Толочко считает находящимся «за пределами возможностей нормальной текстуальной критики». Это вопрос уже теоретический: можно ли делать выводы об истории текста источника на основе стилистических границ внутри него? Я полагаю, что можно, но лучше, если этот вывод подтверждается какими-то еще независимыми данными. В нашем случае такие данные имеются, и они упоминались выше: окончание 1160-ми гг. перечня киевских князей и известие о Борисоглебской церкви. Да и сам стилистический шов, по-моему, достаточно очевиден.

3) А.П. Толочко считает, что в начальной части перечня новгородских князей содержится «юридическая формула XV в. „по сей грамоте ходите“». Исследователь приводит ряд примеров использования выражения «Ходити по грамоте» в актах конца XIV — XV вв.^{61a} На мой взгляд, это самый сильный из аргументов Толочко, однако важно, что он сам приводит схожие выражения из более ранних документов^{61b}.

4) По словам А.П. Толочко, если считать перечни произведением XII в., трудно «объяснить, каким образом они могли бы пополняться в продолжение последующих трех веков. Практически, дописывать имя нового князя или митрополита можно было бы при изготовлении новой копии летописи. Учитывая, что после 1168 г. в каталоге указано 38 новгородских князей (и некоторые по несколько раз), необходимо предположить такое же количество актов переписывания летописи. Реалистично ли это?»⁶². Конечно, нет. Но для того, чтобы пополнить список князей новыми именами совершенно не обязательно было переписыв-

^{61a} Там же. С. 54–56, 70, примеч. 150.

^{61b} Там же. С. 55, примеч. 103. О «Ярославих грамотах» см. также в приложении к этой статье.

⁶² Там же. С. 70, примеч. 150.

вать всю летопись. Имена могли быть приписаны к перечню в той же рукописи. Так, в Акад., в статье 989 г., другим почерком было добавлено 39 имен посадников XV в.⁶³ Список был продолжен на оставленном специально пустом пространстве, а когда оно закончилось — на правом поле листа. Схожим образом, в Ком. (в статьях, предшествующих летописному тексту) в XVI в. был продолжен перечень «Сице родословятся велицѣи князи русьстии»⁶⁴. В рукописях XV в. после перечней специально оставлялось пустое место — очевидно, для пополнения новыми именами⁶⁵. Если перечни как жанр возникли ранее XV в., то ничто не мешает предположить, что они так же пополнялись новыми именами в той же рукописи, для чего точно так же могло оставаться свободное место. Более того, дополнения и исправления, делавшиеся в той же рукописи, без переписки всего текста, — это вообще характерная черта средневековой книжности и летописания в частности⁶⁶. Разумеется, вряд ли в XII–XV вв. новые имена добавлялись к перечням «по одному» — это вполне могло делаться и изредка, «блоками» (как в Акад.) — на основе летописи или же по припоминанию⁶⁷.

5) А.П. Толочко полагает, что перечни «существовали первоначально вне летописи», т. к. в Ком. они оказались не только в статье 989 г., но и «были ошибочно вставлены еще раз перед летописным текстом», причем уже после того, как вся летопись была переписана⁶⁸. Я думаю, что слово «ошибочно» здесь вряд ли применимо: перед летописным текстом и в статье 989 г. Ком. читается разный набор перечней, а некоторые из тех, что совпадают, — даны в разных редакциях (списки архиепископов и посадников). Таким образом, речь идет о двух *разных* коллекциях перечней, вероятно, разными путями попавших в одну и ту же рукопись. Вопреки А.П. Толочко (и М.Б. Свердлову, на которого он ссылается), не вижу оснований считать коллекцию перечней из статьи 989 г. вторичной по отношению к статьям, предшествующим Ком.; соотношение между ними — более сложное⁶⁹.

⁶³ БАН. 17.8.36. Л. 38. См. также: ПСРЛ. Т. 3. С. 164–165, примеч. 48; Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 29–32.

⁶⁴ СПбИИ РАН. Ф. 11. № 240. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 7–24 об., 71–71 об.; БАН. 17.8.36. Л. 36 об.–38.

⁶⁶ См., например: Гимон Т.В. Историописание. С. 289–290, 524–532.

⁶⁷ Так, В.Л. Янин обнаружил, что в перечне новгородских князей имеется большая лакуна (не освещены княжения последней четверти XIII в.). Следовательно, перечень в этот период не пополнялся. По гипотезе Янина, источником перечня в этой части был Син., в котором утрачена тетрадь как раз за этот период (Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка. С. 160–161).

⁶⁸ Толочко А.П. Краткая редакция. С. 70, примеч. 150.

⁶⁹ Перечень архиепископов в статье 989 г., действительно, представлен во вторичной ре-

6) А.П. Толочко пишет о том, что коллекция перечней в статье 989 г. Н1мл. — вставка, сделанная уже в XV в., о чем свидетельствует помета «зри» на л. 36 об. Акад.⁷⁰ Чтобы не отвлекаться слишком сильно от сюжета настоящей работы, сошлюсь на другую статью, где я писал об этих пометах. На мой взгляд, однозначно определить смысл помет «зри» в Акад. вряд ли возможно, однако оснований для вывода о вставном происхождении коллекции перечней они не дают⁷¹.

Таким образом, мне представляется, что А.А. Шахматов и А.А. Гиппиус все-таки правы: у перечней новгородских и киевских князей был протограф 60-х гг. XII в. Однако велика вероятность того, что и в это время перечни были составлены не впервые, но на основе еще более ранних списков. На мой взгляд, два соображения могут подвести к мысли о том, что временем составления первоначальных перечней был 1095 г.

1) В тексте перечней до 1090-х гг. нет устоявшегося формуляра: перед нами как бы краткий рассказ о судьбах киевского и новгородского княжений в XI в. Начиная с упоминания Давыда Святославича (княжил в Новгороде в 1095 г.) список новгородских князей приобретает достаточно однообразный характер, каковой и сохраняет вплоть до 1160-х гг.: говорится о приходе в Новгород нового князя, называются имя, отчество (иногда также имя деда), продолжительность княжения в Новгороде и, наконец, обстоятельства ухода князя из города («выгнаша», «бѣжа», «показаша путь» и т. п.). То же можно сказать и о списке киевских князей: будучи свободным «обзором» в части за XI в., перечень приобретает большее единообразие с рубежа XI–XII вв.

В 2011 г. вышла книга С.М. Михеева, в которой исследователь предложил свое членение перечня новгородских князей на участки, созданные в разное время (в тексте перечня, приведенном выше, границы этих участков отмечены знаком ///):

А. До слов «И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша Чюдь» (т. е. до 1078 или 1079 г.);

дакции (*Хорошев А.С.* Летописные списки новгородских владык // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 130–132). Но при этом перечень посадников в начальной части Ком. представляет собой явно более позднюю редакцию, нежели соответствующий список в статье 989 г. (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 23–63). В.Л. Янин так характеризует соотношение двух коллекций: коллекция из статьи 989 г. «в целом... демонстрирует более поздний этап редактирования, хотя включенный в него посадничий список принадлежит к более раннему виду...» (*Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка. С. 159).

⁷⁰ *Толочко А.П.* Краткая редакция. С. 70, примеч. 150.

⁷¹ *Гимон Т.В.* Пометы в рукописях Новгородской I летописи // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М., 2011. С. 195–201.

- В. Со слов «а Святополкъ съде на столѣ» до слов «а в Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода» (т. е. до 1117 г.);
- С. Со слов «И съдивъ Всеволод 20 лѣтъ» до слов «и бѣжа из города; и введоша Романа Мьстиславица, Изяславль внукуъ» (т. е. до 1168 г.);
- Д. Оставшаяся часть перечня.

Таким образом, С.М. Михеев соглашается с А.А. Гиппиусом (а не с А.А. Шахматовым) в локализации границы 1160-х гг., однако предлагает отличное от моего членение более ранней части перечня. Участок А Михеев выделяет по признаку наличия упоминаний о битвах, участок В — потому, что ему свойственны формулы «иде Киеву/Ростову» и т. п., а также часто используется союз «а». Также на участке В, как и на участке С, но в отличие от участка А, регулярно говорится о продолжительности княжения. Наконец, участок С выделяется использованием формулы «и выгнаша и, и введоша такого-то» и выражения «тъ сѣдѣ(въ)».

В перечне киевских князей, по мнению С.М. Михеева, эти участки тоже прослеживаются, но «намного слабее» (исследователь обращает внимание на сообщение о гибели Изяслава в 1078 г. «на рати»; на выражение «по преставлении же», вводящее оба известия участка В; на то, что известия на участке С становятся короче и используют формулы «по смерти» и «и по томъ») ⁷².

Полагаю, что упоминания о битвах, которых на участке А перечня новгородских князей всего два, вряд ли могут быть весомым аргументом. Действительно, участки В и С противостоят друг другу по употреблению выражений «иде/приде» (В) или «введоша» (С), однако это, вполне возможно, отражение не истории текста перечня, а самой истории новгородского княжения: ведь именно с 1136 г., с изгнания Всеволода Мстиславича из Новгорода, начинается период частых смен князей, которых отныне постоянно «выгоняли», «вводя» следующих. При этом, кстати, слово «выгнаша» употреблено один раз и на участке В. Таким образом, основания для разделения участков В и С в перечне новгородских князей довольно шатки. Впрочем, я бы согласился с наблюдениями Михеева над киевским перечнем. Кроме того, мы знаем, что на 1110-е гг. пришелся важный момент в истории новгородской летописи, а значит — не исключено, что в это время были пополнены и перечни ⁷³.

Однако где проходит более ранняя граница в обоих перечнях? Самый существенный признак, на мой взгляд, — указания на продолжи-

⁷² Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 131–133.

⁷³ Ср.: Там же. С. 133.

тельность княжений. Они действительно имеются на участках В и С, но отсутствуют на участке А. Впрочем, для новгородского княжения Святополка Изяславича, с которого, по Михееву, начинается участок В, срок тоже не указан. Поэтому, если ориентироваться на хронологические указания перечня как на главный признак, рубеж следует проводить после слов «И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимира» и датировать составление списка первым княжением Мстислава в Новгороде (именно в этом месте и именно на этом основании границу в перечне усматривают А.А. Шахматов и Н.И. Милютенко)⁷⁴. Время начала первого княжения Мстислава точно не известно⁷⁵, однако, если указание на пятилетний срок его княжения достоверно, а Давыд стал новгородским князем в 1095 г.⁷⁶, то составление перечня следует датировать первой половиной 1090-х гг.

По-моему, однако, можно представить себе дело и по-другому: первоначальный перечень *заканчивался* указанием на пятилетнее княжение Мстислава и приглашение Давыда. В 1160-х (или 1110-х?) гг., когда перечень был продолжен, за образец была взята последняя фраза первоначального перечня, и отсюда — постоянные указания на срок правления в последующей его части. Ровно то же самое можно сказать про перечень киевских князей: сообщение о начале правления Святополка Изяславича («По преставлении же Всеволожи Святополкъ съде на столѣ, братанъ его, сынъ Изяславль») могло послужить образцом для дальнейшего перечисления киевских князей.

Иными словами, правдоподобным предположением будет следующее: оба перечня в части до 1090-х гг. представляли собой довольно свободное, лишенное единого формуляра повествование о судьбах южного и северного княжений. Последние же фразы каждого из этих первоначальных перечней (разумеется, указывавшие на начало правления того князя, при котором составлялись списки, — Святополка в Киеве и Давыда в Новгороде) позднее послужили образцами для уже более однообразного перечисления последующих княжений.

Высказанное предположение кажется лишь одним из нескольких

⁷⁴ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 181; Милютенко Н.И. Новгородский свод. С. 598 (оба они, однако, полагают, что эта граница отражает не историю самого перечня, а новый этап в новгородском летописании).

⁷⁵ См. об этой проблеме: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 548–551; Круглова Т.В. О сроках новгородского княжения Мстислава Великого // ДР. 2007. № 1 (27). С. 15–20.

⁷⁶ Эта дата, вероятно, достоверна (Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 550). В разделе 4 пойдет речь о том, что сообщение Син. о вокняжении Давыда — скорее всего, запись современника.

возможных (а поиски границ внутри перечней — вообще, довольно субъективным занятием). Однако именно последний вариант находит подтверждение во втором аргументе, выдвинутом мною в статье 2011 г.

2) До сообщения о приходе в Новгород Давыда сведения перечня новгородских князей независимы от дошедших до нас летописей (они лишь отчасти дублируются сообщениями Н1 и НСГ)⁷⁷; последующая же информация всегда находит себе параллель в Н1⁷⁸. Особенно наглядно этот рубеж виден из того, что в перечне указывается продолжительность княжения Давыда: «и по двою лѣту выгнаша и». Между тем, Давыд был изгнан из Новгорода, согласно ПВЛ, в конце того же 1095 г. («сего же лѣта исходяща»), т. е. никак не «по двою лѣту». Как справедливо пишет Т.Л. Вилкул, такое противоречие между данными ПВЛ и перечня объясняется тем, что сообщение перечня основано на новгородской летописи: под 1095 г. в Н1 сообщается о вокняжении Давыда, а *через два года*, под 1097 г., в качестве новгородского князя упомянут Мстислав⁷⁹. Точно так же продолжительность второго княжения Мстислава (20 лет) высчитана создателем перечня на основе новгородской летописи: от упоминания под 1097 г. до сообщения об уходе из Новгорода под 1117 г. (на самом деле, как мы уже знаем, Мстислав начал княжить в Новгороде двумя годами раньше, т. е. правил 22 года). Из этого можно сделать вывод, что первоначальный вариант перечня заканчивался упоминанием о вокняжении Давыда. Давыд княжил в Новгороде *только* в 1095 г., а значит — этим годом можно предположительно датировать наиболее ранний вариант перечня новгородских князей.

Правда, в статье 2011 г. я не учел важное наблюдение, сделанное Т.В. Кругловой. Исследовательница обратила внимание на то, что срок второго княжения Мстислава в Новгороде в статье 989 г. Акад. был переправлен: из 22 («кв») сделано 20⁸⁰. Если чтение «22» первоначальное, мое построение разрушается, ведь оно основано в первую очередь на том, что начиная с этого указания (20 лет) источником перечня была новгородская летопись.

⁷⁷ Два совпадения (почти буквальных) с НСГ («И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Косытина, и заточи и...»); «И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: „до сеи грамоте ходите“») скорее могут объясняться тем, что сводчик XV в. пользовался перечнем, — см. ниже, в разделе 6.

⁷⁸ Шахматов считал, что перечень находит себе параллель в Н1 только с 1117 г. (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С 179–180), но это, на мой взгляд, не совсем точно.

⁷⁹ Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. Р. 34, примеч. 128.

⁸⁰ Круглова Т.В. О сроках новгородского княжения. С. 19–20. В рукописи (БАН. 17. 8. 36. Л. 34 об.) после «к» (20) как будто остатки нижней части буквы «в» (2), а чуть ниже (но не выше!) — стертый верхний слой бумаги.

В свою защиту, однако, могу привести соображения текстологического свойства. Выскобленная буква «в» (2 после 20) есть только Акад. Ее нет ни в статье 989 г. Ком., ни в других известных мне списках перечня. Ком. и Акад. восходят к общему утраченному протографу (Н1мл.), в котором, конечно, перечни в статье 989 г. были. Вариант перечня, представленный вводными статьями Ком. (и ЛА), — более ранний, чем тот, что находится в статье 989 г., поскольку доведен только до Василия Дмитриевича⁸¹. Индивидуальное чтение Акад. может восходить к общему протографу Ком. и Акад., но если чтение Ком. совпадает с чтением всех прочих списков перечня, шансы, что вариант Акад. (и тем более вариант, который писец Акад. счел ошибочным и тут же заскобил) ничтожны. Скорее, перед нами описка создателя Акад., им же и исправленная.

Следовательно, мой второй аргумент остается в силе. Считаю поэтому, что, скорее всего, первоначальные перечни киевских и новгородских князей были составлены в 1095 г. и заканчивались сообщением о вокняжении Святополка в Киеве и Давыда в Новгороде. Как увидим ниже, это хорошо согласуется с уникальным положением в Син. известия о вокняжении в Новгороде Давыда в 1095 г.

Перечень (архи)епископов. Разные редакции перечня новгородских архиепископов дошли до нас в целом ряде рукописей. Их соотношение было подробно исследовано А.С. Хорошевым⁸², который пришел к выводу, что наиболее древней является пространный редакция⁸³. Согласно Хорошеву, древнейший известный нам вид этой редакции был составлен между 1325 и 1352 гг. и доведен до архиепископа Давыда, скончавшегося в 1325 г., но в нем еще не упоминались Василий и Моисей (умершие, соответственно, в 1352 и 1369 гг.)⁸⁴.

Существенно более древний протограф у перечня архиепископов предполагал М.Х. Алешковский. Ученый считал, что «„летопись владык“ без погодных статей, наподобие того списка новгородских владык, который сохранился в Новгородской Первой летописи», была составлена между 1095 г. (поскольку она заканчивалась, согласно ученому, записью о смерти Германа) и 1117 г. (поскольку в свод 1117 г.,

⁸¹ Янин В.Л. К вопросу о роли Синаодального списка. С. 158–159.

⁸² Хорошев А.С. Летописные списки. С. 127–142.

⁸³ Представлена в Новороссийском списке Н4, Уваровском списке Ермолинской летописи, а в дополненном виде («второй извод», доведен до XV в.) — в статьях, предшествующих Ком., и в ЛА (Там же. С. 127–128).

⁸⁴ Там же. С. 128, 130–132. В перечне указывались продолжительность правления и день смерти владык, поэтому еще здравствовавшие архиепископы попасть туда не могли.

по Алешковскому, уже попала запись за 1077 г. о смерти Феодора из «летописи владык»). Скорее всего, по мнению Алешковского, «летопись владык» была написана «в связи с составлением свода Мстислава», т. е. в 1117 г.⁸⁵ Вывод Алешковского представляется мне очень близким к истине, но об этом ниже. Схожей является точка зрения С.В. Бахрушина, полагавшего, что перечни князей и епископов могли вестись в Новгороде уже со времен Ярослава Мудрого⁸⁶.

Наконец, высказывался и скепсис относительно возможной древности перечня. По мнению А.П. Толочко, наименование первого новгородского епископа Иоакима «Корсунянином» (что видим в перечне) могло появиться не ранее второй половины XV в., т. к. только в это время родилась легенда о «корсунских святынях». Ученый ссылается здесь на А.В. Поппэ, который, однако, датирует перечень началом XV в. и предполагает, что упоминание в нем «Корсунянина» послужило одним из источников последующей традиции⁸⁷. Т.Л. Вилкул полагает, что сведения об архиепископах в начальной части пространной редакции перечня «напоминают хронографические анекдотические сюжеты, популярные именно в позднем летописании»⁸⁸. Оба эти соображения, на мой взгляд, не отменяют и не перевешивают аргументов в пользу древности пространной редакции перечня, о чем и пойдет речь ниже.

Приведу текст перечня за XII–XIII вв. (по Новороссийскому списку Н4, содержащему наиболее древнюю редакцию перечня)⁸⁹:

А се новгородскии епископи.

Акимъ Корсунянинъ бѣ въ епископи лѣтъ 42; и бѣ въ его мѣсто ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше. Лука Жидята бысть епископомъ лѣтъ 23; положень за святою Софиєю в Новѣградѣ, а преставися, ѣдя ис Киева, на Копыси, октября месяца 15. А Стефана в Киевѣ свои холопи удавиша; бы въ епископи 8 лѣтъ. А Федора свои песь уяде, и с того умре; бы въ епископии 9 лѣтъ. А Гмерманъ пьреставися в Киевѣ; бѣ епископъмъ 18 лѣтъ. А Никита преставися месяца генваря въ 30 и положень бысть в Новѣгородѣ во святой Софии, в предѣлѣ святыя праведнику Акима и Анны; бѣ епископомъ 13 лѣтъ. Иванъ Попьянъ, сѣдѣвъ 20 лѣтъ, отвержеся архиепископии; сего и не поминають. А Нифонтъ преставися в Печерьскомѣ монастырѣ априля 21; бѣ епископомъ 25 лѣтъ. Аркади

⁸⁵ Алешковский М.Х. К типологии. С. 158–159. То же см.: Алешковский М.Х. Повесть временных лет. С. 119–120.

⁸⁶ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 19–20.

⁸⁷ См.: Poppe A. On the So-Called Chersonian Antiquities // Poppe A. Christian Russia in the Making. Aldershot etc., 2007. P. 103–104; Толочко А.П. Краткая редакция. С. 70, примеч. 150.

⁸⁸ Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. P. 34, примеч. 128.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 625 (сверено по рукописи: БАН. Текущ. поступл. № 1107. Л. 3 об.–4; воспроизвожу публикацию: Гимон Т.В. Историописание. С. 598–599).

преставися септября въ 19, положень бысть в Новѣгородѣ, в притворѣ святыя Софыи; бѣ в епископи 8 лѣт.

А се архиепископи.

Илья преставися септября 7 и положень бысть въ притворѣ святыя Софыи; бѣ въ архиепискупи лѣт 21. А Гаврило, брат его, преставися мая в 24 и положень бысть ту же, подлѣ брата; бѣ въ святительствѣ 6 лѣт. Марѣтурии Рушанинѣ преставися на озерѣ Серегерѣ, ѣдя во Володимирь; и положень бысть у святѣи Софыи, в притворѣ стороннемъ; бѣ въ владыкахъ 6 лѣт...

Итак, согласно А.С. Хорошеву, перечень был доведен до Давыда (ум. 1325), но были ли у него более ранние источники? Хорошев считал таким источником синодик новгородского Софийского собора. Слова «иже ны учаше», сказанные в перечне о Ефреме, ученике Иоакима, согласно Хорошеву, объясняют «причины поминания нехиротонисанного Ефрема» и логично читались бы в таком синодике; наличие в перечне подробностей судьбы нехиротонисаного Арсения (начало XIII в.) имеет, по мнению Хорошева, такое же объяснение⁹⁰. Ученый полагал также, что наличие в перечне точных дат смерти владык хорошо объяснялось бы его восхождением к синодику: указание на день кончины при отсутствии указания на ее год уместно именно в поминальном тексте⁹¹. На мой взгляд, это означает не то, что источником перечня был синодик, но лишь то, что перечень *мог использоваться* в качестве такового.

Точные даты смерти владык появляются в перечне только в части за XII в. (начиная с Никиты, 1108 г.⁹²), причем все они есть и в Н1, т. е. вполне могли быть взяты составителем перечня из НВЛ. Характерно, что отсутствующая в Н1 точная дата смерти Спиридона (1249 г.) отсутствует и в перечне. Точно так же из НВЛ вполне могли быть взяты и почти все остальные сведения перечня за XII — начало XIV в.⁹³ Особенно характерно, что об Иоанне Попьяне в перечне сказано: «отвержеся архиепископья». Данное дословное совпадение с Н1 (статья 1130 г.) тем более интересно, что соответствующая часть перечня называется «А се новгородский епископы» и слово «архиепископ» в ней, в отличие от летописи, нигде более не употребляется. Составитель перечня

⁹⁰Хорошев А.С. Летописные списки. С. 133–134.

⁹¹Там же. С. 134.

⁹²Исключение составляет дата смерти Луки. Наоборот, даты смерти некоторых последующих владык в перечне отсутствуют, хотя есть в летописи. Вопреки мнению А.С. Хорошева (Там же. С. 134–135), на мой взгляд, это никак не доказывает внелетописного характера источника перечня.

⁹³Включая обширные дословные заимствования из летописи в части за начало XIII в. А.С. Хорошев считает, что здесь синодик был источником как перечня, так и летописи (Там же. С. 134), однако для такого утверждения требуются дополнительные текстологические аргументы. Тем более что в XIII в. НВЛ велась из года в год.

явно считал первым новгородским архиепископом Илью, но нечаянно скопировал из летописи этот титул применительно к Иоанну Попьяну.

Не находят себе параллели в летописи только указания на продолжительность правления владык (но ее можно было легко высчитать на основе летописных дат), подробности мест захоронения, а также слова «Попьян» и «сего и не поминають» (об Иоанне, 1110–1130). Предполагать для этих сведений особый письменный источник нет нужды. Тем более таковым вряд ли мог быть синодик, поскольку в нем не было смысла называть имя епископа, которого «не поминають». В древнейшем сохранившемся новгородском синодике (Лисицкого монастыря, XIV в.) Иоанн Попьян как раз не упомянут вовсе⁹⁴ — в отличие от рассматриваемого перечня. Скорее, в части за XII — начало XIV в. основным источником перечня была НВЛ. Однако каково происхождение его сведений за XI в.?

Наиболее распространено мнение о том, что перечень (архи)епископов в части за XI в. восходит к недошедшему до нас новгородскому своду XI в., к которому также восходит НСГ, и отсюда — наличие в перечне и этих летописях одного и того же набора сведений о епископах XI в.⁹⁵ Однако ниже (в разделе 6) будет показано, что сам дошедший до нас перечень уже в XV в. послужил источником для НСГ. Следовательно, искать ответ на вопрос о происхождении сведений перечня за XI в. следует только в самом его тексте, и более нигде.

На 1160-е гг. здесь тоже приходится граница — начало рубрики «А се архиепископи», однако эта граница, возможно, связана просто с тем, что книжник XIV в. считал первым новгородским архиепископом Илью (1165–1186)⁹⁶.

На мой взгляд, граница, как и в княжеских перечнях, приходится на рубеж XI–XII вв. Меняется сам характер сообщений перечня. О епископах XI в., как правило, сообщаются: 1) имя, 2) продолжительность правления, 3) обстоятельства смерти. После начала XII в. о кончинах епископов говорится уже по-другому: называется не причина смерти, но место захоронения (в XI в. оно указано только в отношении Луки)⁹⁷.

⁹⁴РГАДА. Ф. 381. № 141. Л. 3.

⁹⁵Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 179–182; Милютенко Н.И. Новгородский свод. С. 598–604; и др. (см. раздел 1 настоящей статьи).

⁹⁶В Н1 под 1165 г. сказано: «...ходи игумень Дионисии съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыць архиепископство митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 32). Вопрос о том, когда на самом деле новгородские епископы стали архиепископами, очень труден; архиепископский титул употребляется в источниках и в отношении владык более раннего времени (см.: Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 62–69).

⁹⁷Наоборот, в более поздний период сообщается место кончины, если это был не Новгород (в XII в. вне Новгорода умерли два архиепископа: Нифонт и Мартирий).

Таким образом, рубеж XI–XII вв. является границей сразу в двух отношениях: меняется характер сведений о епископах и одновременно перечень начинает опираться на новгородскую летопись. Ровно то же самое мы видели в перечне новгородских князей: после 1095 г. он приобретает более однообразный характер и начинает опираться на новгородскую летопись. Вероятно поэтому, что самый ранний перечень епископов, как и списки киевских и новгородских князей, был составлен в Новгороде в конце XI в. Этот перечень был, скорее всего, доведен до епископа Германа. О смерти Германа в НСГ сообщается как раз под 1095 г. И, хотя эта дата сама производна от интересующего нас перечня, она достаточно правдоподобна⁹⁸. Следовательно, первоначальный перечень епископов был составлен около 1095 г. (или, может быть, позже, но до 1106 г., до смерти следующего епископа Никиты).

Более раннюю дату составления перечня предложил в книге 2011 г. С.М. Михеев. По его мнению, «в очень специфическом ключе» и в косвенном падеже говорится в перечне о Стефане и Феодоре, а о Германе и Никите — «гораздо более нейтрально» и в именительном падеже. На этом основании Михеев относит сообщения о Германе и Никите не к первоначальному слою перечня (который датирует концом 1070-х гг., как и первоначальный слой княжеских списков), а к его первому дополнению⁹⁹. Однако предложенные мною чуть выше критерии разделения перечня на слои противопоставляют *все* его сообщения за XI в. *всем* сообщениям за более позднее время, тогда как Михеев обращает внимание лишь на специфичность сообщений о двух епископах, которая сама по себе ни о чем не говорит, кроме специфических обстоятельств их смерти.

В целом, в пользу древности начальной части перечня епископов говорит, если так можно выразиться, наивная архаичность его сообщений о смерти владык: «А Стефана в Киевѣ свои холопи удавиша... А Федора свои песь уяде, и с того умре». Как отмечает Е.А. Мельни-

⁹⁸В разделе 6 подробно пойдет речь о том, как сводчик НСГ высчитывал даты, связанные с епископами, на основе показаний перечня. В качестве отправной точки сводчиком XV в. была использована смерть Феодора, известие о которой под 1077 г. читается в Н1 и восходит к записи современника (см. раздел 4). Сводчик XV в. поместил известие о рукоположении Германа под следующим годом после смерти Феодора (т. е. под 1078 г.), а затем прибавил к этой дате 18 лет (продолжительность правления Германа согласно перечню). В результате использования «включающего счета» получился 1095 г. Эта дата, вероятно, примерно соответствует истине. Ведь если создатель первоначального перечня действительно работал в конце XI в., ему была известна продолжительность правления Германа. Прибавив к достоверной дате смерти Феодора достоверное число лет правления Германа, сводчик XV в. должен был получить вполне правдоподобный результат.

⁹⁹Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? С. 131.

кова, обстоятельства смерти правителя были важнейшим элементом в рассказах ранних памятников скандинавского и древнерусского историописания. Как в «Саге об Инглингах», так и в ПВЛ смерть ранних правителей часто «наступает в результате неожиданных, необычных, а нередко и позорных обстоятельств». Так было и со многими Инглингами, и с русскими князьями X в. (Олегом, Игорем, Святославом)¹⁰⁰. Как мне кажется, нечто схожее видно и в перечне новгородских владык¹⁰¹.

Итак, на мой взгляд, перечень епископов был создан в Новгороде около 1095 г., скорее всего, одновременно со списками киевских и новгородских князей. Составлял ли книжник конца XI в. перечень «по припоминанию», или пользовался еще более ранними источниками? Две детали могли бы заставить задуматься о второй возможности.

Во-первых, это точная дата смерти Луки Жидяты (единственная дневная дата в тексте перечня за XI в.). Она могла сохраняться изустно (как день поминания наиболее почитавшегося владыки), но могла быть почерпнута и из письменного источника. Например, таким источником могла быть поминальная надпись-граффито на стене Софийского собора. Запись о смерти некоего Луки в соборе и впрямь имеется: «Мѣсяца октября переставися Лука». Между строк этого граффито процарапано число дня: «ке», т. е. 25¹⁰². Палеографически надпись относят ко второй половине XI или началу XII в.¹⁰³ Проблема состоит в том, что местонахождение граффито в настоящее время неизвестно, и о нем можно судить лишь по негативу слепка из архива И.А. Шляпкина¹⁰⁴. Дата смерти епископа Луки в перечне владык — 15 октября, а в надписи — 25 октября. Поэтому никакой уверенности в том, что речь в надписи идет именно о Луке Жидяте, быть, конечно, не может. Тем не менее надпись дает представление о том, как мог выглядеть источник, из которого создатель перечня епископов почерпнул точную дату кончины Луки¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 77.

¹⁰¹ Впрочем, этот аргумент, конечно, сам по себе доказательной силы не имеет. Ср., например, процитированный выше взгляд Т.Л. Вилкул на эти «анекдотические сюжеты» как на сугубо поздние (примеч. 88).

¹⁰² Мединцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора, XI–XIV века. М., 1978. С. 126, № 190; С. 275, илл. 116. Уточнение чтения см.: Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттис А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 285.

¹⁰³ Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 127.

¹⁰⁴ Там же. С. 126.

¹⁰⁵ Отсутствие дат смерти других владык XI в. говорит о том, что никакого помянника или

Во-вторых, это знаменитые слова «иже ны учаше» («который нас учил» — о Ефреме, ученике Иоакима Корсунянина), в которых видели заметку от первого лица составителя новгородского свода середины XI в.¹⁰⁶ или основание для еще более древней датировки перечня¹⁰⁷. В НСГ данные слова оказались помещены под 1030 г., что неудивительно: в перечне называется продолжительность правления Иоакима — 42 года (1030 г. — 42-й после 989, если использовать «включающий счет»), а потом говорится: «и бѣ в его мѣсто ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше». На мой взгляд, даже если Иоаким Корсунянин действительно умер в 1030 г., это еще не дает оснований считать, что автор интересующих нас слов обучался у его ученика Ефрема в том же году. Это могло произойти и намного позже, даже спустя два–три десятилетия после смерти Иоакима. А если в момент написания этих слов автор и сам был немолод (в чем опять же нет ничего невозможного), то данные слова не противоречат датировке перечня архиепископов концом XI в. Кроме того, слова «иже ны учаше» могут означать не то, что их автор лично учился у Ефрема, но некую особую роль Ефрема в христианском просвещении Новгорода, которая могла быть хорошо известна в конце XI в., но о которой сейчас мы ничего не знаем¹⁰⁸. В любом случае, на мой взгляд, эти слова не дают оснований говорить

ино источника, где бы такие даты систематически фиксировались, в Новгороде в XI в. не было. Напротив, практика фиксирования дат смерти на стенах соборов (скорее всего, для нужд поминания) стала распространенной уже в ранний период. Например, еще две такие надписи, относящиеся ко второй половине XI — началу XII в. имеются в новгородском Софийском соборе (*Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 80, № 82; С. 91, № 137; С. 307, Табл. IV). Значительное их число сохранилось в киевском Софийском соборе — см.: *Бубнова М.М.* Проблема классификации древнерусских надписей-граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // *Источниковедческие исследования.* М., 2012. Вып. 5 (в печати).

¹⁰⁶ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее временное обозрение. 2-е изд., доп. [А.Ф. Бычковым]. СПб., 1882. Стб. 16–17; *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 157, 341; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы. С. 377; и мн. др.

¹⁰⁷ С.В. Бахрушин на основании этих слов считал, что перечень был «начат» в эпоху Ярослава Мудрого (*Бахрушин.* [К вопросу.] С. 20). С.М. Михеев считает, что так можно было написать «именно на рубеже 1070-х — 1080-х годов» (*Михеев С.М.* Кто писал Повесть временных лет? С. 131). По-моему, столь точные выводы о времени работы автора перечня на основании слов «иже ны учаше» сделать невозможно, и любая дата в пределах XI в. не будет им противоречить.

¹⁰⁸ Именно так понял эти слова создатель Краткого летописца новгородских владык конца XVII в., написавший: «И бѣ в него мѣсто ученикъ его Ефрѣмъ, и благословень бысть епископомъ Иакимомъ, иже ны учити, понеже Руская земля внове крестися, и чтобы мужи и жены вѣру крестьянскую твердо дръжали, а поганскую вѣру забыли» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 130). Ср. схожую формулировку в Новгородской III летописи (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 210).

о каком-то письменном источнике середины XI в., откуда они должны были бы быть взяты.

Таким образом, на мой взгляд, перечень новгородских епископов был составлен около 1095 г. впервые. Затем, вероятно, он неоднократно пополнялся — в 1160-е гг. (вместе с другими перечнями?), после 1325 г., в XV в. — в основном уже на основании новгородской летописи.

Перечень посадников, древнейшая редакция которого представляет собой простое перечисление имен¹⁰⁹, основан на новгородской летописи начиная с упоминания Добрыни (ум. 1117 г.)¹¹⁰. Начало же списка (до Добрыни) выглядит следующим образом:

А се посадницѣ новгородчъскыи: пръвыи Гостомысль, Коснятинъ, Остромиръ, Завидъ, Петрята, Костянтинъ, Миронѣгъ, Сава, Ульбъ, Гюрята, Микула...¹¹¹

Восемь имен (от Завида до Микулы) в каких-либо источниках кроме рассматриваемого перечня отсутствуют. Как отметил В.Л. Янин, три из них (Завид, Гюрята и Микула) могли бы быть выведены из отчеств посадников более позднего времени, но остальные пять появиться таким образом не могли¹¹². Значит, или в основе перечня лежит какой-то не дошедший до нас вид древней летописи, или сам перечень начал составляться в очень раннее время. В свете всего сказанного выше считаю более вероятным второе.

Имя «Гостомысл» в летописании XV в. (во вводную, недатированную часть летописей НСГ¹¹³) попало, по мнению В.Л. Янина, именно из перечня посадников¹¹⁴. Однако в перечне нет ничего, кроме имени, тогда как в НСГ фигура Гостомысла оказалась наделена определенной функцией («старейшина», а не «посадник»!) и помещена в определенный исторический контекст. Поэтому имя Гостомысла не могло быть

¹⁰⁹Так называемый «список А», читающийся в статье 989 г. Н1мл. и созданный около 1409 г. (впоследствии пополнявшийся). «Список Б», как это убедительно показал В.Л. Янин, вторичен по отношению к «списку А» (см.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 23–63).

¹¹⁰См. подробнее: Гимон Т.В. К характеристике летописного перечня новгородских посадников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия: Докл. Третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 128–136. См. также: Бассальго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. 1 // НИС. 2008. Вып. 11 (21). С. 40–42.

¹¹¹ПСРЛ. Т. 3. С. 184.

¹¹²И наоборот: некоторые отчества посадников последующего времени не находят себе параллелей в перечне (Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 59, 78).

¹¹³См., например: ПСРЛ. Т. 42. С. 22.

¹¹⁴Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 65–66.

просто «взято» сводчиком XV в. из перечня: дополнительным источником послужила или фантазия летописца, или, что кажется более вероятным, устная традиция¹¹⁵. Вопрос о том, в какое время упоминание Гостомысла появилось в списке посадников (в начале XV в. или раньше), вряд ли может быть решен.

Имена Коснятина и Остромира тоже вряд ли были взяты из НСГ, поскольку перечень посадников (даже если не говорить о его древнейшем пласте) старше любой летописи НСГ¹¹⁶. В Н1 о посадничестве Коснятина и Остромира не говорится. В ПВЛ Коснятин упомянут под 1018 г. как посадник, а Остромир — под 1064 г. как «воевода новгородский», однако более вероятно, что сведения перечня восходят не к ПВЛ, а к раннему новгородскому летописному своду (если таковой был), к киевскому Начальному своду (как будет показано ниже, в нем говорилось о новгородском посадничестве Остромира) или же, что кажется мне наиболее вероятным, к устной традиции. О посадничестве Остромира, кроме того, могло быть известно из приписки на Остромировом евангелии, хранившемся в новгородском Софийском соборе.

В.Л. Янин считает, что деятельность следующих восьми посадников (от Завида до Микулы) приходится на время между 1088 и 1117 гг. Янин основывается здесь на соображениях общеисторического порядка (о времени возникновения в Новгороде посадничества нового типа) и на данных сфрагистики¹¹⁷. Если даже посадничество Завида отнести к более раннему времени¹¹⁸, важно, что Гюрята (предпоследний из восьми) фигурирует, причем именно в роли посадника, в берестяной грамоте № 907, найденной в слое начала XII в.¹¹⁹

Следовательно, первоначальный перечень посадников был составлен не ранее 1110-х гг., а возможно — и позже (например, в 1160-х гг., когда были пополнены княжеские перечни и переработана новгород-

¹¹⁵ В.Я. Петрухин считает Гостомысла изобретением книжников XV в. (*Петрухин В.Я.* Гостомысл: К истории книжного персонажа // *Славяноведение.* 1999. № 2. С. 20–23), но мне ближе традиционная точка зрения, согласно которой за известиями о Гостомысле стоит новгородская устная традиция (см.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 197, примеч. 89; *Мельникова Е.А.* Гостомысл // *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия* [в печати]).

¹¹⁶ Составление архетипа посадничьих списков В.Л. Янин датирует 1409 г. (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 28), тогда как сложение НСГ вряд ли началось ранее 1411 г. (см. раздел 6 ниже).

¹¹⁷ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 78–88. См. также: *Дубровин Г.Е.* Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // *ДР.* 2007. № 1 (27). С. 48–49.

¹¹⁸ Как это делал А.А. Молчанов (*Молчанов А.А.* Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Ист.* 1974. № 6. С. 81–87).

¹¹⁹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 88; *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттис А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 99–101.

ская летопись). В пользу 1160-х гг. говорит тот факт, что Якун [Мирославич] упомянут в перечне дважды — на месте своего первого (1137–1141) и третьего (с 1167 г.) посадничества. А.А. Гиппиус предложил этому такое объяснение: если первоначальный перечень был доведен до Захарии (1161–1167 — ср., кстати, даты правления князей, до которых были доведены княжеские перечни!), то человек, спустя много лет пополнивший список, мог не заметить, что Якун уже упоминался, и начать свое продолжение с него же¹²⁰. Априори наиболее простым кажется предположение о том, что уже в первоначальном перечне читались имена Гостомысла, Коснятина и Остромира¹²¹, — впрочем, конечно, они могли быть добавлены и в XV в.

Итак, древнейшие перечни киевских и новгородских князей, а также новгородских епископов, скорее всего, появились около 1095 г. Если это верно, то они вполне могли быть составлены на основании актуальных на тот момент знаний и припоминаний. Письменного источника (каким мог бы быть новгородский свод XI в. или, например, киевский Начальный свод) для их составления не требовалось. Древнейший перечень посадников, вероятно, появился позже, уже в XII в. (в 1160-х гг.?), однако тоже вполне мог быть основан на припоминаниях, а не на утраченном летописном источнике. Перечни, таким образом, оказываются ценным и независимым от летописей источником по истории Руси XI в., а также одной из ранних — и, опять же, отличающихся от летописей — форм древнерусского историописания.

4. СИНОДАЛЬНЫЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ

Синодальный список Новгородской I летописи (Син.), интересующая нас часть которого переписана в XIII в.¹²², дефектен: в нем утеряны первые 16 тетрадей. Текст начинается с полуслова в статье 1016 г. Остаток этой статьи занимает первый лист (вместе с оборотом) сохра-

¹²⁰Гиппиус А.А. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII века // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 69, примеч. 6. Ср. также: «Быть может, начало перечню положено сводом 1167 г.» (Шахматов А.А. История... Т. 1, кн. 1. С. 181).

¹²¹Ср. мнение А.А. Шахматова о том, что Гостомysl упоминался уже в новгородском своде XI в. (Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 155; ср. также на с. 181).

¹²²Мы с А.А. Гиппиусом предложили более точную датировку: 1234 или один из ближайших последующих годов (Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 31–41).

нившей части Син. Начиная с 1115 г. текст Син. отражает ведшуюся из года в год НВЛ¹²³.

Текст Син. за 1017–1114 гг. (на л. 2–9 об.) — очень краткий. Значительная часть годов — вообще «пустые», а среди оставшихся преобладают краткие и сверхкраткие записи. Как убедительно показал А.А. Гиппиус, Син. здесь воспроизводит то, что читалось в новгородском своде 1110-х гг. (в отличие от Н1мл., которая отражает переработку того же свода 1160-х гг.)¹²⁴.

Традиционно считается, что текст Син. за XI — начало XII в. — это выборка из ПВЛ (или, скорее, Начального свода¹²⁵) в сочетании с местными новгородскими известиями¹²⁶. В целом это, безусловно, так, однако возникает ряд вопросов: 1) почему в Син. до статьи 1016 г. включительно читался, по-видимому, полный текст Начальной летописи¹²⁷, а потом — столь краткая выборка? 2) каковы принципы этой выборки и почему именно эти, а не иные известия киевской летописи попали в Син.? 3) каково происхождение новгородских известий Син.

¹²³См. примеч. 2. По мнению А.А. Гиппиуса, вначале был составлен свод, доходивший до 1114 г., а затем — с использованием ПВЛ — он был пополнен статьями 1115 и 1116 гг., и только после этого НВЛ стала вестись уже совершенно самостоятельно (*Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись... С. 208–209; *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение.* 2007. № 5. С. 41, примеч. 16). Предлагалась также более поздняя датировка новгородского свода — 1126 г. (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 259–265). Здесь я буду рассматривать текст до 1114 г. включительно.

¹²⁴*Гиппиус А.А.* К истории. С. 34–70.

¹²⁵А.А. Шахматов считал, что источником этой выборки была Третья редакция ПВЛ (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 151 [здесь А.А. Шахматов называет «второй» редакцией то, что обычно называл «третьей»]). По мнению М.Х. Алешковского и А.А. Гиппиуса, источником выборки послужил Начальный свод 1090-х гг., имевший к 1110-м гг. анналистическое продолжение (*Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. С. 29–30, 71–83; *Гиппиус А.А.* К истории. С. 51). К. Цукерман высказал сомнения по этому поводу (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 263–264).

¹²⁶См., например: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 264; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 213–214; *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. С. 31; и др.

¹²⁷Судя по имеющейся в рукописи нумерации, утрачены 16 тетрадей, т. е. очень большой объем текста, да и сохранившееся окончание статьи 1016 г. контрастирует с последующим сверхкратким текстом. Такая же граница имеется в Н1мл.: после окончания статьи 1016 г. начинается сверхкраткий текст, похожий на Син. Попытки подсчета объема текста утраченной части Син. и его сравнения с Н1мл. см.: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 263; *Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка. С. 167. Строго говоря, вопрос о том, какой текст читался на утраченных 16-ти тетрадах, разрешить невозможно. Однако ясно, что это был «относительно полный текст Начальной летописи в одном из ее вариантов» (*Гиппиус А.А.* К истории. С. 34, ср. также с. 59). Чтобы не измышлять сложностей сверх необходимого, наиболее вероятным следует признать, что это был текст Начального свода — тот же, что и в близкородственной Н1мл. Впрочем, возможны и другие варианты (см. примеч. 131).

за XI — начало XII в., а также немногочисленных сообщений о южных событиях, не находящих себе параллели в ПВЛ?

Первый вопрос был поставлен уже А.А. Шахматовым, который, однако, предпочел оставить его «нерешенным»¹²⁸. (В другом месте своего труда ученый возводил этот «неравномерный состав» новгородских летописей к новгородскому своду XI в., где, по мнению Шахматова, уже имело место неодинаковое отношение к тексту киевской летописи до и после 1017 г.¹²⁹). А.А. Гиппиус предположил, что новгородский свод 1110-х гг. (протограф Син.) возник следующим образом. В Киеве велась работа над составлением ПВЛ. Когда первая часть протографа ПВЛ — тетради с текстом Начального свода до статьи 1016 г. — была уже отработана, ее послали в Новгород, а из текста, еще находившегося в работе, в спешном порядке сделали для Новгорода краткую выборку. Таким образом, новгородский свод 1115 г. возник как «побочный результат» создания киевской ПВЛ: в части до 1016 г. он представлял собой оригинал Начального свода, а в последующей — краткие выписки из него. Также Гиппиус в связи с этим обращал внимание на столетний юбилей борисоглебских событий, как раз пришедшийся на 1115 г.¹³⁰

К. Цукерман и С.М. Михеев объясняют «границу 1016 г.» тем, что описанием событий этого года заканчивалось, по их мнению, Древнейшее (Древнее) сказание — первый памятник русского историописания, еще не разделенный на погодные статьи. Исследователи полагают, что именно это сказание (а не Начальный свод или какая-либо еще летопись в собственном смысле этого слова) послужило источником новгородского свода, отразившегося в Син.¹³¹ По мнению К. Цукермана, новгородский «свод Всеволода» (т. е. тот текст, который отразился в Син.) состоял из оригинальной рукописи Древнего сказания и добавленных к ней кратких выписок из ПВЛ за более поздний период¹³².

На мой взгляд, другое возможное (и даже, кажется, лежащее на поверхности) объяснение связано не с историей текстов, а с историческими представлениями новгородского сводчика. Пространный текст в Син. (т. е. статья 1016 г. и то, что ей, видимо, предшествовало) закан-

¹²⁸ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 264.

¹²⁹ Там же. С. 330.

¹³⁰ Гиппиус А.А. К проблеме редакций. 2008. № 2. С. 22, примеч. 14.

¹³¹ Цукерман К. Наблюдения. С. 222–229, 265; Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 55, 121–123, 129.

¹³² Цукерман К. Наблюдения. С. 265.

чивается сообщением о победе Ярослава Мудрого над Святополком и награждении Ярославом новгородцев, что имело важное значение в новгородской исторической традиции¹³³. События 1015–1016 гг. как бы завершали в глазах сводчика общую «предысторию» Киева и Новгорода, важнейшими сюжетами которой были: происхождение династии, образование государственной территории, принятие христианства и гибель первых русских мучеников. Затем начиналась уже новая эпоха — эпоха строительства Софийских соборов в Киеве и Новгороде, а значит, до некоторой степени, конкуренции между двумя этими городами. Текст киевского Начального свода за последующий период, видимо, уже не удовлетворял новгородского сводчика, поскольку рассказывал главным образом о юге Руси¹³⁴, а собственного летописного материала (и/или творческих сил) для того, чтобы написать аналогичное повествование о новгородской истории, не хватало. Отчасти эту задачу выполнили в конце XI в. перечни новгородских князей и епископов (см. предыдущий раздел), а отчасти — тот свод, о котором сейчас идет речь и который отразился в Син.

Второй вопрос — о принципах (и шире — о характере) выборки Син. из киевской летописи в части за 1017–1114 гг. Этот вопрос в науке почти не поднимался — за исключением наблюдений, сделанных в работах Н.Г. Бережкова, Т.Л. Вилкул и К. Цукермана.

Н.Г. Бережков вкратце обобщил содержание выборки Син.: «...смена князей на киевском столе (отмечены, однако, не все случаи перехода киевского княжения из одних рук в другие); рождение и смерть некоторых князей; борьба с половцами; походы на других врагов; небесные знамения, стихийные бедствия и необычные явления природы. Относительно много сообщений о церковных делах». Бережков отметил также четыре известия, «не подходящих под эти рубрики». В целом ученый констатировал, что «выбор сообщения не всегда кажется оправданным относительной важностью события. С другой стороны, из многих статей Повести (ПВЛ. — Т.Г.), весьма существенных по

¹³³В Н1мл., отражающей свод 1160-х гг., этот момент связывается с выдачей Ярославом Новгороду «правды и устава». В наиболее ранних, с моей точки зрения, текстах — перечне новгородских князей и Начальном своде — выдача Ярославом «грамоты» ассоциировалась с несколько более поздним моментом — посадением в Новгороде Владимира Ярославича в 1036 г. Тем не менее очевидно, что с победой Ярослава над Святополком в новгородской устной традиции связывался важный момент в, если так можно выразиться, становлении новгородской государственности (см. приложение к настоящей статье).

¹³⁴До 1016 г. в ПВЛ/Начальном своде тоже, конечно, преобладают южные события. Я имею в виду не то, что после 1016 г. киевская летопись начинает меньше интересоваться Новгородом, но, наоборот, то, что для новгородского сводчика после 1016 г. стал менее интересен Киев.

содержанию, выдержек не сделано»¹³⁵. Ученый отметил отсутствие в выборке Син. «стремления дать более или менее полный подбор сообщений Повести, относящихся к Новгороду», и указал целый ряд известий ПВЛ, касающихся Новгорода, которые в Син. не попали¹³⁶.

Т.Л. Вилкул обратила внимание на то, что Син. не дает полной информации о сменах новгородских и киевских князей в XI в., а полноценные известия такого рода (т. е. такие, в которых называется имя и старого, и нового князя) касаются исключительно Святополка Изяславича и его прямых предков: Ярослава и Изяслава. В сочетании с тем, что в Син. имеется уникальное, отсутствующее в других летописях известие о рождении Святополка (под 1050 г.), но не говорится о рождении Мономаха, это позволяет говорить о каком-то особом внимании выборки Син. к Святополку (точнее, по мнению Вилкул, об использовании в Син. свода, составленного в правление данного князя)¹³⁷. В другой работе Т.Л. Вилкул обратила внимание на то, что, на фоне пропусков многих известий о рождениях и смертях, Син. сообщает о смерти Игоря Ярославича, что говорит о «значении имени Игоря Ярославича для современников»¹³⁸.

К. Цукерман считает, что многие ошибки и странности объясняются тем, что новгородский сводчик работал не с самим текстом киевской летописи (по его мнению — ПВЛ), но с уже сделанными в Киеве выписками из нее. Именно с этим исследователь связал хронологическую путаницу в статьях за 1110-е гг. (которые попали в руки новгородца без годовых дат), неточность в описании похода на половцев 1111 г. и опisku в статье 1039 г. (где давно покойному Владимиру приписано освящение Десятинной церкви)¹³⁹. Предположение о таких выписках (а не о путешествии в Новгород полной рукописи Начальной летописи) выглядит вполне правдоподобным, хотя и не снимает вопросов о принципах выборки — о том, какие именно известия и почему оказались включенными в новгородский свод.

Текст Син. оставляет немало вопросов. Почему, например, в Син. попало отсутствующее в «классической» ПВЛ известие о рождении Святополка Мстиславича (1050 г.) и не вошло сообщение о рождении Владимира Мономаха (1053 г.), хотя на момент составления выборки

¹³⁵ *Бережков Н.Г.* Хронология. С. 214–215.

¹³⁶ Там же. С. 216.

¹³⁷ *Вилкул Т.Л.* «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003. С. 36–40.

¹³⁸ *Вилкул Т.Л.* Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. 2. С. 112.

¹³⁹ *Цукерман К.* Наблюдения. С. 263, 265.

(по А.А. Гиппиусу — 1114 г.) Святополк уже не было в живых, в Киеве правил Мономах, а в Новгороде — его старший сын Мстислав? Откуда вообще внимание составителей выборки к Святополку и его прямым предкам, справедливо отмеченное Т.Л. Вилкул? Почему в эту выборку попали некоторые известия, не имеющие как будто никакого отношения к Новгороду (например, под 1017, 1039, 1044, 1060 гг.), но при этом не попали сообщения о Новгороде, которые находим в ПВЛ под 1024, 1036, 1063, 1071 и другими годами? Все эти вопросы до сих пор не стали предметом специального рассмотрения.

Высказывалась и альтернативная точка зрения: в начальной части Син. мы видим не выборку, вторичную по отношению к киевской Начальной летописи, но, наоборот, первичные по отношению к ней краткие анналистические записи.

Так, еще в середине XIX в. М.И. Сухомлинов писал, что в тексте до начала XII в. «некоторые известия в Новгородской летописи представляются как бы сокращениями известий Лаврентьевской, или, наоборот, Новгородская является как бы источником Лаврентьевской, распространившей краткую заметку летописи Новгородской»¹⁴⁰. Иными словами, Сухомлинов допускал обе возможности: в каких-то случаях ПВЛ первична по отношению к Син., а в каких-то — Син. первичен по отношению к ПВЛ.

Эта же мысль была осторожно высказана В.К. Зиборовым, который пишет, что Син. «невероятно далеко отстоит от текстов канонических летописей. Как объяснить это? Только ли дефектностью рукописи этой летописи? Скорее всего, первоначальные этапы русского летописания XI в. были невелики по объему, т. е. по общепринятой терминологии были сокращенными»¹⁴¹.

В 2009–2010 гг. в ряде докладов В.Ю. Аристова и автора этих строк была высказана мысль о том, что краткие записи Син. могут быть не выборкой из Начального свода или ПВЛ, но, наоборот, первичными анналистическими записями, впоследствии расширенными в киевском летописании¹⁴². Должен сразу сказать, что данная

¹⁴⁰ Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 8.

¹⁴¹ Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 9.

¹⁴² Работа В.Ю. Аристова пока не опубликована (я благодарен исследователю за возможность познакомиться с текстом). Ссылаюсь на его доклад на круглом столе журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» 15 января 2010 г. Мои предварительные соображения были опубликованы в материалах двух конференций: Гимон Т.В. К вопросу о новгородском летописании XI — начала XII в. // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпре-

идея вызывает у меня сейчас больше сомнений, чем в момент прочтения этих докладов, однако в некоторой части (касающейся статей 1017–1044 гг. Син.), наверное, может быть всерьез рассмотрена, о чем будет сказано ниже.

Названные доклады вызвали критический отклик С.М. Михеева, который привел ряд аргументов в пользу того, что в Син. мы имеем именно выписки из Начального свода, а не отражение неких первичных записей. Исследователь обращает внимание на стилистическое единство выписок Син. (все начинаются со сказуемого; все известия о смертях вводятся словом «прѣставися»; однотипно устроены сообщения о военных столкновениях, рождении княжичей, строительстве церквей). Как считает Михеев, об этом же «свидетельствуют ошибки, которые не мог совершить анналист»: помещение под одним 1037 г. всей строительной деятельности Ярослава; слово «Володимиромь» в известии 1039 г.¹⁴³

Вторая ошибка могла быть (это допускает и Михеев) простой опиской новгородского переписчика, но вот первая, равно как и стилистическое единообразие сообщений Син., заставляют, скорее, соглашаться с мнением исследователя. Впрочем, всегда остается возможность того, что какие-то записи были сделаны спустя несколько (или даже много) лет после событий, но при этом в кратких анналах, а не в развернутой летописи. «Краткость» применительно к летописным записям — это совершенно не обязательно синоним «синхронности»¹⁴⁴. Стилистическая однотипность записей тоже не обязательно свидетельствует об их одновременном создании: последующие летописцы могли делать записи по образцу предыдущих. В целом, конечно, вероятность того, что все киевские сообщения Син. за 1017–1114 гг. взяты из «кратких анналов», очень мала. Однако какие-то фрагменты могут иметь такое происхождение — как я попытаюсь показать ниже, такую возможность стоит обсудить применительно к тексту за 1017–1044 гг.

Перейду теперь к третьему (и главному) вопросу — о происхождении уникальных сообщений Син. о Новгороде и о юге Руси. По мере необходимости буду обращаться и к вопросу о характере выборки из Начального свода.

тация. М., 2009. С. 65–66; *Он же*. Происхождение текста Синодального списка Новгородской I летописи за 1017–1115 гг. // ДР. 2009. № 3 (37). С. 21–22.

¹⁴³Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 13–14.

¹⁴⁴Ср. пример из английской анналистики, когда очень краткие известия вписывались разными почерками, но при этом не сразу после событий, а спустя много лет; получившийся в результате текст весьма напоминал тот, что мы обсуждаем сейчас (*Гимон Т.В.* Историописание. С. 364–370, 677).

Строго говоря, в тексте Син. за 1017–1114 гг. присутствуют сообщения трех типов:

- 1) известия, находящие себе параллель в ПВЛ (таких большинство);
- 2) уникальные сообщения о южнорусских событиях (их совсем немного);
- 3) уникальные (точнее, не находящие себе параллели в ПВЛ) известия о Новгороде.

Для ясности последующего изложения приведу здесь полностью текст Син. за 1017–1114 гг., выделив курсивом известия второго типа, а полужирным шрифтом — известия третьего типа.

Въ лѣто 6525. *Ярославъ иде къ Берестію. И заложена бысть святая София Кыевъ.*

Въ лѣто 6526.

Въ лѣто 6527.

Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава.

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава.

Въ лѣто 6530.

Въ лѣто 6531.

Въ лѣто 6532.

Въ лѣто 6533.

Въ лѣто 6534

Въ лѣто 6535.

Въ лѣто 6536. Знамение змиево на небеси явися.

Въ лѣто 6537.

Въ лѣто 6538.

Въ лѣто 6539.

Въ лѣто 6540.

Въ лѣто 6541.

Въ лѣто 6542.

Въ лѣто 6543.

Въ лѣто 6544.

Въ лѣто 6545. Заложы Ярославъ город Кыевъ, и церковь святыя София.

Въ лѣто 6546.

Въ лѣто 6547. Освящена бысть церкы святыя Богородиця Володимиромъ.

Въ лѣто 6548.

Въ лѣто 6549.

Въ лѣто 6550. Володимиръ иде на Емь съ новгородьци, сынъ Ярославль.

Въ лѣто 6551. Володимиръ иде на Грькы.

Въ лѣто 6552. Погрѣбена быста 2 князя, сына Святослава: Яропѣль, Ольгъ; и крестиша кости ею.

Въ лѣто 6553. **Съгорѣ святая София, въ субботу, по заутрьнии, въ час 3, мѣсяця марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая София Новѣгородѣ Володимиромъ князѣмъ.**

Въ лѣто 6554.

Въ лѣто 6555.

Въ лѣто 6556.

Въ лѣто 6557.

Въ лѣто 6558. *Родися Святопълкъ.*

Въ лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона Русина митрополитомъ.

Въ лѣто 6560. Прѣставися Володимиръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ,
мѣсяця октябрия въ 4.

Въ лѣто 6561.

Въ лѣто 6562. Прѣставися Ярославъ, и сѣде Изяславъ Киевѣ на столѣ.

Въ лѣто 6563.

Въ лѣто 6564.

Въ лѣто 6565.

Въ лѣто 6566.

Въ лѣто 6567. Высадиша Судислава ис поруба.

Въ лѣто 6568. Прѣставися Игорь Ярославичъ.

Въ лѣто 6569. Придоша Половци 1 и побѣдиша Всѣволода мѣсяця феура-
ря въ 2.

Въ лѣто 6570.

Въ лѣто 6571.

Въ лѣто 6572.

Въ лѣто 6573. Почя Всѣславъ рать дръжати; и на западѣ явися звѣзда ве-
лика.

Въ лѣто 6574. **Приде Всѣславъ и възя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣт-
ми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ час тыи;
и понекадила съима.**

Въ лѣто 6575. Побѣдиша Всѣслава на Немизѣ. Томъ же лѣтѣ яша и на Рши.

Въ лѣто 6576. Гнѣвъ божии бысть: придоша Половци и побѣдиша Русь-
скую землю. Въ то же лѣто высѣкоша кыянѣ Всѣслава ис поруба. Томъ жѣ
лѣтѣ побѣди Святославъ Половце у Снѣвьска, а Изяславъ бѣжа въ Ляхы.

Въ лѣто 6577. Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всѣслав бѣжа Полотьску; *и пого-
ре Подоліе. Въ то же лѣто, осень, мѣсяця октябрия въ 23, на святого Якова
брата господня, въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все... къ Нову-
городу; новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звѣринця на
Къземли; и пособи богъ Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣця
Вожяномъ, и паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустиши Бога
дѣля. А на заутрие обрѣтесе крѣст честныи Володимиръ у святѣи Софие
Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре.*

Въ лѣто 6578. Родися Ростиславъ; и церкви заложена бысть святого Михаила
манастырь Киевѣ.

Въ лѣто 6579.

Въ лѣто 6580. Пѣренесена быста Бориса и Глѣба съ Лята Вышегороду.

Въ лѣто 6581. Заложена бысть церкви Печерская Феодосомъ игуменомъ.
Въ то же лѣто прогнаста Изяслава въ Ляхы Святославъ и Всѣволодъ.

Въ лѣто 6582. Прѣставися Федосъ, игумень Печерскыи, мѣсяця мая въ 3.

Въ лѣто 583.

Въ лѣто 6584.

Въ лѣто 6585. **Прѣставися Феодоръ, архиепископъ новгородскыи.**

Въ лѣто 6586. Бѣжа Ольга Тѣмунороканю, и приведе Половче, и побѣди Всѣволода на Съжицяхъ. Въ то же лѣто бысть сѣця у Чърнигова, и убьена быста 2 князя: Изяслав и Борис.

Въ лѣто 6587. **Убиша за Волокомъ князя Глѣба, мѣсяця маия въ 30.** Въ то же лѣто убиша Половчи Романа.

Въ лѣто 6588.

Въ лѣто 6589.

Въ лѣто 6590.

Въ лѣто 6591.

Въ лѣто 6592.

Въ лѣто 6593.

Въ лѣто 6594.

Въ лѣто 6595.

Въ лѣто 6596. Священа бысть церкви святого Михаила.

Въ лѣто 6597. Священа бысть церкви Печерская Иоаномъ митрополитомъ; томъ же лѣтѣ прѣставися.

Въ лѣто 6598. Приведе Янъка митрополита скопця. Въ то же лѣто священа бысть церкви святого Михаила Переяслави.

Въ лѣто 6599. Перенесоша игумена печерскаго Федоса въ манастирь ис печерѣ. *Въ то же лѣто прѣставися Иоанн скопеч митрополит.*

Въ лѣто 6600. Наиде рана на Полочяны, яко нѣкако бяхе ходити улицямъ, яко мнѣти в[ои мн]ожество, а конемъ [коп]ыта¹⁴⁵ видѣти; да аще кто из ыстьбы вылезеть, напрасно убьень бываше невидимо.

Въ лѣто 6601. Прѣставися Всѣволодъ; и сѣде Святополкъ Киевѣ. Въ то же лѣто побѣдиша Половчи Святопѣлка и Мьстислава на Трьполи.

Въ лѣто 6602.

Въ лѣто 6603. **Иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнску, и влаша Давыду Новъгородъ.** Въ то же лѣто придоша въ Русь пружи августа въ 28.

Въ лѣто 6604.

Въ лѣто 6605. Слеплень бысть Василко. **Въ то же лѣто, зимѣ, побѣди Мьстислав... новгородци Олга на Кулацкѣ [в вели]кое говение. Томъ же лѣтѣ, на ве[сн]у, по[горѣ] онъ полъ, а 3-и день Дѣтиньць съгорѣ городъ; и Книну чядь избиша.**

Въ лѣто 6606.

Въ лѣто 6607.

Въ лѣто 6608.

Въ лѣто 6609. Прѣставися Всѣслав, Полочскыи князь.

Въ лѣто 6610.

Въ лѣто 6611. Идоша вся брятя Русьскыя земля на Половѣцѣ, на Сутѣнь, и побѣдиша я, и князя ихъ имѣние заяша. Семь же лѣтѣ побѣдиша Ярослава Морьдва Муромѣ. **Въ то же лѣто заложыша церковь Благовѣщение Мьстислав князь на Городищи.**

¹⁴⁵Здесь, как и ниже, под 6605 (1097) г., текст в Син. поврежден и восстанавливается по Н1мл.

Въ лѣто 6612. Приде Никифоръ, митрополить сурьскыи.

Въ лѣто 6613. Поставлени быша епископи: Лазоръ, Мина, Амфилохии. **Томъ же лѣтѣ идоша въ Ладогу на воину; и погорѣша хороми от ручня, мимо Славьно, до святого Илие.**

Въ лѣто 6614. Избиша Половчѣ на Дунаи. Въ то же лѣто пострижесе Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Църниговъ, **тъсть Всѣволожь.**

Въ лѣто 6615. Трясѣя земля въ 5 февраля.

Въ лѣто 6616. **Прѣставися архиепископъ новгородьскыи Никита, мѣсяця генваря въ 30; а на весну почыша пѣсати святую Софию, стяжаниемъ святого владыкы.**

Въ лѣто 6617. Бысть вода велика въ Дньѣпри, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. И концяша трѣпезницу Печерьскаго монастыря. Въ то же лѣто заложена бысть церкви княземъ Святопѣлкомъ Киевѣ.

Въ лѣто 6618. **Приде архиепископъ Иоанн въ Новгородъ мѣсяця декабря въ 20.**

Въ лѣто 6619. Иде Святопѣлкъ, Володимиръ, Давыдъ и вся земля просто Русская на Половчѣ, и побѣдиша я, и взявша дѣти ихъ, и городъ по Дньови Суртовъ и Шарукань. **Тѣгда же погорѣ Подолье Киевѣ, и Църниговъ и Смолньскъ и Новгородъ.** Томъ же лѣтѣ прѣставися Иоанн епископъ черниговьскыи. **Томъ же лѣтѣ ходи Мьстислав на Очелу.**

Въ лѣто 6620.

Въ лѣто 6621. Ходи Ярослав на Ятвягы, сынъ Святопѣлчъ; и пришѣдъ съ воины, поя дѣчеръ Мьстиславлю. Томъ же лѣтѣ прѣставися Святопѣлкъ, а Володимиръ сѣдѣ на столѣ Киевѣ. Въ се же лѣто прѣставися Давыдъ Игоревичъ. **Семь же лѣтѣ побѣди Мьстислав на Бору Чюдъ.** Въ то же лѣто заложена бысть церкви Новгородѣ святого Николы¹⁴⁶. **Въ то же лѣто погорѣ онъ поль, на сен же сторонѣ городъ Кромьныи, от Лукинь пожаръ.**

Въ лѣто 6622. Прѣставися Святослав Переяславли. Въ то же лѣто поставиша Фектиста епископа Чърнигову.

Как видим, сообщения третьего типа (уникальные известия о Новгороде) распределены по тексту не вполне равномерно. Их вообще нет до 1045 г.; затем они встречаются сравнительно редко; между 1079 и 1095 гг. их снова нет; с 1095 г. они снова встречаются, причем теперь весьма регулярно. Удобнее всего будет рассмотреть текст Син. «по зонам» (в зависимости от наличия/отсутствия уникальных новгородских известий), причем «в обратном порядке»: начать с текста за 1095–1114 гг., а затем перейти к статьям за предыдущие годы.

В **статьях 1095–1114 гг.** видим следующее:

- 1) Здесь практически нет уникальных сообщений о Киеве, не находящихся себе параллелей в ПВЛ (в известии 1111 г. о том, что «погорѣ

¹⁴⁶Это известие, хотя и касается Новгорода, присутствует в ПВЛ.

Подолье Киевѣ, и Църниговѣ и Смолньскѣ и Новѣгородѣ», упоминается Новгород и его можно, следовательно, рассматривать как новгородское¹⁴⁷);

- 2) Если в одной погодной статье есть и киевские, и новгородские известия, новгородские почти всегда следуют за киевскими¹⁴⁸ (исключений два: статья 1095 г. начинается новгородским сообщением, а в статье 1111 г. киевские и новгородские известия чередуются через один);
- 3) Если в одной погодной статье имеется два или более известий, сходных с ПВЛ, то их последовательность, как правило, не отличается от той, что имеем в ПВЛ (исключения — статьи 1109 и 1113–1114 гг.; в последних двух статьях последовательность известий и их размещение под тем или иным годом сложным образом соотносится в Лавр., Ипат. и Син.).

Таким образом, нет сомнений, что перед нами — краткая выборка из киевской летописи, дополненная сообщениями о Новгороде. В этом смысле особенно характерны слова «А Новѣгородѣ» в статье 1115 г., с помощью которых летописец переходит от киевских событий к Новгородским.

Новгородские известия Син. за 1095–1114 гг. касаются четырех тем: военные походы (под 1097, 1105, 1111, 1113 гг.), пожары (под 1097, 1105, 1111, 1113 гг.), церковное строительство в Новгороде (1103, 1108, 1113¹⁴⁹ гг.) и смена архиепископов (1108 и 1110 гг.). Любопытно, что известия о военных походах и о пожарах всегда идут *в паре*, под одним и тем же годом. Точные даты есть только в двух известиях об архиепископах. В названные четыре группы не вписывается только одно сообщение — самое первое, под 1095 г., — о распре между русскими князьями и начале княжения Давыда в Новгороде (о нем будет сказано чуть ниже).

Каким образом возникли все эти новгородские известия? Теоретически можно предположить, что они были взяты сводчиком 1110-х гг. из какой-то более ранней новгородской летописи¹⁵⁰. Однако тот факт, что они подозрительным образом концентрируются вокруг четырех тем, а известия о походах и пожарах всегда идут в паре, заставляет,

¹⁴⁷Ср.: Цукерман К. Наблюдения. С. 264. А.А. Гиппиус считает это известие киевским (*Гиппиус А.А. К проблеме редакций*. 2008. № 2. С. 18, примеч. 9).

¹⁴⁸Ср.: Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 150.

¹⁴⁹Это известие есть в ПВЛ и могло быть заимствовано оттуда.

¹⁵⁰Так думал, например, А.А. Шахматов, считавший данные известия несистематическими приписками к новгородскому своду середины XI в. (*Шахматов А.А. История*. Т. 1, кн. 1. С. 350, 353). Ср. также мнение А.В. Поппэ (см. примеч. 26).

скорее, предполагать, что данные сообщения были написаны сводчиком 1110-х гг. по припоминанию, в момент создания свода, в качестве новгородского дополнения к выпискам из ПВЛ.

Исключение, возможно, составляют только два сообщения о епископах, содержащие точные даты. Как было сказано в предыдущем разделе, в Новгороде к началу XII в., скорее всего, уже имелся перечень епископов. Быть может, эти известия были не чем иным, как приписками современников к этому перечню, откуда и попали в летопись в 1110-х гг.?

Также исключение составляет ремарка «тъсть Всѣволожь» (под 1106 г.), явно сделанная в Новгороде и отмечающая тот факт, что Святоша был тестем Всеволода Мстиславича. Неизвестно, когда последний женился на дочери Святоши. О браке Мстислава сообщается под 1123 г., но велика вероятность, что это был не его первый брак. Можно определенно сказать лишь одно: данная ремарка сделана либо в правление Всеволода в Новгороде (1117–1136), либо раньше, в правление его отца Мстислава Владимировича (1095–1117), но когда Всеволод был уже женат. Попытки датировать составление новгородского свода на основании этой ремарки кажутся мне бесперспективными — не только потому, что мы не знаем даты брака Всеволода, но и потому, что это могла быть глосса в уже написанном тексте¹⁵¹.

Статья 1095 г. Син. находится в окружении двух «пустых» статей (1094 и 1096 гг.). Она содержит следующий текст: «В лѣто 6603 иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новѣгородъ. Въ то же лѣто придоша въ Русь пружи августа въ 28». Сообщение о нашествии саранчи 28 августа находит себе параллель в ПВЛ, причем сразу в двух соседних статьях: под 1094 г. ПВЛ сообщает о приходе саранчи 26 августа, а под 1095 г. — 28 августа. Если это не дублировка (т. е. если саранча действительно прилетала на Русь дважды с разницей в год и два дня), то странно, почему сводчик 1110-х гг. взял из киевской летописи только одно из этих сообщений, причем почему-то второе.

Уникальное положение занимает первое известие статьи 1095 г., касающееся Новгорода. Оно не находит себе параллели в ПВЛ, но, в то же время, не вписывается в те четыре темы, которые характерны для новгородских сообщений 1097–1113 гг. Это один из немногих случаев, когда новгородское сообщение предшествует в тексте Син.

¹⁵¹ См.: *Гунтус А.А.* К истории. С. 40. Не думаю, что прав К. Цукерман, на основании этих слов полагающий, что свод был создан не ранее 1123 г. (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 259–265).

южнорусскому¹⁵². Очень странно, что Син., сообщая о вокняжении в Новгороде Давыда, ничего не говорит о его изгнании¹⁵³ и о вокняжении здесь Мстислава Владимировича (который действует как новгородский князь уже в статье 1097 г.). Это тем более странно, если учесть, что свод 1110-х гг. составлялся в период новгородского княжения Мстислава.

И наличие только второго из двух сообщений ПВЛ о саранче, и отсутствие сообщения об уходе из Новгорода Давыда и вокняжении здесь Мстислава, можно объяснить, если предположить следующее. В 1110-х гг. новгородский летописец не составлял *весь свод*, но лишь продолжил летописный текст, заканчивавшийся на тот момент известием о вокняжении в Новгороде Давыда в 1095 г. Летописец 1110-х гг. делал выписки из киевской летописи и дополнял их новгородскими известиями (по припоминанию), но при этом не имел четкого плана работы.

Новгородское известие Син. под 1095 г. стоит, как уже говорилось, особняком. В статьях 1080–1093 гг. нет ни одного новгородского сообщения, только выписки из киевской летописи. Нельзя ли предположить поэтому, что новгородский свод (для которого были сделаны эти выписки) заканчивался первоначально статьей 1093 г., а сообщение 1095 г. о вокняжении Давыда в Новгороде стало первой припиской к этому своду¹⁵⁴? Второй же припиской стали все статьи 1097–1114 гг. (одновременно с которыми была сделана и выписка из киевской летописи о саранче 1095 г.).

Если это верно, то отпадают абсолютно все вопросы, связанные с тем, почему в новгородском летописании оказался использован именно Начальный свод с его знаменитым предисловием¹⁵⁵, а не «классическая» ПВЛ 1110-х гг. Начальный свод в момент своего создания, вероятно, как раз и заканчивался 1093 г.¹⁵⁶

¹⁵²Ср.: *Бережков Н.Г.* Хронология. С. 219.

¹⁵³Оно описано в ПВЛ под тем же 1095 г.

¹⁵⁴Н.Г. Бережков считал, что это известие имеет неверную дату: на самом деле вокняжение Давыда в Новгороде имело место в 1094 г. Однако ученый исходил здесь из достоверности указания перечня новгородских князей на двухлетнее княжение Давыда в Новгороде (*Бережков Н.Г.* Хронология. С. 222, 228–229; ср.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 72–73; *Милютенко Н.И.* Новгородский свод. С. 597). Однако, как было сказано выше, этот перечень вторичен по отношению к новгородской летописи, а значит — не может служить основанием для уточнения даты вокняжения Давыда.

¹⁵⁵Об этом предисловии и о том, что оно, вопреки высказывавшимся сомнениям, действительно принадлежит концу XI в., см.: *Гиттис А.А.* Предисловие к «Софийскому временнику» (киевскому Начальному своду): Текст, язык, источники // РЯНО. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

¹⁵⁶Вопрос о дате создания киевского Начального свода остается довольно сложным, однако,

Но надо найти дополнительные подтверждения моему предположению о новгородском своде 1090-х гг., которое пока основано лишь на наблюдениях над распределением новгородских и южнорусских известий в тексте Син., т. е. пока еще на весьма шатком основании. Находим несколько таких подтверждений:

1) Интересные наблюдения можно сделать над длиной погодных статей Син. за 1093–1101 гг. Эта длина удивительным образом соответствует числу следующих за каждой статьей «пустых годов».

Предположим, что новгородский сводчик 1090-х гг. по окончании своей работы оставил своим продолжателям готовую колонку «пустых годов»¹⁵⁷. Затем этот или другой книжник вписал напротив слов «Въ лѣто 6603» известие о вокняжении Давыда в Новгороде, а позднее — в 1115 г. — еще один книжник продолжил летопись, «заполняя» последующие годы. Если текст погодной статьи занимал более одной строки¹⁵⁸, он «залезал» на строки напротив следующих годов, а значит — там уже не могла быть записана никакая информация. Эти годы оставались «пустыми», и именно такими они являются в Син.

Сказанное может быть продемонстрировано наглядно (прямым шрифтом отмечен текст свода 1093 г., полужирным — первая приписка к нему за 1095 г., а курсивом — дополнения 1115 г.):

Въ лѣто 6601	Прѣставися Веѣволодь, и сѣде Святополкъ Киевѣ. Въ то же лѣто
Въ лѣто 6602	побѣдиша Половчи Святопѣлка и Мьстислава на Трьполи.
Въ лѣто 6603	Иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнѣску, и вѣдша Давы-
Въ лѣто 6604	ду Новьгородъ. Въ то же лѣто придоша въ Русь пружи августа въ 28
Въ лѣто 6605	<i>Слепленъ бысть Василко. Въ то же лѣто, зимѣ, побѣди Мьсти-</i>
Въ лѣто 6606	<i>слав... новгородци Олга на Кулацкѣ... кое говение. Томъ же</i>
Въ лѣто 6607	<i>лѣтъ, на ве[сн]у по]горь онъ полъ, а 3-и день Дѣтинѣць съгоръ</i>
Въ лѣто 6608	<i>городъ; и Книну чадъ избия.</i>
Въ лѣто 6609	<i>Прѣставися Вьслава, Полочьскый князь.</i>
Въ лѣто 6610	—

наверное, следует говорить о 1091–1093 гг., а не о более позднем времени (*Гунтуис А.А.* Два начала. С. 77, примеч. 19).

¹⁵⁷ Именно такой порядок работ мы наблюдаем в ряде западноевропейских анналистических памятников, сохранившихся в подлиннике: один летописец оставлял своим продолжателям колонку дат, а последующие вписывали свой текст напротив этих дат, из-за чего иногда происходили характерные сдвиги датировок (см., например, об английской рукописи *A* в X в.: *Гимон Т.В.* Историческое. С. 343–345, 364–370, 532–536, 674–677).

¹⁵⁸ Нам, конечно, неизвестен формат рукописи, о которой идет речь. Однако это и не принципиально. Если формат был такой же, как у Син., то на один год сводчик 1093 г. отводил своему продолжателю по две строчки; если формат был в два раза большим — по одной строчке. Главное — довольно очевидная зависимость между объемом статьи и числом следующих за ней «пустых лет».

До и после указанной группы статей такой закономерности мы не встретим. Однако здесь, как кажется, она достаточно очевидна. Тот факт, что данная закономерность наблюдается именно для статей 1093–1101 гг., подтверждает высказанное предположение о новгородском своде 1093 г.

2) Как уже было сказано, Т.Л. Вилкул, анализируя представленную в Син. выборку из Киевской летописи, пришла к выводу об особом внимании создателя этой выборки к Святополку Изяславичу и его прямым предкам (только для них дается полная информация о вокняжениях в Киеве, указывается под 1050 г. дата рождения Святополка, чего нет в ПВЛ). Исследовательница сочла это внимание к Святополку чертой той киевской летописи, которая послужила источником выборки Син.¹⁵⁹ Однако куда как более естественно считать это внимание чертой именно *выборки*: сама киевская летопись была наверняка более полной и сообщала, конечно, о других князьях тоже. В таком случае выборка должна была быть составлена в период правления Святополка, т. е. между 1093 и 1113 гг. Мое предположение о том, что она первоначально заканчивалась статьей 1093 г. (как раз и сообщавшей о вокняжении в Киеве Святополка), хорошо согласуется с этими наблюдениями Т.Л. Вилкул.

3) В предыдущем разделе говорилось о том, что вероятным временем создания перечня новгородских князей был 1095 г. Вероятно также, что в это время были составлены первоначальные варианты перечней киевских князей и новгородских епископов. К тому же 1095 г. относится запись о вокняжении в Новгороде Давыда, которую я считаю первой припиской к новгородскому своду 1093 г. Это совпадение, конечно, само по себе доказательством быть не может, но мы знаем, что в более позднее время история перечней была тесно связана с историей летописания. Так, в 1160-х гг., скорее всего, одновременно была переработана начальная часть НВЛ и пополнены перечни киевских и новгородских князей. Более того, не исключено, что уже в столь древнюю эпоху перечни находились внутри летописи, в статье 989 г., как в дошедших до нас рукописях Н1мл.¹⁶⁰

Таким образом, наблюдения над объемом погодных статей Син., составом известий выборки Син., а также над новгородскими перечнями подтверждают высказанную гипотезу о новгородском своде

¹⁵⁹ Вилкул Т.Л. «И седе... Киеве».

¹⁶⁰ А.А. Гиппиус полагает, что перечни были впервые включены в статью 989 г. сводчиком 1160-х гг. (Гиппиус А.А. К истории. С. 46–48, 63). Впрочем, ученый не рассматривал возможность более раннего, чем 1160-е гг., составления перечней.

1093 г.: именно в это время, в начале киевского княжения Святополка II, в Новгороде велась летописная работа. Точнее, работа могла начаться и несколько позже, например, в том же 1095 г. Главное, что на момент начала этой работы доступная новгородскому сводчику рукопись киевского Начального свода заканчивалась описанием событий 1093 г. В порядке догадки можно предположить, что рукопись киевопечерского Начального свода привез в Новгород новый епископ Никита, выходец из Киево-Печерского монастыря¹⁶¹.

Обратимся теперь к тексту Син. до 1093 г., т. е., если верно все вышесказанное, к тексту новгородского свода 1093 г.

В **статьях 1088–1093 гг.** нет ни уникальных новгородских, ни уникальных киевских известий, абсолютно всё возводимо к ПВЛ (Начальному своду). Сообщение 1091 г. «Въ то же лѣто прѣставися Иоанн скопечь митрополит» в ПВЛ отсутствует, однако оно легко могло быть выведено летописцем из сообщений Начальной летописи под предыдущим годом: «От года бо до года пребывъ умре».

Статьи 1080–1087 гг. в Син. — «пустые». В ПВЛ большинство соответствующих статей — не «пустые», но весьма краткие. В основном они повествуют о междукняжеских взаимоотношениях, которые, судя по другим частям текста, не слишком занимали составителя свода 1093 г.

В **статьях 1045–1079 гг.** мы вновь видим выписки из киевской летописи, однако кроме того имеются:

- два уникальных сообщения о Киеве, отсутствующих в «классической» ПВЛ — под 1050 и 1069 гг.
- уникальные известия о Новгороде.

Начнем с уникальных киевских сообщений — записей о рождении Святополка (под 1050 г.) и о пожаре Подола (под 1069 г.). А.А. Шахматов относил их «на счет той редакции ПВЛ, по которой был дополнен новгородский источник Новгородского свода», т. е., очевидно, третьей

¹⁶¹О поставлении Никиты НСГ сообщает под 1096 г., но, как увидим в разделе 6, дата высчитана сводчиком XV в. на основе перечня епископов, к тому же сводчик имел обыкновение всегда отмечать поставление новых епископов *на следующий год* после смерти прежних. Поэтому Никита вполне мог прибыть в Новгород в 1095 г. и даже раньше. С другой стороны, еще в Печерском монастыре против Никиты было устроено разбирательство, на котором он объявил себя неграмотным и отрекся от всяких интеллектуальных занятий. Как отмечает А.С. Шавелев, тот факт, что в Новгороде между серединой 1090-х и 1110-ми гг. не велось летописных записей, а текст за эти годы был написан ретроспективно около 1115 г., может как раз свидетельствовать о страхе Никиты перед такими занятиями (*Шавелев А.С. К социокультурному контексту интеллектуальных занятий в Древней Руси // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 488*).

редакции ПВЛ¹⁶². Н.Г. Бережков считал это натяжкой: трудно представить, что эти два известия вначале были включены в третью редакцию ПВЛ, а потом — выпали оттуда и не отразились ни в одном из ее списков¹⁶³. М.Х. Алешковский, пришедший к выводу о том, что источником выборки Син. был Начальный свод 1090-х гг. (по терминологии ученого, «авторский текст» ПВЛ), возводил два указанных известия к нему¹⁶⁴.

На мой взгляд, запись «Родися Святоплькъ» или, действительно, восходит к Начальному своду (а в составляющую при Мономахе ПВЛ включена не была), или была добавлена непосредственно составителем новгородского свода 1093 г.¹⁶⁵, интерес которого к личности Святополка проявился, как уже говорилось, не только в этом¹⁶⁶.

Другое уникальное киевское известие видим в Син. под 1069 г.: «и погоре Подолие». Каким-то образом с этим известием Син. могут быть связаны два пассажа статьи 1069 г. ПВЛ. Во-первых, киевляне грозятся Святославу и Всеволоду, что сожгут свой город, а сами уйдут «въ Гречьску землю». Однако из текста ПВЛ как будто следует, что Святослав и Всеволод отговорили киевлян от этой идеи. Во-вторых, после того, как Изяслав в этом году вступил в Киев, он «възгна торгъ на гору»¹⁶⁷, что может быть связано с предшествующим пожаром на Подоле. Обычно это событие объясняют стремлением князя лучше контролировать торг — средоточие городской жизни, место вечевых собраний и т. д.¹⁶⁸ Скорее всего, это так, однако вполне возможно, что непосредственным поводом к переносу торга стал пожар, уничтоживший ту часть города, в которой торг находился прежде. М.Н. Тихомиров предполагал, что пожар Подола «стоял в связи с волнениями в

¹⁶² Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 142, 151; ср. также на с. 275.

¹⁶³ Бережков Н.Г. Хронология. С. 214.

¹⁶⁴ Алешковский М.Х. Повесть временных лет. С. 31. С этим согласен А.А. Гиппиус (*Гиппиус А.А.* К проблеме редакций. 2007. № 5. С. 40, примеч. 15).

¹⁶⁵ Ср.: Цукерман К. Наблюдения. С. 264.

¹⁶⁶ По мнению Т.Л. Вилкул, эта запись не вписывается в серию ретроспективно расставленных известий о рождениях княжичей в ПВЛ (*Вилкул Т.Л.* Даты рождения. С. 110). В то же время любопытно, что запись о рождении Святополка в Син. под 1050 г. и запись о рождении Мономаха в ПВЛ под 1053 г. находятся друг от друга ровно на таком же расстоянии, как известия о рождениях, периодичность которых отмечена Вилкул.

¹⁶⁷ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 174.

¹⁶⁸ Историографию вопроса см.: *Лукин П.В.* Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // СР. 2007. Вып. 7. С. 32–39. См. также: *Лукин П.В.* События в Киеве в 1069 г. и «рыночные собрания» в Древней Руси и у западных славян // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 324–333.

Киеве, начавшимися ещё при княжении Всеслава и заставившими его бежать из города»¹⁶⁹.

О том, что сообщение Син. о пожаре Подола могло читаться в тексте, протографичном по отношению к ПВЛ, писали разные исследователи. А.А. Шахматов высказал догадку, что слова «Всеславу же бѣжавшу» в конце той же статьи ПВЛ — это независимый причастный оборот, относящийся к какому-то утраченному предложению, каковым могло быть «погоре Подолие»¹⁷⁰. Думаю, что необходимости для такого предположения нет: этот оборот вполне может относиться и предшествующему предложению. М.Н. Тихомиров считал, что статья 1069 г. Син. первична, а в ПВЛ использована отдельная повесть о киевских событиях 1068–1069 гг.¹⁷¹ Известие о пожаре Подола было «выброшено теми редакторами-монахами, которые включили повествование о киевском восстании под двумя разными годами и снабдили его церковными текстами»¹⁷².

К. Цукерман полагает, что известие Син. о пожаре Подола — конструкт «свода Всеволода» XII в.: под пером сводчика «материализовалась» угроза киевлян сжечь свой город и уйти в Греческую землю. Исследователь опирается на то, что данного сообщения нет ни в ПВЛ, ни в Н1мл.¹⁷³ Но это непоказательно, т. к. велика вероятность, что в Н1мл. в этой статье использована как раз ПВЛ¹⁷⁴. Также Цукерман ссылается на отсутствие археологических следов пожара 1069 г.¹⁷⁵ Как бы то ни было, на мой взгляд, известие о пожаре Подола вряд ли может быть плодом творчества более позднего сводчика. Оно или происходит из новгородского источника (вместе с последующим текстом об освобождении Новгорода от Всеслава), или — что более вероятно, учитывая местоположение этого известия в погодной статье, — взято сводчиком 1090-х гг. из киевского Начального свода.

В любом случае, киевские сообщения в части за 1045–1079 гг. — это, скорее всего, снова выписки из киевского Начального свода, сделанные около 1093 г.

¹⁶⁹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 3-е изд. СПб., 2008. С. 150.

¹⁷⁰ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 305. То же см.: ПВЛ. М., 1996. С. 497.

¹⁷¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 103–104.

¹⁷² Там же. С. 111.

¹⁷³ Цукерман К. Наблюдения. С. 264.

¹⁷⁴ См. примеч. 207.

¹⁷⁵ В работе М.А. Сагайдака, действительно, таких следов не отмечено: Сагайдак М.А. Давньокі́ївський Подол: Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.

Теперь обратимся к уникальным новгородским известиям Син. за эти же годы. Всего таких известий шесть:

- сообщение о пожаре деревянного Софийского собора и закладке каменного (1045 г.)¹⁷⁶;
- дневная дата в сообщении о смерти Владимир Ярославича (1052 г.);
- два известия о нападениях Всеслава Полоцкого на Новгород (1066 и 1069 гг.);
- сообщение о смерти архиепископа Феодора (1077 г.);
- сообщение о гибели князя Глеба в Заволочье (1079 г.).

Четыре из этих шести известий снабжены дневными датами (1045, 1052, 1069 и 1079 гг.), а в двух случаях даже приводятся указания на день недели и час (1045 и 1069 гг.). Одно это заставляет думать, что на сей раз перед нами не припоминания сводчика, а подлинные новгородские записи XI в., делавшиеся по горячим следам событий. Две из этих точных дат «полные», т. е. содержат одновременно указание на юлианское число и день недели. Одна из этих полных дат правильная: 23 октября в 1069 январском или 6577 мартовском году действительно приходилось на пятницу.

Вторая — дата пожара деревянной Софии — содержит годовой сдвиг: 15 марта приходилось на субботу не в 1045, а в 1046 (6554 мартовском) году. Это противоречие как будто может разрешить гипотеза В.Л. Янина о том, что мы имеем здесь дело с циркамартовской датировкой, т. е. с подвижным весенним новогодием, при котором 15 марта 1046 г. могло относиться еще к старому, 6553, а не к новому, 6554 г.¹⁷⁷

¹⁷⁶С.И. Сивак считает, что в этой статье сообщается о пожаре не новгородского, а киевского Софийского собора. Аргументы исследовательницы таковы: 1) если год для летописца начинался в марте, то закладка собора, о которой говорится в Син. под 1045 г., должна была иметь место до, а не после пожара; 2) в сообщении о пожаре не приводится название города, что типично для киевских, а не новгородских известий этой части Син.; формула «Въ то же лѣто», разделяющая сообщения о пожаре и о закладке, означает, что указание «Новѣгородѣ» в известии о закладке не относится к предыдущему известию; 3) в Киеве действительно должна была быть деревянная София, и как раз к 1045 г. — окончанию строительства каменного собора — она могла бы «судачно» сгореть (Сивак С.И. О деревянной Софии в Новгороде // *RM*. 1992. Т. 7, 1. Р. 10–11). На это можно возразить: 1) нарушение границ соседних годов типично для раннего летописания; 2) София — уникальный для Новгорода храм, и всякий раз уточнять его местонахождение было бы для *новгородского* летописца странным (ср. известия Син. под 1108, 1151, 1156 гг.); 3) равным образом в Новгороде каменной Софии, наверное, тоже предшествовала деревянная и она тоже могла сгореть — почему же пожар киевской Софии в 1045 г. более вероятен, чем новгородской?

¹⁷⁷Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 124. Сложный вопрос о соотношении известия Син. о Софийском соборе с известиями на ту же тему Н1мл. будет рассмотрен ниже, в разделе 5.

В то же время в Софийском соборе имеется надпись-граффито, как будто содержащая дату: «.нѣ» (т. е. 53); С.М. Михеев полагает, что это «6553», т. е. дата строительства собора¹⁷⁸, но старая церковь не могла сгореть в самом конце того же года. Другая надпись гласит: «Почали дѣлати на святааго Костантина и Елены», т. е. 21 мая, что согласуется с данными позднего «Сказания о св. Софии»¹⁷⁹. По мнению С.М. Михеева, эти две и еще несколько надписей принадлежат строителям собора¹⁸⁰.

Если это верно, то получается, что или старая церковь сгорела все-таки после начала строительства новой (так дело описывается в Н1мл.), или мы имеем дело с какой-то системой отсчета лет, отличной от классической для Древней Руси константинопольской эры¹⁸¹, или же (и это кажется наиболее вероятным) в Син. — ошибка в номере года. Такая ошибка вполне могла возникнуть в том случае, если запись под 1045 г., сохранившаяся в Син., была сделана спустя несколько лет после события — например, тогда, когда София была уже достроена и в нее были завезены книги (в одной из которых и появилась эта запись). В любом случае, у нас нет оснований отказывать сообщению Син. под 1045 г., равно как и остальным пяти рассматриваемым известиям, в праве считаться подлинными новгородскими записями XI в.

В составе какого памятника впервые появились эти шесть сообщений? Были ли они частью более обширного летописного текста и если да, то как он выглядел? А.А. Шахматов полагал, что они восходят к новгородскому своду 1050 г. и припискам к нему¹⁸². В таком случае, однако, оказывается неясен принцип, по которому составителем выборки Син. (т. е. сводчиком 1093 г.) были отобраны именно эти известия. Почему, например, было выбрано сообщение 1077 г. о смерти епископа Феодора, а о смертях и поставлениях других епископов XI в. в Син. не говорится (но такие известия наверняка имелись бы в со-

¹⁷⁸Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора, ч. II // ДР. 2010. № 3 (41). С. 78–79.

¹⁷⁹Медынцева А.А. Древнерусские надписи. С. 56–58, № 29.

¹⁸⁰Михеев С.М. Заметки. С. 79.

¹⁸¹С.В. Цыб видит здесь использование византийско-болгарской эры (*Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011. С. 140).

¹⁸²Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 348–350. Отмечу также мысль М.В. Печникова о том, что запись о гибели Глеба в Заволочье (1079 г.) может происходить из киево-печерского или черниговского синодика (*Печников М.В.* Новгородское княжение Глеба Святославича // Новгородика-2008: Вечевая республика в истории России: Маг-лы междунар. науч.-практ. конф. В. Новгород, 2009. Ч. 1. С. 62–63). На мой взгляд, однако, данное известие лучше рассматривать в комплексе с остальными новгородскими известиями Син. за 1040–1070-е гг., большинство из которых взяты явно не из синодика.

ставе обширного новгородского свода)? Не проще ли предположить, что шесть новгородских известий Син. за 1045–1079 гг. — это именно краткие записи, делавшиеся в Новгороде в это время и не входившие в состав какого-либо более обширного памятника?

Такой вывод кажется мне наиболее простым и наиболее вероятным — если только анализ других источников (Н1мл., НСГ) его каким-то образом не опровергнет. Более того, здесь снова можно попробовать соотнести объем некоторых известий и число следующих за ними «пустых лет». Если представить себе летопись, состоявшую только из этих записей, то она могла выглядеть так¹⁸³:

- Въ лѣто 6574. Приде Всѣславъ и взя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми;
Въ лѣто 6575. и колоколы съима у святѣя Софіе. О, велика бяше бѣда въ час
Въ лѣто 6576. тъи; и понекадила съима.
Въ лѣто 6577. Осень, мѣсяця октября въ 23, на святѣго Якова брата Господня,
Въ лѣто 6578. въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все[славъ] къ Новугороду;
Въ лѣто 6579. новгородци же поставиша плькъ противу ихъ, у Звѣринца
Въ лѣто 6580. на Къземли; и пособи Богъ Глѣбу князю съ новгородци.
Въ лѣто 6581. О, велика бяше сѣця Вожняномъ, и паде ихъ бещисльное число;
Въ лѣто 6582. а самого князя отпустиши Бога дѣля. А на заутрие обрѣтесе
Въ лѣто 6583. крѣст честный Володимиръ у святѣи Софіе Новѣгородѣ,
Въ лѣто 6584. при епископѣ Федоре.
Въ лѣто 6585. Прѣставися Феодоръ архиепископъ новгородьскыи.
Въ лѣто 6586.
Въ лѣто 6587. Убиша за Волокомъ князя Глѣба, мѣсяця мая въ 30.

Обратимся теперь к тексту Син. за 1017–1044 гг. Из этих 28 статей 19 — «пустые», и только 9 содержат какие-либо сообщения. Ни одно из них не является новгородским. Большинство сообщений находят себе параллель (в том числе и текстуальную) в ПВЛ.

Уникальна только статья 1017 г. («В лѣто 6525 Ярославъ иде къ Берестю. И заложена бысть святая София Киевѣ»); такой информации в ПВЛ нет. Между тем, эти сообщения *достоверны* и хронологически точны: их подтверждает современник событий — немецкий хронист Титмар Мерзебургский. Согласно Титмару, в 1017 г. Ярослав «напал на Болеслава, но, овладев [неким] городом, ничего [более] там не добился»; многие ученые полагают, что этим городом вполне могло быть Берестье¹⁸⁴. Тот же Титмар говорит, что в 1018 г. Болеслава и Свя-

¹⁸³ Ради экономии места даю лишь текст за 1066–1079 гг.; известия 1045 и 1052 гг. слишком кратки, чтобы увидеть здесь какую-либо закономерность.

¹⁸⁴ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 135, 140, 157–160.

тополка с почестями встречали «в соборе святой Софии, который в предыдущем году по несчастному случаю сгорел», а значит — должен был быть после отстроен заново, о чем и говорится в Син.¹⁸⁵

На сообщение Син. под 1017 г. неоднократно обращалось внимание в связи с историей летописания. Так, С.В. Бахрушин писал о нем как о примере уже существовавших в первой половине XI в. синхронных записей исторических событий¹⁸⁶. К. Цукерман и С.М. Михеев считают это известие первой припиской к Древнему сказанию — наиболее раннему памятнику русского историописания, который, по их мнению, доходил до 1016 г. и который был использован (вместе с припиской 1017 г.) в Син.¹⁸⁷

В Лавр. под этим годом несколько отличное известие: «Ярослав иде, и погорѣ церкви»; в других списках «классической» ПВЛ: «Ярослав ввоиде в Киевѣ, и погорѣша церкви». По мнению А.А. Гиппиуса и А.В. Назаренко, в архетипе ПВЛ или в Начальном своде читалось: «Ярослав иде Берестию, и погоре церкви святыя София»¹⁸⁸. Впрочем, данные Титмара подтверждают и факт пожара, и вероятный факт постройки (после пожара) Софийской церкви, т. е. вторая часть данного известия выглядит правдоподобно и в версии Лавр., и в версии Син. Какое бы чтение ни считать первоначальным, скорее всего, перед нами действительно подлинная запись, сделанная в 1017 г. Это роднит ее с новгородскими записями за 1045–1079 гг. Однако она вряд ли имеет какое-то отношение к Новгороду; скорее, такая запись могла быть сделана в Киеве.

А это уже наводит на следующую мысль: не были новгородские записи за 1045–1079 гг. продолжением аналогичных киевских записей за более раннее время. Иными словами, не велись ли в Киеве в первой половине XI в. краткие анналы, рукопись с которыми в 1040-х гг. (т. е. в момент строительства новгородского Софийского собора!) попала в Новгород и была продолжена местными записями? Есть два соображения в пользу того, что подобные краткие анналы в Киеве в первой половине XI в. действительно были.

Во-первых, обращалось внимание на серию кратких сообщений в статьях ПВЛ 1000–1011 гг., появление которых сложно объяснить ре-

¹⁸⁵ Там же. С. 137, 142, 187–188.

¹⁸⁶ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 17.

¹⁸⁷ Цукерман К. Наблюдения. С. 228–229; Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 121–122.

¹⁸⁸ Гиппиус А.А. О критике текста. С. 98–99; Назаренко А.В. Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. М., 2002. № 2. С. 132.

троспетивным творчеством летописцев и, которые, вполне возможно, представляют собой краткие летописные записи, делавшиеся при Десятинной церкви¹⁸⁹.

Во-вторых, велика вероятность того, что хотя бы некоторые из известий Син. за 1017–1044 гг. восходят к записям современников, а не возникли впервые в составе какого-либо более позднего свода. Помимо уже прокомментированной статьи 1017 г., это, например, известие о походе на Византию под 1043 г.¹⁹⁰ К сожалению, византийские источники, сообщающие об этом событии, не дают точной даты похода, однако позволяют датировать его началом правления Константина IX Мономаха, не ранее июня 1042 г.¹⁹¹ Близость этой даты к летописному 1043 г. заставляет, наверное, считать известие о походе записью, сделанной вскоре после события, а не спустя много лет. Мне кажется, что записью современника стоит считать и сообщение 1028 г. («Знамение змиево на небеси явися»). Поскольку речь идет не о затмении, проверить дату этого события невозможно, однако сложно представить себе, что подобное известие могло быть вписано в летопись «задним числом», спустя много лет. Схожее соображение, хотя и более гипотетично, можно высказать относительно известия 1039 г. о повторном освящении Десятинной церкви (в варианте Син. — явно ошибочное «Володимиромъ»¹⁹²) и 1044 г. о крещении костей Ярополка и Олега.

С другой стороны, вопросы вызывает сообщение 1037 г. о закладке Софийского собора в Киеве. О том, когда был построен каменный собор, существует целая дискуссия, опирающаяся на искусствоведческие аргументы, надписи-граффити и т. д. В целом вероятность того, что Софийский собор был заложен в 1037 г., невелика; скорее, к этому времени он был уже полностью или частично построен¹⁹³. 1037 г. как дата строительства собора в летописи появился, как считает С.М. Михеев, исключительно потому, что это — середина правления Ярослава Мудрого¹⁹⁴. Это обстоятельство, конечно, ставит под сомнение мою гипотезу о кратких киевских анналах как об источнике сообщений

¹⁸⁹ См.: *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. М., 2005. С. 185–186.

¹⁹⁰ Этому краткому известию Син. в ПВЛ соответствует развернутый рассказ о походе, основанный на информации Яня Вышатича (т. е., вероятно, появившийся уже в составе Начального свода 1090-х гг. — см.: *Гимон Т.В.* Янь Вышатич.; см. также ниже, в разделе 6).

¹⁹¹ *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978. С. 95–97.

¹⁹² Историографию вопроса о причинах повторного освящения см.: ПВЛ. С. 625.

¹⁹³ См. об этом: *Михеев С.М.* Когда был построен Софийский собор в Киеве? // *Именослов. История языка. История культуры*. М., 2012. С. 231–243.

¹⁹⁴ *Михеев С.М.* Кто писал Повесть временных лет? С. 101.

Син. за 1017–1044 гг., хотя и не делает ее совершенно невероятной. Ведь сообщение об основании Софии Киевской вполне могло быть вставлено ретроспективно на любом из последующих этапов истории текста.

Также важно отметить, что в тексте Син. за 1017–1044 гг. не нашла отражения основная сюжетная канва ПВЛ за эти же годы — написанные, вероятно, ретроспективно рассказы о борьбе Ярослава вначале со Святополком, а затем с Мстиславом. Не нашли отражения в Син. и известия о рождениях Ярославичей, вероятно, расставленные ретроспективно более поздним летописцем, причем с определенной периодичностью (через два года на третий) — в Син. присутствует лишь известие о рождении Владимира Ярославича в 1020 г., которое как раз не вписывается в эту серию¹⁹⁵. Но, с другой стороны, известие ПВЛ о походе на Червенские города, хронологическая точность которого подтверждается зарубежными источниками¹⁹⁶, в Син. не вошло.

На мой взгляд, допустимы две возможности: 1) текст Син. за 1017–1044 гг. является (как и большая часть последующего текста) выборкой из Начального свода, осуществленной около 1093 г.; 2) текст Син. за 1017–1044 гг. восходит к кратким анналистическим записям, делавшимся в эти годы в Киеве (хотя и осложнен ретроспективным известием о закладке киевского Софийского собора). Второй вариант кажется мне более вероятным, однако решающих аргументов в его пользу я не нахожу.

Если второй вариант все же верен, можно предположить, что эти краткие анналы включали в себя:

1) краткие известия, читающиеся в ПВЛ под 1000–1011¹⁹⁷;

¹⁹⁵ Вилкул Т.Л. Даты рождения. С. 108–114.

¹⁹⁶ См.: Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 342–345. Это известие в ПВЛ, очевидно, читается не в первоначальном виде (слова «и суть до сего дне» выдают руку более позднего книжника), однако в основе его, по-видимому, запись современника.

¹⁹⁷ Против предположения о родстве записей за 1000–1011 и 1017–1079 гг. как будто свидетельствует их содержание: записи 1000–1011 гг. касаются почти исключительно смертей, тогда как содержание более поздних записей разнообразнее. Однако краткие анналы при Ярославе Мудром могли продолжать другие люди, шире смотревшие на назначение таких записей. К тому же, сообщения 1039 г. (об освящении Десятинной церкви) и 1044 г. (о перезахоронении Ярополка и Олега и крещении их останков) способны стать неким «мостиком» к «десятинным» записям 1000–1011 гг. Против того, что известия за 1000–1011 гг. вообще восходят к записям современников, как будто свидетельствуют ретроспективные уточнения: «мати Ярославля» (1000 г.) и «отець Брячиславль» (1002 г.). Впрочем, это могут быть и более поздние дополнения (ср.: Шахматов А.А. История... С. 123).

- 2) сообщение о смерти Владимира 15 марта 1015 г. (единственная дневная дата в тексте ПВЛ за первую половину XI в.!¹⁹⁸);
- 3) краткое известие о Любечской битве, которое находим в начале статьи 1016 г. Н1мл. и которое дублирует дальнейшее изложение: «Бысть съца у Любца, и одолѣ Ярославъ; а Святополкъ бѣжа в Ляхы»¹⁹⁹;
- 4) краткие известия о событиях 1017–1044 гг. (как включенные в Син., так и отразившиеся только в ПВЛ);
- 5) новгородские известия Син. за 1045, 1052, 1066, 1069, 1077 и 1079 гг. (которые, естественно, были записаны уже в Новгороде, после того как рукопись с этими краткими анналами была привезена в Новгород — вероятно, во вновь построенный Софийский собор).

Что могли собой представлять эти анналы? Это могли быть записи на пасхалии²⁰⁰, просто «краткие анналы» (например, на заключительных листах какой-то богослужебной рукописи) или, наконец, анналистические приписки к уже существовавшему пространному историческому сочинению²⁰¹. Выбрать одну из этих возможностей представляется затруднительным. Вообще, все сказанное об этих кратких анналах — пока довольно шаткая гипотеза, но я надеюсь на ее дальнейшее обсуждение в кругу специалистов по древнерусскому летописанию.

Подведу итог анализу текста Син. за 1017–1114 гг.

- 1) Весьма вероятно, что новгородский свод, отразившийся в Син., был составлен не в 1110-х гг., а раньше — в 1090-х гг. (точнее, между 1093 и 1095 гг.). В 1110-х гг. этот свод был пополнен выборкой из киевской летописи за истекшие годы и известиями о новгородских событиях за эти же годы, записанными «по припоминанию». При этом сообщение 1095 г. о вокняжении Давыда в Новгороде — вероятно, запись современника, первая приписка к новгородскому своду 1090-х гг.

¹⁹⁸Смерть Владимира именно в 1015 г. подтверждается польскими анналами (*Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 148–149).

¹⁹⁹Ср.: *Алешиковский М.Х.* Повесть временных лет. С. 30; *Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись. С. 14. А.А. Шахматов полагал, что эта начальная фраза статьи 1016 г. Н1мл. «принадлежит к роду тех кратких известий», которыми наполнен текст Син. за XI в. и которые представляют собой краткие выписки из ПВЛ (неопубликованная работа, цит. по: *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. С. 108).

²⁰⁰См. об этом виде исторических текстов: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 243–262.

²⁰¹Ср.: *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание. С. 190.

2) Сводчик 1090-х гг. до 1016 г. включительно воспроизводил полный текст Начального свода, а для последующего времени — выборку из него же, которую дополнил текстом кратких анналов. Отказ сводчика 1090-х гг. от полного воспроизведения после 1016 г. Начального свода был связан, на мой взгляд, с его видением истории Киева и Новгорода, которая после событий 1015–1016 гг. уже переставала быть единой, начиналась история становления Новгорода как самостоятельного политического образования. Из кратких анналов сводчиком были взяты шесть уникальных сообщений о новгородских событиях 1045–1079 гг. Вполне возможно, что больше за указанные годы в этих анналах ничего и не было²⁰². Также вероятно (хотя эта гипотеза более уязвима), что эти анналы в 1040-х гг. (время строительства новгородского Софийского собора) были привезены в Новгород из Киева, причем в них уже имелись киевские записи за первую половину XI в. Если это так, то сообщения Син. за 1017–1044 гг. (может быть, не все) — суть не выписки из Начального свода, но краткие известия из этих древних анналов.

5. НОВГОРОДСКАЯ I ЛЕТОПИСЬ МЛАДШЕГО ИЗВОДА

Текст Н1мл. за XI век представляет собой довольно сложную картину. Вплоть до статьи 1016 г. Н1мл. передает Начальный свод, что было убедительно показано еще А.А. Шахматовым²⁰³. Окончание статьи 1016 г. в целом совпадает с тем фрагментом статьи 1016 г., которая читается на первом сохранившемся листе Син. и, вероятно, весь этот текст относится к Начальному своду²⁰⁴.

Текст за 1017–1037 гг. и начиная с 1075 г. в Н1мл. полностью совпадает с Син. Но зато в промежутке между 1037 и 1075 гг. Син. и Н1мл. имеют очень мало общего. Статьи Н1мл. за 1038–1043 гг. — «пустые». В статьях 1044–1074 гг. в Н1мл. видим, во-первых, обширные заимствования из ПВЛ и, во-вторых, ряд сообщений о новгородских событиях, лишь отчасти пересекающихся с сообщениями Син. за те же годы.

²⁰² Хотя какие-то записи могли дублироваться Начальным сводам и неотличимы поэтому от выписок из него (например, в этих анналах вполне могло сообщаться о смерти Ярослава Мудрого и т. п.).

²⁰³ См. примеч. 1.

²⁰⁴ Хотя в Н1мл. в текст, общий с Син., сделаны три вставки — две на основе статьи 1019 г. ПВЛ и одна — про «правду и устав» Ярослава (*Гунтуус А.А.* К истории... С. 59–60; о последней вставке см. приложение к настоящей статье).

Соотношение Син. и Н1мл. в части за XI в. подробно разбиралось в работах А.А. Гиппиуса и Т.Л. Вилкул²⁰⁵. Согласно А.А. Гиппиусу, Н1мл. отражает результаты работы сводчика 1160-х гг. (Германа Вояты). Этот сводчик заменил начальные тетради НВЛ на новые, не тронув при этом ее заключительную часть (начиная с 1075 г.). Старое же начало летописи тогда отдали в Юрьев монастырь, и оно послужило протографом Син. Таким образом, в Син. мы видим более раннее состояние новгородской летописи (свод 1110-х гг. или, как я пытался показать выше, свод 1090-х гг.), а в Н1мл. — свод 1160-х гг.²⁰⁶ По мнению Гиппиуса, в статьях 1044–1074 гг. сводчик 1160-х гг. (Герман Воята) использовал новгородский свод XI в. и ПВЛ²⁰⁷. Этот сводчик, желая «более четко обозначить исторический рубеж, связанный с возведением Новгородской Софии», не использовал целый ряд известных (даже о новгородских событиях), имевшихся в его протографе (и имеющих в Син.), но, наоборот, начиная с 1040-х гг., стал активно использовать материалы как новгородского свода XI в., так и ПВЛ²⁰⁸. Именно для того, чтобы оттенить сообщения о Софийском соборе, сводчик 1160-х гг. оставил перед ними целых шесть «пустых лет»²⁰⁹.

Т.Л. Вилкул также подробно разобрала соотношение текстов Син., Н1мл. и ПВЛ в статьях за XI в. Для статей 1016–1037 гг. исследовательница констатирует восхождение Н1мл. к Син. В статьях 1037–1053 гг. Н1мл., по мнению Вилкул, больше основывается на ПВЛ, а Син. использует совсем немного, быть может, в статьях 1049 и 1052 гг. Под 1044, 1049 и 1050 гг. Н1мл. дает информацию, отсутствующую и в Син., и в ПВЛ. Эта информация — результат творчества создателя Н1мл., который добавил новые сообщения о Софийском

²⁰⁵Еще раньше о соотношении Син. и Н1мл. писал А.А. Шахматов в неопубликованной части своей работы — см. пространные выдержки: *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. С. 108–109. Также наблюдения над этой частью Н1мл. см.: *Цукерман К.* Наблюдения. С. 265–282.

²⁰⁶*Гиппиус А.А.* К истории. С. 34–70.

²⁰⁷Согласно А.А. Гиппиусу, ПВЛ раннего вида, но не Начальный свод (Там же. С. 49–50, 55–56; *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций. 2007. № 5. С. 25–26). С.М. Михеев предлагает вернуться к мысли А.А. Шахматова, что в этих статьях был использован Начальный свод (*Михеев С.М.* Кто писал Повесть временных лет? С. 33–35, 140). Не вдаваясь в спор, отмечу, что в Н1мл. отсутствует известие о пожаре киевского Подола 1069 г., которое есть в Син. и которое вряд ли могло быть взято откуда-то еще кроме Начального свода (см. раздел 4). Также отмечу, что текст Н1мл. в этих статьях подозрительно мало отличается от «классической» ПВЛ — в противоположность тексту за IX–X, да и, вероятно, за первую половину XI в. (см. о нем в разделе 6 — и ср.: *Müller L.* К критике текста и переводу *Повести временных лет* // *RL.* 2006. P. 406–408; *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций. 2007. № 5. С. 25).

²⁰⁸*Гиппиус А.А.* К истории. С. 57.

²⁰⁹Там же. С. 57–58.

соборе и особенно акцентировал внимание на роли Ярослава Мудрого, а не только его сына Владимира, в постройке храма. В статьях 1054–1061 гг. Н1мл. в основном копирует ПВЛ, а Син. не пользуется. Уникальные сведения Н1мл. под 1055, 1058 и 1060 гг. — плод творчества создателя Н1мл. В статьях 1061–1074 гг. Н1мл. основывается только на ПВЛ, а после 1074 г. — снова на Син.²¹⁰

Таким образом, и А.А. Гиппиус, и Т.Л. Вилкул считают текст Син. первичным, а текст Н1мл. — вторичным. Однако, в отличие от А.А. Гиппиуса, Т.Л. Вилкул датирует сводческую работу, в результате которой сформировался текст Н1мл. за XI в., не 1160-ми гг., а XV в. Слова «идеже нынѣ поставилъ Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховомъ» (в статье 1049 г.) — главный аргумент в пользу XII в. — Вилкул считает принадлежащими сводчику XV в. По мнению исследовательницы, оборот «идеже нынѣ» «присущ составителю ПВЛ и не характерен для других ранних сводов, описывавших в основном современные летописцам события»; наоборот, вслед за ПВЛ этот оборот встречается в поздних сводах. Слово «идеже» отсутствует в других известиях Н1 за XII в. и лишь спорадически присутствует в XIII в. Из всего этого исследовательница делает вывод, что «это выражение является не записью XII в., а стилизацией под ПВЛ, с которой работал новгородский компилятор»²¹¹.

На мой взгляд, прав А.А. Гиппиус. Слова «идеже нынѣ поставилъ Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховомъ» все же указывают на XII в.: Н1 сообщает о закладке церкви Бориса и Глеба под 1167 г., и вряд ли летописец мог сказать об этом событии «нынѣ», если он сам не был его современником²¹². Конечно, можно предположить, как это и сделала Т.Л. Вилкул, осозанный подлог: сводчик XV в. употребил наречие «нынѣ» чтобы созданный им текст воспринимался как текст XII столетия, или, иначе говоря, произвел стилизацию под древние летописи. Однако на сводческую работу в Новгороде в 60-х гг. XII в. указывают и другие данные, а не только рассматриваемая фраза. Как говорилось в разделе 3, перечень киевских князей в статье 989 г. Н1мл. доведен до Ростислава Мстиславича, умершего в 1167 г., а в перечне новгородских князей на это же время приходится очевидный стилистический рубеж. Это совпадение заставляет не

²¹⁰ Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. С. 9–30.

²¹¹ Там же. С. 24.

²¹² «...временная глубина древнерусского „нынѣ“ не поддается точному определению», но, конечно, речь не может идти о столетиях (Гиппиус А.А. К истории. С. 47).

соглашаться с Т.Л. Вилкул и считать, вслед за А.А. Гиппиусом, текст Н1мл. за XI в. результатом работы сводчика 1160-х гг.

Как только что было сказано, помимо фрагментов, взятых из ПВЛ, в своде 1160-х гг. появилось несколько сообщений о новгородских событиях XI в. Вот эти сообщения:

1044. Ходи Ярослав на литву; а на весну же Володимиръ заложи Новъгород и сдѣла его.

1045. Заложи Володимиръ святую Софью в Новъгородѣ.

1049. Месяца марта въ 4, въ день суботный, сгорѣ святая Софья; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имуши, а ту стояла святая Софья конецъ Пискуплѣ улице, идеже нынѣ поставилъ Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховомъ.

1050. Свершена бысть святая Софѣа в Новъгородѣ, повелѣниемъ князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луку.

1052. Месяца октября въ 4 день, в неделю, преставися Володимиръ, сынъ Ярославъ, старейшии в Новъгородѣ; положиша и в Новъгородѣ въ святеи Софѣи, юже бѣ создалъ самъ.

1055. В семь же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики, и изиде изъ Новагорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта.

1058. Сем же лѣтѣ архиепископъ Лука прия свои столь в Новъгородѣ и свою область. Дудицъ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обе руцѣ, и бѣжа в Нѣмци.

1060. Потом же ходи Изяславъ на Сосолы и дань заповѣда даяти по 2000 гривень; они же поручьшеса и изгнаша даньники; на весну же, пришедше, повоеваша села о Юрьеве, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу имъ плесковичѣ и новгородци на сѣчу, и паде Руси 1000, а Сосоль бещисла.

В этом ряду новгородских известий мы видим только два совпадения с Син.: сообщение о закладке Софийского собора под 1045 г. и сообщение о смерти Владимира Ярославича под 1052 г. Оба известия есть и в ПВЛ — другом источнике сводчика 1160-х гг. Но во втором известии имеется точная дата (4 октября), отсутствующая в ПВЛ, но имеющаяся в Син. и происходящая, как говорилось выше, из подлинной анналистической записи XI в. В Н1мл., таким образом, оказалась соединена формулировка из ПВЛ и точная дата из Син., а также добавлено отсутствующее в обоих этих источниках указание на день недели: воскресенье. Это указание верно: 4 октября в 1052 г. действительно приходилось на воскресенье. Однако нет необходимости возводить указание на воскресенье к какому-то третьему источнику: сводчик 1160-х гг. вполне мог вычислить по вруцелету, на какой день недели падало то или иное число в любом году. Как считает целый ряд

ученых, именно такую операцию этот сводчик проделал в отношении даты пожара Софийского собора, о чем будет сказано чуть ниже.

Остальные приведенные новгородские сообщения Н1мл. не находят себе параллели в Син., а в случае с Софийским собором — прямо ему противоречат. Начну поэтому с рассмотрения «Софийской проблемы», уже не раз привлекавшей к себе внимание ученых. Для наглядности размещу сообщения Син. и Н1мл. об основании Софийского собора в две колонки:

Таблица 1

Син.	Н1мл.
Въ лѣто 6553 [1045]. Сѣгорѣ святая Софія, въ субботу, по заутрѣни, въ час 3, мѣсяца марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володимиромъ князѣмъ.	В лѣто 6553 [1045]. Заложѣ Володимирѣ святую Софѣю в Новѣгородѣ. <...> В лѣто 6557 [1049]. Мѣсяца марта въ 4, въ день суботныи, сгорѣ святая Софѣя; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софѣя конецъ Пискуплѣ улице, идеже нынѣ поставилъ Сотѣке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховомъ. В лѣто 6558 [1050]. Свершена бысть святая Софѣя в Новѣгородѣ, повелѣниемъ князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки.

Как видим, совпадает только то, что каменный собор был основан в 1045 г. (это же есть и в ПВЛ), а также указание на месяц март и на субботу как на время пожара деревянной Софии. Все остальное, включая последовательность событий, — различно. Вопрос о причинах этих расхождений (а также о том, что же было на самом деле) весьма сложен и вряд ли когда-нибудь будет разрешен со всей однозначностью. Учеными было предложено три основных пути его решения.

1) *Первична и более достоверна информация Н1мл., а в Син. — искусственная перестановка.* Так полагал Н.Г. Бережков, отталкиваясь от того обстоятельства, что дата пожара в Син. (суббота 15 марта) ошибочна и соответствует не 1045, а 1046 г., тогда как в Н1мл., напротив, дата верная (в 1049 г. 4 марта действительно приходилось на субботу). В Син. же, «на одном из этапов» его сложения, была произведена перестановка, вызванная «тем ошибочным соображением, что новая

София была воздвигнута вследствие пожара старой и что, следовательно, пожар старой предшествовал закладке новой». В то же время, в Син. сохранилось указание на час события, «выпавшее» из Н1мл.²¹³ Этой же точки зрения придерживается Д.С. Лихачёв²¹⁴ и, осторожно, А.А. Гиппиус²¹⁵.

2. *Противоречие между Син. и Н1мл. объясняется тем, что они восходят к разным летописным источникам XI в.* Эта точка зрения высказывалась А.Г. Кузьминым и С.В. Цыбом. По мнению Кузьмина, «не исключено... что речь идет о двух самостоятельных записях об одном и том же событии»²¹⁶. Цыб полагает, что пожар деревянной Софии случился 4 марта 1049 г. и был записан двумя разными летописцами, один из которых использовал византийско-болгарскую эру (6553 г. Син.), а другой — константинопольскую (6557 г. Н1мл.)²¹⁷.

3. *Первичен вариант Син., а Н1мл. — позднейшая искусственная конструкция.* Первым эту мысль высказал В.Л. Янин. Ученый посчитал построение Бережкова «явно искусственным», отметив, что дата Син. (суббота 15 марта) верна для 1046 г. и, если предположить здесь циркамартовскую датировку, ошибки здесь нет, а значит можно признать запись Син. подлинной. Напротив, Янин обращает внимание на то, что южная часть новгородского Детинца (где находилась Борисоглебская церковь) была включена в систему новгородских фортификаций лишь в 1116 г. Кафедральный собор (пусть и деревянный) вряд ли мог находиться вне стен Детинца, а значит — достоверность известия Н1мл. сомнительна. Кроме того, раскопки 1940 г. на месте Борисоглебской церкви не подтвердили существования там древней Софии. В Н1мл. Янин видит позднейшее искусственное построение, «тенденциозную легенду», призванную возвеличить то место, на котором позднее была построена церковь Бориса и Глеба, тесно связанная с боярством Прусской улицы. Янин относит создание этой легенды ко «второму периоду истории церкви Бориса и Глеба», т. е. ко времени между концом XIII и серединой XV в.²¹⁸

Примерно ту же точку зрения развивает С.И. Сивак. По ее мнению, создатель известий Н1мл. о Софийском соборе перестроил сообщение Син. и добавил «шлейф топографических и хвалебных подробно-

²¹³ *Бережков Н.Г.* Хронология. С. 221. То же на с. 226–227.

²¹⁴ ПВЛ. С. 485–486.

²¹⁵ *Гиппиус А.А.* К истории. С. 56–57, примеч. 141.

²¹⁶ *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы. С. 379.

²¹⁷ *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление. С. 140.

²¹⁸ *Янин В.Л.* Очерки. С. 124–130 (цитаты со с. 129–130).

стей», а также пересчитал дату события по пасхалии на более правдоподобную²¹⁹. Помимо соображений, уже высказывавшихся Яниным, Сивак обратила внимание на указанное в Н1мл. число «верхов» деревянной Софии: 13. Киевская каменная София тоже имела 13 «верхов», однако в Списке русских городов, известном в новгородском летописании XV в., киевская София обозначена «о 12 версеѣх», т. е., по замыслу создателя Н1мл., у новгородского собора было на один «верх» больше. С.И. Сивак считает, что слова «идеже нынѣ поставилъ Сотѣке церковь камену святого Бориса и Глеба» — это не доказательство того, что известие Н1мл. составлено в XII в.; наоборот, оно принадлежит XV веку. Перед нами «формула, раскрывающая откровенную редактуру... Это свидетельство из того же ряда суперлативности, что и 13 глав — самое большое многолавие и самое, выражаясь современным языком, престижное размещение». Сивак трактует слова «ныне поставилъ» в смысле: поставил там, где ныне стоит. Обоснования такой интерпретации исследовательница не приводит²²⁰.

По мнению Д.А. Петрова, с которым трудно не согласиться, написать «идеже нынѣ поставилъ Сотѣке церковь камену святого Бориса и Глеба» можно было только в XII в. (вскоре после 1167 г.), но никак не в XV в. Петров напоминает, что между XII и XV вв. церковь Бориса и Глеба трижды перестраивалась и, вероятно, дважды поновлялась. Если процитированные слова действительно принадлежат летописцу XV в., то составителя Н1мл. следовало бы признать «крайне искусным поддельщиком», который специально «датировал» эту запись XII веком. Церковь Бориса и Глеба и без того занимала важное место в создании новгородцев XIV–XV вв., так что «полагать, что летописец XV в. прибег к сознательному подлогу для еще большего укрепления „авторитета“ этой церкви, кажется странным». Петров согласен с В.Л. Яниным в том, что летописная локализация деревянной Софии недостоверна, однако считает, что «эта легенда возникает не в XIV–XV вв., а, как минимум, в конце XII в.»²²¹.

Т.Л. Вилкул вернулась к датировке софийских известий Н1мл. XV веком, в целом согласившись с аргументами С.И. Сивак²²². Соображения Т.Л. Вилкул в пользу формирования текста в XV в. были приведены мною чуть выше. Также исследовательница считает, что «пристальное внимание к софийской тематике» — скорее, черта XIII–XV,

²¹⁹ Сивак С.И. О деревянной Софии. Р. 11–12.

²²⁰ Там же. Р. 13.

²²¹ Петров Д.А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999. С. 25.

²²² Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. С. 22–24.

но не XII в. Вилкул обращает внимание на то, что в Н1мл., в отличие от Син., подчеркнута участие Ярослава Мудрого, а не только его сына, в строительстве Софийского собора, а также акцентированы семь лет, прошедшие между сооружением киевского и новгородского соборов²²³.

Как я писал чуть выше, на мой взгляд, аргументы в пользу XII в. явно перевешивают. Тем не менее из трех названных путей решения «Софийской проблемы» наиболее плодотворным мне представляется третий: подлинная запись XI в. имеется только в Син., а в Н1мл. — творчество более позднего летописца (на мой взгляд — не XV, а XII в.). Слишком многое в сообщениях Н1мл. о Софийском соборе заставляет подозревать в них тенденциозный конструкт, а не подлинную запись XI в.

К приведенным выше аргументам исследователей позволю себе добавить еще два соображения. Во-первых, если сводчиком 1160-х гг. действительно был Герман Воята²²⁴, то в указании на местонахождение деревянной Софии можно, как справедливо пишет А.А. Гиппиус, усмотреть след его «кончанского патриотизма»²²⁵. Борисоглебская церковь, которую заложил в 1167 г. Содко Сытинич, была своего рода «противовесом» Софийскому собору со стороны Людина конца, а также вечерым храмом Людина конца²²⁶.

Во-вторых, можно установить, откуда сводчик 1160-х гг. взял дату окончания строительства Софийского собора — 1050 г. В НК1 говорится о том, что жена Ярослава Мудрого умерла в 1041 г., «в лѣто 1-е, егда начя здати святую Софию». Хотя в 1041 г. никакой Софии, скорее всего, не строили, данная формулировка говорит о том, что в начале XV в. устная традиция связывала смерть княгини со строительством собора²²⁷. Под 1050 г. в ПВЛ говорилось о смерти жены Ярослава, и можно предположить, что сводчик 1160-х гг. посчитал, что под этим же годом уместно поместить известие о завершении строительства Софии.

Таким образом, сообщения о строительстве Софийского собора Н1мл. вряд ли являются подлинными и написаны, скорее всего, в

²²³ Там же. С. 25.

²²⁴ Обоснование см.: Гиппиус А.А. К истории. С. 21–34, 68–68.

²²⁵ Гиппиус А.А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 127–128.

²²⁶ См.: Там же. С. 128–129; Янин В.Л. Очерки. С. 127–128 и сл.

²²⁷ Ср.: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 106. См. также в разделе 6.

60-х гг. XII в. Однако можно ли считать «подделкой» XII в. другие оригинальные сообщения Н1мл. о событиях XI в., традиционно возводимые к новгородскому своду XI в.²²⁸: известие о походе на литву и основании новгородской крепости, о клевете на епископа Луку Жидяту и его реабилитации, о походе на сосолов?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно, если не невозможно. Точных дат или иных признаков записи современником событий в этих сообщениях нет. Т.Л. Вилкул привела некоторые соображения в пользу их «поддельности». Так, формула «заложы и сдѣла» в известии о строительстве городских укреплений (1044 г.) не используется в ранних летописях²²⁹. Обыгрываемый в известиях за 1055 и 1058 гг. о Луке Жидяте «сюжет „вреда от холопов“ встречается в поздних летописях»²³⁰. По мнению исследовательницы, «повествование о Луке свидетельствует о попытке реконструкции первых этапов древнерусской церковной истории», которая проявилась также в перечнях и других известиях сводов XV в.²³¹ Известие о походе на сосолов 1060 г. тоже, возможно, позднее. Еще А.А. Шахматов отметил, что слово «русь» в XI в. не использовалось новгородцами как самоназвание, а формула «псковичи и новгородцы» может свидетельствовать о псковском происхождении записи²³². По мнению Т.Л. Вилкул, размер дани — 2000 гривен — подобен сумме дани Ярослава Мудрого отцу в борисоглебском цикле. Данное известие могло обосновывать претензии новгородцев на территорию вокруг Юрьева²³³. На мой взгляд, каждый из этих аргументов не носит обязательного характера, однако вместе они склоняют к тому, чтобы задуматься о «неподлинности» этих известий Н1мл.²³⁴

Если данные известия все же подлинные, то из какого источника XI в. они могут происходить? Конечно, они могли читаться в тех же самых кратких анналах, которые послужили источником Син., но в та-

²²⁸ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 343–349; Гуннус А.А. К истории. С. 56–57.

²²⁹ Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. С. 26.

²³⁰ Там же. С. 27 (исследовательница приводит несколько примеров этой идеи в летописях XIV–XVI вв.).

²³¹ Там же. С. 27–28.

²³² Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 160, примеч. 1. С последним согласился И.М. Троицкий (Троицкий И.М. Возникновение. С. 289). М.Х. Алешковский считал употребление слова «русь» в применении к новгородцам и псковичам признаком южнорусского происхождения сообщения 1060 г. (Алешковский М.Х. К типологии. С. 157), что вряд ли убедительно.

²³³ Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись. С. 28, примеч. 104.

²³⁴ М.Х. Алешковский отмечает, что в известии 1060 г. идет речь о событиях более чем одного года, «что свидетельствует об отсутствии погодной даты в первоначальном виде этого текста» (Алешковский М.Х. К типологии. С. 153). Впрочем, так могло быть и в записи XI в., просто сделанной, скажем, спустя пару лет после событий.

ком случае неясно, почему в Син. и Н1мл. оказались отражены *разные* известия о новгородских событиях XI в. Уникальные известия Н1мл. сосредоточены в статьях за 1040–1050-е гг., большинство из которых в Син. — «пустые». Почему же сводчик 1093 г., если данные известия были в его источнике, не использовал их? Значит, скорее всего, эти сообщения были или взяты из какого-то *другого* источника XI в., или впервые записаны сводчиком 1160-х гг.

Если верно первое, то невозможно сказать, как выглядел этот источник. Быть может, это были такие же краткие анналы (например, другое продолжение тех же киевских анналов, попавших в 1040-х гг. в Новгород)? Или приписки к какому-то другому киевскому памятнику, попавшему в середине XI в. в Новгород (и далее в новгородской летописной традиции никак не отразившемуся)? Сказать трудно. К сожалению, исследование других источников (прежде всего, НСГ), которое будет предпринято ниже, тоже мало прояснит этот вопрос: их уникальные сведения об истории Новгорода XI столетия будут иметь совсем другое происхождение.

Если верно второе, то, в отличие от сообщений о Софийском соборе, не вполне ясен мотив «подделки». Впрочем, речь может идти даже не о тенденциозной подделке, но о стремлении сводчика 1160-х гг. пополнить сведения о наиболее интересном для него периоде новгородской истории — эпохе постройки Софийского собора²³⁵ — на основе устной традиции. Именно устная традиция клира Софийского собора могла сохранить до XII в. сведения о постройке Владимиром Ярославичем новгородского Детинца, о клевете и оправдании второго новгородского епископа Луки Жидяты и о войне с сосолами. В пользу устного происхождения последнего сообщения, помимо прочего, могут говорить содержащиеся в нем круглые цифры: размер дани в 2000 гривен и 1000 погибших новгородцев.

Таким образом, мне кажется наиболее вероятным, что уникальные сообщения Н1мл. о новгородских событиях XI в. принадлежат перу сводчика 1160-х гг. Германа Вояты, основывавшегося на собственных соображениях и устной традиции. Впрочем, данных для окончательного решения этого вопроса слишком мало; нельзя полностью исключать и того, что часть этих известий восходит к какому-то письменному источнику XI в.

²³⁵Как указал А.А. Гиппиус, все рассматриваемые известия, кроме сообщения о походе на сосолов, имеют некоторое отношение к Софийскому собору, ведь они прослеживают судьбу двух его основателей — Владимира Ярославича и епископа Луки (*Гиппиус А.А.* К истории. С. 57, примеч. 142).

6. ПЕРВАЯ ПОДБОРКА НОВГОРОДСКОЙ КАРАМЗИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Больше всего уникальных сообщений за XI в. находим в летописях Новгородско-Софийской группы (НСГ). Речь идет о группе близкородственных летописных сводов, возникших в первой половине XV в. в Новгороде и Москве (а также, возможно, в Троице-Сергиевом монастыре) и соединяющих — в разной пропорции — новгородский и общерусский материал. К НСГ относят главным образом три свода: НК (состоящую из двух «подборок» — НК1 и НК2), С1 и Н4, хотя к ним близки и такие памятники, как Новгородская V летопись, Рогожский летописец, ЛА, Тв. и др.

Соотношение между этими сводами — сложная текстологическая проблема²³⁶. Согласно Я.С. Лурье и М.А. Шибаеву, к первому Новгородско-Софийскому своду независимо восходят НК и С1, тогда как Н4 восходит к НК (точнее — к протографу дошедшей до нас рукописи НК)²³⁷. По мнению других исследователей, наиболее ранний пласт НСГ — это НК1. Так, согласно Г.М. Прохорову, НК1 — это свод, создававшийся постепенно, с конца XII в.²³⁸ По более реалистичной, на мой взгляд, гипотезе А.Г. Боброва, НК1 — свод 1411–1412 гг., положивший начало соединению новгородского и общерусского материала в рамках одной летописи²³⁹. Интересной представляется идея Б.М. Клосса о том, что оригинал первого Новгородско-Софийского свода уже состоял из двух подборок — как дошедшая до нас НК (ученый датирует их обе 1418–1419 гг.)²⁴⁰. Н.И. Милютенко предположила, что работа над летописями НСГ заняла много лет (с конца XIV в. до 1428 г.), причем НК1, С1 и НК2 частично создавались параллельно, с

²³⁶См. важнейшие работы: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121; *Прохоров Г.М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. 1977. Вып. 32. С. 165–198; *Он же.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // Там же. 1999. Т. 51. С. 137–205; *Шибаев М.А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394; *Бобров А.Г.* Новгородские летописи.; *Накадзава А.* Исследования.; *Милютенко Н.И.* Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // ЛХ. 2008. М.; СПб., 2008. С. 11–51.

²³⁷*Лурье Я.С.* Общерусские летописи. С. 67–121; *Шибаев М.А.* Редакторские приемы.

²³⁸*Прохоров Г.М.* Летописные подборки.

²³⁹*Бобров А.Г.* Новгородские летописи. С. 96–128.

²⁴⁰*Клосс Б.М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. XII–XVI.

опорой на одни и те же источники²⁴¹. В другой статье я предложил следующую рабочую гипотезу: две подборки НК были созданы в разное время, но вторая была не чем иным, как серией дополнений к первой (которые могли быть сделаны в той же рукописи, частично — даже на полях той же рукописи). С1 и Н4 в таком случае — это два разных опыта соединения этих подборок в одну летопись (но С1 составлена на основе оригинала НК, а Н4 — на основе ее новгородской копии)²⁴².

Как бы то ни было, абсолютное большинство уникальных известий НСГ о событиях XI в. присутствует в НК1. Более того, почти все те известия, которые есть в НК1, читаются и в С1²⁴³. Следовательно, весь этот комплекс сообщений уже был в древнейшем пласте НСГ. Есть совсем немного известий, которых нет ни в НК1, ни в ПВЛ, ни в Н1 (но которые читаются в НК2, С1 и/или Н4), — они, скорее всего, не принадлежат древнейшему пласту НСГ и потому будут рассмотрены мною отдельно (в разделе 7). В настоящем же разделе речь пойдет только о тех сообщениях, которые читаются в НК1. Там, где речь будет идти не о дошедшей до нас НК1 (в рукописи рубежа XV–XVI вв.), но о своде начала XV в., точнее всего отразившемся в НК1, я буду использовать условное обозначение $\sqrt{\text{НК1}}$.

Для начала надо охарактеризовать НК1 (точнее, $\sqrt{\text{НК1}}$) как летописный свод. Как признают исследователи, до 1185 г. НК1 в основном представляет собой соединение двух летописей — близкой к Лавр.²⁴⁴ и близкой к Н1мл. (НВЛ или какой-то ее копии²⁴⁵); после 1185 г. НК1 опирается главным образом на новгородскую летопись. Наличие у $\sqrt{\text{НК1}}$ этих двух *основных* источников не исключает источников *дополнительных*, о которых и пойдет речь.

²⁴¹ Милотенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 47–51.

²⁴² Гимон Т.В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 26–27.

²⁴³ В С1 нет только двух дублирующих друг друга известий о смерти жены Ярослава Мудрого (под 1041 и 1045 гг.), поучения Луки Жидяты (под 1058 г.), известий о смерти епископа Германа (1095 г.), поставлении Никиты (1096 г.) и о закладке церкви в Смоленске (1100). Первые два известия составитель С1, очевидно, заменил взятым из ПВЛ или Н1мл. сообщением под 1050 г. Известия о Германе, Никите и смоленской церкви, очевидно, отсутствуют в С1 из-за общей более радикальной переработки текста статей за конец XI — начало XII в. в этой летописи. Ситуация с поучением неясна, но оно настолько выбивается из остальных сообщений за XI в., что это вопрос для нас сейчас не принципиальный (см. также примеч. 250).

²⁴⁴ Гунциус А.А. О критике текста. С. 82–85.

²⁴⁵ По-видимому, между НВЛ и Н1мл. было два опосредующих звена, и одно из них как раз и послужило источником НК1 — см.: Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Различия между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 112–125.

Важный рубеж в НК1 приходится на 1070-е гг. До этого времени в НК1 видим очень подробный текст, сопоставимый по объему с соответствующими статьями ПВЛ. В 1070-х гг. текст становится куда более кратким, а в С1 старшего извода с 1077 г. начинаются отсылки «Писано в Кивьскомъ», «Ищи в Киевскомъ» и т. п.²⁴⁶ В.К. Зиборов видит объяснение этой границы в том, что в летописях НСГ отразился киевский свод, доводивший свое изложение до 1076 г.²⁴⁷ На мой взгляд, однако, оснований для такого вывода нет; скорее, граница (кстати, не вполне четко локализуемая; если сличать подряд НК1 с ПВЛ, то видно, что степень «сокращенности» текста НК1 нарастает постепенно) связана с тем, что статьей 1074 г. заканчивался подробный текст в одном из двух *основных* источников НК1 — НВЛ (как в Н1мл.) и в составитель $\sqrt{\text{НК1}}$ вынужден был как-то поменять свою стратегию. Абсолютное большинство уникальных известий НК1 находится в части до 1070-х гг., но некоторые — и после.

Два сообщения НК1 не находят себе параллели ни в «классической» ПВЛ, ни в Н1мл., однако сходны с Син. Это известия под 1067²⁴⁸ и 1069 гг. о нападении Всеслава Полоцкого на Новгород и победе над ним. В НК1 эти известия даны в несколько отличной от Син. редакции (в таблице курсивом обозначены отличия Син. от НК1; подчеркнутый текст НК1 совпадает с Лавр.):

Таблица 2. Известия о Всеславе Полоцком в Син. и НК1

Син.	НК1
Въ лѣто 6574 [1066] приде Всѣславъ и възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ час тыи; и понекадила съима.	В лѣто 6575 [1067] <...> <u>Заратися</u> <u>Всеслав, сынъ Брячиславль, Полотскыи и зая Новгород до Неревского конца</u> и пожже; и <u>поймав все у святыи Софии</u> , и паникадила, и колоколы, и <u>отъиде</u> . И Ярославичи же трие...
Въ лѣто 6577 [1069] <...> Въ то же лѣто, осень, мѣсяця октября въ 23, на святого Якова, брата Господня, въ пятничи, въ час 6 дни, <i>опять приде Все... къ Новугороду;</i>	В лѣто 6577 [1069] ... <u>Всеслав же бѣжа</u> . И <u>побѣди</u> князь Глѣбъ с новгородци Всеслава на Гзени, месяца октября 23 день, в пяток 6 час дни, на память святого Иакова, брата

²⁴⁶О них см.: Кистерёв С.Н. Ссылки на киевский источник в тексте Софийской I летописи // ВЕДС. XII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 71–76; Милотенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 21–22, 26–27.

²⁴⁷Зиборов В.К. О летописи Нестора. С. 128–156. Детального сопоставления текстов за XI в. в работе В.К. Зиборова нет. Идею о киевском своде 1076 г. развивает К. Цукерман (Цукерман К. Наблюдения. С. 273–282), однако он не обращается к НСГ.

²⁴⁸В Син. — 1066 г.

<p><i>новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звъринця на Къземли; и пособи Богъ Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣча Вожняномъ, и паде ихъ беицильное число; а самого князя отпустиши Бога дѣля. А на заутрие обрѣтесе крѣст честный Володимиръ у святѣи Софии Новъгородъ, при епископъ Федоре.</i></p>	<p>Господня. И велика бѣ тогда сѣча вожаном, а заутра обрѣтесе крестъ Володимиров в святѣи Софии на полатехъ, его же взял бѣ Всеслав ратью в святѣи Софии.</p>
---	--

Несмотря на все отличия, как кажется, текст НК1 здесь полностью выводим из Син. (если не считать подчеркнутого текста, взятого из источника, близкого к Лавр.). Единственные фактические детали НК1, избыточные в сравнении с Син. и Лавр., — это слова «до Неревского конца» и указание на то, что крест был найден «на полатех». Оба эти добавления могли быть сделаны в XV в. на основе устной традиции или соображений летописца. А. Накадзава приводит целый ряд случаев, когда создатель $\sqrt{\text{НК1}}$ добавляет (по сравнению с его известными источниками) фактические подробности в известиях о новгородских церквях, причем это подробности такого рода, что их «мог сделать любой новгородский книжник, знающий церковную жизнь города»²⁴⁹.

Трудно сказать, был ли составителю $\sqrt{\text{НК1}}$ доступен дошедший до нас Син., или же заимствование было сделано из какой-то еще рукописи, содержавшей те же известия. Как бы то ни было, сообщения 1067 и 1069 гг. следует исключить из числа *уникальных* известий НК1.

Собственно *уникальные*, т. е. не находящие себе параллелей ни в «классической» ПВЛ, ни в Син., ни в Н1мл., сообщения НК1 распадаются на четыре группы:

- 1) сообщения о новгородских епископах;
- 2) другие сообщения о Новгороде;
- 3) дополнительные детали в общерусских рассказах;
- 4) два известия о Смоленске (под 1054 и 1100 гг.).

Особое место занимает поучение епископа Луки Жидяты, помещенное в НК1 под 1058 г., после известия (совпадающего с Н1мл.) о реабилитации Луки и наказании клеветника Дудики. Поучение — кто бы ни был его действительным автором — это нелетописный по своему изначальному происхождению памятник (встречающийся и в

²⁴⁹Накадзава А. Исследования. С. 265. О не вполне ясном добавлении про Неревский конец см.: Печников М.В. Новгородское княжение. С. 69, примеч. 8 (автор предполагает, что первоначально читалось «от Неревского конца»).

сборниках начиная с XIV–XV вв.²⁵⁰), и потому нет нужды рассматривать его в одном ряду с другими уникальными известиями НК1.

Если сообщения второй и третьей групп сосредоточены только в статьях за первую половину — середину XI в., то известия первой группы встречаются на всем протяжении этого столетия. Рассмотрим последовательно каждую из выделенных групп.

Сообщения о новгородских епископах. Приведу их текст полностью (по НК1). Некоторые известия о владыках уже есть в более ранних источниках — ПВЛ, Син. и/или Н1мл. и, вероятно, были взяты составителем НК1 оттуда. Так, в ПВЛ и Н1мл. есть сообщение о поставлении в 1036 г. Луки Жидяты (где оно вписано в контекст статьи и, вероятно, имеет киевское происхождение). В Син. и Н1мл. (т. е. в НВЛ) есть известия о смерти Феодора (1077 г.), смерти Никиты (1108 г.) и поставлении Иоанна (1110 г., в другой формулировке). Ниже то, что совпадает с ПВЛ–Н1мл. выделено курсивом, а то, что совпадает с Син.–Н1мл., — полужирным шрифтом:

1030. И преставися архиепископ Акимъ; и быше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.

1036 (в С1–1034). *...И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новъградѣ, и епископа постави Жиряту...*²⁵¹

1060. И преставися архиепископъ Лука, идя ис Киева, на Копысѣ, месяца октября 15, того же месяца и гробу предан бысть своим клиросом, бывшу ему епископом лѣт 23.

1061. И поставлен бысть Новуграду архиепископъ Стефан.

1068. Иде владыка Стефан в Киев, и тамо его удавиша свои холопи.

1077. **Преставися архиепископъ Новградскыи Феодоръ**²⁵².

1078. Поставлен бысть архиепископъ Новуграду Германъ.

1095. Иде владыка Герман к Киеву и тамо преставися.

1096. Поставлен бысть архиепископом Новуграду Никита.

1108. **Преставися архиепископъ Никита, генваря 30,** и положен бысть в святѣи Софии въ Акимѣ и Аннѣ, **а на весну почаша писати святую Софию стяжанием святого владыкы Иоана.**

²⁵⁰См.: *Старостина И.П.* Поучение Луки Жидяты, епископа новгородского, к братии // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 117–120. См. там ссылку на С.А. Бугославского, который отмечал, что архетип летописной редакции поучения древнее архетипа редакции сборников. На мой взгляд, это говорит лишь о том, что сведчик, впервые включивший поучение в летопись, пользовался более древней версией текста, но отнюдь не о том, что поучение читалось в составе летописей издревле. С.А. Бугославский вслед за А.А. Шахматовым считал, что поучение читалось в своде 1167 г., а туда попало из новгородского свода XI в.

²⁵¹Далее — о грамоте Ярослава; см. об этом известии ниже, а также в приложении.

²⁵²Это известие есть в Син. и Н1мл. В Тв. к нему добавлено: «Уядень отъ своего пса, бывъ на архиепископии 9 лѣтъ».

1110. Поставлен бысть архиепископъ Новуграду Иоан (в Син.—НІмл.: Приде архепископъ Иоани въ Новъгородъ мѣсяца декабря в 20).

Обращает на себя внимание совершенная однотипность известий о поставлениях (1061, 1078, 1096, 1110 гг.) и зачинов сообщений о смертях в Киеве (1068 и 1095 гг.). В трех случаях летопись сообщает о кончине епископа под одним годом, а о поставлении нового — под следующим (1060/1061, 1077/1078, 1095/1096 гг.). Все это наводит на мысль о том, что перед нами — не подлинные анналистические записи XI в.

Источник этих сведений найти совсем не трудно: это перечень новгородских (архи)епископов. Об этом перечне подробно шла речь выше, в разделе 3; там же был приведен и текст перечня за XI в. Выше был обоснован тезис о том, что первоначальный перечень епископов был составлен в конце XI в., а впоследствии пополнялся. Но если даже не соглашаться с этим моим выводом, следует иметь в виду вывод А.С. Хорошева о том, что архетип всех дошедших до нас версий перечня возник между 1325 и 1352 гг.²⁵³, т. е. намного раньше, нежели √НК1 и все остальные летописи НСГ.

В перечне мы видим ровно те сведения, которые являются избыточными в НСГ по сравнению с более ранними памятниками. В перечне нет фактических деталей, которые отсутствовали бы в НСГ²⁵⁴, и, наоборот, в НСГ нет таких деталей, которых нельзя было бы найти в перечне²⁵⁵. Можно, конечно, предположить, что перечень был создан на основе летописного источника, который был использован и в НСГ (именно так считал А.А. Шахматов, а вслед за ним — все последующие сторонники гипотезы о новгородском своде XI в.²⁵⁶). Однако, на мой взгляд, куда более простое объяснение состоит в том, что источником НСГ послужил перечень. Проще говоря, мы имеем, во-первых, комплекс сообщений, источник для которых требуется найти, и, во-вторых, *более ранний* источник, состоящий только из этих сообщений. Предположение о третьем источнике — общем протографе этих двух — кажется в данном случае явно избыточным.

²⁵³См. примеч. 84.

²⁵⁴Кроме указания на смерть Феодора от укуса собаки, которое есть в Тв., но отсутствует в летописях НСГ. Возможно, в Тв. оно попало напрямую из перечня.

²⁵⁵Слова «Того же месяца преданъ бысть гробу своимъ крилосомъ» (о похоронах Луки Жидаты) в перечне отсутствуют, но чтобы их написать сводчику XV в. явно не требовалось иметь перед собой древний источник. Добавление 1108 г. о месте погребения Никиты восходит к перечню. Слово «Июана» в конце сообщения к перечню не восходит и является, скорее всего, реконструкцией сводчика XV в. (маловероятно, чтобы это было очень древнее чтение НВЛ, одинаково утраченное и в Син., и в НІмл.).

²⁵⁶См. примеч. 95.

Даты, под которыми в НСГ помещены известия о кончинах и поставлениях новгородских епископов, легко выводятся из сведений перечня о продолжительности правления епископов. В распоряжении сводчика XV в. имелась опорная дата — сообщение о кончине епископа Феодора в 1077 г., читавшееся уже в Син. и Н1мл. (а также известия о смерти Никиты и поставлении Иоанна — под 1108 и 1110 гг. — тоже имеющиеся в Син. и Н1мл.). Используя «включающий» счет и полагая за принцип, что следующий епископ начинал править *на следующий год* после кончины предыдущего, сводчик XV в. так датировал события. От 1077 г. он отсчитал назад 9 лет, и получил 1069 г. как год поставления Феодора²⁵⁷. Если в предыдущем, 1068 г., умер Стефан, то его 8 лет правления начались в 1061 г., а в 1060 г. скончался Лука Жидята. Дата поставления Луки уже имелась в более ранних сводах (она есть даже в ПВЛ: 1036 г.), поэтому сводчик менять ее не стал (если бы он это сделал, у него получился бы 1038 г.). Дату смерти Иоакима Корсунянина сводчик получил, прибавив 42 года к дате 989 г. Наконец, правление Германа сводчик XV в. датировал 1078–1095 гг. — 18 лет, начиная со следующего года после кончины Феодора²⁵⁸.

Таким образом, «уникальные» сообщения НСГ о новгородских епископах XI в. на самом деле восходят к перечню новгородских (архи)епископов. Тот, в свою очередь, имел очень древний протограф — вероятно, перечень конца XI в. Поскольку даты, под которыми помещены в НСГ эти известия, выведены из указаний перечня на продолжительность епископств, историку следует обращать большее внимание на эти последние, а не на даты в НСГ.

Другие сообщения НСГ о новгородских событиях. Кроме сообщений о епископах, в НСГ читаются еще пять уникальных известий о Новгороде XI в. Приведу полностью их текст (по НК1):

1020 (в С1–1019 г.). Коснятин же бѣше тогда въ Новѣградѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, заточи и в Ростовѣ; на 3-е лѣто повелѣ убити и в Муромѣ на рѣцѣ Оцѣ.

1030. (после совпадающего с ПВЛ текста, сообщающего о походе Ярослава на чудь и основании Юрьева) И приде к Новуграду. И събра от старость и от попов дѣтии 300 учити книгам (далее следует известие о смерти Иоакима, которое восходит к перечню епископов, как было показано выше).

²⁵⁷ Правда, известия об этом событии в НСГ почему-то нет.

²⁵⁸ Или, наоборот, можно было отсчитывать даты обратно, от смерти Никиты, которая значилась под 1108 г. уже в НВЛ: Никита правил 13 лет, т. е. с 1096 по 1108; следовательно, 18 лет Германа должны были начаться в 1078 г. Здесь, видимо, хронологические показания перечня изначально были точны, и потому при пересчете в любом порядке не возникает сложностей.

1032. И тогда же Ульбъ иде из Новаграда на Желъзная Врата, и опять мало их приде.

1036 (в С1–1034). (в текст общий с ПВЛ, после слов «И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новѣгородѣ, и епископа постави Жиряту» *добавлено*) ...и людемъ написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дайте дань». И бяше хромоног, но умъ бяше добръ в немъ, и храбръ на рати, и христьянъ, понеже чтяше самъ книги. Ярославу сущу в Новѣгородѣ, прииде ему вѣсть... (В ПВЛ вместо этого другой текст: «И в се же время родися Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущу Новѣгородѣ вѣсть приде ему...»).

1054. (после общего с ПВЛ рассказа о смерти Ярослава Мудрого) И по сем раздѣлиша Смоленскъ на три части²⁵⁹. И приде Изяславъ къ Новуграду и посади Остромира в Новѣградѣ. И иде Остромиръ с новгородци на чюдъ, и убиша и чюдъ, и много паде новгородцев с ним. И паки Изяславъ иде на чюдъ, и взя осекъ Кедипив, сирѣчь Солнца рука.

Если все сообщения о епископах XI в. мы возвели к перечню епископов, то нельзя ли эти, «светские» известия, возвести к другим перечням? Сделать это удастся лишь отчасти: в перечне новгородских князей находим параллель только к сообщениям 1020 и 1036 гг., но даже эти известия в перечне даны в намного более кратком виде, чем в НСГ. Ниже текстуальные совпадения между перечнем князей и НК1 подчеркнуты:

Таблица 3

Перечень князей (статья 989 г. Н1мл.)	НК1
<p>...и идя къ Киеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ <u>разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сеи грамотѣ ходите».</u></p>	<p>[1020] Нача Ярослав вои своя дѣлити: старостамъ по 10 гривен, а смердом по гривнѣ, а новгородцем по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти я в дома своя, и дав имъ правду и устав, списав грамоту, ркуще: «По сеи грамотѣ ходите; якоже списах вамъ, такоже дръжите». Коснянтин же бѣше тогда въ Новѣградѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, заточи и в Ростовѣ; на 3-е лѣто повелѣ убити и в Муромѣ на рѣцѣ Оцѣ.</p>
	<p>[1036] ...и людемъ <u>написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дайте дань».</u> И бяше хромоног, но умъ бяше добръ в немъ, и храбръ на рати, и христьянъ, понеже чтяше самъ книги.</p>

²⁵⁹Об этом смоленском известии будет еще сказано ниже.

Сходство формулировок в обоих случаях как будто заставляет предполагать связь между перечнем новгородских князей и НСГ. Однако в перечне есть сообщения, которые в НСГ не попали (о княжении в Новгороде Ильи Ярославича²⁶⁰, Мстислава Изяславича и др.); равным образом в НСГ есть сведения, отсутствующие в перечне, в том числе даже в рассматриваемых двух известиях. Наконец, в случае с «грамотой» Ярослава одному известию перечня соответствуют два сообщения НК1 — под 1020 и 1036 гг.

Поэтому, даже если составитель $\sqrt{\text{НК1}}$ и воспользовался перечнем князей²⁶¹ (что вполне вероятно, коль скоро он пользовался перечнем архиепископов), большая часть информации в уникальных известиях НК1 за 1020–1054 гг. к списку князей возведена быть не может. Более того, перечень явно не был основным источником даже там, где речь идет о Коснятине Добрыниче, — иначе в НК1 обязательно говорилось бы и о княжении в Новгороде Ильи Ярославича.

Не говорит ли все это о справедливости идеи А.А. Шахматова о том, что общим источником и перечня князей, и НСГ был новгородский свод XI в.? Оставим пока этот вопрос в стороне и посмотрим на некоторые характерные черты рассматриваемых пяти известий НСГ.

- 1) В них нет ни одной точной даты.
- 2) Хронология для них вообще является понятием относительным, и в некоторых известиях говорится о событиях сразу нескольких лет. Это уже отмечалось учеными применительно к сообщению о заточении Константина (1020 г.), в котором говорится и о том, что произошло «на 3-е лѣто»²⁶², и к известию 1054 г. об Остромире (вряд ли все эти события могли произойти за один год и, кроме того, мы знаем из приписки на Остромировом евангелии, что в 1057 г. Остромир был еще жив, тогда как НК1 под 1054 г. говорит о его гибели²⁶³).
- 3) Три из этих пяти сообщений как бы вписаны в текст, общий с ПВЛ, представляя собой своего рода «вставки по ходу повествования» (известия 1030, 1036 и 1054 гг.). При этом в статье 1036 г. вариант

²⁶⁰См. об этом уникальном известии: Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 484–492.

²⁶¹Именно так считает В.Л. Янин применительно к известию о Коснятине и о «грамоте» 1036 г. (Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 69).

²⁶²Алешковский М.Х. Повесть временных лет. С. 66; Кузьмин А.Г. Начальные этапы. С. 374.

²⁶³Это отмечали многие исследователи — см., например: Прозоровский Д.И. О родстве св. Владимира по матери // Зап. Имп. Акад. наук. СПб., 1864. Т. 5. С. 23–24; Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 349; Алешковский М.Х. Повесть временных лет. С. 70, 119; Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 15–16.

НСГ как будто более органичен, чем вариант ПВЛ, а сообщение о рождении Вячеслава (читающееся в ПВЛ на месте новгородского известия НСГ), как кажется, вставлено не на место, разрывая повествование, связанное с Новгородом.

Итак, перед нами не погодные записи, делавшиеся по горячим следам событий. Эти новгородские известия тесно связаны с окружающим их киевским летописным текстом и вряд ли когда-либо существовали отдельно от него. Вопрос состоит только в том, когда и где эти известия в киевском тексте появились и почему их нет в «классической» ПВЛ.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть третью категорию уникальных чтений НСГ — избыточные (в сравнении с ПВЛ) подробности в рассказах об общерусских событиях. Замечательно, что эти добавления оказываются сосредоточены примерно в тех же хронологических пределах, что и только что рассмотренные известия о Новгороде, — в статьях 1020–1040-х гг.

Дополнения НСГ в общерусских рассказах. На эти уникальные чтения НСГ неоднократно обращалось внимание. Многие ученые высказывали мысль о том, что НСГ восходит здесь не к ПВЛ (или, скорее, не только к ПВЛ), но к какому-то более раннему своду.

А.А. Шахматов считал таким сводом новгородский свод 1050 г., который, будучи переработкой киевского Древнейшего свода, содержал ряд сведений о южнорусских событиях, выпавших позднее из киевского летописания²⁶⁴. Д.С. Лихачёв говорил о «каких-то древних новгородских летописях» как об источнике избыточных чтений НСГ²⁶⁵. А.Г. Кузьмин, вслед за Шахматовым, полагал, что НСГ восходит к новгородскому своду XI в. и отражает его более полно, чем Н1 и ПВЛ, и именно отсюда происходят все избыточные чтения НСГ в сравнении с ПВЛ²⁶⁶. Согласно Я.С. Лурье, создатель Новгородско-Софийского свода, «соединив ПВЛ в редакции Лаврентьевской–Троицкой летописи с новгородским летописанием... использовал еще несколько сводов... в результате чего в первую часть летописи попали и такие известия, которых не было ни в ПВЛ, ни в Новгородской I летописи»²⁶⁷. По мнению М.Х. Алеш-

²⁶⁴ См., например, шахматовские реконструкции состава Древнейшего свода и новгородского свода XI в.: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 399–404, 441–445.

²⁶⁵ ПВЛ. С. 480.

²⁶⁶ *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы. С. 111–113, 362–382.

²⁶⁷ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи. С. 101.

ковского, в НСГ отразилась «авторская редакция» ПВЛ (т. е. Начальный свод) 1090-х гг.²⁶⁸ Г.М. Прохоров считает, что в НК1 отразилась «неизвестная нам редакция Повести временных лет, дошедшая до нее, быть может, в новгородской обработке, но, может быть, и в составе киевской летописи». Прохоров допускает и возможность двух источников «избытков» НК1 — новгородского и киевского²⁶⁹. В.К. Зиборов полагает, что НСГ восходит к киевскому своду, доходившему до 1076 г., автором которого исследователь считает Нестора²⁷⁰. А.А. Гиппиус считает «весьма вероятным наличие» у НК1 «других (кроме свода 1185 г. — *Т.Г.*) древних источников, следы которых обнаруживаются в первую очередь в известиях первой половины XI в.»²⁷¹.

Рассмотрим те случаи, в которых НСГ дает текст, родственный ПВЛ, но более подробный. Текст «классической» ПВЛ, если это специально не оговорено, буду цитировать по Лавр., текст НСГ — по НК1.

Первый такой фрагмент — рассказ о победе Ярослава над Брячиславом в статье 1021 г. (курсивом здесь и далее выделены избыточные чтения НК1 в сравнении с Лавр.):

Таблица 4

Лавр.	НК1
В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новьгородъ и зая Новьгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедшу ему к Судомири рѣцѣ. И Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту и побѣди Ярославъ Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа к Полотъску.	В лѣто 6529. Приде Бречиславль, сынъ Изяславль, внукъ Володимирь, <i>съ вои ис Полотска</i> на Новгород и взя и, и поемъ новгородци и имѣния ихъ, <i>всь полонъ и скоть</i> , поиде к Полотску опять. И пришедшу ему к Судомери рѣцѣ, Ярослав <i>же, слышав ту вѣсть и съвокупивъ воя многы</i> ис Кыева, в седмии день постиже я ту, и побѣди Брячеслава, и

²⁶⁸ *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. С. 118–119, примеч. 5.

²⁶⁹ *Прохоров Г.М.* Летописные подборки. С. 187–189.

²⁷⁰ *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. С. 128–156. Детального сопоставления текстов за XI в. в работе В.К. Зиборова нет.

²⁷¹ *Гиппиус А.А.* О критике текста. Р. 120, примеч. 8. См. также: Там же. Р. 102, 122, примеч. 24.

	<i>Новгород²⁷² възврати к Новуграду, и полон у него отъя, елико бяше Новгородскои области, и посла я к Новуграду, а Брячеслав бѣжа к Полотску. И оттолъ его призва к собѣ и да ему два града, Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: «Буди же со мною одинъ». И воеваше Брячеслав съ Ярославом вся дни живота его.</i>
--	--

Трудно решить, какой из двух вариантов текста первичен²⁷³. Одно разночтение («възврати к Новуграду, и полон у него отъя, елико бяше Новгородскои области, и посла я к Новуграду») можно трактовать как гаплографический пропуск (и в таком случае, в Лавр., конечно, вторичный вариант), однако такая трактовка в данном случае как будто не обязательна. Другое место выглядит как будто логичнее в НК1: «Ярослав же, слышав ту вѣсть и съвокупивъ воя многы ис Кыева, в седмый день постиже я ту», т. е. «ис Кыева» относится не к движению Ярослава, а к месту, откуда пришли «вои»²⁷⁴, тогда как в Лавр. в соответствующем месте вообще нет никакого сказуемого: «И Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту» («ис Кыева» вряд ли относится к «постиже» или к «Ярославъ»). Эти разночтения, а также сам факт наличия в НК1 дополнительных деталей, склоняют к мысли о первичности рассказа НК1, однако стопроцентной уверенности в этом, конечно, быть не может.

В статье 1024 г. разночтения имеются в рассказе о Лиственской битве:

Таблица 5

Лавр.	НК1
В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣ-городѣ, приде Мьстислав ис Тьмутороканя Кыеву, и не приша его кыяне. Онъ же шедъ, седе на столѣ	В лѣто 6532. Ярославу сущу в Новѣградѣ приде Мстиславъ из Тмутороканя к Кыеву, и не приша его киане; он же, шед, сѣде на столѣ

²⁷²Очевидная описка в дошедшей до нас рукописи НК. В Лавр. правильно: «новгородцѣ». То же в С1, Н4.

²⁷³М.Х. Алешковский и А.Г. Кузьмин считают вариант НСГ (НК1) первичным, однако почти не аргументируют этого (Алешковский М.Х. К типологии. С. 157; Кузьмин А.Г. Начальные этапы. С. 374–376).

²⁷⁴В издании НК1 (ПСРЛ. Т. 42. С. 62) запятая стоит перед «ис Кыева», но, на мой взгляд, логичнее ее поставить после этих слов.

Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто вѣсташа вольсви в Суждали... [здесь в Лавр. рассказ о волхвах]²⁷⁵ ...И възвратився Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по варягы, и приде Якунь с варягы; и бѣ Якунь слѣпъ, луда бѣ у него золотомъ исткана. *И приде к Ярославу.* Иде Ярославъ съ Якуномъ на Мьстислава. Мьстиславъ же слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, и бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. Рече Мьстиславъ дружинѣ свои: «Поидем на не». И поиде Мстислав и Ярослав противу собѣ, съступиися чело сѣверъ с варягы [и трудишася варязи, сѣкуше сѣверу, и по семь наступи Мстислав с дружиною и нача сѣчи варяги]²⁷⁶. И бысть сѣча силна; яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ, и Якун ту отбѣже луды злагоѣ. Ярослав же приде Новугороду, а Якунь иде за море. Мьстиславъ же, освѣтъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своих сѣверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не радъ? Се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мьстиславъ по Ярославлѣ, глаголя: «Сяди в своемъ Киевѣ, ты еси болшии старѣишеи братъ, а мнѣ буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смирилася;

Черниговѣ. И възвратився Ярослав, приде к Новуграду. И посла за море по Якуна, по Варяжского князя, и по варягы. И прииде Якунь с варягы къ Ярославу; и бѣ Якунь слѣпъ, и луда бѣ у него вся златом исткана. И иде Ярославъ съ Якуномъ на Мстислава к Чернигову; Мстиславъ же слышавъ, изыде противу има на стѣчу к Листвену. *Тогда бѣше осень, и ту ся стрѣтоши.* Мстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави северу в чело противу варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи *рябино* и бысть тма, и громъ *шибаше*, и молния, и дождь. И рече Мстиславъ дружинѣ своей: «Поидем на нь, *то ны есть користь*». И поиде Мстислав и Ярослав противу собѣ, съступиися чело северо с варягы, и трудишася варягы, сѣкуше северу, и по семь наступи Мстислав с дружиною и нача сѣчи варягы. И бысть сѣча *зла и страшна*; яко посвѣтяшеся молния, *такъ* блещашеся оружье, и *елико же молния освѣщаше, толико мечи видяху. И тако друг друга убиваше*; и бѣ гроза велика и сѣча силна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, и побѣже съ || Якуномъ, княземъ Варяжскимъ, и Якунъ же ту отбѣжа луды *своея* златыа; *и тако побѣди Мстиславъ Ярослава и Якуна.* Ярославъ же приде к Новугороду, а Якунъ иде за море *и тамо умре.* Мстиславъ же, освѣтъ заутра, видѣвъ лежача изсѣчены от своих сѣверо и варягы Ярославли, и рече: «Кто сему не радъ? Се, лежитъ северянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мстиславъ по Ярославу, глаголя: «Сяди на своемъ *столь* в

²⁷⁵Этот рассказ отсутствует в НК1, но читается в С1 и Н4. В разделе 7 пойдет речь о том, что, вероятно, это пропуск дошедшей до нас рукописи НК.

²⁷⁶Текст в квадратных скобках отсутствует в Лавр., восполнен по Радз.

И сѣдѣше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣшаху Кыевѣ мужи Ярославли.	Киевѣ, <i>понеже</i> ты еси болшии брат, а мнѣ буди сиа сторона». И не смѣ Ярослав поити, дондеже смирилася; бѣше же сѣдѣще в Киевѣ мужи Ярославли.
--	---

А.А. Гиппиус считает первичными читающиеся в НК1 слова «Тогда бѣше осень, и ту ся стрѣтоша», поскольку без них текст выглядит стилистически странным: два соседних предложения начинаются со слов «Мьстислав же» — «неудачный повтор возник в результате опущения редактором показавшихся ему излишними деталей»²⁷⁷. По мнению Н.И. Милютенко, здесь, как и в рассказе 1043 г. (см. ниже), составитель ПВЛ сократил неинтересные ему «чисто военные подробности»²⁷⁸. Но опять же, совершенно явных примеров первичности НК1 в сравнении с Лавр. в этом рассказе нет.

Несколько разночтений имеются в статье 1036 г.:

Таблица 6

Лавр.	НК1
В лѣто 6544. Мстислав изыде на ловы, разболѣся и умре; и положиша и у святаго Спаса, юже сам заложилъ; бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стоящи досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадѣше, ни питѣя, ни ѣденѣя браняше. По семь же перѣя власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець в Рувѣсти земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера в Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту. <i>И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ.</i> Ярославу же сущу Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоятъ Кыевъ. Ярославъ же събра вои многъ, варягы и словѣни,	В лѣто 6544. Мстислав, <i>братъ Ярославъ</i> , изыде на ловы, <i>и тамо</i> разболѣся и умре; и положиша <i>и в Черниговѣ у церкви</i> святаго Спаса, юже бѣ зачалъ сам; бѣ бо въздѣлано еи при немъ възвыше, яко на кони стоя досячи. Бѣ же <i>убо</i> Мстислав дебелъ тѣломъ, а лицомъ черменъ, великыма очима, а на рати <i>был</i> храбръ <i>и</i> милостивъ, а дружину любяше по велику, и имѣнья не щадѣше, ни питѣя, ни яденѣя <i>не</i> браняше. По сем же прия власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець в Руской земли. И иде Ярославъ к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новѣградѣ, и епископа постави Жиряту, <i>и людемъ написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дайте дань».</i> И бѣше хромоногъ, но умъ бѣше добръ в

²⁷⁷ Гиппиус А.А. О критике текста. С. 99.

²⁷⁸ Милютенко Н.И. Описание боев как свидетельство о летописце // Бомбардир. СПб., 2000. № 9. С. 31.

<p>и приде Киеву, и вниде в городъ свои, и бѣ печенѣгъ бесчисла. Ярослав из града выступи и исполчи дружину, постави варягы посреде, а на правѣи сторонѣ кыяне, а на лѣвѣи криль новгородци сташа пред градомъ. Печенѣзи приступиша и почаша, и сступишася на мѣсто, идеже стоитъ нынѣ святая Софѣя, митрополья русская; бѣ бо тогда <i>поле вни</i> града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгша печенѣзи разнo, и не вѣдяху, камо бѣжаше, тoняху в Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ их пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порупъ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему.</p>	<p><i>немь, и храбрѣ на рати, и христианѣ, понеже чтяше самѣ книги.</i> Ярославу же сушу в Новѣградѣ, приде ему вѣсть, яко печенѣзи обѣстоятъ Киев. Ярослав же събра вои многы, варягы и словены, и приде к Киеву <i>веснѣ</i>, и вниде в град свои, и печенѣгъ бесчисла <i>видѣ</i>. Ярослав <i>же</i> выступи из града, и испльчи дружину, и постави варяг посреде, а на правои странѣ кыяне, а на лѣвои новгородци. И сташа пред градомъ. И печенѣзи начаша приступати; изступишася на мѣсто, идеже есть нынѣ святая Софѣя, митрополия руская; бѣ бо тогда <i>о половинѣ</i> града. И бысть сѣча зла, и едва одолѣ Ярослав к вечеру. И побѣгоша печенѣзи разнo, и не вѣдяху, камо бѣжаше, <i>а стеньюще</i>, а инии истопошя в Сѣтомли, а инии въ иныхъ рѣкахъ, а прокъ их пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто <i>разнѣвася Ярослав на мениши брат Судислав, и всади его в порубъ въ Псковѣ до живота своего; оклеветанъ бо бѣ</i> к нему.</p>
--	---

О новгородских известиях, вставленных в НК1 в середину этой статьи, я уже упоминал. Чтение НК1 «о половинѣ» — это, конечно, описка вместо «поле вни» (как в Лавр.). Остальные разночтения не дают повода говорить о том, какой из двух вариантов текста первичен.

Различается и краткая статья 1038 г.:

Таблица 7

Лавр.	НК1
В лѣто 6546. Ярославъ иде на Ятвягы.	В лѣто 6546. Иде <i>Ярослав к Киеву веснѣ, а на зиму</i> ходи на ятвягы, и не може их взяти.

Опять в НК1 мы видим дополнительные детали, и опять у нас нет, строго говоря, никаких доказательств того, что более подробный вариант первичен. Слова «Иде Ярослав к Киеву веснѣ» предполагают, что до этого он находился где-то еще, но предыдущая статья (как в ПВЛ,

так и в НК1) рассказывает о строительной деятельности Ярослава как раз в Киеве.

Два разночтения имеются в коротком рассказе о походе 1042 г. на емь:

Таблица 8

Лавр.	НК1
В лѣто 6550. Иде Володимѣрь, сынъ Ярославль, на ямь и побѣди я, помроша кони у вои Володимерь; яко и еще дышющимъ конемъ, съдираху хзы с нихъ, толикъ бо бѣ морь в коних.	В лѣто 6550. Иде Володимирь, сынъ Ярославль, на ямы и побѣди я, <i>и побѣди множество гми</i> ; и помрошя кони у вои Володимерь; и яко еще дышущим конемъ, сдираху кожи с них <i>с живых</i> , толикъ бо бѣ морь на коних.

Эти разночтения не дают оснований для суждения о том, какой из двух вариантов первичнее.

Очень серьезные различия между НК1 и ПВЛ видим в рассказе о походе Владимира Ярославича на Византию:

Таблица 9

Лавр.	НК1
В лѣто 6551. Посла Ярослав сына своего Володимера на грѣкы, и вда ему вои многъ, а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимерь в лодьяхъ, и придоша в Дунаи, поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, воеводы Ярославля. Прочии же вои Володимери ввержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяше поити в Русь, и [не] ²⁷⁹ идяше с ними [никтоже] ²⁸⁰ от дружины княжее. И рече [Вышата] ²⁸¹ : «Азь поиду с ними». И высѣде ис корабля с ними и: «Аще живъ буду с нимъ, аще погину, то с друженою». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть грекомъ, яко избил	В лѣто 6549. <i>Паки на весну</i> посла Ярослав сына своего Володимира на греки, и дав ему воя многы, <i>варягы с русью</i> , и воеводство поручи Вышатѣ, Яневу отцу. И поиде Володимирь на <i>Царьград</i> в лодьяхъ, <i>и прошедше пороги</i> , и придоша в Дунаи. <i>Рекоша русь Володимиру: «Станем зде на поли». А варязи рекоша: «Поидем под град». И послуша Володимирь варягъ, и от Дуная поиде к Царюграду съ вои по морю. Греци же видѣвшие я, изыдоша на море и начаша позружате в мори пелены Христовы с мощми святых отецъ. И Божшим гнѣвом възмутися море, и громъ бысть велик и силенъ, и бысть буря велика, и начаша ся лоды разбивати, и разби корабли; и побѣгошя варязи вспять; и князь</i>

²⁷⁹Из Радз. и М.-А.

²⁸⁰Из Ипат. и Хлебн.

²⁸¹Из Ипат. и Хлебн.

море русь, и пославъ царь, именовъ Мономахъ, по руси олядии 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по немь, въспятивъся, изби оляди гречьския и възвратися в Русь, *сствавиешя* в корабль свои. Вышату же яшя съ изверженными на брегъ, и приведоша я к Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По 3-хъ же лѣтѣхъ миру бывшо, пущень бысть Вышата въ Русь къ Ярославу.

Володимеръ корабль разби вѣтром, и *едва* Иоан Творимирец князя всади в свои корабль и воеводы Ярославля. Прочии же вои Володимирови ввержени бышя на брегъ, числом 6000, *сташя на брезъ нази* и хотяще поити в Русь, и не иде с ними никтоже от дружины княжи. *Вышата же воевода видѣвъ дружину стоащу, и рече: «Не иду къ Ярославу»*. И высѣде ис корабля к воем и рече Вышата: «Азь иду с ними, рекъ: Аще жив буду, с ними, аще ли погыбну, то с дружиною». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть греком, яко избило море русь, и пославъ царь, именовъ Мономахъ, по руси олядии 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по них, въспятивъся, изби оляди гречьския и възвратися в Русь, *всѣдише* в корабли свои. Вышату же яшя съ изврженными на брег, и *придоша* и к Царюграду, и ослѣпиша руси много. По трех же лѣтѣхъ, миру бывшу, пущень бысть Вышата в Русь к Ярославу.

Перед нами две редакции рассказа, о соотношении которых много писали ученые. Высказывалась (А.А. Шахматовым и другими) точка зрения о том, что первоначально существовали две независимые записи этого события (киевская и новгородская), а их соединение видим в редакции НСГ (НК1)²⁸². М.В. Левченко предполагал, что в НСГ сохранился более ранний вариант рассказа, восходящий к Начальному своду²⁸³. Б.А. Рыбаков, основываясь на тексте НСГ как первичном, считал рассказ 1043 г. новгородским, записанным со слов Вышаты, и называл этот рассказ «яркой антиваряжской статьей»²⁸⁴. А.Г. Кузьмин тоже считал версию НСГ первичной, полагая, что она написана в Новгороде, со слов новгородца Ивана Творимирича; слова «отцю Яневу» (в ПВЛ) и упоминание о пеленах Христовых (в НСГ) Кузьмин

²⁸² Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 297–298; ПВЛ. С. 483. Обзор историографии см.: Poppe A. Opowieść latopisarska o wyprawie «na greków» w 1043 roku: Jej redakcje i okoliczności powstania // Slavia orientalis. Warszawa, 1967. R. 16, Nr 4. S. 349–350.

²⁸³ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 397.

²⁸⁴ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 204–205.

считал позднейшими вставками²⁸⁵. Н.И. Милютенко полагает, что два рассказа были соединены уже на стадии составления Начального свода — это были запись современника и рассказ Яня Вышатича о своем отце²⁸⁶. Что же касается соотношения ПВЛ и НК1, то Милютенко считает, что в НК1 сохранился более ранний рассказ, а создатель ПВЛ сократил неинтересные ему «чисто военные подробности»²⁸⁷.

Очень подробно разобрал разночтения в этом рассказе А.В. Поппэ. По его мнению, редакция НСГ вторична по отношению к редакции ПВЛ. Дополнительные подробности, которые сообщает НСГ, вполне могут быть плодом позднейшего литературного творчества. Этот позднейший редактор, конечно, знал, что в походы на Византию удобнее всего отправляться весной, что по пути туда надо преодолеть днепровские пороги, что потерпевшие кораблекрушение могут оказаться «на брезѣ нази». Участие варягов в этом походе подтверждается хроникой Скилицы, однако в данном случае это, согласно Поппэ, лишь совпадение: замысел редактора состоял в том, чтобы свалить на варягов вину за поражение. Дополнительные подробности рассказа НСГ имеют, по мнению Поппэ, литературное происхождение: совет в устье Дуная имел место во время похода Игоря 944 г., а божий гнев, вылившийся в уничтожение русского флота, — во время похода на Царьград Аскольда и Дира²⁸⁸.

На мой взгляд, этот вывод А.В. Поппэ далеко не бесспорен. Так, ученый спорит с тем соображением, что упоминание Дуная («и придоша в Дунаи») в ПВЛ не имеет смысла без последующего описания прений в войске, случившихся в устье Дуная (а об этом говорится только в НСГ)²⁸⁹. Поппэ считает, что в ПВЛ Дунай упоминается «не только потому, что здесь обычно останавливались... но также чтобы подчеркнуть, что... буря настигла русский флот в море между устьем Дуная и целью похода — Царьградом»²⁹⁰. Думаю, что это можно было подчеркнуть и по-другому (если вообще нужно было подчеркивать); напротив, текст НК1 читается весьма логично: флот пришел в устье Дуная, и там начались прения²⁹¹.

Далее: там, где говорится про корабль Ивана Творимирича, чтение

²⁸⁵ Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 365–368. Почему Ивана Творимирича следует считать новгородцем, А.Г. Кузьмин не уточняет.

²⁸⁶ Милютенко Н.И. Описание боев. С. 30.

²⁸⁷ Там же. С. 31.

²⁸⁸ Porpe A. Opowieść. S. 350–353.

²⁸⁹ ПВЛ. С. 483.

²⁹⁰ Porpe A. Opowieść. S. 352.

²⁹¹ Ср.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках:

НК1, поддерживаемое Радз., вразумительнее чтения Лавр., что показал А.А. Гиппиус. «Воеводы Ярославля» в НК1 и Радз. — это винительный падеж множественного числа, а общий смысл фразы таков: «и взял Иван Творимирич в свой корабль князя и воевод Ярослава». Более понятным становится в таком случае и слово «прочие» в следующем предложении: Иван Творимирич взял в свой корабль князя и воевод Ярослава, а прочие остались на берегу²⁹².

Сообщение НСГ о божьем гневе как о причине бури Поппэ считает вторичным и основанным на литературных образцах. Это, может быть, и так, но в то же время неясен мотив включения этого сообщения в текст рассказа позднейшим редактором. Напротив, мотив *исключения* данной детали прост и понятен: получалось, что «божий гнев», равно как и благочестивые действия византийцев, были направлены против русских, что и смутило редактора.

Таким образом, мысль А.В. Поппэ о том, что редакция НСГ вторична по отношению к редакции Лавр., следует, на мой взгляд, отвергнуть. Аргументы в пользу первичности варианта НСГ сильнее. В то же время следует согласиться с аргументами Поппэ относительно того, что в данном рассказе нет признаков соединения *двух* источников. В качестве такового рассматривалась фраза «и възвратися в Русь, ссѣдавшеся (НК1 — всѣдше) в кораблѣ своѣ», общая для Лавр. и НК1²⁹³. С этим утверждением спорил еще В.М. Истрин, который считал эту фразу невразумительной, но не был склонен придавать ей решающего значения²⁹⁴. А.В. Поппэ предлагает считать первоначальным чтение Ипат.—Хлебн.: «съ сѣдавшеися», причем считать «съ» — предлогом, и переводит это место так: «с теми, которые перед тем разместились в своих кораблях» (а те, кто в них не поместился, остались на берегу)²⁹⁵. А.А. Гиппиус выдвинул аргументы против такой трактовки и предложил другую: первоначально чтение Лавр. «ссѣдавшеся», что означает «ссевшись», «разместившись»²⁹⁶. В любом случае, чтение НК1 выводимо из чтения Лавр., а признаков соединения двух источников здесь нет. Ряд соображений в пользу того, что рассказ 1043 г. един, а не представляет собой соединение двух источников, высказал и П.П. Толочко²⁹⁷.

К истории названия «варяг» // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011. С. 158–159 (авторы считают версию НК1 логичной и восходящей к Начальному своду).

²⁹² Гиппиус А.А. О критике текста. С. 102–103.

²⁹³ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 297–298; ПВЛ. С. 484.

²⁹⁴ Истрин В.М. Замечания. Т. 27. С. 209.

²⁹⁵ Porre A. Orowieść. S. 357–358.

²⁹⁶ Гиппиус А.А. О критике текста. С. 103–104.

²⁹⁷ Толочко П.П. Русские летописи. С. 45–46.

Также я уже цитировал мысль ряда исследователей о том, что упоминание в этом рассказе двух воевод — Ивана Творимирича и Вышаты — это признак соединения двух первоначальных версий рассказа. Это мнение было совершенно справедливо отвергнуто А.И. Стендер-Петерсеном и А.В. Поппэ. Стендер-Петерсен отметил, что «в семейной традиции Вышатичей Иван Творимирич легко мог отойти на задний план»²⁹⁸, а согласно Поппэ, Иван Творимирич упомянут исключительно потому, что взял князя на свой корабль (а «воевод» в походе, конечно, могло быть несколько — собственно, о нескольких воеводах Ярослава и говорится в рассказе)²⁹⁹.

А.В. Поппэ полагает, что первоначальный вариант рассказа о походе 1043 г. находим в «классической» ПВЛ. Весь этот рассказ написан составителем Начального свода со слов Яня Вышатича и имеет целью прославить рыцарское поведение его отца — Вышаты³⁰⁰. Считаю последнее весьма вероятным³⁰¹. Однако все приведенные соображения склоняют к мысли, что первоначальная версия рассказа, записанного со слов Яня, сохранилась как раз в НСГ (где роль Вышаты показана ничуть не меньше), а в ПВЛ — чуть более поздняя, сокращенная редакция.

В той же погодной статье разночтения имеются в рассказе о русско-польских взаимоотношениях (собственно, этому рассказу в НК1 соответствуют два известия ПВЛ — под 1041 и 1043 гг.):

Таблица 10

Лавр.	НК1
<p>В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовшаны в лодяхъ.</p> <p>В лѣто 6551. <...> В сии же времена выдасть Ярославъ сестру свою за Казимира. И выдасть Казимиръ за вѣно людии 8 сот, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.</p>	<p>Тои же осени дасть Ярославъ сестру свою за Казимира. <i>И в та лѣта обидяше Моиславъ Казимира</i>, и ходи Ярославъ <i>двожды</i> на мазовшаны в лодяхъ, <i>и рече Казимиру: «Елико отецъ твои Болеславъ побѣдивъ мене и полонилъ люди моихъ за ся, то вдай ми за вѣно»</i>. <i>И събра Казимиръ людии его</i></p>

²⁹⁸Ср. мысль Д.С. Лихачёва о том, что первоначальный рассказ был переработан под влиянием сообщений Вышаты или Яня (Лихачёв Д.С. Русские летописи. С. 107–108).

²⁹⁹Стендер-Петерсен А.И. Остромир — Вышата — Янь: Генеалогическая заметка // For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his sixtieth birthday, 11 October 1956. The Hague, 1956. P. 535–536; Poppe A. Opowieść. S. 359–360.

³⁰⁰Ibid. S. 360–361. Еще раньше на том, что в рассказе ПВЛ о походе 1043 г. нельзя вычленивать никакого первоначального ядра, настаивал А.И. Стендер-Петерсен (Стендер-Петерсен А.И. Остромир — Вышата — Янь. P. 535–536).

³⁰¹Гимон Т.В. Янь Вышатич.

	<i>руси полоненых 800, кромъ жен и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шурину своему. Сеи же Казимиръ вда сестру свою за Изяслава, сына Ярослава.</i>
--	--

Кроме того, в общем для ПВЛ и НК1 известии под 1047 г. о еще одном походе на мазовшан только в НК1 сказано: «третье», т. е. Ярослав ходил на мазовшан «в третий раз». Какой из двух вариантов сообщений о польско-русских делах первичен? Рассказ НК1 как будто повествует о событиях нескольких годов, а в ПВЛ видим попытку разнести ту же информацию по разным годовым статьям. Вопрос о действительной хронологии этих событий достаточно запутан³⁰², поэтому трудно решить, какой из двух вариантов летописных рассказов первичен.

В статье 1044 г. (в рассказе о Всеславе) в предложении ПВЛ «бысть ему язвено на главѣ его» после «язвено» в НК1 читается слово «яма». В том же рассказе вместо слов Лавр. «рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего“, еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ, сего ради немилостивъ есть на кровь-пролитье», в НК1 читаем: «ркоша бо волсви матери его: „Все язвено навяжи на нь, да поносит от живота своего“. Еже носил Всеслав и до смертнаго дне», — т. е. в Лавр. мы видим текст, написанный *при жизни* Всеслава³⁰³, а в НК1 — отредактированный после его смерти (Всеслав умер в 1101 г.). Это, однако, никак не может служить доказательством общей вторичности НК1 по сравнению с Лавр., поскольку данную поправку (вполне логичную) мог сделать и сводчик XV в.

Наконец, в ПВЛ и НК1 по-разному сообщается о смерти жены Ярослава Мудрого. В ПВЛ (как и в Н1мл.) известие об этом событии читается под 1050 г., а в НК1 — дважды, под 1041 и 1045 гг.

Таблица 11

Лавр.	НК1
В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.	В лѣто 6549. <...> Того же лѣта умре княгыни, мати Володимиря, жена Ярославля, месяца октябрь в 5 день, в лѣто 1-е, егда начя здати святую Софию. <...>

³⁰²См.: ПВЛ. С. 484–485, 626; *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 387.

³⁰³Ср.: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 445, примеч. 2.

	В лѣто 6553. Заложѣ Володимирь святую Софію в Новѣградѣ. Того же лѣта умре княгини, мати Володимира, жена Ярослава, месяца октября 5 день.
--	--

Думаю, есть все основания согласиться с А.Г. Бобровым, полагающим, что сообщения НК1 о смерти жены Ярослава отражают искания сводчика XV в., знавшего из устной традиции, что княгиня умерла («в лѣто 1-е, егда начя здати святую Софію») ³⁰⁴.

После этого избыточные чтения НК1 по сравнению с ПВЛ в рассказах о южнорусских событиях в основном заканчиваются. Однако кое-где они все-таки встречаются, например, в статье 1059 г.:

Таблица 12

Лавр.	НК1
В лѣто 6567 Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша строя своего испоруба, сиде бо лѣт 20 и 4, заводивше кресту, и бысть черньцемъ.	В лѣто 6567 Изяслав, и Святослав, и Всеволод высадиша строя своего Судислава испоруба, сѣде бо лѣт 24 въ Псковѣ, зане водиша и к ротѣ, цѣлова крестъ, и бысть черньцем, и вѣдоша и в Киев.

Опять же, строго говоря, ничто не доказывает первичности более пространного варианта НК1, однако наличие в нем ряда дополнительных подробностей налицо ³⁰⁵.

В статье 1066 г., в рассказе об отравлении котопаном Ростислава Владимировича, в НК1 приводится тост котопана: «Княже, с дружиною своею здрав буди! Хочу на тя пити», тогда как во всех списках «классической» ПВЛ и в Н1мл. — просто «Княже, хочу на тя пити». Это, конечно, может быть дополнением позднейшего редактора.

В статье 1067 г. встречаемся с несомненной гаплографией:

³⁰⁴ Бобров А.Г. Новгородские летописи. С. 105–106. В Н1мл., как и в ПВЛ, сообщение о смерти жены Ярослава помещено под 1050 г. А.Г. Бобров полагает, что это творчество еще более позднего книжника XV в., однако я согласен с выводом А.А. Гиппиуса о том, что текст Н1мл. за эти годы сформировался в 1160-е гг. На мой взгляд, сообщение о завершении строительства Софии в Н1мл. оказалось под 1050 г. как раз потому, что в ПВЛ под этим годом было сказано о смерти княгини (см. также в разделе 5).

³⁰⁵ Имя «Судислава», помимо НК1, есть в Хлебн., но в остальных списках «классической» ПВЛ отсутствует.

Лавр.	НК1
...Изяславу же в шатерь предъидуцу, и яша Всеслава на Рши у Смоленска, преступивше крестъ.	...Изяславу же в шатерь предъидуцу, <i>Всеславу же по нем идуцу</i> , и яша Всеслава на Рши у Смоленска, преступивше крестъ.

В данном случае, однако, чтение НК1 совпадает с Н1мл., т. е. отсутствующие в «классической» ПВЛ слова могли попасть в √НК1 из новгородской летописи. Вообще, в этой части НК1 есть и другие случаи совпадения именно с Н1мл. против «классической» ПВЛ, особенно их много в обширной статье 1071 г. Поскольку НВЛ, конечно, была здесь источником √НК1, для вопроса о ее другом, более древнем источнике эти различия ничего не дают.

Итак, в НК1 находим достаточно большое число более пространственных чтений по сравнению с «классической» ПВЛ, причем некоторые из них как будто носят признаки первичности. Таким образом, следует согласиться с приведенным выше мнением ряда исследователей о том, что среди источников НК1 был текст, более древний, чем ПВЛ. Чтения, которые можно возвести к этому тексту, доходят в НК1 как минимум до 1040-х гг. (последним несомненно значимым различием считаю слово «третье» в статье 1047 г.), хотя точно определить границу невозможно.

Однако что это был за текст? В принципе, чтобы ответить на этот вопрос было бы целесообразно проанализировать не только дополнения НК1 в сравнении с ПВЛ, но и пропуски. Дело, однако, осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже говорилось, источниками √НК1, несомненно, были и «классическая» ПВЛ (в составе летописи, близкой к Лавр.), и новгородская летопись (т. е. текст, очень близкий к Н1мл.). Следовательно, наличие или отсутствие в НК1 какого-либо фрагмента, имеющегося в ПВЛ, увы, ничего не доказывает³⁰⁶. Во-вторых, труден вопрос о соотношении НК1 с С1 и Н4, но при этом многие из фрагментов, отсутствующих в НК1, как раз читаются в названных летописях.

³⁰⁶ Хотя в отдельных случаях в НК1 мы не видим как раз тех фрагментов, которые в ПВЛ как будто являются вторичными: записей о рождениях княжичей и смерти Евстафия Мстиславича (об их вторичности см.: *Вилкул Т.Л.* Даты рождения. С. 108–114), рассказа о волхвах в статье 1024 г. (о нем, впрочем, см. в разделе 7), «Поучения о князях Божиих» и рассуждения о силе крестной в статье 1068 г., повествований о Киево-Печерском монастыре (под 1051 и 1075 гг.). Однако я бы пока не стал придавать всему этому решающего значения.

Очевидно, что искомым древний источник $\sqrt{НК1}$ был текстуально родствен «классической» ПВЛ (ведь все уникальные чтения НК1 находятся в тексте, общем с ПВЛ). Ясно также, что интересующий нас текст имел, как и ПВЛ, погодную сетку, но, в то же время, некоторые его статьи были датированы иначе, чем в ПВЛ.

Обращает на себя внимание ряд характерных разночтений между ПВЛ и НК1, на которых я до сих пор не акцентировал внимания. Это указания на *времена года*, которые часто присутствуют в НК1, но отсутствуют в ПВЛ. Так, в статье 1026 г. только в НК1 говорится: «Тогда бѣше осень, и ту ся стрѣтоша...». В статье 1036 г. только в НК1 сказано: «веснѣ». В начале краткой статьи 1038 г. только в НК1 говорится: «Иде Ярослав к Киеву веснѣ, а на зиму...». Рассказ о походе на Византию (помещенный в НК1 под 1041 г.) начинается: «В лѣто 6549. Паки на весну...». Наконец, рассказ той же статьи о русско-польских взаимоотношениях начинается: «Тои же осени дасть Ярослав сестру свою за Казимира. И в та лѣта обидяше...», причем этих хронологических указаний в ПВЛ нет.

О чем свидетельствуют данные разночтения³⁰⁷? Я думаю, что это — остатки связного повествования, не разделенного на годы и использовавшего другие связки, в том числе указания на очередной наступивший сезон: осень, весну и т. д.³⁰⁸ Особенно характерны в этом отношении начала статей 1038 и 1041 гг., которые как будто и не требуют слов «В лѣто такое-то». Нечто подобное встречается и в летописном тексте за IX–X вв., причем в Н1мл. — больше, чем в «классической» ПВЛ.

Вообще, создается впечатление, что соотношение между ПВЛ и НК1 в тексте за первую половину XI в. в том, что касается хронологии, напоминает соотношение между ПВЛ и Н1мл. (отражающей Начальный свод³⁰⁹) в тексте за IX–X вв. Нельзя ли тогда предположить, что древний источник $\sqrt{НК1}$ — это не что иное, как Начальный свод? Ведь о том, как выглядел текст Начального свода после статьи 1016 г., чем именно отличался он от ПВЛ, мы доподлинно ничего не знаем³¹⁰.

Мог ли искомым источник быть еще более древним, чем Начальный свод 1090-х гг.? Считаю это маловероятным, поскольку в статье

³⁰⁷ А.А. Шахматов относил их на счет новгородского сводчика XI в., стремившегося «давать несколько более точные» хронологические определения (*Шахматов А.А. История*. Т. 1, кн. 1. С. 348).

³⁰⁸ Ср.: *Күзьмин А.Г. Начальные этапы*. С. 368; *Алешковский М.Х. Повесть временных лет*. С. 69.

³⁰⁹ См. примеч. 1.

³¹⁰ См. примеч. 207.

1041 (в ПВЛ — 1043) г. в НК1, как и в ПВЛ, Вышата назван «отцом Яневым». О смерти Яня в ПВЛ сообщается под 1106 г. и прямо говорится, что он был информантом летописца. В той же статье указан весьма преклонный возраст Яня (если верить летописцу — 90 лет), т. е. Вышата, по идее, мог быть обозначен как «отец Янев» и раньше, не только в 1090-х гг. Но все же наиболее вероятно, что это указание появилось под пером именно того летописца, который пользовался рассказами Яня как источником, т. е. в Начальном своде³¹¹. Конечно, в руках составителя √НК1 находились разные источники, и он теоретически мог заимствовать слова «отец Янев» из другой летописи, однако стал ли бы он специально вставлять это уточнение в переписываемый им текст (в целом явно взятый не из ПВЛ, а из искомого древнего источника), если в XV в. указание «отец Янев» мало кому что-то могло сказать? Итак, позволю себе осторожно предположить, что древним источником √НК1 был киевский Начальный свод 1090-х гг. Именно в нем, как представляется, содержались те избыточные чтения, которые отразились в НСГ, но были сокращены в ходе составления «классической» ПВЛ в начале XII в.

Почему эти чтения концентрируются в статьях 1020–1040-х гг., но почти исчезают в тексте за последующие годы? Могу предположить следующее. Со статьи 1049 г. в Н1мл. исчезают «пустые годы». Видимо, интересующий нас древний источник (предположительно, Начальный свод) был использован создателем √НК1 именно за те годы, за которые не хватало информации в его главном, *новгородском* источнике, т. е. за период между 1016 и 1049 гг. Наоборот, начиная со статьи 1049 г. создатель √НК1 в основном «переключился» на новгородский источник.

Вернемся теперь к вопросу о происхождении пяти уникальных известий НК1 о новгородских событиях 1020–1054 гг. Они приходятся примерно на тот же отрезок летописи, на котором видим избыточные чтения НК1 в рассказах об общерусских событиях. Думаю, что наиболее простое предположение будет состоять в том, что эти известия попали в √НК1 из того же древнего источника — предположительно, Начального свода.

В том, что Начальный свод был создан в Киеве, а эти пять известий касаются Новгорода, я не вижу никакого противоречия. И в ПВЛ, и, по-видимому, в Начальном своде было немало сообщений о Новгороде. Как говорилось в разделе 2, эти сообщения вряд ли про-

³¹¹См.: Гимон Т.В. Янь Вышатич.

исходят из новгородского письменного источника, но часть из них может восходить к рассказам Яня Вышатича, чьи предки были связаны с Новгородом, а также с новгородским князем Владимиром Ярославичем (Вышата был его воеводой, а вероятный отец Вышаты — Остромир — новгородским посадником³¹²). Среди известий о Новгороде, попавших в Начальный свод благодаря рассказам Яня, вполне могли оказаться и эти пять сообщений — впрочем, какие-то из них могли появиться в киевском летописании и на более ранних этапах.

На этом фоне кажется неслучайным сходство сообщений о том, как Владимир, его сын Ярослав и сын последнего Изяслав назначали править Новгородом, соответственно, Добрыню, Коснятина и Остромира:

980 г. (цит. по Лавр.): И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ <...> Володимеръ же посади Добрыну, уя своего в Новѣгородѣ, и пришедь Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородстии аки богу.

1018–1019 гг. (цит. по НК1): И Ярослав же съде в Киевѣ <...> [1019] <...> Коснятин же бѣше тогда в Новѣграде, и разгнѣвася на нь Ярослав, заточи и в Ростовѣ; на 3-е лѣто повелѣ убити его в Муромѣ на рѣцѣ Оцѣ.

1054 г. (цит. по НК1): И приде Изяслав к Новуграду и посади Остромира в Новѣградѣ. И иде Остромир с новгородци на чюдь, и убиша и чюдь, и много паде новгородцев с ним.

При этом первое из этих трех сообщений присутствует в «классической» ПВЛ, а второе и третье — только в НСГ. Параллелизм этих трех сообщений, равно как и их вписанность в своеобразную «линию воевод», пунктирно прослеживаемую в тексте Начального свода и связанную с воззрениями и представлениями Яня Вышатича, косвенным образом подтверждает мою мысль: сообщения НК1 о Коснятине (под 1020 г.) и Остромире (1054 г.) восходят к Начальному своду³¹³.

Но главный аргумент здесь, конечно, соображения научной экономии. Если большое число избыточных чтений НК1 в общерусских рассказах мы возвели к Начальному своду, то стоит ли для крайне немногочисленных избыточных новгородских известий (читающихся, к тому же, в той же части текста и частично вплетенных в рассказ об общерусских событиях!) изобретать какой-то отдельный, новгородский источник? Не проще ли предположить, что и эти пять «новгородских» сообщений восходят к киевскому Начальному своду?

³¹²См. примеч. 43.

³¹³*Гимон Т.В.* Янь Вышатич. На сходство этих трех сообщений ранее обращал внимание Л.А. Бассальго (*Бассальго Л.А.* Новгородские тысяцкие. Ч. 1. С. 41, примеч. 37).

Сообщения о Смоленске. Среди уникальных известий НК1 за XI — начало XII в. два касаются Смоленска: под 1054 и 1100 гг.

Под 1054 г. между общим с ПВЛ рассказом о смерти Ярослава Мудрого и уникальным сообщением НК1 об Изяславе и Остромире читается загадочное: «И по сем раздѣлиша Смоленскъ на три части». А.А. Шахматов считал, что эти слова относятся к событиям 1060 г., когда умер сидевший в Смоленске Игорь Ярославич; под 1060 г. это известие читается в Тв. и Ермолинской летописи³¹⁴.

Под 1100 г. в НК1 сообщается о закладке в Смоленске Успенского собора. Этого известия нет в ПВЛ по Лавр., Радз. и М.-А. спискам, равно как и в Н1мл., но оно имеется в Ипат. и Хлебн., правда, под 1101 г. (в конце статьи):

Таблица 14

Ипат.	НК1
В лѣто 6609. <...> В се же лѣто Володимерь заложи церковь у Смоленскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью.	В лѣто 6608. Володимерь князь <i>Манамах</i> заложи церковь святыа Богородица в Смоленсцѣ, марта 7, на Средохрестие.

Эти две версии содержат разную дополнительную информацию, находятся в разных годовых статьях³¹⁵, а совпадение формулировок в данном случае непоказательно: иначе о закладке церкви, пожалуй, и не скажешь. Поэтому нельзя исключать, что перед нами два независимых сообщения о данном событии. Запись Ипат.–Хлебн. входит в серию сообщений, отсутствующих в других списках ПВЛ и являющихся вставками третьей редакции ПВЛ (возможно, на каком-то этапе появившимися как глоссы на полях)³¹⁶. Других следов того, что сводчик √НК1 пользовался редакцией ПВЛ, сохранившей эти вставки, как будто нет³¹⁷.

Н.И. Милютенко отмечает, что в НК1 есть несколько сообщений, которые можно возвести к смоленскому источнику (под 1054, 1100, 1230, 1383, 1386, 1404 гг.)³¹⁸. Наверное, это действительно на данный

³¹⁴ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 349. См. также об этом сообщении: Кучкин В.А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ. 1985. № 11. С. 25–26.

³¹⁵ Средохрестье (среда четвертой недели Великого поста) выпадало на 7 марта в 1100, т. е. 6608 мартовском или 6609 ультрамартовском году.

³¹⁶ Об этой серии известий см.: Гиттиус А.А. К проблеме редакций. 2007. № 5. С. 36–37.

³¹⁷ Дополнительный южнорусский источник отразился в С1 (Милютенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 23–36), но как раз там данного известия нет.

³¹⁸ Милютенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 19, 43. Известия 1383, 1386 и 1404 гг.

момент наилучшее объяснение, хотя смоленских известий слишком мало, они слишком далеко разнесены во времени и (в случае с сообщением 1054 г.) слишком невняты, чтобы делать определенные выводы. Применительно к известию 1054 г. нельзя исключать и того, что оно — подобно другим избыточным чтениям НК1 за первую половину — середину XI в. — восходит к Начальному своду (или было припиской на полях его рукописи).

Как бы ни решать вопрос с известиями о Смоленске, если все остальное верно, уникальные сведения НК1 о событиях XI в. восходят в основном к двум источникам: *перечню новгородских (архи)епископов* (сообщения о владыках) и киевскому *Начальному своду* (пять известий о новгородских событиях 1020–1054 гг. и дополнения в общерусских рассказах 1020–1040-х гг.). Также вероятно, что в двух известиях (под 1020 и 1036 гг.) дополнительным источником послужил *перечень новгородских князей*, а еще в двух (1054 и 1100 гг.) — *какая-то смоленская летопись*.

Получается, что НК1 не дает нам оснований для предположения об обширном новгородском своде XI в. В то же время уникальные сведения НК1 по истории XI в. в большинстве своем вряд ли являются «подделкой» XV в. Наоборот, большинство из них восходит к источникам конца XI столетия — Начальному своду и новгородским перечням.

7. ДРУГИЕ ЛЕТОПИСИ НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКОЙ ГРУППЫ

Уникальных сообщений об XI в., которые бы отсутствовали в НК1, но при этом читались в других летописях НСГ, совсем немного. Рассмотрим каждое из них отдельно³¹⁹.

Под 1020 г. в С1 имеется краткое известие: «Того же лѣта побѣди великий князь Ярославъ Брячислава». Наверное, речь идет о том же событии, о котором говорится под 1021 г. во всех рассмотренных выше летописях, включая С1, а под 1020 г. сообщение попало по какой-то ошибке. Может быть, на каком-то этапе сложения текста это был заголовок на полях (что-то вроде «Побѣди Ярославъ Брячислава»), по

атрибутировал смоленскому источнику А.Г. Бобров (*Бобров А.Г.* Новгородские летописи. С. 108–109).

³¹⁹Рассматриваю пока только целые известия, но не отдельные детали (такие, например, как определение «Лютыи» в отношении Мстислава Владимировича под 1024 г. в НК2 и Н4).

небрежности переписчика попавший под соседний год. В дошедшей до нас рукописи НК (как и других летописей НСГ) имеется немало подобных заголовков, причем иногда они вписаны киноварью в конце строки, как бы в продолжение текста предыдущей статьи³²⁰. Правда, в интересующем нас месте (л. 248) в НК1 заголовка нет, но не было ли его в протографе?

Под 1024 г. в НК1, в отличие от «классической» ПВЛ, нет рассказа о подавлении Ярославом суздальского восстания в 1024 г. В НК2 имеется очень краткое упоминание об этом событии (не отмечающее ли пропуск в НК1?): «Ярослав Володимерич в Суждалѣ избѣ влѣхвы». В С1 и Н4 этот рассказ читается, причем с целым рядом избыточных подробностей в сравнении с ПВЛ³²¹. Характер разночтений здесь напояминает те, что видим между ПВЛ и НК1 в других рассказах за первую половину XI в.:

Таблица 15

Лавр.	С1
<p><i>В се же лѣто</i> вѣсташа волѣсви в Суждали, избиваху старую чадь къ дьяволу наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко «си держать гобино». Бѣ мятежь великъ и голодь по всеи тои странѣ. Идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша [жито]³²², и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздально, изымавъ волхвы расточи, а другыми³²³ показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладом, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничто же». И възвративъся Ярославъ приде Новугороду.</p>	<p><i>По семь же лѣтъ</i>³²⁴ вѣставше влѣсви лживиши в Суздали и избиваху старую чадь, бабы, по дьяволу учению и бѣсованию, глаголюще, яко «си держать гобино и жито, и голодь пуцають». И бѣ мятежь великъ и гладъ по всеи землѣ³²⁵ тои, яко мужу своя жена даяти, да кормятъ себѣ, челядиномъ³²⁶. Идоша по Волзѣ вси люди в Болгаре и привезоша пшеницю и жито, и тако от того ожиша. Слышавъ же князь великъ³²⁷ Ярославъ влѣхвы, прииде къ Суздально и, изымавъ убица ты, расточи, иже бабы избѣли, и дома ихъ разграби, а другыя³²⁸ показни. И устави ту землю, рекъ сице:</p>

³²⁰ См., например: РНБ. Ф. IV. 603. Л. 208, 214, 218–220, 230, 230 об., 244 об.

³²¹ В Н4 дублировка: подробный рассказ (как в С1), а в конце статьи — краткое известие (как в НК2).

³²² Из Ипат.

³²³ Радз., М.-А.: другыя.

³²⁴ Н4: «В се же лѣто».

³²⁵ В Н4: «странѣ», как в ПВЛ.

³²⁶ В Н4: «яко мужю своя жена даяти, да ю кормятъ себѣ, челядиномъ», что как будто яснее.

³²⁷ В Н4 нет, как в Лавр.

³²⁸ Н4: «другыми».

	<p>«Богъ наводит по грѣхомъ нашымъ на кую же землю гладом, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вѣсть ничто же. <i>Христость Богъ единъ есть на небесѣхъ</i>». [И възвратився Ярославъ прииде к Новугороду.]³²⁹</p>
--	---

В литературе высказывались разные мнения относительно соотношения этих двух редакций рассказа³³⁰. Наиболее аргументированные суждения высказали М.Н. Тихомиров и И.Я. Фроянов. Тихомиров считал уникальные известия НСГ вставками, сделанными частично по аналогии с рассказом ПВЛ о схожих событиях под 1071 г. («Тогда волхвы убивали „лучшие жены“, что и было перенесено в 1024 г.»), а частично — на основании общих представлений редактора (в НСГ «все дело сводится к голоду, во время которого мужья были вынуждены отдавать в кабалу своих жен», чем и воспользовались волхвы). В целом, по мнению Тихомирова, редакция НСГ — это не более чем «распространение и своеобразное осмысление» того, что написано в ПВЛ³³¹. И.Я. Фроянов, наоборот, основываясь на характеристике источников НСГ в работе Я.С. Лурье³³², считает вероятным наличие «древних источников» у уникальных дополнений НСГ³³³, хотя отмечает среди них и «позднейшие наслоения». К последним Фроянов относит сообщение о том, что мужчины отдавали своих жен в рабство. Значение в этом известии слова «челядин» «более соответствует историческим явлениям XIV–XV вв., нежели начала XI столетия», а фразе в целом свойственна «неуклюжая конструкция» и «некоторая смысловая аморфность»³³⁴. В то же время сообщения НСГ о том, что волхвы убивали женщин, а Ярослав — «устави ту землю», Фроянов считает аутентичными, соответствующими историческому контексту³³⁵.

Очень трудно сказать, какая из редакций этого рассказа первична. На первичность редакции НСГ как будто может указывать это необыч-

³²⁹Из Н4, в С1 — нет.

³³⁰Отсылки см.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 113–138; ПВЛ. С. 623.

³³¹*Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 93. Ср. также мнение А.А. Зимина о том, что слова НСГ «И устави ту землю» — «вставка, обобщающая предшествующую деятельность Ярослава в Суздальщине» (*Зимин А.А.* Правда Русская. С. 129–130).

³³²См. примеч. 267.

³³³*Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 114–116.

³³⁴Там же. С. 116–117. Еще один аргумент И.Я. Фроянова — отсутствие этой фразы в летописных сводах 1497 и 1518 гг. (Там же. С. 117).

³³⁵Там же. С. 130–136.

ный зачин этого рассказа в С1³³⁶: «По семь же лѣтъ» (ожидалось бы «В то же лѣто» или что-то подобное). Если это не случайность, то получается, что о восстании в Суздальской земле некогда говорилось как о событии, случившемся *после того года*, когда Мстислав сел в Чернигове, а Ярослав находился в Новгороде. Одно из двух: или формула «По семь же лѣтъ» восходит ко времени, когда летописный текст не имел еще погодной разбивки, или этими словами начиналась вставка (помещенная первоначально на остававшемся свободным месте в рукописи или же на вставном листе, а при последующей переписке попавшая в основной текст). О вставном характере данного рассказа писал А.А. Шахматов³³⁷, тогда как В.М. Истрин выразил здесь сомнения³³⁸. Если рассказ о волхвах действительно был некогда вставкой, то можно предположить, что версия НСГ восходит к тому этапу сложения Начальной летописи, когда эта вставка была уже введена в основной текст, но не была еще устранена нелогичная теперь формула «По семь же лѣтъ». В классической же ПВЛ эта формула была уже изменена, а сам рассказ — несколько сокращен. Гипотетичность всех этих соображений, впрочем, настолько высока, что решающего значения для наших рассуждений они иметь не могут.

Главный же аргумент в пользу первичности редакции С1–Н4 — сходство разночтений с таковыми в других рассказах за первую половину XI в., о которых шла речь в предыдущем разделе. Хотя и этот аргумент не абсолютен, наиболее вероятным кажется, что пространная редакция рассказа о волхвах 1024 г. восходит к Начальному своду³³⁹,

³³⁶В Н4 более обычное: «В се же лѣто».

³³⁷Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 134. Ср. также: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 141, примеч. 1; Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI в Повести временных лет // ИСССР. 1979. № 2. С. 140. Впрочем, соображения О.М. Рапова относительно действительной даты суздальских событий (по Рапову — 1032 г. — Там же. С. 139) вызвали сомнения (Щапов Я.Н. Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 141–142).

³³⁸Истрин В.М. Замечания. Т. 27. С. 59.

³³⁹Обращалось внимание на тесную связь данного рассказа с «Поучением о казнях Божиих», находящимся в ПВЛ под 1068 г. и тоже вставным (см., например: ПВЛ. С. 495). О «Поучении», которое, вероятно, принадлежит Феодосию Печерскому, см.: Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 104–111. Традиционное мнение (которое разделяю и я) состоит в том, что эти рассказы попали в летопись на этапе составления Начального свода (Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 127–128; Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // РЯНО. 2001. № 1. С. 206–208). См., впрочем, аргументы Д.А. Добровольского в пользу того, что эти вставки были сделаны уже создателем ПВЛ (Добровольский Д.А. «Теория казней Божиих»: От Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 144–154).

имелась в НК1, а в дошедшей до нас рукописи НК пропущена по какой-то случайности³⁴⁰.

Три сообщения НСГ, отсутствующих в НК1, связаны с Киево-Печерским монастырем. Под 1051 г. в НК2 и Н4 сообщается: «Начало Печерскому монастырю от Антония. А в Киев 3 пѣвци приидоша из Грекъ с роды своими» (первая часть этого известия соответствует рассказу ПВЛ о том, «чего ради прозвася Печерский монастырь», а вторая — оригинальна). В С1 то же находим под 1052 г. В НК2 и Н4 под 1055 г., после сообщения о вокняжении в Киеве Изяслава Ярославича, сказано: «При сем же Феодосии, игумен Печерский, бысть». В С1 схожее известие — под 1057: «Тогда бысть игумен печерский Феодосии». Под 1073 г. в НК2 и Н4 говорится о смерти Антония Печерского («Преставися Антонии, игумен Печерский, благословивъ и назнаменов церкви святя Богородица мѣсто»).

Прежде всего, стоит обратить внимание на расхождение между НК2–Н4 и С1 в датировке первых двух событий, равно как и на отсутствие третьего известия в С1. Думаю, все это означает, что записи о Киево-Печерском монастыре были первоначально приписками на полях и оттого по-разному отразились в разных сводах. Не является ли, кстати, весь чрезвычайно краткий текст НК2 за XI в. серией таких добавлений на полях (вероятно, на полях $\sqrt{\text{НК1}}$), переписанных позднее подряд, в виде второй «подборки»?

А.А. Шахматов считал источником первых двух из этих трех известий утраченное житие Антония Печерского³⁴¹. По мнению Ю.А. Артамонова, оснований возводить эти сообщения к житию Антония нет, а третье известие могло быть реконструкцией, сделанной на основе Киево-Печерского патерика (где сказано, что Феодосий преставится на второй год после смерти Антония)³⁴². Н.И. Милютенко отметила сходство второго из этих известий (о Феодосии) с русским продолжением «Летописца вскоре» патриарха Никифора («Изяславъ, сынъ его, лѣтъ 24, убьень бысть, при семь Федосии игумень Печерский бысть»³⁴³). По мнению Милютенко, известие заимствовано сводчи-

³⁴⁰Ср. явно механический пропуск этого же рассказа в Радз. и М.-А. (при том, что он есть и в Лавр., и в Ипат.-Хлебн.).

³⁴¹Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 201–202.

³⁴²Артамонов Ю.А. Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв. (история создания агиографических сочинений киево-печерской традиции): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 143 (благодарю автора за любезную консультацию).

³⁴³Пиотровская Е.К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора). СПб., 1998. С. 132.

ком XV в. из ростовской летописи — источника русского продолжения «Летописца вскоре»³⁴⁴. Впрочем, в равной мере оно могло быть взято и из самого этого продолжения. Как бы то ни было, эти три записи отражают интерес летописца (аннотатора?) XV в. к начальной истории Киево-Печерского монастыря и вряд ли могут быть возведены к новгородскому летописному источнику XI в.

Под 1065 г. в НК2 и Н4, а также в Тв., читается сообщение: «Князь Всеслав Полотский был у Пскова ратью, и перси биль пороки». В несколько иной редакции это известие есть в Псковской II летописи. Данное сообщение вряд ли может восходить к источнику XI в. Оно не только не вписывается ни в один из рядов известий, присутствующих в НК1 или Н1, но и содержит явные анахронизмы — упоминание псковских персей и такого осадного средства, как пороки. Вероятнее всего, известие 1065 г. было взято создателем √НК2 из псковского письменного или, скорее, устного источника. В любом случае оно вряд ли могло быть записано раньше 1337 г. (года сооружения псковских персей) и восходит к псковской устной традиции. Последняя, по-видимому, придавала важное значение тому, что Всеслав в следующем 1066 г. взял и разграбил Новгород, но при этом *не сумел* захватить Псков. Кстати, известие 1065 г., как и записи о Киево-Печерском монастыре, по-разному отразилось в разных летописях (в С1 пропущено, в Н4 — в конце годовой статьи, в Тв. — после другого известия 1065 г. о Всеславе). Не исключено поэтому, что и запись о походе Всеслава на Псков первоначально была глоссой на полях³⁴⁵.

Под 1078 г. НК2, С1 и Н4 обобщенно сообщают о битвах на Сожице и Нежатиной ниве, а также о гибели в них Изяслава Ярославича и других лиц. Известие в целом находит себе параллель в подробном рассказе ПВЛ о тех же событиях, однако концовка в НСГ уникальна: «И положиша Изяслава в святѣи Софии в Киевѣ. И бысть княжения его лѣт 24». Если продолжительность княжения Изяслава могла быть высчитана когда угодно³⁴⁶, то с информацией о месте его похорон все сложнее. О том, что Изяслав был похоронен в Софийском соборе, говорит также «Слово о полку Игореве», тогда как ПВЛ (тоже в статье 1078 г.) указывает на богородичную Десятинную церковь. Вопрос о месте похорон Изяслава обсуждался в связи с проблемой подлинности «Слова о

³⁴⁴ Милотенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 47.

³⁴⁵ См. подробнее: Гимон Т.В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого. С. 13–33.

³⁴⁶ И, кстати, указание на 24 года есть в русском продолжении «Летописца вскоре» патриарха Никифора, из которого могло быть взято известие о Феодосии Печерском (см. чуть выше).

полку Игореве». Так, А.А. Зимин считает, что информация НСГ имеет позднее происхождение, что ослабляет позиции сторонников подлинности «Слова»³⁴⁷. М.А. Шибаев и А.Г. Бобров полагают, что сообщение НСГ — результат неудачной интерпретации книжником XV в. соответствующего места в ПВЛ³⁴⁸. В.А. Кучкин, наоборот, настаивает на восхождении известия НСГ к новгородскому своду XI в.³⁴⁹ Как я стараюсь показать в этой статье, данных для гипотезы о новгородском своде XI в. у нас недостаточно, а известие о похоронах Изяслава к тому же отсутствует в НК1, т. е. не входит в основной массив уникальных сообщений НСГ о событиях XI в. Думаю, что известие о похоронах Изяслава в Софийском соборе или порождено простой ошибкой (летописец XV в., черпавший информацию из ПВЛ, по невнимательности перепутал два киевских храма), или как-то связано своим происхождением с сообщениями о Киево-Печерском монастыре, о которых шла речь выше, или же отражает какую-то еще традицию (устную? общую со «Словом о полку Игореве»?). Как бы то ни было, вряд ли есть основания считать сведения НСГ более достоверными, нежели известие ПВЛ о похоронах Изяслава в Десятинной церкви.

Под 1088 г. в НК2 и Н4 сообщается о перенесении мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари, что, согласно Н.И. Милютенко, заимствовано из Пролога³⁵⁰.

Под 1106 г. в НК2, С1 и Н4 в известии о войне с половцами к имени Яня добавлено: «Вышатича и брата его Путятю». Это чтение находит себе параллель в глоссе Ипат. списка, причем здесь, по-видимому, аннотатор Ипат. опирался на какую-то из летописей НСГ, а не наоборот³⁵¹. В.Ю. Аристов предположил, что данное дополнение является плодом реконструкции сводчика XV в.: этот сводчик посчитал, что тысяцкий Путятя (упомянут в ПВЛ под 1113 г.) должен был быть братом предыдущего упомянутого тысяцкого — Яня (1089 г.)³⁵². Так это или не так, трудно представить себе, из какого древнего источника могла бы быть взята эта информация — скорее, перед нами действительно результат размышлений летописца XV в.

³⁴⁷ Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 348–349.

³⁴⁸ См.: Бобров А.Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. Р. 247.

³⁴⁹ Кучкин В.А. «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...». Р. 87–101. См. также об этой дискуссии: Творогов О.В. Изяслав Ярославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. С. 278–280.

³⁵⁰ Милютенко Н.И. Южнорусская летопись. С. 29.

³⁵¹ См. подробнее: Гимон Т.В. Янь Вышатич.

³⁵² Аристов В.Ю. Из биографии Яня Вышатича // Ruthenica. Київ, 2010. Т. 9. С. 143–144.

Итак, из всех сообщений НСГ о событиях XI в., которых нет в НК1, к летописному источнику XI в., вероятно, восходит только пространная редакция рассказа о восстании волхвов 1024 г. (впрочем, и здесь нет уверенности). Остальные известия представляют собой, скорее всего, добавления книжника XV в. (на полях НК1?) и сделаны на основе разных источников (неверно понятого заголовка? русского продолжения «Летописца вскоре» патриарха Никифора? Пролога? и т. д.), устной традиции (как в случае с походом Всеслава на Псков) или собственных соображений книжника.

ВЫВОДЫ

Проделанная работа позволяет прийти к следующим выводам.

- 1) В середине XI в., после постройки в Новгороде каменного Софийского собора (заложен в 1045 г.), здесь стали делаться разрозненные анналистические записи (всего шесть сообщений за 1045–1079 гг., читающихся в Син.). Не исключено, что эти краткие анналы велись в продолжение аналогичных киевских записей, рукопись с которыми попала в Новгород после освящения нового собора. Если это верно, то краткие киевские анналы тоже нашли отражение в Син. (за 1017–1044 гг.), но этот тезис нуждается в дальнейшем обсуждении.
- 2) В киевский Начальный свод начала 1090-х гг. было включено немало сообщений о новгородских событиях XI в. (возможно, часть из них появилась на более ранних этапах сложения Начальной летописи). Создатель Начального свода (равно как и его предшественники) опирался не на какой-либо новгородский письменный источник, но на сообщения устных информантов. Одним из них, скорее всего, был Янь Вышатич, чьи предки были связаны с Новгородом и новгородским князем Владимиром Ярославичем.
- 3) После 1093 г. (около 1095 г.?) в Новгороде (или для Новгорода) была сделана копия киевского Начального свода. Текст до статьи 1016 г. включительно был скопирован полностью, а дальше он был продолжен очень краткой летописью, которую составили выписки из Начального свода и краткие новгородские (и киевские?) анналистические записи, о которых шла речь в пункте 1). Копию этого свода мы видим в Син.
- 4) В 1095 г. к новгородскому своду была сделана единственная при-

писка — запись о вокняжении в Новгороде Давыда (читается под этим годом в Син.).

- 5) В том же 1095 г. в Новгороде были созданы перечни-обзоры киевских и новгородских князей, а также, вероятно, новгородских епископов. Эти перечни были не простым перечислением имен, но краткими нарративами, своего рода обзорами истории киевского и новгородского княжений и новгородской епископской кафедры. Список посадников был, вероятно, впервые составлен в 1160-х гг., но, может быть, и раньше, в 1110-х. Перечни в дальнейшем пополнялись (в частности, в 1160-х гг. и в XIV–XV вв.) и дошли до нас в целом ряде рукописей XV в. (в том числе в статье 989 г. Н1мл.).
- 6) В 1114 или 1115 г. новгородский свод 1090-х гг. был вновь пополнен по киевскому источнику и новгородским припоминаниям: в нем появились статьи за самый конец XI — начало XII в. В дальнейшем эта летопись стала пополняться новыми записями регулярно. Новгородское владычное летописание (НВЛ) продолжалось до XV в., причем, вероятно, в той же самой рукописи.
- 7) В 1160-х гг., по убедительной гипотезе А.А. Гиппиуса, была переработана начальная часть НВЛ (текст до 1074 г. включительно). За основу был взят текст свода 1090-х гг., однако были пополнены перечни, добавлена Краткая Правда (под 1016 г.), вставлен ряд сообщений об истории Новгорода эпохи строительства Софийского собора (за 1044–1060 гг.; вероятно, на основе устной традиции и даже — в случае с самой Софией — искусственного конструирования), добавлены статьи 1051–1074 гг. из ПВЛ.
- 8) В начале XV в., в ходе работы над древнейшим пластом НСГ (√НК1), были использованы, наряду с новгородской летописью и летописью типа Лавр., новгородские перечни и Начальный свод. Из первого источника была взята информация о епископах XI в., из второго — прочие уникальные (т. е. отсутствующие в ПВЛ или Н1) сведения о новгородских и общерусских событиях первой половины — середины XI в.
- 9) Впоследствии в летописях НСГ появилось еще несколько известий о событиях XI в. (отсутствующих в НК1, но имеющих в НК2, Н4 и/или С1). Из них только одно (пространная редакция рассказа о восстании волхвов 1024 г.) может восходить к Начальному своду, а остальные, скорее всего, возникли под пером книжника XV в. или были основаны на нелетописных (иногда устных) источниках.

Таким образом, на мой взгляд, нет оснований соглашаться с идеей А.А. Шахматова и других исследователей о том, что в Новгороде в XI в. был составлен обширный летописный свод, «осколками» которого являются все сведения о ранней истории Новгорода, находящиеся в киевских, новгородских, московских и т. д. сводах, а также перечнях. Подлинными *новгородскими* записями XI в. являются, на мой взгляд, только немногочисленные сообщения о ранних новгородских событиях Син., а также начальные фрагменты перечней князей и архиепископов. Остальные летописные сведения о ранней новгородской истории либо записаны в Киеве (сообщения ПВЛ и часть уникальных известий НК1), либо взяты более поздними книжниками (1160-х гг., XV в.) из тех же перечней, устной традиции или собственных реконструкций.

ПРИЛОЖЕНИЕ. «ГРАМОТА», «ПРАВДА» И «УСТАВ» ЯРОСЛАВА В СОСТАВЕ ЛЕТОПИСЕЙ

Полученные выводы позволяют обратиться к одному из «больных» вопросов историографии — о Краткой Правде (включенной в Н1мл. под 1016 г.³⁵³) и «Ярославлих грамотах». Крестоцелование новгородских князей «на всех грамотах Ярославлих» известно с XIII в.³⁵⁴ Не вполне ясно, имеют ли эти «Ярославли грамоты» отношение к тем «правде», «уставу» или «грамоте» Ярослава Мудрого, о которых говорится в известиях за XI в. (и вообще к Ярославу Мудрому), а также к Русской Правде. Скорее, мы имеем дело с разными временными срезами одной и той же традиции, весьма важной для Новгорода как политического образования³⁵⁵. Попробую посмотреть на эту традицию в свете сделанных в настоящей работе текстологических выводов. На

³⁵³Историография Краткой Правды, включенной в Н1мл. под 1016 г. и по другим рукописям не известной, огромна. Вопрос об остоятельствах создания этого документа и его отдельных частей (Правды Ярослава, Правды Ярославичей, Покона вирного и Урока мостникам) решается по-разному — от доверительного отношения к имеющимся в летописях датам, таким как 1016, 1019/1020 или 1034/1036 г., до идеи о том, что вся Краткая Правда — книжный конструкт XV в. (*Толочко А.П.* Краткая редакция). Важное место в исследованиях о Краткой Правде занимает вопрос о времени ее попадания в летопись и о ее месте в истории летописания. Позволю себе, в виду обширности этой литературы, обойтись здесь без историографического обзора (см., например, отсылки в работах: *Зимин А.А.* Правда Русская. С. 31–150; *Толочко А.П.* Краткая редакция. С. 46–53, 104–110 и др.).

³⁵⁴Наиболее ранние упоминания см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 67, 68, 70. Сводку данных и подробную историографию вопроса см.: *Петров А.В.* От язычества к святой Руси: Новгородские убоицы: К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 63–87.

³⁵⁵См., например: *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001. С. 4–5 и др. Но ср.: *Толочко А.П.* Краткая редакция. С. 105–110.

мой взгляд, историю летописных сообщений о «грамоте», «правде» и «уставе» Ярослава можно реконструировать следующим образом.

1) В киевском Начальном своде 1090-х гг. (а может быть — и в более раннем его источнике) под 1036 г. читалось (цитирую по НК1):

И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новѣградѣ, и епископа постави Жириятю; и людемъ написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дайте дань». И бяше хромоног, но умъ бяше добръ в немъ, и храбръ на рати, и христианъ, понеже чтяше самъ книги.

Возведение этого *новгородского* (по содержанию) сообщения к *киевскому* Начальному своду может показаться натяжкой. Однако, во-первых, в Начальном своде и ПВЛ было много сообщений о Новгороде (см. раздел 2). Во-вторых, я делаю этот вывод в отношении не только данного известия, но значительного комплекса избыточных чтений НСГ за первую половину — середину XI в. (см. раздел 6). Наконец, в-третьих, тот вид, который имеет данная статья в ПВЛ, как кажется, вторичен в сравнении с процитированным только что (по НК1): в ПВЛ после слова «Жидятю» читается (похоже, не на своем месте) известие о рождении Вячеслава Ярославича, а затем снова речь идет о Новгороде.

Таким образом, в представлении киевского летописца конца XI в. Ярослав, посадив в Новгороде своего старшего сына Владимира, издал некую грамоту, регулировавшую, как следует из текста, выплату новгородцами дани³⁵⁶. Возможно, здесь, как и во многих сообщениях Начального свода, летописец воспользовался рассказом информанта-новгородца или человека, как-то связанного с Новгородом. На роль такого информанта может претендовать Янь Вышатич, чей отец был воеводой новгородского князя Владимира Ярославича и, вероятно, сыном новгородского посадника Остромира³⁵⁷.

2) В древнейшем перечне новгородских князей (созданном, по моей гипотезе, в 1095 г.) читалось:

...И потомъ разгнѣваясь Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сеи грамотѣ ходите».

Следовательно, новгородский книжник конца XI в. представлял себе дело примерно таким же образом, как киевский автор Начального

³⁵⁶Предполагалось, что эта грамота может быть отождествлена с Поконом вирным, входящим в состав Краткой Правды (см.: *Гринёв Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // *НИС.* 1989. Вып. 3 (13). С. 29–32; *Зимин А.А.* Правда Русская. С. 126–132).

³⁵⁷См. примеч. 43.

свода. Не исключено, что Начальный свод (вероятно, попавший в Новгород примерно тогда же, когда был составлен список князей, — см. в разделе 4) и послужил здесь источником перечня, хотя не обязательно: в конце XI в. это представление вполне могло быть общим и для Киева, и для Новгорода и, вполне естественным образом, могло быть зафиксировано независимо в схожих формулировках.

3) В новгородском своде 1090-х гг. (в первоизданном виде сохранился в Син.) статья 1016 г. заканчивалась словами:

...а Ярослав иде Киеву, и съде на столѣ отца своего Володимира. И нача вое свое дѣлити: старостаѣ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородьчемъ по 10 вѣмъ; и отпусти я домовъ вся.

Ни о какой «грамоте» здесь не говорилось (т. е., наверное, для книжника конца XI в. это был *другой* эпизод новгородской истории), однако этому эпизоду придавалось значение важного рубежа. Если до этого сводчик более или менее полно воспроизводил текст Киевской летописи, то со статьи 1017 г. свод 1090-х гг. (и Син.) — это очень краткая летопись. В разделе 4 я предположил, что новгородский сводчик считал этот момент началом собственной, новгородской, отдельной от Киева истории — и именно поэтому перестал копировать полный текст киевской летописи.

4) Согласно убедительному выводу А.А. Гиппиуса, новгородский сводчик 1160-х гг. (результат его работы видим в Н1мл.), перерабатывая текст НВЛ (т. е., по моей гипотезе, свода 1090-х гг.), решил поместить под 1016 г. Краткую Правду³⁵⁸. Очевидно, сводчик 1160-х гг. тоже осознавал это место летописи как рубежное, и после приведенных чуть выше слов добавил³⁵⁹:

И давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по се грамоте ходите, а юже списах вамъ, такоже держите».

Следом был помещен текст Краткой Правды. Формулировка, ее предвещающая, напоминает те, что мы видели в Начальном своде и перечне, однако опять же не обязательно усматривать здесь прямое заимствование: речь может идти о формуле, хорошо известной новгородской устной традиции того времени. Как бы то ни было, сводчик

³⁵⁸ Гиппиус А.А. К истории. С. 59–63.

³⁵⁹ По мнению А.А. Шахматова, поддержанному А.А. Гиппиусом, окончание статьи 1016 г. в том виде, в каком оно читается в Н1мл., существовало уже в новгородском своде XI в. (Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 338–339, 440 [по Шахматову, после этих слов следовал текст недошедшей до нас Ярославовой грамоты, причем так было уже в источнике новгородского свода 1050 г. — новгородской летописи 1017 г.]; Гиппиус А.А. К истории. С. 60–61). По-моему, однако, у нас нет достаточных оснований ни для гипотезы о таком своде, ни для того, чтобы считать этот вид статьи 1016 г. восходящим к XI в.

1160-х гг. *удревнил* в сравнении с Начальным сводом и перечнем дарование Ярославом «грамоты» (с вокняжения Владимира Ярославича к победе Ярослава над Святополком, т. е. на 20 лет) и — главное — вместо грамоты, регулирующей дань (как в Начальном своде), или грамоты неопределенного содержания (как в перечне) в новгородской летописи появился вполне конкретный текст — Краткая Правда. Мне кажется разумной идея И.А. Стратонова, Н.Н. Гринёва и А.А. Гиппиуса о том, что Краткая Правда как целое и возникла впервые под пером сводчика 1160-х гг.³⁶⁰ Впрочем, три из четырех составных частей Краткой Правды, вероятно, изначально были связаны с Новгородом³⁶¹. Поэтому, наверное, эти документы и прежде хранились в Новгороде, а сводчик 1160-х гг. связал их с событиями 1016 г. на основании своих внелетописных (изустных?) знаний или собственных соображений.

5) В начале XV в. создатель $\sqrt{НК1}$, имея под рукой и Начальный свод, и перечень князей, и НВЛ (в том виде, в каком она вышла из-под пера сводчика 1160-х гг.), соединил их материал. В результате возникла дублировка: о даровании новгородцам «грамоты» в НК1 сообщается дважды, под 1020 и 1036 гг. Статья 1020 г. представляет собой результат соединения окончания статьи 1016 г. НВЛ (и Н1мл.), которое было перенесено сюда, очевидно, из-за общей переработки статей о событиях 1015–1019 гг., и известия Начального свода о Коснятине³⁶². Не исключено, что на идею объединить данные два сообщения в одной

³⁶⁰ См.: *Гиппиус А.А.* К истории. С. 62–63.

³⁶¹ См., например: *Гринёв Н.Н.* Краткая редакция; *Зимин А.А.* Правда Русская. С. 89–98, 126–132; *Никольский С.Л.* «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // *Ярослав Мудрый и его эпоха.* М., 2008. С. 55–67.

³⁶² А.А. Шахматов и Я.С. Лурье полагали, что в первом Новгородско-Софийском своде (в моей терминологии — $\sqrt{НК1}$) здесь должен был читаться текст Краткой Правды, как в Н1мл., поскольку Русская Правда читается и в восходящей к этому своду С1 (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 338, примеч. 1; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи. С. 208). Я, однако, согласен с А.Г. Бобровым, который не видит такой необходимости, поскольку Русская Правда, читающаяся на этом месте в С1, — это совсем другой текст, добавленный уже московскими книжниками (*Бобров А.Г.* Новгородские летописи. С. 104–105). А.П. Толочко (основываясь на моей стемме [*Гимон Т.В.* Редактирование. С. 119] и на том, что Тв. явно восходит к тексту, в котором, как и в С1, была Пространная Правда) полагает, что последняя читалась в общем протографе НСГ и Н1мл., тогда как вариант Н1мл. (с Краткой Правдой) вторичен (*Толочко А.П.* Краткая редакция. С. 106–108). Моя стемма, однако, была составлена применительно к тексту за XIII в., где Тв. совершенно независим от НСГ и близок к НВЛ–Н1мл. Напротив, в части за XI в. Тв. имеет очевидные черты сходства с НСГ, и особенно с С1. Как бы это ни объяснять (вопрос нуждается в дальнейшем изучении), полагаю, что Пространная Правда под 1019 г. — это, скорее, черта С1, а не какого-то из более ранних новгородских сводов.

статье сводчика √НК1 натолкнуло их соседство в перечне. В результате в √НК1 получился такой текст:

В лѣто 6528. Начя Ярослав вои своя дѣлити: старостамъ по 10 гривен, а смердом по гривнѣ, а новгородцем по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти я в дома своя, и дав имъ правду и устав, списав грамоту, ркуше: «По сеи грамотѣ ходите; якоже списах вамъ, такоже дръжите». Коснятин же бѣше тогда в Новѣграде, и разгнѣвася на нь Ярослав, заточи и в Ростовѣ; на 3-е лѣто повелѣ убити его в Муромѣ на рѣцѣ Оцѣ.

Под 1036 г. создатель √НК1, по-видимому, просто скопировал соответствующее известие Начального свода (вместе со всей статьей 1036 г.).

6) Впоследствии книжники по-разному обходились с этими сообщениями. Н4 под 1020 г. дает примерно тот же текст, что и НК1 (и тоже без текста самой Правды), а статья 1016 г. заканчивается словами «О правдѣ. Правда Руская», что показывает знакомство создателя Н4 не только с √НК1, но и с Н1мл.³⁶³ В С1 нет заголовка статьи 1020 г., т. е. тот текст, который в НК1 составляет эту статью, в С1 является продолжением статьи 1019 г. Между прямой речью Ярослава и словами «Коснятинъ же бяше» в С1 вставлены Пространная Правда и Закон судный людем, причем это уже «московский по происхождению комплекс статей»³⁶⁴. Сохранилось в Н4 и С1 и известие о «грамоте» 1036 г.³⁶⁵ Изучение судьбы этого сюжета в летописании XV в. и более позднем уже не входит в задачи настоящей статьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С.Н. К изучению Иоакимовской летописи // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.

Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Аристов В.Ю. Из биографии Яня Вышатича // Ruthenica. Київ, 2010. Т. 9. С. 141–144.

³⁶³ *Бобров А.Г.* Новгородские летописи. С. 105.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ В С1 — под 1034 г.

Аристов В.Ю. Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // УІЖ. 2011. № 6. С. 172–182.

Артамонов Ю.А. Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв. (история создания агиографических сочинений киево-печерской традиции): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Бассальго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. 1 // НИС. 2008. Вып. 11 (21). С. 33–67.

Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 15–35.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Бобров А.Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. Р. 238–298.

Бубнова М.М. Проблема классификации древнерусских надписей-граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // Источниковедческие исследования. М., 2012. Вып. 5 (в печати).

Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // Ruthenica. Київ, 2003. Т. 2. С. 108–114.

Вилкул Т.Л. «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003. С. 36–40.

Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. Р. 5–35.

Вилкул Т.Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. Р. 56–116.

Гимон Т.В. К характеристике летописного перечня новгородских посадников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия: Докл. Третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 128–136.

Гимон Т.В. Как велась новгородская погодная летопись в XII веке? // ДГ, 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 316–352.

Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 112–125.

Гимон Т.В. К вопросу о новгородском летописании XI — начала XII в. // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: Восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 63–69.

Гимон Т.В. Происхождение текста Синодального списка Новгородской I летописи за 1017–1115 гг. // ДР. 2009. № 3 (37). С. 21–22.

Гимон Т.В. Новгородские перечни князей и архиепископов как исторический источник (сведения за XI в.) // Новгородика-2010: Вечевой Новгород: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 20–22 сентября 2010 г. В. Новгород, 2011. Ч. 2. С. 65–77.

Гимон Т.В. Пометы в рукописях Новгородской I летописи // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М., 2011. С. 179–204.

Гимон Т.В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф., 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 13–33.

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

Гимон Т.В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // ДГ. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2012 (в печати).

Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47.

Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200.

Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 345–364.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181.

Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // RL. 2002. Vol. 26. P. 63–126.

Гиппиус А.А. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII века // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 66–76.

Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (киевскому Начальному своду): Текст, язык, источники // РЯНО. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус А.А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 121–135.

Гринёв Н.Н. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42.

Добровольский Д.А. «Теория казней Божиих»: От Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 144–154.

Дубровин Г.Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // ДР. 2007. № 1 (27). С. 45–59.

Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 233–287.

Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.

Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957.

Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 45–102; 1924. Т. 27. С. 207–251.

Кустерёв С.Н. Ссылки на киевский источник в тексте Софийской I летописи // ВЕДС-ХП: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 71–76.

- Клосс Б.М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. XI–XX.
- Круглова Т.В.* О сроках новгородского княжения Мстислава Великого // ДР. 2007. № 1 (27). С. 15–20.
- Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ. 1985. № 11. С. 19–35.
- Кучкин В.А.* «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ...» // РМ. 1995. Т. 8, 1. Р. 87–113.
- Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лихачёв Д.С.* «Устные летописи» в составе Повести временных лет // ИЗ. 1945. С. 201–224.
- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
- Лукин П.В.* Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // СР. 2007. Вып. 7. С. 32–39.
- Лукин П.В.* События в Киеве в 1069 г. и «рыночные собрания» в Древней Руси и у западных славян // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 324–333.
- Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора, XI–XIV века. М., 1978.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.
- Мельникова Е.А.* Гостомысл // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М. (в печати).
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: К истории названия «варяг» // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011. С. 153–171.
- Милютенко Н.И.* Описание боев как свидетельство о летописце // Бомбардир. СПб., 2000. № 9. С. 30–31.
- Милютенко Н.И.* Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 586–606.

Милютенко Н.И. Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // ЛХ, 2008. М.; СПб., 2008. С. 11–51.

Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978.

Михеев С.М. «Святополкъ съдѣ в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.

Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора, ч. II // ДР. 2010. № 3 (41). С. 74–84.

Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? М., 2011.

Михеев С.М. Когда был построен Софийский собор в Киеве? // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 231–243.

Молчанов А.А. Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Ист. 1974. № 6. С. 81–87.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 259–407.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А.В. Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. 2002. № 2. С. 128–139.

Накадзава А. Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма, 2006.

Никольский С.Л. «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55–67.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Петров А.В. От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы: К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.

Петров Д.А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999.

Петрухин В.Я. Гостомысл: К истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20–23.

Печников М.В. Новгородское княжение Глеба Святославича // Новгородика-2008: Вечевая республика в истории России: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. В. Новгород, 2009. Ч. 1. С. 58–75.

Пиотровская Е.К. Византийские хроники IX века и их отражение в

памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора). СПб., 1998.

Поппэ А.В. А.А. Шахматов и спорные начала русского летописания // ДР. 2008. № 3 (33). С. 76–85.

Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

Прозоровский Д.И. О родстве св. Владимира по матери // Зап. Имп. Акад. наук. СПб., 1864. Т. 5.

Прохоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. 1977. Вып. 32. С. 165–198.

Прохоров Г.М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 137–205.

Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI в Повести временных лет // ИСССР. 1979. № 2.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Подол: Проблеми топографії, стратегії, хронології. Київ, 1991.

Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

Сенигов И.П. Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева. М., 1887.

Сивак С.И. О деревянной Софии в Новгороде // RM. 1992. Т. 7, 1. P. 9–15.

Соловьёв С.М. Соч. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен, т. 3–4.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение. 2-е изд., доп. [А.Ф. Бычковым]. СПб., 1882.

Стендер-Петерсен А.И. Остромир — Вышата — Янь: Генеалогическая заметка // For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his sixtieth birthday, 11 October 1956. The Hague, 1956. P. 531–539.

Старостина И.П. Поучение Луки Жидяты, епископа новгородского, к братии // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 117–120.

Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1–230.

Творогов О.В. Изяслав Ярославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. С. 278–280.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 103–104.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 3-е изд. СПб., 2008.

Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. Москва; Киев, 2005.

Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165.

Толочко А.П. Краткая редакция *Правды Русской*: Происхождение текста. Київ, 2009.

Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.

Троцкий И.М. Возникновение Новгородской республики // Изв. Академии наук СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 4. С. 271–291; № 5. С. 349–374.

Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

Хорошев А.С. Летописные списки новгородских владык // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142.

Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 183–305.

Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТО-ДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9–150.

Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1, кн. 1–2.

Шибяев М.А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394.

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Щавелев А.С. К датировке протографа перечня князей «Кто колько княжил» // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 332–337.

Щавелев А.С. К социокультурному контексту интеллектуальных занятий в Древней Руси // *Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джексона.* М., 2011. С. 483–490.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004.

Щапов Я.Н. Восточнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1.

Щапов Я.Н. Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 153–181.

Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11.

Łowmiański H. Z nowszych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego // *Kwartalnik Historyczny.* 1953. R. 9, Nr 3. S. 233–243.

Müller L. К критике текста и переводу *Повести временных лет* // *RL.* 2006. P. 401–436.

Ostrowski D. The Načal'nyj svod and the Povest' vremennyx let // *RL.* 2007. Vol. 31. P. 269–308.

Poppe A. Opowieść latopisaraska o wyprawie «na greków» w 1043 roku: Jej redakcje i okoliczności powstania // *Slavia orientalis.* Warszawa, 1967. R. 16, Nr 4. S. 349–362.

Poppe A., Jakubowski W. Latopisarstwo Nowgorodu Wielkiego // *Słownik Starożytności Słowiańskich.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. T. 1. S. 27–28.

Poppe A. On the So-Called Chersonian Antiquities // *Poppe A. Christian Russia in the Making.* Aldershot etc., 2007. P. 71–105.

РЕЗЮМЕ

В работе анализируются сообщения новгородских летописей и перечней об истории Киевской Руси XI — начала XII в. Более столетия тому назад А.А. Шахматов предположил, что в Новгороде в середине XI в. был составлен летописный свод, который впоследствии пополнялся и к которому так или иначе восходит большинство сведений о ранней истории Новгорода, читающихся как в «Повести временных лет», так и в новгородских летописях. Многие ученые поддерживали эту гипотезу, хотя высказывались и альтернативные предположения. Новое рассмотрение летописных источников ведет к следующим выводам.

1) Сообщения о Новгороде, читающиеся в составе «Повести временных лет», не восходят к какому-либо новгородскому письменному источнику; напротив, они записаны в Киеве со слов устных информантов. 2) Перечни киевских и новгородских князей, а также перечень новгородских (архи)епископов, сохранившиеся в ряде рукописей XV в., восходят к очень древним протографам. Полагаю, что основа всех трех перечней возникла в конце XI в. (вероятно, в 1095 г.), а впоследствии они неоднократно пополнялись. 3) Синодальный список Новгородской I летописи отражает новгородский свод 1090-х гг., который впоследствии стал пополняться регулярно (новгородская владычная летопись). Основным источником этого свода был киевский Начальный свод 1093 г. (предшественник «Повести временных лет»), а дополнительным послужили краткие анналистические записи, делавшиеся в Новгороде в 1045–1079 гг., возможно — в продолжение аналогичных киевских записей за первую половину XI в. 4) Новгородская I летопись младшего извода содержит лишь несколько оригинальных сообщений о событиях XI в., которые попали в летопись под пером новгородского сводчика 1160-х гг. Часть этих сообщений (о строительстве Софийского собора) — искусственные построения этого сводчика, другие, возможно, были взяты им из устной традиции. 5) Немало оригинальных сообщений о событиях XI в. находится в летописях Новгородско-Софийской группы (Новгородской Карамзинской, Софийской I, Новгородской IV). Древнейший пласт этих текстов представлен в первой подборке Новгородской Карамзинской летописи.

си, где находим большинство из интересующих нас известий. Проведенный анализ показал, что они в основном восходят к двум источникам: дошедшему до нас перечню (архи)епископов (который сам имел протограф конца XI в.) и киевскому Начальному своду 1093 г. Из последнего были взяты как особые редакции рассказов об общерусских событиях первой половины XI в., так и некоторые сообщения о Новгороде. Возможно, дополнительными источниками сводчику начала XV в. послужили перечень новгородских князей и какая-то смоленская летопись. 6) В других (кроме Новгородской Карамзинской) новгородско-софийских летописях тоже есть ряд оригинальных сообщений о событиях XI в. Большинство из них, наверное, восходят к нелетописным источникам, устной традиции или являются реконструкциями сводчиков XV в.

Таким образом, скорее всего, никакого новгородского свода середины XI в. не было. Только краткие записи делались в это время в Новгороде, а в 1090-х гг. был составлен свод, основанный на киевском материале, а также на этих записях. Тогда же были созданы перечни князей и епископов. И свод 1090-х гг., и перечни впоследствии пополнялись. Большая же часть сообщений о Новгороде XI в., читающихся в известных нам источниках, была или записана в Киеве в XI в., или в Новгороде, но позднее — в 1160-х гг. и в XV в.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, источниковедение, летописи, «Повесть временных лет», Начальный свод, Новгородская I летопись, Новгородско-Софийские летописи, перечни князей и епископов.

SUMMARY

The paper is dedicated to an analysis of the other (besides the *Kievan Primary Chronicle*, the *Povest' vremennykh let*) sources' narrations of the eleventh- and early twelfth-century history of Kievan Rus. These other sources are all connected with Novgorod. Alexey Shakhmatov supposed more than a century ago that there was a mid-eleventh-century Novgorodian chronicle compilation from which much of the information contained both in the *Privmary Chronicle* and in the Novgorodian sources originates. This hypothesis was supported by several later scholars, though some alternative ideas were also expressed. The revision of the evidence leads to the following conclusions.

1) The information on Novgorod contained in the Kievan *Primary Chronicle* had no Novgorodian written source, on the contrary, it was provided by oral informants. 2) The lists of Kievan and Novgorodian princes, as well as the list of bishops of Novgorod (which survive in some fifteenth-century manuscripts), go back to very early lists composed in the late eleventh century (probably in 1095), which were updated in the 1160s and later. 3) The *Synodal MS.* (the *Elder version* of the *First Novgorodian Chronicle*) reflects an annalistic compilation of the 1090s, which was later updated at intervals and became the archiepiscopal annals of Novgorod. Its sources for the eleventh century were the Kievan *Initial Compilation* of 1093 (the predecessor of the *Primary Chronicle*) and short Novgorodian annalistic notes for 1045–1079 (which, perhaps, were a continuation of similar Kievan notes of the first half of the eleventh century). 4) The *Younger version* of the *First Novgorodian Chronicle* (represented by two main mid-fifteenth-century manuscripts) has only a few original notes on the eleventh-century events which were composed by the Novgorodian compiler of the 1160s. Some of them (concerning the construction of St Sophia cathedral of Novgorod) were the compiler's artificial reconstructions, others could be based on oral tradition. 5) One finds a lot of original notes on the eleventh-century events in the so-called Novgorodian-Sophian group of chronicles of the fifteenth century (the *Novgorodian Karamzin Chronicle*, the *First Sophian Chronicle*, the *Fourth Novgorodian Chronicle*). The core of these texts is well represented by the first part of the *Novgorodian Karamzin Chronicle*, which contains the majority of such original notes. Their analysis leads to the conclusion that these notes are based mostly on two sources: the episcopal list of Novgorod (which, as it was said above, had a late eleventh-century exemplar) and the Kievan *Initial Compilation* of 1093. The latter provided the fifteenth-century compiler with some additional details in the narrations on Southern events as well as with some notes on the events in Novgorod. Additional sources could be the list of princes of Novgorod and some annals of Smolensk. 6) Other Novgorodian-Sophian chronicles contain only a few original notes on early events, most of which probably go back to non-annalistic sources, oral tradition, or reconstructions of the fifteenth-century chroniclers.

Thus, we see that there was no Novgorodian chronicle compilation of the mid-eleventh century. Only short annalistic notes were made in Novgorod in that time, and in the 1090s an annalistic compilation (based on Kievan material and on these notes) was created as well as lists of princes and bishops. Both, the annalistic compilation and the lists, were updated later, in the twelfth century. Most of the information on eleventh-century

Novgorod we find now in the chronicles was written down either in Kiev, or later in Novgorod (in the 1160s and in the fifteenth century).

Key words: Ancient Rus, Novgorod, source criticism, chronicles, *The Primary Chronicle*, *Initial Compilation*, *The First Novgorodian Chronicle*, Novgorod-Sophia chronicles, lists of princes and bishops.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ — Археологічні дослідження в Україні
Акад. — Академический список Новгородской I летописи
АКР — Археологическая карта России.
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВМУ — Вестник Московского университета.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г. — Древнейшие государства Восточной Европы). М.
ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 157.
ДР — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК — Известия археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории и материальной культуры. Л.
ИЗ — Исторические записки. М.; Л.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.; Пг.; Л.

- Ипат. — Ипатьевская летопись (или собственно Ипатьевский список) // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / А.А. Шахматов.
- ИСССР — История СССР. (с 1992 г., № 2 — Отечественная история). М.
- Ком. — Комиссионный список Новгородской I летописи
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- ЛА — Летопись Авраамки
- Лавр. — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Е.Ф. Карский. Л., 1926.
- ЛХ — Летописи и хроники. М.; СПб.
- М.-А. — Московско-Академическая летопись
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- Н1 — Новгородская I летопись
- Н1мл. — Новгородская I летопись младшего извода
- Н4 — Новгородская IV летопись
- НВЛ — Новгородская владычная летопись
- Ник — Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1862. Т. IX.
- НИС — Новгородский исторический сборник. Л.; СПб.
- НК — Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись.
- НК1 — первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
√НК1 — протограф НК1 (древнейший пласт НСГ)
- НК2 — вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
- НПЛ — Новгородская I летопись старшего и младшего извода / А.Н. Насонов. М., 1950; 2-е репр. изд. 2000.
- НПЛ ст. — Новгородская I летопись старшего извода (то же, что Син.)
- НПЛ мл. — Новгородская I летопись младшего извода
- НСв. — Начальный свод
- НСГ — Новгородско-Софийская группа летописей (НК, С1, Н4)
- ОИ — Отечественная история (до 1992 г. — История СССР). М.
- ПВЛ — 1) «Повесть временных лет»;
2) Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е испр. и доп. / М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
- ПРП — Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1952–1953. Вып. 1–2.

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2004. Т. 1–43. (репринт отдельных томов: М., 1997–).
- РА — Российская археология. М.
- Радз. — Радзивилловская летопись (Радзивилловский список) // ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- РЯНО — Русский язык в научном освещении. М.
- С1 — Софийская I летопись
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- Син. — Синодальный список НПЛ ст.
- СР — Средневековая Русь. М.
- СЭ — Советская этнография. М.
- Тв. — Тверской сборник, или Тверская летопись
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Л., СПб.
- УІЖ — Український історичний журнал. Київ
- Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
- APH — Acta Poloniae Historica. Warszawa
- HUS — Harvard Ukrainian Studies
- MGH — Monumenta Germaniae Historica
- RL — Russian Linguistics. Dordrecht
- RM — Russia mediaevalis. München

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Е.А. Мельникова</i>)	3
I. Славяне накануне образования Древнерусского государства	
<i>А.М. Обломский.</i> Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э.	10
<i>Е.А. Шинаков.</i> Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства	34
<i>А.В. Григорьев.</i> Население междуречья Днестра и Дона в VIII — первой половине XI в.	94
<i>А.В. Комар.</i> Поляне и северяне	128
<i>А.А. Горский.</i> О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь	192
II. На путях к восточнославянской государственности	
<i>Н.Н. Крадин.</i> Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии	211
<i>Е.А. Мельникова.</i> Европейский контекст возникновения древнерусской государственности	240
<i>В.С. Нефедов.</i> Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным	270
III. Формирование государственной инфраструктуры	
<i>А.Н. Бондарь.</i> Укрепленные пункты на территории междуречья Днестра и нижнего течения Десны в конце IX — X в.	300
<i>Н.И. Платонова.</i> Древнерусские погосты — новая старая проблема	328
<i>В.В. Мурашева.</i> Актуальные проблемы исследования Гнездова	389
	707

А.А. Фетисов. «Дружинная культура» Древней Руси 406

IV. Древняя Русь и ее соседи

В.Я. Петрухин. Финские племена и призвание варягов 437

С.Г. Кляшторный. Степные империи древних кочевников
Центральной Азии (этапы политогенеза) 448

Т.М. Калинина. Хазарское государство — кочевая империя?
(по сведениям письменных памятников) 464

А.С. Щавелев. Печать византийского патрикия и переводчика
Сфена 482

V. Древнерусская письменная культура в период образования государства

Т.В. Рождественская. Эпиграфические памятники на Руси в
эпоху становления государственности 489

П.С. Стефанович. «Сказание о призвании варягов» или
Origo gentis russorum? 514

Т.В. Гимон. События XI — начала XII в. в новгородских ле-
тописях и перечнях 584

Список сокращений 704

CONTENTS

Preface (<i>E.A. Melnikova</i>)	3
I. Eastern Slavs on the Eve of the Emergence of the Old Russian State	
<i>A.M. Oblomskiy</i> . The Population Structure of the Forest-Steppe Dnieper Region in the 7 th Century B.C.	10
<i>E.A. Shinakov</i> . The Tribes of Eastern Europe before and during the Formation of Ancient Rus'	34
<i>A.V. Grigorjev</i> . The Population of the Dnieper and Don Interfluve in the Eighth to the First Half of the Eleventh Century	94
<i>A.V. Komar</i> . Poliane and Severiane	128
<i>A.A. Gorskiy</i> . On the Stage of Development of East Slavic Soci- ety on the Eve of the Emergence of Ancient Rus'	192
II. On the Paths to East Slavic Statehood	
<i>N.N. Kradin</i> . The Formation of State in Old Rus' in the Light of Political Anthropology	211
<i>E.A. Melnikiova</i> . The European Context of the Emergence of the Old Russian Statehood	240
<i>V.S. Nefedov</i> . The Smolensk Dnieper Region and the Dvina Re- gion under the Formation of the Old Russian State According to Archaeological Data	270
III. The Formation of the State Infrastructure	
<i>A.N. Bondar'</i> . Fortified Settlements between the Dnieper and Lower Desna in the Late Ninth to Tenth Century	300
<i>N.I. Platonova</i> . Old Russian Pogosts — a New Old Problem . . .	328
<i>V.V. Murashova</i> . Topical Problems in the Investigation of Gnez- dovo	389
<i>A.A. Fetisov</i> . «Brigade Culture» of Old Rus'	406
	709

IV. Ancient Rus' and its Neighbours

<i>V.Ja. Petrukhin.</i> Fennic Tribes and the Calling-in of the Varangians	437
<i>S.G. Kljashtorniy.</i> Steppe Empires of Ancient Nomads of Central Asia (Stages of Politogenesis)	448
<i>T.M. Kalinina.</i> Was the Khazar State a Nomadic Empire? (According to the Information of Written Sources)	464
<i>A.S. Schavelev.</i> The Seal of Byzantine Patrikios and Interpreter Sfen	482

V. Old Russian Literary Culture in the State Formation Period

<i>T.V. Rozhdestvenskaja.</i> Old Russian Epigraphic Monuments of the Times of State Formation	489
<i>P.S. Stefanovich.</i> "The Legend of the <i>Calling-in of the Varangians</i> " or <i>Origo Gentis Russorum</i> ?	514
<i>T.V. Guimon.</i> The Eleventh- and the Early Twelfth-Century Events in Novgorodian Chronicles and Lists	584
Abbreviations	704

Научное издание

**Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год:
Предпосылки и пути образования
Древнерусского государства**

Верстка *А.М. Крюков*

Подписано в печать 00.00.2012 г. 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 45 п. л. Тираж 0000 экз. Заказ № 0000

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-snd-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография „Наука“»